

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2015

№ 1
(51)

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2015 № 1 (51)

Выходит с 2003 г. ежеквартально

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В. доктор юридических наук, профессор,
начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н. доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета
МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Агафонов Ю.А. доктор философских наук, кандидат юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ,
председатель Контрольно-счетной палаты Краснодарского края

Аврутин Ю.Е. доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры административного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

Антонян Ю.М. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

Баев О.Я. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, академик РАЕН, профессор кафедры
криминалистики Воронежского государственного университета

Борчашвили И.Ш. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
Казахстана, академик КазНАЕН, директор ГУ «Центр судебной
экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан» (Казахстан)

Волков Ю.Г. доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, директор Института по переподготовке и повышению
квалификации Южного федерального университета

Гилинский Я.И. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Голик Ю.В. доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
правовых средств борьбы с преступностью
Европейского института JUSTO

Головненков П.В. доктор права, главный научный сотрудник кафедры
уголовного права Потсдамского университета (Германия)

Зайцев О.А. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, почетный работник высшего профессионального
образования РФ, проректор по научной работе
Московской академии экономики и права

- Ищенко Е.П.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Камышанский В.П.** доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член РАЮН, заведующий кафедрой гражданского права Кубанского государственного аграрного университета
- Кибальник А.Г.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета
- Клейберг Ю.А.** доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, президент Международной академии ювенологии и Международной академии социальной работы, профессор факультета психологии Московского государственного областного университета
- Курдюк П.М.** доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края
- Ларичев В.Д.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России
- Лукашов А.И.** кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Беларусь)
- Мацкевич И.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Союза криминалистов и кримиологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Меретуков Г.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани, заслуженный юрист Республики Адыгея, заведующий кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета
- Миндагулов А.Х.** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан)
- Наумов А.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
- Подшибякин А.С.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России
- Понятовская Т.Г.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

- Пудовочкин Ю.Е.** доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия
- Рарог А.И.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Рассказов Л.П.** доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета
- Сапрунов А.Г.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета
- Стариков Ю.Н.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета
- Тупанчески Н.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Университета «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония)
- Хелльманн У.** доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Потсдамского университета (Германия)
- Шалин В.В.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Ганченко И.О.** доктор педагогических наук, профессор, первый заместитель начальника КрУ МВД России
- Важенин В.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД КрУ МВД России
- Вишневецкий К.В.** доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права КрУ МВД России
- Герасимов А.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса КрУ МВД России
- Грицай В.В.** кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Денисенко В.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Жеребцов А.Н.** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
- Карнаушенко Л.В.** доктор исторических наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы КрУ МВД России

- Кубякин Е.О.** доктор социологических наук, начальник кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Лозовский Д.Н.** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса КрУ МВД России
- Мятченко И.В.** кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков КрУ МВД России
- Нарыков Н.В.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Натура Д.А.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры предварительного расследования КрУ МВД России
- Палазян А.С.** доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства КрУ МВД России
- Пахомов С.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики КрУ МВД России
- Рычкалова Л.А.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КрУ МВД России
- Самойлов С.Ф.** доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Сизоненко А.Б.** кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры информационной безопасности КрУ МВД России
- Таганова А.А.** кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики КрУ МВД России
- Труфанов М.Е.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
- Фатальникова Е.В.** кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета КрУ МВД России
- Яковлев В.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии КрУ МВД России

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Краснодарский университет МВД России

РЕДАКЦИЯ:

М.Ю. Савченко, Е.С. Малько, Н.К. Алексаньян

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

Российская Федерация, 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128

Тел.: +78612583596

Web-сайт: sl.krdu-mvd.ru

Электронный адрес: society_and_law@mail.ru

© Краснодарский университет МВД России, 2015

SOCIETY AND LAW

2015 № 1 (51)

Published since 2003 quarterly

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V. Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N. Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

EDITORIAL COUNCIL:

Agafonov Yu.A. Doctor of Philosophy, Master of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of Control Audit Chamber of Krasnodar Region

Avrutin Yu.E. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of a Chair of Administrative Law of the St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

Antonyan Yu.M. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Baev O.Ya. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of a Chair of Criminalistics of the Voronezh State University

Borchashvily I.Sh. Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Kazakhstan, Academician of Kazakh National Academy of Natural Sciences (KNANS), Director of SI «Center of Judicial of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan» (Kazakhstan)

Volkov Yu.G. Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Director of the Institute for Refresher of the Southern Federal University

Gilinsky Ya.I. Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology, Criminal-executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation

Golik Yu.V. Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Legal Meanings of Fight with Criminality of the European Institution JUSTO

Golovnenkov P.V. Doctor of Law, Chief Science Worker of a Chair of Criminal Law of the Potsdam University (Germany)

- Zaitsev O.A.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice Rector on Scientific Work of the Moscow Academy of Economics and Law
- Ishchenko E.P.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of a Chair of Criminalistics of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Kamyshansky V.P.** Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Science Worker of Kuban, Full Member of the Russian Academy of Law Sciences (RALS), Head of a Chair of Civil Law of the Kuban State Agrarian University
- Kibalnik A.G.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University
- Klayberg Yu.A.** Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, Honored Science and Education Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the International Academy of Juvenology and the International Academy of Social Work, Professor of the Faculty of Psychology of the Moscow State Regional University
- Kurdyuk P.M.** Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region
- Larichev V.D.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia
- Lukashov A.I.** Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Belarus)
- Matskevich I.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, President of the Union of Forensic Scientists and Criminologists, Professor of a Chair of Criminology and Criminal-executive Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Meretukov G.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of Kuban, Honored Lawyer of the Republic of Adygeya, Head of a Chair of Criminalistics of the Kuban State Agrarian University
- Mindagulov A.Kh.** Doctor of Law, Professor, Chief Science Worker of the Kazakh National University of Al-Faraby (Kazakhstan)
- Naumov A.V.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

- Podshibyakin A.S.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Professor of a Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry
- Ponyatovskaya T.G.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Pudovochkin Yu.E.** Doctor of Law, Professor, Head of Department of Criminal Law Researches of the Russian State University of Justice
- Rarog A.I.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honorary Lawyer of Moscow, Head of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Rasskazov L.P.** Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University
- Saprunov A.G.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University
- Starilov Yu.N.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Administrative and Municipal Law of the Voronezh State University
- Tupanchesky N.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia)
- Hellmann U.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Potsdam University (Germany)
- Shalin V.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Head of a Chair of Sociology and Culturology of the Kuban State Agrarian University

EDITORIAL BOARD:

- Ganchenko I.O.** Doctor of Pedagogics, Professor, First Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Vazhenin V.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Vishnevetsky K.V.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Gerasimov A.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Civil Law and Civil Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Gritsay V.V.** Master of History, Assistant Professor, Head of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

- Denisenko V.V.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Zherebtsov A.N.** Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Karnaushenko L.V.** Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Kubyakin E.O.** Doctor of Sociology, Head of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Lozovsky D.N.** Doctor of Law, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Myatchenko I.V.** Master of Philology, Assistant Professor, Head of a Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Narykov N.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Natura D.A.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Palazyan A.S.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Pakhomov S.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Rychkalova L.A.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Samoilov S.F.** Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Sizonenko A.B.** Master of Technics, Assistant Professor, Head of a Chair of Information Security of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Taganova A.A.** Master of Psychology, Assistant Professor, Head of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Truphanov M.E.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Fatalnikova E.V.

Master of Sociology, Assistant Professor,
Scientific Secretary of an Academic Council
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Yakovlev V.V.

Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminology
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

FOUNDER:

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

EDITION:

M.Yu. Savchenko, E.S. Malko, N.K. Aleksanyan

ADDRESS OF THE PUBLISHER OF EDITION:

Russian Federation, 350005, Krasnodar region, Krasnodar, Yaroslavskaya street, 128
Tel.: +78612583596
Web-site: sl.krdu-mvd.ru
e-mail: society_and_law@mail.ru

© Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, 2015

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	19	CHIEF EDITOR`S COLUMN
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	20	THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE
Карнаушенко Л.В. Государственная молодежная политика как инструмент противодействия тенденциям деформации правосознания российской молодежи	20	Karnaushenko L.V. The state youth policy as a tool of counter-trends deformation of legal consciousness of the Russian youth
Грицай В.В. Основные тенденции развития государственной политики в отношении советской молодежи и проявления неформальной культуры в ее среде в первое послевоенное десятилетие	25	Gritsay V.V. The main trends in the development of state policy regard to the Soviet youth and manifestations of informal culture in its environment in the first postwar decade
Дудоров Т.Д. Развитие института уголовного преследования в российском законодательстве с 1864 по 1917 год	30	Dudorov T.D. Development of the institute of criminal pursuit in the Russian legislation from 1864 through 1917
Калиниченко А.И. Проблема легитимации княжеской власти в домонгольской Руси	34	Kalinichenko A.I. The problem of legitimation of princely power in pre-mongol Rus
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	40	CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW
Жеребцова Е.Е., Злищева Л.А. К вопросу о необходимости активизации процесса формирования конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации	40	Zherebtsova E.E., Zlishcheva L.A. About the need of activating of formation process of the constitutional (authorized) justice in subjects of the Russian Federation
Досакаев А.Б. Бесписьменные языки коренных малочисленных народов Северного Кавказа: конституционно-правовой анализ	45	Dosakaev A.B. Unwritten languages of indigenous peoples of the North Caucasus: the constitutional and legal analysis
Ерофеев И.М. О роли Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод в системе европейского права и ее значении для Российской Федерации	50	Erofeev I.M. The role of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the European system of Human Rights and its significance for the Russian Federation
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	55	CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS
Маркин А.В. К вопросу о роли актов гражданского состояния в динамике современных правоотношений	55	Markin A.V. To the question of the role of acts of civil status in dynamics of modern legal relationship

Трошина И.О. Правовые средства в механизме действия частного права	59	Troshina I.O. Legal means in the mechanism of action of private law
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	63	CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE
Игнатов А.Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения	63	Ignatov A.N. Passion as a fundamental component of the motive of the criminal conduct
Сидоренко Э.Л. Вооруженное хулиганство: парадоксы криминализации	69	Sidorenko E.L. Armed hooliganism: paradoxes of criminalization
Улезько С.И. Понятие предмета в преступлениях против собственности в современном уголовном праве	75	Ulezko S.I. The concept of the subject of crimes against property in the modern criminal law
Аванесян В.В. Уголовно-правовые средства борьбы с бытовой коррупцией	79	Avanesyan V.V. Criminal means against domestic corruption
Вертепова Т.А. Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны	85	Vertepova T.A. Honor, dignity and reputation as the objects of criminal law protection
Куфлева В.Н. Вопросы разграничения организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) со смежными составами преступлений	89	Kufleva V.N. Questions of differentiation of organizing a criminal community (criminal organization) or participation in it from other crimes
Мирошниченко Н.В. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния, при исполнении профессиональных функций	94	Miroshnichenko N.V. Reasonable risk as a circumstance excluding the criminality of the act in the performance of professional functions
Паршина И.А. Развитие российского законодательства, регулирующего охрану рыбных запасов	99	Parshina I.A. The development of the Russian legislation governing the protection of fish stocks
Стешич Е.С. Ответственность за убийство в государствах общей и континентальной правовых семей (очерк сравнительного правоведения)	104	Steshich E.S. Responsible for murder in the states of general and continental legal families (comparative law essay)
Чуб И.С. Сравнительно-правовой анализ дифференциации уголовной ответственности за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, по законодательству зарубежных стран	110	Chub I.S. Comparative-legal analyses of the differentiation of criminal responsibility for manufacturing, storage, transportation or sales of goods and products, execution of works or services does not meet the security requirements of the laws of foreign countries

<p style="text-align: right;">Антохина А.Б.</p> <p style="text-align: center;">Правовое регулирование мер уголовно-правового характера в российском дореволюционном законодательстве XIX – начала XX века</p>	116	<p>Antokhina A.B.</p> <p>Legal regulation of measures of criminal law in the Russian pre-revolutionary legislation of XIX – early XX century</p>
<p style="text-align: right;">Бадло М.С.</p> <p>Проблема применения международного уголовного права в вооруженных конфликтах внутригосударственного и международного характера</p>	119	<p>Badlo M.S.</p> <p>The problem of application of international criminal law in armed conflict of domestic and international character</p>
<p style="text-align: right;">Вдовиченко К.Г.</p> <p style="text-align: center;">Уголовная ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования</p>	124	<p>Vdovichenko K.G.</p> <p>Criminal liability for multiple violations of the established order of organization or holding of assembly, meeting, demonstration, procession or picket</p>
<p style="text-align: right;">Галушкова В.В.</p> <p style="text-align: center;">Проблемы правовой регламентации специального условия освобождения от уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков</p>	129	<p>Galushkova V.V.</p> <p>The problems of legal regulation of the special condition for exemption from criminal liability for unlawful acts committed with drugs</p>
<p style="text-align: right;">Емцева К.Э.</p> <p style="text-align: center;">Компаративный анализ уголовного законодательства об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем</p>	132	<p>Emtseva K.E.</p> <p>Comparative analysis of the criminal law on liability for the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means</p>
<p style="text-align: right;">Капитонова О.С.</p> <p style="text-align: center;">Соотношение понятий «организованная группа» и «преступное сообщество»</p>	139	<p>Kapitonova O.S.</p> <p>Ratio of the concepts «organized group» and «criminal community»</p>
<p style="text-align: right;">Науменко О.П.</p> <p style="text-align: center;">К вопросу об объекте незаконных организации и проведения азартных игр</p>	143	<p>Naumenko O.P.</p> <p>To a question on object of the illegal organization and conduct of gambling</p>
<p style="text-align: right;">Петухов Е.В.</p> <p style="text-align: center;">Разграничение незаконного образования юридического лица (статья 173¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) с иными преступлениями, связанными с созданием организаций</p>	148	<p>Petukhov E.V.</p> <p>The distinction between illegal legal entity (article 173¹ of Criminal code of the Russian Federation) and other crimes, associated with the creation of organizations</p>
<p style="text-align: right;">Торозова Е.А.</p> <p style="text-align: center;">Субъект преступлений в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: проблемы уголовно-правовой регламентации и систематизации</p>	153	<p>Torozova E.A.</p> <p>The crime committer in the sphere of illicit trafficking in firearms, ammunition, explosives substances and explosive devices: problems of the criminal law regulating and systematization</p>
<p style="text-align: right;">Хисамова З.И.</p> <p style="text-align: center;">Понятие и сущность преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики</p>	157	<p>Khisamova Z.I.</p> <p>The concept and essence of the crimes encroaching on information security in the economic sphere</p>

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	162	THE PREVENTION OF CRIMINALITY
Вишневецкий К.В. Классификация виктимологических ситуаций	162	Vishnevetsky K.V. Classification victimological situations
Квашис В.Е., Морозов Н.А. Особенности причинного комплекса преступности в Японии (методологический аспект)	164	Kvashis V.E., Morozov N.A. The features of the causal complex of crime in Japan (methodological aspect)
Руденко А.Н., Завьялова Н.Ю. Актуальные вопросы предупреждения детской токсикомании	170	Rudenko A.N., Zavyalova N.Yu. Topical issues of prevention of child drug abuse
Гурницкий А.В. Бедность с позиций криминологии	174	Gurnitsky A.V. Poverty from the standpoint of criminology
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	182	CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS
Машовец А.О. К вопросу о допустимости применения полиграфа для получения показаний в судебном следствии	182	Mashovets A.O. On the problem of the possibility of using a polygraph to take testimony in the court proceedings
Меретуков А.Г. Условие использования доказательств в процессуальных решениях по уголовным делам	187	Meretukov A.G. The use of evidence in procedural solutions in criminal cases
Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в состязательной системе уголовно-процессуальных доказательств	192	Pastuhov P.S. «Electronic evidence» in the adversarial system of criminal procedure proof
Рудич В.В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности	197	Rudich V.V. The use of remand in custody of suspects and accused persons in the field of business and other economic activities
Бутаев М.Я. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по делам о преступлениях террористической направленности	203	Butaev M.Ja. On the use of the results of operatively-search activity in proving in cases of terrorist crimes
Эсендилов М.В. О некоторых вопросах соблюдения прав обвиняемого при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу	208	Esendirov M.V. About some issues of respecting the rights of accused in case of imprisonment as a form of restrictive measure

<p style="text-align: right;">Устов Т.Р.</p> <p>Особенности производства иных процессуальных действий, предназначенных для получения доказательств</p>	214	<p>Ustov T.R. Peculiarities of production other procedures used for obtaining evidence</p>
<p style="text-align: center;">РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ</p>	219	<p>DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES</p>
<p style="text-align: right;">Гусев А.В.</p> <p>Актуальные направления криминалистического исследования механизма реализации познаний специалиста</p>	219	<p>Gusev A.V. Current trends in forensic studies of realization of mechanism of specialist knowledge</p>
<p style="text-align: right;">Данильян Э.С.</p> <p>Особенности проведения допросов и опросов в целях проверки розыскных версий</p>	224	<p>Danilyan E.S. The peculiarities of carrying out of interrogation and examination in the aim of searching versions control</p>
<p style="text-align: right;">Еремченко В.И., Щуров Е.А.</p> <p>Современное представление о незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции</p>	230	<p>Eremchenko V.I., Schurov E.A. Present view of illegal business activities in the turnover of agricultural products</p>
<p style="text-align: right;">Цимбал В.Н.</p> <p>Некоторые вопросы использования сотрудниками полиции информационных технологий</p>	233	<p>Tsimbal V.N. Some questions the use of information technologies by police officers</p>
<p style="text-align: center;">СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ</p>	238	<p>JUDICIAL AND PROSECUTORIAL ACTIVITIES</p>
<p style="text-align: right;">Павликов С.Г., Флейшер Н.Б.</p> <p>О примирении как функции судебной деятельности</p>	238	<p>Pavlikov S.G., Fleischer N.B. About reconciliation as a function of judicial activities</p>
<p style="text-align: center;">ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ</p>	242	<p>LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY: HISTORY AND PRESENT</p>
<p style="text-align: right;">Затолокин А.А.</p> <p>Глобализация как одна из тенденций эволюции терроризма</p>	242	<p>Zatolokin A.A. Globalization as one of tendencies of evolution of terrorism</p>
<p style="text-align: center;">АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС</p>	245	<p>ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS</p>
<p style="text-align: right;">Зиборов О.В.</p> <p>Административно-правовая регламентация военного положения (от возникновения до середины XIX века)</p>	245	<p>Ziborov O.V. Administrative-legal regulation of martial law (from inception to the middle of the XIX century)</p>

Губенков А.О. Становление и развитие института, наделенного административно- правовыми полномочиями по допуску водителей к участию в дорожном движении в России	251	Gubenkov A.O. The formation and development of the institution with administrative and legal authority for the admission of drivers to participate in traffic in Russia
Конев С.И. Электронная форма реализации административных регламентов предоставления публичных услуг	256	Konev S.I. Electronic form of implementation of the administrative regulations on the provision of public services
Черкасова И.В. Содержание административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия и современные тенденции развития законодательства в указанной сфере	259	Cherkasova I.V. The content of administrative and legal regimes to manage objects of cultural heritage and modern trends of development of legislation in this area
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ	262	ACTUAL QUESTIONS OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
Клейберг Ю.А. Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология	262	Klayberg Yu.A. Deviant behavior: syntagma, ontology, epistemology
Верстов В.В., Верстова М.В. Этнопсихологические особенности курсантов образовательной организации МВД России	270	Verstov V.V., Verstova M.V. Ethnopsychological features of the cadets of educational organization of the Ministry of the Interior of Russia
Деева Н.А. Рефлексивные механизмы переживания: роль в жизнедеятельности человека и методика исследования	275	Deeva N.A. Reflexive mechanisms of experience: role in the feeling of human life and research methodology
Карабаш Д.В. Готовность преподавателя к коррекции агрессивного поведения у курсантов вузов МВД России	281	Karabash D.V. The readiness of the lecturer to correct aggressive behavior of the cadets of high schools of the Ministry of the Interior of Russia
Нетребко Е.Э. Влияние индивидуально-психологических качеств и стиля руководителя на морально-психологический климат в коллективе	286	Netrebko E.E. The influence of the individual psychological qualities and head style on the moral psychological climate in a collective
Николаенко А.В. Зоны деятельности работников опасных производственных объектов как предмет психолого-педагогического исследования	291	Nikolaenko A.V. Zone of activity of workers of dangerous industrial objects as a subject of psychological and pedagogical research

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ	296	QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE
Бондаренко Г.И., Берсиров Т.Б. Формирование правосознания современного рабочего	296	Bondarenko G.I., Bersirov T.B. Formation of legal consciousness of the contemporary working
Родимушкина О.В., Черникова И.А., Яковлев О.В. Социальная напряженность и протестная активность в России	300	Rodimushkina O.V., Chernikova I.A., Yakovlev O.V. Social tensions and protest potential in the Russian Federation
Рябченко Е.В. Идеология экстремизма как средство социального управления	305	Ryabchenko E.V. Ideology of extremism as mean of social management
Мозговой В.Э. Информационный экстремизм в условиях глобализации и информатизации социума	309	Mozgovoy V.E. Information extremism in the conditions of globalization and informatization of society
Оздиев А.С. Ценностный мир человека как объект социологического исследования	314	Ozdiev A.S. World of values of man as an object of sociological research
Скобликов Р.В., Устименко В.О. К вопросу о парадигмальном анализе глобализации как исторического процесса	318	Skoblikov R.V., Ustimenko V.O. To a question of the paradigm analysis of globalization as historical process
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ	322	ECONOMY QUESTIONS
Измеров А.И. Модернизация российской экономики в контексте глобализации мировой рыночной системы	322	Izmerov A.I. Modernization of the Russian economy in context of globalization of world market system
Чокаева Н.О. Теоретическое обоснование мотивов предпринимательской активности	326	Chokaeva N.O. Theoretical justification of motives of entrepreneurial activity
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	331	MODERN PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION
Кузнецов А.И., Литвин Д.В. Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел по профессии «Полицейский»: от подготовки к образованию	331	Kuznietsov A.I., Litvin D.V. Primary vocational training of police officers: from basic training to education

Латышов И.В. Судебно-баллистическая диагностика в системе учебной дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза»	337	Latyshov I.V. Forensic and ballistic diagnostics in «Forensic ballistics and forensic ballistics analysis» subject
КОНФЕРЕНЦИИ	341	CONFERENCES
Сорокожердъев В.В., Константиныди Х.А., Зинченко Н.В. Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: реальные императивы динамического социоэкономического развития	341	Sorokozherdiev V.V., Konstantinidy Ch.A., Zinchenko N.V. Economic and legal aspects of the implementation strategy for the modernization of Russia: real imperatives of dynamic of social and economic development
Сорокожердъев В.В., Попова А.С., Спирина С.Г. Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России и сопредельных государств на постсоветском пространстве	346	Sorokozherdiev V.V., Popova A.S., Spirina S.G. Economic and legal aspects of the implementation strategy for the modernization of Russia and neighboring countries in the post-Soviet space

Уважаемые коллеги!
Представляем Вашему вниманию очередной выпуск научно-практического журнала «Общество и право».

В рубрике «Теория и история права и государства» следует отметить статью Т.Д. Дудорова «Развитие института уголовного преследования в российском законодательстве с 1864 по 1917 год», в которой автор анализирует ретроспективу зарождения и развития института уголовного преследования, используя периодизацию принятия знаковых уголовно-процессуальных актов на определенном историческом отрезке развития государства.

В рубрике «Конституционное и муниципальное право» интерес читателей, на наш взгляд, вызовет работа Е.Е. Жеребцовой и Л.А. Злищевой «К вопросу о необходимости активизации процесса формирования конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации». В статье исследуются предпосылки и основные тенденции становления и развития конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, выявлены причины, препятствующие процессу их формирования. На основе анализа данных статистики и практической деятельности органов конституционного (уставного) правосудия субъектов Российской Федерации, функционирующих на современном этапе государственно-правового строительства, делается вывод о необходимости создания данного института во всех российских регионах, что требует изменения правового регулирования в исследуемой сфере.

Из всего многообразия статей, представленных в рубрике «Уголовная политика: теория и практика», хотелось бы отметить исследование А.Н. Игнатова «Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения», в котором осуществлен анализ проблемы мотивации преступного поведения в криминологическом и психологическом и теологическом научном дискурсивном поле.

В рубрике «Уголовное судопроизводство» следует выделить статью А.О. Машовец

«К вопросу о допустимости применения полиграфа для получения показаний в судебном следствии». В статье анализируется перспектива использования в судебном следствии полиграфа при проведении судебных допросов.

В рубрике «Раскрытие и расследование преступлений» внимание читателей привлечет работа Э.С. Данильян «Особенности проведения допросов и опросов в целях проверки розыскных версий», в которой рассматриваются сходство и различия между допросом и опросом, тактические особенности проведения допросов и опросов в целях проверки розыскных версий.

В рубрике «Административное право и административный процесс» представлена статья С.И. Конева «Электронная форма реализации административных регламентов предоставления публичных услуг», посвященная одному из аспектов правового регулирования деятельности системы органов исполнительной власти посредством новых информационных технологий, а именно электронной форме реализации административных регламентов.

Интересные исследования содержатся в рубрике «Актуальные вопросы психологии и педагогики».

В частности, необходимо выделить научную статью Ю.А. Клейберга «Девиянтное поведение: синтагма, онтология, эпистемология». Автор рассматривается синтагма девиантного поведения как систематизированная и логически выверенная система знаний, полученных на базе разных парадигм. Отмечается, что девиантологическая наука с точки зрения онтологии и эпистемологии выступает сегодня в виде социального куматоида – волнообразных форм организации научного познания и образцов продуктов науки. Это и есть то, что передается, воспроизводится и развивается в науке за счет механизма новаций и нововведений. Анализируются различные научные направления, подходы и теории, с помощью которых изучается феномен девиаций, девиантного поведения.

Приглашаем всех читателей к плодотворному творческому сотрудничеству.

**С уважением,
главный редактор
доктор юридических наук, профессор
начальник Краснодарского
университета МВД России
генерал-майор полиции
А.В. Симоненко**

Карнаушенко Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612585079)

Государственная молодежная политика как инструмент противодействия тенденциям деформации правосознания российской молодежи

Деформация правосознания российской молодежи имеет в своей основе множество факторов, одним из основных является противоречивая государственная молодежная политика, проводимая в 1990-х – 2000-х гг. Автор анализирует современное состояние государственной молодежной политики в аспекте ее влияния на различные элементы духовной культуры общества, в том числе на правосознание подрастающего поколения.

Ключевые слова: молодежь, право, правосознание, деформация правосознания, государственная молодежная политика.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

The state youth policy as a tool of counter-trends deformation of legal consciousness of the Russian youth

Deformation of legal consciousness of the Russian youth is based on many factors, one of the main is controversial state youth policy in the 1990s – 2000s. The author analyzes the current state of the state youth policy in the aspect of its impact on the various elements of spiritual culture of society, including the legal consciousness of the younger generation.

Key words: youth, law, legal consciousness, deformation of legal consciousness, state youth policy.

Молодежь – весьма сложный и противоречивый объект научного анализа, который традиционно привлекает внимание исследователей, представляющих различные гуманитарные науки – социологию, психологию, педагогику, политологию и др. За последние несколько десятилетий в рамках только социологии молодежи сконструировано множество теоретических концепций, объяснительных моделей, касающихся тех или иных молодежных проблем, предложено множество практических, социально-инженерных решений, многие из которых нашли свое воплощение, в том числе, и в законодательных актах. Как отмечает В.В. Павловский, «значительное внимание молодым поколениям уделяют страны мира, государственные, общественные и частные структуры и институты, международные организации» [1, с. 46–52].

Воплощением законотворческой деятельности, в которой приняли участие и ведущие отечественные социологи молодежи, стало

принятие в 1991 г. Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». Концепция государственной молодежной политики, разработанная под руководством И.М. Ильинского и положенная в основу данного Закона, отражала стратегический замысел, состоявший в том, чтобы восстановить взаимодействие поколений, в котором развились обширные кризисы, обозначился «разрыв поколений» [2, с. 18]. Однако с распадом СССР и возникновением самостоятельного Российского государства федеральный закон о государственной молодежной политике так и не появился. Стоит отметить, что на принятый в 1999 г. Федеральный закон «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» президент Б.Н. Ельцин наложил вето, которое депутаты Госдумы не смогли преодолеть [2, с. 20].

Вместе с тем, в 1990-е гг. были приняты законы о государственной молодежной политике (в некоторых случаях – о молодежи, о молодеж-

ной политике, о региональной государственной молодежной политике и т.д.) в Чувашской Республике (1992 г.), Республике Бурятия (1992 г.), Республике Татарстан (1993 г.), Кабардино-Балкарской Республике (1993 г.), Республике Хакасия (1993 г.), Республике Тува (1993 г.), Московской области (1995 г.), Оренбургской области (1995 г.), Ставропольском крае (1996 г.), Республике Мордовия (1996 г.), Омской области (1996 г.), в Ханты-Мансийском автономном округе (1998 г.) и многих других. По состоянию на 2013 г. региональные законы о молодежи и молодежной политике приняты в 73 субъектах Российской Федерации [2, с. 19].

По мнению С.С. Асатрян, «изменившаяся социально-экономическая обстановка в Российской Федерации привела к необходимости трансформации молодежной социальной политики на макро- и мезоуровнях. Реализация программ молодежной социальной политики, в основном, находится в ведении региональных органов управления, где решаются важнейшие проблемы данной категории населения» [3, с. 31–34]. При этом ситуация с перенесением акцента по реализации государственной молодежной политики с федерального центра на руководство субъектов Российской Федерации выглядит по меньшей мере неоднозначной. С одной стороны, на местах руководители лучше, чем в Москве, владеют информацией об актуальных проблемах молодежи и путях их решения. С другой стороны, «парад» местных законов не позволяет выработать единый подход к осуществлению государственной молодежной политики, а также оставляет «ниши» в ряде субъектов Российской Федерации, в которых отсутствуют даже региональные законы, касающиеся реализации молодежной политики.

Как справедливо отмечает А.А. Зеленин, «за последние десять лет мы были свидетелями создания так и не заработавшей правительственной “Концепции государственной молодежной политики в РФ” (2001 г.), проекта “Доктрины государственной молодежной политики в РФ” (2002 г.). Все эти документы вызвали серьезную критику теоретиков и практиков и были отклонены. В 2006 г. распоряжением Правительства РФ была утверждена “Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 г.”, также ставшая объектом оживленных дискуссий» [4, с. 3–4].

Важность молодежной проблематики подчеркивает тот факт, что указом Президента РФ Д.А. Медведева 2009 г. был объявлен Годом молодежи. На сегодняшний день российская власть много сделала для решения «наболе-

вших», системных проблем молодежи. Однако есть ряд трудностей, детерминированных именно проблемами в законодательном сопровождении данного вопроса. В частности, действующий сегодня официальный документ – «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации» (2006 г.) – рассматривает молодежную политику в контексте обеспечения национальной безопасности страны и трактует ее как предмет внимания всех органов государственной власти. Подобная оценка политической значимости молодежи и молодежной политики вполне оправдана. Государственная молодежная политика – это деятельность всего государства по созданию политико-правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека, развития молодежных объединений, движений и инициатив [4, с. 16]. Однако «Стратегия...» не решает всех проблем и не удовлетворяет все потребности, имеющиеся в обществе, социальных институтах и подсистемах, которые связаны с социальным взрослением молодежи, ее социализацией, инкультурацией.

Оставляя за рамками данного анализа вопрос о причинах столь противоречивой и неоднозначной государственной молодежной политики в нашей стране, хотелось бы подробнее остановиться на социальных последствиях сложившейся ситуации. Отсутствие концептуального доктринального ядра государственной молодежной политики приводит к ощутимым проблемам, прежде всего, в сфере духовно-нравственных практик подрастающего поколения. Стоит отметить, что именно эта сфера вызывает наибольшую озабоченность у ученых и представителей управленческих структур. Молодежь, вступая во взрослую жизнь, находясь на пороге масштабных перемен, оказывается «на обочине» социокультурной реальности, без соответствующего социального, нравственного, воспитательного воздействия. Более того, процессы социализации и социального развития молодого поколения тесным образом взаимосвязаны с успешностью/неуспешностью реализации государственной молодежной политики именно на общефедеральном уровне. Здесь важно продемонстрировать не только общую заинтересованность государства в конкретных («осязаемых») результатах социального взросления молодежи, но и очертить пути легитимного, социально одобряемого вектора социального развития подрастающего поколения. Важность придания государственной молодежной политике современной России целостного, концептуального характера обусловлена наличием

ряда серьезных вызовов и годами не решаемых системных социальных проблем, носителями которых выступает молодое поколение.

Так, И.М. Ильинский указывает на необходимость «предотвратить рост неуверенности молодежи перед лицом больших и грозящих ей перемен, тревоги за свое будущее, в котором оказывается человек, социальная группа или целый народ, что рождает у них желание снять эту тревогу, устранить неизвестность, неопределенность, а это всегда и всюду проявлялось в виде мощной социальной агрессии, которая может носить стихийный или организованный характер» [5].

По мнению В.Т. Лисовского, «в любую историческую эпоху молодежи приходится нелегко в силу маргинальности ее социального положения. В отличие от старшего поколения молодым терять нечего, но и приобретать нечего, так как старшие, живущие в капитализирующемся (принципиально новом для них) обществе, ничем не могут им помочь. Молодым приходится самим решать, что важнее: быстрое обогащение любыми (вплоть до криминальных) способами или приобретение высокой квалификации, обеспечивающей способность адаптироваться к новым условиям; отрицание прежних морально-нравственных норм или гибкость, приспособляемость к новой действительности; безграничная свобода межличностных (межполовых) взаимоотношений или семья – как оплот успешного существования» [6].

К числу наиболее серьезных молодежных проблем, годами не решаемых в нашей стране, можно отнести и деформацию правосознания. Проблема деформации правосознания молодежи особенно остро проявляется в практике российского социального управления. Несмотря на усилия государства в сфере воспитания молодого поколения, его интеграции в социум, преодоления тенденций отклоняющегося поведения (что стало одним из направлений в государственной молодежной политике), остается довольно высокой доля молодежи, толерантной к криминальной культуре, сознательно пренебрегающей нормами не только морали, но и права. При этом управленческие структуры далеко не всегда находят результативные ходы по оптимизации ситуации, особенно в плане доверительной коммуникации с подрастающим поколением. Корни проблемы необходимо искать в последствиях сложных, многоуровневых трансформационных процессов 1990-х – 2000-х гг., произошедших в России. В результате кардинальных изменений социально-политических, социально-экономических и социокультурных

основ общества в крайне сложном положении оказалось именно подрастающее поколение россиян. Молодежь в процессе интеграции во взрослое общество сталкивается с противоречивыми оценками, картинками мира, мировоззренческими комплексами, которые не способствуют формированию целостного мировосприятия, завершению процессов самоидентификации, «поиску себя» во взрослой жизни. В результате возникающих дисфункций процесса социализации и социального развития молодежи обостряется проблема деформации ее правосознания.

Стоит отметить, что деформация правосознания – это процесс, в результате которого у индивидов складываются определенные взгляды, знания, чувства, настроения, переживания и эмоции, идеи и представления, которые искаженно отражают правовую действительность и выражают отрицательное отношение к действующему праву, правосудию и законности, что приводит к формированию негативно ориентированного правового сознания [2].

В связи с этим ключевым остается вопрос о том, насколько эффективна нынешняя государственная молодежная политика в России, особенно в аспекте ее изрядной «регионализации» и децентрализации. Можно ли инструментами государственной молодежной политики противодействовать таким деструктивным духовным практикам подрастающего поколения, как, например, деформация правосознания? Ответ на этот и другие подобные вопросы кроется в общем отношении государства к духовно-нравственной сфере жизнедеятельности молодежи. В СССР существовала системная практика управления данной сферой, причем инструменты управления в подавляющем большинстве своем были предельно идеологизированы. Однако наступившая в 1990-х гг. обвальная деидеологизация, наряду с углубившейся аномией, духовно-нравственным кризисом, породили массу отрицательных последствий в молодежной среде – интолерантность, ксенофобию, радикализм, экстремизм. Это создало питательную среду для развития процессов деформации правосознания подрастающего поколения на фоне масштабной криминализации общества. Массовая культура, публичная политика, социальная сфера оказались наполнены деструктивным, криминальным «контентом», при этом государственная молодежная политика (предельно децентрализованная и разобщенная по своей сути) оказалась не способной противостоять негативным тенденциям. В 2000-е гг. ситуация осложнилась вследствие вхождения в социальную жизнь Интернета и информа-

ционно-компьютерных технологий, предельно обостривших проблему стихийной социализации. И опять инструменты государственной молодежной политики оказались не настроены на оперативное и эффективное решение возникшей проблемы.

Стоит также обратить внимание на тот факт, что в систему реализации государственной молодежной политики не встроена «исследовательская составляющая». Возникает парадоксальная ситуация: определенные алгоритмы управленческих мероприятий декларируются законодательством, но при этом не прописывается механизм верификации действий и решений, экспертной оценки их эффективности и создания практических рекомендаций по оперативному решению возникающих проблем. Этим целям служат, в частности, мониторинговые, регулярно проводимые социологические исследования, призванные установить обратную связь с управляемым объектом, т.е. с молодежью.

Необходимо также добиться более широкого научного обсуждения законодательных инициатив, внедрения института экспертных оценок мероприятий государственной молодежной политики, как реализуемых, так и находящихся на стадии подготовки, чтобы исключить субъективность при принятии ключевых управленческих решений.

Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день в сфере осуществления государственной молодежной политики в России наличествует ряд системных социальных проблем, принявших инерционный характер вследствие длительности наличия противоречия.

Прежде всего, речь идет о том, что система духовной культуры любого общества, в том числе и российского, представляет собой целостное многоуровневое образование, эффективно управлять которым (либо влиять на его отдельные структурные элементы, в частности на правосознание молодежи) можно, только приняв за основу целостный, концептуальный подход. Такой подход должен был объединить серию законодательных актов, принятых на федеральном уровне, касающихся формирования и осуществления целостной государственной молодежной политики, направленной на пре-

одоление рисков аномии, деформации духовной культуры, ее основных элементов. Имеющееся в настоящее время значительное число региональных законов о молодежи при отсутствии федерального не позволяет осуществлять эффективную молодежную политику в условиях трансформирующегося российского общества, находящегося в стадии инновационного риска, быстрых социальных перемен.

Также следует подчеркнуть, что начиная с момента возникновения Российского государства федеральная молодежная политика выглядит противоречивой и неоднозначной. При этом состояние неопределенности и риска для молодежи только усугубляется, детерминируется как объективными условиями внешней среды, так и социально-возрастной спецификой молодых людей на фоне определенного законодательного «вакуума». Данная ситуация накладывается на противоречия социального взросления молодежи, сталкивающейся в процессе обретения статуса взрослого члена общества со значительными проблемами как личного, духовно-нравственного плана, так и экономическими, социальными, политическими, коммуникативными (последние особенно остро проявляются вследствие стремительного вхождения в жизнь российского общества Интернета и интернет-технологий).

Принимая во внимание вышеизложенное, стоит констатировать наличие угроз и вызовов, влекущих ряд негативных эффектов в молодежной среде, в том числе и деформацию правосознания. Молодежь оказывается включенной в контекст воздействия информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий, что влечет за собой неконтролируемые изменения различной направленности в процессах социализации и социального развития. При этом государство реагирует на данные угрозы и вызовы либо с серьезным запозданием, утрачивая инициативу, либо не реагирует вовсе (в лучшем случае делегируя инструменты реагирования на уровень субъектов Российской Федерации). Именно в этом видится основная причина многих проблем в молодежной среде современной России, в частности в сфере деформации правосознания.

1. Павловский В.В. Социология молодежи и ювенология // Социс. 1999. № 5.

2. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / под общ. ред. В.А. Лукова. М., 2013.

1. Pavlovsky V.V. Sociology of youth and juvenile studies // Socis. 1999. № 5.

2. The state youth policy: Russian and world practice the implementation of the innovative potential of new generations / gen. ed. by V.A. Lukov. Moscow, 2013.

3. Асатрян С.С. К вопросу независимой экспертной оценки молодежной политики // Актуальные проблемы социального развития российской молодежи и пути оптимизации государственной молодежной политики: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Краснодар, 2009.

4. Зеленин А.А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей: дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2009.

5. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М., 2001.

6. Лисовский В.Т. Социальные изменения в молодежной среде // *Credo new*. 2002. № 1.

3. Asatryan S.S. To the question of an independent expert assessment of youth policy // *Actual problems of social development of the Russian youth and ways of optimization of the state youth policy: proc. of the interregional sci.-pract. conf. Krasnodar, 2009.*

4. Zelenin A.A. *State youth policy of the Russian Federation: a conceptual framework of strategic priorities, the effectiveness of regional models: diss. ... Dr of Political Sciences. Nizhny Novgorod, 2009.*

5. Ilyinsky I.M. *Young people and youth policy. Philosophy. History. Theory. Moscow, 2001.*

6. Lisovsky V.T. *Social change in the youth // Credo new. 2002. № 1.*

Грицай Владимир Викторович
кандидат исторических наук, доцент,
начальник кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: vla-fabio@yandex.ru)

Основные тенденции развития государственной политики в отношении советской молодежи и проявления неформальной культуры в ее среде в первое послевоенное десятилетие

В статье рассмотрены основные тенденции развития государственной молодежной политики и проявления неформальной культуры в молодежной среде в первое послевоенное десятилетие. Особенностью, которая отличала культурную жизнь страны в указанный период, стал приход в литературу и искусство новых свежих сил, способных повлиять на советскую молодежь и ее воспитание в духе преданности коммунистическим идеалам.

Ключевые слова: молодежная политика, молодежные субкультуры, криминализованные слои, неформальная культура, либерализация культурной жизни, администрирование духовной жизни, официальные эстетические установки.

V.V. Gritsay, Master of History, Assistant Professor, Head of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vla-fabio@yandex.ru

The main trends in the development of state policy regard to the Soviet youth and manifestations of informal culture in its environment in the first postwar decade

The article examines main trends in state youth policy and the manifestation of the informal culture among young people in the first postwar decade. The feature that distinguishes the cultural life of the country during this period became appearance of new forces in literature and art fresh that could affect the Soviet youth and their education in the spirit of devotion to communist ideals.

Key words: youth policy, youth subcultures, criminalized layers, informal culture, liberalization of cultural life, administration of spiritual life, official aesthetic installation.

После Октябрьской революции 1917 г. победившие в ней большевики достаточно быстро стали осуществлять свои программные положения во всех сферах жизни. Так, экономика была огосударствлена и переведена на плановые рельсы, а культура, искусство, быт формировались на основе единственной легальной политико-идеологической платформы – коммунистической идеологии. Молодежная политика Советского государства не являлась исключением, и создание в очень короткие сроки комсомола и пионерии свидетельствует о важности общественно-политического и культурного аспектов этой политики для Советского государства. Следует заметить, что с самого начала молодежная энергия была направлена в русло подотчетных государству организаций, прежде всего комсомола. При

этом, однако, самодеятельность ВЛКСМ становилась фикцией, заключааясь по большому счету лишь в том, что жизнь Союза строилась в основном на общественных началах. Подлинная самодеятельность, предполагающая совершение чего-либо собственными силами, без постороннего воздействия и вмешательства, была просто невозможна в условиях новой общественной парадигмы. Особое место в ней занимало подавление критики партийной теории и практики и ее носителей и шире – устранение противоречия социальных слоев и отдельных личностей с системой, чего настоятельно требовала задача организации согласия в обществе.

По сути, комсомол являлся одним из средств решения ВКП(б) своих программных целей, при этом нужно признать, что ряд из них носили позитивный характер. Под эгидой комсомола

советская молодежь активно участвовала в глобальных социально-экономических преобразованиях: боролась с неграмотностью, религиозными «пережитками», проводила коллективизацию деревни, шла в авангарде индустриализации. Все это обуславливалось возросшей способностью партии манипулировать молодежными массами, умелым использованием социально закрепленных архетипов сознания и футуринаправленностью советской политической мифологии, делавшей навязываемый имидж социализма привлекательным для охваченной инновационным пафосом молодежи. Именно она, в особенности комсомольская ее часть, оказалась соавтором процесса строительства «нового общества», но в то же время заложником и соучастником всех «издержек» этого строительства. И уже к концу 1920-х гг. молодежная политика СССР в своей основе была сформирована. Нападение гитлеровской Германии на СССР переключило внимание центральной власти с борьбы против внутреннего врага на опасность извне, и в целом советская молодежь поддержала патриотический порыв народов СССР.

После Великой Отечественной войны молодежная политика СССР стала более сложной и гибкой, поскольку проход советский войск до Берлина и обратно не мог не повлиять на общественное сознание советских воинов, увидевших воочию жизнь за кордоном и, разумеется, деливших увиденным со своими родными, в том числе детьми. Во всяком случае, с того времени в молодежной политике особо выделяется направление, связанное с противодействием «тлетворному влиянию» Запада в начавшейся холодной войне. Соответственно, под угрозой иностранного влияния нормативное представление о молодежи как «строителе нового общества» дополняется отношением к ней как к жертве «идеологической диверсии» со стороны Запада. Одним из первых проявлений данного дискурса была провозглашенная А.А. Ждановым борьба с популярной у молодежи джазовой музыкой. Искоренение «тлетворного влияния» напрямую ударило по творческой интеллигенции, в частности композиторам-новаторам: Д.Д. Шостаковичу, С.С. Прокофьеву, Д.Б. Кабалевскому, А.И. Хачатуряну были предъявлены обвинения в пренебрежении народной музыкой и раболепии перед «находящейся в состоянии упадка современной буржуазной музыкой» [1, с. 20].

Возросшая обеспокоенность властей склонностью молодого поколения к свободомыслию и возможностью самостоятельных инициатив с его стороны послужила причиной появления ряда

постановлений и мероприятий, направленных против негативных явлений в молодежной среде. Так, в июле 1948 г. вышло постановление ЦК ВЛКСМ «О недостатках в работе Ленинградской организации ВЛКСМ по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи», осуждавшее «проникновение в среду студенчества чуждых советской идеологии, враждебных нашей морали настроений аполитичности и безыдейности» [1, с. 20]. В известном постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» критикуемые авторы, трактуемые как «несоветские писатели», порицались за «дезориентацию молодого поколения», отравление молодежи «ядом недоверия, пессимизма, упадочничества» [2, с. 396]. Для противодействия «идеологически вредным» произведениям литературы и искусства, а также «ошибочным» научным теориям командно-административная система использовала направляемый властью молодежный радикализм.

В частности, в целях пресечения нигилистических настроений в обществе, «проявления низкопоклонства перед иностранщиной» в 1947 г. организовывается кампания по борьбе с космополитизмом, направленная в первую очередь против интеллигенции и студенчества, проявивших склонность к критике советских реалий и опасным сравнениям их с зарубежными порядками. Акцент на сохранение политической ортодоксальности и идеологической чистоты усилился после XI съезда ВЛКСМ. Руководящие органы комсомола активно включились в поиск «врагов народа», начав его с Ленинградской организации комсомола и распространив затем на всю страну. Специфической чертой эпохи стали комсомольские собрания, посвященные рассмотрению персональных дел комсомольцев, «антипатриотично превозносивших» достижения Запада и выражавших сомнения в правильности партийной политики. Молодежь, оказавшаяся в годы войны в оккупации, подвергалась жесткой проверке на лояльность. Комитеты комсомола восстановили в ВЛКСМ не более 20–25% из репатрированных или оказавшихся на временно оккупированной территории молодых людей [3, с. 76]. Не менее суровыми были развернувшиеся в 1947 г. чистки в армии. В наиболее тяжелое положение в послевоенный период попала молодежь депортированных народов, для которой оказались закрытыми многие каналы социализации.

Так, юношам и девушкам из спецпоселенцев отказывали в приеме в ВЛКСМ, игнорировали их нужды и требования. В целом, депортация нанесла серьезный урон межнациональным

отношениям и способствовала росту антирусских настроений и национализма среди молодежи советских республик, породила проблемы восстановления репрессированных народов в правах и взаимных территориальных претензий друг к другу. В начале 1950-х гг. реакционными, феодальными объявили национальные эпосы мусульманских народов. Собственно русские, которым по замыслу отводилась роль стержня, вокруг которого в процессе растворения национального в социалистическом обществе должна была сплотиться новая общность – народ советский, не получили от выдвижения на первое место в ряду наций Советского Союза каких-либо преимуществ, но сам факт их возвеличивания не мог остаться без внимания со стороны «братских народов» и националистических сил внутри самой русской нации. Рассказывая о временах своей юности, пришедшейся на конец 1940-х – начало 1950-х гг., диссидент-«пятидесятник» А. Иванов вспоминал о том, что сталинская борьба против национального самосознания не проходила мимо молодежи: «Все это как-то будоражило. Мы часто интуитивно нащупывали истину» [4, с. 233].

В этом контексте следует заметить, что в небольшой степени размыванию культурного советского монолита способствовал неформальный контакт двух миров в годы Великой Отечественной войны на бытовом уровне. Из Европы в СССР хлынул поток одежды, патефонов, радиоприемников, музыкальных инструментов и прочих материальных ценностей, несущий с собой реально осязаемое представление о так называемом «загнивающим империализме», зловещий образ которого тиражировался передовицами советских газет, партийными лекторами и пропагандистами. Свою лепту вносили товары, поступающие по ленд-лизу. Разрозненные фрагменты складывались в образ, далекий от навязываемых схематичных представлений о зарубежье, тем более что зазеркальный мир можно было теперь не только почувствовать, но и увидеть воочию.

Молодое послевоенное поколение получало сильное впечатление от просмотра трофейных и купленных за границей кинофильмов: «Багдадский вор», «Путешествие будет опасным», «Судьба солдата в Америке» и др. У экранных героев перенималась манера ходить, говорить, жестикулировать и даже драться. Символом раскрепощенности и свободы стал для подростков и молодежи фильм «Тарзан». Популярность его была огромна. В мае 1955 г. на собрании комсомольского актива вузов Баку отмечалось, «что больно много наблюдается среди студентов

всех институтов: и индустриального, и педагогического, и медицинского, и других, – тарзаномании» [5]. У школьников младших возрастов игра в Тарзана нередко теснила игру в нормативного героя Чапаева. Большое количество зарубежных фильмов было выпущено на экраны кинотеатров в 1949 г. Несмотря на возрастное ограничение показа (большинство из них табуировались для детей до 14 лет), подростки, чей возраст был ниже этой планки, беспрепятственно проникали в зрительный зал, благодаря чему просмотр кинокартин принял массовый характер. На один и тот же фильм ходили 10–15 раз подряд. Когда в Одессе в 1947 г. в очередной раз демонстрировалась «Девушка моей мечты», в местном медицинском институте лекции были сорваны из-за паломничества студентов, особенно младших курсов, в кинотеатр [6]. Билеты на любимые картины зачастую можно было достать только у спекулянтов. Импортная кинопродукция успешно теснила малочисленную отечественную, отбивая у последней аудиторию. Например, на кинофильм «Мичурин» в г. Биробиджане не было продано около трети билетов, тогда как на просмотр немецкой ленты «Индийская гробница» зал был заполнен до отказа [7]. В городе на долю импортных фильмов приходилось 80–90% всего проката [7]. В условиях труднодоступности иных способов достичь соответствия шагу времени кино становилось едва ли не единственным источником приобщения к моде с экранов, входивших в жизнь столичных и провинциальных улиц, и важным средством расширения представления о мире по ту сторону «железного занавеса». По воспоминаниям современника, «кино было для нас буквальным окном в Европу» [8, с. 238].

Указанные факторы, наряду с навязыванием официальной идеологии, официальной культуры, порождали у значительной части молодежи стремление уйти от утверждаемых «сверху» шаблонов, и все больше молодежи стремилось приобщиться к неформальной культурной жизни. Так, заметным явлением, возникшим из интереса к Западу, были стилиги – молодые люди, появившиеся в 1946–1947 гг. на волне смутной неудовлетворенности сталинским казарменным социализмом. Их внешний вид несколько отличался от внешнего вида стилиг 1950-х гг., но стремление выделиться, не быть одинаковыми было тем же, что и позже. В начале 1950-х гг. в написанном «под Крылова» самиздатовском стихотворении «Осел и Соловей» ярко живописался облик стилиги тех лет, выведенный под образом осла, «славного малого», любителя джаза и вольных нравов, попирающего каноны

социалистического общежития [9, с. 75]. Не имея возможности напрямую включиться в движение поколенческой общности (аналоги стиляг имелись в Англии, Франции, США, где после войны во всем своем многообразии стали возникать молодежные субкультуры), стиляги конструировали западную жизнь, исходя из обрывочных сведений о ней и из собственных фантазий. Подражая иноземным образцам, продвинутая молодежь создавала свой стиль, свои доморощенные танцы. В начале 1950-х гг. москвичи танцевали экзотические «Руки прочь от Кореи», «Улыбка Уолл-Стрита», «Атомный», «Канадский», «Тройной Гамбургский» [10]. Появился даже так называемый «труменовский стиль». Новшества явочным порядком внедрялись в обиход на танцах и вечерах. Так, А. Козлов, крупная фигура советского джаза, композитор и исполнитель, вспоминал: «Приходили мы обычно компанией, с чуваками и чувихами, которые ждали, когда заиграет наша музыка, чтобы у всех на глазах начать “бацать стилем”. Кто-то из нас пробирался в радиорубку, запирался в ней и ставил американскую пластинку... В зале несколько пар бросались танцевать, остальные “правильные” школьники с восхищением и завистью смотрели, а начальство бросалось к рубке и начинало молотить в дверь, угрожая и требуя открыть» [9, с. 72]. Увлечение крамольными танцами и музыкой было повальным.

Работники ВЛКСМ, докладывая о недостатках в культурной работе, неизменно сетовали на засилье западноевропейских танцев в Домах культуры и клубах. Например, в справке отдела агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ о культурно-массовой работе (1952 г.) отмечалось, что в Московском институте внешней торговли, Институте народного хозяйства им. Плеханова, Институте машиностроения молодежь на вечерах танцует одни лишь фокстроты [10]. Безусловно, далеко не все представители молодого поколения приветствовали это. В ЦК ВЛКСМ, в газеты «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», «Московский комсомолец» поступали письма, требующие прекращения исполнения «пошлых западных танцев» [10]. Но они продолжали процветать, несмотря на ограничения и разгромную критику в печати, увязывающую пристрастие к фокстротам, буги-вуги с низкопоклонством перед Западом. Не последнюю роль в живучести иноземных танцев играли меркантильные соображения руководителей клубов и парков культуры, стремившихся к выполнению финансового плана, что было невозможно без привлечения посетителей. Спрос рождал предложение, маскируемое под разрешенные стандарты. В

клубах под видом бальных танцев, которые пытались противопоставить западным, преподавали искусство фокстрота, оркестры вместо заявленной программы вечера исполняли композиции, востребованные публикой, в магазинах продавали пластинки с западной танцевальной музыкой, хотя на этикетках значились русские бальные танцы [11].

Параллельно с субкультурой стиляг процветала нелегальная, но гораздо более широко распространенная криминальная самодеятельность с неписаными, но обязательными к исполнению законами, со специфической модой и канонами общения. Ее атрибуты усваивались не только уголовниками и беспризорниками, но и обычными подростками и юношами из вполне благополучных семей. Не оставив документальных памятников, этот мир запечатлелся в памяти очевидцев и современников. «В дворовой жизни среди мальчишек среднего возраста считался модным этакий симбиоз урки и прибалтленного матросика» [9, с. 56]. Молодежь носила малокозырки, тельники, прохорья, чубчики. Щеголяла матом, феней и наколками. Члены городских подростковых банд питали пристрастие к своего рода униформе: «серая кепка из букле, называемая по таинственным причинам “лондонкой”, к ней прилагался белый шелковый шарф и черное двубортное драповое пальто. Широкие брюки лихо заправлялись в сапоги» [12, с. 270]. Социальной базой блатной субкультуры выступали криминализованные слои молодежи. Их представители фактически выступали агентами влияния гигантской системы ГУЛАГа, сбрасывающей в общество выработанные в ее недрах нормы поведения и морали. Например, в 1951 г. комсомольцы и молодые рабочие Тырны-Аузского комбината Кабардинской АССР поддерживали тесные связи с заключенными, заимствуя у них песенный лагерный фольклор, нравы и жаргон [13]. Почти сразу же после окончания войны школьники, студенты и их сверстники на фабриках и заводах начали проявлять повышенное внимание к личным вопросам и «мещанским» ценностям, не одобряемым писателями и поэтами. Так, секретарь ЦК ВЛКСМ Кочемаев на собрании актива Горьковской областной комсомольской организации отмечал тягу молодежи Богородской шорно-седельной фабрики к «бульварным слащавым любовным романам дворянско-мещанских писателей 18 и начала 19 веков», отвлекающих молодых рабочих от их непосредственных задач и порождающих «пессимизм и уныние» [14]. Многие молодые люди, приходя в библиотеку, спрашивали «что-нибудь про любовь», но только старых писате-

лей. Популярностью у горьковской молодежи пользовались произведения М. Зощенко и литература религиозного содержания: «О вере в бога и дьявола», «О таинстве святого причастия», «Мысли о религии» [15]. Книгами и брошюрами о хиромантии, спиритизме зачитывались в 1947 г. студенты Казанского государственного университета [16].

Следует заметить, что молодые люди первого послевоенного десятилетия не были любителями прошлого ради прошлого и в целом стремление к неформальной культуре не характеризовало молодежь негативно. В той же прозе и поэзии минувших эпох они искали обыкновенных, человеческих персонажей – в противовес приевшимся крупномасштабным фигурам героических советских эпосов, которые обязательно нужно было одобрять и которыми непременно нужно было восхищаться. На литературных пристрастиях молодых читателей сказывалась усталость от перманентного напряжения на грани возможного и желание пожить не исключительно на пользу государства, но и для себя, своих родных и близких. Молодежь интересовала любая, не только старая книга,

пьеса, в которой она могла отыскать ответы на волнующие ее вопросы, узнать, как видят, чувствуют мир ровесники по всей огромной стране. Молодые люди желали прикоснуться к достижениям культуры других стран, и политика советской власти на закрытость культурных границ СССР еще больше усиливала это желание. Отличительной особенностью культурной жизни страны в послевоенные годы стал приход в литературу и искусство свежих сил, обладавших определенной долей самостоятельности суждений. Находясь под «гнетом воспитания», творческая молодежь пока не демонстрировала четко выраженной оппозиции культу личности. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что уже тогда в ее недрах вызревал протест против сталинских эстетических установок, административного руководства политической и духовной жизнью общества. Окончание первого послевоенного десятилетия пришлось на начало периода хрущевской «оттепели», и данное обстоятельство, как нам представляется, способствовало снятию социального напряжения у значительной части советской молодежи, не доводя дело до открытых протестов.

1. Криворученко В.К., Галаган А.А., Динес В.А. и др. *Очерки по истории ВЛКСМ. Саратов, 1991.*

2. Криворученко В.К. *В тисках сталинщины: трагедия комсомола. М., 1991.*

3. Бурмистер А.И. *Молодежь и сталинская политика послевоенного времени // Опыт осуществления политики КПСС в отношении молодежи: история и современность (1945–1953 гг.). М., 1989.*

4. Поликковская Л. *Мы предчувствие... Предтеча... М., 1997.*

5. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 46. Д. 119. Л. 135.

6. Там же. Д. 70. Л. 125.

7. РГАНИ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 642. Л. 118.

8. Сергеев А. *Omnibus. Альбом для марок. М., 1997.*

9. Козлов А. *Козел на саксе. М., 1998.*

10. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 710. Л. 8.

11. Там же. Л. 9.

12. Рейн Е. *Мне скучно без Довлатова. Новые сцены из жизни московской богемы. СПб., 1997.*

13. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 639. Л. 35.

14. Там же. Д. 345. Л. 32.

15. Там же. Д. 52. Л. 33.

16. Там же. Оп. 40. Д. 74. Л. 22.

1. Krivoruchenko V.K., Galagan A.A., Dines V.A. et al. *Essays on the history of the Komsomol. Saratov, 1991.*

2. Krivoruchenko V.K. *In the grip of Stalinism: the tragedy of the Komsomol. Moscow, 1991.*

3. Burmister A.I. *Youth and Stalin's policy in the postwar period // Experience of the implementation policies of the CPSU in relation to youth: history and modernity (1945–1953). Moscow, 1989.*

4. Polikovskaya L. *We premonition... the Forerunner... Moscow, 1997.*

5. Russian State Archive of Socio-Political History. F. M-1. Op. 46. D. 119. L. 135.

6. Ibid. D. 70. L. 125.

7. Russian State Archive of Contemporary History. F. 1. Op. 6. D. 642. L. 118.

8. Sergeev A. *Omnibus. Album for stamps. Moscow, 1997.*

9. Kozlov A. *Goat on the sax. Moscow, 1998.*

10. Russian State Archive of Socio-Political History. F. M-1. Op. 32. D. 710. L. 8.

11. Ibid. L. 9.

12. Reyn E. *I'm bored without Dovlatov. New scenes from the life of the Moscow bohemia. St. Petersburg, 1997.*

13. Russian State Archive of Socio-Political History. F. M-1. Op. 32. D. 639. L. 35.

14. Ibid. D. 345. L. 32.

15. Ibid. D. 52. L. 33.

16. Ibid. Op. 40. D. 74. L. 22.

Дудоров Тимофей Дмитриевич

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовно-процессуального права

Центрального филиала Российского государственного университета правосудия

(e-mail: timdudorov@yandex.ru)

Развитие института уголовного преследования в российском законодательстве с 1864 по 1917 год

В статье автор анализирует ретроспективу зарождения и развития института уголовного преследования, используя периодизацию принятия знаковых уголовно-процессуальных актов на определенном историческом отрезке развития государства, а также делает некоторые обобщающие выводы о реформировании судопроизводства в связи с коренными преобразованиями в системе уголовной юстиции.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовная юстиция, уголовное преследование, процессуальная деятельность, частно-исковой процесс.

T.D. Dudorov, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminal Procedural Law of the Central branch of the Russian State University of Justice; e-mail: timdudorov@yandex.ru

Development of the institute of criminal pursuit in the Russian legislation from 1864 through 1917

In the article the author analyzes the retrospective of origin and development of the institute of criminal pursuit, using periodization of the adoption of sign criminal procedure reports in the specific historical section of the development of state, and also makes some generalizing conclusions about the reformation legal procedures in connection with radical changes in the system of criminal justice.

Key words: criminal procedure, criminal trial, criminal justice, criminal pursuit, processual activity, particular-claim process.

Существенные коррективы в развитие института уголовного преследования были внесены принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав) [1, с. 340–364]. В отличие от многих других нормативных актов Устав разрабатывался и утверждался в период относительной стабильности государственной власти, когда все ее внимание могло быть направлено не на борьбу с внутренними и внешними врагами, а на качественное изменение системы права, в том числе и уголовно-процессуального, целью которого являлось устранение судебной волокиты и предоставление равной защиты всем гражданам, независимо от сословной и иной принадлежности. Нормы, содержащиеся в Уставе, можно без преувеличения назвать революционными, поскольку они закрепили переход к состязательной форме судопроизводства и предопределили основные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства на несколько десятилетий вперед (вплоть до 1917 г.), оказав существенное влияние и на современный уголовный процесс.

Устав закрепил несколько базовых для состязательного уголовного процесса принципов: презумпцию невиновности («Никто не может быть наказан за преступления или проступки, подлежащие ведомству судебных мест, не быв приговорен к наказанию приговором надлежащего суда, вошедшим в законную силу» – ст. 1); осуществление правосудия только судом («Власть судебная, т.е. рассмотрение уголовных дел и постановление приговоров, принадлежит судам без всякого участия властей административных» – ст. 5); разделение уголовно-процессуальных функций. Функция обвинения, заключающаяся в обнаружении преступлений и преследовании виновных, отделялась от функции осуществления правосудия и возлагалась на прокуроров (ст. 4). Устав существенно расширял права обвиняемого, основным из которых признавал право на защиту (ст. 61). Значительные изменения претерпело и доказательственное право. Устав обозначил принципиально новый подход к оценке доказательств, исключая формальный подход: «Правила о силе судебных доказательств должны служить только руковод-

ством при определении вины или невинности подсудимых по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при производстве следствия и суда» (ст. 8).

Необходимо отметить, что Устав впервые на законодательном уровне закрепил две основные формы уголовного преследования: частное и публичное. Так, в соответствии со ст. 2 «преследование виновных в преступлениях и проступках начинается и производится учрежденными для сего властями, кроме тех, означенных в законе случаев, в которых оно может быть начато не иначе, как по жалобе частных лиц...». Обвинение уже не определялось сугубо частными интересами, оно стало прерогативой государства. Частное обвинение являлось исключением из общего правила публичности уголовно-процессуальной деятельности. Соответствующие составы преступлений были отнесены к подсудности мирового судьи (ч. 2 ст. 19 Устава). Жалоба потерпевшего устанавливала пределы судебного разбирательства, при производстве которого суд ограничивался исследованием лишь тех доказательств, которые были представлены сторонами (ст. 104 Устава). Дело могло быть прекращено «по частному соглашению» (ст. 159 Уложения о наказаниях; ч. 2 ст. 19 Устава).

С точки зрения лексических конструкций, использованных законодателем, особый интерес представляет, на наш взгляд, разграничение двух терминов – «уголовное преследование» и «судебное преследование». Дефиниция «уголовное преследование» используется составителями Устава для регламентации порядка прекращения или приостановления производства по делу. Так, например, ст. 529 устанавливала, что «судебная палата приступает к рассмотрению обвинительных актов или представлений о прекращении или приостановлении уголовного преследования не иначе как по письменным предложениям состоящего при ней прокурора». А ст. 772 предусматривала, что «освобожденный от суда без указания его вины может просить, чтобы суд определил его виновность и то наказание, которому он подлежал бы, если бы в деле не оказалось законной причины к прекращению уголовного преследования».

Совершенно иначе используется термин «судебное преследование». Анализ положений Устава (ст. 1, 2, 16, 252, 249, 510–528, 543–834) позволяет сделать вывод, что указанная дефиниция обозначает деятельность должностных лиц стороны обвинения (прокуроров и их товарищей, судебных следователей) и судебных органов, направленную на раскрытие престу-

плений и признание лиц, их совершивших, виновными в судебном порядке.

Прямым следствием принятия Устава уголовного судопроизводства стал невиданный подъем юридической мысли. К рассматриваемому периоду относится значительное количество трудов видных ученых-процессуалистов как по теории уголовного процесса в целом, так и по проблемам реализации института уголовного преследования в частности [2]. Так, например, А. Квачевский, автор одного из первых научных комментариев Устава, обособляет две формы уголовного преследования: частную и публичную, рассматривая первую как уголовный иск, а вторую – как процессуальную деятельность органов прокуратуры, включающую в себя возбуждение уголовного дела, наблюдение за производством следствия, поддержание обвинения в суде [3, с. 47]. Автор не только классифицировал уголовное преследование, но и охарактеризовал каждую из предлагаемых форм, выделяя как положительные, так и отрицательные моменты. В качестве преимуществ публичного обвинения А. Квачевский называет то, что «закон получает надежную охрану, силу и непоколебимость, интерес общественный и частный всегда находят опору в такомзыскателе нарушений их, который стоит выше личных расчетов, боязни, вражды, владеет достаточными средствами преследовать преступления и притом испытан в этой деятельности, приготовлен к ней самою службой» [3, с. 87]. Положительная сторона частного обвинения заключалась в том, что «обвинитель может действовать самостоятельно, добывая сведения о преступлении и виновнике его из первых, а не из вторых и третьих рук: он сам мог быть очевидцем противозаконного действия, находясь вблизи от совершения его... сделавшись участником в деле, он может тем легче вести борьбу с обвиняемым, чем живее и сильнее занимает его преступление, чем более поражены его ум и чувство связи с жертвой злодеяния» [3, с. 86]. Отрицательная сторона публичного уголовного преследования, по мнению А. Квачевского, в том, что «должностное лицо делается безграничным обладателем уголовного иска: от него зависит начать иск или нет, он может оставить без преследования беззакония по своему произволу, которым тем легче увлечься, чем выше его власть» [3, с. 86]. Отрицательная сторона частного обвинения усматривалась автором в необходимости стороны обвинения затратить большое количество времени и сил [3, с. 86].

Н.М. Муравьев определял виды уголовного преследования следующим образом: частное – «когда преследование производится частным

лицом, реально пострадавшим от преступления и преследующим его единственно в личном своем интересе, для возмещения своей обиды или восстановления нарушенного права»; публичное – «когда отвлеченным, идеальным субъектом преследования выступает общество или государство, действующее во имя общего блага и общих, страдающих от преступления интересов, носителем которых оно является по самой природе своей» [4, с. 2].

Большинство процессуалистов признавали определенную степень свободы усмотрения участников уголовного судопроизводства, влияющую на характер процессуальной деятельности и движение уголовного дела. В научной литературе рассматриваемого периода мы находим различную терминологию, используемую для определения сущности частного начала в уголовном процессе. Так, В.К. Случевский писал: «...рядом с публичным интересом уголовным процессом затрагиваются также интересы личные, участвующих в деле лиц, и для ограждения этих интересов пришлось установить ограничивающее принцип публичности процесса... начало произвольности действий частных лиц в процессе, в силу которого судьи... осуществляют процессуальную деятельность лишь настолько, насколько сторона признает необходимым возбуждать эту деятельность в видах охранения своих прав» [5, с. 17]. И.Я. Фойницкий, признавая исковой характер уголовного процесса только по делам частного обвинения, считал, что частное начало является исключением из принципа публичности: «...в виде общего правила разбирательство уголовных дел изымается ныне из частного производства и определяется публичным началом. Последнее означает, что обвинение, перестав быть делом частным, перешло в руки государства и уголовные дела производятся в интересах общегосударственных» [6, с. 60]. Д.Г. Тальберг указывал на наличие трех основных форм уголовного судопроизводства, определяя их как «формы уголовного иска: публичное обвинение, частное и публично-частное», при этом уголовный иск определялся как «полномочие государства, а в известных случаях и частных лиц требовать судебным порядком преследования и наказания виновных в преступном деянии...» [2, с. 43]. Отмечая, что Устав ставит в зависимость от волеизъявления потерпевшего возбуждение уголовных дел частно-публичного обвинения, И.В. Михайловский объяснял это «началом пощады потерпевшему», которая должна оградить его от нежелательной огласки преступления [7, с. 87]. Несмотря на указанные проявления

диспозитивного начала в уголовном процессе, подавляющее большинство правоведов было единодушно во мнении, что он не может находиться в исключительной зависимости от усмотрения сторон, поскольку основная его цель – охрана государственных и общественных интересов, которая достигается путем установления материальной истины. В процессе, основанном исключительно на частном начале, достижение указанной цели признавалось невозможным.

Многие из ученых-процессуалистов в рассматриваемый период развития науки уголовного процесса так или иначе соотносили обвинение с иском, проводя параллели между гражданским и уголовными процессами. Так, в частности, по мнению И.Я. Фойницкого, понятие иска в гражданском процессе соответствует понятию обвинения в процессе уголовном, поскольку под ним понимается требование судебного признания принадлежащего государству права наказания. Вместе с тем, ученый выделяет и характерные черты обвинения, отличающие его по форме от гражданского иска: «Обвинение направляется на определенное лицо, относительно которого суду предъявляется требование установить его виновность и определить заслуженное наказание. Оно не переходит на иных лиц и прекращается со смертью виновника» [6, с. 6].

Указанная позиция разделялась и В.К. Случевским, который, не давая определения дефиниции «уголовное преследование», рассматривал ее в рамках уголовного иска, проходящего две стадии: возбуждение уголовного преследования и обличение виновного перед судом, отмечая, что на первом этапе «может и не обнаружиться еще личность виновного, но в таком случае личность эта должна обнаружиться при дальнейшем движении уголовного иска, иначе таковой не может разрешиться постановкою приговора» [5, с. 33].

С.И. Викторский определял условия, необходимые для осуществления уголовного преследования: «наличность состава преступления, наличность преступника (иначе – приостановка или даже прекращение уголовного преследования) и наличность права наказания, т.е. отсутствие таких обстоятельств, как помилование, давность и т.п... Если нет одного из этих условий, то нет места для уголовного преследования» [8, с. 159].

Н.М. Муравьев предлагал расширительное толкование термина «уголовное преследование», отождествляя его с производством по уголовному делу. При этом ученый полагал, что обвинение – часть уголовного преследования, «один из процессуальных его моментов, огра-

ниченный собственно судебным разбирательством» [4, с. 2].

Особенно интересной, с точки зрения анализа положений Устава, представляется позиция М.В. Духовского, который, исследуя содержание и формы уголовного преследования, делает несколько выводов, обобщающих приведенную нами научную дискуссию. Во-первых, деятельность уголовного суда инициируется возбуждением уголовного преследования лицом, имеющим на это право, и при соблюдении установленных условий. Во-вторых, при дальнейшем движении уголовного дела обвинение должно поддерживаться также компетентным органом, уполномоченным на «обличение» виновного перед судом. В-третьих, частная форма уголовного преследования предполагает предоставление потерпевшему широкого круга прав, связанных с предъявлением уголовного иска. При публичной форме уголовного преследования частные лица и потерпевший лишены права обличения виновного в общих судах, за исключением тех случаев, когда потерпевший является на суд в качестве гражданского истца. В-четвертых, компетентное должностное лицо

должно оценить наличие оснований к возбуждению уголовного преследования, в качестве которого рассматриваются «улики и доказательства, служащие к установлению преступного деяния» [9, с. 134–135].

Все вышеизложенное дает основание говорить о возникновении состязательной формы уголовного судопроизводства, которая декларировалась Уставом 1864 г. и действовала вплоть до 1917 г. Рассматриваемая форма существенно отличается как от древнего, так и от розыскного уголовного процесса. От древнего процесса она отличается тем, что не носит частно-искового характера. Состязательный процесс, по Уставу 1864 г., проникнут публичным характером, уголовное преследование, как правило, ведется органами государственной власти, хотя и при участии и содействии частных лиц. От розыскного процесса рассматриваемая форма отличается коренным образом как гласностью, устностью и состязательностью, так и правилами доказывания, при которых признание обвиняемым своей вины утратило основополагающее значение.

1. *Российское законодательство X–XX веков / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 8.*

2. *Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1891. Т. 2.*

3. *Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. СПб., 1866. Т. 1.*

4. *Муравьев Н. Задачи прокурорского надзора // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 7.*

5. *Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. СПб., 1910.*

6. *Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Т. 1.*

7. *Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905.*

8. *Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1911.*

9. *Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1905.*

1. *Russian legislation of the X–XX centuries / ed. by O.I. Chistyakov. Moscow, 1984. Vol. 8.*

2. *Talberg D.G. Russian criminal trial. Kiev, 1891. Vol. 2.*

3. *Kvachevsky A. On the criminal pursuit, an inquiry and a preliminary study of crimes according to the judicial regulations of 1864: theoretical and practical manual. St. Petersburg, 1866. Vol. 1.*

4. *Muravyev N. Tasks of prosecutor supervision // Periodical of civil and criminal law. 1884. № 7.*

5. *Sluchevsky V.K. Textbook of Russian criminal process. Judicial system – legal procedure. St. Petersburg, 1910.*

6. *Foynitsky I.Ya. Course of the criminal trial. St. Petersburg, 1910. Vol. 1.*

7. *Mikhaylovsky I.V. Basic principles of the organization of the criminal law court. Tomsk, 1905.*

8. *Viktorsky S.I. Russian criminal procedure. Moscow, 1911.*

9. *Dukhovskoy M.V. Russian criminal procedure. Moscow, 1905.*

Калиниченко Александр Игоревич

соискатель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(тел.: +74997896716)

Проблема легитимации княжеской власти в домонгольской Руси

В статье рассматривается проблема легитимации государственной власти в свете так называемой «наместнической доктрины», согласно которой князьям приписывался комплекс определенных качеств, необходимых для нахождения у власти. Каждый видный мыслитель предлагал свою версию легитимации, имел свое видение образа идеального правителя и старался транслировать свои представления непосредственному адресату – правящему властителю, своим современникам, а также потомкам, что порой было важнее, особенно в тех случаях, когда идеи значимости власти и роли ее носителей излагали сами правители.

Ключевые слова: сакрализация, «царская гроза», самодержавие, моральная ответственность, лествичное право, междоусобица, феодализм, государство, легитимация.

A.I. Kalinichenko, Competitor of a Chair of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikot; tel.: +74997896716.

The problem of legitimation of princely power in pre-mongol Rus

The article considers the problem of legitimation of state power in the light so-called «vicegerent of the doctrine», according to which the princes of the attached-described complex of certain qualities necessary to stay in power. Every prominent thinker offered his version of legitimation, had his vision of the image of the ideal ruler and tried to broadcast their views direct to the recipient – ruling king, his contemporaries, but also to the descendants of that at times was more important, especially in cases where the ideas of the importance of power and the role it but-bearers gave themselves the rulers.

Key words: sacralization, «Imperial storm», autocracy, moral responsibility, lestvichnoe law, civil strife, feudalism, state, legitimation.

Легитимация государственной власти в России была обусловлена сакральными основаниями, согласно которым вся деятельность носителей этой власти – наместников Христа на земле не могла быть сопоставима с деятельностью обычных людей. Наместники Христа должны были быть праведны и непогрешимы, их помыслы богоугодны и мудры, а действия справедливы и безупречны.

На Руси «наместническая модель» проявляется особенно ярко в силу характера русской ментальности и особенностей православного мироощущения. «Именно из метафизической первоосновы (“образ” – “первообраз”) вытекал вывод о властителе как “живом образе” сакрального первообраза – богочеловека Иисуса Христа, и это определило сакрализацию места и функций властителя в земной иерархии как наместника Христа» [1, с. 9].

О божественной сути государства рассуждал уже Илларион Киевский (ум. ок. 1055 г.), первый митрополит русского происхождения в Древнерусском государстве, автор «Слова о Законе

и Благодати». Илларион «считал “Благодать” синонимом истины, а “Закон” – его тенью. Для него характерно употребление термина “закон” в теологическом и юридическом значении, так как закон рассматривается как проводник чужой воли: Бога или Господина» [2, с. 44]. По мнению митрополита Иллариона, через такое государство реализуется Божественная воля, а носитель власти в этом государстве – киевский великий князь является «причастником» и «наследником» Царства Небесного. Илларион называет правителя «единодержцем своей земли», что означало, что великий князь распространяет свою единую и суверенную власть в пределах всех своих земель и над удельными княжествами.

Будучи главой православной церкви на Руси, Илларион старался показать, каким должен быть русский государь. Основанием власти государя выступает божественная воля, одним из проявлений которой является то, что князь занимает свой престол согласно законам родового наследия. Исполняя справедливый христианский Закон, Великий князь, мужественный воин

и грозный самодержец, обязан нести «правду» своему народу. Илларион заложил традицию, согласно которой на государя возлагается нравственная ответственность за благополучие народа, что на протяжении многих веков стало, пожалуй, единственным фактором, ограничивающим власть монарха. «Ты и в правду облачен, крепостью препоясан, в истину обуи, разумом увенчан и милосердием... Ты, о честный муж, был нагим одеяние, алчущим – кормитель, странникам – пристанище, бездомным – кров, обиженным ты был заступник, бедным – обогащение» [3, с. 59].

Стать идеальным правителем князь мог только посредством соответствующего христианского воспитания в детстве и юности, постижением Истины как Благодати и достижением высокого нравственного статуса христианина. Митрополит Илларион поставил вопрос и высокой ответственности, которая возлагается на государя перед его подданными, за свою деятельность по управлению государством и обеспечению мирной жизни. Таким образом, предлагалось своеобразное внутреннее моральное самоограничение светской власти. Если на Западе подобные ограничения выражались в институционно закрепленных предписаниях церкви, особых папских энцикликах и других юридических документах, то на Руси это «ограничение» было основано на внутреннем убеждении о сакральном характере светской власти и имманентной справедливости государя. Образ идеального правителя был одним из важнейших факторов легитимации государственной власти, понятный и зримый для народных масс. В то же время представление об «образцовом» правителе имело и практическую цель, ибо было нравственным и политико-правовым ориентиром для действующего правителя. Сколь бы далеко ни находилась власть в лице монарха от народа, но все же его мнение имело большое значение, и правители, так или иначе, ориентировались на общественное сознание и представления людей о критериях праведного наместничества Христа на земле.

Произведение Иллариона имело еще и «второй план», чрезвычайно важный, но часто ускользающий от внимания исследователей. Дело в том, что Русь, приняв христианство от Византии и признавая верховенство императора как вселенского государя, оказалась как бы в вассальных отношениях с ней. Византийский базилиевс почитался греческим духовенством как единый и единственный вселенский царь. Поэтому первый русский глава православной церкви на Руси, предъявляя высокие требова-

ния к Великому князю, ставит его в один ряд с римским императором и старается «мировоззренчески вывести Русскую землю из вассалитета Византии. Принявшая христианство Русь ни в чем не уступает Византии – таков лейтмотив произведения» [1, с. 186]. Кроме этого важна и мысль Иллариона о связи единодержавия Владимира и христианства: «Благоверие того было соединено с властью» [3, с. 55]. Следует заметить, что власть единого православного царя, праведного и непогрешимого, всегда рассматривалась в единстве со значимостью Церкви. Так было во времена мирового могущества Византии, так было и тогда, когда Византия сжалась до пределов города Константинополя. Но русские правители всегда подчеркивали свою значимость, сопоставимую с императорской, а со временем – и с тем, что наследие этой вселенской власти перешло к ним.

Илларион проводит мысль, что на самом деле власть на земле принадлежит только Богу, ссылаясь на императора Константина: «Тот у эллинов и римлян цесарство Богу подчинил, ты же – на Руси. Уже и у них, и у нас Христос цесарем зовется» [3, с. 57]. Так Илларион трактует классическую формулу «наместнической модели» сакрализации власти. Илларион не мог оставить без внимания страшное преступление – насильственный захват власти и убийство братьев – Ярополка и Олега, но полагает, что принятие христианства и принятие единодержавия – синонимичные понятия.

Еще более явно эта мысль развивается в малоизвестном историческом источнике – «Память и похвала Владимиру монаха Иакова». Иаков утверждает, что установление единоличной власти в 980 г. в Киеве язычником Владимиром, даже ценой убийства родных братьев, было от Бога: «И Бог поможе ему, и седе в Киеве на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря» [4, с. 245]. Иаков называет Владимира «апостолом в князех», полагая, что вся его деятельность богоугодна. Таким образом, Владимир получает от иноков «отпущение грехов» за свои преступления, которые он совершил до принятия христианства на Руси.

Проблемы эффективности верховной власти и ответственности правителя перед своими подданными были в центре внимания сочинений Владимира Мономаха. Известны три произведения Владимира Мономаха: «Поучение детям», автобиографический рассказ о «Путях и ловах» и письмо к двоюродному брату Олегу Святославовичу Черниговскому. Также в 1116–1117 гг. по поручению Владимира Мономаха монахом Киево-Печерского монастыря

Нестором (Сильвестром) была создана Вторая редакция «Повести временных лет», в которой летопись и дошла до наших дней.

На мировоззрение Владимира Мономаха оказала огромное влияние бурная военная и политическая история того времени, важнейшим, если не центральным персонажем которой являлся он сам. Прочувствовав на практике крайний вред междоусобных войн, Мономах обосновывает необходимость единой державы на Руси, хотя и считает необходимым Великим князьям использовать в качестве совещательного органа Совет дружины (т.е. обосновывает институализацию ограничения «единодержавия»). Но все же главный мотив «Поучений» – это проблема личной ответственности, которая должна буквально пронизывать жизнь Великого князя во всех сферах его жизни. Мономах всячески старался прекратить междоусобицы, не нарушать договоров, не мстить, в том числе и за смертельные обиды. Даже после смерти сына в ходе междоусобицы, он пишет: «Договоримся и помиримся... не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут они пред Богом; а Русскую землю не погубим» [5, с. 69]. Таким образом, Владимир Мономах предлагал своим потомкам очень внимательно относиться к положению правителя в обществе, его имиджу и ответственности за свои дела и поступки перед подданными.

В «Повести временных лет», составленной около 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, закладывается традиция русской агиографии – изучения жития святых. Летописец раскрывает содержание мифов и раскрывает реальную историю, придавая огромное значение христианизации Руси и роли каждого князя в становлении сильного государства. Нестор, составляя летопись через два столетия после описываемых событий, остановил внимание на феномене сильной иноземной власти, положившей начало Киевской династии.

Идеальный сакрализованный образ Великого князя выдвигается в «Молении Даниила Заточника», в котором автор последовательно проводит мысль о необходимости иметь при себе «думцев» и опираться на их Совет (Думу). При этом Даниил полагает, что князь сам должен выбирать себе советников умных, избавляясь от советников дурных: «С хорошим советчиком совещаясь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишится» [6, с. 397–398]. Даниил говорит и о необходимости «царской грозы», которая является не реализацией самовластья, а признаком дееспособности и надежности верховной власти для подданных

[2, с. 45], обращает внимание на внешнюю привлекательность князя, его милостивое отношение к подданным, сильное и справедливое управление в качестве верховного главы всеми подданными: «Кораблю глава кормник, а ты, князь, людям своим» [6, с. 396–397].

Необходимо отметить следующую особенность уже ранних произведений русской политико-правовой мысли относительно легитимации государственной власти: в них появляется представление о «царской грозе» как средстве восстановления попорченной справедливости. Но если у Иллариона и Мономаха «царская гроза» направлена на внешних врагов, да и сам принцип самовластья имеет своей целью консолидацию всех усилий на предотвращение внешней угрозы, то Даниил Заточник понимает этот феномен значительно шире: по его мнению, «гроза» должна быть направлена и на врагов, творящих зло внутри страны. В дальнейшем этому понятию будет придаваться совершенно разное значение (причем как правителями, так и подданными), а ее вектор все более будет перенаправляться на внутренних врагов. Но при любых обстоятельствах единственным ограничением этого наиболее сложного в понимании и опасного в исполнении функционального свойства власти будет только внутреннее представление правителя о справедливости и правде, сама же «царская гроза» порой будет становиться атрибутом неограниченного самовластья, что принципиально противоречило ее изначальной сущности.

В отличие от Запада, русская политическая и правовая мысль последовательно создавала идеальный образ христианского правителя, порой вне личных качеств конкретного князя, идентифицирующегося с этим образом, что по своей сути повторяло римскую императорскую традицию. Но в русских условиях это было необходимо для решения двух задач. Во-первых, в условиях раздробленности и весьма сомнительного для укрепления государственности лестничного права этот образ был мощным средством легитимации великокняжеской власти, возможностей подчинения удельных князей центру. Во-вторых, в условиях концентрации этой власти и отсутствия реальных институциональных противовесов ей единственным фактором, сдерживающим чрезмерные властные амбиции монарха, было только обращение к нравственной составляющей, к формированию христианского идеала правителя, который принимался и самим правителем, и аристократией, и подданными. Подобная ситуация демонстрировала принципиальное различие религиозного

мироощущения на Западе и в России и значение института церкви как такового. Это в огромной мере отличало не только Западную церковь от церкви Восточной, но все мироощущение западных и восточных христиан. Русская православная церковь целиком восприняла византийскую традицию, согласно которой предстоятель церкви был подчинен византийскому императору. Великие князья на Руси считали себя персонами, сопоставимыми с императором, поэтому и глава церкви тоже был подчинен русскому монарху. Собственно православная церковь на Руси и не имела таких властных амбиций, которые предъявляла миру католическая церковь. Для Русской православной церкви была значима совершенно иная форма взаимоотношений со светской властью. «Симфония властей», также заимствованная в Византии, была наиболее гармоничной схемой взаимоотношений церковной и государственной власти. Тем не менее, любые советники при Великом князе не имели никаких установленных законом полномочий и обязанностей, выполняли только волю государя и принципиально на архитектуру власти не влияли. В этих условиях собственное понимание правителем моральных оснований власти имело превалирующее значение.

Проблема моральной ответственности монарха поднимается в «Наставлении» тверского епископа Симеона Полоцкого князю Константину (вторая половина XIII в.). Церковный иерарх поднимал важнейшую проблему эффективного функционирования государственной власти: зависимость праведности суда от характера отношений князя к своим подданным. Симеон, подобно своим предшественникам, рисует идеальный образ праведного государя, но обращает внимание еще и на то, что государь должен быть ответственным не только за свои действия, но и за действия своих подчиненных – тиунов и иных представителей княжеской администрации, ибо их недобросовестность, коррупция и беспощадное отношение к людям губят светлый облик князя [7, с. 465].

Вопрос об идеальном государе был далеко не умозрительным для мыслителей домонгольского периода. Древнерусское государство испытывало серьезные проблемы своей организационной и политической обустроенности. Это государство очень долго оставалось несформировавшимся, сырым протомилитарным образованием, где племенные пережитки играли огромную роль. Князья еще долго выступали скорее в роли предводителей военных дружин, осуществлявших грабительские набеги на соседей (Византию, Польшу, Венгрию, Хазарию, на

половцев). Свои княжества они воспринимали как удобный плацдарм для этих набегов, а не как свою землю, которую нужно было обустраивать, где необходимо было вести государственное строительство.

В средневековой Руси в отличие от Западной Европы не было классического феодализма [8, с. 434; 9, с. 203; 10, с. 18], и даже разрозненность носила принципиально другой характер. На престолах различных древнерусских княжеств находились монархи-родственники из одной династии, каждый из которых мечтал занять великокняжеский престол, т.к. теоретически имел на это право. «Лествичное право» предполагало, что престол переходит от князя к его младшему брату, а затем к старшему племяннику. Согласно этому порядку, действовавшему вплоть до конца XI в., престол могли занимать только взрослые мужчины, которые могли реально воевать и управлять княжеством. Но после смерти Великого князя начиналось движение – остальные князья должны были переезжать из города в город согласно установленному принципу старшинства. Предполагалось, что эта форма отношений укрепляет единство страны, и даже в современной литературе присутствует точка зрения, что шла она на пользу Древнерусскому государству. Так, Ф.С. Сосенков отмечает, что «Владимир Мономах был убежденным сторонником норм удельно-лествичной системы, обеспечивающей в значительной мере единство Древнерусского государства. Принципы феодального вассалитета, скреплявшие княжества в общее государственное пространство, являлись для Мономаха прямым руководством к действию... Принципы, на которых строилось управление Древнерусским государством, формулируются и закрепляются князем в «Поучении детям». Основная мысль «Поучения»: князь безусловно должен подчиняться «старейшему» (т.е. старшему князю), не враждовать с другими князьями, избегать ненужного кровопролития, то есть блюсти мир и стабильность на Русской земле» [11, с. 39].

Отдельные исследователи утверждают, что удельно-лествичная система предполагала взаимную ответственность всех князей за судьбы Руси, ибо каждый из них имел гипотетическую возможность занять киевский великокняжеский, и даже при выделении новых уделов государственное единство сохранялось как идеальная норма [12, с. 40], что такая политическая система поддерживала единство страны, попытка мятежа в равной степени нарушала права политической власти всех членов всего княжеского рода [13, с. 27].

Но на самом деле удельно-лествичная система только порождала междоусобицу между близкими родственниками и ослабляла княжества. В таких условиях князь не рассматривал землю, в которой он княжил, как свое собственное княжество, передаваемое по наследству, как родовое гнездо, и не особенно заботился о нем. Сошлемся на авторитетное мнение В.О. Ключевского, который писал: «Постоянное передвижение князей со стола на стол и сопровождающие его споры роняли земский авторитет князя... Он приходил и уходил, был политической случайностью для области, блуждающей кометой» [14, с. 200]. В конце концов, лествичное право было отменено, на Любечском съезде князей в 1097 г. после жесточайшей братоубийственной вражды 1094–1096 гг. было принято решение, что сыновья могут претендовать только на землю своих отцов, но западная система государственности на Руси так и не сложилась. К.Е. Сигалов отмечает: «На Руси развитие государственности тормозилось в силу ряда причин. Во-первых, комплекс сложившихся неразвитых экономических отношений, и, в первую очередь, неразвитых отношений собственности, долгое время продуцировал соответствующие государственно-правовые отношений. Во-вторых, особые природно-климатические условия создавали эффект автаркии, основанной на относительном, хотя и весьма скромном самообеспечении за счет внутренних ресурсов. Заимствование опыта у соседей в обстановке взаимного недоверия и недоброжелательности было ограниченным, да и сами отношения с соседними государствами были непостоянными, фрагментарными. В-третьих, наследие греко-римской античной цивилизации было незначительным. В отличие от германцев, западных и южных славян, восточнославянские племена занимали те территории, которые не были затронуты римской колонизацией “впрямую”, а контакты с Византией носили все же несколько иной характер. Поэтому “прямое наследование” государственных и правовых институтов практически отсутствовало. Влияние Византии и других государств со сформировавшейся государственностью и действующими правовыми институтами было опосредованным. В-четвертых, значимость общины была настолько велика, что она исполняла некоторые государственные функции, тормозя собственно государственное развитие» [15, с. 178]. Саморазрушающаяся русская междоусобица ослабляла и связи внутри Древнерусского государства, и отношения внутри княжеств.

Попытки переустроить государственность сопровождались заговорами, свержениями и изгнаниями князей, встречали ожесточенное сопротивление со стороны боярской знати. Одна из трагических страниц в русской истории – заговор против князя Андрея Боголюбского, описанный в произведении «Повесть об убиении Андрея Боголюбского». Автор повести изображает праведную жизнь князя, который в своей деятельности сочетал и глубокую религиозность, заботу о подданных, и умелое государственное управление. Он сравнивает мудрость Андрея Боголюбского с мудростью ветхозаветных Давида и Соломона, а в отношении к подданным видит Божественный промысел и подобие князя Христу [16, с. 71–77]. Разумеется, Андрей Боголюбский проводил обычную политику удельного князя, который желал стать Великим князем и добился этого. Но его жизнь во многом, по мнению автора «Повести...», соответствовала образу идеального праведного государя, чью государственную идеологию не приняли ни соседи-соперники, ни собственные бояре-заговорщики. Сакральный образ наместника Христа не остановил заговорщиков, в числе которых, по некоторым свидетельствам, была и жена Андрея Боголюбского Улита.

Общая геополитическая обстановка первой половины XIII в. складывалась не в пользу Руси – социально-экономическое и политическое развитие соседних стран шло более быстрыми темпами, роль Руси как торгового посредника между Севером и Югом, Западом и Востоком сошла на нет, т.к. кочевники блокировали все торговые пути, крестоносцы основали на Востоке, в Святой земле, свои государства, а в 1204 г. покорили и Византию – основного политического, экономического, интеллектуально-духовного и религиозного союзника Руси. Единое сильное государство так и не образовалось, степень противоречий и междоусобицы на Руси была такова, что Древнерусское государство было не готово к внешней агрессии и пало под ударами монгольских. А.Л. Янов отмечает: «Русь, в особенности после смерти в 1054 году Ярослава Мудрого, была сообществом пусть и европейским, но еще протогосударственным. И поэтому нежизнеспособным. В отличие от сложившихся европейских государств, которые тоже оказались, подобно ей, в середине XIII века на пути монгольской конницы (Венгрии, Польши), Русь просто перестала существовать под ее ударами, стала западной окраиной гигантской степной империи» [17, с. 48]. Монгольское завоевание не только разрушило Древнерусское

государство, но и во многом изменило представления русских о принципах государственности. В дальнейшем легитимация государственной

власти на Руси имела уже другой облик и была обусловлена еще более сложными механизмами своего существования.

1. Андреева Л.А. *Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток.* М., 2007.

2. Малахов В.П. *История политических и правовых учений.* М., 2003.

3. *Идейно-философское наследие Иллариона Киевского.* М., 1986. Ч. 1.

4. Голубинский Е.Е. *История Русской Церкви: в 2 т., 4 п/т.* М., 1997. Т. 1. П/т. 1.

5. *Письмо Мономаха к Олегу Святославичу // Изборник. Повести Древней Руси.* М., 1986.

6. *Памятники литературы Древней Руси: XII век.* М., 1980.

7. *Памятники литературы Древней Руси: XIII век.* М., 1981.

8. Блок М. *Феодальное общество.* М., 2003.

9. Гуревич А.Я. *Категории средневековой культуры.* М., 1964.

10. Лукин А.В., Лукин П.В. *Умом Россию понимать.* М., 2015.

11. Сосенков Ф.С. *Об идеях государственного единства в политико-правовых взглядах Владимира Мономаха // История государства и права.* 2014. № 9.

12. Плотникова О.Я. *Система властвования на Руси через призму ментальности // История государства и права.* 2008. № 11.

13. Озеров В.В. *Проблемы формирования удельно-лествичной формы организации государственной власти на Руси // История государства и права.* 2007. № 21.

14. Ключевский В.О. *Собр. соч.: в 9 т. Курс русской истории.* М., 1987. Т. 1.

15. Сигалов К.Е. *Генезис социально-властных институтов в России в допетровскую эпоху // Пространство и Время.* 2014. № 3.

16. *Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Изборник. Повести Древней Руси.* М., 1986.

17. Янов А.Л. *Россия против России // Знание – сила.* 2005. № 11.

1. Andreeva L.A. *Sacralization of the power in the history of Christian civilization. The Latin West and the Orthodox East.* Moscow, 2007.

2. Malakhov V.P. *History of political and legal doctrines.* Moscow, 2003.

3. *Ideological and philosophical heritage of Hilarion of Kiev.* Moscow, 1986. Pt. 1.

4. Golubinsky E.E. *History of the Russian Church: in 2 vol., 4 p/t.* Moscow, 1997. Vol. 1. P/1.

5. *Letter of Monomakh to Oleg Svyatoslavich // Izbornik. Tale of Old Russia.* Moscow, 1986.

6. *Literary monuments of Ancient Rus: the XII century.* Moscow, 1980.

7. *Literary monuments of Ancient Rus: the XIII century.* Moscow, 1981.

8. Block M. *Feudal society.* Moscow, 2003.

9. Gurevich A.Ya. *Categories of medieval culture.* Moscow, 1964.

10. Lukin A.V., Lukin P.V. *To understand Russia with mind.* Moscow, 2015.

11. Sosenkov F.S. *About the ideas of the state of unity in political and legal views of Vladimir Monomakh // History of state and law.* 2014. № 9.

12. Plotnikova O.Ya. *The system of ruling in Russia through the prism of mentality // History of state and law.* 2008. № 11.

13. Ozerov V.V. *The problem of forming specific lestvichnaya form of organization of state power in Russia // History of state and law.* 2007. № 21.

14. Klyuchevsky V.O. *Coll. works: in 9 vol. The course of Russian history.* Moscow, 1987. Vol. 1.

15. Sigalov K.E. *The genesis of the socio-government institutions in Russia in the pre-Petrine era // Space and Time.* 2014. № 3.

16. *The story about the murder of Andrey Bogolyubsky // Izbornik. Tales of Old Russia.* Moscow, 1986.

17. Yanov A.L. *Russia against Russia // Knowledge is power.* 2005. № 11.

Жеребцова Елена Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
(e-mail: zherebtsovae@gmail.com)

Злищева Людмила Алексеевна

старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: L-lusi-a@mail.ru)

К вопросу о необходимости активизации процесса формирования конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации

В статье исследуются предпосылки и основные тенденции становления и развития конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, выявлены причины, препятствующие процессу их формирования. На основе анализа данных статистики и практической деятельности органов конституционного (уставного) правосудия субъектов Российской Федерации, функционирующих на современном этапе государственно-правового строительства, делается вывод о необходимости создания данного института во всех российских регионах, что невозможно без изменения правового регулирования в исследуемой сфере. Обозначены основные проблемы в области конституционно-правовой политики государства в исследуемой сфере, вносятся отдельные предложения по совершенствованию законодательной базы.

Ключевые слова: федеративное государство, субъект Российской Федерации, правосудие, конституционные (уставные) суды, нормоконтроль, решения.

E.E. Zherebtsova, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zherebtsovae@gmail.com;

L.A. Zlishcheva, Senior Researcher of Research Department of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: L-lusi-a@mail.ru

About the need of activating of formation process of the constitutional (authorized) justice in subjects of the Russian Federation

In article explored prerequisites and the main tendencies of formation and develop of the constitutional (authorized) courts of subjects of the Russian Federation. Also in article established the reasons interfering process of their formation. On the basis of the analysis of statistical data and practical activities of authorities of the constitutional (authorized) justice of subjects of the Russian Federation functioning at the present stage of state and legal construction, the conclusion about need of creation of this institute for all Russian regions that is impossible without change of legal regulation in the studied sphere is drawn. The main problems in the field of constitutional and legal policy of the state in the studied sphere are designated, separate suggestions for improvement of legislative base are made.

Key words: federal state, subject of the Russian Federation, justice, constitutional (authorized) courts, normative control, decisions.

Провозглашение России федеративным государством предполагает ряд обязательных признаков, включая наличие в субъектах Федерации собственных органов власти, что напрямую зафиксировано в ч. 2 ст. 11

Конституции РФ. Регламентированный в общем виде ст. 10 Конституции РФ принцип разделения властей с точки зрения территории своего действия распространяется не только на федеральный уровень, но и на уровень субъектов Федера-

ции, предполагая, в том числе, и наличие судов субъектов Российской Федерации. Согласно ч. 4 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в редакции от 3 февраля 2014 г.) «О судебной системе Российской Федерации» (далее – ФКЗ) судами субъектов Российской Федерации являются конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации и мировые судьи. Будет справедливым отметить, что формирование конституционного (уставного) правосудия в отдельных субъектах Российской Федерации было начато еще до принятия названного закона, более того, и до принятия Конституции РФ. Ярчайшими примерами тому являются Кабардино-Балкарская Республика и Республика Саха (Якутия), в которых органы судебного конституционного нормоконтроля были созданы еще в 1992 г. В частности, Конституционный Суд Республики Саха (Якутия) был полностью сформирован 17 октября 1992 г. Правовую основу его деятельности составляли Конституция Якутской-Саха ССР 1978 г. (в редакции от 17 октября 1991 г.), Законы Республики Саха (Якутия) от 7 февраля 1992 г. «О Конституционном Суде Республики Саха (Якутия)» и «О порядке деятельности Конституционного Суда Республики Саха (Якутия)». В 2002 г. названные выше специализированные законы прекратили свое действие в связи с принятием Конституционного закона Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2002 г. 16-з № 363-II «О Конституционном Суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве».

Исторический экскурс позволяет признать, что активная деятельность субъектов Федерации по провозглашению на конституционном (уставном) уровне и формированию органов государственной власти была начата после принятия Конституции в России. В конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации постепенно стали появляться положения, регламентирующие статус специализированных органов конституционного (уставного) нормоконтроля [1, с. 3]. Например, нормы подобного содержания имеются в ст. 97–99, 101 Конституции Республики Адыгея от 10 марта 1995 г. (в редакции от 20 марта 2014 г.), ст. 104–106 Конституции Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. (в редакции от 4 марта 2014 г.), ст. 97, 99, 100 Конституции Республики Бурятия от 22 февраля 1994 г. (в редакции от 6 мая 2013 г.), ст. 95–97 Конституции Республики Коми от 17 февраля 1994 г. (в редакции от 30 июня 2009 г.), ст. 107–109 Конституции Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. (в редакции от 22 июня 2012 г.) и др. Как можно заметить из при-

веденных примеров, первоначально речь шла о формировании конституционного правосудия на уровне таких субъектов, как республики в составе Российской Федерации. Более поздние положения об исследуемом нами институте стали появляться и в законодательстве иных субъектов Федерации. Не принимая в настоящий момент во внимание конституционные суды республик, мы, к сожалению, можем перечислить по пальцам те субъекты Федерации, где реально созданы специализированные судебные нормоконтрольные органы. В качестве положительных примеров выступают Свердловская область, город федерального значения Санкт-Петербург и др. В частности, Уставный суд Свердловской области начал свою работу 15 мая 1998 г. (Закон Свердловской области от 6 мая 1997 г. (в редакции от 9 ноября 2011 г.) «Об Уставном суде Свердловской области»), а Уставный суд Санкт-Петербурга был сформирован 14 сентября 2000 г. (Закон от 24 мая 2000 г. «Об Уставном суде Санкт-Петербурга»). Российская действительность показывает, что и сегодня в данном направлении субъекты Федерации не стоят на месте. Так, в июне текущего года были внесены поправки в устав Иркутской области, предусмотревшие нормы о статусе Уставного суда данной области, реальное создание которого запланировано на 2015 г. Как справедливо указал губернатор Иркутской области С.В. Ерошченко, «существование Уставного суда является велением времени» [2].

Однако надо с сожалением и некоторой досадой признать, что и на современном этапе государственно-правового строительства мы не можем констатировать завершенность процесса формирования конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации. Практика же тех российских субъектов, где функционируют конституционные (уставные) суды, весьма показательна. Для наглядности проследим динамику вынесенных Конституционным Судом Республики Татарстан итоговых решений. В 2011 г. им было вынесено 13 итоговых решений, 6 из которых составили постановления по делам о проверке конституционности республиканских законов и иных нормативно-правовых актов и 7 – определения, вынесенные по конституционным жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод; в 2012 г. – 19 итоговых решений (4 и 15 соответственно), а в 2013 г. – 14, из которых 6 постановлений по жалобам граждан и их объединений на нарушение их конституционных прав и свобод, 8 определений (6 определений об отказе в принятии обращения к рассмотрению

и 2 определения о прекращении производства по жалобе). В 2013 г. Конституционный Суд Республики Татарстан давал оценку конституционности положениям следующих республиканских актов: Земельного кодекса (постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 12 февраля 2013 г. № 51-П), Закона от 8 декабря 2004 г. № 63-ЗРТ «Об адресной социальной поддержке населения» (постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 27 марта 2013 г. № 52-П), Закона от 28 декабря 2007 г. № 69-ЗРТ «О преобразовании, изменении границ отдельных муниципальных образований Республики Татарстан» (постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 17 мая 2013 г. № 53-П) и др. [3]. Еще более показательны статистические данные и примеры из конституционной практики, отражающие картину обеспечения законности в контексте признания не соответствующими Уставу Свердловской области нормативно-правовых актов данного субъекта Федерации. Так, постановления Уставного суда Свердловской области из правового пространства было выведено более 70 положений региональных нормативных правовых актов, в том числе нормы Устава муниципального образования «город Нижний Тагил» (постановление Уставного суда от 7 июля 1999 г. по делу № 7-С5-8/99), положения от 22 мая 2001 г. № 3/4 «О порядке организации и проведения в городе Екатеринбурге митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования» (постановление Уставного суда от 25 января 2002 г. по делу № 33, 34-С4-1/2002), Избирательного кодекса Свердловской области от 29 апреля 2003 г. № 10-ОЗ (постановление Уставного суда от 28 августа 2003 г. по делу № 11-С3-9/2003), Закона Свердловской области от 22 декабря 2003 г. № 51-ОЗ «О перечне документов, необходимых для получения на территории Свердловской области отдельными категориями граждан Российской Федерации юридической помощи бесплатно, и порядке их предоставления» (постановление Уставного суда от 26 октября 2004 г. по делу № 6-2-6-04), постановления главы города Екатеринбурга от 17 мая 2005 г. № 455 «Об утверждении Порядка действий Администрации города Екатеринбурга по переводу жилых помещений в нежилые помещения и нежилых помещений в жилые помещения на территории муниципального образования «город Екатеринбург»» (постановление Уставного суда от 13 октября 2005 г. по делу № 3-5-05), постановления главы города Екатеринбурга от 5 февраля 2001 г. № 116 «Об утверждении Положения, структуры и штатов

районных центров по приему документов для представления в паспортно-визовые службы на регистрацию граждан по месту жительства и месту пребывания» (постановление Уставного суда от 13 февраля 2007 г. по делу № 10-4-1-07), Положения об организации работы по предоставлению компенсаций расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг на территории муниципального образования «город Екатеринбург» от 24 ноября 2009 г. № 5200 (постановление Уставного суда от 22 ноября 2011 г.), Устава муниципального образования «город Екатеринбург» от 30 июня 2005 г. № 8/1 (постановление Уставного суда Свердловской области от 20 февраля 2014 г.) и др. [4]. Мы видим, что предметом разбирательства выступали не только региональные, но и муниципальные нормативно-правовые акты. Данные статистики и приведенные примеры решений специализированных органов судебного конституционного (уставного) контроля подтверждают востребованность обществом исследуемого нами института, его актуальность, значимость и, безусловно, необходимость создания во всех российских регионах. Необходимость их создания связана с тем, что главное предназначение конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации состоит в обеспечении принципа конституционной законности, защищенности личности, реального разделения властей, поскольку они выступают эффективным элементом системы «сдержек» и «противовесов», призваны разрешать конфликты, возникающие между органами иных ветвей власти, защищать общество от применения законов и иных нормативно-правовых актов, носящих антиконституционный характер. Наличие конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации придает целостность и завершенность построению государственности на уровне субъектов Федерации.

В связи с этим возникает несколько закономерных вопросов. Прежде всего, в чем же состоят основные причины, препятствующие формированию конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, тормозящие этот важный для правового демократического государства процесс? Во-вторых, какие меры, в том числе правотворческого характера, должны быть приняты и реализованы, дабы активизировать данный процесс, «раскачать» органы власти субъектов Федерации в нужном и столь важном направлении? Анализируя процессы, которые затрудняют формирование конституционных (уставных) судов во всех субъектах Российской Федерации, можно признать, что

речь идет и об объективных, и о субъективных причинах. При этом, безусловно, сам набор данных причин на разных этапах развития российской государственности был различен. В частности, в конце 1990-х гг. в связи с новизной для нашей страны института судебного конституционного (уставного) контроля чаще всего ученые обращали внимание на отсутствие «наработанной практики», материально-технической базы, а также писали о недостаточности должной политической культуры органов власти субъектов Российской Федерации. Так, говоря об «инертности» процесса становления конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, В.А. Кряжков отмечал, что она обусловлена тем, что «политическая элита» не заинтересована в появлении в государственном механизме структур подобного рода, не желает изменений «сложившегося баланса сил» и не заинтересована в появлении «дополнительных контролеров» [5, с. 30–31]. Нередко в исследованиях называется и определенная пассивность федерального центра в данном направлении [6, с. 534]. Как верно заметила С.А. Савченко, процесс их создания «не носил синхронного характера и не координировался из федерального центра» [7, с. 10]. Интерес вызывает и такая причина субъективного характера, как «нехватка» на уровне субъектов Федерации высококвалифицированных специалистов, в том числе специализирующихся в государственно-правовой сфере. Конечно, причина подобного рода характерна далеко не для всех субъектов Федерации, она может быть оценена весьма скептически юристами, например, центральной полосы России. Между тем, для ряда российских регионов (например, Дальнего Востока) это по сей день весьма насущная проблема.

Нередко исследователи института конституционного (уставного) нормоконтроля акцентируют внимание и на проблемах финансово-экономического характера. В частности, на начальном этапе формирования конституционного (уставного) правосудия в качестве причин, затрудняющих становление данных структур, называли отсутствие средств в бюджетах субъектов Федерации, но сегодня авторы пишут более «мягко» – недостаточность бюджетных средств. При этом ученые предлагают некоторые пути решения проблем подобного рода – использовать при формировании конституционных (уставных) судов принцип сочетания штатной (освобожденной) и внештатной основы. В частности, С.А. Авакьян, критически оценивая штатный (освобожденный) характер создания конституционных (уставных) судов, подчеркивает факт

неоправданности его применения, прежде всего потому, что у судей «небольшой объем работы, а расходы на суды достаточно внушительны» [8, с. 133–134]. Однако полагаем, что, наряду с обозначенными положительными чертами, использование внештатной основы при формировании судебного корпуса имеет и обратную, отрицательную сторону. Возникает вопрос: не отразится ли это на качестве конституционного (уставного) судопроизводства, на качестве выносимых данными органами решений?

Проблемы, связанные с финансированием конституционных (уставных) судов субъекта Российской Федерации, имеют определенные предпосылки, заложенные в самих законодательных конструкциях. В силу ограниченности объема проводимого нами исследования проведем сравнительно-правовой анализ лишь некоторых законодательных норм, регламентирующих обозначенную область общественных отношений. Статья 124 Конституции РФ закрепляет, что финансирование судов производится только из федерального бюджета. Установление данного порядка финансирования направлено на обеспечение возможности полного и независимого осуществления правосудия. В свою очередь, ст. 3 ФКЗ, регламентируя вопрос о единстве российской судебной системы, предусматривает, что оно обеспечивается путем финансирования из федерального бюджета федеральных судов и мировых судей. Далее ч. 2 ст. 27 ФКЗ устанавливается финансирование конституционных (уставных) судов субъекта Российской Федерации за счет бюджетных средств соответствующего субъекта Федерации. Следуя строго букве закона, можно констатировать некоторую коллизийность в регламентации вопроса о финансировании конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Более того, при рассмотрении положений ст. 124 Конституции РФ напрашивается вывод о том, что конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации «выведены» из единой российской судебной системы. Заметим, что данная проблема неоднократно выступала предметом дискуссий в научных кругах. Например, еще в 2001 г. О.Б. Мироновский в своем диссертационном исследовании подчеркнул, что фактически законодатель устранил конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации из единой судебной системы, что фактически ставит их в зависимость от органов властей субъектов Федерации. В свою очередь, у последних появляется возможность (посредством использования финансовых рычагов) оказывать влияние на деятельность органов

судебного конституционного (уставного) контроля и их судей в части содержания выносимых решений [9, с. 12–13].

Надо признать, что нами обозначена лишь часть причин, препятствующих формированию конституционных (уставных) судов во всех субъектах Российской Федерации. Полагаем, что основная из них заложена в конструкции ст. 27 ФКЗ, где установлено: «Конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации

может создаваться субъектом Российской Федерации...». Считаем, что возложение на субъекты Российской Федерации обязанности (а не права) создавать конституционные (уставные) суды поставило бы окончательную точку в дискуссии подобного рода и явилось завершающим «аккордом» в создании всех необходимых предпосылок и условий, в том числе правотворческого характера, для завершения процесса формирования конституционного (уставного) правосудия.

1. Жеребцова Е.Е. Компетенция конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

2. Уставный суд создан в Иркутской области, но заработает только в 2015 г. // Самые актуальные новости. Иркутск. URL: <http://irkutsk.sibnovosti.ru>

3. Информация о работе Конституционного Суда Республики Татарстан за 2012 г., 2013 г. // Официальный сайт Конституционного Суда Республики Татарстан. URL: http://ksrt.ru/?page_id=141

4. Реестр нормативных правовых актов, признанных Уставным судом Свердловской области не соответствующими Уставу Свердловской области // Официальный сайт Уставного суда Свердловской области. URL: <http://ustavsud.ur.ru/index.php/index.php?ind=rechenia&catalog=rechenia&id=3>

5. Кряжков В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика). М., 1999.

6. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

7. Савченко С.А. Особенности конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации // Закон и право. 2013. № 11. С. 9–16.

8. Авакьян С.А. Некоторые проблемы совершенствования конституционного правосудия в Российской Федерации // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. 2006. № 3.

9. Мироновский О.Б. Правовой статус конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

1. Zherebtsova E.E. Competition of the constitutional (authorized) courts of subjects of the Russian Federation: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2003.

2. The Authorized court is created in the Irkutsk region, but will work only in 2015 // The most topical news. Irkutsk. URL: <http://irkutsk.sibnovosti.ru>

3. Information about the work of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan for 2012, 2013 // Official site of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan. URL: http://ksrt.ru/?page_id=141

4. The register of the regulations recognized by Authorized court of Sverdlovsk region not corresponding to the Charter of Sverdlovsk region // Official site of Authorized court of Sverdlovsk region. URL: <http://ustavsud.ur.ru/index.php/index.php?ind=rechenia&catalog=rechenia&id=3>

5. Kryazhkov V.A. The constitutional justice in subjects of the Russian Federation (legal bases and practice). Moscow, 1999.

6. Vitruk N.V. Constitutional justice. Judicial constitutional law and process: study aid. 4th ed., rev. and add. Moscow, 2012.

7. Savchenko S.A. Features of the constitutional (authorized) justice in subjects of the Russian Federation // Law and the right. 2013. № 11. P. 9–16.

8. Avakyan S.A. Some problems of improvement of the constitutional justice in the Russian Federation // The constitutional justice in CIS and Baltic countries: digest of official materials and periodicals publications. 2006. № 3.

9. Mironovsky O.B. Legal status of the constitutional (authorized) courts of subjects of the Russian Federation: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2001.

Досакаев Алимберди Базарбиевич

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: dosakaev@yandex.ru)

Бесписьменные языки коренных малочисленных народов Северного Кавказа: конституционно-правовой анализ

Автором проводится конституционно-правовой анализ проблемы сохранения и развития бесписьменных языков коренных малочисленных народов Северного Кавказа. В статье указываются различные мнения исследователей по рассматриваемой теме, приводятся результаты интервьюирования представителей малочисленных народов Дагестана. Внесены предложения по реализации прав коренных малочисленных народов России.

Ключевые слова: родной язык, письменность, бесписьменные языки, малые народы, коренные малочисленные народы, культурное наследие, национальное достояние.

A.B. Dosakaev, Senior Lecturer of a Chair of General Law Disciplines of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: dosakaev@yandex.ru

Unwritten languages of indigenous peoples of the North Caucasus: the constitutional and legal analysis

The author carried out the constitutional and legal analysis of the problems of preservation and development of unwritten languages of indigenous peoples of the North Caucasus. The article specifies various views of researchers on the topic, results of interviews with representatives of indigenous peoples of Dagestan. The author makes a number of proposals on the rights of indigenous peoples of Russia.

Key words: native language, writing, unwritten languages, small nations, indigenous peoples, cultural heritage, national heritage.

Конституционные нормы, закрепленные в ч. 2 ст. 26 и ч. 3 ст. 68 Конституции РФ и в п. 1 ст. 10 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», указывающие права лиц, относящихся к малочисленным народам, и их объединений сохранять и развивать родные языки, более подробно регламентируются в Законе РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации».

В соответствии с п. 2 ст. 2 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» государство гарантирует всем народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения.

Более того, ст. 6 рассматриваемого Закона в компетенции Российской Федерации в сфере охраны, изучения и использования языков народов России относит полномочия по созданию условий для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных

и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами.

Анализ соответствующего закона показывает, что коренные малочисленные народы, как и другие народы России, не только пользуются государственной защитой, но и сами обладают широкими правами и гарантиями по сохранению и использованию родного языка.

Северный Кавказ издавна отличается не только этнической пестротой, но и языковой. Особенно это характерно для Республики Дагестан с ее проблемами сохранения и развития бесписьменных языков, входящих в андо-дидойскую (цезскую) языковую группу [1, с. 204–205], представителями которых являются андийцы, арчинцы, ахвахцы, ботлихцы, багулалы, бежтины, годоберинцы, генухцы, гунзибцы, дидойцы, каратинцы, тиндалы, чамалалы и хваршины. Например, если в начале 90-х гг. XX в. Правительство Дагестана приняло важное постановление о введении письменности агульского, рутульского и цахурского языков [2, с. 95], но для некоторых его народов проблема бесписьменных языков остается еще открытой.

Так, решением сессии Цунтинского районного собрания от 5 июня 2002 г. и Чрезвычайным съездом дидойского народа от 9 июня 2002 г. было принято постановление о требовании от органов государственной власти Российской Федерации и Республики Дагестан предоставления государственного статуса письменности дидойского языка [3, с. 23].

«Новописьменные и бесписьменные языки малых народностей – большая проблема для нашей республики, – отмечает М.И. Магомедов. – Очень болезненный вопрос». Далее он задается вопросом: «Зачем носителям малочисленных и одноаульных языков, к примеру андийцам, годоберинцам, каратинцам, своя письменность? Что им это даст? Для них испокон веков языком межнационального общения был аварский... Эти малые этносы необходимые слова говорят на аварском» [4, с. 19]. С данным утверждением мы не можем согласиться.

А.Н. Толстой верно отметил: «Язык – душа нации. Язык – это есть живая плоть идеи, чувств и мысли народа».

Лишить народы России возможности иметь свою письменность – это значит лишить представителей бесписьменных народов духовности, вычеркнуть из их памяти языковое наследие как одно из важнейших составляющих всей культуры самобытности самого народа. По этому поводу Э.Р. Тенишев верно отмечает, что «для малых народов опасность потерять родной язык существует, и проблема предупреждения этой утраты должна безотлагательно решаться в кратчайший срок. К сожалению, сегодня приходится констатировать, что многие языки уже потеряли письменность, низведены до бытового употребления или находятся на грани исчезновения. В Дагестане на аварский язык перешли арчинцы, андийцы, чамалинцы, цезы и другие народности. Существование этих языков тоже под угрозой» [5, с. 198].

Обеспокоенность за судьбу сохранения бесписьменных языков проявляют и дидойцы (цезы). На прошедшей 20 апреля 2003 г. научно-практической конференции в Цунтинском районе Республики Дагестан на тему «Проблемы обучения родному языку в школах Цунтинского района» представители дидойцев и многие участники конференции заявили, что реализация конституционных прав дидойского народа на обучение родному языку на территории Дагестана осуществляется не в полном объеме. К тому же отметим, что общественные организации дидойцев совместно с институтом национальных проблем образования Министерства образования РФ, под руководством про-

фессора М.Е. Алексеева подготовили и издали в 1993 г. экспериментальный вариант дидойского букваря «Алипби».

По данным российских социолингвистов, только на территории Дагестана бесписьменных языков насчитывается более двадцати [6, с. 98].

Соглашаясь с Г.Г. Гамзатовым, который призывает ученых исходить «из сознания того, что фиксация и осмысление исконной и заимствованной лексики языка, не наделенного письменной памятью, консервация и сохранение для потомков этого уникального, пока еще живого, опыта человеческого деяния и народного мышления – дело, безусловно, громадной научной значимости и, вместе с тем, во всех отношениях глубоко нравственное и в высшей степени благородное и благодарное» [7, с. 11], отметим, что сотрудниками Института народов России Министерства РФ по делам национальностей и региональной политики в 1994 г. была выпущена в свет «Красная книга языков народов России», в которую были включены в качестве исчезающих языков малых народов Дагестана следующие: агульский, андийский, арчинский, ахвахский, бежтинский, ботлихский, генухский, годоберинский, гунзибский, кайтагский, каратинский, квандинский, кубачинский, рутульский, тиндинский, хваршинский, цахурский, цезский (дидойский), чамалинский и горских евреев (та-тов) [8, с. 59]. Существующая проблема характерна и для коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [9, с. 64].

Большая работа по сохранению бесписьменных языков ведется и Институтом языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН. При финансовой поддержке Института эволюционной антропологии имени Макса Планка (г. Лейпциг) Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН выпустил 12 словарей бесписьменных языков. Кроме того, в одном из голландских центров гуманитарных исследований функционирует постоянно действующий Международный семинар по изучению дагестанских бесписьменных языков. Исследованием проблем дидойского (цезского) языка в 1993–1996 гг. занимались и профессора Южно-Калифорнийского университета Мария Полинская и Бернанд Комри [10, с. 46].

В связи с актуализацией данной проблемы в 2010 г. с целью изучения этнической идентичности малочисленных народов Дагестана в Ахвахском, Ботлихском, Цунтинском, Цумадинском и Чародинском районах республики был проведен социологический опрос 914 респондентов из числа представителей указанных этнических групп. На вопрос «Нужна ли Вашему

народу письменность?» респонденты ответили положительно, при этом мнения опрошенных распределились следующим образом: чамалалы – 94,7%, цезы – 88,9%, багулалы – 72,9%, ботлихцы – 68,1%, бежтинцы – 66,7%, тиндинцы – 66,2%, гунзибцы – 65,2%, ахвахцы – 64,6%, годоберинцы – 60,9%, андийцы – 60,2%, генухцы – 60%, каратинцы – 58,3%, арчинцы – 58,1%, хваршины – 53,1% [8, с. 60].

В связи с ростом национального самосознания народов России, а также по результатам данного опроса нам представляется, что важным процессом в сохранении и развитии бесписьменных языков народов, населяющих Российскую Федерацию, является создание для них своей письменности на родном языке. Отсутствие письменности делает народ более уязвимым для культурного внешнего воздействия, что в сочетании с малочисленностью народа создает угрозу его лингвистической, культурной, этнической ассимиляции. Отметим, что создание своей письменности этими народами в настоящее время на законодательном уровне не предусмотрено. Так как установленное в п. 4 ст. 10 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» право каждого народа России, не имеющего своей письменности, создавать свою письменность на родном языке не может быть реализовано малочисленными народами Дагестана. Например, во всех официальных документах страны указанные малочисленные народы данной республики не фигурируют как самостоятельный народ, а только лишь указываются как аварский и даргинский народы [11].

Другой проблемой сохранения и развития бесписьменных языков малочисленных народов Дагестана является их изучение подрастающим поколением в образовательных учреждениях страны.

Несмотря на то, что в целях сохранения и развития языков народов России действующий Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» предоставляет гражданам России возможность получения основного общего образования на родном языке, а также право на его изучение (п. 4 ст. 14), к сожалению, в отношении малочисленных народов Дагестана реализация данной нормы сталкивается с рядом проблем. В частности, на многочисленные обращения гражданки М. Курбановой к органам государственной власти Республики Дагестан по вопросам обучения детей дидойскому языку были получены следующие ответы: «...Для обучения школьников дидойскому языку, к сожалению, учебно-методическая база не создана. Очень

серьезной является проблема отсутствия квалифицированных кадров по дидойскому языку, подготовка которых не ведется, – ниже подписавшийся Министр образования Республики Дагестан М. Азизов» [12, с. 37].

Весьма справедливые замечания по этому поводу делают и другие представители малочисленных народов республики. «Я считаю ненормальным, – отмечает заслуженный учитель Дагестана Д. Анварбегов, – когда в школах Цунтинского района детей обучают аварскому языку как родному, хотя у нас есть свой родной язык. Наши дети произносят первые аварские слова только в школе на уроках “родного” аварского языка. За пределами урока они и мы – их родители и учителя общаемся на своем дидойском языке» [13, с. 7–8].

Кроме того, проведенное нами в 2012 г. интервьюирование представителей малочисленных народов Дагестана из числа кайтагцев показало, что они дома в кругу семьи разговаривают на кайтагском языке, а в школе изучают даргинский язык, отличающийся от кайтагского. На вопрос «Понимаете ли Вы друг друга?» опрошенные кайтагцы отвечают, что «мы их понимаем и можем с ними разговаривать на их диалекте, а они нет, так как не знают нашего наречия». Аналогичная ситуация складывается и у других малочисленных народов республики.

Данное обстоятельство подтверждается и официальными архивными документами, где в своих заявлениях ряд представителей малочисленных народов андо-дидойской языковой группы, обращаясь к властям Дагестана с возмущением по факту обучения их детей аварскому языку, отмечают, что аварский язык для андийцев, тиндийцев, дидойцев и других народов андо-дидойской группы является таким же непонятным, как и всякий другой неродной язык [14].

Указывая эти обстоятельства, а также и то, что нормы Закона РФ «О языках народов Российской Федерации», равно как и другие нормативно-правовые акты, не всегда учитывают специфику существующих проблем сохранения, изучения и развития бесписьменных языков народов России, считаем, что в целях принятия эффективных мер по защите этнического, культурного и языкового многообразия народов России, особенно народов Северного Кавказа, необходимо принять федеральный закон «О бесписьменных языках народов России». В концепцию закона должны быть положены идеи национальной политики по признанию важности сохранения, изучения и развития всех бесписьменных языков народов, населяющих Россию, принятия мер по введению письменности для

народов, не имеющих своей письменности, несмотря на их реально существующее положение в государстве и обществе. Полагаем, что принятие такого волевого решения о введении письменности для малых народов России имело бы судьбоносное значение в их возрождении и дальнейшем развитии.

Важным критерием в принятии мер по поддержке бесписьменных языков должно быть наличие эффективных федеральных и региональных целевых программ, направленных на обеспечение прав малочисленных народов на сохранение, развитие родного языка посредством создания письменности и введения родного языка в систему начального образования в школах компактного проживания данных народов. Указанные программы в обязательном порядке должны предусматривать важность функционирования русского языка как языка межнационального общения, а также вопросы, связанные с финансированием научных исследований институтов, подготовки специалистов в области сохранения, изучения и развития бесписьменных языков малочисленных народов России. Вместе с тем, необходимо создать социальную и политическую среду, которая спо-

собствовала бы формированию уважения к бесписьменным языкам, дабы использование таких языков в будущем являлось преимуществом Российской Федерации в развитии демократии и гражданского общества, поскольку во вводной части Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» провозглашается, что «Языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства... находятся под защитой государства. Настоящий Закон направлен на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации и призван стать основой для... разработки нормативных правовых актов в целях реализации положений настоящего Закона».

Таким образом, реализация поставленной цели сохранения культурного наследия бесписьменных языков коренных малочисленных народов России, как мы видим, возможна не только совместными усилиями органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностными лицами, но и непосредственным участием представителей малочисленных народов, через учрежденные ими общественные объединения.

1. Сергеева Г.А. Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.

2. Ибрагимов Г.Х. Цахуры // Народы Дагестана: сб. ст. Махачкала, 2002.

3. Хасбулаев А. Если народ хочет сохранить свой язык – язык сохранится // Проблемы обучения родному языку в школах Цунтинского района: материалы регион. науч.-практ. конф., Макок, Махачкала, 20 апр. 2003 г. Махачкала, 2003.

4. Сутаева Я. Город – это кладбище для... // Черновик. 2007. № 8.

5. Тенишев Э.Р. Языковые аспекты культур народов СССР // Изв. АН СССР. 1989. Т. 48. № 3.

6. Соколовский С.В. Международный опыт имплементации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств // Этнографическое обозрение. 2010. № 4.

7. Гамзатов Г.Г. Гунзибо-русский словарь. М., 2001.

8. Шахбанова М.М. Этноязыковые процессы у малочисленных народов (на примере андоцезской группы) // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2(40).

1. Sergeeva G.A. Major complexes of Avars traditional clothing and their transformation during the Soviet era // Ethnic, cultural and community processes in the Caucasus. Moscow, 1978.

2. Ibragimov G.H. Tsakhurs // Peoples of Dagestan: coll. of papers. Makhachkala, 2002.

3. Khasbulaev A. If people want to preserve their language – the language preserved // Problems of mother-tongue education in schools of Tsuntin area: proc. of the regional sci. and pract. conf. Makoki, Makhachkala, Apr. 20, 2003. Makhachkala, 2003.

4. Sutaeva Ya. City is a cemetery for ... // Draft. 2007. № 8.

5. Tenishev E.R. Language aspects of cultures of the peoples of the USSR // Proc. of Academy of Sciences of the USSR. 1989. Vol. 48. № 3.

6. Sokolovsky S.V. International experience in the implementation of the European Charter for regional or minority languages // Ethnographic review. 2010. № 4.

7. Gamzatov G.G. Gunzibo-Russian dictionary. Moscow, 2001.

8. Shahbanova M.M. Ethno-linguistic processes in indigenous peoples (on an example of Ando-Tsez group) // The cultural life of the South of Russia. 2011. № 2(40).

9. Васильева Л.Н. Конституция Российской Федерации о сохранении и развитии родных языков народов России // Журнал рос. права. 2004. № 6.

10. Гамзатов Г.Г. Бесписьменный, но живой язык // Проблемы обучения родному языку в школах Цунтинского района: материалы регион. науч.-практ. конф., Макок, Махачкала, 20 апр. 2003 г. Махачкала, 2003.

11. Национальный состав населения Российской Федерации. Прил. 5. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 22.11.2013).

12. Курбанова М. Дидойский язык – наш материнский язык // Проблемы обучения родному языку в школах Цунтинского района: материалы регион. науч.-практ. конф., Макок, Махачкала, 20 апр. 2003 г. Махачкала, 2003.

13. Анварбегов Д. Язык – это великая ценность народа // Проблемы обучения родному языку в школах Цунтинского района: материалы регион. науч.-практ. конф. Макок, Махачкала, 20 апр. 2003. Махачкала, 2003.

14. Архив Дагестанского обкома КПСС. Ф. 1. Оп. 113. Д. 36. Л. 81–117.

9. Vasilyeva L.N. Constitution of the Russian Federation on the preservation and development of the native languages of the peoples of Russia // Journal of Russian law. 2004. № 6.

10. Gamzatov G.G. Unwritten, but a living language // Problems of mother-tongue education in schools of Tsuntin area: proc. of the regional sci. and pract. conf. Makoki, Makhachkala, Apr. 20, 2003. Makhachkala, 2003.

11. National composition of the population of the Russian Federation. App. 5. URL: <http://www.gks.ru> (date of access: 22.11.2013).

12. Kurbanova M. Dido languages – our mother-tongue // Problems of mother-tongue education in schools of Tsuntin area: proc. of the regional sci. and pract. conf. Makoki, Makhachkala, Apr. 20, 2003. Makhachkala, 2003.

13. Anvarbegov D. Language is a great value of people // Problems of mother-tongue education in schools of Tsuntin area: proc. of the regional sci. and pract. conf. Makoki, Makhachkala, Apr. 20, 2003. Makhachkala, 2003.

14. Archive of Dagestan Regional Committee of the CPSU. F. 1. Op. 113. D. 36. L. 81–117.

Ерофеев Илья Михайлович

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета
(тел.: +79261694090)

О роли Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод в системе европейского права и ее значении для Российской Федерации

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод занимает особое место в системе европейского права и находится в центре внимания экспертов-правоведов. Посредством принятия новых протоколов Конвенция динамично развивается, а созданный на ее основе уникальный механизм имплементации, представленный Европейским судом, является важнейшим источником европейской правозащитной системы. Вхождение в Совет Европы и присоединение к Конвенции для России стало важным этапом ее интеграции в правовое пространство Европы, а также новой вехой развития национальной правоприменительной практики.

Ключевые слова: Европейская конвенция, Европейский суд, защита прав человека, право Совета Европы, европейская правозащитная система.

I.M. Erofeev, Post-graduate of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; tel.: +79261694090.

The role of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the European system of Human Rights and its significance for the Russian Federation

The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms is playing a special part in the European law system and became a center of attention of the international law-experts community. Through adoption of a new protocols the Convention is developing dynamic while its unique mechanism for implementation – the European Court of Human Rights – is having a significant precedent value for the whole European system of human rights. The accession of the Russian Federation to the European Council and Convention is highly important for its integration in the legal framework of Europe and the evolution of a national law enforcement practice.

Key words: European Convention, European Court, protection of human rights, law of European Council, European legal framework.

В системе защиты прав человека и основных свобод, созданной Советом Европы, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) занимает особое место. Она была принята Советом Европы 4 ноября 1950 г. [1] и вступила в силу 3 сентября 1953 г.

Принятие Конвенции последовало за ратификацией Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Однако, являясь ее продолжением и развитием, Конвенция не только провозгласила основополагающие права и свободы человека, но и создала эффективный механизм их защиты, который является наиболее прогрессивным в мире [2, с. 25]. Как отмечают американские исследователи М. Джанис и Р. Кей, особенность данного механизма заключается, прежде всего,

в том, что страны, ратифицировавшие Конвенцию, подчиняются даже спорным решениям Европейского суда [3, с. 43]. Как подчеркивает юрисконсульт Европейского суда М. Де Сальвиа, в системе европейского права Конвенция выполняет роль общей институциональной нормы и создает объективные обязательства, находящиеся под коллективной защитой [4, с. 56–57].

Конвенция была призвана не просто дополнить Декларацию прав человека, но и подтвердить традиционно ведущую роль Европейского Союза в создании и развитии демократических и правовых институтов. В этой связи основные задачи Конвенции заключаются в предоставлении непосредственной и постоянной защиты воплощенных в ней прав [5, с. 486].

Принципиально новым и важным для Конвенции стал отказ от традиционных представлений о компетенции постоянных международных судебных органов как ограниченной исключительно спорами между государствами.

Другой основополагающей особенностью Конвенции является возможность прямого обращения граждан в созданную ею наднациональную юрисдикцию, в связи с чем судебная защита их прав перестала являться исключительной прерогативой государств. Тем самым гражданину впервые был предоставлен статус субъекта международного права [6, с. 3]. Согласно ст. 25 Конвенции частные лица, наряду с государствами, могут инициировать разбирательство в связи с предполагаемым нарушением государством-участником установленных ею стандартов. Это право составляет сердцевину учрежденной Конвенцией правовой системы и сыграло решающую роль в ее эволюции. Вместе с тем, при создании Конвенции эта новелла рассматривалась как второстепенная и была принята с оговорками на основе компромисса. Так, граждане государства – участника Конвенции получали право на обращение в Европейскую комиссию только после признания государством за ними или их объединениями такого права. Из государств, принимавших Конвенцию, Нидерланды признали такое право лишь в 1960 г., Великобритания в 1966 г., Италия в 1973 г., а Франция в 1981 г. Неслучайно было оговорено, что, сделав заявление о согласии на индивидуальную жалобу, государство обязуется никаким образом не препятствовать ее подаче и рассмотрению.

Конвенция также закрепила принцип коллективного обеспечения прав человека. С ее помощью было признано, что наиболее надежный способ предотвратить повторение чудовищных беззаконий 1930–1940-х гг. состоит в подчинении государства определенному внешнему контролю, что выходит далеко за рамки дипломатической защиты государствами своих граждан за рубежом.

Наряду с этим, наиболее важной и основополагающей чертой Конвенции, по мнению М.Л. Энтина, российского дипломата, эксперта международного права, стал механизм контроля, созданный в целях ее толкования и применения или, пользуясь терминологией ст. 19, для обеспечения выполнения государствами-участниками взятых на себя обязательств [7, с. 6].

Другие исследователи в сфере международного права отмечают, что «Конвенция – это не застывший монумент, а живой организм, подверженный прогрессивным влияниям» [8, с. 159]. Так, профессор Г.В. Игнатенко считает,

что одним из основных сформулированных в решениях Европейского суда является принцип верховенства права, который своими составляющими имеет правовую определенность и правовую эффективность [9, с. 79].

В свою очередь, А.И. Ковлер, судья Европейского суда (1998–2012 гг.), обращает внимание, что «международно-правовой механизм защиты прав и свобод человека дает на европейском пространстве импульсы для совершенствования этого механизма внутри государств, наделяя гражданина двойной правовой безопасностью, что создает совершенно новую парадигму правового статуса личности» [10, с. 406–407].

В преамбуле Конвенции подчеркивается, что ее участники поставили перед собой цель предпринять «первые шаги» для осуществления «некоторых прав», зафиксированных во Всеобщей декларации прав человека [11]. В документе действительно содержится лишь часть прав и свобод, закрепленных во Всеобщей декларации и позднее – в Международных пактах о правах человека [12, с. 52–67]. Однако достоинство системы, созданной на основе этой Конвенции, состоит в том, что она непрерывно эволюционирует и пополняется новыми документами. Дополнительные Протоколы к Конвенции включили в систему европейской защиты практически весь перечень гражданских и политических прав, а также некоторые социально-экономические права.

Ценность Конвенции, как пишет французский ученый К. Васак, определяется фактически ее механизмом, а не правами, которые она защищает. Впервые в истории человечества, подчеркивает автор, существует международный механизм, который функционирует вне государства и выражает общие ценности всего человечества [13, с. 673]. По определению других ученых, он является уникальным, жизненным и развивающимся [14, с. 36–37].

Первоначально этот механизм включал три органа: Европейскую комиссию по правам человека, Европейский суд по правам человека и Комитет министров Совета Европы, которые несли ответственность за обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя государствами – участниками Конвенции. Жалобы, поданные индивидуальными заявителями или государствами – участниками Конвенции, становились предметом предварительного рассмотрения Европейской комиссии по правам человека. Она рассматривала вопрос об их приемлемости и при положительном решении передавала дело в Европейский суд по правам человека для принятия окончательного, имеющего обязательную

силу решения. Если дело не передавалось в Суд, оно решалось Комитетом министров. С 1 ноября 1998 г. по вступлении в силу Протокола № 11 о реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией [15], первые два из этих органов были заменены единым, постоянно действующим Европейским судом по правам человека.

8 февраля 1996 г. Комитет министров Совета Европы, «учитывая выраженное Российской Федерацией желание стать членом Совета Европы», принял резолюцию 96(2), в которой предложил нашей стране присоединиться к его Уставу, что и произошло 28 февраля 1996 г. [16]. Россия официально стала 39-м членом Совета Европы. Вступление России в Совет Европы повлекло весомые политические последствия, одним из них стала ратификация 30 марта 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [17]. П.А. Лаптев отмечает: «С присоединением нашей страны к Конвенции о защите прав человека и основных свобод правовое бытие России обрело новое качество и новое измерение – европейское» [18, с. 31].

В свою очередь, вступление в силу Конвенции и признание Россией обязательной юрисдикции Европейского суда по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Россией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации, означало необходимость приведения в соответствие с положениями Конвенции деятельности всех российских органов государственной власти, их решений и используемых процедур.

Конвенция вступила в силу для России с изменениями, внесенными в нее Протоколами № 3 от 6 мая 1963 г., № 5 от 20 января 1966 г., № 8 от 19 марта 1985 г., дополнениями, содержащимися в Протоколе № 2 от 6 мая 1963 г., а также Протоколами к ней № 1 от 20 марта 1952 г., № 4 от 16 сентября 1963 г., № 7 от 22 ноября 1984 г., № 9 от 6 ноября 1990 г., № 10 от 25 марта 1992 г. и № 11 от 11 мая 1994 г. В феврале 2010 г. Россия ратифицировала Протокол № 14, вносящий изменения в контрольный механизм Конвенции [19] и призванный повысить эффективность работы Европейского суда по правам человека в условиях резкого увеличения числа жалоб в связи со вступлением в Совет Европы

новых государств-членов. Россия подписала, но не ратифицировала Протоколы № 6 от 28 апреля 1983 г. и № 12 от 4 ноября 2000 г. Протокол № 13 от 3 мая 2002 г. об отмене смертной казни при любых обстоятельствах [20], а также Протокол № 15, принятый 16 мая 2013 г. Комитетом министров Совета Европы, о внесении изменений в организацию деятельности Суда и порядок рассмотрения жалоб Россия не подписала.

Итак, Европейская конвенция, в отличие от других международных договоров в сфере защиты прав человека и основных свобод, не только провозгласила основополагающие права и свободы человека, но и создала особый уникальный механизм их защиты. Конвенция допустила прямое обращение граждан в Европейский суд по правам человека, что впоследствии сыграло важную роль в признании международной правосубъектности физических лиц.

С момента ратификации 30 марта 1998 г. Российской Федерацией Европейской конвенции граждане Российской Федерации получили реальную возможность направлять индивидуальные жалобы, связанные с нарушением их прав, в Европейский суд по правам человека.

Для осуществления на практике защиты прав и основных свобод человека и гражданина необходимы, с одной стороны, развитая система гарантирующих их законов, а с другой стороны – столь же развитая система конституционных средств воплощения этих законов в жизнь. Вступление России в Совет Европы следует рассматривать в качестве реального вклада нашего государства в процесс построения миропорядка на основе господства права.

В Европейской конвенции записаны основополагающие принципы, касающиеся прав человека. Их значение состоит в том, что все конкретные нормы в законодательстве государств-участников должны разрабатываться в соответствии с этими принципами, которые одновременно являются критерием их законности. Правовая система каждой страны – члена Совета Европы, включая Россию, обязана закреплять основополагающие принципы, зафиксированные в Европейской конвенции. К их числу относятся демократические принципы организации и деятельности любой государственной власти: народовластие, разделение властей, верховенство права и наличие независимых судебных органов.

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. //

1. *European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.*

Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

2. Гомьен Д. Путеводитель по Европейской конвенции о защите прав человека. Страсбург, 1994.

3. Джанис М., Кей Р. Европейская система защиты прав человека. Коннектикут, 1990.

4. Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004.

5. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак А. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998.

6. Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001.

7. Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека: опыт Совета Европы. М., 1997.

8. Игнатенко Г.В. Конвенция о защите прав и основных свобод в российской правовой системе: реальности и перспективы // Московский журнал международного права. 1997. № 3.

9. Нешатаева Т.Н. Соответствовать требованиям европейских стандартов // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика: сб. науч. ст. Краснодар; СПб., 2004.

10. Ковлер А.И. Антропология права: учеб. для вузов. М., 2002.

11. Всеобщая декларация прав человека: принята 10 дек. 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Рос. газ. 1995. 5 апр.

12. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Международные акты о правах человека: сб. документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М., 2002.

13. Васак К. Совет Европы // Международное измерение прав человека. Париж, 1982. Т. 2.

14. Монтгомери Джон. Права человека и достоинство. Даллас, 1986.

15. Протокол № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод о реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией: подписан 11 мая 1994 г. в г. Страсбурге // Собр. законодательства РФ. 1998. № 44. Ст. 5400.

16. Распоряжение Президента Российской Федерации от 13 февр. 1996 г. № 66-РП // Собр. законодательства РФ. 1996. № 8. Разд. Третий. Ст. 743.

17. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федер. закон от 30 марта 1998 г.

Rome, Nov. 4, 1950 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 2. Art. 163.

2. Gomien D. The guide to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 1994.

3. Janis M., Kay R. European Human Rights Law. Connecticut, 1990.

4. De Salvia Michele. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. St. Petersburg, 2004.

5. Gomien D., Harris D., Zwaak A. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the European Social Charter: The law and practice. Moscow, 1998.

6. Tumanov V.A. European Court of Human Rights. The essay of organization and activity. Moscow, 2001.

7. Entin M. International guarantees of human rights: the experience of the European Council. Moscow, 1997.

8. Ignatenko G.V. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the russian law system: reality and prospects // The Moscow journal of the international law. 1997. № 3.

9. Neshataeva T.N. Being correspond to the European standard requirements // The modern thinking about the civil arbitration and executive work: theory and practice: coll. of sci. papers. Krasnodar; St. Petersburg, 2004.

10. Kovler A.I. The anthropology of the law: textbook for high schools. Moscow, 2002.

11. United Nations Universal Declaration on Human Rights: Dec. 10, 1948 carried by the General Assembly of the UN // Rus. newsp. 1995. Apr. 5.

12. International Covenant on Civil and Political Rights of 1966 // International acts on Human Rights: coll. of documents / comp. by V.A. Kartashkin and E.A. Lukasheva. Moscow, 2002.

13. Vasak K. The Council of Europe // The International Dimensions of Human Rights. Paris, 1982. Vol. 2.

14. Montgomery J. Human Rights and Human Dignity. Dallas, 1986.

15. Protocol № 11 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms about the reorganization of its control arrangement: Strasbourg, May 11, 1994 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 44. Art. 5400.

16. The executive order of the President of the Russian Federation of Febr. 13, 1996 № 66 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 8. Vol. 3. Art. 743.

17. On ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental

№ 54-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

18. Лаптев П.А. Российское правосудие и Европейский Суд по правам человека // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всерос. совещания / под ред. М.А. Митюкова, С.Б. Кабышева, В.К. Боброва и А.В. Сычевой. М., 2004.

19. Протокол № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, дополняющий контрольную систему Конвенции: подписан 13 мая 2004 в г. Страсбурге // Бюл. Европейского суда по правам человека. Рос. изд. 2005. № 3.

20. Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод об отмене смертной казни при любых обстоятельствах: подписан 3 мая 2002 в г. Вильнюсе // Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России: сб. документов. М., 2004.

Freedoms and its protocols: fed. law of March 30, 1998 № 54 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 14. Art. 1514.

18. Laptev P.A. *The Russian justice and the European Court of Human Rights // Principals and values of the international law, international agreements in the practice of the constitutional justice: proc. of the Russian conference / ed. by M.A. Mityukov, S.B. Kabyshev, V.K. Bobrov and A.V. Sycheva. Moscow, 2004.*

19. Protocol № 14 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: Strasbourg, May 13, 2004 // Bull. of acts of the European Court of Human Rights. Russian ed. 2005. № 3.

20. Protocol № 13 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms about the life-boat in every conditions: Vilnyus, May 3, 2002 // The European Court of Human Rights. First decisions towards Russia: coll. of documents. Moscow, 2004.

Маркин Александр Викторовичкандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

К вопросу о роли актов гражданского состояния в динамике современных правоотношений

Статья описывает основные положения теории актов гражданского состояния и их роль в возникновении, изменении и прекращении гражданских правоотношений. Автор предлагает к рассмотрению основные принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с актами гражданского состояния в условиях современной социально-правовой динамики.

Ключевые слова: гражданское право, акт гражданского состояния, юридический факт, гражданские правоотношения.

A.V. Markin, Master of Sociology, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

To the question of the role of acts of civil status in dynamics of modern legal relationship

Article describes basic provisions of the theory of acts of civil status and their role in emergence, change and the termination of civil legal relationship. The author offers the basic principles of legal regulation of the relations arising in connection with acts of civil status in the conditions of modern social and legal dynamics to consideration.

Key words: civil law, act of civil status, legal fact, civil legal relationship.

На сегодняшний момент в сфере гражданско-правового регулирования ситуация характеризуется усложнением общих предпосылок развития общественных отношений в сфере актов гражданского состояния. Это происходит под влиянием прогрессирования частной собственности, расширения возможностей гражданина в приобретении и осуществлении гражданских прав. Общественные отношения в сфере актов гражданского состояния, складывающиеся в настоящее время, весьма динамичны. Так, по данным Росстата, в 2009 г. в Российской Федерации было заключено 1199446 браков, в 2010 г. – 1215066 [1]. Кроме того, по данным на начало 2014 г., за 2013 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 1206776 браков и 664293 развода [2]. Регистрация актов гражданского состояния способствует достижению юридических, административных, статистических и любых иных целей в области организации семьи, демографических тенденций, социального обеспечения.

Говоря о гражданском состоянии, имеют в виду юридические характеристики физического лица, отражающие его гражданско-правовое и семейно-правовое положение и позволяющие индивидуализировать правовое состояние гражданина вследствие наступления юридиче-

ски значимых фактов, а также при реализации нормативно закрепленных прав и обязанностей. Данная позиция сводит сущность гражданского состояния к характеристике правоспособности и дееспособности, семейного положения, а также иных фактов, индивидуализирующих гражданина.

Правовое состояние является реальным фактом правовой действительности, выражающим юридические характеристики личности в определенный момент времени и в определенном пространстве. То есть гражданское состояние непосредственно связано с личностью, непередаваемо другим лицам, и гражданин не может отказаться от него. С рождением человек становится носителем гражданского состояния, а со смертью или объявлением умершим в судебном порядке гражданское состояние прекращается. Кроме того, гражданское состояние неразрывно связано с объемом правоспособности и дееспособности конкретного лица.

Для определения актов гражданского состояния важно определить само понятие «акты». С точки зрения российского законодательства (ст. 47 ГК РФ [3], ст. 3 Закона об актах гражданского состояния [4]), акты гражданского состояния – это юридические факты гражданско-правового характера (события и действия граждан).

В теории гражданского права уточняется, что под гражданским юридическим фактом следует понимать обстоятельства, с которыми нормативные акты связывают какие-либо юридические последствия: возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений [5, с. 104].

Несмотря на большое количество работ, затрагивающих обширную проблематику социальной динамики современных правоотношений, существует ряд важных правовых проблем, касающихся актов гражданского состояния. Так, содержание термина «гражданское состояние» определяет сущность терминов «акты гражданского состояния», «записи актов гражданского состояния». Поскольку на законодательном уровне определение названного термина не раскрывается, разные авторы по-разному трактуют его. Представляется, что гражданское состояние – это юридические характеристики физического лица, отражающие его гражданско-правовое и семейно-правовое положение и позволяющие индивидуализировать правовое состояние гражданина вследствие наступления юридически значимых фактов, а также при реализации нормативно закрепленных прав и обязанностей.

Юридические факты от иных жизненных фактов – фактических обстоятельств – отличаются только с точки зрения значимости их для права. Акты гражданского состояния удостоверяют те обстоятельства, которые имели место в действительности (рождение, смерть, усыновление и др.). Следует согласиться с мнением И.М. Кузнецовой, отмечающей, что сами органы ЗАГС не вправе устанавливать какие-либо факты. Их задача – производить регистрацию актов гражданского состояния, которые подтверждены доказательствами, установленными в законе [6, с. 12]. Следовательно, первый признак юридических фактов (факты (явления и процессы) существуют в реальности) присущ и актам гражданского состояния.

В юридической литературе существуют различные взгляды на определение термина «акты гражданского состояния». В связи с этим следует отличать акты гражданского состояния (т.е. действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан – п. 1 ст. 3 Закона об актах гражданского состояния) от административных актов по регистрации, от документов (материальных носителей информации о действиях и событиях, подлежащих удостоверению в соответствующих органах публичной власти).

Исходя из того, что акты гражданского состояния влекут возникновение, изменение или прекращение гражданского состояния лица, в российском праве обнаруживаются еще юридические факты, которые не только влияют на гражданское состояние, но и требуют специального государственного учета. Речь идет о признании гражданина ограниченно дееспособным, недееспособным, смене пола гражданина. Так, полномочий у гражданина, ограниченного в дееспособности или признанного недееспособным, в какой-то мере становится меньше, но государство предоставляет им новые возможности, нацеленные на обеспечение соблюдения их прав и интересов. Например, получать заработок, пенсию и иные доходы и распоряжаться ими ограниченно дееспособный может лишь с согласия попечителя (п. 1 ст. 30 ГК РФ), опекун не вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать, а попечитель – давать согласие на совершение сделок, влекущих уменьшение имущества подопечного (п. 2 ст. 37 ГК РФ).

Зачастую в обыденной жизни могут возникнуть некоторые трудности с определением, является ли лицо недееспособным, ограниченно дееспособным или полностью дееспособным. Для решения данной проблемы было бы целесообразным внести в перечень обстоятельств, подлежащих регистрации в органах ЗАГСа, факты признания граждан недееспособными и ограниченно дееспособными с последующей фиксацией соответствующих сведений (по аналогии со штампом о постановке на регистрационный учет по месту жительства) в паспорте гражданина Российской Федерации.

Как и любые другие юридические факты, акты гражданского состояния влекут возникновение, изменение или прекращение правоотношений (второй признак юридических фактов). Например, расторжение брака влечет прекращение брачного правоотношения, появляются основания для раздела совместно нажитого имущества. Вследствие регистрации установления отцовства мужчина становится законным представителем своего ребенка, возникает обязанность по содержанию ребенка, ребенок и отец становятся субъектами наследственных правоотношений.

Зачастую понятие акта гражданского состояния отождествляют с понятием записи акта гражданского состояния [7, с. 23]. Записи актов гражданского состояния являются результатом деятельности органов публичной власти по регистрации актов гражданского состояния, заключающейся в фиксации обстоятельств,

подлежащих удостоверению. «Актовые записи подтверждают время (момент) возникновения, изменения, прекращения, восстановления соответствующих прав и обязанностей» [8, с. 79]. По своей правовой природе они представляют собой административные акты, выражающиеся в форме документа. Соответственно, запись акта гражданского состояния – это документ (материальный носитель информации о действиях и событиях, подлежащих удостоверению в соответствующих органах публичной власти). Акты гражданского состояния – это обстоятельства, имевшие место в действительности, влекущие наступление определенных юридических последствий, т.е. отождествить их с записью актов гражданского состояния нельзя.

Таким образом, во избежание искажения смысла, заложенного законодателем в определении актов гражданского состояния, необходимо употреблять единую терминологию, для чего важно отличать акты гражданского состояния (действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан (п. 1 ст. 3 Закона об актах гражданского состояния)) от административных актов по регистрации (юридически значимых действий органов публичной власти (органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления), направленных на регистрацию актов гражданского состояния); от документов (материальных носителей информации о действиях и событиях, подлежащих удостоверению в соответствующих органах публичной власти).

В результате совершения юридического акта между публичными органами и заявителями возникают административные правоотношения, которые практически всегда носят характер управленческих отношений. В административных отношениях один из субъектов обязательно уполномочен на принятие решений по вопросам, касающимся субъективных прав, обязанностей

и интересов другой стороны. К органам ЗАГС, безусловно, это тоже относится, поскольку заявителям может быть отказано в государственной регистрации акта гражданского состояния по основаниям, перечисленным в ст. 11 Закона об актах гражданского состояния: если государственная регистрация противоречит Закону об актах гражданского состояния, если документы, которые представлены в соответствии с Законом об актах гражданского состояния, не соответствуют требованиям, предъявляемым к ним Законом об актах гражданского состояния и иными нормативными правовыми актами.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать вывод о важности изучения актов гражданского состояния и внесении определенных коррективов в теоретические познания об актах гражданского состояния и их правовое регулирование в связи с повышением современной социальной динамики. Регистрация актов гражданского состояния предоставляет возможность точно знать движение народонаселения: сколько человек появляется на свет, соединяется в семьи, умирает, каково соотношение между рождаемостью и смертностью, браками и разводами, что является очень важным при разработке и осуществлении государственной экономической и социальной политики. В силу этого следует отметить значимость государства как важнейшего механизма в обеспечении надежной защиты законных прав и интересов субъектов отношений в области актов гражданского состояния.

Кроме того, все акты гражданского состояния характеризуют правовое состояние граждан. Поэтому регистрация актов гражданского состояния важна для защиты как государственных интересов, так и интересов отдельных граждан.

Акты гражданского состояния в силу их влияния на правовое состояние гражданина имеют значение для многих отраслей права, ведь с ними закон связывает возникновение, изменение или прекращение самых различных правоотношений, прежде всего гражданско-правовых.

1. Данные Роскомстата. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/#> (дата обращения: 31.07.2012).

2. Данные Роскомстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 04.03.2014).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

1. Roskomstat data. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/#> (date of access: 31.07.2012).

2. Roskomstat data. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (date of access: 04.03.2014).

3. The Civil code of the Russian Federation (part one) of Nov. 30, 1994 № 51-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

4. Собр. законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

5. Егоров Н.Д. Основания гражданских правоотношений. Гражданское правоотношение // Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2003.

6. Кузнецова И.М. Комментарий к законодательству о регистрации актов гражданского состояния. М., 2002.

7. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2002.

8. Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском праве. Свердловск, 1989.

4. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1997. № 47. Art. 5340.

5. Egorov N.D. Bases of civil legal relationship. Civil legal relationship // Civil law: textbook: in 3 vol. Vol. 1 / ed. by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. Moscow, 2003.

6. Kuznetsova I.M. The comment to the legislation on civil registration. Moscow, 2002.

7. The big legal dictionary / ed. by A. Ya. Sukharev, V.E. Krutskiyh. Moscow, 2002.

8. Danilin V.I., Reutov S.I. The legal facts in the Soviet law. Sverdlovsk, 1989.

Трошина Ирина Олеговна

адъюнкт кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(тел.: +74997896716)

Правовые средства в механизме действия частного права

В статье дается характеристика инструментам, посредством которых действует частное право. Доказывается, что, наряду с универсальными, в механизме действия частного права обнаруживается большое количество специализированных средств, не свойственных для механизма действия публичного права.

Ключевые слова: частное право, действие частного права, механизм действия частного права, правовые средства.

I.O. Troshina, Adjunct of a Chair of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikot; tel.: +74997896716.

Legal means in the mechanism of action of private law

The article describes instruments by which operates private law. It is proved that, along with the universal, in the mechanism of action of private law found a large number of specialized means are not peculiar to the mechanism of action of public law.

Key words: private law, private law action, mechanism of action of private law, legal means.

Одной из наиболее значимых характеристик механизма действия права является характеристика агентов, посредством которых право функционирует. Частное право действует как посредством универсальных инструментов, свойственных в равной мере публичному праву, так и за счет приведения в действие средств, для публичного права не типичных. В связи с этим актуальным оказывается вопрос о том, является ли объем специфичных для частного права средств существенным, способным придать механизму действия этого права принципиальное своеобразие.

Правовые средства неоднородны, различаются по своему назначению. В механизме действия частного права могут быть разграничены средства нормативного правового регулирования, средства индивидуального правового регулирования, средства реализации прав и обязанностей и средства вспомогательного характера. Определим, какими средствами – универсальными или специфичными для частного права – представлена каждая из названных групп.

Средства нормативного правового регулирования формируют правовую материю и являются с этой точки зрения первичными правовыми инструментами. К их числу относятся нормы права, правовые принципы, дозволения, обязывания, запреты, меры поощрения, меры ответственности, т.е. в основном универсальные

средства, которые, однако, в механизме действия частного права приобретают некоторую специфику. В частности, например, общепризнанным фактом является существование специфичных для частного права принципов [см., например: 1, с. 8, 17–18; 2, с. 250–251 и др.]. Меры поощрения и ответственности в любой из отраслей частного права содержательно отличаются от мер поощрения и ответственности в публичном праве.

Средства индивидуального правового регулирования в механизме действия частного права весьма разнообразны и представлены как универсальными, так и специфичными для частного права инструментами. Универсальные средства индивидуального правового регулирования в механизме действия частного права – это исключительно судебные акты и иные средства судебного правоприменения, т.к. в рамках общедозволительного регулирования не предполагается достижение целей права посредством правоприменения административного или управленческого типа. Специфическими для механизма действия частного права являются средства самоорганизации и саморегулирования, которые в частном праве оказываются востребованными значительно чаще, чем средства судебного правоприменения. Это, прежде всего, различные виды индивидуальных правовых договоров (например, договор купли-прода-

жи в гражданском праве и брачный договор в семейном праве), а также односторонние акты, выражающие волеизъявления субъектов права (доверенность, завещание).

Средства реализации прав и обязанностей в отличие от средств нормативного и индивидуального правового регулирования представлены в механизме действия частного права в основном технологиями, а не инструментами. Это, например, внесение денег в счет погашения долга, реализация заложенного имущества, осуществление потребителем предоплаты услуг и т.д.

Выбор средств реализации прав и обязанностей в частном праве управомоченными и обязанными субъектами осуществляется в основном исходя из характера правоотношений, участниками которых они являются. Это предполагает не только высокую степень специализации правовых средств, но и, как правило, их неуниверсальность. В частности, в применении к гражданскому праву можно говорить о дифференциации средств, предназначенных для исполнения гражданско-правовых обязательств; средств, предназначенных для реализации субъектами своих вещных прав на имущество; средств, предназначенных для исполнения внедоговорных обязательств; средств, предназначенных для реализации исключительных прав; правовых средств, предназначенных для реализации личных прав [3, с. 67].

Средства вспомогательного характера приводятся в действие непосредственно для повышения результативности других средств. Их применение при прочих равных условиях делает более вероятным быстрое и полное достижение целей права.

Вспомогательные правовые средства неоднородны. Они представлены обеспечительными средствами, средствами защиты и самозащиты нарушенных прав, средствами разрешения конфликтов и технико-юридическими средствами.

Обеспечительные средства – это инструменты и технологии, применение которых призвано предотвращать или устранять угрозы нормальному функционированию системы приводимых в действие средств и механизмов. Наибольшее количество обеспечительных средств в частном праве – это средства создания благоприятных условий для эффективной реализации прав и обязанностей участниками частноправовых отношений (например, нотариальное удостоверение сделки, поручительство, залог). В силу этого обеспечительные средства в частном праве оказываются представленными, прежде всего, специфическими, а не универсальными средствами.

Среди средств защиты и самозащиты нарушенных прав можно обнаружить как универсальные средства (необходимая оборона, причинение вреда в условиях крайней необходимости), так и средства, специфичные для частного права (иск, претензия, исполнительный лист). Однако наибольшую значимость в силу способности обеспечить защиту прав, характерных для конкретной сферы общественных отношений, имеют средства защиты и самозащиты, свойственные именно для частного права. Такими являются, прежде всего, средства восстановительного (снос владельцем земельного участка постройки, самовольно воздвигнутой на нем другим лицом, возвращение незаконно отнятой вещи) и компенсационного характера (продажа предмета залога, присвоение задатка).

Средства разрешения конфликтов в частном праве представлены, во-первых, инструментами и технологиями, применяемыми самими участниками отношения (они в основном носят специфичный для частного права характер), и, во-вторых, имеющими универсальный характер инструментами и технологиями, применяемыми третьими лицами, к которым участники отношения (или один из участников) обращаются за разрешением возникшего спора. Средства, относящиеся ко второй группе, отличаются от средств, составляющих первую группу, тем, что процедуры их применения, как правило, четко формализованы. Формализованность процедуры разрешения конфликта в данном случае призвана обеспечить адекватную оценку существующего конфликта, исключить субъективизм в принятии решения, которое становится обязательным для конфликтующих сторон.

Технико-юридическими средствами являются «специальные инструменты, используемые для организации правового материала, оптимизации его внешнего изложения (юридические термины и дефиниции, презумпции фикции, правовые символы и т.д.)» [4, с. 10]. Их неотъемлемость для механизма частного права обуславливается тем, что их применением сопровождается создание любых правовых документов, точность, ясность, грамотность, логичность которых в существенной мере способствует более быстрому и полному достижению целей права.

В отличие от ранее рассмотренных видов вспомогательных правовых средств, технико-юридические средства представлены в основном универсальными инструментами, применяемыми не только в частном, но и в публичном праве. Вместе с тем, существуют технико-юридические средства, характерные исключительно для частного права. Такими средствами, например,

являются бланки договорной документации [5, с. 284].

И универсальные правовые средства, и средства, специфичные для частного права или отдельных его отраслей, образуют комбинации – правовые механизмы. Особенный характер задач, решаемых посредством таких механизмов, предопределяет специфичность их самих. Очевидное своеобразие в частном праве приобретают, например, механизм правореализации, механизм защиты прав и свобод человека, механизм суда. Закономерным оказывается и существование особенных для частного права и отдельных его отраслей механизмов – в качестве таковых, например, можно рассматривать механизм третейского урегулирования споров [6, с. 6–23, 69–84; 7, с. 185–194], механизм медиации [8, с. 38–46], механизм суброгации [9, с. 195–214; 10, с. 20–32], механизм информационного обеспечения акционеров в процессе поглощения компаний [11, с. 122–130], механизм усыновления [12, с. 97–136].

Далее полагаем необходимым сказать о том, чем в целом характеризуется массив наличных средств, приводимых в действие в рамках механизма действия частного права, в отличие от массива публично-правовых средств.

Из всех особенностей, характеризующих действие частного права с точки зрения его агентов, прежде всего в поле зрения исследователей попадает более широкое применение в частнопровом регулировании дозволения (дозволительных норм) в сравнении с запрещением и позитивным обязыванием (запретительными и обязывающими нормами) [13, с. 58–60; 14, с. 126, 128–129; 15, с. 136]. Однако названной особенностью специфика механизма частного права не исчерпывается.

Во-первых, для частного права характерно то, что его средства предназначены прежде всего для обеспечения достижения целей, значимых непосредственно для конкретных субъектов права во вполне определенных фактических жизненных обстоятельствах. Средства публично-правового права предназначены для обеспечения реализации прежде всего нормативно закрепленных целей, как правило, совпадающих с целями правового регулирования отношений определенного вида. В этой связи следует согласиться с тем, что «частнопровые средства предназначены для удовлетворения целей субъектов правореализационной деятельности в первую очередь, и цели в праве удовлетворяют лишь опосредованно, через избрание их субъектами права для достижения собственных целей», в то время как «публичные правовые средства обеспечивают достижение социально

значимых целей, как правило, непосредственно зафиксированных в праве, а цели субъектов правореализационной деятельности удовлетворяют косвенным образом» [3, с. 76].

Во-вторых, специфика принципов, лежащих в основе правового регулирования общедозволительного типа, предопределяет ограниченность применения в нем средств государственно-правового принуждения, причем речь идет о средствах не только физического, но и психического принуждения. Субъект, выступающий носителем обязанностей, исполняет их не только и не столько в силу того, что опасается наступления для себя негативных последствий в виде применения санкций со стороны государства, сколько потому, что такой вариант поведения отвечает существующим в его правосознании целевым и (или) ценностным установкам, иными словами, является для субъекта права выгодным и (или) отвечает существующим у него представлениям о справедливом, правильном.

В-третьих, для частного права характерно то, что, наряду с нормативно предусмотренными правовыми средствами, существует достаточно большой массив правовых средств, которые воспроизводятся непосредственно на практике, участниками отношений. Названная черта, отличающая в инструментальном плане частное право от публичного, непосредственным образом связана с диспозитивностью частнопрового регулирования, существованием у субъектов частнопровых отношений возможности свободно влиять на выбор путей и способов удовлетворения собственных интересов.

В-четвертых, объективной закономерностью, которой подчиняется развитие системы частнопровых средств, является то, что инструменты, воспроизводство которых осуществляется самими субъектами правоотношений, всегда развиваются быстрее, чем нормативно закрепленные средства [16]. В этой связи (в силу того, что объем средств, воспроизводимых в правовой практике, в общем массиве частнопровых средств является значительным) можно говорить о большей подвижности, более высоких темпах развития частнопровых средств в сравнении с публично-правовыми средствами.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что механизм действия частного права предполагает функционирование большого количества специфических, не характерных для публичного права средств, различных по своему назначению. Их существование придает своеобразие всему тому массиву, в который они включены, а как следствие, и механизму действия частного права в целом.

1. Барышникова Ю.Р. Принципы частного права: Теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.
2. Горшунув Д.Н. Принципы частного права // Принципы права: материалы всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 30 нояб. 2006 г. / сост. С.В. Волкова, Н.И. Малышева; под общ. ред. Д.И. Луковской. СПб., 2007.
3. Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М., 2011.
4. Зыкова С.В., Кулакова Ю.Ю., Лановая Г.М. Юридическая техника. М., 2011.
5. Кашанина Т.В. Юридическая техника в сфере частного права. М., 2014.
6. Николукин С.В. Третейские механизмы урегулирования коммерческих споров. М., 2011.
7. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006.
8. Анисимова С.И. Медиация как механизм защиты нарушенных прав // Ученые записки. Защита прав и свобод человека и гражданина по российскому законодательству: сб. науч. тр. Оренбург, 2012. Вып. 8.
9. Круглов Е.С. Некоторые аспекты механизма суброгации в гражданском праве Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. М., 2008. Вып. 12.
10. Чебунин А.В. Вопросы значения и содержания механизма страховой суброгации // Страховое право. 2002. № 1.
11. Бегаева А.А. Корпоративные слияния и поглощения: проблемы и перспективы правового регулирования. М., 2010.
12. Батурина Н.И. Усыновление (удочерение) детей по российскому семейному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
13. Шарифуллин В.Р. Частноправовое регулирование: Теоретико-правовое исследование. Казань, 2007.
14. Дарвина А.Р. Частное право в системе российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
15. Ровный В.В. Проблемы единства российского частного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2000.
16. Цветков И.В. Договор – главное средство регулирования рыночных отношений [Электронный ресурс] // Коммерческое право. 2008. № 1. URL: <http://elibrary.ru/download/15041024.pdf>
1. Baryshnikova Yu.R. Principles of private law: Theoretical and legal research: auth. abstr. ... Master of Law. Kazan, 2006.
2. Gorshunov D.N. Principles of private law // Principles of law: proc. of the All-Russian sci.-pract. conf., St. Petersburg, Nov. 30, 2006 / comp. S.V. Volkova, N.I. Malysheva; gen. ed. by D.I. Lukovskaya. St. Petersburg, 2007.
3. Filippova S.Yu. Private law means of organization and achievement of legal purposes. Moscow, 2011.
4. Zykova S.V., Kulakova Yu.Yu., Lanovaya G.M. Legal technology. Moscow, 2011.
5. Kashanina T.V. Legal technique in the field of private law. Moscow, 2014.
6. Nikolyukin S.V. Arbitration mechanisms for the settlement of commercial disputes. Moscow, 2011.
7. Kleandrov M.I. Economic justice in Russia: past, present and future. Moscow, 2006.
8. Anisimova S.I. Mediation as a mechanism to protect the violated rights // Scientific notes. Protection of the rights and freedoms of man and citizen under Russian law: coll. of sci. papers. Orenburg, 2012. Iss. 8.
9. Kruglov E.S. Some aspects of the mechanism of subrogation in civil law of the Russian Federation // Actual problems of civil law: coll. of papers. Moscow, 2008. Iss. 12.
10. Chebunin A.V. Questions the meaning and content of the insurance subrogation mechanism // Insurance law. 2002. № 1.
11. Begaeva A.A. Mergers and acquisitions: problems and prospects of legal regulation. Moscow, 2010.
12. Baturina N.I. Adoption of children under the Russian family law: diss. ... Master of Law. Volgograd, 2005.
13. Sharifullin V.R. Private-law regulation: Theoretical and legal research. Kazan, 2007.
14. Darvina A.R. Private law in the system of Russian law: diss. ... Master of Law. Saratov, 2003.
15. Rovny V.V. Problems of the unity of the Russian private law: diss. ... Dr of Law. Tomsk, 2000.
16. Tsvetkov I.V. The contract – the main means of regulation of the market relations [Electronic resource] // Commercial law. 2008. № 1. URL: <http://elibrary.ru/download/15041024.pdf>

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук, старший научный сотрудник,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: aleksandrignatov@mail.ru)

Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения

В статье осуществлен анализ проблемы мотивации преступного поведения в криминологическом и психологическом и теологическом научном дискурсивном поле. В качестве основной единицы анализа мотивационной сферы личности преступника была выбрана категория страсти, рассматриваемая в структурах духовно-психобиологической сферы личности совершающего преступление. Раскрыты роль и функции страсти как глубинной основы мотивации преступного поведения.

Ключевые слова: мотив, мотивация, страсть, внутренний алгоритм динамики мотивации совершения преступления, преступное поведение.

A.N. Ignatov, Doctor of Law, Senior Researcher, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

Passion as a fundamental component of the motive of the criminal conduct

Analysis of the problem of the motivation of criminal behavior in criminological and psychological and theological scientific discursive field is realized in the article. Category of passion considered in the structures of spiritual and psychobiological sphere of personality committing a crime was selected as the basic unit of the analysis of motivational sphere of an offender. The role and functions of passion as a deep foundation of motivation of criminal behavior are disclosed.

Key words: motive, motivation, passion, internal algorithm of dynamics of motivation of committing crime, criminal behavior.

В последнее время юристами и психологами все чаще ставится вопрос о соотношении биологических и социальных факторов детерминации преступного поведения. Лишь сравнительно недавно медики, биологи и физиологи вместе с представителями других наук (этологами, сексопатологами и др.) стали все более открыто заявлять о взаимосвязи психологических, биофизиологических и даже духовных факторов детерминации преступного поведения. В настоящее время благодаря эффективной междисциплинарной интеграции криминологии с физиологией, психиатрией, психологией, антропологией, культурологией и другими науками развиваются новые подходы к объяснению преступного поведения и его мотивации.

Изучение сущности, структуры, иерархии преступных мотивов, их специфики в целом и их характерных особенностей чрезвычайно важно для эффективного противодействия преступности. Злободневность проблемы указывает на то, что знание мотивации и особенностей потребностно-мотивационной сферы во взаимосвязи с

феноменологией жизненного пути и жизненных установок реального и потенциального преступника, а также, что немаловажно, его жертвы позволит обеспечить на индивидуальном уровне адресную целенаправленность и дифференцированность соответствующих мер превенции.

Наиболее полно категория мотива раскрывается в психологии – науке о поведении человека и его внутренней психической реальности. Проблеме мотивации как фундаментальной категории психологии посвящены труды многих отечественных и зарубежных ученых: В.Г. Асеева, Дж. Аткинсона, Л.И. Божович, В.К. Вилюнаса, В.И. Ковалева, В.И. Иванникова, К. Левина, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, М.Ш. Магомед-Эминова, К. Мадсена, В.С. Мерлина, В.И. Селиванова, П.В. Симонова, Б. Скиннера, В.А. Терентьева, Д.Н. Узнадзе, А.А. Файзуллаева, З. Фрейда, Х. Хеххаузена, Г. Холла, В.Д. Шадрикова, П.М. Якобсона и др. Однако мотивация преступного поведения по-прежнему остается одной из наиболее сложных и наименее изученных проблем.

На уровне конкретно-научного анализа, изучения мотивов и мотивации как структурных

составляющих личности проблема подробно рассмотрена в трудах таких отечественных и зарубежных ученых, как А. Адлер, Г. Айзенк, С. Гроф, Е.П. Ильин, И.В. Имедадзе, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, А. Маслоу, Г. Мюррей, Г. Олпорт, В.Ф. Петренко, С.Л. Рубинштейн, Л. Сонди, В. Франкл, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Ш.Н. Чхартишвили, Э. Эриксон, К.Г. Юнг и др. Содержание большинства концепций сводится к мнению о том, что мотивы аккумулируют различные аспекты и уровни психики и личности, являясь своеобразными индикаторами-показателями ее значимых характеристик, так называемых «строительных блоков» субъективной психической реальности человека.

На специально-предметном уровне анализа проблемы изучению различных аспектов мотивации и мотивов преступного поведения посвящены труды таких ученых, как Ю.М. Антонян, В.Б. Голицын, П.А. Ковалев, В.Н. Кудрявцев, Л.В. Кондратьев, В.В. Лунеев, А.В. Петровский, А.А. Реан, А.В. Савченко, С.А. Тарарухин, В.Д. Филимонов и др. В западной и американской социологии, психологии, антропологии и психиатрии аспект преступной мотивации разрабатывался в трудах А. Адлера, Л. Бековитца, А. Бандуры, Э. Берна, Р. Блэкборна, К. Бартола, С. Грофа, Д. Джиллигена, К. Лоренца, В. Магдауголла, Л. Сонди, Ф. Патаки, Э. Фромма, З. Фрейда, К.Г. Юнга и др.

Теоретико-методологический анализ основных положений вышеперечисленных авторских концепций позволяет сделать вывод, что именно понимание мотивации как процесса актуализации какого-либо мотива и его функционирования дает возможность, на наш взгляд, наиболее глубоко изучить субъективную основу преступного поведения человека и механизмы его реализации. Таким образом, целью данной статьи является осуществление анализа структуры и содержания мотивации преступного поведения и выявление фундаментальной составляющей мотива данного вида поведения.

Мотивация совершения преступления многогранна и полисемантическая, однако подчас лишь один из мотивов способен «перевесить» в сторону совершения противоправных действий. Отсюда следует фундаментальный вывод: лишь глубокий и системный анализ сущности человека, как сложного биосоциального существа, способен вскрыть и объяснить внутреннюю сущность преступления и его центральную составляющую – мотивацию преступника. Фактически сущность мотива человеческого поведения состоит в том, что он одновременно является побуждением, вызывающим активность организма и определяющим ее направленность,

и субъективным отражением потребностей, обусловленным состоянием человека (в том числе и степенью удовлетворения самих потребностей) и сложившейся конкретной жизненной ситуацией. Именно на эти его функции и особенности указывают большинство специалистов по психологии мотивации [1; 2; 3].

Именно невозможность удовлетворить или недостаточная удовлетворенность различных потребностей человека обуславливает возникновение у него чувства неполноценности (исключительности). Отсюда, наряду с актуализированной необходимостью удовлетворения соответствующей потребности (потребностей), в сознании человека возникает и закрепляется установка на восстановление своего социального статуса – потребность в утверждении и (или) самоутверждении.

Таким образом, мы можем утверждать о наличии двух базовых мотивов преступного поведения: первый – утверждения индивида в социуме вообще (в большой социальной группе) и, что еще более важно, в референтной ему малой социальной группе. Второй мотив – мотив самоутверждения, т.е. удовлетворение потребности быть значимым для самого себя (в собственных «глазах»). Как известно из научной и теологической литературы [4; 5; 6], чрезмерное утверждение и самоутверждение, усиливающееся описываемым ниже комплексом неполноценности (власти), является по своей структуре и содержанию аналогом гордыни (гордости) – деструктивной силы, актуализирующей негативный биопсихологический потенциал и уничтожающей добродетельное начало в человеке. Мотивы самоутверждения в социуме и в «собственных глазах» – это фактически страсти тщеславия, самолюбия и славолубия [6; 7; 8; 9; 10], находящие благодаря «руководящей роли» гордости свое внешнее выражение в совершении преступления. Непосредственно реализации этих мотивов предшествует актуализация в эмоционально-чувственной сфере психики преступника особых психоэмоциональных состояний: гнева, зависти, уныния, страха, также именуемых в христианско-антропологическом [11, с. 67–91], экзистенциально-психологическом [4; 12], глубинно-психологическом [3; 12; 13; 14; 15] и криминологическом-антропологическом [5; 6] учениях как страсти или влечения.

Однако, как уже отмечалось, мотивация преступного поведения многогранна, но подчас лишь один из мотивов способен «перевесить» в сторону совершения противоправных действий. Более того, от того, каков этот доминирующий мотив, зависит и характер самого преступного деяния.

Следует подчеркнуть, что задолго до появления в науке категории мотива и мотивации у многих ученых имелись для объяснения данного феномена сходные по семантике понятия. Одно из таковых, нередко употребляемое в научных дискурсах, – понятие страсти.

Обращаясь к дефиниции «страсти» в толковом словаре В. Даля, встречаем синонимы: страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска. Содержательная сторона данного понятия выражается и в том, что это «страсть, душевный порыв к чему, нравственная жажда, алчба, безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье» [16, с. 576]. Исходя из этимологии понятия страсти, можно сделать вывод, что отличительная черта данного феномена – высокая побудительно-направляющая сила, приводящая как к удовольствию, так и к страданиям.

Данное положение имеет принципиальное в рамках данной работы значение. Исток силы страстей, приводящей к удовольствию и (или) к страданиям, по нашему убеждению, лежит в неудовлетворенных потребностях человека. Удовлетворение (субъективное восприятие данной возможности) таких потребностей – источник удовольствия, невозможность их удовлетворения (ее субъективное восприятие) – источник страданий. При этом возможны различного рода метаморфозы и цикличность – удовлетворение приводит к неудовлетворенности, удовольствие к страданию и наоборот – страдание начинает приносить удовольствие (ярким примером служат преступления маньяков – серийных сексуальных убийц).

Попытаемся определить сущность страсти как основной объяснительной категории, проясняющей мотивы преступных деяний.

Для этого, на наш взгляд, целесообразнее всего в первую очередь обратиться к Святоотеческому наследию. «Надеюсь, нам уже хватает такта не удивляться тому, как похожи, или, по-ученому, комплиментарны, современные психологические или ноологические открытия и откровения тем мыслям, в которых столетия назад святыми отцами церкви был обобщен тысячелетний опыт душевного и духовного ведения человека» [6, с. 62].

В учениях святых отцов развитие страсти имеет свою структуру и ее описание идентично этапам формирования умысла на совершение преступного деяния. Вот как раскрывает этап, предшествующий совершению страстного деяния, преп. Фелопей Синайский: «Наперед бывает прилог (приражение) – действие, когда брошенная вещь ударяет в то, на что брошена.

Потом – сочетание (содвоение) – внимание скованно предметом, так что только и есть, что душа да предмет, приразившийся и ее занявший; далее – сосложение – предмет, приразившийся и внимание занявший, возбудил желание, и душа согласилась на то и сослажилась; за сим – пленение – предмет взял в плен душу, возжелавшую ее и, как рабу, связанную, ведет к делу; наконец – страсть – болезнь души часты повторением (удовольствием одного и того же желания) и привычка к делам, коими удовлетворяется, вкачествовавшаяся в душе (ставшая чертой характера)» [7, с. 205]. Интерпретируя данное высказывание и выделяя в нем основной смысл, констатируем, что это не что иное, как описание посредством религиозно-богословского дискурса внутреннего психологического алгоритма или динамики мотивации совершения преступления.

Известный монах Паисий Святогорец прямо указывал, что страсти – «это силы души... если мы не употребляем эти силы во благо... то они становятся страстями» [9, с. 19].

Интересно, что не только в перечисленных выше и давно ставших достоянием истории трудах богословов и философов-классиков прибегали к анализу страсти и греховности как категориям, обладающим глубокой гносеологической функцией. Их успешно использует для объяснения сложных интегративных психобиологических и духовных феноменов целая плеяда современных исследователей, считающих это понятие фундаментальным, предельно точным и методологически адекватным именно для прояснения и понимания тонкостей и нюансов мотивации совершения преступления.

Апеллируя к трудам Святоотеческого наследия, напрямую обращаясь к весьма подробно представленной в них классификации страстей и беря за методологическую основу собственной антропологической концепции совершения преступлений именно таковые, Л.В. Кондратюк отмечает: «Страсти как комплекс качественно определенных эмоционально-волевых “энергий” имеют свою структуру, параллельную и противостоящую структуре конструктивных “страстей” – высших проявлений духовности». Последние (добродетели) составляют своеобразную бинарную оппозицию и представлены такими личностными особенностями, как смирение и целомудрие, скромность и милосердие, любовью, надеждой и верой, щедростью и справедливостью [6, с. 61–62].

Таким образом, становится очевидным, что в психике (в особенности бессознательной ее части) человека с доминирующими личными ин-

тересами (эгоизм, самолюбие) глубинная основа и главная движущая сила страстей – гордость – получает свое «свободное волеизъявление» и приходит в движение. Вначале, на этапе возникновения преступного умысла у потенциального преступника в виде «прилога» (мыслеформы или мыслеобраза) возникает идея о возможности осуществления злодеяния. Как отмечает Св. Максим исповедник, «когда человек замышляет злое, то совершает мысленный грех» [7, с. 180]. Получается, что у человека, внутренне, в свернутом мысленном плане [17, с. 134] совершившего преступление (в своем собственном сознании психической реальности, «про себя»), не говоря уже об имеющемся опыте реального совершения преступного деяния, накапливается готовность, т.е. усиливается психологическая установка [2] на реализацию преступного деяния. Этот внутренний механизм известен в святоотеческой антропологии и глубинной психологии. Он довольно точно раскрывает динамику мотивации любого преступления. Внутренний (эндopsихический) образ злодеяния так же опасен, а потому и не проходит без последствий, как и реальное преступное деяние. Различие и духовно-психологический аспект угрозы последнего в том, что еще не совершенное злодеяние успешно подготавливает психологическую основу (почву), тем самым актуализируя и усиливая мотивацию его непосредственного совершения.

Итак, следует согласиться с Л.В. Кондратьевым, что «топливом», энергетической базой преступного поведения являются «страсти», элементы духовного несовершенства человека, его когнитивных и эмоционально-волевых проявлений: гнев, гордость (гордыня), тщеславие, зависть, алчность, страх, чревоугодие, вождление, апатия [6, с. 62–66].

Реализованные во внутренней психической реальности (тем более многократно), вышеперечисленные страсти меняют и искажают духовно-нравственную подструктуру психики и личности. Они являются причиной и движущей силой своеобразного преобразования, весьма опасного для души человека – это ставший известным в науке благодаря трудам К.Г. Юнга [12; 15] феномен, именуемый «метанойя». Метанойя (греч. μετάνοια, «перемена ума», «переосмысление») – термин, обозначающий перемену в восприятии фактов или явлений, обычно сопровождаемую сожалением. Доминирование страстей нивелирует добродетели. А последние как раз и выступают в роли «стражей» духовного и нравственного начала в человеке, спасая его от совершения преступлений. Паисий Святогорец отмечает: «Если человек будет возвращать добродетели, то вырастут добродетели и заглу-

шат страсти. Если будет возделывать страсти, то вырастут страсти и заглушат добродетели» [9, с. 148].

Закономерным выглядит и то, что сама специфика неудовлетворенной потребности при сочетании определенных обстоятельств может напрямую соответствовать доминированию в человеке конкретной страсти, определяющей в конечном итоге своеобразие и специфику преступного поведения.

Последнее, в свою очередь, обусловливается тем, что «всякое деструктивное, имеющее социальный резонанс, действие, побуждаемое энергией, “топливом страстей”, состоит из трех смыслонасыщенных элементов: агрессии, захвата и обмана» [6, с. 66]. При этом каждому из указанных фундаментальных оснований деструктивности человека «соответствуют» определенные страсти. Так, агрессию можно представить как социальную форму проявления энергии гнева, гордости и тщеславия; корыстный захват (экспансия) объединяет деструктивные силы зависти, алчности и страха; энергия чревоугодия (ненасытности), страсти к чрезмерному, вождлению и психодуховной лени в социальной сфере выражается ложью (обманом) [6, с. 64–65]. Таким образом, страсти в самом преступном поведении материализуются в одной из следующих специфических форм: агрессии, экспансии (захвате) и обмане. При этом значимым является то, что эти указанные деструктивные основания (начала) поведения человека, а через них и сами страсти способны реализоваться в преступном поведении в разном своем сочетании, при различной степени доминирования каждого из них.

С учетом указанного представляется возможным классифицировать большинство мотивов преступного поведения по методологическому критерию их принадлежности к одному из трех типов универсальной преступной мотивации. К числу первых отнесем преступления, основу глубинной мотивации которых составляет феномен агрессии. Вторые детерминированы потребностью удовлетворить экспансивные деструктивные побуждения (мотивы). Обман, в свою очередь, составляет психологическую основу для реализации третьего типа мотивации преступного поведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что мотив преступного поведения полисистемно представлен в целостной интегративной структуре биологических, психофизиологических, психологических, социальных и духовных составляющих, преломившихся сквозь призму объективных и субъективных факторов: конкретной жизненной ситуации совершения пре-

ступления, особенностей личности преступника и его жертвы.

Фундаментальной основой мотива преступного поведения является доминирующая страсть как центральная поликомпонентная составляющая личности преступника, опосредованная его жизненным стилем и актуальным эмоциональным состоянием. Мотивация преступления – это глубинная актуализация доминирующей страсти.

Для системного объяснения психологических аспектов мотивации совершения преступлений

необходимо включать в контекст исследования более широкие по семантике и гносеологической функции методологические категории, опосредующие формирование мотива преступных деяний. В качестве таковых, прежде всего, представляют дальнейшую перспективу для анализа такие дефиниции и понятия, как страсть, влечение, центральный архетип личности, жизненный стиль личности, жизненный сценарий личности, жизненная установка личности.

1. Ильин Е.П. *Мотив и мотивация*. СПб., 2008.

2. Узнадзе Д.Н. *Психология установки*. СПб., 2001.

3. Фрейд З. *Введение в психоанализ: лекции / авт. очерка о Фрейде Ф.В. Бассин и М.Г. Ярошевский*. М., 1991.

4. Адлер А. *Очерки по индивидуальной психологии*. СПб., 1998.

5. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. *Психология преступника и расследования преступлений*. М., 1996.

6. Кондратюк Л.В. *Антропология преступления (микрочриминология)*. М., 2001.

7. *Добротолюбие: собр. соч.: в 4 т.* М., 2008.

8. Преп. Иоанн Лествичник. *Лествица*. Краматорск, 2007.

9. Старец Паисий Святогорец. *Слова. Т. 5: Страсти и добродетели*. М., 2008.

10. Шиманский Г.И. *Учение святых отцов о страстях и добродетелях*. М., 2006.

11. Братусь Б.С. *Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии*. М., 1997.

12. Юнг К.Г. *Проблемы души нашего времени: пер. с нем. / предисл. А.В. Брушлинского*. М., 1994.

13. Лапланш Ж. *Словарь по психоанализу / пер. с франц. Н.С. Автономовой*. М., 1996.

14. Сонди Л. *Учебник экспериментальной диагностики влечений: Глубинно-психологическая диагностика и ее применение в психопатологии, психосоматике, судебной психиатрии, криминологии, психофармакологии, профессиональном, семейном и подростковом консультировании, характерологии и этнологии / [пер. с нем. В.И. Николаева]*. М., 2005.

15. *Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э.Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич*. М., 1995.

1. Ilyin E.P. *Motive and motivation*. St. Petersburg, 2008.

2. Uznadze D.N. *Psychology of a guideline*. St. Petersburg, 2001.

3. Freud Z. *Introduction to psychoanalysis: lectures / auth. of the essay on Freud F.V. Bassin and M.G. Yaroshevsky*. Moscow, 1991.

4. Adler A. *Essays on individual psychology*. St. Petersburg, 1998.

5. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psychology of a criminal and investigations of crimes*. Moscow, 1996.

6. Kondratuk L.V. *Anthropology of a crime (microcriminology)*. Moscow, 2001.

7. *Virtue: coll. of works: in 4 vol.* Moscow, 2008.

8. Ven. John Lestvichnik. *Lestvitsa*. Kramatorsk, 2007.

9. Ancient Paisius of the Holy Mountain. *Words. Vol. 5: Passions and virtue*. Moscow, 2008.

10. Shimansky G.I. *Teaching of the Holy Fathers about the passions and virtues*. Moscow, 2006.

11. Bratus B.S. *Image of a man within humanitarian, moral and christian psychology // Psychology with a human face: humanistic perspective in post-Soviet psychology*. Moscow, 1997.

12. Jung K.G. *Problems of the soul of the current time: transl. from German / forew. by A.V. Bruslinsky*. Moscow, 1994.

13. Laplanche J. *Dictionary on psychoanalysis / transl. from French by N.S. Avtonomova*. Moscow, 1996.

14. Sondhi L. *Textbook of experimental diagnostics of inclinations: Deep and psychological diagnosis and its application in psychopathology, psychosomatic, forensic psychiatry, criminology, psychopharmacology, professional, family and adolescent counseling, science of characters and ethnology / [transl. from German by V.I. Nikolaev]*. Moscow, 2005.

15. *Analytical psychology: Past and present / K.G. Jung, E. Semyuels, V. Odainik, G. Habbek; comp. V.V. Zelensky, A.M. Rutkevich*. Moscow, 1995.

16. Толковый словарь В.И. Даля. URL: <http://slovardalja.net>

17. Гальперин П.Я. Метод «срезов» и метод поэтапного формирования в детском мышлении // Вопросы психологии. 1966. № 4.

16. V.I. Dahl's explanatory dictionary. URL: <http://slovardalja.net>

17. Galperin P.Ya. Method of «cuts» and method of gradual formation in a child's thinking // Issues of psychology. 1966. № 4.

Сидоренко Элина Леонидовна
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института международных отношений
(университета) МИД России
(e-mail: 12011979@list.ru)

Вооруженное хулиганство: парадоксы криминализации

Состав хулиганства, совершенного с применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия, рассмотрен автором сквозь призму его соответствия криминологическим и юридико-техническим требованиям криминализации деяний. Основное внимание уделяется вопросам квалификации преступления, проблемам согласованности признаков хулиганства и унификации терминологии.

Ключевые слова: хулиганство, применение оружия, криминализация деяния, насилие, предметы, используемые в качестве оружия, грубое нарушение общественного порядка.

E.L. Sidorenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry; e-mail: 12011979@list.ru

Armed hooliganism: paradoxes of criminalization

Armed hooliganism considered by the author through the light of its compliance with criminological and legal and technical requirements criminalization of acts. Focuses on the qualification acts signs of bullying problems of consistency and standardization of terminology.

Key words: hooliganism, use of weapons, criminalization of act, violence, subjects used as a weapon, gross violation of public order.

Хулиганство занимает особое место в системе насильственных преступлений хотя бы на том основании, что за последние 12 лет оно подверглось настолько серьезным законодательным метаморфозам, что практически утратило свои смысловые границы.

«Ахиллесовой пятой» ст. 213 УК РФ по праву считается вооруженное хулиганство. Об этом свидетельствуют многочисленные трудности, с которыми сталкивается судебная практика при квалификации выстрелов в публичных местах, применения хулиганами бутылок и камней, использования макетов оружия и др.

Решение проблем, возникающих при оценке хулиганства, совершаемого с применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия, так или иначе связано с поиском ответов на вопросы: как соотносится применение оружия с другими признаками уголовно наказуемого хулиганства, можно ли считать его применение разновидностью преступного насилия и что вообще следует понимать под применением оружия.

Рассмотрим их более подробно.

1. Вопреки ожиданиям постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по делам о хулиганстве и

иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (далее – постановление Пленума ВС РФ о хулиганстве) не внесло ясности в определение хулиганства, а лишь подчеркнуло недостатки его законодательной конструкции. В частности, Пленум Верховного Суда РФ так и не дал ответа на вопрос, как соотносится применение оружия с признаком грубого нарушения общественного порядка.

В постановлении отмечается, что «при решении вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства». Получается, что Пленум ВС РФ, вместо того чтобы признать применение оружия достаточным основанием для констатации грубого нарушения общественного порядка, связал данный признак с оценкой обстановки совершения преступления. И как результат, вне рамок уголовно-правовой оценки остались случаи применения оружия и предметов, используемых в качестве оружия, при кратковременных, недостаточно интенсивных посягательствах или при совершении

деяний в уединенных общественных местах или в ночное время.

Не иначе как внутренним конфликтом между признаками «применение оружия» и «грубое нарушение общественного порядка» можно объяснить нежелание судов квалифицировать публичные выстрелы на «кавказских» свадьбах по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

В этой связи уместно привести выдержку из апелляционного определения Верховного Суда РФ от 15 апреля 2014 г. № 48-АПУ14-20.

По мнению суда, разъяснившего порядок применения п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, по смыслу закона уголовная ответственность за хулиганство наступает в случае совершения действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, которые ставят под угрозу жизнь и здоровье людей, целостность собственности, нормальное функционирование государственных и общественных институтов. При этом суд отметил, что согласно предъявленному на предварительном следствии обвинению подсудимый произвел только одиночный выстрел в воздух из карабина. При этом подсудимому не вменялось, что совершением вышеуказанных действий он создал реальную угрозу для жизни и здоровья людей либо нарушил другие правоохраняемые интересы. Как счел суд, с учетом изложенных обстоятельств в действиях подсудимого могли быть усмотрены признаки административно наказуемого правонарушения, предусмотренного ст. 20.13 КоАП РФ, – стрельба из оружия в населенных пунктах и в других не отведенных для этого местах, а не признаки уголовно наказуемого деяния [1].

С этой позицией сложно согласиться. Поскольку в ст. 213 УК РФ отсутствует указание на опасность причинения вреда жизни и здоровью окружающих, во внимание должно приниматься то, что выстрел производился в общественном месте, и уже одно это обстоятельство должно свидетельствовать о грубом нарушении общественного порядка.

Не исключая важности данного признака при квалификации так называемого «экстремистского хулиганства», полагаем, что в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ он является излишним, ибо требует от следствия и суда установления не только факта применения оружия в общественном месте, но и времени, места, продолжительности и интенсивности вооруженного посягательства.

2. Глубинный смысл противоречий, сопровождающих процесс квалификации хулиганства, кроется, по большей части, в том, что судебная практика так и не определилась в вопросе о

том, считать ли насилие имманентно присущим вооруженному хулиганству свойством [2, с. 45].

Этот спор мог бы и не выйти за рамки доктринальной риторики [3, с. 101–104], если бы судебная практика оперативно отреагировала на изменение закона подготовкой соответствующих рекомендаций по квалификации хулиганства. Но так получилось, что с 2003 г., т.е. с момента введения в ст. 213 УК РФ признака применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, по 2007 г. (год принятия нового постановления Пленума ВС РФ о хулиганстве) действовало постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 24 декабря 1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве», где под применением или попыткой применения оружия или иных предметов рассматривались случаи, когда виновный с их помощью наносит или пытается нанести телесные повреждения или в процессе хулиганства создает реальную угрозу для жизни или здоровья граждан (п. 11).

Это разъяснение дало основание для выводов о том, что, «хотя в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ прямо не говорится о применении или угрозе применения насилия, они являются проявлениями грубого нарушения общественного порядка, явного неуважения к обществу. А это означает, что объективная сторона ч. 1 ст. 213 УК РФ наряду с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, включает в себя применение насилия или угрозу применения насилия» [4, с. 16; 5, с. 520]. С этим мнением соглашается Е. Овчаренко: «Исключение законодателем из дефиниции признака применения насилия не означает, что при определении состава преступления не следует обращать внимание на данные действия. Они остались в поле зрения законодателя, однако (равно как и иные действия) стали входить в характеристику деяния, вызвавшего грубое нарушение общественного порядка» [6, с. 127].

Безоговорочное принятие данной позиции судебной практикой было ожидаемо и закономерно. По аналогии с разбоем, где применение оружия и предметов, используемых в качестве оружия, является частным случаем насилия, опасного для жизни и здоровья, суды связывали вооруженное посягательство не просто с применением оружия, а с таким его использованием, когда создается угроза причинения вреда жизни или здоровью людей.

Постановление Пленума ВС РФ 2007 г., с одной стороны, подтвердило насильственный характер вооруженного посягательства, указав на то, что под «применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует

понимать умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего».

Но, с другой – отказало хулиганству в статусе насильственного преступления, указав на невозможность поглощения составом ст. 213 УК РФ примененного к потерпевшим насилия. Согласно п. 11 постановления в случаях, когда «в процессе совершения хулиганства потерпевшему, а также лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка либо пресекающему хулиганские действия, нанесены побои или причинен вред здоровью различной степени тяжести из хулиганских побуждений, квалифицировать содеянное по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 213 УК РФ и частью (пунктом части) соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности».

Таким образом, в практику квалификации хулиганства были внесены коррективы, которые с учетом последующего развития уголовного законодательства оказались фатальными.

Высшая судебная инстанция признала возможность одновременного вменения ст. 213 и соответствующей статьи гл. 16 УК РФ.

Не вызывает сомнений тот факт, что совокупность преступлений имеет место тогда, когда, помимо насилия в отношении личности, совершаются иные действия, грубо нарушающие общественный порядок, вызывающие явное неуважение к обществу и совершаемые с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Вопрос состоит в том, возможна ли идеальная совокупность вооруженного хулиганства и причинения вреда здоровью из хулиганских побуждений. Если отталкиваться от судебной практики, сформированной до 2007 г., – нет, а если основываться на рекомендациях постановления Пленума ВС РФ 2007 г. – да, ибо, по замыслу разработчиков документа, насилие не является признаком хулиганства.

С этим мнением, пожалуй, можно было бы согласиться, но только применительно к хулиганству, совершаемому по экстремистским мотивам. Если бы насилие являлось его признаком, было бы сложно квалифицировать действия активисток Pussy Riot или иных лиц, грубо нарушающих общественный порядок, но не применяющих насилие.

Однако этот подход абсолютно неприемлем при квалификации вооруженного хулиганства,

ибо полностью исключает предупредительный потенциал п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. В этой связи Б.В. Волженкин задается справедливым вопросом: «Стоило ли создавать специальную норму о хулиганстве с достаточно суровой санкцией, превышающей санкцию ст. 115 УК РФ, которая применяется в случаях причинения легкого вреда здоровью из хулиганских побуждений, но без применения оружия или предметов, использованных в качестве оружия?» [7, с. 22].

Если отвлечься от разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и проанализировать проблему в рамках общей теории квалификации преступлений, логика рассуждений будет такова: применение оружия и предметов, используемых в качестве оружия, имеет место тогда, когда этими предметами причиняется либо создается угроза причинения вреда жизни и здоровью человека. Отсюда следует, что насилие является имманентно присущим вооруженному хулиганству свойством. А это, в свою очередь, означает, что вооруженное хулиганство может поглощать применение насилия.

Согласно правилам конкуренции целого (вооруженное хулиганство) и части (применение насилия) вооруженное нападение следует квалифицировать по ч. 1 ст. 213 УК РФ, за исключением случаев, когда способ совершения преступления по степени общественной опасности равен или превосходит хулиганство.

Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 213 УК РФ, является преступлением средней тяжести, следовательно, оно должно поглощать причинение побоев и легкого вреда здоровью в результате применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Но эти доводы не принимаются во внимание российскими судами.

Содержательный анализ постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» позволяет сделать следующий вывод: квалификация по совокупности п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ и соответствующей статьи гл. 16 УК РФ существенно упрощает уголовно-правовую природу хулиганства, поскольку сводит ее до уровня правовой реакции на незаконное применение оружия.

Рассмотрим случай убийства, совершенного из хулиганских побуждений. Если причинение смерти осуществляется в процессе нанесения ударов ногами и руками, деяние квалифицируется по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Когда же виновный использует оружие, требуется дополнительная квалификация по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Более того, если основываться на действующем постановлении Пленума ВС РФ и трактовать предметы, используемые в качестве оружия, как любые материальные объекты, которыми можно причинить вред здоровью человека, следует заключить, что только убийство «голыми» руками или ногами не будет требовать совокупности с п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, ибо применение любого предмета при наличии хулиганского мотива уже предполагает квалификацию деяния по совокупности с хулиганством.

Вопрос об обоснованности криминализации вооруженного хулиганства приобретает особую остроту в связи с принятием Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» (далее – Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ), который дополнил ст. 111, 112 и 115 УК РФ новыми квалифицированными составами – совершение преступления с применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия.

Избыточность уголовно-правовых запретов привела к тому, что практически равные по общественной опасности деяния получили различную квалификацию. Например, причинение легкого вреда здоровью из хулиганских побуждений в результате нанесения ударов руками или ногами квалифицируется по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ. А совершение аналогичных действий с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, предполагает дополнительную квалификацию по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ и по п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ. Таким образом, лицу дважды вменяются вооруженный способ совершения преступления и хулиганские побуждения, а следовательно, есть все основания для обращения в Конституционный Суд РФ с жалобой о нарушении конституционных прав пунктом «з» ч. 2 ст. 111, пунктом «з» ч. 2 ст. 112 и пунктом «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ.

Думается, что одним из возможных вариантов решения проблемы является отказ судебной практики от рекомендаций, изложенных в п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 15 ноября 2007 г. № 45, о наличии реальной совокупности преступлений при совершении насильственных преступлений из хулиганских побуждений. Оценка вооруженного хулиганства должна осуществляться в соответствии с правилами квалификации части и целого, когда побои и причинение легкого вреда здоровью при применении насилия охватываются составом п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, а причинение средней

тяжести, тяжкого вреда здоровью и смерти требуют квалификации по совокупности ч. 1 ст. 213 и соответствующей статьи гл. 16 УК РФ.

3. Оценивая юридико-криминологические основания криминализации вооруженного хулиганства, нельзя не отметить серьезные противоречия в толковании признака «применение оружия и предметов, используемых в качестве оружия».

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, понимаются умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Обращает на себя внимание указание на иные действия, свидетельствующие о намерении причинить вред.

Неопределенность формулировки дает основание для расширительного толкования понятия «применения оружия» и включения в него «демонстрации поражающих свойств предметов (например, путем имеющего устрашающий эффект использования их для уничтожения или повреждения имущества), и демонстрации самих предметов, и попытки их извлечь (достать, поднять и др.) с целью демонстрации, и даже простой словесной угрозы немедленно применить эти предметы, если они находятся под одеждой виновного, в его сумке, автомобиле, лежат неподалеку на земле, на полу и т.п.» [8, с. 12].

Резерв для злоупотреблений создает трактовка применения оружия как действий, свидетельствующих о намерении применить насилие. Ее предположительный и гипотетический характер не требует от суда установления истинных мотивов деяния. Главное, чтобы оно воспринималось окружающими как применение или попытка применения оружия. «Применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т.п. дает основание для квалификации содеянного по пункту «а» части 1 статьи 213 УК РФ» (п. 4 постановления).

Изложенная выше позиция противоречит рекомендациям судебной практики по квалификации разбоя. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в редакции от 23 декабря 2010 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»

демонстрация или угроза негодным или незаряженным оружием или имитацией оружия, например макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т.п., не образует признака «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия».

Разброс в оценках вооруженного способа порождает сомнения как в системности уголовного законодательства, так и в целостности судебной практики.

Выявленные противоречия могут быть устранены при помощи системного согласования рекомендаций Верховного Суда РФ и посредством закрепления в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. подхода, изложенного в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. Это предложение позволит минимизировать риск произвольной интерпретации вооруженного хулиганства и будет благодушно принято судами, ранее успешно применявшими постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве».

4. Нельзя признать безупречной и уголовно-правовую оценку оружия и предметов, используемых в качестве оружия.

Легальное определение оружия дано в Федеральном законе от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», а под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека (п. 3 постановления Пленума ВС РФ о хулиганстве).

Но на практике эти, казалось бы, неоспоримые выводы подвергаются сомнению либо попросту искажаются. Не иначе как коверканием легальной терминологии следует признать использование в постановлении понятий «декоративное», «сувенирное» оружие, «оружие-игрушка» (п. 4 постановления). Эти термины не употребляются в Законе «Об оружии», а следовательно, обозначенные ими предметы не могут быть признаны оружием даже со ссылкой на их декоративный характер.

Не являются они, по большей части, и предметами, используемыми в качестве оружия. Согласно п. 3 постановления такими предметами могут быть материальные объекты, которыми,

исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека. Что же касается имитации оружия, то ею, как правило, нельзя нанести увечье.

Получается, что судебная практика признает вооруженным хулиганством применение устройств, которые не являются ни оружием, ни предметами, используемыми в качестве оружия, но в то же время исключает состав хулиганства в случаях, когда лицо производит одиночные выстрелы в общественных местах.

Подобная практика ставит под сомнение необходимость расширительного толкования термина «применение оружия» и обуславливает потребность в единообразии подходов к квалификации вооруженного хулиганства и разбоя.

Под применением оружия предлагается понимать демонстрацию функциональных возможностей оружия как устройства, конструктивно предназначенного для поражения живой или иной цели. Им признается производство выстрела из огнестрельного, газового, пневматического, метательного или сигнального оружия, нанесение ударов холодным оружием, соприкосновение электрошокового устройства с телом потерпевшего и др. независимо от наступивших последствий [9, с. 112].

Демонстрация оружия признается его применением только при условии, что используемые преступником предметы обладают конструктивными свойствами оружия.

Что же касается предметов, используемых в качестве оружия, то под их применением следует понимать их использование для физического или психического воздействия на потерпевшего при условии, что ими можно причинить вред жизни или здоровью человека.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что применение оружия как криминообразующий признак хулиганства только тогда получит надлежащую уголовно-правовую оценку, когда из состава п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ будет исключено указание на грубое нарушение общественного порядка. Будучи важным криминообразующим обстоятельством в составе «экстремистского» хулиганства, этот признак утрачивает свое значение в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, поскольку применение оружия уже само по себе является грубым нарушением общественного порядка.

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15 апр. 2014 г. № 48-АПУ14-20. Доступ из правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 12.01.2015).

1. Appeal determination of the Supreme Court of the Russian Federation of Apr. 15, 2014 № 48-APU14-20. Access from legal system «ConsultantPlus» (date of access: 12.01.2015).

2. Игнатиади А.С., Сидоренко Э.Л. Охрана репродуктивного здоровья в российском уголовном законодательстве: направления и перспективы развития. Ставрополь, 2005.

3. Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего как обстоятельство, влияющее на дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания субъекта преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002.

4. Колоколов Н.А. Борьба с хулиганством: кризис правового регулирования // Рос. следователь. 2004. № 11. С. 16–18.

5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В.И. Радченко. М., 2004.

6. Овчаренко Е. Правовая характеристика хулиганства // Журнал рос. права. 2004. № 3. С. 127–130.

7. Волженкин Б.В. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 17–22.

8. Егорова Н.А. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений (вопросы и решения) // Мировой судья. 2008. № 6. С. 11–14.

9. Сидоренко Э.Л., Катбамбетов М.И. Вооруженное насилие: уголовно-правовая и криминологическая оценка. М., 2014.

2. Ignatiadi A.S., Sidorenko E.L. Reproductive health protection in the Russian criminal law: trends and prospects for development. Stavropol, 2005.

3. Sidorenko E.L. Negative behavior of the victim as a factor influencing the differentiation of responsibility and individualization of punishment of the perpetrator: diss. ... Master of Law. Stavropol, 2002.

4. Kolokolov N.A. Fight against hooliganism: the crisis of legal regulation // Russian investigator. 2004. № 11. P. 16–18.

5. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / resp. ed. V.I. Radchenko. Moscow, 2004.

6. Ovcharenko E. Legal characterization of hooliganism // Journal of Russian law. 2004. № 3. P. 127–130.

7. Volzhenkin B.V. Hooliganism // Criminal law. 2007. № 5. P. 17–22.

8. Egorova N.A. New resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation about hooliganism and other crimes committed out of hooliganism (questions and solutions) // Magistrate. 2008. № 6. P. 11–14.

9. Sidorenko E.L., Katbambetov M.I. Armed violence: criminal-legal and criminological assessment. Moscow, 2014.

Улезько Сергей Иванович

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры криминологии
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +78612581676)

Понятие предмета в преступлениях против собственности в современном уголовном праве

В статье анализируется такая правовая категория, как «предмет преступления», в преступлениях против собственности. Предложено новое понимание содержания предмета преступления в преступлениях против собственности.

Ключевые слова: собственность, предмет преступления, имущество, вещи, имущественные права.

S.I. Ulezko, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581676.

The concept of the subject of crimes against property in the modern criminal law

The article analyzes such legal category as «the subject of the crime» in crimes against property. Proposed new understanding of the content of the subject of crimes in crimes against property.

Key words: ownership, subject of crime, property, things, property rights.

Сегодня в связи с произошедшим в России изменением общественно-экономической формации собственность стала важнейшим, приоритетным охраняемым отечественным правом объектом. Охрана собственности от преступных посягательств в соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ провозглашена одной из основных задач отечественного уголовного права.

В настоящее время происходит переосмысление института уголовно-правовой защиты собственности. Концепция уголовно-правовой охраны собственности отражала потребности и характер имущественных отношений времени, когда она возникла и развивалась, а сегодня она неприемлема как с теоретической, так и с практической точки зрения [1, с. 38].

Действующий ГК существенно расширяет перечень объектов права собственности, включая в него любое имущество производственного, потребительского, социального, культурного и иного назначения, за исключением отдельных видов указанного в законодательных актах имущества, которое не может принадлежать гражданам или юридическим лицам (в исключительной собственности государства находятся: государственная казна, золотой запас, алмазный и валютный фонды Российской Федерации, средства государственного бюджета Российской Федерации, средства Центрального банка России, ресурсы

континентального шельфа, морской экономической зоны Российской Федерации, культурные и исторические ценности общегосударственного значения, клады в виде вещей, относящихся к памятникам истории или культуры, и некоторое другое имущество).

В науке уголовного права является аксиомой, что предмет преступлений против собственности не тождественен объекту права собственности, к которому, помимо имущества, относятся естественные богатства, интеллектуальная собственность и т.д. Общеизвестно, что результаты интеллектуальной деятельности (так называемая интеллектуальная собственность) не входят в предмет преступлений против собственности [2, с. 229].

Под предметом преступлений против собственности понимается не любой объект права собственности, а лишь такой, который обладает:

- 1) определенной физической формой, т.е. имеет внешний признак;
- 2) экономической ценностью (это экономический признак);
- 3) вложенным в него человеческим трудом (социальный признак);
- 4) юридическим признаком, т.е. является для виновного чужим [3, с. 336–337].

Сегодня с учетом социально-экономических изменений, произошедших в России в период

перестройки, предметом преступлений против собственности, характеризуемым с социальной стороны, могут быть не только вещи, созданные посредством вложения в них общественно необходимого труда человека, но и другие вещи, включенные в гражданский оборот, которые продаются, покупаются, обмениваются и т.д., например необработанные – в природном состоянии – земельные участки, находящиеся в частной собственности. По нашему представлению, при определении имущества, характеризуемого с социальной стороны, как предмета преступлений против собственности в его уголовно-правовом значении необходимо исходить из двух критериев: 1) общего, применяемого, как правило, во всех случаях, и 2) специального, применяемого в случаях отграничения имущества от предметов природной среды, находящихся в естественном, природном состоянии, уголовная ответственность за посягательства на которые установлена самостоятельными нормами, не являющимися нормами о преступлениях против собственности. Согласно первому – общему – критерию имуществом в качестве предмета, например, хищения могут быть и являются любые вещи – предметы материального мира, находящиеся в любой форме собственности – частной, государственной, муниципальной или иной. Данное положение обосновывается, в частности, нормами, закрепленными в ч. 2 ст. 9 Конституции РФ, ч. 1 ст. 130 ГК РФ. В соответствии со вторым – специальным – критерием имуществом как предметом хищения, предусмотренного нормами о преступлениях против собственности, включенными в гл. 21 УК РФ 1996 г., являются лишь те предметы, вещи, в создание которых вложен человеческий труд. Предметы, находящиеся в природном, естественном состоянии, представляющие собой предметы экологических преступлений, ответственность за которые установлена ст. 256, 258 и 260 УК РФ, соответственно за незаконную добычу водных животных и растений, незаконную охоту и незаконную порубку деревьев и кустарников, а также в ст. 192 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность для лиц, нарушивших правила сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней, таким признаком не обладают [4, с. 122–123].

Термин «имущество» может иметь несколько значений. Так, под имуществом понимается совокупность вещей и материальных ценностей, состоящих, прежде всего, в собственности лица (физического или юридического), государства или муниципального образования либо принадлежащих организации на праве хозяйственного

ведения или оперативного управления. При этом в состав имущества входят также деньги и ценные бумаги.

Имущество может пониматься и как совокупность вещей и имущественных прав на получение вещей или имущественного удовлетворения от других лиц.

Еще в одном значении имущество определяется как совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей, которые характеризуют имущественное положение их носителя (актив и пассив) [5, с. 250].

В обществе с рыночным типом экономики нуждаются в уголовно-правовой защите как отношения собственности по принадлежности вещей субъектам права собственности, иным владельцам, так и отношения по переходу собственности от одних лиц к другим.

В гражданском законодательстве большинства стран мира проводится четкое разделение вещного и обязательственного права. Первое позволяет непосредственно оказывать воздействие на имущество («вещь»), не обращая внимание на положительные действия третьих лиц. Второе предоставляет возможность управомоченному лицу требовать от другого лица совершения действий имущественного характера, т.е. регулирует гражданско-правовой оборот. В соответствии с вышеуказанным разделением вещного и обязательственного права ранжируются и нормы уголовного закона. Одни охраняют права владеть и распоряжаться имуществом по своему усмотрению вне зависимости от действий третьих лиц. Другие защищают права лица требовать выполнения определенных действий, оговоренных в обязательстве действий при осуществлении гражданско-правового оборота [6, с. 34–37]. Указание на имущество как предмет преступлений против собственности посредством понятия «право на имущество» не свидетельствует об отсутствии признака материальности, т.к. это юридическое выражение предмета материального мира, той вещи, право на которую приобретает виновный.

Ряд авторов полагают, что термин «право на имущество» не охватывает защиту имущественных прав и требует трактовки, которая бы в большей степени соответствовала смыслу гражданско-правового понятия «имущественные права» [7, с. 53]. По мнению Б.В. Волженкина, право на имущество может быть связано с приобретением незаконным путем не только отдельных правомочий собственника на чужое имущество, но и права требования имущества (вклад в банке, заложенное имущество). З.А. Незнамова полагает, что право на иму-

щество включает в себя такие полномочия собственника, как право владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом [8, с. 53]. А.В. Хабаров относит к праву на имущество такие ограниченные вещные права, как право аренды, залога, доверительного управления. Другие авторы к праву на имущество относят также приобретение права владения имуществом (ордер на квартиру, доверенность на управление автомобилем).

Таким образом, в теории уголовного права выделяют три подхода относительно объема понятия «право на имущество». Первый заключается в полном отождествлении понятий «право на имущество» и «имущественное право». Суть второго – в отождествлении понятия «право на имущество» с правом собственности. Смысл третьего – во включении в понятие «право на имущество» как ограниченных вещных прав, так и права требования передачи имущества [9]. Последние два подхода и получили закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором отмечается, что мошенничество в форме приобретения права на имущество считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения

договора, со времени совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу решения суда, которым за лицом признается право на имущество, или со дня принятия иного правоустанавливающего решения уполномоченными органами власти или лицом, введенным в заблуждение относительно наличия у виновного или других лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом).

В теории уголовного права нет единого мнения о содержании понятия «право на имущество», однако специалисты сходятся во мнении о том, что это право должно быть закреплено в документе, например: завещании, страховом полисе, доверенности на получение имущества, различных видах ценных бумаг. Кроме этого, в теории выделяют такой признак документа, предоставляющего право на имущество, как гарантированность получения имущества, вследствие чего к указанным документам относят оплаченный кассовый чек, квитанцию на получение вещей в камере хранения, сберкнижку на предъявителя, приобретение которых независимо от того, удалось ли виновному реализовать зафиксированное в нем право, является оконченным мошенничеством [10, с. 31–35].

Обобщая все вышесказанное, под предметом преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами гл. 21 УК РФ, следует понимать вещи и имущественные права, носящие как вещный, так и обязательственный характер, обладающие потребительской стоимостью.

1. Кузнецов А., Нуркаева Т. Вопросы уголовно-правовой охраны здоровья в свете изменений и дополнений Уголовного кодекса // Уголовное право. 2004. № 3.

2. Уголовное право: учеб. для бакалавров: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серегинной, С.И. Улезько. М., 2014.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: постатейный коммент. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1997.

4. Филаненко А.Ю., Попов И.А. Особенности объекта и предмета преступления или квалификации хищения чужого имущества // Государство и право: теория и практика. 2011. № 12(84).

5. Тимченко Б.А., Вершинин А.В. Уголовно-правовая квалификация хищения и нецелевого расходования бюджетных средств // Черные дыры российского законодательства. 2006. № 4.

1. Kuznetsov A., Nurkaeva T. Questions of criminal law protection of health in the light of changes and additions to the Criminal code // Criminal law. 2004. № 3.

2. Criminal law: textbook for bachelors: in 2 vol. Vol. 2: Special part / ed. by I.A. Podroykina, E.V. Seregina, S.I. Ulezko. Moscow, 2014.

3. The Criminal code of the Russian Federation: itemized comment / ed. by N.F. Kuznetsova, G.M. Minkovsky. Moscow, 1997.

4. Filanenko A.Yu., Popov I.A. Features of the object and the subject of crime or theft of another's property qualification // State and law: theory and practice. 2011. № 12(84).

5. Timchenko B.A., Vershinin A.V. Criminal law qualification of theft and misuse of budget funds // Black holes of Russian legislation. 2006. № 4.

6. Artemenko N.N. Category «property» as an object of criminal law protection // Russian justice. 2011. № 9.

6. Артеменко Н.Н. Категория «собственность» как объект уголовно-правовой охраны // *Рос. юстиция*. 2011. № 9.

7. Иванов Н.Г. Парадоксы уголовного закона // *Государство и право*. 1998. № 3.

8. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М., 2001.

9. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 // *Бюл. Верховного Суда РФ*. 2003. № 2.

10. Винокуров В. Право на имущество и имущественное право как способы описания предмета преступления против собственности // *Уголовное право*. 2011. № 11.

7. Ivanov N.G. *Paradoxes of criminal law // State and law*. 1998. № 3.

8. Gaukhman L.D., Maksimov S.V. *Responsibility for crimes against property*. Moscow, 2001.

9. *On judicial practice in cases of theft, robbery and burglary: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 27, 2002 № 29 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2003. № 2.

10. Vinokurov V. *Right to property and property right as means of describing the subject property crimes // Criminal law*. 2011. № 11.

Аванесян Вилен Витальевичкандидат юридических наук,
старший эксперт Уголовно-правового управления
Договорно-правового департамента МВД России
(e-mail: mbsh2004@mail.ru)

Уголовно-правовые средства борьбы с бытовой коррупцией

В статье анализируются сферы распространения бытовой коррупции в современном обществе. Рассматривается опыт борьбы с данным явлением в странах СНГ. Дается оценка положениям Уголовного кодекса РФ в сравнении с Уголовным кодексом РСФСР на предмет достаточности механизмов противодействия практике незаконных вознаграждений в сфере услуг (в частности, в медицине и образовании). Обосновывается необходимость криминализации бытовой коррупции.

Ключевые слова: бытовая коррупция, незаконное вознаграждение, медицина, образование, уголовная ответственность.

V.V. Avanesyan, Master of Law, Senior Expert of the Criminal Law Unit of the Legal Department of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mbsh2004@mail.ru

Criminal means against domestic corruption

The article analyzes the incidence of domestic corruption in modern society. Examines the experience of struggle against this phenomenon in the CIS countries. Estimates Criminal code of the Russian Federation in comparison with the Criminal code of the RSFSR on combating illegal remuneration (in particular, in medicine and education). Contains proposal for criminalization of the domestic corruption.

Key words: domestic corruption, illegal remuneration, medicine, education, criminal liability.

Проблема коррупции в России в настоящее время остается весьма актуальной, поскольку этим негативным феноменом пронизаны все уровни жизнедеятельности общества. В сложившейся ситуации возникают предпосылки к деформации ценностно-нравственной системы, в которой коррупция перестает восприниматься как нарушение закона, что представляется недопустимым.

Сегодня практически не встречаются должного и обоснованного гражданского противодействия факты взимания в различных учреждениях и организациях платы за оказание услуг и выполнение работ, которые по закону должны предоставляться бесплатно. Подарки и иные формы вознаграждения врачам, учителям школ, преподавателям вузов, работникам иных учреждений и организаций, которые осуществляют трудовые функции, получая при этом заработную плату и иные законные выплаты, фактически приобрели в социальном восприятии статус обычая, а не правонарушения.

По смыслу подп. 2 п. 1 ст. 575 «Запрещение дарения» Гражданского кодекса РФ разрешается дарение обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей, работникам образовательных организаций, медицинских организаций, организа-

цияющих социальные услуги, и аналогичных организаций, в том числе организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, гражданами, находящимися в них на лечении, содержании или воспитании, супругами и родственниками этих граждан.

Однако от указанных обычных подарков необходимо принципиально отличать незаконные вознаграждения, имеющие коррупционную природу: подарок является выражением доброй воли гражданина, проявляемой, например, вследствие благодарности, в то время как незаконное вознаграждение в подавляющем большинстве случаев является результатом прямого либо косвенного требования «одаряемого» или опасения не получить желаемого результата от лица, оказывающего услуги или выполняющего соответствующие работы.

К числу общественных институтов, наиболее подверженных бытовой коррупции, можно отнести здравоохранение и образование, что подтверждается статистическими сведениями.

По данным Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, в 2013 г. за коррупционные преступления в России было осуждено около 9,5 тыс. человек, из которых за получение взятки – около 1700 человек. Наибольшую часть осужденных за получение взяток составили

государственные и муниципальные служащие – 50%, 29% осужденных за взятки составили работники здравоохранения и социального развития, 10,5% – работники образования и 6,3% – службы исполнения наказаний [1].

Однако репрезентативность приведенной информации о коррупции, в частности в образовании и здравоохранении, является условной, поскольку круг работников указанных сфер деятельности, которые могут выступать в качестве субъектов таких преступлений, весьма ограничен.

В соответствии с ч. 1 ст. 290 «Получение взятки» Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) уголовно наказуемым деянием является получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указал, что не образует состав получения взятки принятие должностным лицом денег, услуг имущественного характера и тому подобное за совершение действий (бездействие), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо административно-хозяйственным функциям (п. 7).

Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина ин-

валидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).

К числу субъектов должностных преступлений относятся, например, главный врач больницы, директор школы, ректор вуза, их заместители. Преподаватели вузов и учителя школ могут временно осуществлять организационно-распорядительные функции как члены государственных экзаменационных (аттестационных) комиссий. Их соответствующие полномочия регламентированы в Положении об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений в Российской Федерации [2] и Порядке проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования [3].

Таким образом, из смысла положений УК во взаимосвязи с приведенной позицией Пленума Верховного Суда РФ следует, что для лиц, выполняющих за незаконное вознаграждение лишь профессиональные функции, не связанные с принятием решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия, уголовная ответственность не наступает.

Вместе с тем, именно эта профессиональная деятельность, которая должна осуществляться безвозмездно (лечение пациентов, обучение учащихся и студентов), образует ядро «бытовой коррупции», основанной на системе незаконных вознаграждений.

Полагаем, что наиболее действенным инструментом борьбы с этим явлением может стать уголовный закон. Более того, опыт борьбы с «бытовой коррупцией» уголовно-правовыми средствами уже имел место в уголовном законодательстве СССР.

В соответствии со ст. 173 «Получение взятки» Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР) субъектом получения взятки являлось только должностное лицо. В сфере медицины в число таких лиц входили руководители отделов здравоохранения (аптекоуправления) и их заместители, а также руководители отделов этих органов, главные врачи и их заместители, заведующие отделениями, аптеками, главные и старшие медсестры.

Иные врачи и медсестры, как и сейчас, не являлись должностными лицами и поэтому не могли быть субъектами должностных преступлений, кроме тех случаев, когда врач являлся дежурным, а также когда совершал такие действия, как составление и выдача листков временной нетрудоспособности, документов об инвалидности, справок, дающих право на льготы

или освобождение от обязанностей (например, от воинской), а также принимал решение о госпитализации, направлении на санаторно-курортное лечение [4, с. 83].

Отсутствие рыночной экономики в советский период создало благоприятные условия для того, чтобы некоторые работники государственных учреждений, обязанные по роду своей деятельности оказывать населению бесплатные услуги, начали вымогать за это незаконное вознаграждение.

Реакцией государства на подобную практику стало введение в УК РСФСР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1981 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» ст. 156² «Получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения», которой предусматривалась ответственность за получение работником предприятия, учреждения или организации, не являющимся должностным лицом, путем вымогательства незаконного вознаграждения от гражданина за выполнение работы или оказание услуги в сфере торговли, общественного питания, бытового, коммунального, медицинского, транспортного или иного обслуживания населения, входящих в круг служебных обязанностей такого работника.

Соответствующими статьями были также дополнены уголовные кодексы других союзных республик (ст. 156¹ Уголовного кодекса Белорусской ССР, ст. 154² Уголовного кодекса Азербайджанской ССР, ст. 160³ Уголовного кодекса Молдавской ССР).

С учетом актуальности проблемы, на решение которой были направлены анализируемые уголовно-правовые нормы, а также значимости единообразной практики их применения были изданы постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 октября 1982 г. № 4 «О судебной практике по делам о получении незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения (ст. 156² УК РСФСР)» и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1983 г. № 11 «О применении судами законодательства об ответственности за получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения».

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 156² УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, могло быть лишь недолжностное лицо, служебные обязанности которого состояли в непосредственном обслуживании населения (работники торговли, общественного питания, ателье, мастерских,

автотехнических предприятий, жилищно-коммунальных хозяйств, вокзалов, предприятий связи и т.д.).

Под вымогательством незаконного вознаграждения путем умышленного поставления гражданина в условия, при которых он вынужден уплатить такое вознаграждение для предотвращения вредных последствий его законным интересам, понималось, в частности, совершение работником сферы обслуживания населения действий, препятствующих выполнению работы или оказанию услуги в установленном порядке и в определенные сроки, либо необоснованный отказ от выполнения возложенных на него служебных обязанностей.

Согласно официальной статистике за 1983 г. в перечне недолжностных лиц, наиболее часто привлекавшихся к уголовной ответственности за получение незаконного вознаграждения, медицинские работники находились на шестом месте [5, с. 113].

Анализ законодательства некоторых стран СНГ также указывает на признание высокой общественной опасности деяний, связанных с получением незаконного вознаграждения, в результате чего они криминализированы.

Так, например, соответствующие нормы содержатся в Уголовном кодексе Республики Молдова (ст. 256 «Получение незаконного вознаграждения за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения») [6], Уголовном кодексе Кыргызской Республики (ст. 225 «Незаконное получение вознаграждения служащим») [7], Уголовном кодексе Республики Армения (ст. 311¹ «Получение общественным служащим, не являющимся должностным лицом, незаконного вознаграждения») [8], Уголовном кодексе Республики Беларусь (ст. 433 «Принятие незаконного вознаграждения») [9].

Таким образом, признание в законодательстве стран СНГ рассматриваемых деяний преступлениями, наряду с их аналогичной оценкой в советском законодательстве, подтверждает необходимость дополнения УК РФ нормами, устанавливающими ответственность за незаконное вознаграждение.

Следует отметить, что попытка возвращения в УК РФ положений, схожих с содержащимися в ст. 156² УК РСФСР, была предпринята в 2002 г.

Законодательным собранием Владимирской области в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был внесен проект Федерального закона № 186012-3 «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации» (далее – законопроект № 186012-3), которым предлагалось включить в УК ст. 290¹ «Получение не-

законного вознаграждения», устанавливающую ответственность за получение государственным или муниципальным служащим, работником предприятия, учреждения или организации, не являющимся должностным лицом, лично или через посредника, путем вымогательства незаконного вознаграждения от гражданина за выполнение работ или оказание услуг, входящих в круг служебных обязанностей такого работника.

В качестве признака квалифицированного состава данного преступления определялось получение незаконного вознаграждения за незаконные действия (бездействие), а особо квалифицированных – совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; неоднократно или в крупном размере (триста минимальных размеров оплаты труда) [10].

В пояснительной записке к законопроекту № 186012-3 указывалось, что его целевая направленность – противодействие «незаконным поборам со стороны самых разных категорий лиц: работников государственных и муниципальных органов, учебных и лечебных заведений, предприятий и т.п.».

Однако законопроект № 186012-3 Государственной Думой Федерального Собрания РФ был отклонен.

Согласно заключению Комитета Государственной Думы по законодательству, определенного ответственным исполнителем по рассмотрению законопроекта № 186012-3, он «содержал в себе внутренние противоречия, не согласовывался с рядом норм действующего законодательства, и, кроме того, обозначенные им действия не представляли большой степени общественной опасности для их включения в УК».

В частности, указанным Комитетом высказаны следующие замечания:

авторы законопроекта № 186012-3 в недостаточной мере обосновали необходимость включения указанного состава в УК, между тем согласно судебной практике ст. 156² УК РСФСР практически не применялась;

предлагаемый состав по сути был аналогичен получению взятки, при этом в диспозиции проектной нормы не предусматривались признаки, позволявшие разграничить соответствующие деяния (отсутствовало отсылочное положение к ст. 290 УК);

законопроектом № 186012-3 не предлагалось дополнение УК нормами, устанавливающими ответственность за дачу незаконного вознаграждения;

законопроектом № 186012-3 предлагалось криминализировать получение вознаграждения

путем вымогательства, которое уже охватывается другим составом преступления (ч. 1 ст. 163 УК), что недопустимо по причине конкуренции норм;

в проектной норме не содержалось четко прописанного понятия субъекта преступления, что могло привести к конкуренции с положениями ст. 290 и 204 «Коммерческий подкуп» УК;

понятие «незаконное вознаграждение» не согласовывалось с содержанием подп. 8 п. 1 ст. 11 «Ограничения, связанные с государственной службой» Федерального закона от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» [10].

В своем заключении Правовое управление Государственной Думы Федерального Собрания РФ признало, что «проблема с незаконным вознаграждением является пробелом в уголовном законодательстве», однако обратило внимание на то, что «отсылка авторов законопроекта к статье 156² УК РСФСР представляется не совсем корректной» [10].

По мнению Правового управления, о получении незаконного вознаграждения можно говорить только со стороны государственных или муниципальных служащих, работников государственных учреждений. Определение законности или незаконности дополнительного вознаграждения, полученного работниками негосударственных предприятий, учреждений или организаций, находится на грани уголовного и гражданского законодательств – при определенных условиях такое вознаграждение можно расценить как нарушение условий договора, а с другой стороны, как обман потребителей (ст. 200 УК) [10].

Давая ретроспективную оценку указанным замечаниям с учетом изменений законодательства Российской Федерации, следует отметить, что некоторые из них в настоящее время уже неактуальны (в частности, ст. 200 «Обман потребителей» УК и Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» признаны утратившими силу).

Довод о том, что введение в УК соответствующего состава преступления нецелесообразно ввиду незначительно распространенной практики применения ст. 156² УК РСФСР, представляется не вполне состоятельным в силу концептуально изменившейся природы социально-экономических отношений в современном российском обществе, о чем свидетельствуют вышеприведенные данные судебной статистики об осужденных за коррупционные преступления в 2013 г. [1].

Целесообразность криминализации незаконного вознаграждения также подтверждается

анализом научной литературы [11–14] и средств массовой информации [15–19].

Криминализация действий лица, дающего незаконное вознаграждение, представляется необоснованной, поскольку по смыслу предлагаемой законопроектом № 186012-3 нормы оно фактически является потерпевшим, у которого такое вознаграждение вымогали.

С учетом иных замечаний Комитета Государственной Думы по законодательству, по нашему мнению, диспозиция нормы УК РФ, предусматривающей ответственность за данное деяние, может иметь следующее содержание:

«Требование передачи денег, ценных бумаг, иного имущества либо оказания услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав лицом, которое в силу выполнения своих служебных (трудовых) обязанностей уполномочено принимать решения или совершать действия (бездействие), значимые для потерпевшего, либо способствовать принятию таких решений или совершению таких действий (бездействия) (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями третьей и четвертой статьи 204 и статьей 290 УК)».

Также возможно установление уголовной ответственности за получение незаконного вознаграждения. Однако с целью уравнивания по степени общественной опасности деяний в форме получения и требования незаконного вознаграждения для первого из них целесообразно установить пороговое стоимостное выражение «подарка» (например, 3000 рублей).

Меры ответственности за совершение предлагаемых к криминализации деяний возможно дифференцировать в зависимости от размера незаконного вознаграждения (как требуемого, так и полученного), группового признака и последствий, наступивших по неосторожности в результате их совершения.

Представляется, что криминализация бытовой коррупции станет действенным механизмом, позволяющим привлекать к справедливой ответственности за деяния, которые в настоящее время не признаны преступлениями, но фактически таковыми являются, а также создаст необходимую превентивную базу для их постепенного искоренения в обществе.

1. Верховный суд: за коррупцию в 2013 году осуждены 9,5 тыс. человек. URL: <http://itar-tass.com>

2. Об утверждении Положения об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации: приказ Минобрнауки России от 25 марта 2003 г. № 1155: зарегистрирован в Минюсте России 5 мая 2003 г. № 4490.

3. Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования: приказ Минобрнауки России от 26 дек. 2013 г. № 1400: зарегистрирован в Минюсте России 3 февр. 2014 г. № 31205.

4. Епифанова Е.В. К вопросу о дифференциации правовых мер противодействия коррупции в медицинской сфере: выборы или взятка? // Современные научные исследования. М., 2013. Вып. 1.

5. Социалистическая законность. 1983. № 7.

6. Уголовный кодекс Республики Молдова (в ред. Закона Республики Молдова от 4 апр. 2014 г. № 56). URL: <http://base.spininform.ru>

7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики (в ред. Закона Кыргызской Республики от 1 июля 2014 г. № 108). URL: <http://online.adviser.kg>

1. Supreme court: for corruption in 2013 sentenced 9,5 thousand people. URL: <http://itar-tass.com>.

2. On approval of Final state certification of graduates of higher educational institutions of the Russian Federation: order of the Ministry of Education of March 25, 2003 № 1155: registered in Ministry of Justice of Russia on May 5, 2003 № 4490.

3. On approving the Procedure for state final attestation on educational programs of secondary education: order of the Ministry of Education and Science of Russia of Dec. 26, 2013 № 1400: registered in Ministry of Justice of Russia on Febr. 3, 2014 № 31205.

4. Epifanova E.V. To the issue of differentiation of legal measures against corruption in the medical field: extortion or bribe? // Modern scientific researches. Moscow, 2013. Iss. 1.

5. Socialist legality. 1983. № 7.

6. Criminal code of the Republic of Moldova (as amended with the Law of the Republic of Moldova of Apr. 4, 2014 № 56). URL: <http://base.spininform.ru>

7. Criminal code of the Kyrgyz Republic (as amended with the Law of the Kyrgyz Republic of July 1, 2014 № 108). URL: <http://online.adviser.kg>

8. Criminal code of the Republic of Armenia (as amended with the Law of the Republic of Armenia of July 22, 2014 № LP-114). URL: <http://www.parliament.am>

8. Уголовный кодекс Республики Армения (в ред. Закона Республики Армения от 22 июля 2014 г. № ЗР-114). URL: <http://www.parliament.am>
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь (в ред. Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 60-З). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: asozd2.duma.gov.ru (дата обращения: 11.11.2014).
11. Бальзамова Л.А. Закон и подарок // Медицинский вестн. 2010. № 22.
12. Гарбатович Д. Проблемы квалификации получения взятки за незаконные действия (бездействие) // Уголовное право. 2013. № 5.
13. Назаров О.В. О нарушении Конституции Российской Федерации признанием преподавателей государственных вузов субъектами получения взятки // Законодательство и экономика. 2013. № 11.
14. Назаров О.В. Еще раз о субъектах получения взятки, или слово в защиту медиков // Адвокат. 2014. № 3.
15. Объем коррупции в образовании в 2010 году составил 12 млрд рублей. URL: <http://www.s-pravdoy.ru>
16. Иванов: коррупция сосредоточена не в среде чиновников, а в регионах // РИА Новости. 2014. URL: <http://ria.ru>
17. Распил без скальпеля. Здравоохранение вошло в тройку самых коррумпированных отраслей // Рос. газ. 2012. № 5815.
18. Взятка с занесением // Рос. газ. 2012. № 5897.
19. Россияне заплатили «в карман» врачам 138 млрд рублей // Рос. газ. 2013. URL: <http://www.rg.ru>
9. Criminal code of the Republic of Belarus (as amended with the Law of the Republic of Belarus of July 12, 2013 № 60-L). Access from legal reference system «ConsultantPlus».
10. Automated system providing legislative affairs of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: asozd2.duma.gov.ru (date of access: 11.11.2014).
11. Balzamova L.A. Law and gift // Medical bull. 2010. № 22.
12. Garbatovich D. The problems of qualification of receiving a bribe for illegal actions (inaction) // Criminal law. 2013. № 5.
13. Nazarov O.V. About violation of the Constitution of the Russian Federation with recognition of staff in state universities entities receiving bribes // Law and economics. 2013. № 11.
14. Nazarov O.V. Once again on the subjects of receiving a bribe, or a word in the defense of physicians // Attorney. 2014. № 3.
15. The amount of corruption in education in 2010 reached 12 billion. URL: <http://www.s-pravdoy.ru>
16. Ivanov: corruption is concentrated not among government officials but in the regions // RIA News. 2014. URL: <http://ria.ru>
17. Cutting without a scalpel. Health care was among the three most corrupt sectors // Rus. newsp. 2012. № 5815.
18. Bribe with entering // Rus. newsp. 2012. № 5897.
19. The Russians paid «in the pocket» doctors 138 billion // Rus. newsp. 2013. URL: <http://www.rg.ru>

Вертепова Татьяна Александровна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны

В статье автор рассматривает понятия «честь», «достоинство», «репутация» как объекты уголовно-правовой охраны и выделяет составы преступлений, посягающих на честь и достоинство личности.

Ключевые слова: честь, достоинство, репутация, преступления, посягающие на честь, достоинство, репутацию.

T.A. Vertepova, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Honor, dignity and reputation as the objects of criminal law protection

In the article the author examines the concepts of «honor», «dignity», «reputation» as the objects of criminal law protection and highlights the offenses detrimental to the honor and dignity of the individual.

Key words: honor, dignity, reputation, crimes that infringe on the honor, dignity and reputation.

Охрана чести, достоинства и репутации личности нашла свое отражение в основополагающих международных и нормативных актах. Так, в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., упоминается, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах; в ст. 12 говорится о недопустимости произвольно вмешательств в личную жизнь любого человека и посягательства на его честь. В ст. 1 Хартии Европейского союза об основных правах от 7 декабря 2000 г. закреплено: «Человеческое достоинство неприкосновенно. Оно подлежит уважению и защите». Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантируют право гражданина на защиту от незаконных посягательств на его честь, достоинство и репутацию.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ достоинство личности охраняется государством. Статьи 21, 23 Конституции РФ гарантируют защиту достоинства, чести и доброго имени каждого человека.

Осуществить уголовно-правовую защиту личных неимущественных благ невозможно без раскрытия содержания этих благ. Для того чтобы сделать вывод о том, что нарушено какое-либо право, предоставленное человеку, необходимо иметь четкое представление об объекте, которому причинен вред.

Отсутствие легальных дефиниций понятий «честь», «достоинство», «репутация» затрудняет установление сущности объекта уголовно-правовой охраны – чести, достоинства, репутации и, соответственно, правильную квалификацию рассматриваемой группы преступлений.

Честь, достоинство и репутация (нематериальные блага), будучи непреходящими ценностями человеческого общества, присущи человеку как существу общественному на протяжении всей истории его существования. Уважение чести и достоинства личности носит характер отношений, основанных на нормах права и морали, на принципах свободы и взаимной ответственности между государством, обществом и личностью, между различными личностями и социальными группами. Гражданское общество – носитель соответствующих ценностей. Государство в лице его органов и должностных лиц несет определенные обязательства по их реализации, по обеспечению охраны чести и достоинства своих граждан [1, с. 11].

Словом «достоинство» принято обозначать ценность, общественную значимость каких-то явлений действительности. Достоинство человека – это та ценность, которую он приобретает и сохраняет в обществе. Анализ употребления понятия достоинства в научном и быденном языке заставляет сделать вывод о том, что каждый человек является обладателем или носителем не одной, а нескольких ценностей, которые в совокупности и обра-

зуют то, что принято называть достоинством человека.

Основными среди этих ценностей (достоинств) личности являются следующие:

1) личное достоинство – ценность данной конкретной личности, совокупность присущих ей общественно значимых свойств;

2) групповое достоинство – ценность человека как представителя какой-то социальной группы (семьи, коллектива и т.д.), принадлежность к которой наделяет его определенной ценностью;

3) профессиональное, трудовое достоинство – ценность, вытекающая из профессиональной принадлежности личности, определяемая основным видом ее общественной деятельности;

4) гражданское, классовое достоинство – ценность человека как представителя определенного класса, партии, народа, как гражданина какого-то государства, страны;

5) человеческое достоинство – ценность человека вообще, его родовая ценность (как представителя человеческого рода, человечества).

Все эти виды достоинства носят явно выраженный общественный характер. Человеческое достоинство не заложено в биологической природе индивида. Оно возникает и существует лишь в обществе, реализуясь через систему социальных отношений [2, с. 64].

Идея человеческого достоинства сложилась как отражение в головах людей того особого положения, которое занимает человек в реальной действительности. В мире существуют тысячи различных ценностей, но человек не просто одна из них, он – ценность особая, он – творец, создатель материальных и духовных благ. Он не только преобразует окружающий мир своим трудом, но и «одушевляет» его, наделяет его ценностными свойствами, ставит характеристики вещей в зависимости от своих потребностей и интересов. Человек и человечество представляют собой как бы фундамент царства ценностей. Поэтому естественно, что в человеческом обществе не может быть ценности более высокой, чем сам человек. Человек – высшая, ни с чем не сравнимая ценность. Однако далеко не сразу люди приходят к пониманию высокого человеческого достоинства. На это потребовались тысячелетия борьбы с социальной несправедливостью, мучительных поисков истины, овладения тайнами природы, потребовалась упорная борьба, в процессе которой рос и мужал сам человек, осознавая свою ценность. Еще более трудным и длительным оказался путь к практическому утверждению таких общественных отношений, которые бы прямо основывались на признании высокого достоинства человеческой личности.

Возникновение этических представлений о чести и достоинстве относится к периоду первобытного общества. Жизнь первобытных людей, совместный труд требовали не только определенной оценки поведения каждой личности, но и собственной самооценки [3, с. 5–6].

С появлением классов в основу оценки личности берутся не какие-то нравственные качества (порядочность, честность и т.п.), а происхождение, род, знатность, имущественное положение. В конечном счете, ценность личности определялась ее богатством. В рабовладельческом и феодальном обществах понятие чести и достоинства распространялось только на свободных людей, а не на рабов и крепостных. Рабы и крепостные люди относились к низшим сословиям. Считалось, что они не имеют ни достоинства, ни чести. Закон защищал только нравственные блага господствующих классов. Более прогрессивные общественно-экономические формации не ставили честь и достоинство личности в зависимость от сословной принадлежности. Достоинство личности не зависит от социального происхождения, т.к. в основе общественной оценки лежит представление о равенстве людей в моральном отношении [4, с. 365].

При вынесении общественного суждения о поступках отдельной личности необходимо исходить из всего комплекса оснований поведения. Деятельность человека состоит не из одного отдельного поступка, а из множества отдельных поступков. Честь и достоинство связываются обществом с такими нравственными качествами, как доброта, порядочность, гордость, правдивость и др. Общепринятый взгляд на честь и достоинство не исключает, что некоторые люди в нашем обществе видят достоинство личности в материальном достатке. Это объясняется смещением акцента нравственных ценностей, происходящим в настоящее время в обществе в связи с социальной государственной переориентацией.

Честь и достоинство – очень близкие понятия, тесно взаимосвязанные между собой. Как правило, эти понятия употребляются без их четкого смыслового разграничения. В то же время, будучи близкими по своему содержанию, честь и достоинство отличаются друг от друга. В отношении определения понятий чести и достоинства существуют различные точки зрения.

Одни ученые полагают, что честь полностью включает в себя понятие «достоинство». Достоинство является неотъемлемой частью чести как общественного признания. Другие ученые считают, что понятие «достоинство» не входит в содержание чести. К.Б. Ярошенко обоснованно утверждает, что честь и достоинство – близкие

понятия, различия между которыми существуют «лишь в субъективном или объективном подходе к оценке этих качеств: если имеется в виду оценка со стороны окружающих – речь идет о чести гражданина, а если самооценка – о его достоинстве» [5, с. 155].

Понятия чести и достоинства не определены в текстах гражданско-правовых и уголовно-правовых норм. В Конституции РФ достоинство определяется в виде абсолютной ценности, охраняемой государством. Независимо от действительной ценности конкретного индивида он, как личность, уже обладает ценностью в глазах государства. Честь и достоинство являются нематериальными, неотчужденными правами личности человека [3, с. 5–6].

С правовой точки зрения «честь» – это сопровождающееся положительной оценкой отражение качеств лица (физического или юридического) в общественном сознании, а понятие «достоинство» включает в себя сознание человеком своей абстрактной и конкретно-социальной ценности, а также ценности (значимости) социальных групп, в которые он входит. Другой вопрос – на какой основе формируются эти группы: чаще всего они являются профессиональными, национальными или конфессиональными (религиозными) [6, с. 44]. Таким образом, честь и достоинство в своем единстве отражают множественные, разнообразные связи личности и общества.

Достоинство выступает в виде ценности личности, а честь представляет оценку этой личности со стороны общества; в целом честь и достоинство являются самостоятельными понятиями, обладающими своими специфическими особенностями. Достоинство относится к этической категории. Оно связывается с ценностью человека и собственным осознанием этой ценности. Человек, знающий себе цену, обладает чувством собственного достоинства. При этом, что вполне естественно, человек не может передать другому лицу свое достоинство, т.к. достоинство неотчуждаемо. В литературе уже отмечалось, что понятие «достоинство» значительно шире понятия чести. Категория достоинства выступает, во-первых, как единство всеобщего, т.е. человеческого достояния, во-вторых, как единство особенного, т.е. в виде достоинства личности как представителя определенных социальных кругов, и, в-третьих, в виде единичного, личного достоинства [7, с. 14].

Достоинство личности определяется ее моральными качествами, а честь связывается с общественной оценкой значимости человека и признанием его заслуг. Мера общественного

уважения при достоинстве основывается на одинаковом и равном праве каждого человека пользоваться уважением со стороны общества. В отличие от чести категория достоинства рассматривается и как одно из основных понятий теории гуманизма. Основное содержание гуманизма составляют воззрения на личность как на высшую общественную ценность. Гуманизм провозглашает необходимость уважения достоинства личности, является одним из основных принципов различных отраслей законодательства, в том числе и уголовного права. Понятие чести не входит в теорию гуманизма. И если достоинство выражается в уважении к человеку как личности, то честь требует признания общественных заслуг в виде различных наград, званий, т.е. внешних атрибутов.

В системе нравственных ценностей достоинство и честь занимают высокое положение. В соответствии со ст. 21 Конституции РФ достоинство личности находится под охраной государства. Никакие обстоятельства не могут служить основанием для умаления достоинства личности. Это означает, что унижение человеческого достоинства никогда не может быть признано правомерным.

Отношения, возникающие в обществе между отдельными людьми, не должны носить оскорбительного характера. Недопустимо умаление достоинства в отношениях не только отдельных лиц между собой, но и в отношениях между государственными органами и должностными лицами. Например, следователь не должен и не вправе унижать достоинство лица, совершившего преступление.

При исполнении наказания, говорится в ст. 7 УК РФ, нельзя унижать человеческое достоинство. В то же время человек на законных основаниях может быть лишен чести. Ущемление чести возможно в связи с привлечением человека к административной или уголовной ответственности, его осуждением за преступление и т.п. Совершение преступления всегда воспринимается обществом в виде деяния, наиболее несоответствующего требованиям нравственности.

Достоинство, честь и преступление несовместимы, т.к. являются взаимоисключающими понятиями. Утрата уважения к преступнику – это естественное последствие совершения им общественно опасного деяния. Истории отечественного законодательства известны так называемые «позорящие наказания», заключающиеся в общественном выражении неуважения и осуждения преступников. Это такие наказания, как публичное покаяние в

вине, поражение в правах, потеря почетных сословных титулов и др.

Действующий уголовный закон за совершение определенных преступлений также предусматривает лишение специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград – ст. 48 УК РФ. Это наказание является исключительно дополнительным и может быть назначено приговором суда только за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

Помимо понятий «честь» и «достоинство», в законодательстве появился новый термин «репутация».

Понятие репутации (репутация (франц. – *reputacion*) – создавшееся общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-либо, чего-либо) [8, с. 1132] примыкает к понятию чести, заключается в оценке личности обществом и используется чаще всего для характеристики поведения в деловых взаимоотношениях (например, деловая репутация коллег по работе, контрагентов, клиентов, потребителей, избирателей и т.п.) или в личных взаимоотношениях (репутация порядочного человека).

Понятие деловой репутации можно сформулировать как положительную оценку отражений деловых качеств лица в общественном сознании. Так, в соответствии со ст. 152 ГК РФ любое общественное объединение, зарегистрированное в качестве юридического лица, вправе защищать свою деловую репутацию.

В ч. 1 ст. 128¹ УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за клевету, наряду с такими объектами преступления, как честь и достоинство, названа репутация.

Право на защиту чести, достоинства и деловой репутации относится к личным неимущественным правам.

Каждый субъект гражданского права имеет право защищать честь, достоинство, деловую репутацию гражданско-правовыми способами, а будучи нарушителем, может быть привлечен к несению гражданско-правовых последствий своих неправомерных действий (ст. 1064 ГК РФ). Также любое лицо, посягнувшее на личное достоинство человека, оскорбив тем самым потерпевшего, может быть привлечено к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП РФ.

Безусловно, самым эффективным и действенным механизмом защиты чести, достоинства и репутации человека была и остается уголовно-правовая защита. Лицо, совершившее посягательство на честь и достоинство личности, должно быть привлечено к уголовной ответственности.

При этом можно выделить несколько составов преступлений, посягающих на честь и достоинство личности:

во-первых, это преступления, непосредственно посягающие на честь и достоинство личности, – ст. 128¹ УК РФ;

во-вторых, это специальные составы преступлений, посягающие на профессиональную честь и достоинство специальных потерпевших, – ст. 297, 298¹, 319, 336 УК РФ;

в-третьих, иные преступления, посягающие на честь и достоинство личности, – ст. 107, 110, 148, 282, ч. 4 ст. 303, 335, УК РФ.

Немаловажное теоретическое и практическое значение имеет разграничение смежных составов преступления в целях правильной квалификации указанных преступных деяний и единообразного применения норм уголовного закона.

1. Власов А.А. *Деятельность адвоката в суде по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации: практ. пособие.* М., 2006.

2. Блюмкин В.А. *О чести и достоинстве советского человека.* М., 1974.

3. Марогулова И.Л. *Защита чести и достоинства личности.* М., 1998.

4. *Словарь по этике.* М., 1970.

5. Ярошенко К.Б. *Жизнь и здоровье под охраной закона.* М., 1990.

6. *Рос. юстиция.* 1998. № 4.

7. Мархотин В.И. *Охрана чести и достоинства личности по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* Киев, 1980.

8. *Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова.* М., 1989.

1. Vlasov A.A. *Activity of the lawyer in the court for the protection of honor, dignity and business reputation: practical manual.* Moscow, 2006.

2. Blyumkin V.A. *About the honor and dignity of Soviet man.* Moscow, 1974.

3. Marogulova I.L. *Protection of honor and dignity.* Moscow, 1998.

4. *Dictionary of ethics.* Moscow, 1970.

5. Yaroshenko K.B. *Life and health under the protection of the law.* Moscow, 1990.

6. *Russian justice.* 1998. № 4.

7. Marhotin V.I. *Protection of honor and dignity in the Soviet criminal law: auth. abstr. ... Master of Law.* Kiev, 1980.

8. *Soviet encyclopedic dictionary / ed. by A.M. Prokhorov.* Moscow, 1989.

Куфлева Валентина Николаевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
(e-mail: val_swatch@mail.ru)

Вопросы разграничения организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) со смежными составами преступлений

Статья посвящена вопросам разграничения организации преступного сообщества (преступной организации) со смежными составами преступлений. На базе проведенного исследования выявлены как общие, так и отличительные признаки, которые присущи преступлениям, предусмотренным ст. 210, 205⁴, 205⁵, 208, 209, 239, 282¹ и 282² УК РФ.

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная организация, организованная группа, соучастие.

V.N. Kufleva, Master of Law, Senior Lecturer of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University; e-mail: val_swatch@mail.ru

Questions of differentiation of organizing a criminal community (criminal organization) or participation in it from other crimes

The article deals with differentiation of organizing a criminal community (criminal organization) from other crimes. On the basis of the study identified both common and distinctive features that are inherent in a crime under art. 210, 205⁴, 205⁵, 208, 209, 239, 282¹ and 282² of the Criminal code of the Russian Federation.

Key words: criminal community, criminal organization, organized group, complicity.

Одним из наиболее важных направлений повышения эффективности противодействия организованным формам преступного поведения является их правильное и четкое отграничение. В настоящее время УК РФ, наряду со ст. 210, содержит семь статей, предусматривающих ответственность за деятельность различных конкретных разновидностей организованных групп (ст. 205⁴, 205⁵, 208, 209, 239, 282¹, 282²), что актуализирует на практике вопрос об их конкуренции друг с другом.

Говоря о соотношении организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) со смежными составами преступлений, следует акцентировать внимание на выявлении их общих и отличительных признаков.

В свете изложенного вначале уместно рассмотреть составы преступлений, предусмотренные ст. 210, с одной стороны, и ст. 205⁴, 205⁵ УК РФ – с другой.

Включая в 2013 г. в УК РФ статьи 205⁴ (организация террористического сообщества и участие

в нем) и 205⁵ (организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации), законодатель не учел положение ст. 35, которое содержит указание на цель преступного сообщества (преступной организации) – получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Данная норма, безусловно, не соотносится с целью преступлений, предусмотренных в ст. 205⁴ и 205⁵ УК РФ, поскольку террористические сообщества (организации) не обязательно и не всегда преследуют материальную или финансовую выгоду.

В нынешней редакции ст. 205⁴ УК РФ, как подчеркивает В.И. Гладких, произошло смешение разных форм соучастия – организованной группы и преступного сообщества (преступной организации), а именно понятие террористического сообщества надделено таким признаком организованной группы, как устойчивость, между тем главным признаком преступного сообщества (преступной организации) является ее структурированность. Нет единства и в тер-

минах: в ст. 205⁴ УК РФ говорится о преступном сообществе, а в ст. 205⁵ УК РФ – о преступной организации [1, с. 36].

Отдельные ученые обращают внимание еще на одно обстоятельство. А. Хлебушкин указывает, что в УК используется понятие преступной организации как синоним понятия преступного сообщества (ч. 4 ст. 35 УК РФ и ст. 210 УК РФ). Однако это не дает оснований считать террористическую организацию (как, впрочем, и экстремистскую) разновидностью преступного сообщества (преступной организации). Данный вывод основан, прежде всего, на том, что в диспозиции ст. 205⁵ УК РФ обязательные признаки преступного сообщества (преступной организации), в частности структурированность и др., не приводятся. Строго говоря, террористическая организация юридически «порождена» не уголовным законом и имманентной связи с какой-либо формой соучастия не имеет. В ч. 5 ст. 35 УК РФ ст. 205⁵ УК РФ не упоминается, и террористическая организация в качестве одного из видов криминальных формирований, за создание и участие в которых ответственность наступает по специальным нормам Особенной части УК РФ, не рассматривается. Кроме того, применительно к террористической организации в диспозицию ст. 205⁵ УК РФ не включены такие признаки объективной стороны, как создание и руководство, хотя последние предусмотрены ст. 205⁴, 209, 210, 282¹ УК РФ относительно соответствующих преступных объединений [2, с. 82–87].

Актуальным является вопрос разграничения ст. 210 и ст. 208 (организация незаконного вооруженного формирования) УК РФ. В научной литературе было высказано мнение, что преступное сообщество выступает конститутивным признаком состава преступления по ст. 208 УК РФ [3, с. 293; 4, с. 156]. Впрочем, как верно отмечает Н.И. Сальникова, отличие незаконного формирования от преступного сообщества заключается в том, что его деятельность не урегулирована федеральным законодательством, а не преступна (т.е. не направлена на совершение преступных деяний), но функционирование такого объединения, тем не менее, представляет общественную опасность, поэтому действия по созданию и участию в нем признаются уголовно наказуемыми [5, с. 20–21].

Словосочетание «вооруженное формирование» и его синонимы – «отряд», «дружина» – соответствуют понятиям «воинская часть» либо «специализированная воинская группа», что представляет собой совокупность определенного количества людей, объединенных для

совместного выполнения возложенных на него задач. Для вооруженного формирования характерны сложная организационная структура, подчиненность и подконтрольность нижестоящих звеньев и лиц вышестоящим, строгая дисциплина, вооруженность любыми видами оружия, предназначенными для поражения живой и иной цели.

Как видно из формулировки закона, и в случае организации преступного сообщества, и в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, речь идет о совместном участии нескольких лиц в некоторой организации.

В ст. 208 УК РФ говорится о таком вооруженном формировании, которое не предусмотрено федеральным законом. В ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» сказано, что запрещаются и преследуются по закону создание и существование формирований, имеющих военную организацию или вооружение и военную технику либо в которых предусматривается прохождение военной службы, не предусмотренных федеральными законами [6]. Таким образом, отличительным признаком незаконного вооруженного формирования является, прежде всего, то, что оно представляет собой разновидность военного формирования и совершается с целью осуществления задач военного характера. Эти цели могут быть и общественно полезны в представлении какой-то определенной группы лиц, они могут создаваться с целью защиты населения от возможных боевых или иных провокационных проявлений экстремистски настроенных групп, но главная их противозаконность заключается в том, что они созданы вопреки положениям Закона «Об обороне».

Естественно, уровень преступных взаимосвязей, организованности и ощущения психологического единства, иерархических построений и дисциплинарных санкций в незаконном вооруженном формировании существенно ниже, чем в преступном сообществе.

В основу разграничения двух анализируемых преступлений должна быть положена прежде всего цель их создания. Преступное сообщество (преступная организация) всегда создается с противоправной целью для совершения тяжких и особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Организация незаконного вооруженного формирования преследует иные цели: политические, социально-бытовые (например: защитить город или населенный пункт от криминальных посягательств), националистические и др.

В незаконном вооруженном формировании обязательным признаком является вооружен-

ность, что необязательно для преступного сообщества. Данный признак должен быть присущ всему формированию (объединению, отряду, дружине или иной группе) в соответствии со штатным расписанием и установленными для него нормами. При отсутствии оружия у формирования последнее теряет свое предназначение.

Участники незаконного вооруженного формирования, не предусмотренного федеральными законами, могут совершать отдельные насильственные действия в отношении граждан, выражающиеся в убийствах, поджогах, хищениях и прочих преступлениях против личности и ее прав, но они являются как бы побочными последствиями деятельности отдельных членов такого незаконного формирования и не вытекают из тех задач, которые ставит перед собой вооруженное формирование. В таких случаях действия виновных должны квалифицироваться по ст. 208 УК РФ и соответствующим статьям о преступлениях против личности.

Если преступные посягательства на граждан с целью завладения их имуществом или совершенные в отношении их иные преступления носят систематический характер, то правомерно ставить вопрос о совокупности преступлений, предусмотренных ст. 208 и 210 УК РФ.

Таким образом, различие между этими двумя преступными деяниями сводится к следующему:

1) преступное сообщество представляет собой структурированную организованную группу или объединение организованных групп, действующее под единым руководством, тогда как вооруженное формирование – это объединение, отряд, дружина или иная группа;

2) в отличие от преступного сообщества, в незаконном вооруженном формировании хотя бы один из его членов должен иметь оружие (огнестрельное, газовое, пневматическое или холодное либо взрывные устройства и вещества), и об этом должно быть известно остальным его участникам;

3) главным отличительным признаком рассматриваемых составов преступлений является цель создания; для незаконного вооруженного формирования цель безразлична, тогда как для сообщества таковой выступает совершение одного или нескольких тяжких и особо тяжких преступлений для получения финансовой или иной материальной выгоды.

Одним из наиболее важных на протяжении многих лет остается соотношение преступлений, предусмотренных ст. 210 и ст. 209 (бандитизм) УК РФ. Традиционно банда считается самой опасной разновидностью организованной груп-

пы, хотя некоторые ученые относят ее к числу преступных сообществ [7, с. 312; 8, с. 27]. По мнению С.В. Расторопова, нацеленность на совершение нападений на граждан или организации отличает бандитизм от преступлений, предусмотренных ст. 208 и 210 УК РФ [9, с. 438].

По смыслу уголовного закона организацию преступного сообщества (преступной организации) от бандитизма отличают три признака [10, с. 48]. Первым разграничительным признаком выступает вооруженность, характерная для бандитизма и предполагающая наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия. В составе организации преступного сообщества (преступной организации) данный признак не является обязательным.

Банда – это всегда вооруженная устойчивая группа, в то время как преступное сообщество может не иметь ни одной единицы оружия, т.к. может создаваться для совершения таких преступлений, которые не требуют для их совершения применения оружия, например при совершении экономических преступлений.

Во-вторых, разграничение данных составов проводится по субъективным признакам. Цель в составе бандитизма сформулирована как нападение на граждан или организации. В составе же организации преступного сообщества (преступной организации) цель обозначена более широко – совершение тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Однако заметим, что нападение, о котором говорится в ст. 209 УК РФ, может быть, по существу, только тяжким или особо тяжким посягательством (например, п. «ж» ч. 2 ст. 105; п. «а» ч. 4 ст. 162; пп. «а», «в» ч. 3 ст. 163; ст. 317 УК РФ).

Наконец (и это, пожалуй, главный момент), с точки зрения форм соучастия в ст. 209 УК РФ идет речь об организованной группе (ч. 3 ст. 35 УК РФ), а в ст. 210 УК РФ – о преступном сообществе (преступной организации) (ч. 4 ст. 35 УК РФ).

В правоприменительной практике неизбежно возникает вопрос и о возможной квалификации преступлений, предусмотренных ст. 209 и ст. 210 УК РФ, по совокупности. П. Агапов допускает лишь реальную совокупность этих деяний [10, с. 48], хотя отдельные ученые полагают возможной и идеальную совокупность [11, с. 22].

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной

практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», к сожалению, фактически уклонился от ответа на данный вопрос. Он приводит в качестве примеров:

1) идеальную совокупность участия в преступном сообществе и разбоя в составе организованной группы (п. 16), однако не уточнено, является ли данное преступное сообщество вооруженным;

2) самостоятельное создание членами преступного сообщества, помимо этого, устойчивой вооруженной группы (банды), действующей не в связи с планами сообщества – в этом случае совокупность реальная (абз. 1 и 2 п. 22);

3) незаконное владение организатором, руководителем или участниками сообщества огнестрельным или холодным оружием – ст. 222 УК РФ в части незаконного хранения или ношения огнестрельного оружия и соответствующая часть ст. 210 УК РФ (п. 19).

Трудности при разграничении со ст. 210 вызывает и ст. 239 УК РФ (создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан). Применительно к ней можно заметить, что объективно данное преступление выражается в создании религиозного или общественного объединения, нередко во внешне законных формах. Соответственно, основные цели такого объединения преимущественно религиозные или общественные, но не откровенно преступные. Преступный характер таким объединениям придают насильственные и иные противоправные способы воздействия на их членов. Напротив, преступное сообщество не стремится к легализации своей деятельности (хотя это и не исключается), и его основные цели – совершение тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Другим не менее важным вопросом является соотношение преступлений, предусмотренных ст. 210 и ст. 282¹ (организация экстремистского сообщества), ст. 282² (организация деятельности экстремистской организации) УК РФ.

Экстремистское сообщество (ст. 282¹ УК РФ), несмотря на свое название, также является типичной разновидностью организованной группы, хотя и этот состав преступления некоторые авторы относят к преступным сообществам [8, с. 27]. Его центральный объективный признак – устойчивость (ч. 1 ст. 282¹ УК РФ), тогда как сообщество является сплоченным либо представляет собой объединение организованных групп. Основным субъективным признаком выступает мотив: политической, идеологической, расовой, нацио-

нальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (примеч. 2 к ст. 282¹ УК РФ). В отличие от первоначальной редакции ст. 282¹ УК РФ, конкретный перечень преступлений, для которых создается экстремистское сообщество, отсутствует. Преступному сообществу данный мотив безразличен, зато имеет значение цель совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Как пишет И.В. Сироткин, «терминологически экстремистское сообщество представляет собой разновидность преступного сообщества, предусмотренного ч. 4 ст. 35 УК РФ. Однако при изучении его определения в ст. 282¹ УК РФ можно установить, что оно таковым не является ввиду отсутствия признака сплоченности... В то же время в ч. 1 ст. 282¹ содержится указание на структурный характер экстремистского сообщества, а также сформулированное по аналогии со ст. 210 УК РФ положение об ответственности за создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности. Подобная формулировка ст. 282¹ УК РФ приводит к абсолютному смешению понятий «организованной группы» и «преступной организации» [12, с. 127].

Схожа ст. 210 УК РФ и с экстремистской организацией, о которой говорится в ст. 282² УК РФ. Она представляет собой общественное или религиозное объединение или иную организацию. Экстремистский характер придает этой организации наличие вступившего в законную силу решения о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Для преступного сообщества не имеет большого значения его легальная регистрация в каких-либо организационно-правовых формах. Цели сообщества не экстремистские, а откровенно преступные – совершение тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Подводя основные итоги сказанному, отметим, что проведенное исследование позволило выявить как общие, так и отличительные признаки, присущие преступлениям, предусмотренным ст. 210, 205⁴, 205⁵, 208, 209, 239, 282¹ и 282² УК РФ. Смеем надеяться, что полученные результаты могут стать основой оптимизации не только правоприменительного, но и законодательного процесса в недалеком будущем.

1. Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // *Рос. следователь*. 2014. № 5.
2. Хлебушкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205⁵ УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // *Уголовное право*. 2014. № 2. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1: Общая часть* / под ред. А.И. Рарога. М., 2002.
4. *Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: учеб.* / под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. М., 1999.
5. Сальникова Н.И. Незаконное вооруженное формирование не является разновидностью преступного сообщества // *Рос. следователь*. 2005. № 3.
6. Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. 1996. № 23. Ст. 275.
7. *Энциклопедия уголовного права. Т. 6: Соучастие в преступлении*. СПб., 2007.
8. Грошев А.В. Ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации): вопросы криминализации и правоприменения // *Уголовное право*. 2004. № 3.
9. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: науч.-практ. пособие / под. ред. А.В. Галаховой. М., 2006.
10. Агапов П.В. Бандитизм и организация преступного сообщества (преступной организации): проблемы соотношения // *Законность*. 2002. № 4.
11. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации): коммент. М., 1997.
12. Сироткин И.В. О совершенствовании уголовно-правовых норм об ответственности за создание, руководство и участие в организованных группах и преступных организациях // *Вестн. Томск. гос. ун-та*. 2008. Вып. 314.
1. Gladkih V.I. New legal mechanisms for combating terrorism: a critical analysis // *Russian investigator*. 2014. № 5.
2. Hlebushkin A. Organization of the terrorist organization and participation in the activities of such an organization (art. 205⁵ of the Criminal code of the Russian Federation): criminally-legal characteristic and qualification // *Criminal law*. 2014. № 2. Access from legal reference system «ConsultantPlus»
3. *Russian criminal law: in 2 vol. Vol. 1: General part* / ed. by A.I. Rarog. Moscow, 2002.
4. *Criminal law. General part. Special part: textbook* / gen. ed. by L.D. Gaukhman, L.M. Kolodkin and S.V. Maximov. Moscow, 1999.
5. Salnikova N.I. Illegal armed group is not a form of criminal association // *Russian investigator*. 2005. № 3.
6. On defense: fed. law of May 31, 1996 № 61-FL // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 1996. № 23. Art. 275.
7. *Encyclopedia of criminal law. Vol. 6: Complicity in the crime*. St. Petersburg, 2007.
8. Groshev A.V. Responsibility for the organization of a criminal community (criminal organization): criminalization and law enforcement // *Criminal law*. 2004. № 3.
9. *The jury: qualification of crimes and procedure for consideration of cases: sci. and pract. guide* / ed. by A.V. Galakhova. Moscow, 2006.
10. Agapov P.V. Banditry and organization of a criminal community (criminal organization): problems of correlation // *Legality*. 2002. № 4.
11. Gaukhman L.D., Maksimov S.V. Criminal liability for the organization of a criminal community (criminal organization): comment. Moscow, 1997.
12. Sirotkin I.V. On improving the criminal law on the responsibility for the creation, management and participation in organized groups and criminal organizations // *Bull. of Tomsk State University*. 2008. Iss. 314.

Мирошниченко Надежда Викторовна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой права
Ставропольского государственного аграрного университета
(e-mail: n01071978@mail.ru)

Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния, при исполнении профессиональных функций

Статья посвящена анализу обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность причинения вреда при исполнении профессиональных функций. Доказывается, что субъектом такого риска всегда должно признаваться лицо, обладающее соответствующими профессиональными знаниями и опытом; определяется, что при риске лицо всегда выходит за нормативные пределы профессиональной деятельности; предлагается формула конкретизации условий правомерности профессионального риска в уголовном законе.

Ключевые слова: исполнение профессиональных функций, обстоятельства, исключающие преступность деяния, обоснованный профессиональный риск.

N.V. Miroshnichenko, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Law of the Stavropol State Agrarian University; e-mail: n01071978@mail.ru

Reasonable risk as a circumstance excluding the criminality of the act in the performance of professional functions

The article is devoted to the analysis of a reasonable risk as circumstances excluding criminality of harm in the performance of professional functions. It is proved that the subject of this risk should always admit a person with the appropriate skills and experience; is determined that the at risk person always goes beyond regulatory limits of professional activities; proposed formula clarifying the requirements of the legality of occupational risk in the criminal law.

Key words: performance of professional functions, circumstances excluding criminality, justified professional risk.

Строгое исполнение требований закона и иных нормативных актов исключает преступность причинения вреда в так называемой ординарной профессиональной ситуации, которая разворачивается и протекает в соответствии с известными прогнозами, является типичной, в целом привычной для деятеля или хотя бы теоретически известной. Однако в ряде случаев в процессе осуществления профессиональной деятельности возникают ситуации, не вписывающиеся в традиционные рамки и требующие нестандартных решений, не предписанных нормативными установлениями. Выход за нормативные рамки профессии чреват причинением вреда охраняемым уголовным законом отношениям. Однако преступность такого вреда может быть исключена в соответствии с положениями об обоснованном риске как обстоятельстве, исключающем уголовную ответственность (ст. 41 УК РФ).

Стоит заметить, что для некоторых профессиональных рисков является неотъемлемой характеристикой повседневной практики: рискует врач при проведении операции, летчик при испытании нового самолета, сапер и т.д. Однако необходимо различать риск как нормативно предписанное действие и риск как действие, не согласующееся с предписаниями нормативных стандартов профессии. В первом случае правомерность причинения вреда определяется именно соблюдением правовых норм, которые разработаны с учетом типовых характеристик рискованной ситуации и направлены как раз на минимизацию возможных негативных последствий. Риск в этом аспекте составляет часть профессиональной деятельности, а оценка рискованных действий должна осуществляться с позиций рассмотренного выше исполнения закона. О риске как о самостоятельном обстоятельстве, исключающем преступность деяния, следует рассуждать, на наш взгляд, в той ситуации, когда вред причинен

действиями, не предписанными прямо в нормативных стандартах или запрещенными ими.

Эти нюансы не учитывают специалисты, которые при обсуждении проблемы обоснованного риска в уголовном праве обращаются к правовой оценке собственно рискованных действий. Некоторые авторы указывают, что деяния, совершенные в состоянии риска, не должны нарушать нормативного или законодательного запрета [1, с. 156; 2, с. 33; 3, с. 39]; другие допускают, что при обоснованном риске есть возможность нарушения лишь устаревших нормативов и правовых норм [4, с. 14; 5, с. 87]; третьи полагают допустимым при совершении рискованных действий относительно свободный выход за рамки каких-либо нормативных актов [6, с. 92; 7, с. 697]. На наш взгляд, включение в систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, исполнения закона может снять данную дискуссию: риск в пределах нормативных стандартов будет рассматриваться с точки зрения параметров исполнения закона, риск за пределами этих стандартов – с позиций самостоятельного оправдывающего обстоятельства.

Проблематика риска в праве весьма обширна и включает в себя множество аспектов [8]. Их детальный анализ выходит за границы предмета нашего анализа. А потому позволим себе ограничиться лишь одной, но в свете рассматриваемых нами вопросов крайне важной проблемой.

Речь идет о характеристике субъекта, совершающего рискованные действия. Уголовный закон в ст. 41 не конкретизирует адресатов соответствующей уголовно-правовой нормы. В соответствии с этим В.И. Самороков, В.В. Орехов, В.В. Бабурин, Н.Ш. Козаев признают право на причинение вреда в состоянии риска за любым человеком, независимо от его статуса и сферы деятельности [9, с. 73; 10, с. 429; 11, с. 146; 12, с. 111]. В то же время такой подход встречает активную критику со стороны специалистов, утверждающих, что право на совершение рискованных действий принадлежит лишь лицам, профессионально занимающимся определенным видом деятельности, которые обладают необходимыми познаниями для того, чтобы минимизировать возможные негативные последствия рискованных деяний [13, с. 509; 14, с. 264; 15, с. 117].

Этот спор в известной степени отражает эволюцию научных взглядов на риск как на обстоятельство, исключающее преступность деяния. Возникшие изначально представления о производственном риске трансформировались, как известно, в более широкое учение о профессиональном риске и, наконец, нашли отражение

в законе как положения о риске обоснованном, в равной мере применимом ко всем областям человеческой деятельности [16, с. 257].

С формальной точки зрения закон не ограничивает сферу рискованных действий исключительно профессиональной деятельностью, позволяя рисковать, в том числе, и в быту. Однако по существу подобное дозволение представляется необоснованным. Как известно, риск – это всегда выход за пределы определенности, это использование имеющихся знаний и опыта для достижения полезной цели, это учет современных достижений науки и техники. В бытовой ситуации некоторые важные параметры риска не соблюдаются. В частности, бытовой риск осуществляется, как правило, не в общественно полезных, а в личных целях; при совершении деяния лицо использует по большей части личный, житейский опыт, а не специальные знания; бытовой риск по определению не может быть направлен на получение нового знания или результата. Лицо, не имеющее достаточных специальных знаний и опыта, не имеет объективной возможности провести обоснованный расчет обстоятельств, способных предотвратить наступление общественно опасных последствий. Вероятно, с учетом этих обстоятельств практика не склонна оценивать ситуации бытового риска с точки зрения положений ст. 41 УК РФ. Как показывают специальные исследования, рискованные вредоносные деяния общих субъектов получают правовую оценку по ст. 39 УК РФ и рассматриваются по преимуществу с позиций крайней необходимости [14, с. 264].

Представляется, что профессиональный статус субъекта рискованных действий придает им качественное своеобразие, существенно отличающее сами рискованные действия от потенциально опасного поведения «частных лиц» в бытовых ситуациях. «Риск как уголовно-правовое понятие охватывает поведение не любого человека, а только такого, кто профессионально занимается той или иной деятельностью и потому способен обеспечить соблюдение необходимых условий ее правомерности (безопасности для окружающих). Это отличает обоснованный риск от других обстоятельств, исключающих преступность деяния (в первую очередь, от крайней необходимости), и придает ему самостоятельное значение» [17, с. 68].

Признание обоснованного риска деятельностью, осуществляемой в процессе исполнения профессиональных функций, ставит на повестку дня еще один вопрос – о наличии или отсутствии специфических условий правомерности риска в различающихся сферах профессиональной

деятельности. В отечественной науке он, к сожалению, зачастую подменяется рассуждениями о классификации риска. Но, как верно отмечает В.В. Бабурин, основной вопрос, ради которого собственно и нужно проводить классификацию разновидностей обоснованного риска, – имеют ли разновидности риска свои специфические условия правомерности, остается нерешенным [9, с. 46].

Заметим, что в последнее время было высказано суждение, согласно которому понятия «виды обоснованного риска» не существует. Подобная классификация, по мнению А.С. Шумкова, не имеет значения для уголовно-правовой оценки содеянного в контексте нормативного материала об обоснованном риске. «Ключевой момент при юридической оценке деяния, связанного с риском, – пишет автор, – это его обоснованность, которая определяется уголовным законом в ст. 41 УК РФ с позиции соблюдения лицом условий правомерности его совершения» [18, с. 9]. Если смотреть на проблему исключительно с точки зрения соблюдения догмы уголовного закона, то приведенное мнение является бесспорным. Однако по существу с ним сложно согласиться. Каждая сфера профессиональной деятельности характеризуется уникальным, специфичным сочетанием условий, содержания и целей труда, которые объективно привносят свои особенности в рискованные действия, определяя, в первую очередь, цель риска и средства ее достижения (где-то это материальная выгода и финансы компании, где-то жизнь человека и имущество, а где-то жизнь как цель и здоровье как средство). Кроме того, некоторые виды профессиональной деятельности предполагают сознательное моделирование рискованных ситуаций (например, научные эксперименты), а в иных – рискованные ситуации возникают внезапно, вызывая среди прочего нервно-психические перегрузки и стрессы. Игнорировать все эти тонкости вряд ли возможно. А потому согласимся с М.С. Гринбергом в том, что необходимым предварительным условием правовой оценки риска должно стать определение его видов, т.е. классификация [19, с. 40–71].

Г.В. Овчинникова, поддерживая эту концептуальную идею, пишет, что типичными видами деятельности, где возникают ситуации риска, где необходим выбор между традиционными и нестандартными путями достижения поставленных целей и где соответственно встает вопрос об общественной полезности, оправданности риска или его общественной опасности, являются сферы взаимодействия человека и техники (технично-эксплуатационный риск), медицины

(медицинский риск), научных исследований (научно-экспериментальный, новаторский риск), экономики и хозяйственной деятельности (хозяйственный риск). И далее: «Наполнить указанные критерии реальным содержанием можно лишь применительно к особенностям конкретной сферы общественной деятельности человека. Каждое направление ее имеет свой уровень развития и соответствующие ему собственные цели, правила, запреты, уровень правового регулирования. Можно сделать вывод, что определение объективных критериев правомерности тесно связано с видами риска» [20, с. 60–66].

В определенной мере отзвываясь на призыв о разработке специализированных критериев правомерности различных видов профессионального риска, отечественная наука сформулировала понятие экологического риска [21, с. 12, 24], медицинского риска [22, с. 160, 164], научного эксперимента [9, с. 99], спортивного риска [10, с. 463].

Полагаем, что это оправданная и необходимая тенденция. Полностью ее поддерживая, мы, тем не менее, не можем на страницах этой публикации включиться в содержательную дискуссию относительно специфических параметров правомерности каждого из возможных видов профессионального риска. Это требует глубокого и содержательного анализа, желательного комплексного и междисциплинарного, включающего и собственно профессиональные, и правовые, и технические, и иные аспекты проблемы риска, что выходит далеко за пределы исследования.

В свете рассматриваемых в настоящей работе проблем нас в большей степени интересует другой вопрос – о возможности закрепления всех этих (а возможно, и иных) видов риска непосредственно в тексте уголовного закона.

В науке нет единого мнения на этот счет. Часть специалистов предлагают разработанные ими понятия риска отразить в УК РФ, другие выступают за то, чтобы зафиксировать эти понятия в законах ином отраслевой принадлежности, регулирующих те или иные виды профессиональной деятельности. Несмотря на всю значимость юридически точных формулировок, представляется, что конкретизация нормативного материала относительно видов обоснованного профессионального риска в уголовном законе не является оптимальным решением. В уголовном законе достаточно одной нормы, посвященной обоснованному профессиональному риску.

В качестве возможного образца (берем во внимание суть написанного, а не тонкости

формулировок) сошлемся на ст. 33 Уголовного кодекса Латвийской Республики. Статья называется «Оправданный профессиональный риск». Согласно ч. 1 ст. 33 «уголовная ответственность не наступает за причинение вреда профессиональной деятельностью, имеющей признаки состава преступного деяния, если эта деятельность осуществлялась для достижения социально полезной цели, которую невозможно было достичь иным образом. Связанный с этой деятельностью профессиональный риск признается оправданным, если лицо, допустившее риск, сделало все возможное для предотвращения причинения вреда интересам, охраняемым законом».

Важнейшее условие правомерности риска – «если лицо, допустившее риск, сделало все возможное для предотвращения причинения вреда» – имеет свои нюансы в различных сферах профессиональной деятельности, а потому не может быть определено исчерпывающим

образом в уголовном законе. Сочетать же лаконичность уголовного закона и детализацию условий правомерности рискованных действий вполне возможно, используя технологии бланкетного конструирования правовых норм. Полагаем, что при описании условий правомерности профессионального риска можно предусмотреть отсылку к иным нормативным актам, установив, что их положения не могут противоречить некоторым ключевым условиям правомерности рискованных действий. В то же время в иноотраслевом законодательстве разумно предусмотреть конкретизацию условий правомерности того или иного вида профессионального риска с учетом специфики соответствующего вида деятельности. Такое решение, как представляется, будет максимально удовлетворять и лаконичности уголовно-правовых требований, и детализации условий профессионального риска с учетом вида осуществляемой деятельности.

1. Альгин А.П. *Риск и его роль в общественной жизни*. М., 1989.
2. Кадников Н.Г. *Обстоятельства, исключающие преступность деяния*. М., 1998.
3. Кибальник А.Г. *Обстоятельства, исключающие преступность деяния*. М., 2009.
4. Берестовой А.Н. *Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. СПб., 1999.
5. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева*. М., 1996.
6. Пудовочкин Ю.Е. *Учение о преступлении: избр. лекции*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.
7. *Уголовное право России. Общая часть: учеб. / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова*. СПб., 2007.
8. Арямов А.А. *Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
9. Бабурин В.В. *Понятие и виды риска в уголовном праве*. Омск, 2006.
10. Козаев Н.Ш. *Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 7: Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. В.Б. Малинина*. СПб., 2007.
11. Орехов В.В. *Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния*. СПб., 2003.
12. Самороков В.И. *Риск в уголовном праве // Государство и право*. 1993. № 5.

1. Algin A.P. *Risk and its role in public life*. Moscow, 1989.
2. Kadnikov N.G. *Circumstances excluding criminality of act*. Moscow, 1998.
3. Kibalnik A.G. *Circumstances excluding criminality of act*. Moscow, 2009.
4. Berestovoy A.N. *Reasonable risk as a circumstance excluding criminality of act: auth. abstr. ... Master of Law*. St. Petersburg, 1999.
5. *Commentary to the Criminal code of the Russian Federation / gen. ed. by Yu.I. Skuratov, V.M. Lebedev*. Moscow, 1996.
6. Pudovochkin Yu.E. *Teaching about the crime: sel. lectures*. 2nd ed., corr. and add. Moscow, 2010.
7. *Criminal law of Russia. The General part: textbook / ed. by N.M. Kropachev, B.V. Volzhenkin, V.V. Orekhov*. St. Petersburg, 2007.
8. Aryamov A.A. *General theory of risk: legal, economic and psychological analysis*. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2010.
9. Baburin V.V. *Concept and types of risk in criminal law*. Omsk, 2006.
10. Kozhaev N.Sh. *Reasonable risk as a circumstance excluding criminality // Encyclopedia of criminal law: in 35 vol. Vol. 7: Circumstances excluding criminality / ed. by V.B. Malinin*. St. Petersburg, 2007.
11. Orekhov V.V. *Necessary defense and other circumstances excluding criminality of act*. St. Petersburg, 2003.
12. Samorokov V.I. *Risk in criminal law // State and law*. 1993. № 5.

13. Наумов А.В. *Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007.*
14. Пархоменко С.В. *Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004.*
15. Сахаров А.Б. *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность // Сов. государство и право. 1987. № 11.*
16. Судоргин О.А. *Развитие концепции обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, в российском уголовном законодательстве // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. М., 2003.*
17. *Новое уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1996.*
18. Шумков А.С. *Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.*
19. Гринберг М.С. *Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963.*
20. Овчинникова Г.В. *Виды профессионально-хозяйственного риска // Правоведение. 1990. № 4.*
21. Плешаков А.М. *Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями (теоретический и прикладной аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.*
22. Блинов А.Г. *Уголовно-правовая охрана прав пациента: учеб. пособие / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004.*
13. Naumov A.V. *Russian criminal law: course of lectures: in 3 vol. Vol. 1: General part. 4th ed., rev. and add. Moscow, 2007.*
14. Parkhomenko S.V. *Acts which crime is excluded due to social usefulness and necessity. St. Petersburg, 2004.*
15. Sakharov A.B. *Circumstances excluding criminal responsibility // Soviet state and law. 1987. № 11.*
16. Sudorgin O.A. *Development of the concept of reasonable risk as circumstance excluding criminality of act in the Russian criminal law // Five years of action of the Criminal code of the Russian Federation: results and prospects: proc. of the II Intern. sci.-pract. conf. Moscow, 2003.*
17. *New criminal law of Russia. General part: study aid / ed. by N.F. Kuznetsova. Moscow, 1996.*
18. Shumkov A.S. *Reasonable risk as a circumstance excluding criminality of act: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2007.*
19. Grinberg M.S. *Problem of production risk in criminal law. Moscow, 1963.*
20. Ovchinnikova G.V. *Types of professional and business risk // Jurisprudence. 1990. № 4.*
21. Pleshakov A.M. *Criminal law combating environmental crime (theoretical and applied aspects): auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 1994.*
22. Blinov A.G. *Criminal-legal protection of the rights of the patient: study aid / ed. by B.T. Razgildiev. Saratov, 2004.*

Паршина Ирина Алексеевнакандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: parshina_i@rambler.ru)

Развитие российского законодательства, регулирующего охрану рыбных запасов

В настоящей статье рассматривается история уголовного законодательства в сфере охраны животного мира. На основе проведенного анализа автор выявил закономерности в отношении населения к природе и рыбным ресурсам, что явилось предпосылкой современного состояния преступности в указанной сфере.

Ключевые слова: уголовное законодательство, незаконная добыча рыбы, природные ресурсы, браконьерство, наказание.

I.A. Parshina, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: parshina_i@rambler.ru

The development of the Russian legislation governing the protection of fish stocks

This article discusses the history of criminal law in the field of wildlife protection. On the basis of the conducted analysis, the author has identified patterns in the population's attitude to nature and fisheries, which was the prerequisite of the modern state of crime in this area.

Key words: criminal law, illegal fishing, natural resources, poaching, punishment.

Актуальность исследования развития российского законодательства, регулирующего охрану рыбных запасов, обусловливается повышением общественной опасности, устойчивой тенденцией быстрого роста преступлений, связанных с незаконной добычей рыбы, расширением в этой сфере деятельности организованной преступности, широким использованием преступниками новейших достижений науки и техники.

Метод исторического анализа поможет выявить тенденции развития уголовного законодательства нашего государства в сфере охраны животного мира и условия его формирования, что необходимо для прогнозирования путей совершенствования действующих норм в указанной сфере.

Природа и природные ресурсы стали объектом правового регулирования в одном из самых ранних памятников Древней Руси – Русской Правде. У восточных славянских племен отношение к окружающей среде сочеталось с религиозными мотивами, выражающимися в освящении некоторых урочищ, рощ, ручьев, пещер. Государство в природопользовательной практике придерживалось не экологических мотивов, а частнособственнических, военных, фискальных и т. д. Вследствие этого в статьях Русской Правды защищались права владельцев

на природные объекты от посягательства на них со стороны других лиц. Таким образом, природные объекты с их флорой и фауной подпадали под защиту государства лишь в случае, когда становились чьей-либо собственностью [1, с. 136]. Этот принцип сохранился и в дальнейшем. По-прежнему законодательство XV–XVI вв. охраняло владельческие права на природные объекты. Так, пойманный с поличным за лов рыбы в чужом пруду в первый раз наказывался битьем батогами, во второй – кнутом, а в третий – отрезанием уха или отсечением руки. Необходимо обратить внимание на то, что битье кнутом по русским законам могло быть «простое» и «нещадное». Нещадное битье представляло собой замаскированную смертную казнь. А. Жижиленко писал: «...хотя Россия формально отставала от Западной Европы в применении смертной казни, однако она ее в этом отношении догнала широким применением наказания кнутом, прикрывавшего собой смертную казнь, притом в очень жесткой форме» [2, с. 50].

Первая попытка общей регламентации рыболовства, к тому же преследующая цель защиты окружающей среды, была предпринята в Наказе астраханским воеводам в 1591 г. Воеводам предписывалось запретить рыбакам и торговцам вылов лишней рыбы. Разрешалось рыбу ловить только для себя и на продажу [1, с. 18].

В этот период времени рыбоохранное законодательство в основном состояло из локальных правовых актов. В конце XVI – начале XVII в. более четко начала проявляться дифференциация охранных мер в отношении различных природных сфер. В наиболее полном виде общероссийское природоохранное законодательство оформилось в Соборном уложении 1694 г.

Законодательство о защите рыбных богатств страны первой половины XVIII в. было представлено не только указами отдельных местностей, но и общероссийскими. Забота о сохранении рыбных запасов была выражена в законах Петра I, который ввел регальное право на рыбный промысел. Указами от 6 и 18 января 1704 г. была установлена государственная монополия на данный вид деятельности. Доходы от рыбной ловли поступали непосредственно в казну. Уже в 1727 г. было решено отступить от регальной системы и предоставить право лова рыбы владельцам водоемов с окладной системой сборов [3, с. 22]. Однако контроль за выполнением запретов был недостаточным, а наказание за нарушение мягким. В 1762 г. окладная и откупная система была заменена акцизной и пошлинной. Произошел переход от монополии к свободному промыслу. Вследствие этого население стало принимать массовое участие в рыбных промыслах, что мгновенно отразилось на численности рыбных богатств страны.

Вскоре правительство осознало опасность истребления ихтиофауны и приняло ряд рыбоохранных положений. В 1835 г. издан Закон об охране и заповедании рыбных нерестилищ. В 1842 г. вышел Указ о запрещении лова рыбы в Каспийском море со времени вскрытия льда до 15 мая. В 1846 г. для сохранения новорожденной рыбы ограничили лов рыбы для жиротопления с 20 апреля по 5 мая [3, с. 23].

В середине XIX в. в России появились первые жалобы на оскудение рыбных запасов в основных промысловых районах того времени. Вскоре по предложению Российского географического общества Министерство государственных имуществ 15 января 1851 г. сформировало Особую Императорскую комиссию для научного исследования российского рыболовства. Этой комиссией была организована экспедиция, которая работала с 1851 по 1870 г. [4, с. 62].

Результаты экспедиции были изложены в девяти томах под общим заглавием «Исследования о состоянии рыболовства в России», вышедших в 1860–1875 гг. Кроме того, в 1851 г. академиком К.М. Бэром были составлены Правила рыбной ловли в Чудском и Псковском озерах, которые в 1859 г. удостоились Высочайшего утверждения и стали законом [1, с. 46].

Большой интерес вызывает у нас Устав о Наказаниях, налагаемых Мировыми Судьями. В гл. IV Устава «О проступках против общественного благоустройства» встречаются статьи, несущие в себе ответственность за незаконную рыбную ловлю. Так, например, в ст. 57 предусматривалась ответственность за рыбную или иную ловлю в запрещенное время, в неразрешенных местах, запрещенными способами или без соблюдения правил; в ст. 579 предусматривалась ответственность за устройство преград для лова рыбы, препятствующих свободному ее передвижению, в водах бассейна реки Волги и ее притоков выше города Саратова. Интересным является факт, что законодатель того времени уже уделял внимание орудиям лова и предусматривал ответственность за лов рыбы в виде промысла [5, с. 30].

Рассматривая историю развития природоохранного законодательства дореволюционного периода, можно сделать вывод об исключительной ценности наследия отечественного права. Несомненно, в дальнейшем эти нормативные акты оказали свое влияние на развитие рыбоохранного законодательства.

После революции 1917 г. в сферу правовой охраны попали природные ресурсы, которые в период Гражданской войны и разрухи стали объектом наиболее интенсивного разграбления. 26 октября 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял Декрет о земле. С этого момента берет свое начало процесс создания советского уголовного законодательства об охране природы.

В области регулирования важнейших природных ресурсов страны этот документ устанавливал ряд новых положений. Декрет отменил помещичью собственность на землю без всякого выкупа и объявил землю всенародным достоянием. Общественным достоянием стали и природные богатства России.

19 февраля 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял Декрет о социализации земли. Порядок пользования и распоряжения недрами, лесами, водами и живыми силами природы должен был определяться особым законом.

После революции сложная обстановка в стране, организационная слабость учреждений на местах привели к повышению уровня преступности. Вследствие этого возникла необходимость принятия более эффективных мер уголовно-правового воздействия на нее.

В 1922 г. в развитии советского уголовного права наступает новый этап – 1 июня вступил

в действие первый Уголовный кодекс РСФСР. В нем была закреплена лишь одна статья об охране природы (ст. 99).

Статья 99 УК РСФСР была помещена в главу о государственных преступлениях. Объяснить это можно тем, что к ним относили все общественно опасные деяния против порядка управления. В первые годы развития советского уголовного права господствовало мнение о том, что браконьерство является преступлением именно против порядка управления. Причем данная точка зрения победила и при подготовке УК РСФСР 1926 г.

После победы Октябрьской революции у народа создалось убеждение, что в связи с отменой старых законов никаких норм, регулирующих охрану природы, нет и быть не может. Следовательно, наличие уголовного закона, предусматривающего наказание за браконьерство, играло огромную роль в защите природных ресурсов страны.

22 ноября 1926 г. был принят новый УК РСФСР, который вступил в действие 1 января 1927 г. В указанном Кодексе ответственность за незаконное занятие рыбным промыслом наступала по двум статьям – 86 и 192. Действия виновного квалифицировались в зависимости от значения водоема, в котором совершался незаконный рыбный промысел. Дело в том, что все водоемы в СССР подразделялись специальными нормативными актами, регулирующими рыболовство, на водоемы общегосударственного и местного значения. Виновные в нарушении правил рыболовства в водоемах общегосударственного значения привлекались к ответственности по ст. 86 УК РСФСР, а в водоемах местного значения – по ст. 192 УК РСФСР. Необходимо обратить внимание, что ст. 192 УК РСФСР считала обязательным применение лишь административных мер, тогда как санкция ст. 86 УК РСФСР была уголовно-правовой [3, с. 35].

В Республике не было единого законодательства о рыбной ловле. Разрозненные законы и постановления были сведены воедино лишь постановлением СНК СССР от 25 сентября 1935 г. «О регулировании рыболовства и охране рыбных запасов» [6]. После этого отпала необходимость в применении ст. 192 УК РСФСР к случаям нарушения правил рыбного промысла.

Отсутствие единства в законодательстве того времени способствовало снижению эффективности уголовно-правовой борьбы с посягательствами на природную среду. Поэтому в 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а в 1960 г. – Уголовный кодекс РСФСР.

27 октября 1960 г. был принят третий по счету Уголовный кодекс РСФСР, который вступил в действие с 1 января 1961 г. С расширением хозяйственной деятельности и развитием научно-технического прогресса законодатель стал осознавать опасность неконтролируемого воздействия на окружающую среду, поэтому круг норм об охране природы в данном Кодексе был расширен. Ответственность за незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами наступала по ст. 163 УК РСФСР, появилась и ст. 165 – производство лесосплава и взрывных работ с нарушением правил охраны рыбных запасов. В Уголовном кодексе 1960 г. не было понятия и научно обоснованной системы экологических преступлений, поэтому ст. 163 и 165 УК РСФСР были помещены в главе «Хозяйственные преступления».

К тому же времени относится принятие Закона «Об охране природы в РСФСР» [7], определяющего основные направления государственной политики в сфере природопользования. В Законе говорилось, о том, что природа, ее ресурсы в Советском государстве составляют естественную основу развития народного хозяйства, служат источником непрерывного роста материальных и культурных ценностей. К сожалению, природа не рассматривалась как биологическая основа жизни и здоровья человека, она представлялась своеобразной кладовой природных богатств. Опасность же экологических правонарушений определялась с точки зрения экономических потерь от нерационального природопользования [8, с. 5].

В этот период времени само понятие «охрана природы» было, по сути, заменено тезисом «Брать у природы – наша задача». Природные ресурсы представлялись безграничными так же, как и «силы народные, покоряющие враждебную им природу» [9, с. 12].

В 1992 г. были изменены санкции ст. 163 и 164 УК РСФСР, содержащие штраф как вид наказания. Установлены его размеры, кратные минимальному размеру оплаты труда, определяемому законодательством Российской Федерации [10, с. 57].

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. впервые стала просматриваться тенденция на утверждение в законодательстве в качестве приоритетных ценностей тех свойств окружающей среды, которые связаны с обеспечением жизни, здоровья людей, удовлетворения их рекреационных и культурных потребностей [11, с. 26]. Вместе с тем, уголовное законодательство было несовершенно. В нем не было понятия и научно обоснованной системы экологических преступ-

плений, особо не выделялись вопросы ответственности за совершение таких преступлений международного характера, как экологический терроризм, экоцид и др.

В 60–70-х гг. XX в. в истории развития уголовного законодательства об охране природы появляется тенденция к отражению норм международного права. Советский Союз принимает участие в международных встречах по урегулированию правовым вопросам охраны окружающей среды. В соответствии с этим подвергается корректировке отечественное законодательство, согласуясь с установками международных конвенций. Например, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 июля 1974 г. в УК РСФСР была введена ст. 167¹ «Нарушение законодательства о континентальном шельфе».

В конце 80-х гг. появилось постановление ЦК КПСС и Правительства СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в СССР» [12], в соответствии с чем были созданы комитеты по охране природы СССР и союзных республик [9, с. 12].

С 1980 по 1990 г. значительных изменений в уголовном законодательстве в сфере охраны природы не происходит.

19 декабря 1991 г. Верховным Советом РФ был принят Закон «Об охране окружающей природной среды» [13], который явился комплексным актом прямого действия, устанавливающим экологические требования к источникам вредного воздействия на окружающую среду, к охране жизни и здоровья людей от неблагоприятных воздействий окружающей среды, обеспечивающим правовую основу сохранения, восстановления и улучшения окружающей среды, обеспечения экологической безопасности населения и территорий, а также экологического правопорядка [14, с. 47].

После принятия Конституции РФ 1993 г. процесс обновления уголовного законодательства пошел особенно интенсивно. Только в 1994 г. было изменено и дополнено более 70 статей Уголовного кодекса. Всего с 1991 г. изменениям подверглись 167 статей (62% от имевшихся в Кодексе), принято 38 новых (14,1%) и 42 статьи (15,1%) были исключены. Самые существенные

изменения были сделаны в главе о хозяйственных преступлениях, в которой наряду с преступлениями экономического характера содержалось большинство норм об охране окружающей среды [10, с. 59].

Действующий УК РФ был принят Государственной Думой РФ 24 мая 1996 г. 1 января 1997 г. он вступил в законную силу. Большое внимание было уделено проблеме экологической преступности. Все противоправные деяния хозяйственного характера были выделены в отдельную гл. 26 УК РФ «Экологические преступления», что явилось первым шагом к формированию единого уголовного законодательства в сфере охраны природной среды. Это свидетельствует об осознании законодателем высокой опасности преступных посягательств на окружающую среду.

Ответственность за незаконную добычу водных животных и растений наступала по ст. 256 УК РФ. При сопоставлении УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. мы видим, что исключена ч. 1 ст. 163 УК РСФСР, устанавливавшая ответственность за простое браконьерство и не применявшаяся на практике, добыча морских млекопитающих включена в ч. 2 ст. 256 УК РФ. Однако в дальнейшем ст. 256 УК РФ претерпела некоторые изменения, и законодатель от перечисления предмета преступления перешел к общей формулировке «водные биологические ресурсы».

Опасность незаконной добычи рыбы недооценивается обществом, данное преступление влияет на экологическую безопасность нашего государства, подрывает экономику страны, тем самым является прямой угрозой национальной безопасности, а практика назначения судом наказаний за данные преступления демонстрирует политику гуманизации (судами во многих случаях назначается условная мера наказания).

Несмотря на то, что действующее законодательство имеет огромные преимущества перед прежним, интересующая нас норма ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» и практика ее применения подлежат всестороннему изучению в целях дальнейшего совершенствования.

1. Булгаков М.Б., Ялбулганов А.А. *Природоохранные акты: от «Русской Правды» до петровских времен // Уголовное право. 1996. № 3.*

2. Жижиленко А.А. *Очерки по общему учению о наказании. Л., 1923.*

1. Bulgakov M.B., Yalbulganov A.A. *Environmental acts: from «Russian Truth» until the time of Peter // Criminal law. 1996. № 3.*

2. Zhizhilenko A.A. *Essays on the General doctrine of punishment. Leningrad, 1923.*

3. Звонков Б.Н. Уголовно-правовая борьба с браконьерством в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1967.

4. Рыбное хозяйство. 2001. № 1.

5. Свод законов Российской империи. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Волгоград, 1995.

6. Собр. законодательства СССР. 1935. Ст. 420.

7. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 856.

8. Правовая охрана природы // Сов. государство и право. 1969. № 5.

9. Штильмарк Ф. Драма или фарс // Зеленый мир. 2002. № 9–10.

10. Раднаев В.М. Борьба с браконьерством (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.

11. Жевлаков Э.Н. Уголовно-правовая охрана природной среды в Российской Федерации. М., 1997.

12. Собр. постановлений Правительства СССР. 1988. № 6. Ст. 14.

13. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 10. Ст. 457.

14. Дубовик О.Л. Экологические преступления: комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 1998.

3. Zvonkov B.N. Criminal law struggle against poaching in the USSR: diss. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 1967.

4. The fishing industry. 2001. № 1.

5. The Code of laws of Russian Empire. The Charter of the penalties imposed by magistrates. Volgograd, 1995.

6. Coll. of legislation of the USSR. 1935. Art. 420.

7. Bull. of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 856.

8. Law protection of nature // Soviet state and law. 1969. № 5.

9. Shtilmark F. Drama or farce // Green world. 2002. № 9–10.

10. Radnaev V.M. Struggle against poaching (criminal law and criminological aspects): diss. ... Master of Law. St. Petersburg, 2000.

11. Zhevlakov E.N. Criminal law protection of the natural environment in the Russian Federation. Moscow, 1997.

12. Coll. of resolutions of the Government of the USSR. 1988. № 6. Art. 14.

13. Bull. of the Congress of people's deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1992. № 10. Art. 457.

14. Dubovik O.L. Environmental crime: commentary on chapter 26 of the Criminal code of the Russian Federation. Moscow, 1998.

Стешич Елена Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент,
докторант Ростовского юридического института МВД России
(e-mail: esteshich@mail.ru)

Ответственность за убийство в государствах общей и континентальной правовых семей (очерк сравнительного правоведения)

В статье на основе синхронного метода исследуется уголовное законодательство некоторых государств, входящих в общую и континентальную правовые семьи. Автор, изучая нормы об убийстве, приходит к выводу о том, что степень ответственности, которой подлежит виновный, выше в странах общей правовой семьи.

Ключевые слова: убийство, умысел, неосторожность, упречность, причинная связь, субъективное вменение, объективное вменение.

E.S. Steshich, Master of Law, Assistant Professor, Doctoral Candidate of the Rostov Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: esteshich@mail.ru

Responsible for murder in the states of general and continental legal families (comparative law essay)

In the article on the basis of the synchronous method is investigated criminal legislation of some member states in common and continental legal family. The author, studying norms of murder, comes to the conclusion that the degree of responsibility of guilty is higher in the countries of the common law family.

Key words: murder, intent, negligence, oprecnost, causal relationship, subjective imputation, objective imputation.

Нормы закона, связанные с лишением жизни человека по Уголовному кодексу Российской Федерации, а также практика их применения зачастую вызывают обоснованные дискуссии с требованием дальнейшего совершенствования уголовно-правового регулирования охраны жизни человека.

Полагаем, что развитию отечественного законодательства могут способствовать компаративные исследования в этой области, с использованием, в первую очередь, синхронного приема, предполагающего анализ действующего права и опыта правоприменения различных государств.

Предметом проводимого нами сравнительного исследования стало уголовное законодательство зарубежных государств – представителей континентальной (романо-германской) и общей (англо-американской) правовых семей. Такой выбор сделан не случайно. Семья континентального права представляет интерес для изучения, поскольку российский уголовный закон во многом сформировался из положений немецкой уголовно-правовой доктрины. Кроме того, существуют принципиально разные подходы к развитию уголовно-правовой науки: страны континентального права «открыты» для

прогрессивного развития, а государствам общего права, напротив, свойственны статичность мысли, осторожность в переменах. Последнее, безусловно, отразилось на форме и содержании подходов законодателя к охране жизни человека в различные исторические периоды.

С учетом сложности и многогранности поставленной перед нами задачи в настоящей работе будут освещены некоторые основные положения уголовной ответственности за убийство в странах двух правовых семей.

Несомненным достоинством уголовного кодекса современного демократического государства справедливо считается открытие его Особенной части разделом о преступных деяниях против личности. Такая структура закона наблюдается во многих постсоветских республиках и европейских государствах, относящихся к континентальной системе права (например, УК РФ 1996 г., УК Армении 2003 г., УК Грузии 1999 г., УК Казахстана 1997 г., УК Кыргызстана, УК Таджикистана, УК Узбекистана 1997 г., УК Швеции 1962 г., УК Швейцарии 1937 г., УК Франции 1992 г.). Некоторые страны континентальной правовой семьи «открывают» Особенную часть разделом о государственных преступлениях

(например, УК Германии 1871 г. (в редакции 1987 г.), УК Италии 1930 г., УК Болгарии 1968 г., УК Японии 1907 г.), что, на наш взгляд, отражает общегосударственные ценности периода эпохи принятия закона.

В уголовно-правовой доктрине государств мира существуют различные подходы к форме вины при убийстве. Исключительно как умышленное лишение жизни убийство понимается, например, в уголовных законах России, Белоруссии, Армении, Киргизии, Грузии, Таджикистана, Эстонии, Латвии, Дании, Швеции, Болгарии, Южной Кореи.

Убийство связывается как с умышленным, так и с неосторожным деянием в уголовном законодательстве Франции, Украины, Азербайджана, Швейцарии, Голландии, Италии, Германии, Японии, а также в Англии, США и других странах общего права. Например, согласно ст. 222 УК Канады лицо совершает убийство (homicide), когда оно прямо или косвенно любым способом причиняет смерть другому человеку. Относится сказанное, в том числе, даже к случаям психического насилия посредством преднамеренного запугивания малолетнего или душевнобольного [1].

Неоднозначен подход к определению начального момента охраны жизни человека. В странах, относящихся к общей правовой семье, право на жизнь обычно признается и защищается не с момента рождения, как в большинстве стран романо-германской правовой семьи, а с момента зачатия. Например, в § 125.00 УК штата Нью-Йорк причинение смерти еще неродившемуся ребенку, которым женщина была беременна в течение более 24 недель, прямо называется убийством [2, с. 133]. Согласно ст. 187 УК штата Калифорния тяжким убийством является «незаконное лишение жизни человека или утробного плода с заранее обдуманым злым умыслом». Аналогичное положение можно встретить и в некоторых государствах континентальной правовой семьи. Так, уголовно-правовая доктрина, например, Германии и Швейцарии к преступным деяниям против жизни относит и посягательства на еще не родившуюся жизнь (прерывание беременности беременной – § 218, ст. 118 соответственно). В национальной теории права указанных стран эмбрион человека признается потенциальным носителем человеческой жизни [3, с. 49]. Следует признать обоснованными предложения о соответствующей криминализации и в отечественном праве [4, с. 186; 5, с. 12].

Уголовно-правовая классификация убийств в большинстве стран континентальной правовой семьи представлена тремя их видами: простое

убийство, квалифицированное убийство, привилегированные виды убийства. При этом ответственность за квалифицированное убийство обычно предусмотрена в разных частях одной статьи закона.

В англо-американском праве убийства подразделяются на две основные категории: «murder» и «manslaughter», при этом убийства, относящиеся к первой категории, делятся на несколько степеней и включают любое убийство без смягчающих обстоятельств, а последняя категория, соответственно, – все привилегированные составы убийств, в том числе причинение смерти по неосторожности.

Самостоятельные составы преступлений или отягчающие вину обстоятельства образуют такие необычные для российского уголовного права признаки, как посягательство на жизнь короля, королевы или их старшего сына – наследника престола... (Англия, Законы об измене 1351 г., 1795 г.), убийство путем отравления (Бразилия, Италия, Португалия, Франция), убийство родственника по прямой линии (Корея), убийство, совершенное коварно, с вероломством (Германия, Италия, Испания, Бразилия), убийство из засады (США, Бразилия, Доминиканская республика, Гаити), с умышленным использованием ночи или безлюдного места (Эквадор), в ритуальных целях или в связи с каннибализмом (Тоголезская республика). К привилегированному составу убийства относятся, например, убийство матерью новорожденного с целью спасения своей чести (Турция), убийство родителем новорожденного уродливого ребенка (Болгария).

Поскольку уголовно-правовая классификация преступлений имеет целью дифференциацию ответственности, вызывает недоумение установление одинакового наказания за убийство разных видов. Так, в Канаде пожизненное лишение свободы может быть назначено не только за тяжкое убийство первой степени, но и тяжкое убийство второй степени, простое убийство (ст. 234 УК Канады), а также за умерщвление плода во время родов (ст. 238).

Спорным представляется и установление большой амплитуды сроков наказаний, указанных в санкциях статей. Например, согласно § 237 УК Дании «убийца» подлежит тюремному заключению на любой срок, колеблющийся от пяти лет до пожизненного лишения свободы.

Считаем нужным обратить внимание на то обстоятельство, что в изучаемых странах существует принципиально различный подход к разграничению убийства и причинения вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего.

Так, согласно англо-американскому праву, если установлено намерение лица причинить тяжкий телесный вред, повлекший смерть потерпевшего, лицо признается виновным в тяжком убийстве, а не в причинении смерти по неосторожности, как в отечественном уголовном праве. Намерение причинить тяжкий телесный вред является одним из составляющих «злого предумышления», отличающим тяжкое убийство от других видов убийств.

Удар в драке, после которого потерпевший ударяется головой и погибает, или один смертельный удар по голове невооруженной рукой большинство стран континентальной правовой семьи традиционно расценивает как причинение смерти по неосторожности. Соответствующая практика сложилась и в отечественном правоприменении.

Так, С. и потерпевшая Я. катались в автомашине Я. по городу. В ходе ссоры С. ударил потерпевшую один раз кулаком по голове, от чего Я. скончалась на месте. Действия С. суд со ст. 105 УК РФ перекалифицировал на ч. 4 ст. 111 УК РФ, указав, что «данных, позволяющих утверждать, что умысел осужденного был направлен именно на причинение смерти потерпевшей, в приговоре не приведено» [6]. Однако, судя по обстоятельствам дела (преступник оставил потерпевшую без помощи, а затем с целью скрыть преступление поджег автомобиль), имел место косвенный умысел на убийство.

Исключением из общего правила является, например, законодательство Италии. Так, согласно ст. 584 УК Италии причинение смерти человеку в результате нанесения побоев или телесных повреждений является убийством. Этот состав является привилегированным и называется претеринтенциональное убийство, которое наказывается мягче, чем основной состав убийства (не менее 21 года лишения свободы), – лишением свободы на срок от 10 до 18 лет.

В англо-американском праве, напротив, такое деяние почти наверняка будет признано не просто убийством, а тяжким убийством, поскольку виновный проявил «крайнее безразличие к ценности человеческой жизни» (ст. 210.2 «Тяжкое убийство» Примерного УК США).

Не призывая законодателя заимствовать соответствующую формулировку и тем более оценивать подобные случаи как убийство при квалифицирующих обстоятельствах, подчеркнем, что это свидетельствует о развитии англо-американской уголовно-правовой доктрины в духе всемерной защиты прав потерпевшего от преступления.

Полагаем, что наблюдаемое в отечественном праве «смягчение» квалификации вызывается искусственным усечением линии развития причинно-следственных связей в драке или нападении, когда удар является началом цепи причинно-следственных связей, а концом этой цепи является смертельная травма, полученная в результате падения, вызванного этим ударом. Сложившаяся практика обрывает цепочку причинности на моменте непосредственного получения физического вреда от соприкосновения руки (ноги) с телом потерпевшего в момент удара. При этом правоприменитель исходит из того, что причинитель вреда не предвидит возможности падения потерпевшего и получения им смертельной травмы. Однако мы согласны с тем, что «понятие причины в праве есть понятие причинности обыденной жизни, которая покоится на максимах, выработанной практикой, здравым человеческим разумом» [7]. Полагаем, что любой вменяемый человек прекрасно представляет последствия своего удара и безразлично относится к наступившим последствиям, а следовательно, его действия должны квалифицироваться как убийство с косвенным умыслом.

Исследование российской практики свидетельствует и о том, что фактические убийства, сопряженные с другими насильственными преступлениями, часто таковыми не признаются. В результате посягательство считается совершенным с двумя формами вины и преступник избегает более сурового наказания. Последнее, на наш взгляд, связано как с некритическим отношением к показаниям подсудимых, так и с нежеланием правоприменителя устанавливать истинные намерения виновного.

Так, К., Р., Ки осуждены за то, что в ходе разбойного нападения причинили по неосторожности смерть. Они поочередно сдавливали шею потерпевшей матерчатой удавкой. Согласно заключению экспертизы смерть потерпевшей могла наступить как от механической асфиксии, так и от сердечной недостаточности. Неустраняемые сомнения были истолкованы в пользу обвиняемых, которые, конечно, осознание возможности летального исхода отрицали. Между тем, характер действий преступников, свидетельствующий о безразличном отношении к жизни потерпевшей, с очевидностью свидетельствовал о том, что виновные вполне допускали любые последствия, в том числе смерть, т.е. действовали с косвенным умыслом [8].

В американском уголовном праве на основе доктрины «фелония – тяжкое убийство» аналогичный случай однозначно будет расценен как

убийство. Доктрина представляет собой правило, согласно которому лицо признается виновным в тяжком убийстве, если при попытке или в ходе совершения фелонии (тяжкого преступления) потерпевший даже случайно лишается жизни. Следовательно, психическое отношение виновного к смерти на квалификацию не влияет.

Говоря о понимании причинности, устоявшемся в государствах общего права, признанные исследователи зарубежного уголовного права обоснованно пишут о том, что «доктрина и судебная практика, с одной стороны, стремятся установить строгую логическую цепочку причинно-следственных закономерностей (правило *sine qua non*), но, с другой, не исключают констатацию причинности тогда, когда вменение результата оправдывается соображениями моральной порицаемости поведения» [9, с. 131].

Привлечение к уголовной ответственности за причинение смерти, сопряженное с умышленными преступлениями, в законодательстве стран романо-германской правовой семьи иногда также не связывается с установлением вины. Так, упречность в голландском уголовном праве презюмируется, если жертва умирает в результате незаконного лишения свободы (ст. 282), физического насилия (ст. 300), вооруженного разбоя (ст. 312). Освобождение от уголовной ответственности возможно только в том случае, если обвиняемый сможет доказать отсутствие вины, которая ставится ему в упрек. «Однако, – совершенно справедливо пишет автор предисловия к УК Голландии 1881 г. профессор Ханс Ленсинг, – трудно представить себе дело, в котором такая упречность отсутствует» [10, с. 76].

Водителю, виновному в опасном вождении, повлекшем смерть человека, в Англии вменяется простое убийство, при этом доказательства его вины также не требуются. Спорное с точки зрения принципа виновной ответственности, такое презюмирование вины следует из объективно опасных обстоятельств деяния, поэтому, если иметь целью восстановление прав потерпевшего от преступления, оно представляется оправданным.

На защите прав потерпевшего стоит и принцип «эквивалентности причин», применяемый в некоторых странах романо-германской правовой семьи. Так, согласно ст. 41 УК Италии «стечение ранее существовавших, либо одновременных, либо позднее появившихся причин, даже если они не зависели от действия или бездействия виновного, не исключает отношения причинности между действием или бездействием и результатом... Предыдущие положения приме-

нимы и тогда, когда ранее существовавшая либо одновременная, либо позднее появившаяся причина состоит в незаконном деянии другого лица». Следовательно, при наличии причин, каждая из которых в отдельности не была достаточной для наступления преступного результата, их совокупность и каждая отдельная причина считаются повлекшими преступное последствие. Например, за причинение смерти осужден водитель автомобиля, который подтолкнул пешехода, и последний был насмерть сбит другим транспортным средством, скрывшимся с места происшествия [11, с. 477].

Названная теория является полной противоположностью концепции ближайшей причинности (по сути, главной в российском уголовном праве) и допускает объективное вменение последствий. Однако в ее основу, на наш взгляд, положены идеи справедливого и гуманного отношения к потерпевшему, действительная защита жизни как исключительной ценности.

Охрана жизни человека в законодательстве зарубежных государств обеспечивается и посредством применения иных уголовно-правовых институтов, «конфликтующих» с принципом субъективного вменения.

В первую очередь следует отметить большое количество оценочных признаков, связанных, в том числе, с определением убийства и его видов. Например, в УК Швейцарии 1937 г. для признания убийства тяжким требуется установить, что лицо действовало «особо бессовестно», мотивы и цель совершения преступного деяния или вид исполнения были «особо упречными» (ст. 112). В ст. 207 УК Японии 1907 г. предусмотрено следующее: «Если два или несколько лиц совершают насильственные действия, в результате которых наносится человеку телесное повреждение, и нельзя установить, кто нанес более легкое или более тяжелое телесное повреждение, а также кто именно нанес телесное повреждение, то применяются нормы о соучастии, даже если эти лица не действовали сообща». Согласно ст. 64 УК Турции 2004 г. лица, подстрекавшие других к совершению преступления и проступка, осуждаются к тому же наказанию. Статья 463 турецкого уголовного закона гласит о том, что, если убийство было совершено двумя или более лицами совместно, а исполнитель деяния не известен, каждое из них осуждается к наказанию в размере, сокращенном от одной трети до половины.

Ужесточение наказания и привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего деяние в состоянии опьянения, по мнению некоторых исследователей, также противо-

речит принципу субъективного вменения [12, с. 125–134]. Между тем, в законодательстве стран романо-германской правовой семьи ответственность лица, находящегося в состоянии опьянения и ставящего тем самым других лиц в опасность, упоминается часто. В первую очередь сказанное относится к дорожным преступлениям, повлекшим смерть человека. Интересно, что по уголовному законодательству Польши наказывается даже управление велосипедом в состоянии алкогольного опьянения, если оно имело место на общественной дороге или на заселенной территории.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим основным выводам.

1. В странах – представителях двух изучаемых правовых семей общим основанием криминализации убийства является необходимость охраны от противоправных посягательств высшей ценности – жизни человека.

2. Конкретный объем и характер криминализации убийства в странах общей и континентальной правовых семей, определяется, во-первых, содержанием блага, поставленного под уголовно-правовую охрану, во-вторых, критериями криминализации, которые, в том числе, выражаются в смягчающих и отягчающих вину обстоятельствах.

3. Степень ответственности, которой подлежит виновный в убийстве, представляется выше в странах общего права. Данное заключение позволяет сделать промежуточный вывод о том, что жизнь человека в соответствующих государствах охраняется строже, чем в большинстве стран романо-германской (континентальной) правовой семьи.

Проявляется это, в первую очередь, в суровости применяемых мер наказания. Даже за привилегированные составы убийства наказание в виде лишения свободы в англо-американском праве выше, чем за убийство при отягчающих обстоятельствах в странах романо-германской системы права (или срок наказания в виде лишения свободы почти совпадает).

Во-вторых, в принципиальном различии при разграничении между убийством и причинением телесных повреждений, повлекших смерть человека.

Так, в большинстве государств романо-германской правовой семьи наступление смерти в результате вреда здоровью, если такое последствие не охватывалось умыслом виновного, рассматривается как квалифицирующий признак преступления против здоровья человека.

В англо-американской уголовно-правовой доктрине, напротив, причинение смертельного

повреждения всегда признается убийством, а при определенных обстоятельствах даже тяжким убийством.

4. Имеет место особый подход к установлению вины и причинно-следственной связи между деянием и наступившей смертью: в англо-американском праве они часто своего рода презюмируются. Так, вина в тяжком убийстве, совершенном по опрометчивости, с крайним безразличием к ценности человеческой жизни, презюмируется, если лицо совершает или готовится совершить фелонию (ст. 210.2 Примерного УК США). Согласно действующей в США доктрине общего права «правило одного года и одного дня» предполагается наличие причинно-следственной связи между причинением вреда здоровью и смертью потерпевшего, наступившей в этот период.

5. Полагаем, что, когда насильственное преступление сопряжено с причинением физического вреда любой степени тяжести, особенно при обстоятельствах, свидетельствующих о проявлении безразличия к жизни человека, сознанием виновного охватывается возможность наступления любых последствий, в том числе смерти.

Предвидение наступления смерти относится и к случаям, когда лишение жизни сопряжено с совершением насильственного преступления, посягающего на иной объект уголовно-правовой охраны.

Причинение смерти потерпевшему при названных обстоятельствах должно квалифицироваться как убийство с косвенным умыслом, а не как причинение смерти по неосторожности.

6. Представляется, что при разграничении умысла и неосторожности больше внимания следует уделять направленности событий, составляющих цепочку причинно-следственных связей между преступным деянием и преступным результатом. Если действия виновного были непосредственно направлены на причинение вреда жизни и здоровью другого лица, а развитие причинно-следственных связей привело к наступлению смерти этого лица, то несомненно, здесь имеет место косвенный умысел.

Если же развитие причинно-следственных связей отклонилось от цели умышленных действий, стоящих в начале причинной цепи, то налицо преступная неосторожность.

7. Полагаем, что в том случае, когда наступление смерти связано с обострением имеющейся болезни жертвы, спровоцированной преступным насилием, вменение тяжкого последствия преступнику отвечает принципу справедливости, т.к. не позволяет переложить риск наступления более тяжких последствий с виновного на жертву.

1. *Criminal Code (R.S., 1985, с. C-46)*. URL: <http://laws.justice.gc.ca/en/C-46>

2. *Уголовное право США: сб. нормативных актов / сост., отв. ред. и авт. вступ. ст. И.Д. Козочкин. М., 1985.*

3. *Уголовный кодекс Швейцарии. СПб., 2002.*

4. *Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001.*

5. *Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика (уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.*

6. *Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10 дек. 2008 г. № 350-П08 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/>*

7. *Шаргородский М.Д. Избр. тр. / сост. и предисл. Б.В. Волженкина. СПб., 2004.*

8. *Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2001 года // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/>*

9. *Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2009.*

10. *Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2001.*

11. *Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учеб. / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2010.*

12. *Бавсун М.В., Векленко С.В., Фаткуллина М.Б. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве // Правоведение. 2006. № 4.*

1. *Criminal Code (R.S., 1985, с. C-46)*. URL: <http://laws.justice.gc.ca/en/C-46>

2. *Criminal law of the USA: coll. of normative acts / comp., gen. ed. and auth. of introd. art. I.D. Kozochkin. Moscow, 1985.*

3. *Swiss Criminal code. St. Petersburg, 2002.*

4. *Sharapov R.D. Physical violence in criminal law. St. Petersburg, 2001.*

5. *Krylova N.E. Criminal law and bioethics (criminal legal problems of application of modern biomedical technologies): auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2006.*

6. *The resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 10, 2008 № 350-P08 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.supcourt.ru/>*

7. *Shargorodsky M.D. Sel. works / comp. and forew. by B.V. Volzhenkin. St. Petersburg, 2004.*

8. *Overview of court practice of the Supreme court of the Russian Federation for the second quarter of 2001 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.supcourt.ru/>*

9. *Esakov G.A., Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Criminal law of foreign countries. Moscow, 2009.*

10. *Criminal code of the Netherlands. St. Petersburg, 2001.*

11. *Criminal law of foreign countries. General and Special parts: textbook / ed. by I.D. Kozochkin. Moscow, 2010.*

12. *Bavsun M.V., Veklenko S.V., Fatkyllina M.B. The objectivity and usefulness of some forms of guilty imputation in criminal law // Jurisprudence. 2006. № 4.*

Чуб Инна Сергеевна

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры криминологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: innulya31@yandex.ru)

Сравнительно-правовой анализ дифференциации уголовной ответственности за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, по законодательству зарубежных стран

В статье проводится комплексное исследование различных подходов к осуществлению дифференциации уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 238 УК РФ, в законодательствах стран ближнего и дальнего зарубежья. На основании осуществленного анализа автор выделяет решения, представляющие интерес для российского законодателя.

Ключевые слова: законодательство, дифференциация, уголовная ответственность, товары и продукция, не отвечающие требованиям безопасности, наказание.

I.S. Chub, Master of Law, Lecturer of a Chair of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: innulya31@yandex.ru

Comparative-legal analyses of the differentiation of criminal responsibility for manufacturing, storage, transportation or sales of goods and products, execution of works or services does not meet the security requirements of the laws of foreign countries

In the article we conduct a comprehensive analysis of different approaches to the implementation of the differentiation of criminal responsibility for the crime under art. 238 of the Criminal code of the Russian Federation in the legislations of the countries of near and far abroad. On the basis of the conducted analysis the author identifies solutions of interest to Russian law.

Key words: legislation, differentiation, criminal responsibility, goods and products that do not meet the safety requirements, penalty.

Одной из важнейших предпосылок вынесения справедливого наказания за совершенное преступление является дифференциация уголовной ответственности. Дифференциация уголовной ответственности заключается в определении минимальных и максимальных пределов санкции, в рамки которых должны «укладываться» тождественные деяния различной степени общественной опасности. Правильное, обоснованное построение санкции создает необходимые предпосылки для последующей эффективной индивидуализации наказания за совершенное конкретное преступление. Кроме этого санкция выполняет и важнейшую функцию общего и индивидуального предупреждения преступлений [1, с. 78].

Анализ мы будем осуществлять в двух плоскостях: законодательства стран ближнего зарубежья и законодательства стран дальнего зарубежья. Это обусловлено тем, что подходы законодателя к установлению уголовной ответственности за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья, к конструированию составов и построению санкций существенно отличаются. Рассмотрим особенности подхода к построению санкций норм, предусматривающих ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям

безопасности жизни и здоровья, в уголовном законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья (Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Грузия, Республика Узбекистан).

За основу возьмем опыт Казахстана, т.к. его законодатель наиболее грамотно описывает основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы. Так, согласно ч. 1 ст. 269 УК Республики Казахстан «выпуск или продажа товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерная выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности, если эти деяния повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью человека», наказываются штрафом в размере от пятисот до семисот месячных расчетных показателей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти до семи месяцев, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового [2, с. 171]. Аналогичные пределы наказания предусмотрены в УК Республики Таджикистан (ст. 209 «Выпуск или продажа товаров, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности») [3, с. 218–219] и Грузии (ст. 251 «Выпуск или продажа некачественных товаров либо некачественное выполнение работ или некачественное оказание услуг, не соответствующих требованиям безопасности») [4, с. 273–274].

«Выпуск или продажа товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерная выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности, если эти деяния повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью человека», совершенные в отношении товаров, работ или услуг, предназначенных для малолетних (п. «а» ч. 2 ст. 269 УК Республики Казахстан), наказываются штрафом либо лишением свободы на срок до пяти лет. Санкция данной статьи является относительно-определенной с указанием максимального предела. Законодатель Республики Таджикистан (п. «а» ч. 2 ст. 209 УК Республики Таджикистан) за аналогичное преступление установил наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет.

Согласно п. «б» ч. 2 ст. 269 УК Республики Казахстан, если деяния повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью двух или более лиц, они наказываются штрафом в размере от семисот до одной тысячи месячных расчетных показателей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи месяцев до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Санкция данной статьи является относительно-определенной с указанием максимального предела. За аналогичное преступление законодатель Грузии установил подобное наказание. Законодатель Республики Таджикистан (п. «б» ч. 2 ст. 209 УК Республики Таджикистан) установил наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет, следовательно, санкция данной уголовно-правовой нормы является относительно-определенной с указанием минимальных и максимальных пределов.

Согласно п. «в» ч. 2 ст. 269 УК Республики Казахстан, если деяния повлекли по неосторожности смерть человека, они наказываются штрафом в размере от семисот до одной тысячи месячных расчетных показателей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи месяцев до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет. Санкция данной статьи является относительно-определенной с указанием максимального предела. Законодатель Республики Таджикистан (п. «в» ч. 2 ст. 209 УК Республики Таджикистан) за аналогичное преступление установил наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет, следовательно, санкция данной уголовно-правовой нормы является относительно-определенной с указанием минимальных и максимальных пределов. Более суровое наказание при наступлении смерти человека предусмотрено ч. 3 ст. 251 УК Грузии – лишение свободы на срок от четырех до семи лет. Законодатель Республики Узбекистан при совершении выпуска на товарный рынок или реализации недоброкачественной продукции, повлекших смерть человека, предусмотрел наказание в виде лишения свободы от пяти до десяти лет с конфискацией имущества [5, с. 145]. Например, УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет. Установив такие пределы наказания, законодатель Республики Узбекистан тем самым усилил охрану жизни человека. Ми-

нимальный срок лишения свободы составляет пять лет, тогда как в УК Республик Таджикистан и Казахстан пять лет лишения свободы – это максимальный предел.

Согласно ч. 3 ст. 269 УК Республики Казахстан, если совершение деяний повлекло смерть двух или более лиц, такие деяния наказываются лишением свободы на срок от четырех до восьми лет. Законодатель Республики Таджикистан за совершение аналогичного преступления установил наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет. Тем самым минимальный предел наказания составляет пять лет лишения свободы, тогда как по законодательству Республики Казахстан – четыре года лишения свободы, что, естественно, меньше, хотя максимальный предел наказания идентичен. Более строгая санкция предусмотрена УК Республики Узбекистан: за совершение выпуска на товарный рынок или реализацию недоброкачественной продукции, повлекшие человеческие жертвы или иные тяжкие последствия, – от десяти до двенадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Как видно по результатам сравнения соответствующих санкций, максимальные пределы наказания в УК Республики Казахстан немного меньше, чем в УК РФ. Однако в уголовном законодательстве Республики Узбекистан не значительно выше, чем в УК РФ. Также необходимо отметить, что в УК Республики Узбекистан во всех частях предусмотрено дополнительное наказание в виде конфискации имущества.

Применение конфискации имущества при назначении наказания виновному лицу способствует восстановлению социальной справедливости и предупреждению новых тяжких и особо тяжких преступлений. Следует отметить, что Федеральным законом от 9 июля 1999 г. № 157-ФЗ [6] в санкцию ст. 238 УК РФ конфискация имущества была включена, однако в 2003 г. в связи с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ [7] была отменена. Считаем необходимым включить в санкцию ч. 1, ч. 2 и ч. 3 ст. 238 УК РФ конфискацию имущества как дополнительный вид наказания (в крайнем случае, включить ст. 238 в список п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ).

Рассмотрим особенности подхода к построению санкций норм, предусматривающих ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья, в уголовном законодательстве некоторых стран дальнего зарубежья (Франция, Голландия, Гер-

мания, Норвегия, Республика Болгария, Китайская Народная Республика). За основу возьмем Болгарию. Как показал анализ, законодатель Республики Болгария технически грамотно описывает основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы данного вида преступления. Это, соответственно, способствует объективно обоснованной дифференциации ответственности с учетом опасности. По нашему мнению, нельзя не поддержать и остроту реагирования на этот вид преступлений.

Согласно ч. 1 ст. 350 УК Болгарии «кто изготавливает пищевые продукты или напитки, предназначенные для общего пользования, таким способом, что в них образуются или попадают опасные для здоровья вещества, а также тот, кто продает, предлагает для продажи или другим способом пускает в обращение такие пищевые продукты или напитки», наказывается лишением свободы до пяти лет [8, с. 158]. По УК Германии (§ 314) лишением свободы на срок от одного года до десяти лет наказывается тот, «кто отравляет предметы, предназначенные для общественной продажи или потребления, или подмешивает в них вредные для здоровья вещества или продает, предлагает для продажи или каким-либо иным способом пускает в обращение отравленные предметы или предметы с подмешанными в них веществами, вредными для здоровья в смысле № 2» [9, с. 468]. По УК Аргентины (ст. 200) «наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет каторжных работ или тюремного заключения тот, кто отравил или подделал опасным для здоровья образом питьевую воду или пищевые или лекарственные вещества, предназначенные для общественного пользования либо потребления коллективом людей» [10, с. 167–168]. По уголовному законодательству Китайской Народной Республики преступления, связанные с производством и реализацией фальсифицированной и некачественной продукции, закреплены в ст. 140–150 [11, с. 187–194]. Согласно ст. 141 УК КНР за производство и реализацию поддельных лекарственных средств, могущих причинить вред здоровью человека, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или краткосрочного ареста, а также одновременно или в качестве самостоятельного наказания – штрафа в сумме от 50% до 2-кратного размера стоимости реализованной продукции. Тогда как за производство и реализацию некачественных лекарственных средств, создающих угрозу здоровью человека (ст. 142 УК КНР), предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет.

Еще более суровая санкция предусмотрена в УК Голландии (ст. 174) – наказание в виде тюремного заключения на срок не более пятнадцати лет или штраф пятой категории, если «лицо, которое продает, предлагает на продажу, доставляет или безвозмездно передает товары, зная, что они вредны для жизни или здоровья, и скрывает это» [12, с. 157]. По УК Норвегии (§ 153) «наказанию в виде тюремного заключения сроком до двадцати одного года подлежит лицо, которое добавляет в продукты, предназначенные для общего пользования или продажи, отравляющие или другие вещества, так, что продукт не может более использоваться по своему назначению без того, чтобы не привести к человеческой смерти или разрушению здоровья, или которое иным путем вызывает отравление, ведущее к опасности для жизни или здоровья, или способствует этому» [13, с. 160–161].

УК Франции предусматривает уголовную ответственность за посягательство на жизнь другого человека путем использования или назначения веществ, способных повлечь смерть, что образует отравление (ст. 221-5), санкция данной уголовно-правовой нормы предусматривает наказание в виде уголовного заключения на срок тридцать лет [14, с. 174]. Для сравнения: ч. 1 ст. 238 УК РФ устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет.

Если в результате деяния другому лицу было причинено телесное повреждение средней тяжести, то предусмотрено наказание в виде лишения свободы до шести лет. Нельзя не отметить то обстоятельство, что объективная дифференциация уголовной ответственности обеспечена четким определением в уголовных кодексах степени вреда здоровью потерпевшего в квалифицированных составах этого преступления.

Если в результате деяния другому лицу было причинено тяжкое телесное повреждение, то предусмотрено наказание в виде лишения свободы от одного года до восьми лет. В УК РФ за аналогичные деяния предусмотрено наказание в виде лишения свободы до шести лет.

Если последовала смерть, то предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пятнадцати лет. В УК Норвегии в случае чьей-либо смерти или существенного ущерба организму или здоровью применяется наказание от одного до двадцати одного года. УК Аргентины (ст. 200) предусматривает, что, если «деяние повлекло смерть человека, виновный наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати пяти лет каторжных работ или тюремного заключения». УК Голландии (ст. 174) предусматривает, что если «лицо, которое про-

дает, предлагает на продажу, доставляет или безвозмездно передает товары, зная, что они вредны для жизни или здоровья, и скрывает это, если в результате указанных действий наступает смерть человека, то преступник подлежит пожизненному тюремному заключению или сроку тюремного заключения». Еще более суровое наказание предусмотрено за совершение каких-либо действий, указанных в ст. 141, 144 УК КНР: действия, повлекшие за собой смерть потерпевшего или причинение особо серьезного вреда здоровью человека, наказываются лишением свободы на срок свыше десяти лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью, а также штрафом в сумме от 50% до 2-кратного размера стоимости реализованной продукции или конфискации имущества. В УК РФ за вышеуказанные деяния, повлекшие по неосторожности смерть человека, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет. В УК Болгарии отдельно выделена уголовно-правовая норма (ст. 351), предусматривающая уголовную ответственность за деяния, предусмотренные ст. 350, совершенные по неосторожности. За данное преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы до двух лет или исправительных работ; наказание в виде лишения свободы до пяти лет предусмотрено, если в этом случае последовала чья-либо смерть. По УК Голландии (ст. 175) лицо, которое по небрежности или неосторожности продает, доставляет или безвозмездно раздает товары, вредные для жизни или здоровья, если покупатель или получатель таких товаров не знает об их вредном характере, подлежит сроку тюремного заключения или заключения не более шести месяцев или штрафу четвертой категории.

Российское законодательство предусматривает уголовную ответственность за совершение данного преступления по неосторожности, но в качестве квалифицированных и особо квалифицированных признаков ст. 238. Так в п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ установлена ответственность за деяния, если они повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека, – такие деяния наказываются лишением свободы на срок до шести лет; ч. 3 ст. 238 предусмотрена уголовная ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц, – они наказываются лишением свободы на срок до десяти лет.

Квалифицирующий признак, который установлен п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ, предусматривающий уголовную ответственность за совершение вышеуказанных деяний с товарами и

продукцией, предназначенными для детей в возрасте до шести лет, не предусмотрен ни одним из указанных уголовных кодексов. Однако УК Франции предусмотрена уголовная ответственность за следующие деяния: «посягательство на жизнь другого человека путем использования или назначения веществ, способных повлечь смерть, образует отравление» – наказывается пожизненным уголовным заключением, если оно совершено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего пятнадцатилетнего возраста. По нашему мнению, эта норма подтверждает высокую нравственность французского права, т.к. законодатель особо охраняет детей подросткового возраста. Тогда как п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет.

По УК КНР производство и реализация не соответствующей санитарно-гигиеническим нормам пищевой продукции, повлекшие за собой причинение серьезного вреда здоровью человека (ч. 2 ст. 143 УК КНР), наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет; производство и реализация поддельных лекарственных средств (ч. 2 ст. 141 УК КНР), повлекшие за собой причинение серьезного вреда здоровью человека, наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет; совершение производства и реализация не соответствующей санитарно-гигиеническим нормам пищевой продукции, повлекшие за собой особо тяжкие последствия (ч. 3 ст. 143 УК КНР), наказываются лишением свободы на срок свыше семи лет или бессрочным лишением свободы, а также штрафом или конфискацией имущества»; производство и реализация некачественных лекарственных средств (ч. 2 ст. 142 УК КНР), повлекшие за собой особо тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок свыше десяти лет или бессрочным лишением свободы, а также штрафом или конфискацией имущества. Законодатель Китайской Народной Республики очень строго подошел к построению санкций за данные преступления, в особенности за деяния, которые влекут за собой причинение различного вреда здоровью и наступление смерти человека. Он широко использует в качестве наказания как бессрочное лишение свободы, так и смертную казнь, а также конфискацию имущества. На наш взгляд, такие санкции способны выполнить свою важнейшую роль – предупредительную.

По мнению законодателей зарубежных стран и представителей теории уголовного права, только такие санкции способны выполнить свою важнейшую предупредительную роль и создать необходимые предпосылки для индивидуализа-

ции наказания. Действующий Уголовный кодекс РФ по строгости санкций уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за данный вид преступления, значительно уступает зарубежному уголовному законодательству,

В настоящее время за преступления, закрепленные ч. 2 ст. 238 УК РФ, предусмотрено наказание в виде штрафа в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительных работ на срок до пяти лет, либо лишения свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет или без такового. Мы считаем, что необходимо ужесточить наказание за совершение данных преступлений, в связи с чем следует увеличить наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет.

За совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 2 настоящей статьи, повлекших по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 3 ст. 238 УК РФ), предусмотрено наказание в виде принудительных работ на срок до пяти лет либо лишения свободы на срок до десяти. На наш взгляд, необходимо ужесточить наказание за совершение данного преступления, в связи с чем следует увеличить наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет.

Результаты изучения различных подходов к осуществлению дифференциации уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 238 УК РФ, позволяют сделать следующие выводы:

производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья, как вид преступления в общественном правосознании граждан многих зарубежных стран обладают высокой общественной опасностью, поэтому законодатель при обеспечении дифференциации уголовной ответственности за него учитывает этот фактор, устанавливая в санкциях соответствующих уголовно-правовых норм максимальные пределы наказания, вплоть до пожизненного заключения и смертной казни;

в то же время российский законодатель, конструируя санкции всех частей ст. 238 УК РФ, установил пределы в два и более раз ниже, чем они установлены в рассмотренных нами уголовных кодексах зарубежных стран дальнего зарубежья;

заслуживает поддержки и острота реагирования на этот вид преступлений законодательства Китайской Народной Республики, в котором широко применяется бессрочное лишение свободы

или смертная казнь; только такие санкции способны выполнить свою важнейшую роль – предупредительную и создать необходимые предпосылки для индивидуализации наказания;

необходимо повысить максимальный предел санкции ч. 2 ст. 238 УК РФ до десяти лет лишения свободы;

целесообразно повысить максимальный предел санкции ч. 3 ст. 238 УК РФ до пятнадцати лет лишения свободы;

в уголовных кодексах зарубежных стран широко применяются дополнительные наказания в виде штрафов и конфискации имущества; представляется целесообразным возратить конфискации имущества правовой статус дополнительного наказания и включить в санкцию ч. 1–3 ст. 238 УК РФ конфискацию имущества как дополнительный вид наказания (в крайнем случае, включить ст. 238 в список п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ).

1. Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. Омск, 1973.

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001.

3. Уголовный кодекс Республики Таджикистан / предисл. А.В. Федорова. СПб., 2001.

4. Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бугвава; пер. с груз. И. Мериджанашвили. СПб., 2001.

5. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001.

6. О внесении изменений и дополнений в статью 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 9 июля 1999 г. № 157-ФЗ // Рос. газ. 1999. 14 июля.

7. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // Рос. газ. 2003. 16 дек.

8. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова; пер. с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова. СПб., 2001.

9. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. Д.А. Шестаков; пер. с нем. Н.С. Рачкова. СПб., 2003.

10. Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. Ю.В. Голик; пер. с исп. Л.Д. Ройзенгурт. СПб., 2003.

11. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А.И. Коробеева; пер. с кит. Д.В. Вичикова. СПб., 2001.

12. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Миронова. 2-е изд. СПб., 2001.

13. Уголовное законодательство Норвегии / науч. ред. Ю.В. Голик; пер. с норв. А.В. Жмени. СПб., 2003.

14. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки; пер. с франц. Н.Е. Крылова. СПб., 2002.

1. Martsev A.I. Criminal liability and general crime prevention. Omsk, 1973.

2. Criminal code of the Republic of Kazakhstan. St. Petersburg, 2001.

3. Criminal code of the Republic of Tajikistan / forew. by A.V. Fedorov. St. Petersburg, 2001.

4. Criminal code of Georgia / sci. ed. Z.K. Bigvava; transl. from Georgian by I. Meridzhanashvili. St. Petersburg, 2001.

5. Criminal code of the Republic of Uzbekistan. St. Petersburg, 2001.

6. On introduction of amendments and additions to article 238 of the Criminal code of the Russian Federation: fed. law of July 9, 1999 № 157-FL // Rus. newsp. 1999. July 14.

7. On introducing amendments and addenda to the Criminal code of the Russian Federation: fed. law of Dec. 8, 2003 № 162-FL // Rus. newsp. 2003. Dec. 16.

8. Criminal code of the Republic of Bulgaria / sci. ed. by A.I. Lukashov; transl. from Bulgarian by D.V. Milushev, A.I. Lukashov. St. Petersburg, 2001.

9. Criminal code of the Federal Republic of Germany / sci. ed. by D.A. Shestakov; transl. from German by N.S. Rachkov. St. Petersburg, 2003.

10. Criminal code of Argentina / sci. ed. by Yu.V. Golik; transl. from Spanish by L.D. Royzengurt. St. Petersburg, 2003.

11. Criminal code of the People's Republic of China / ed. by A.I. Korobeev; transl. from Chinese by A.I. Vichikov. St. Petersburg, 2001.

12. Criminal code of the Netherlands / sci. ed. by B.V. Volzhenkin; transl. from English by I.V. Mironov. 2nd ed. St. Petersburg, 2001.

13. Criminal legislation of Norway / sci. ed. by Yu.V. Golik; transl. from Norwegian by A.V. Zhmenya. St. Petersburg, 2003.

14. Criminal code of France / sci. ed. by L.V. Golovko; transl. from French by N.E. Krylov. St. Petersburg, 2002.

Антохина Алена Борисовнапреподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Невинномысского государственного гуманитарно-технического института
(тел.: +79188885883)

Правовое регулирование мер уголовно-правового характера в российском дореволюционном законодательстве XIX – начала XX века

В статье рассматривается эволюция уголовно-правовых норм, предусматривающих некарательные меры воздействия на лиц, совершивших преступление, в российском законодательстве XIX – начала XX в.

Ключевые слова: меры уголовно-правового характера, история государства и права России, принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, возмещение вреда.

A.B. Antokhina, Lecturer of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Nevinnomyssk State Technical Gumanitary Institute; tel.: +79188885883.

Legal regulation of measures of criminal law in the Russian pre-revolutionary legislation of XIX – early XX century

The article discusses the evolution of criminal law rules for non-punitive sanctions on persons committed a crime in the Russian legislation of XIX – early XX century.

Key words: measures of criminal law nature, history of state and law of Russia, compulsory measures of medical nature, confiscation of property, compensation for damage.

С начала XIX в. под влиянием возникновения и развития социологической школы уголовного права многие ученые в научных трудах стали высказывать мнение о том, что для эффективной реализации охранительных и превентивных задач уголовного права, помимо наказания, необходимо предусмотреть в законодательстве и иные (некарательные) меры уголовно-правового принуждения.

Так, например, Ф. Лист различал наказание и меры безопасности и предлагал включать в уголовные законы следующие меры: 1) условное осуждение и 2) воспитательные меры для несовершеннолетних преступников [1, с. 13].

В связи с этим в уголовном законодательстве многих стран «...стали закрепляться условно-досрочное освобождение, а затем условное осуждение, probation и другие альтернативные или сопутствующие наказанию некарательные меры уголовно-правового воздействия, которые в течение двух столетий заняли в нем если не центральное, то весьма достойное место» [2, с. 3].

Частично указанные предложения были реализованы в Своде законов Российской империи

1832 г. и Уложении России о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Так, в Своде законов 1832 г. впервые было предусмотрено освобождение от уголовной ответственности лиц, страдающих психическими расстройствами, за совершение абсолютно любого преступления и законодательно было закреплено их принудительное лечение. Указанных лиц также предписывалось содержать и лечить отдельно от других душевнобольных [3].

Принятое вскоре после этого Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. кодифицировало и систематизировало все действующие на тот момент в России уголовно-правовые нормы различных эпох и более 70 лет служило законодательной основой борьбы с преступностью.

Уложение 1845 г. существенно расширило круг невменяемых лиц и выделяло три формы психических расстройств: хронические психические расстройства, временные психические расстройства и иные расстройства психики (ст. 95–97). Лиц, которые в момент совершения преступления «...не могли иметь понятия о противозаконности и самом свойстве своего деяния», предписывалось помещать в дома умалишенных для излечения [4, с. 18–19].

Порядок их заключения в дома умалишенных, сроки содержания и освобождения регулировались Приложением № 4 к Уложению 1845 г. В частности, в нем указывалось, что душевнобольные преступники направляются в указанные дома для содержания и излечения сроком на два года. По истечении этого времени, если будет доказано их полное выздоровление, они подлежали освобождению и передаче под опеку [4, с. 365].

Указанный двухгодичный срок содержания мог быть также сокращен при отсутствии опасности такого лица для общества и при наличии лиц, согласных принять его под свое попечительство и надзор.

Профессор П.Д. Калымков практически сразу после принятия Уложения 1845 г. обобщил данное приложение и резюмировал, что назначение судом принудительных мер медицинского характера психически больным преступникам предполагает обязательную последовательность следующих правил: 1) медицинское освидетельствование безумных во врачебных управах; 2) утверждение постановления врачебной управы о необходимости назначения принудительного лечения правительствующим Сенатом; 3) заключение «безумных» преступников в домах умалишенных; 4) содержание их там до выздоровления; 5) для точного удостоверения в излечении больных постановляется двухгодичный наблюдательный срок; 6) по истечении наблюдательного срока выздоровевшие освобождаются из лечебного учреждения и над ними устанавливается гражданская опека [5, с. 100].

В Уложении 1845 г. конфискация имущества по-прежнему рассматривалась как дополнительное наказание. Но ее понятие, как и ранее, не давалось, не закреплялись общие основания ее применения, и назначалась она при совершении только некоторых преступлений (например, в ст. 283 за бунт против государственной власти и т.д.).

Особенность Уложения 1845 г. в интересующем нас плане состояла также в том, что оно законодательно закрепило обязанность виновного возмещать причиненный потерпевшему вред от преступления (отделение второе, ст. 59–64). Статья 59 Уложения закрепляла общие основания возмещение вреда: «...виновные в преступлении, причинившем кому-либо убытки или вред, сверх наказания, к которому присуждаются, обязаны вознаградить за сей вред или убыток из собственного имущества, в соответствии с постановлением суда» [4, с. 13].

Новый шаг в развитии принудительных мер медицинского характера в дореволюционном законодательстве был сделан в Уголовном уложении 1903 г. В ст. 39 указанного уголовного закона понятие невменяемости было сформулировано следующим образом: «...Не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое, во время его учинения, не могло понимать свойства и значения им совершаемого или руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, или бессознательного состояния, или же умственного неразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни» [6, с. 284].

Кроме этого, как отмечает Г.В. Назаренко, Уголовное уложение 1903 г. отказалось от законодательного закрепления перечневой системы психических расстройств, исключая вменяемость [7, с. 16].

В части второй данной нормы говорилось, что в случаях, когда оставление такого лица без особого присмотра будет признано судом опасным, он передает его под надзор родителей или других лиц, согласных принять его на свое попечение, либо помещает его во врачебное учреждение. Но в случае совершения психически больным преступником убийства, тяжкого телесного повреждения или изнасилования суд направлял его на излечение во врачебное учреждение в обязательном порядке.

Отличие от Уложения 1845 г. новый уголовный закон Российской империи, к сожалению, не регулировал вопрос о сроках принудительного лечения и о порядке освобождения указанных лиц. В связи с чем Особое совещание при Государственном совете решило сохранить порядок, который был закреплен в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [8, с. 129].

Кроме того, следует также учитывать, что дореволюционный законодатель включал в «лестницу наказаний» меры, которые по своей социально-правовой природе наказанием не являются, поскольку не имеют карательного содержания.

На наш взгляд, аналогом мер уголовно-правового характера в указанный период являлось наказание в виде лишения прав состояния. Так, ст. 2 Уголовного уложения 1903 г. предусматривала следующую систему исчерпывающих видов наказания: 1) смертная казнь; 2) каторга; 3) ссылка на поселение; 4) заключение в исправительном доме; 5) заключение в тюрьме; 6) заключение в крепости; 7) арест; 8) денежная пеня (штраф) [8, с. 6].

Как мы видим, среди видов наказания лишение прав состояния не предусматривается.

Вместе с тем, в ст. 25 Уложения 1903 г. говорится, что назначение видов наказания в виде смертной казни, каторги или ссылки на поселение сопровождается лишением прав состояния, которое заключалось в следующем: 1) для дворян – в потере дворянства и всех привилегий, с ним связанных; 2) для священников – в потере духовного сана и связанных с ним привилегий; 3) для почетных граждан – в потере прав и преимуществ.

В специальной литературе XIX в. указанную и другие уголовно-правовые меры (опубликование приговора, отобрание вещи и т.д.) именовали дополнительными взысканиями, поскольку применялись они только вместе с наказанием.

Соответственно, есть все основания также считать их мерами уголовно-правового характера, имеющими некарательное содержание и являющимися альтернативой наказанию.

1. Белогриц-Котляревский В.С. Курс русского уголовного права. Киев, 1908.

2. Набуллин Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008.

3. Голоднюк М.Н. Развитие российского законодательства о принудительных мерах медицинского характера // Вестн. МГУ. Сер. 11 «Право». 1998. № 5.

4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб., 1885.

5. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб., 1866.

6. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1994. Т. 9.

7. Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера: учеб. пособие. М., 2003.

8. Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Статьи, введенные в действие. СПб., 1911.

1. Belogrits-Kotlyarevsky V.S. The course of Russian criminal law. Kiev, 1908.

2. Nabiullin F.K. Non-punitive measures of criminal law nature: nature, system and social and legal purpose: auth. abstr. ... Master of Law. Kazan, 2008.

3. Golodnyuk M.N. The development of Russian legislation on compulsory measures of a medical nature // Bull. of the MSU. Ser. 11 «Law». 1998. № 5.

4. The Code on criminal and correctional punishments of 1845. St. Petersburg, 1885.

5. Kalmykov P.D. Textbook of criminal law. General Part. St. Petersburg, 1866.

6. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. Moscow, 1994. Vol. 9.

7. Nazarenko G.V. Compulsory measures of a medical nature: study aid. Moscow, 2003.

8. Tagantsev N.S. Criminal code of March 22, 1903. Articles was put into effect. St. Petersburg, 1911.

Бадло Марина Сергеевнааспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
(тел.: +78612685959)

Проблема применения международного уголовного права в вооруженных конфликтах внутригосударственного и международного характера

В статье рассматриваются проблемы применения международного уголовного права в вооруженных конфликтах внутригосударственного и международного характера. В современный период возникает необходимость определения проблем применения международного уголовного права в вооруженных конфликтах внутригосударственного и международного характера. В результате проведенной работы по анализу международно-правовой системы регламентации вооруженных конфликтов и российского законодательства автором внесено предложение решения проблемы путем закрепления и подписания Римского статута всеми странами мира без исключения, что послужит основным шагом к гуманизации общественности в мире.

Ключевые слова: проблемы применения, международное право, международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, права человека, уголовное преступление.

M.S. Badlo, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University; tel.: +78612685959.

The problem of application of international criminal law in armed conflict of domestic and international character

This article discusses issues of the application of international criminal law in armed conflicts of domestic and international character. In modern times there is a need to identify the problems of application of international criminal law in armed conflict of domestic and international character. As a result of work on the analysis of the international legal system regulation of armed conflict and the Russian legislation the author suggested to solve the problem by fixing the signing of the Rome Statute, and all countries, without exception, which will serve as principal of the major steps towards the humanization of society in the world.

Key words: problems of application, international law, international humanitarian law, armed conflict, human rights, criminal offense.

При современном развитии российской правовой системы разработанная и действующая международная, а также уголовно-правовая регламентация, регулирующие отношения в период вооруженных конфликтов как внутригосударственного, так и международного характера, позволяют говорить о самостоятельной и специфической регламентации вооруженных конфликтов, включающей ряд договорных и правовых принципов, норм, являющихся базовой системой для взаимных прав и обязанностей субъектов международного права в отношении применения средств и методов ведения вооруженной борьбы, берущих на

себя ответственность регулирования отношений между сторонами вооруженного конфликта и определяющих степень ответственности за нарушение основных важных принципов и норм также в отношении применения уголовного права Российской Федерации [1].

В настоящее время Уголовный кодекс РФ не содержит трактовки понятия «вооруженный конфликт», а также не регламентирует его классификацию. Упоминания о вооруженном конфликте встречаются в ст. 356 и ст. 359 УК РФ. Согласно Военной доктрине Президента РФ от 5 февраля 2010 г. правовую основу Военной доктрины составляют Конституция Российской

Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. В вышеуказанном документе отражено понятие вооруженного конфликта как вооруженного столкновения ограниченного масштаба, что подтверждает его незыблемую правовую основу в развитии законодательной базы Российской Федерации [2].

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации нормы международного права и международные договоры России являются частью ее правовой системы. Международные источники права определяют два вида конфликта: вооруженный конфликт немеждународного характера и международный вооруженный конфликт. В четыре Женевские конвенции 1949 г. и два Дополнительных протокола к ним 1977 г. входят понятия вооруженных конфликтов различного характера, а также их классификация. Данные международные документы включают в себя двадцать восемь положений по вооруженным конфликтам немеждународного характера и около пятисот статей по международным вооруженным конфликтам.

Дополнительный протокол I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. закрепляет смысл и понятие международного вооруженного конфликта (п. 4 ст. 1) как вооруженное противостояние между двумя или несколькими государствами. Зачастую сторонами в международном вооруженном конфликте являются государства, а также нации и народности, отстаивающие независимость своей личности или государственности, различные международные организации, принимающие вооруженные меры по поддержанию мира и международного правопорядка в обществе. В соответствии со ст. 1 Дополнительного протокола I международными считаются также вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу за политическую самостоятельность и правовой статус в обществе, истребление иностранной оккупации и падение расистских режимов с целью осуществления своего законного права на самоопределение [3].

Статья 1 Дополнительного протокола I 1977 г. определяет немеждународные вооруженные конфликты как не подпадающие под действие вышеуказанного протокола вооруженные конфликты, происходящие на территории какого-либо государства – «между его вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью его территории, который позволяет им осуществ-

лять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол» [4]. Согласно вышеуказанному протоколу под немеждународным вооруженным конфликтом понимается вооруженное противостояние, наступившее только в пределах одного государства между силами правительства и антиправительственными отрядами, в настоящее время получившими название повстанцев. В соответствии с регламентацией международно-правового поля действия определенных норм государство имеет законное право самостоятельно решать наступившие внутренние проблемы, а также применять определенные меры военного силового характера и вводить режим чрезвычайного положения для восстановления правопорядка на своей территории. Основными нормами, применяющимися в такой период, являются нормы международного гуманитарного права. Необходимость соблюдения гуманитарных правил в немеждународном конфликте является общепринятой и обязательной для всех враждующих сторон, задействованных в конфликте, и является обязательным аспектом для соблюдения уголовно-правовой охраны личности во время вооруженного конфликта внутригосударственного характера. Как было сказано выше, количество норм, применимых к немеждународным вооруженным конфликтам, гораздо меньше, чем норм, применимых в случае вооруженного конфликта международного характера.

В соответствии с принципом гуманности как в международном, так и в уголовном праве Российской Федерации, как в случае международного вооруженного конфликта, так и в случае вооруженного конфликта немеждународного характера необходимо строгое соблюдение норм международного уголовного и гуманитарного права, влекущее за собой соблюдение прав человека в целой системе правового сообщества.

Итоги процесса кодификации норм международного права, применяемых во время вооруженных конфликтов, носящих международный характер, создают определенную основу для дальнейшей разработки всего комплекса проблем, порождаемых указанными конфликтами.

При принятии Женевских конвенций о защите жертв войны в 1949 г. международным правом было введено понятие вооруженного конфликта, не носящего международного характера.

Однако до сегодняшнего дня в международно-правовой литературе не встречается единого мнения по поводу того, что такое немеждународный вооруженный конфликт. Различные ученые предполагают понятие немеждународного во-

оруженного конфликта как гражданской войны, другие как внутригосударственной ситуации коллективного использования силы, а также внутренних беспорядков высокой интенсивности.

Один из самых сложных вопросов, возникших при формулировании ст. 1 Протокола II, был вопрос о критериях вооруженного конфликта, не носящего международного характера.

Были выделены два основных требования в качестве критерия вооруженного конфликта:

Первый – повстанцы должны осуществлять контроль над частью государственной территории. Применительно к данной конкретной ситуации само требование о постоянном контроле определенной уполномоченными органами части территории зачастую является неисполнимым в реальности. Но данный факт не должен уменьшать значение непрерывного контроля территории как одного из важных неотъемлемых принципов определения вооруженного конфликта внутреннего характера.

Вторым требованием в качестве критерия вооруженного конфликта является основная политическая цель боевых действий, продолжительность конфликта во времени, высокая интенсивность боевых действий, поддержка основной массой населения определенной стороны конфликта.

Необходимо отметить, что немеждународным вооруженным конфликтом не считаются разовые случаи вооруженных столкновений различного характера, т.к. основным из признаков конфликтов является наличие продолжительности и интенсивности боевых действий.

Политическая цель в борьбе сторон немеждународного вооруженного конфликта должна соответствовать интересам большинства народа, нормам и принципам разработанного и принятого международного законодательства: принципу самоопределения народов и наций, принципу свободы определения своего внутреннего и внешнего политического статуса, без различного вмешательства «дружественных государств» извне и осуществления по своему усмотрению развития в культурном, социально-политическом и других аспектах. Также политическая цель военных действий должна соответствовать правовым обязательствам перед различными государствами и обществом в целом, в отношении соблюдения прав человека. Важнейшими международно-правовыми актами являются Конвенции о предупреждении геноцида и наказания за него (1948 г.), также Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него (1973 г.) и Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.),

призывающие к соблюдению охраны личности в мировых войнах, а также в вооруженных конфликтах различного характера. Ответственность наступает для той стороны конфликта, которая ведет войну и допускает грубые нарушения международно-правовых норм и принципов, вытекающих в совершение преступлений международного характера [5].

Необходимо также обозначить все признаки немеждународного вооруженного конфликта. В соответствии с Протоколом II основным признаком понятия выступает характер вооруженного конфликта, а также различие между внутренними беспорядками и немеждународными вооруженными конфликтами.

Вторым признаком, раскрывающим внутреннее происхождение конфликта, является его прохождение на территории одного из государств, а не только возникновение как таковое.

Также к признакам относится характеристика восставшей стороны, ее организованный характер, а также система командования. Вместе с одной из форм внутреннего вооруженного конфликта, такой как гражданская война, в системе международного права нередко можно встретить и такие понятия, как «мятеж», «восстание».

Термин «восстание» применяется в отношении мятежа более широких масштабов, который обычно представляет собой войну между законным правительством страны и отдельными частями или провинциями этой страны, причем восставшие стремятся прекратить принудительное подчинение неуголному правительству и создать собственную правительственную систему.

В отличие от отношений межгосударственного характера, запрещающих применение государством силы или угрозы ее применения, согласно п. 4 ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций государство во внутренних конфликтах имеет право применять свои военные силы в целях предотвращения или пересечения внутренних беспорядков.

В п. 2 ст. 1 Дополнительного протокола II регламентируется различие между международными конфликтами и внутренними беспорядками, согласно которому юридические нормы данного документа не применяются «к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами».

Статья 4 Дополнительного протокола II содержит ряд ограничений, применяющихся сторонами конфликта в отношении подвластных ей лиц,

с целью уголовно-правовой охраны личности и всего населения на территории вооруженного конфликта. Содержание статьи составляют положения ст. 3, значимой для всех четырех Женевских конвенций, ст. 33 Четвертой Женевской конвенции 1949 г. (запрещение терроризма и грабежа), а также ст. 8 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (запрещение рабства и работорговли во всех их формах). Особое внимание уделяется детям, которые должны обеспечиваться необходимой заботой, что должно выражаться в получении нравственного воспитания и дальнейшего образования с целью развития нормального представителя общества. Запрещается вербовка в вооруженные силы или формирования детей, а также участие в военных действиях лиц, не достигших пятнадцатилетнего возраста. Специфическая защита, имеющая свое особое значение, предусмотрена ст. 4, где вводится запрет на уничтожение маленьких военнослужащих, не достигших пятнадцатилетнего возраста, даже при их участии в военных действиях.

Статья 5 Дополнительного протокола II содержит весьма минимальные стандарты обращения с лицами с ограниченной свободой. В п. 1 ст. 5 указаны нормы, соблюдающиеся при любых обстоятельствах: снабжение лиц, лишенных свободы в связи с вооруженным конфликтом, продовольствием и питьевой водой, а также создание условий для сохранения здоровья и соблюдения гигиенических норм.

Правовые гарантии, изложенные в п. 2 ст. 5, не носят столь незыблемого характера, как в первом случае. Об этом свидетельствует п. 2: «Те, кто несет ответственность за интернирование или задержание лиц, о которых говорится в п. 1, соблюдают также, в пределах своих возможностей, следующие положения, касающиеся таких лиц». Таким образом, реализация упомянутой группой лиц, например, права на медицинское обслуживание (п. 2 ст. 5) поставлена в зависимость от произвольной субъективной оценки стороны в конфликте своих соответствующих возможностей [6].

Важным вопросом, который закономерно возникает в связи с этим, является вопрос о контроле обращения с лицами, чья свобода была ограничена. Например, для различных случаев с военнопленными ст. 126 Третьей Женевской конвенции 1949 г. предусматривает специальный механизм, в соответствии с которым представителям или делегатам держав-покровительниц должно быть разрешено посещение всех мест, где находятся военнопленные. Они

могут беседовать с пленными без свидетелей. Аналогичным образом в соответствии со ст. 143 Четвертой Женевской конвенции 1949 г. представители держав-покровительниц могут посещать все места, где находятся покровительствуемые лица, т.е. места интернирования и заключения. Данным представителям должен быть разрешен доступ во все помещения и на все территории, используемые военнопленными лицами, и беседы с ними без свидетелей.

Что касается ст. 5 Дополнительного протокола II, то в ней вообще ничего не говорится о возможности упомянутых выше посещений представителями независимых учреждений. Поэтому, очевидно, нельзя считать нарушением.

В настоящее время все вышеуказанные нормы и положения образуют собой так называемое «право вооруженных конфликтов», ранее обозначенное в различных источниках как право войны и представляющее собой особый раздел международного права, которое действует определенно в условиях вооруженного конфликта и формируется из конкретных норм, групп норм, а также отдельных основных принципов и различных институтов правовой системы общества. Согласно международной системе правоотношений в области регулирования мирового правопорядка право вооруженных конфликтов распространяется на порядок ведения боевых действий, международно-правовую защиту жертв вооруженных конфликтов – в первую очередь мирного населения, а также на важнейшую часть правового регулирования – международно-правовую ответственность государств и уголовную ответственность отдельных лиц, ответственных в той или иной мере за нарушение норм права вооруженных конфликтов.

Правовой основой регламентации вооруженных конфликтов являются принципы права, действующие в любой период времени, повсеместно и при любом стечении обстоятельств. Особенностью применения данных принципов является то, что, если одна из воюющих сторон эти нормы не соблюдает, вторая обязана их соблюдать. Международно-правовые акты, содержащие запрет применения в военных действиях определенных видов оружия, а также различных методов и способов ведения войны, являются весьма актуальными в современный период стремительного развития общества.

В настоящее время нам представляется, что вышеуказанное право является незыблемым, однако при наступлении каких-либо военных действий в мире, например в Украине, вся система права вооруженных конфликтов,

ее детальное регламентирование и признание подавляющим большинством стран обращается в пустой звук. На наш взгляд, возникает необходимость в первую очередь

закрепления и подписания Римского статута всеми странами мира без исключения, что послужит основным шагом к гуманизации общественности в мире.

1. Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. *Международное право: учеб.* М., 1996.

2. *Военная доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ 5 февр. 2010 г.*

3. Кибальник А.Г. *Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / под науч. ред. А.В. Наумова.* СПб., 2003.

4. *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 авг. 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I): принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г.*

5. *Римский статут Международного уголовного суда // Действующее международное право: документы: в 2 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова.* М., 2002. Т. 1.

6. *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 авг. 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II): принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г.*

1. Kolosov Yu.M., Kuznetsov V.I. *International law: textbook.* Moscow, 1996.

2. *Military doctrine of the Russian Federation: approved with the Decree of the President of the Russian Federation of Febr. 5, 2010.*

3. Kibalnik A.G. *Modern international criminal law: concept, tasks and the principles / sci. ed. by A.V. Naumov.* St. Petersburg, 2003.

4. *The Additional protocol to the Geneva conventions of Aug. 12, 1949 concerning protection of the victims of the international armed conflicts (Protocol I): accepted at diplomatic conference in Geneva on June 8, 1977.*

5. *Rome Statute of the International criminal court // The operating international law: documents: in 2 vol. / comp. Yu.M. Kolosov, E.S. Krivchikova.* Moscow, 2002. Vol. 1.

6. *The Additional protocol to the Geneva conventions of Aug. 12, 1949 concerning protection of the victims of armed conflicts of not international character (Protocol II): accepted at diplomatic conference in Geneva on June 8, 1977.*

Вдовиченко Ксения Геннадьевна
соискатель кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612584050)

Уголовная ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования

В статье рассматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 212¹ УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования».

Ключевые слова: преступление, ответственность, квалификация, нарушение, свобода собраний, беспорядки.

K.G. Vdovichenko, Competitor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050.

Criminal liability for multiple violations of the established order of organization or holding of assembly, meeting, demonstration, procession or picket

The article discusses the signs of the crime under art. 212¹ of the Criminal code of the Russian Federation «Multiple violation of the established order of organization or holding of assembly, meeting, demonstration, procession or picket».

Key words: crime, responsibility, qualifications, infringement, freedom of assembly, rioting.

Мировые тенденции возрастания протестной активности граждан неизбежно влияют и на современное российское общество. Как известно, последние годы ознаменовались рядом акций протеста, в том числе и крупных, в той или иной форме. При этом вряд ли может быть поставлен под сомнение и тот факт, что нередки случаи злоупотребления правом на свободу мирных собраний, которые деструктивные силы используют для достижения своих политических целей.

В связи с этим реакцией законодателя выступил ряд изменений и нововведений в нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы организации и проведения публичных массовых мероприятий. В их числе особое место занимает новая норма отечественного уголовного законодательства об ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212¹ УК РФ).

Традиционно появление новых уголовно-правовых предписаний сопровождается необ-

ходимостью научно-методического обеспечения соответствующей правоприменительной деятельности.

В силу включения законодателем ст. 212¹ УК РФ в гл. 24 разд. IX УК РФ имеются основания полагать, что родовым объектом данного преступления выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности и общественного порядка. В свою очередь, видовой объект состава преступления, предусмотренного ст. 212¹ УК РФ, образуют «общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизнедеятельности населения, нормальной деятельности организаций, учреждений и предприятий, общественного порядка, интересов личности, общества и государства» [1, с. 5].

Определяя непосредственный объект состава неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, необходимо отметить, что это преступление обладает некоторыми схожими характеристиками с составом массовых беспорядков.

рядков. Данный вывод обуславливается тем, что рассматриваемая уголовно-правовая норма, очевидно, ориентирована на предотвращение массовых беспорядков на ранней стадии, т.е. это своего рода средство раннего предупреждения.

В ходе проведенного нами исследования преступлений в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий было установлено, что основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ, выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественного порядка в процессе организации и проведения публичного массового мероприятия. В качестве дополнительных непосредственных объектов данного преступления могут выступать общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением здоровья человека, а также отношения собственности.

По нашему мнению, специфика уголовно-правового запрета, сформулированного в ст. 212¹ УК РФ, свидетельствует о том, что непосредственный объект данного преступления идентичен основному непосредственному объекту состава массовых беспорядков. Основное различие заключается в том, что неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования не нарушает какой-либо дополнительный объект. Угроза общественным отношениям, возникающим в связи с обеспечением здоровья человека, а также отношениям собственности, в результате совершения исследуемого преступления является чрезмерно отдаленной, что не позволяет обозначить данные общественные отношения в качестве дополнительного непосредственного объекта.

Состав неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования не характеризуется каким-либо предметом преступления, не являются обязательными и признаки потерпевшего от преступления.

С объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 212¹ УК РФ, выражается в нарушении установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это деяние совершено неоднократно. При этом закон в примечании к ст. 212¹ УК РФ раскрывает понятие неоднократности. В силу этой нормы нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, совершенным лицом неоднократно, признается

нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней.

В связи с этим установление признаков объективной стороны состава преступления, закрепленного ст. 212¹ УК РФ, предполагает, в первую очередь, выявление не менее чем трехкратного привлечения лица к административной ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ в течение ста восьмидесяти дней.

Названная норма административного законодательства регламентирует ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Разновидностями таких нарушений являются следующие деяния:

1) организация либо проведение публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления о проведении публичного мероприятия;

2) нарушение организатором публичного мероприятия установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, повлекшее создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, связи, движению пешеходов и (или) транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры либо превышение норм предельной заповедности территории (помещения);

3) нарушение организатором публичного мероприятия установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, повлекшее причинение вреда здоровью человека или имуществу, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния;

4) нарушение участником публичного мероприятия установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, повлекшее причинение вреда здоровью человека или имуществу, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния;

5) участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетированиях, повлекших создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения,

транспортной или социальной инфраструктуры, связи, движению пешеходов и (или) транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры;

б) организация либо проведение несанкционированных собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования в непосредственной близости от территории ядерной установки, радиационного источника или пункта хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ либо активное участие в таких публичных мероприятиях, если это осложнило выполнение работниками указанных установки, источника или пункта своих служебных обязанностей или создало угрозу безопасности населения и окружающей среды;

7) иное нарушение организатором или участником публичного мероприятия установленного порядка организации и проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.

Следует отметить, что в одном из постановлений Конституционного Суда РФ подчеркивается необходимость установления причинно-следственной связи между указанными нарушениями и их вредом: административная ответственность за повлекшие причинение вреда здоровью человека или имуществу нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия или организацию не являющегося публичным мероприятием массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка, если соответствующие действия (бездействие) организатора такого мероприятия не содержат уголовно наказуемого деяния, не противоречат Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагается наступление административной ответственности за предусмотренные административные правонарушения только при наличии причинно-следственной связи между виновными противоправными действиями (бездействием) организатора публичного мероприятия или иного массового мероприятия, повлекшего нарушение общественного порядка, и наступившими последствиями в виде причинения вреда здоровью человека или имуществу [2].

Для возникновения уголовной ответственности по ст. 212¹ УК РФ необходима констатация не менее трех фактов привлечения лица к административной ответственности за перечисленные правонарушения. Примечательно,

что ранее неоднократность в уголовном праве толковалась как наличие не менее двух фактов определенных деяний [3, с. 65].

Анализируемый признак объективной стороны состава неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования подразумевает установление документально подтвержденных случаев привлечения лица к административной ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ. Здесь действует административная преюдиция, ввиду которой правоприменитель при квалификации содеянного по ст. 212¹ УК РФ руководствуется наличием ранее принятых административно-процессуальных решений.

Вместе с тем, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 212¹ УК РФ, включает в себя, помимо обозначенных предшествующих обстоятельств, и факт нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, последовавший за ранее совершенными административными правонарушениями. Такое нарушение может быть выражено в несоблюдении любых правил организации и проведения публичного массового мероприятия. Это нарушение подразумевает как деяния, описанные в ст. 20.2 КоАП РФ, так и не указанные в данной норме административного законодательства.

Наличие в тексте диспозиции ст. 212¹ УК РФ ссылки на порядок организации и проведения публичного массового мероприятия позволяет утверждать, что она изложена бланкетным способом. Установление факта нарушения должно быть основано на выявлении несоблюдения лицом конкретных предписаний законодательства.

Порядок организации и проведения публичного массового мероприятия регламентирован Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [4]. При этом перечень возможных нарушений данного нормативно-правового акта является довольно широким. Например, в силу положений Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» не может быть организатором публичного массового мероприятия лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления против основ конституционного строя и безопасности государства или преступления против общественной безопасности и общественного порядка либо два и более раза привлекавшееся к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст. 5.38,

19.3, 20.1–20.3, 20.18, 20.29 КоАП РФ, в течение срока, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Следовательно, например, если лицо в течение предшествующих ста восьмидесяти дней привлекалось к ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ более трех раз, то факт начала организации этим лицом публичного массового мероприятия уже подлежит квалификации как неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212¹ УК РФ). Данный аспект весьма значим с позиции определения момента окончания изучаемого преступления. Таковым при соблюдении иных необходимых условий может выступать момент начала организации публичного массового мероприятия.

Субъектом преступления, запрещенного ст. 212¹ УК РФ, может выступать любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. При этом, исходя из буквального толкования положений уголовного и административного законодательства, субъектом этого преступления может быть как организатор, так и участник публичного массового мероприятия.

С субъективной стороны исследуемое преступление характеризуется виной в форме прямого умысла. О возможности совершения преступления, предусмотренного ст. 212¹ УК РФ, только с прямым умыслом свидетельствует тот факт, что оно имеет формальную законодательную конструкцию объективной стороны [5, с. 68]. Наступления каких-либо общественно опасных последствий для признания данного преступления оконченным не требуется.

Устанавливая признаки субъективной стороны состава преступления, регламентированного

ст. 212¹ УК РФ, необходимо определить, что лицо осознавало общественную опасность неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования и желало действовать таким образом. Мотивы и цели совершения рассматриваемого преступления на квалификацию содеянного не влияют.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 212¹ УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественного порядка в процессе организации и проведения публичного массового мероприятия;

2) объективная сторона состава преступления, установленного ст. 212¹ УК РФ, включает в себя два основных элемента:

а) наличие не менее трех фактов привлечения лица к административной ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ в течение предшествующих ста восьмидесяти дней;

б) нарушение регламентированного Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» порядка организации и проведения публичного массового мероприятия;

3) субъектом неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования может выступать любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста; такое лицо может быть как организатором, так и участником публичного массового мероприятия; субъективная сторона выражается в прямом умысле.

1. Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Задоян А.А. Преступления против общественной безопасности: учеб.-практ. пособие. М., 2010.

2. По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко: постановление Конституционного Суда РФ от 14 февр. 2013 г. № 4-П // Собр. законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

1. Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Zadoyan A.A. Crimes against public security: study and practice manual. Moscow, 2010.

2. On the case about the verification of constitutionality of the Federal law «On amending the Russian Federation Code of administrative offences and the Federal law “On assemblies, meetings, demonstrations, processions and picket”» in connection with the request of the group of deputies of the State Duma and the complaint of the citizen E.V. Savenko: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of Febr. 14, 2013 № 4-P // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 8. Art. 868.

3. Плотникова М.В. Множественность преступлений: соотношение ее разновидностей. М., 2004.

4. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2004. № 25. Ст. 2485 (в посл. ред. Федерального закона от 4 окт. 2014 г. № 292-ФЗ).

5. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М., 2006.

3. Plotnikova M.V. Multiplicity of crimes: the ratio of its varieties. Moscow, 2004.

4. On assemblies, meetings, demonstrations, processions and picket: fed. law of June 19, 2004 № 54-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 25. Art. 2485 (in the amended with Federal law of Oct. 4, 2014 № 292-FL).

5. Rarog A.I. Handbook of judge of the qualification of the offence: guide-book. Moscow, 2006.

Галушкова Владислава Валерьевна

адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79189118888)

Проблемы правовой регламентации специального условия освобождения от уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков

В статье анализируются проблемы правовой регламентации специального условия освобождения от уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков.

Ключевые слова: уголовное законодательство, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот наркотиков, проблемы уголовно-правового регулирования, проблемы систематизации уголовного законодательства.

V.V. Galushkova, Adjunct of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79189118888.

The problems of legal regulation of the special condition for exemption from criminal liability for unlawful acts committed with drugs

The article analyzes the problems of legal regulation of the special conditions for exemption from criminal liability for unlawful acts committed with drugs.

Key words: criminal legislation, crimes in the drug trafficking sphere, narcotic drugs, psychotropic substances, illegal drug trafficking, problems of criminal law regulation, problems of systematization of criminal legislation.

В соответствии с принципом законности, регламентированным ст. 3 УК РФ, не только преступность и наказуемость деяния, но и иные уголовно-правовые последствия его совершения определяются только Уголовным кодексом. К таким последствиям, на наш взгляд, можно отнести позитивное посткриминальное поведение виновного в незаконном обороте наркотиков, выразившееся в деятельном раскаянии.

Положения ст. 75 УК РФ позволяют законодателю устанавливать условия, при которых деятельное раскаяние виновного даже в тяжком или особо тяжком преступлении будет являться основанием для его освобождения от уголовной ответственности. Так, в примеч. 1 к ст. 228 УК РФ содержится «поощрительная» норма, регламентирующая условия освобождения от уголовной ответственности в связи со специальным видом деятельного раскаяния. Наличие в законе данной нормы способствует реализации задач и достижению целей уголовного законодательства России, поскольку стимулирует виновных к прекращению преступной деятельности, а также к их содействию правоохранительным органам в

изобличении других участников преступной деятельности, обнаружению имущества, добытого преступным путем, т.е., по сути, способствует восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденного и предупреждению преступлений.

Вместе с тем, законодательная регламентация рассматриваемого специального условия освобождения от уголовной ответственности, на наш взгляд, имеет отдельные недостатки, проявляющиеся в двух аспектах: и в форме, и в содержании.

Рассматривая форму изложения поощрительной нормы, можно отметить, что она не вполне соответствует требованиям, которые обычно предъявляются к создаваемой правовой норме в процессе законотворческой деятельности: лаконичность и ясность правового предписания. Так, в соответствии с примеч. 1 к ст. 228 УК РФ «лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно сдавшее наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие нарко-

тические средства или психотропные вещества, и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом указанных средств, веществ или их аналогов, а также с незаконным приобретением, хранением, перевозкой таких растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление. Не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, изъятие указанных средств, веществ или их аналогов, таких растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, при задержании лица и при производстве следственных действий по обнаружению и изъятию указанных средств, веществ или их аналогов, таких растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

Изложенное в двух предложениях рассматриваемое примечание к ст. 228 УК РФ занимает практически 1/3 страницы любого издания Уголовного кодекса и включает сто пятьдесят шесть слов и тридцать четыре знака препинания. При этом слово «наркотические» повторяется в этих двух предложениях девять раз, «психотропные» – девять раз, «средства» – двенадцать раз, «вещества» – двенадцать раз, «содержащие» – семь раз, «указанных» – три раза, слово «таких» – три раза, словосочетания «или их аналоги» – пять раз, «растения или их части» – пять раз, само слово «или» – тринадцать раз; в общей сложности – шестьдесят пять повторяющихся слов. Представляется, что даже прочтение «про себя», не говоря уже о восприятии «на слух», подобного рода текста весьма затруднительно. Отсутствующая в приведенном случае лаконичность изложения правового предписания сводит к минимуму его ясность, что, с нашей точки зрения, требует совершенствования формы законодательной регламентации рассматриваемого специального вида деятельного раскаяния.

На наш взгляд, необходимо отметить, что все обозначенные многократно повторяющиеся слова и словосочетания призваны описать пусть и немаловажный, квалификационно значимый как составообразующий, но все-таки один-единственный признак состава преступления – его предмет, т.е. наркотические средства, психотропные

вещества, их аналоги, а также растения либо части растений, содержащие такие средства или вещества.

Иная форма описания предмета преступления, с нашей точки зрения, позволила бы исключить многократные повторения, упростить восприятие текста закона и обеспечить лаконичность и доступность правового предписания. При этом, как представляется, решение рассматриваемой проблемы возможно в двух аспектах: или посредством введения специального термина (обозначающего предмет рассматриваемых преступлений, определение и содержание которого следует изложить в отдельном примечании к ст. 228 УК РФ), или посредством использования слов «предметы данного преступления» при описании специального условия освобождения от уголовной ответственности, что также, по сути, представляет собой один из вариантов ссылочной диспозиции.

В уголовном праве России вполне допустимо использование ссылочных диспозиций, которые позволяют уяснить суть уголовно-правового предписания посредством системного анализа УК.

С нашей точки зрения, шестьдесят пять повторяющихся в рассматриваемом примечании слов вполне возможно заменить фразой «предметы данного преступления».

Подобного рода изменения, внесенные в примеч. 1 к ст. 228 УК РФ, позволят обеспечить лаконичность и ясность правового предписания, не оказав негативного влияния на его содержание, что обеспечит в процессе законотворческой деятельности соблюдение основных принципов законодательной техники.

Анализируя содержание рассматриваемого примечания к ст. 228 УК РФ, необходимо отметить, что во второй его части содержится законодательный перечень обстоятельств, при которых внешне добровольная сдача предметов преступления является субъективно вынужденной, в связи с чем исключается возможность применения специального условия освобождения от уголовной ответственности.

Так, в соответствии с примечанием «не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, изъятие указанных средств, веществ или их аналогов, таких растений или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, при задержании лица, а также при производстве след-

ственных действий по обнаружению и изъятию указанных средств, веществ или их аналогов, таких растений или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

В обобщенном виде (с учетом предложенных выше поправок) обозначенное сводится к следующему: «Не признается добровольной сдачей изъятие предметов данного преступления при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию».

При этом данная законодательная формулировка не содержит обобщающего, допускающего расширительное толкование указания на иные обстоятельства, исключающие возможность продолжения виновным своей преступной деятельности.

С нашей точки зрения, подобного рода регламентация с учетом принципа «что не запрещено, то разрешено» позволяет сделать вполне логичный, но, вместе с тем, противоречащий «духу закона» вывод о том, что любая иная, не обозначенная в примечании сдача предметов рассматриваемого преступления (т.е. не при задержании лица и не при производстве следственных действий по обнаружению и изъятию предметов преступления) может быть признана добровольной по усмотрению правоприменителя.

К таким случаям, например, относятся варианты «добровольной» сдачи предметов преступления водителем или пассажирами транспортного средства перед началом его досмотра, остановленного по обстоятельствам, не связанным с деятельностью по пресечению незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ. Так, в приведенном примере транспортное средство было остановлено не в целях задержания лица, к тому же обозначенная административная деятельность инспектора ДПС не может быть охарактеризована как следственные действия по обнаружению и изъятию предметов наркопреступления. Следственные действия по определению осуществляются только после возбуждения уголовного дела, за исключением осмотра места происшествия, к которому досмотр транспортного средства (в приведенном примере) также не относится. Сдача наркотиков в описанной ситуации формально подпадает под признаки добровольной.

Вместе с тем, возможна и иная, диаметрально противоположная ситуация, когда после безрезультатного обыска как следственного действия, направленного на обнаружение и изъятие пред-

метов наркопреступления, подозреваемый действительно добровольно предлагает указать на тайник и сдать незаконно хранящиеся, к примеру в его домовладении, наркотические средства или психотропные вещества. Момент окончания обыска как следственного действия формально не определен, в связи с чем отнесение такой сдачи к добровольной или ее квалификация как вынужденной остается во власти правоприменителя, фактически исключая законодательно регламентируемую обязанность освободить от уголовной ответственности лицо, посткриминальное поведение которого отвечает признакам специального вида деятельного раскаяния.

Безусловно, Пленум Верховного Суда РФ указывает, что добровольная сдача предметов рассматриваемого преступления квалифицируется как таковая только при наличии у лица реальной возможности распорядиться ими иным способом. Вместе с тем, представляется, что, с одной стороны, такой подход полностью соответствует общеизвестным представлениям о содержании института деятельного раскаяния, с другой – противоречит «букве закона». При условии, что юридически ППВС России носит рекомендательный характер и не обладает силой закона, целесообразным было бы заменить действующую редакцию второй части рассматриваемого примечания на описание добровольности выдачи, изложенное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Обобщая вышеизложенное, предлагаем следующую редакцию примеч. 1 к ст. 228 УК РФ:

«Лицо, добровольно сдавшее предметы преступления, предусмотренного настоящей статьей, и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с их незаконным оборотом, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление.

Добровольная сдача предметов преступления, предусмотренного настоящей статьей, означает их выдачу при наличии у лица реальной возможности распорядиться ими иным образом».

Таким же образом мы предлагаем изменить примеч. 2 к ст. 228³ УК РФ, содержащее аналогичные рассмотренным выше недостатки, что обеспечит лаконичность и доступность обозначенных правовых норм.

Емцева Кристина Эдуардовна

соискатель кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79189996169)

Компаративный анализ уголовного законодательства об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем

В статье проводится анализ зарубежного законодательства, устанавливающего ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, подробно рассматривается институт «отмывания денег» в зарубежных странах.

Ключевые слова: компаративный анализ, зарубежное законодательство, финансовые операции, прецедентная норма права, международно-правовые акты.

K.E. Emtseva, Competitor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79189996169.

Comparative analysis of the criminal law on liability for the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means

The article discusses the analysis of foreign legislation establishing liability for legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means, particularly it examines the institution of «money laundering» in foreign countries.

Key words: comparative analysis, foreign legislation, financial transactions, case-law rule of law, international legal instruments.

Институт «отмывания денег» в современном его понимании возник в США в годы становления там «дикого капитализма». Так, 17 октября 1931 г. в Чикаго в федеральном суде присяжные заседатели после многочасового совещания признали виновным в уклонении от уплаты налогов Альфонса Капоне, одного из лидеров организованной преступности в США. За уклонение от уплаты налогов суд назначил ему наказание в виде 11 лет лишения свободы, что полностью и окончательно пресекло его преступную карьеру. Победа американской системы уголовной юстиции над организованной преступностью в данном случае очевидна. Но при этом обвинению не удалось доказать ни одного из фактов участия подсудимого в совершении более опасных преступлений. Дело Капоне не создавало новых прецедентных норм права, однако оказало значительное влияние на правовое сознание. Стало очевидным, что лидер организованной

преступности может быть сурово наказан не за реально совершенные им преступления, а за уклонение от уплаты налога на доходы, если не сможет его заплатить. Лидеры преступного мира были поставлены, казалось, в безвыходное положение. Для того чтобы заплатить налог, необходимо указать источник дохода, т.е., по существу, явиться с повинной. Естественным выходом для них стало «отмывание денег», т.е. создание видимости существования мнимых легальных источников доходов, что позволяло уплатить налог и избежать ответственности за уклонение от его уплаты [1, с. 53; 2, с. 37]. Довольно скоро преступный опыт перешел в другие страны, стали использоваться преступные связи «отмывателей» разных стран, и тогда мировое сообщество озаботилось этой проблемой. Первоначально инициатива сотрудничества исходила от США. Некоторые государства открыто «наживались», создавая благоприятные условия для отмывания денег в национальных

банковских системах. Как показывает изучение международно-правовых актов и специальной литературы, первые документы в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, датируются 1988 г. В декабре 1988 г. в Базеле руководители Центральных банков «Большой семерки» приняли Декларацию по принципиальным положениям, относящимся к отмыванию доходов от криминального бизнеса. В этом документе, в частности, отмечается, что доверие общественности к банкам может быть подорвано из-за их связей с преступниками, и называются некоторые из принципов, которыми следует руководствоваться в борьбе с отмыванием денег через банковскую систему: установление личности клиента; неукоснительное соблюдение всех законов и нормативных актов в области финансовых операций и отказ участвовать в сделках, которые вызывают подозрения и могут иметь целью отмывание денег; сотрудничество с правоохранительными органами в пределах, допускаемых постановлениями о конфиденциальности в отношении клиента [3, с. 18]. Ныне необходимость сотрудничества в борьбе с отмыванием денег осознается почти повсеместно.

Во многом это связано с внедрением в национальную правоохранительную практику многих государств упомянутых выше новых методов борьбы с организованной преступностью, прежде всего с незаконным оборотом наркотиков. Другие государства вынуждены уступить моральному давлению со стороны мирового сообщества и экономически развитых стран. Законы об ответственности за отмывание денег приняты и активно применяются даже в странах с традиционно жесткой системой охраны банковской тайны (например, в Швейцарии и Люксембурге). Активную борьбу с отмыванием денег ведут такие авторитетные международные организации, как Организация Объединенных Наций, Организация экономического сотрудничества и развития, Европейский союз. Так, еще СССР в 1990 г. ратифицировал Венскую конвенцию ООН от 20 декабря 1988 г. о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Россия в 2001 г. ратифицировала Конвенцию Совета Европы от 8 ноября 1990 г. об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, подписала Конвенцию ООН от 15 ноября 2000 г. против транснациональной организованной преступности, а также участвует в ряде двусторонних соглашений по этому вопросу, в основном предусматривающих обмен информацией (с Евросоюзом, Латвией, Болгари-

ей, Словакией, Словенией, Македонией, Хорватией, Бельгией, Великобританией, Швейцарией, Испанией, Италией, Норвегией, США, Канадой, Гватемалой, Мексикой, Панамой, Парагваем, Перу, Эквадором, Египтом, Нигерией, Анголой и др.). Активное сотрудничество в борьбе с отмыванием денег ведется в рамках Содружества Независимых Государств. Большое значение имеют и рекомендательные нормы международного характера, например Заявление о принципах Базельского комитета по банковскому надзору 1988 г., Всеобщие директивы по противодействию отмыванию доходов в частном банковском секторе (вольфсбергские принципы), сорок рекомендаций FATF [1, с. 54–55].

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ международные акты являются составной частью российской правовой системы и имеют приоритет перед национальным правом, в связи с чем возникает ряд коллизий. Так, например, в науке и практике не решена проблема ответственности по ст. 174, 174¹ УК РФ только при наличии приговора по предикатному преступлению. Ответ на вопрос осложняется тем, что международными актами установлено, что легализация – это придание правомерного вида владения имуществом и денежными средствами, полученными не в результате преступления, а в результате правонарушения [4, с. 7]. Однако в целом можно отметить, что международная активность в борьбе с легализацией (отмыванием) денежных средств, приобретенных преступным путем, в последние годы усиливается.

На современном этапе развития мирового сообщества легализация (отмывание) преступных доходов в крупном размере производится чаще всего путем проведения транснациональных финансовых операций, связанных с перемещением отмываемых капиталов через государственные границы. Таким образом, эффективная борьба с данным видом преступлений возможна лишь при наличии эффективных международных механизмов противодействия указанным преступлениям, поскольку национальные нормы о противодействии отмыванию не являются достаточными [5, с. 11].

Если обращаться к зарубежному опыту законодательного регулирования уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, то, например, в США современное законодательство о борьбе с «отмыванием» денег существует на федеральном уровне и на уровне штатов [6, с. 54, 56]. В основе федерального законодательства лежат Закон о банковской тайне 1970 г., Закон

о контроле за отмыванием денег 1986 г., Закон против злоупотребления наркотиками 1988 г. и другие федеральные законы, положения которых инкорпорированы в основном в т. 18 «Преступления и уголовный процесс» и т. 31 «Деньги и финансы» Свода законов США. С точки зрения материального уголовного права наибольший интерес представляют нормы, закрепленные в гл. 95 «Рэкет» т. 18 Свода законов США, предусматривающие ответственность за «отмывание денежных средств» (ст. 1956) и за «участие в денежных операциях с имуществом, происходящим от определенных видов неправомерной деятельности» (ст. 1957). Так, в § 1 п. «а» ст. 1956 предусмотрена ответственность за проведение финансовой операции с имуществом, заведомо представляющим собой доходы от незаконной деятельности, при наличии совокупности следующих условий: имущество действительно включает в себя доходы от незаконной деятельности; деяние совершается с намерением содействовать продолжению такой деятельности либо с намерением участвовать в деянии, составляющем нарушение определенных норм налогового законодательства, либо деяние совершается лицом, знающим, что операция направлена на сокрытие, маскировку незаконной деятельности (либо ее существа, места осуществления, источника, лиц, ее осуществляющих или контролирующих) или на уклонение от сообщения об операции властям, когда такое сообщение требуется в соответствии с правом федерации или штата. В § 2 п. «а» ст. 1956 установлено наказание за перевозку, перемещение или перевод за пределы США или в США из-за рубежа (в том числе и транзитом) денежных средств и фондов с упомянутыми намерениями или знаниями, а в § 3 п. «а» ст. 1956 – за проведение или покушение на проведение финансовой операции с имуществом, представляющим собой доходы от незаконной деятельности, либо с имуществом, использованным для проведения такой деятельности, если деяние совершено с упомянутыми намерениями, при этом в § 3 не требуется знания о преступном происхождении, однако необходимо предварительное представление уполномоченного лица о таком происхождении имущества.

В целом можно отметить ряд особенностей федерального законодательства США об отмывании денег: преступное отмывание денег охватывает не только укрывательство, но и соучастие в основном преступлении, а также действия исполнителя преступления; наказание за отмывание денег предусмотрено более строгое, чем за другие формы укрывательства преступ-

ления; особо жесткие требования предъявляются к лицам, профессиональная деятельность которых связана с повышенным риском участия в «отмывании» денег, они подлежат ответственности за совершение финансовых операций с «грязными» деньгами даже при отсутствии намерения содействовать преступной деятельности или скрыть ее; большое значение в применении нормы имеет судебское и полицейское усмотрение; имеется возможность замены уголовного наказания «гражданским наказанием»; практика применения закона принципиально отличается от российской. Такого рода юридическая техника и терминология закона должны учитываться при использовании американского опыта в России. Следует отметить, что изучение американскими специалистами практики назначения наказания за отмывание денег привело их к выводу о необходимости обеспечения при назначении наказания его разумного соответствия с наказанием за основное преступление [1, с. 57–58]. Указанные особенности характерны и для законодательства об отмывании денег штатов США, хотя и оно, в свою очередь, не лишено своих специфических черт. В частности, УК Нью-Йорка [7] в ст. 470.05–470.20 подразделяет «отмывание» денег на 4 степени в зависимости от размера отмываемых доходов, тяжести основного преступления и иных обстоятельств.

Что касается государств с романо-германской правовой системой, то имеющиеся там соответствующие уголовно-правовые положения формировались во многом под влиянием американской политики в сфере борьбы с «отмыванием денег». Сначала обратимся к германскому уголовному праву, учитывая достаточно тесное историческое взаимодействие России и Германии и имея в виду, что многие уголовно-правовые концепции в свое время были позаимствованы именно из немецкой правовой мысли, которая в конце XVIII–XIX вв. переживала вершину своего развития. В настоящее время в Германии действует Уголовный кодекс от 15 мая 1871 г. в редакции опубликования от 13 ноября 1998 г. по состоянию на 17 августа 1999 г. [8]. Сразу следует заметить, что германский законодатель, в отличие от российского, уделяет легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, несколько больше внимания. Мы полагаем, предваряя последующий анализ, что это объясняется прежде всего тем обстоятельством, что немецкий законодатель сумел более адекватно отразить особенности сложившихся в стране экономических отношений, а в их рамках – кредитно-финансовых отношений. Так,

§ 261 УК ФРГ предусмотрена ответственность за «отмывание денег, сокрытие незаконно приобретенных ценностей». Здесь предмет преступления (проступка) – предметы, происходящие от: преступлений или некоторых проступков, прямо указанных в статье (взяточничество, незаконный оборот наркотиков, проступки по Налоговому кодексу, склонение к проституции, сутенерство, кража, проступки, совершенные членом криминального объединения, и др.). В ч. 1 § 261 наказание установлено за сокрытие этих предметов, маскировку происхождения этих предметов, создание препятствий уяснению происхождения этих предметов, их обнаружению, выявлению, конфискации или аресту. В соответствии с ч. 2 § 261 «также наказываются тот, кто указанные предметы себе или третьему лицу приобретает, хранит или использует для себя или третьего лица, если он знал происхождение имущества в момент его приобретения». Часть 5 формулирует самостоятельный состав неосторожного отмывания денег: если лицо по легкомыслию не осознает происхождение предметов от преступлений, указанных в законе, при совершении деяний, предусмотренных ч. 1 и 2 § 261. Сходна с германской, но более либеральна австрийская норма об отмывании денег, установленная § 165 УК Австрии [9]. Отдельные исследователи подчеркивают, что австрийское уголовное право содержит удачные решения в отдельных криминообразующих признаках, которые могут быть использованы для улучшения российской нормы о противодействии отмыванию, в частности об объекте и предмете отмывания, субъекте (включая только частичную криминализацию «самоотмывания»), об установлении альтернативных действий при описании объективной стороны, о вариантах решения вопроса о «преступности» имущества при многочисленных преобразованиях с ним [10, с. 9].

В УК Украины [11] уголовная ответственность предусматривается не только за отмывание средств, но и за умышленное нарушение требований законодательства о предупреждении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем (ст. 209-1). Отмыванием же, согласно ст. 209 УК Украины, считается совершение финансовой операции или заключение сделки с денежными средствами или другим имуществом, полученными вследствие совершения общественно опасного противоправного деяния, предшествовавшего легализации (отмыванию) доходов, а также совершение действий, направленных на сокрытие или маскировку незаконного проис-

хождения таких средств или другого имущества либо владения ими, прав на такие средства или имущество, источника их происхождения, местонахождения, перемещения, а также получения, владения или использования денежных средств или другого имущества, полученных вследствие совершения общественно опасного противоправного деяния, предшествовавшего легализации (отмыванию) доходов. Умышленное нарушение требований законодательства о предупреждении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, по ст. 209-1 УК Украины – это повторное умышленное непредставление или представление заведомо недостоверной информации о финансовых операциях, подлежащих внутреннему или обязательному финансовому мониторингу, специально уполномоченному органу исполнительной власти по вопросам финансового мониторинга (ч. 1); а также незаконное разглашение в любом виде информации, предоставляемой специально уполномоченному органу исполнительной власти по вопросам финансового мониторинга, лицом, которому данная информация стала известна в связи с профессиональной или служебной деятельностью (ч. 2). Примерно о таком же деликте говорится в уголовном законодательстве Эстонии [12]. Так, уголовная ответственность за отмывание денег наступает в случае совершения следующих действий: невыполнение работником кредитного или финансирующего учреждения обязанности идентификации личности, установленной Законом о противодействии легализации (отмыванию) денег; умышленное неуведомление руководителем кредитного или финансирующего учреждения либо контактным лицом о подозрениях в отношении легализации (отмывания) денег Бюро данных о легализации (отмывании) денег; представление руководителем кредитного или финансирующего учреждения либо контактным лицом заведомо ложных сведений Бюро данных о легализации (отмывании) денег; предоставление руководителем кредитного или финансирующего учреждения, контактным лицом или иным работником сведений о передаче информации Бюро данных о легализации (отмывании) денег лицу, в отношении которого имеются подозрения в легализации (отмывании) денег, или третьему лицу (ст. 148-6).

В литературе отмечается, что законодательная детализация действий, направленных на отмывание преступных доходов, свойственна нормам о легализации таких государств, как Китай, Аргентина, Колумбия, Австрия, Болгария, Польша, Македония, Германия, Франция

и Швейцария. Так, отмывание «по-китайски» – это: предоставление финансового расчетного счета; содействие в обращении имущества в денежные средства или в денежные векселя; содействие в переводе денежных средств путем перечисления на счет или путем использования иных способов расчета; содействие в переводе денежных средств за границу; утаивание и сокрытие иными способами источников и характера доходов, полученных преступным путем [13]. Под другими методами подразумевается использование офшорных убежищ, компаний – почтовых ящиков, подпольных банковских систем, а также систем электронных платежей. Китайскими экспертами в настоящее время выделяются шесть основных способов «отмывания» денег, получивших наибольшее распространение в КНР: разукрупнение (дробление большой общей суммы на части); нахождение в денежно-кредитном учреждении «агента», который проводит деньги, минуя органы внутреннего контроля учреждения; смешение незаконных средств с законными средствами на предприятии и представление этих средств в качестве законной прибыли этого предприятия; участие или фиктивное участие в законной деятельности компании и ведение деятельности по отмыванию денег; покупка имущества или ценных бумаг на незаконно полученную наличность; использование сфер сервисного обслуживания или сфер с большим ежедневным оборотом наличных денег для смешения с незаконными доходами с целью отмывания денег. Подзаконную нормативно-правовую базу КНР по противодействию отмыванию денег составляют три документа: «Положение по противодействию отмыванию денег денежно-кредитными учреждениями», «Методы регулирования докладных о значительных суммах в национальной валюте и платежах по сомнительным сделкам» и «Методы регулирования докладных о значительных суммах денежно-кредитных учреждений и сомнительных сделок в иностранной валюте». Эти положения вступили в силу с 1 марта 2003 г. Начиная с этого срока все банки КНР, трастово-инвестиционные компании, почтовые сберкассы, финансовые компании, кредитные кооперативы, лизинговые компании и иностранные денежно-кредитные учреждения обязаны хранить не менее пяти лет информацию обо всех сделках с суммами, превышающими 200 тыс. юаней, или подозрительных сделках. Все три нормативных документа разработаны центральным банком Китая.

Обнародование этих трех документов, по сути, является началом становления в КНР системы по противодействию отмыванию неза-

конных доходов. Эти законы распространяются на две сферы – банковскую и фондовую. Что касается информирования о значительных суммах сделок или сомнительных сделках, то коммерческие банки обязаны провести конкретную проверку при платежах юридическими лицами сумм, превышающих 1 млн юаней, и операциях с наличностью более 200 тыс. юаней. Кроме того, детальной проверке подлежат расчеты между физическими лицами через банк и платежи между физическими и юридическими лицами на сумму, превышающую 200 тыс. юаней [14, с. 84–86]. Такой подход во многом схож с регулированием ответственности за «отмывание» преступных доходов в уголовном законодательстве Аргентины.

Общественная опасность отмывания преступных доходов связана с тем, что лицо, непосредственно осуществляющее такое отмывание, осознает характер своих действий и, что самое главное, заведомо осведомлено о преступном происхождении денежных средств или иного имущества, т.е. отмывает доходы умышленно. В частности, в Уголовных кодексах Казахстана [15], Кыргызстана [16], Молдовы [17], Таджикистана [18] и Туркменистана [19] указывается на заведомо незаконный путь приобретения денежных средств или иного имущества.

Результатом преступной деятельности по отмыванию незаконных денежных средств или иного имущества является придание таким доходам законного (легального) характера. Такой результат является желаемой целью при совершении лицом финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом. Однако не все уголовные законы иностранных государств содержат ссылку на такую цель. Так, только Армения [20], Молдова, Китай и Швейцария закрепили данный признак в качестве основного в составе преступления об отмывании преступных доходов.

Более строго к выполнению правовых предписаний по обнаружению сомнительных финансовых операций или иных сделок на предмет отмывания преступно нажитых доходов подошли законодатели Болгарии, Германии, Македонии и Швейцарии. Так, согласно УК Болгарии [21] виновным признается тот, кто нарушит или не исполнит положения закона о мерах, направленных против отмывания денег, в частности, по легкомыслию не распознает, что предмет отмывания получен в результате совершения противоправного деяния [14, с. 88–89]. При этом ответственность, разумеется, при неумышленном деянии на порядок менее строгая.

Сравнивая указанные выше положения зарубежного законодательства с российскими, следует отметить, что в целом норму, представленную в первоначальной редакции ст. 174 УК РФ, можно охарактеризовать как крайне общую, не имеющую аналогов в зарубежных законодательствах. По существу суровое наказание предусматривалось за любые действия с имуществом, приобретенным незаконным путем.

В результате пересмотра ряда позиций в УК РФ были внесены изменения, согласно которым ст. 174 УК РФ получила новую формулировку, а также была введена ст. 174¹ УК РФ. Тем самым в России в значительной мере был воспринят опыт регулирования ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, в зарубежных странах.

1. Клепицкий И.А. «Отмывание денег» в современном уголовном праве // Государство и право. 2002. № 8.

2. Кернер Х.-Х., Дах Э. Отмывание денег. Путеводитель по действующему законодательству и юридической практике. М., 2006.

3. Михайлов В.И. Противодействие легализации доходов от преступной деятельности. СПб., 2002.

4. Денисов И.К. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, приобретенных преступным путем, в российских корпорациях (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

5. Кириленко В.С. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2012.

6. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии) / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2008.

7. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк // New York State Legislature. URL: <http://public.leginfo.state.ny.us/menuf.cgi> (дата обращения: 01.11.2014).

8. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия: пер. с нем. М., 2000.

9. Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004.

10. Филатова М.А. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, по законодательству России и Австрии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

11. Уголовный кодекс Украины / под ред. В.Я. Таця, В.В. Сташиса. СПб., 2001.

12. Уголовный кодекс Эстонской Республики / под ред. и пер. с эст. В.В. Запезалова; вступ. ст. Н.И. Мацнева. СПб., 2001.

13. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробева. Владивосток, 1999.

1. Klepitsky I.A. «Money laundering» in modern criminal law // State and law. 2002. № 8.

2. Kerner H.-H., Dah E. Money laundering. Guide to the current legislation and legal practice. Moscow, 2006.

3. Mikhaylov V.I. Counteraction to the legalization of proceeds from criminal activities. St. Petersburg, 2002.

4. Denisov I.K. Counteraction (laundering) to legalization of proceeds acquired by criminal means in Russian corporations (criminal and criminological aspects): auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2011.

5. Kirilenko V.S. Criminal law and criminological characteristics of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means: auth. abstr. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2012.

6. The criminal laws of foreign countries (England, USA, France, Germany, Japan) / ed. by I.D. Kozochkin. Moscow, 2008.

7. Criminal code of New York State // New York State Legislature. URL: <http://public.leginfo.state.ny.us/menuf.cgi> (date of access: 01.11.2014).

8. Criminal code of the Federal Republic of Germany: transl. from German. Moscow, 2000.

9. Criminal code of Austria. St. Petersburg, 2004.

10. Filatova M.A. Criminal liability for legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means, under the laws of Russia and Austria: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2014.

11. Criminal code of Ukraine / ed. by V.Ya. Tatsy, V.V. Stashis. St. Petersburg, 2001.

12. Criminal code of the Republic of Estonia / ed. and transl. from Estonian by V.V. Zapevalov; introd. art. by N.I. Matsnev. St. Petersburg, 2001.

13. Criminal code of the People's Republic of China / ed. and forew. by A.I. Korobeev. Vladivostok, 1999.

14. Bukarev V.B., Truntsevskiy Yu.V., Shulepov N.A. Criminal responsibility for legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means. Moscow, 2007.

14. Букареев В.Б., Трунцевский Ю.В., Шулепов Н.А. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем. М., 2007.

15. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Алматы, 2006.

16. Уголовный кодекс Кыргызской республики / предисл. А.П. Стуканова, П.Ю. Константинова. СПб., 2002.

17. Уголовный кодекс Республики Молдова: принят Парламентом Республики Молдова 18 апр. 2002 г., введен в действие 21 июня 2002 г. (с изм. и доп. на 19 дек. 2002 г.) / вступ. ст. А.И. Лукашова. СПб., 2003.

18. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. на 1 дек. 2001 г.) / предисл. А.В. Федорова. СПб., 2001.

19. Уголовный кодекс Туркменистана. URL: https://www.unodc.org/tldb/pdf/TurkmenistanCriminalCode_Russian.pdf (дата обращения: 10.10.2014).

20. Уголовный кодекс Республики Армения / науч. ред. Е.Р. Азаряна, Н.И. Манцева; предисл. Е.Р. Азаряна; пер. с арм. Р.З. Авакяна. СПб.

21. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова; пер. с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова; вступ. ст. И.И. Айдарова. СПб., 2001.

15. Criminal code of the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2006.

16. Criminal code of the Republic of Kirgizstan / forew. of A.P. Stukanov, P.Yu. Konstantinov. St. Petersburg, 2002.

17. Criminal code of the Republic of Moldova: adopted by the Parliament of the Republic of Moldova of Apr. 18, 2002, introd. on June 21, 2002 (with changes and add. from Dec. 19, 2002) / introd. art. by A.I. Lukashov. St. Petersburg, 2003.

18. Criminal code of the Republic of Tajikistan: law of the Republic of Tajikistan of May 21, 1998 № 574 (with changes and add. from Dec. 1, 2001) / forew. by A.V. Fedorov. St. Petersburg, 2001.

19. Criminal code of Turkmenistan. URL: https://www.unodc.org/tldb/pdf/TurkmenistanCriminalCode_Russian.pdf (date of access: 10.10.2014).

20. Criminal code of the Republic of Armenia / sci. ed. by E.R. Azaryan, N.I. Mantsev; forew. by E.R. Azaryan; transl. from Armenian by R.Z. Avakyan. St. Petersburg.

21. Criminal code of the Republic of Bulgaria / sci. ed. by A.I. Lukashov; transl. from Bulgarian by D.V. Milushev; introd. art. by I.I. Aydarov. St. Petersburg, 2001.

Капитонова Олеся Сергеевна
аспирант кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
(e-mail: kapsed2007@rambler.ru)

Соотношение понятий «организованная группа» и «преступное сообщество»

Статья посвящена вопросам разграничения организованной группы и преступного сообщества. На основе анализа законодательства, науки и правоприменительной практики автором вносятся предложения по совершенствованию действующего Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: организованная группа, преступное сообщество, структурированная организованная группа.

O.S. Kapitonova, Post-graduate of a Chair of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: kapsed2007@rambler.ru

Ratio of the concepts «organized group» and «criminal community»

The article is devoted to the issues of differentiation of an organized group upon a criminal community. On the basis of the analysis of the legislation, science and law-enforcement practice, the author makes a suggestion for improvement of the existing Criminal code of the Russian Federation.

Key words: organized group, criminal community, structured organized group.

Определения указанных форм соучастия законодательно закреплены в ст. 35 УК РФ, в соответствии с которой преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. В то же время преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Из законодательства ясно, что понятие преступного сообщества (преступной организации) обладает всеми признаками организованной группы, только отличается рядом дополнительных:

1) преступное сообщество – структурированная организованная группа или объединение организованных групп;

2) данная форма соучастия создается для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, а также для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Из законодательства видно, что при разграничении преступного сообщества, состоящего из нескольких организованных групп, и организованной группы проблем не возникает. У правоприменителя появляются вопросы при соотношении структурированной организованной группы (ч. 4 ст. 35 УК РФ) и организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ), поскольку отсутствует законодательное определение «структурированности».

Не находит однозначного решения данная проблема и в науке уголовного права.

Так, например, по мнению П.Э. Сафоновой, уяснение признака структурированности имеет решающее значение для разграничения организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ), с одной стороны, и преступного сообщества (преступной организации) – с другой, и, соответственно, для квалификации содеянного. Структурированной может быть признана организованная группа, в которой функционируют хотя бы два подразделения или подгруппы. При этом констру-

тивными или обязательными ее структурными подразделениями должны быть признаны руководящее звено и исполнители преступления. В структурированную организованную группу, кроме того, могут входить и иные подгруппы, облегчающие исполнителям совершение преступления, например, путем предоставления соответствующей информации, орудий и средств совершения преступления, сбыта похищенного имущества, увода от ответственности ее участников и др. [1, с. 27–29].

Однако среди ученых возникает естественный вопрос о самом понятии «структурированности», и, поскольку данный термин носит оценочный характер, существуют различные точки зрения, касающиеся данного вопроса.

По мнению одних, структурированность – это наличие в составе преступного сообщества структурных подразделений, которые представляют собой группу из двух или более лиц (бригада, звено, группировка и т.д.) [2, с. 282]. По мнению вторых, структурированность характеризуется стабильностью состава и согласованностью действий [3, с. 152–153]. По мнению третьих, данные структурные подразделения могут быть равнозначными и осуществлять однотипные функции в интересах сообщества, но могут быть и неравнозначными и, соответственно, выполнять различные функции (например, осуществлять разведку или решение задач силовыми методами, коммерческую деятельность или иметь подходы к государственным структурам и т.д.) [4, с. 4].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в науке уголовного права нет единого понимания структурированности организованной группы.

Интересен вывод Пленума Верховного Суда РФ, который предлагает под структурированностью понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированной организованной группе, кроме единого руководства, присущи взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации) [5].

Некоторые авторы развивают понятие, данное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, и включают в преступное сообщество лиц,

совершивших преступление по предварительному сговору [6, с. 52].

На наш взгляд, группа лиц по предварительному сговору является самостоятельной формой соучастия и не может входить в состав организованной группы.

Более того, представляется, что любая организованная группа является структурированной, поскольку синонимом понятия структурированности является организованность [7]. Любая организованная группа уже изначально предполагает структурированность.

Поэтому такой критерий, как структурированность, вообще не может быть положен в основу разграничения организованной группы и преступного сообщества, несмотря на то, что он прямо указывается в законе. В данном случае можно полностью согласиться с Л.Н. Бойцовым и И.Я. Гонтарь о том, что «можно долго теоретизировать о криминологических признаках организованной преступной группы и преступного сообщества, однако законодатель обязан дать четкие дефиниции этих явлений, коль скоро он связывает с ними наступление уголовно-правовых последствий различной тяжести, а не отдавать определение этих признаков на усмотрение уголовной юстиции» [8, с. 35].

В соответствии со вторым подходом, выделяемым в уголовно-правовой литературе, разграничение структурированной организованной группы и простой организованной группы может быть проведено по количественному признаку.

Так, по мнению П.Э. Мондохорова, количество участников преступного сообщества (преступной организации), включая организатора и руководителя, не может быть менее четырех лиц, т.к. с учетом признака структурированности предполагается наличие в составе преступного сообщества (преступной организации) как минимум двух структурных подразделений либо организованных групп [9, с. 7].

Другие ученые считают, что минимальное количество участников любого вида преступного сообщества должно составить 3–4 человека [10, с. 67; 11, с. 237–239] или 6–10 человек [12, с. 123].

На наш взгляд, количественный признак не может быть критерием разграничения в рассматриваемом случае, потому что одно и то же количество лиц может образовывать как простую организованную группу, так и преступное сообщество.

Так, например, преступная группа, возглавляемая Д., состояла из 9–10 человек, объединившихся в разное время для вымогательства денег у лиц, торгующих на рынке, и водителей

из службы такси. Верховный Суд Чувашской Республики обоснованно признал отсутствие признаков преступного сообщества (преступной организации).

Суд констатировал, что наличие большого количества участников еще не говорит о наличии всех признаков преступного сообщества (преступной организации) [13].

В соответствии с третьим подходом, встречающимся в доктрине уголовного права, критерием разграничения организованной группы и структурированной организованной группы является цель создания группы.

Например, А.Ф. Истомин считает, что существует два отличительных признака, позволяющих разграничить преступное сообщество и организованную группу: сплоченность и направленность на совершение тяжких или особо тяжких преступлений [14, с. 114].

С данным выводом трудно согласиться, поскольку как организованная группа, так и преступное сообщество в виде структурированной организованной группы могут совершать преступления любой тяжести.

Так, при отмене приговора Алтайского краевого суда в части осуждения Сергеева, Еременко и Дорониной по ч. 1 ст. 210 УК РФ, Ермаковой по ч. 2 ст. 210 УК РФ с прекращением за отсутствием состава преступления Верховный Суд РФ указал, что ссылка суда на тяжесть совершенного преступления по незаконному обороту наркотиков сама по себе не давала оснований для квалификации действий осужденных по ст. 210 УК РФ. Действия осужденных расценены как совершенные группой лиц по предварительному сговору [15, с. 9, 10].

Как справедливо замечает В.С. Комиссаров, говоря о цели как критерии преступного сообще-

ства, на практике правоохранительные органы либо неоправданно сужают понятие организованной группы, т.е. тяжкие или особо тяжкие преступления не рассматривают в качестве составляющей ее деятельности, либо, наоборот, случаи совершения организованной группой тяжких преступлений расценивают как совершенные преступным сообществом [16, с. 115].

Поэтому прав А.Б. Мельниченко, предлагающий исключить из ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ такую цель создания преступного сообщества, как совершение тяжких и особо тяжких преступлений [17, с. 55–56].

На наш взгляд, цель совершения тяжких и особо тяжких преступлений, с одной стороны, не может быть критерием разграничения преступного сообщества в виде структурированной организованной группы и организованной группы, а с другой стороны, значительно уменьшает возможности по применению уголовного закона.

Таким образом, в результате проведенного анализа можно прийти к выводу о том, что имеющиеся в науке уголовного права критерии не позволяют в полной мере разграничить организованную группу от преступного сообщества в виде структурированной организованной группы.

По нашему мнению, при определении понятия преступного сообщества в уголовном законодательстве можно ограничиться указанием на то, что оно представляет собой объединение организованных групп.

Полагаем, что п. 4 ст. 35 УК РФ следует изложить в следующей редакции:

«4. Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено объединением организованных групп с целью занятия преступной деятельностью».

1. Сафонова П.Э. Структурированность организованной группы: понятие и ее установление // *Рос. следователь*. 2013. № 9.

2. *Российское уголовное право. Общая часть* / под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2005.

3. Шеслер А.В. Уголовное законодательство и судебная практика о преступном сообществе // *Акад. вестн.* 2011. № 1.

4. Агапов П.В. Уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной преступности // *Уголовное право*. 2009. № 6.

5. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): постановление Пленума

1. Safonova P.E. Structuredness of the organized group: concept and formation thereof // *Russian investigator*. 2013. № 9.

2. *Russian criminal law. General part* / ed. by V.S. Komissarov. St. Petersburg, 2005.

3. Shesler A.V. Criminal legislation and judicial practice about the criminal community // *Academic bull.* 2011. № 1.

4. Agapov P.V. Criminal legal regulation in the sphere of combating organized crime // *Criminal law*. 2009. № 6.

5. On judicial practice in criminal cases about the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10,

Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Григорьев Д.А., Морозов В.И. К вопросу о содержании признака структурированности преступного сообщества (преступной организации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3.

7. URL: <http://www.synonymizer.ru> (дата обращения: 13.10.2014).

8. Бойцов Л.Н., Гонтарь И.Я. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: иллюзии, реальность и возможная альтернатива // Государство и право. 2000. № 11.

9. Мондохонов А.Н. Ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем: науч.-практ. коммент. М., 2011.

10. Ошеров В. Преступная группа, шайка-банда и сообщество – организация по уголовному праву // Право и жизнь. 1994. Кн. 7–8.

11. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972.

12. Дядькин Д.С. Соучастие в преступлении. М., 2004.

13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сент. 2006 г. № 31-о06-18. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Истомин А.Ф. Общая часть уголовного права: учеб. пособие (альбом схем). М., 1997.

15. Бюл. Верховного Суда РФ. 2001. № 9.

16. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. М., 1997.

17. Мельниченко А.Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

2010 № 12. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

6. Grigoriev D.A., Morozov V.I. To a question about the content of attribute of the structured criminal community (criminal organization) // Jurisprudence and law enforcement practice. 2012. № 3.

7. URL: <http://www.synonymizer.ru> (date of access: 13.10.2014).

8. Boitsov L.N., Gontar I.Ya. Criminal-legal struggle with the organized criminality: illusions, reality and possible alternative // State and law. 2000. № 11.

9. Mondohonov A.N. Responsibility for the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it: sci. and pract. comment. 2001.

10. Osherov V. Criminal group, gang-band and community – organization on criminal law // Law and life. 1994. B. 7–8.

11. Telnov P.F. Responsibility for complicity in the crime: diss. ... Dr of Law. Moscow, 1972.

12. Dyadkin D.S. Complicity in crime. Moscow, 2004.

13. The determination of Judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of Sept. 29, 2006 № 31-006-18. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

14. Istomin A.F. General part of the criminal law: study aid (charts album). Moscow, 1997.

15. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2001. № 9.

16. Komissarov V.S. Terrorism, banditry, hostage taking and other grave crimes against the security of the society under the new Criminal code of the Russian Federation. Moscow, 1997.

17. Melnichenko A.B. Criminal-legal means of ensuring the national security of the Russian Federation: auth. abstr. ... Dr of Law. Rostov-on-Don, 2009.

Науменко Ольга Петровнааспирант кафедры уголовного права
Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации
(e-mail: up.zakon@mail.ru)

К вопросу об объекте незаконных организации и проведения азартных игр

На основе комплексного исследования в статье раскрывается содержание объекта незаконных организации и проведения азартных игр.

Ключевые слова: уголовный закон, азартные игры, уголовная ответственность, незаконная организация азартных игр, незаконное проведение азартных игр.

O.P. Naumenko, Post-graduate of a Chair of Criminal Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: up.zakon@mail.ru

To a question on object of the illegal organization and conduct of gambling

On the basis of complex research in the article reveals the content of object of the illegal organization and conduct of gambling.

Key words: criminal law, gambling, criminal responsibility, illegal gambling business, illegal carrying of gambling.

Если обратиться к современной литературе по уголовному праву, то одной из весьма распространенных позиций является определение объекта преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, как общественных отношений, складывающихся по поводу законной организации и проведения азартных игр. Этого подхода, например, придерживается А.А. Лихолетов, отмечая, что основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, следует признавать общественные отношения, складывающиеся в связи с организацией и проведением юридическими лицами азартных игр на территории Российской Федерации с соблюдением требований законодательства [1, с. 17].

Весьма похожее определение также дает Т.Д. Устинова – общественные отношения, обеспечивающие ведение игорного бизнеса на основании правил, установленных в соответствующих нормативных актах [2, с. 156].

В некоторых источниках эти отношения называются не обеспечивающими, а регулируемыми порядком организации и проведения азартных игр [3, с. 551].

Следует отметить, что подобное определение объекта преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, носит весьма абстрактный характер. Как справедливо отмечает Г.П. Новоселов, понятие объекта преступления нередко увязывается с такими общественными отношениями,

которые либо что-то регулируют, что-то обеспечивают либо где-то складываются... Подобного рода трактовка «непосредственного» объекта преступления породила конструкции, которые хотя формально и не вступают в очевидное противоречие с исходным тезисом, явно имеют «налет» искусственности и схоластики и, самое главное, ничего не дают для практики применения уголовно-правовых норм [4, с. 24–25].

Еще одной распространенной позицией является определение непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, как регламентированного нормативно-правовыми актами Российской Федерации порядка организации и проведения азартных игр [5, с. 125].

Так, А.В. Савинов пишет, что непосредственным объектом этого преступления является установленный государством порядок организации и проведения на территории Российской Федерации азартных игр. Указанный порядок установлен гл. 58 ГК РФ «Проведение игр и пари» и Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [6, с. 103].

Примерно в этом ключе содержание основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, раскрывает О.Ю. Якимов. Согласно его позиции содержа-

нием объекта незаконных организации и проведения азартных игр выступают общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок организации и проведения азартных игр, основанные на принципе запрета заведомо криминальных форм поведения в экономике [7, с. 291].

На наш взгляд, является дискуссионным подход, когда некий абстрактный порядок является объектом того или иного преступления. Получается, что уголовный закон охраняет не систему социально значимых связей и отношений, а нормативный порядок, обеспечивающий или регулирующий эти отношения.

Сам по себе установленный законодательством порядок осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр, включающий соответствующие ограничения и обязательные требования к организаторам азартных игр, есть такой же юридический инструмент регулирования общественных отношений, как и норма об уголовной ответственности за его нарушение. Следовательно, вопрос заключается в определении тех общественных отношений, тех социальных благ и интересов, которые указанный порядок обеспечивает, а норма об уголовной ответственности за его нарушение защищает.

Кроме того, очевидно, что встречающиеся в научной и учебной литературе точки зрения о содержании основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, основаны на интерпретации расположения данной уголовно-правовой нормы в структуре Особенной части УК РФ. Однако сделать вывод о содержании основного непосредственного объекта незаконных организации и проведения азартных игр, сославшись лишь на то, что данное преступление находится в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», значило бы уклониться от разрешения поставленной проблемы.

Необходимо все же оговориться, что в современной литературе по уголовному праву преступление, предусмотренное ст. 171² УК РФ, рассматривается как многообъектное, посягающее одновременно на различные группы общественных отношений.

Так, А.А. Лихолетов в качестве дополнительного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, называет отношения в сфере пополнения бюджета от поступления платежей в связи с прохождением процедуры регистрации юридического лица и получения разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азарт-

ных игр в игорной зоне, а также налогов и иных платежей в связи с легальной деятельностью игорных заведений [1, с. 17–18]. Дополнительным объектом, по его мнению, выступают здоровье населения и общественная нравственность [8, с. 87].

Позиция А.А. Лихолетова о дополнительном объекте в целом соответствует общетеоретическим положениям о классификации объекта по горизонтали с учетом расположения уголовно-правовой нормы в структуре Особенной части УК РФ. Вместе с тем, такое видение системы общественных отношений, которым причиняется вред в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, при всей общетеоретической и формально-юридической правильности, на наш взгляд, не в полной мере соответствует действительному порядку вещей. И здесь нам необходимо обратиться к давно обсуждаемой в науке уголовного права проблеме выделения основного непосредственного объекта в многообъектных преступлениях.

Согласно известной позиции Н.И. Коржанского в многообъектных преступлениях «основным объектом является наиболее ценное с точки зрения общественных интересов социальное благо из всех повреждаемых данным преступлением» [9, с. 81].

Принципиально иной подход заключается в том, что основной объект преступления лишь «...в большей степени определяет социальную направленность данного преступления, структуру соответствующего состава и его место в системе Особенной части УК» [10, с. 111]. Таким образом, проблема основного объекта многообъектного преступления прямо не привязывается к проблеме ценности общественных отношений и охраняемых благ.

Следует признать, что такой подход к определению основного объекта преступного посягательства является, пожалуй, более правильным. При этом он не является новым для российского уголовного права – в советской уголовно-правовой науке неоднократно высказывалась точка зрения о том, что основной и дополнительный объекты преступления не соотносятся как более ценное и менее ценное правоохраняемое благо, а лишь как определяющее направленность противоправного посягательства [11, с. 6–7].

Таким образом, задача определения непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, сводится к выявлению тех общественных отношений, которые в большей степени «раскрывают суть описанного в диспозиции общественно опасного деяния». Однако здесь мы сталкиваемся с главной проблемой.

Она заключается в том, что законодатель объединил в одной диспозиции деяния, которые не только различны по своей сущности, но и направлены на защиту разных с иерархической точки зрения групп общественных отношений: 1) организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи, в том числе подвижной связи; 2) организацию и (или) проведение азартных игр без полученного в установленном порядке разрешения в игорной зоне.

Такое положение обусловлено двойственным значением положений Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ, которые, с одной стороны, запрещают ведение такой деятельности на подавляющей части страны, а с другой – устанавливают определенные требования к порядку осуществления данного вида экономической деятельности на тех территориях, на которых она разрешена.

Ограничения осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр, главным образом, выразились в запрете осуществления такой деятельности вне игорных зон с использованием игрового оборудования, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи, в том числе подвижной связи. Очевидно, что эти ограничения имели и имеют своей целью принципиальное снижение количества игорных заведений на территории Российской Федерации, а также установление над их деятельностью надлежащего контроля.

Необходимость такого снижения путем перевода игорного бизнеса в специально созданные игорные зоны была обусловлена отнюдь не соображениями обеспечения нормального развития экономики (хотя и таковые нельзя исключать полностью), а в целях ограждения населения от негативных последствий игорной индустрии. К моменту проведения реформы такие последствия стали повседневным явлением российского общества – завсегда и игроки лишались своего имущества, теряли постоянную трудовую занятость, распадались семьи, совершались акты суицида.

Еще в 2006 г., оценивая ситуацию с игорным бизнесом, Президент РФ В.В. Путин отметил: «Зависимость от азартных игр... может быть не меньшей, чем от алкоголя или наркотиков. Мы должны подумать о том, чтобы оградить наших граждан от того, что сейчас происходит в сфере игорного бизнеса» [12]. Следует учитывать, что

на момент принятия Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ патологическое влечение к азартным играм уже на протяжении почти тридцати лет было включено в Международную классификацию болезней (с 1978 г.).

Исследования в области медицины указывают, что зависимость от азартных игр является такой же зависимостью со всеми клиническими признаками, как зависимость от алкоголя или наркотиков, и имеет ряд характерных психопатологических проявлений: патологическое влечение, рост толерантности, абстинентный синдром, клиническую динамику, изменения личности. Отмечается сходство между зависимостью от азартных игр и расстройством психики вследствие злоупотребления психоактивных веществ: толерантность, абстинентный синдром, потеря контроля [13, с. 189–190].

Таким образом, реализованные в Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ ограничения по осуществлению деятельности по организации и проведению азартных игр основывались на теоретически обоснованных и практически подтвержденных данных об опасности азартных игр для здоровья населения.

С учетом изложенного, на наш взгляд, организация и проведение азартных игр вне пределов игорных зон с использованием игрового оборудования, а равно информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», средств связи, в том числе подвижной связи, являются формой оказания услуг, причиняющих вред либо создающих угрозу причинения вреда общественным отношениям в сфере обеспечения безопасности психического благополучия (здоровья) населения.

Р.А. Севостьянов и Е.В. Просвирин, указывая на несовершенство ст. 171² УК РФ, также отмечают, что законодателем некорректно определен объект уголовно-правовой охраны, и предлагают переместить указанную статью в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» [14, с. 149].

А.А. Лихолетов, не соглашаясь с таким подходом, пишет: «Данное предложение... спорно в связи с тем, что законодателем, в первую очередь, под охрану поставлен именно установленный порядок осуществления действий по организации и проведению азартных игр, которые относятся к легальной (с определенными ограничениями) форме предпринимательской деятельности» [8, с. 85].

В данной дискуссии ссылка А.А. Лихолетова на позицию законодателя не может выступать веским контраргументом позиции Р.А. Севостьянова и Е.В. Просвирина. Ведь указанные

авторы оспаривают не просто расположение ст. 171² УК РФ, они, прежде всего, указывают на неправильность определения законодателем тех общественных отношений, которые составляют содержание основного непосредственного объекта незаконных организации и проведения азартных игр. Вывод Р.А. Севостьянова и Е.В. Просвирина о необходимости переноса соответствующей статьи в гл. 25 УК РФ выступает лишь логическим следствием переосмысления объекта преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ.

Аргумент А.А. Лихолетова, что организация и проведение азартных игр являются разрешенным видом экономической деятельности и поэтому соответствующий уголовно-правовой запрет должен быть определен именно в гл. 22 УК РФ, также вызывает сомнения. Прежде всего, разрешенным видом экономической деятельности она является исключительно в игорных зонах (за исключением букмекерских контор и тотализаторов). Кроме того, та же ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» объединяет в обобщенном виде практически все возможные формы занятия экономической деятельностью.

Утверждение о том, что незаконные организация и проведение азартных игр вне игорных зон посягают именно на систему общественных отношений, обеспечивающих осуществление нормальной экономической деятельности по оказанию и потреблению соответствующих услуг, чревато тем, что защита здоровья населения от негативного влияния игорной индустрии воспринимается как своего рода второстепенная задача. В таком случае конфликт между нарушителем законодательства об азартных играх и государством приобретает подчеркнuto экономический характер, главным следствием которого является необходимость принудить субъекта экономической деятельности, прежде всего, к своевременной и полной уплате соответствующих налогов, а также недопустимость дальнейшего использования способов ведения бизнеса, связанного с нарушением законодательства об азартных играх, которые на рынке предоставляют ему необоснованные преимущества перед другими хозяйствующими субъектами, и т.д.

Неправильность определения действительного содержания непосредственного объекта незаконных организации и проведения азартных игр вне пределов игорных зон, а равно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»,

средств связи, в том числе подвижной связи, не может не иметь отрицательного влияния на эффективность правоприменительной практики.

Как известно, особенностью преступлений в сфере экономической деятельности является то, что именно от количественного значения причиненного ущерба либо полученного дохода зависит переход экономического правонарушения в преступление. Понимание незаконных организации и проведения азартных игр как экономического преступления в целом привело к тому, что критерием отграничения преступного игорного бизнеса и непроступного является размер полученного дохода – крупный размер, составляющий свыше 1,5 млн рублей.

Вместе с тем, очевидно, что применение уголовно-правовых норм, обеспечивающих безопасность психического здоровья населения от негативного влияния азартных игр, не должно становиться в зависимость от экономической успешности деятельности организаторов подпольных казино, залов игровых автоматов или интернет-казино.

Совсем иная ситуация складывается с определением основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, совершаемого в форме организации и проведения азартных игр без полученного в установленном порядке разрешения в игорной зоне. Содержанием (сутью) подобного рода деяний является занятие в целом разрешенной экономической деятельностью, но без соблюдения надлежащей процедуры получения разрешения, что позволяет таким лицам уклоняться от государственного контроля, в том числе налогового, предоставляет им необоснованные преимущества перед другими хозяйствующими субъектами.

Как справедливо отмечается в теории уголовного права, в таких случаях организаторы незаконного игорного бизнеса, с одной стороны, не платят установленные законом налоги и сборы, не несут издержек, связанных с необходимостью соблюдения трудовых, санитарных, противопожарных и иных норм, а с другой – не несут бремени сдачи различной отчетности [15, с. 123].

В этой форме преступление, предусмотренное ст. 171² УК РФ, имеет подчеркнuto экономический характер. И в данной связи непосредственным объектом незаконных организации и проведения азартных игр без полученного в установленном порядке разрешения в игорной зоне, на наш взгляд, выступают общественные отношения, содержанием которых является поддержание стабильного положения государственной финансовой системы за счет налогообложения и иных фискальных мероприятий.

Таким образом, представленная дуалистическая характеристика основного непосредственного объекта незаконных организации и проведения азартных игр объясняется несовершенством диспозиции ст. 171² УК РФ. Установление ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр вне пределов игорных зон, наряду с осуществлением подобного рода

действий без полученного в установленном порядке разрешения в игорной зоне, в рамках одного состава преступления, на наш взгляд, является законодательной неточностью. Именно она и не позволяет дать единой (цельной) характеристики основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ.

1. Лихолетов А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному игорному бизнесу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

2. Уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Чучаева. М., 2012.

3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 8-е изд., перераб и доп. М., 2014.

4. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. М., 2001.

5. Квалификация преступлений в сфере экономики: курс лекций / под общ. ред. В.И. Гладких. М., 2014.

6. Савинов А.В. Экономические преступления: учеб. пособие. М., 2013.

7. Энциклопедия уголовного права. Т. 19: Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2012.

8. Лихолетов А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному игорному бизнесу: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

9. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.

10. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2008.

11. Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975.

12. Большое интервью. Ответы Президента Российской Федерации В.В. Путина на вопросы журналистов. URL: <http://lenta.ru/articles/2006/01/31/putin/> (дата обращения: 15.04.2014).

13. Бuzик О.Ж. Зависимость от азартных игр: клинические проявления, особенности течения и лечения: дис. ... д-ра мед. наук. М., 2008.

14. Севостьянов Р.А., Просвирин Е.В. Проблемы уголовно-правового регулирования организации и ведения незаконного игорного бизнеса. М., 2013.

15. Лозинский И.В. Проблемы модернизации гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 356.

1. Likholetov A.A. *Criminally-legal and criminological problems of counteraction to illegal gambling business: auth. abstr. ... Master of Law.* Saratov, 2013.

2. *Criminal law. The Special part / ed. by A.I. Chuchaev.* Moscow, 2012.

3. *Russian criminal law. General and Special Parts: textbook / ed. by A.I. Rarog.* 8th ed., rev. and add. Moscow, 2014.

4. *Novoselov G.P. Doctrine about the object of the crime.* Moscow, 2001.

5. *Qualification of economic crime: course of lectures / ed. by V.I. Gladkih.* Moscow, 2014.

6. *Savinov A.V. Economic crime: study aid.* Moscow, 2013.

7. *Encyclopedia of criminal law. Vol. 19: Crimes in the sphere of economic activity.* St. Petersburg, 2012.

8. Likholetov A.A. *Criminally-legal and criminological problems of counteraction to illegal gambling business: diss. ... Master of Law.* Saratov, 2013.

9. *Korzhansky N.I. Object and the subject of criminal law protection.* Moscow, 1980.

10. *Russian criminal law: in 2 pt. Pt. 1: General part / ed. by A.I. Rarog.* Moscow, 2008.

11. *Pinaev A.A. Criminal legal fight against theft.* Kharkov, 1975.

12. *Great interview. Answers by President of the Russian Federation Vladimir Putin journalists' questions.* URL: <http://lenta.ru/articles/2006/01/31/putin/> (date of access: 15.04.2014).

13. *Buzik O.Zh. Gambling addiction: clinical manifestations, and treatment characteristics of the course: diss. ... Dr of Medical Sciences.* Moscow, 2008.

14. *Sevostyanov R.A., Prosvirin E.V. Problems of legal regulation of the organization and conduct of illegal gambling.* Moscow, 2013.

15. *Lozinsky I.V. Problems of modernization of chapter 22 of the Criminal code of the Russian Federation // Bull. of Tomsk State University.* 2012. № 356.

Петухов Евгений Владимирович
адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612584050)

Разграничение незаконного образования юридического лица (статья 173¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) с иными преступлениями, связанными с созданием организаций

В статье излагаются результаты сопоставительного анализа признаков состава преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица», и общественно опасных деяний, выражающихся в создании незаконных организаций (ст. 239, 205⁵, 282² УК РФ), а также в фальсификации единого государственного реестра юридических лиц (ст. 170¹ УК РФ).

Ключевые слова: преступление, ответственность, предпринимательство, юридическое лицо, лжепредпринимательство.

E.V. Petukhov, Adjunct of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050.

The distinction between illegal legal entity (article 173¹ of the Criminal code of the Russian Federation) and other crimes, associated with the creation of organizations

The article presents the results of the comparative analysis of the characteristics of the crime under art. 173¹ of the Criminal code of the Russian Federation «Illegal formation (creation, reorganization) of the legal entity» and socially dangerous acts, expressed in the creation of illegal organizations (art. 239, 205⁵, 282² of the Criminal code of the Russian Federation), as well as the falsification of the unified state register of legal persons (art. 170¹ of the Criminal code of the Russian Federation).

Key words: crime, responsibility, entrepreneurship, legal entity, pseudo-business.

Проблема противодействия фирмам-«однодневкам» уже на протяжении многих лет продолжает оставаться одной из наиболее острых. Ранее существовавшая норма об ответственности за лжепредпринимательство (ст. 173 УК РФ) была исключена из российского уголовного законодательства, главным образом, ввиду ее недостаточной эффективности. На смену уголовно-правового запрета лжепредпринимательства пришло предписание об ответственности за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица (ст. 173¹ УК РФ). Вместе с тем, данная новелла уголовного закона порождает ряд вопросов правоприменительного плана, среди которых разграничение этого общественно опасного деяния с другими преступлениями.

Уголовно-правовой нормой, предусмотренной ст. 173¹ УК РФ, устанавливается ответственность за образование (создание, реорганизацию)

юридического лица через подставных лиц. При этом в данном предписании уголовного закона отсутствуют какие-либо указания относительно характера создаваемой организации. И, прежде всего, в диспозиции ч. 1 ст. 173¹ УК РФ не отмечается даже форма организации – коммерческая или некоммерческая.

В этой связи уместно отметить, что действующим российским уголовным законодательством незаконное создание организации, помимо ст. 173¹ УК РФ, запрещается также ст. 239, 205⁵, 282² УК РФ. Так, в силу ст. 239 УК РФ уголовную ответственность влечет создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан; ст. 205⁵ УК РФ – организация деятельности террористической организации; ст. 282² УК РФ – организация деятельности экстремистской организации [1, с. 3].

Указанная ситуация закономерно порождает вопрос о разграничении обозначенных престу-

плений. В случаях образования (создания, реорганизации) через подставных лиц коммерческой организации решение о применении ст. 173¹ УК РФ вряд ли вызовет сомнения при наличии всех обязательных признаков состава данного преступления. Однако квалификационные сложности могут возникнуть, когда через подставных лиц создается некоммерческая организация, посягающая на личность и права граждан, либо террористическая или экстремистская организация.

Правоприменителю в такой ситуации необходимо определить, подлежит ли содеянное квалификации по совокупности соответствующих уголовно-правовых норм либо должен быть отдан приоритет одной из них. Итак, обратимся к аспекту разграничения составов незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица и создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан.

Стоит отметить, что с позиции объективной стороны состава преступления изучаемые общественно опасные деяния могут подпадать под признаки и одного, и другого преступления. Так, преступления, закрепленные ст. 239, 205⁵, 282² УК РФ, могут выражаться в образовании (создании, реорганизации) юридического лица через подставных лиц. Например, в силу разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 282² УК РФ), следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации) [2]. Как видно, ничто не препятствует наличию в подобных ситуациях подставных лиц, используемых для незаконной реорганизации соответствующего юридического лица.

Применительно к объективной стороне состава создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, она имеет еще больше общих черт с объективной стороной состава преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ. Деяния, поставленные под запрет в ст. 239 УК РФ, могут состоять в

создании через подставных лиц религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, либо в создании через подставных лиц некоммерческой организации (включая некоммерческую организацию, выполняющую функции иностранного агента), а равно структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний.

Описанные ситуации демонстрируют, что в анализируемом ракурсе объективные стороны преступлений, регламентированных ст. 239, 205⁵, 282² УК РФ, могут выражаться практически в тех же действиях, которые указаны в ст. 173¹ УК РФ, с дополнением ряда специальных признаков. Как отмечает В.Н. Кудрявцевым, в подобных случаях представляется возможным говорить о частичной или неполной конкуренции уголовно-правовых норм [3, с. 225]. Следовательно, по признакам объективной стороны уголовно-правовые предписания, закрепленные ст. 239, 205⁵, 282² УК РФ, обладают свойствами специальных норм.

Сопоставительный анализ субъективных признаков изучаемых составов преступлений показывает, что как субъект, так и субъективная сторона этих деяний не обладает отличающимися признаками.

Далее рассмотрим характеристики объектов сравниваемых составов преступлений. В юридической литературе отмечается, что непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, образует «установленный порядок создания и деятельности религиозных и общественных объединений, обеспечивающий безопасность здоровья населения и поддержание общественной нравственности, а также моральные отношения в обществе, способствующие исполнению гражданского долга и законопослушному поведению граждан» [4, с. 56]. В составе преступления, установленном ст. 205⁵ УК РФ, непосредственный объект составляют «общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением установленного законом запрета деятельности террористических организаций» [1, с. 18]. В свою очередь, организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ) нарушает «общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением установленного законом запрета деятельности экстремистских организаций» [1, с. 17].

В ходе проведенного нами исследования определено, что непосредственный объект состава преступления, регламентированного ст. 173¹ УК РФ, составляют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением установленного законом порядка образования юридических лиц.

Как видно, непосредственные объекты преступлений, предусмотренных ст. 239, 205⁵, 282² УК РФ, пересекаются лишь частично с данным элементом состава преступления, закрепленного ст. 173¹ УК РФ. Совпадение заключается в том, что исследуемые преступления связаны с фактом создания определенной организации. Различия обуславливаются, прежде всего, тем, что, исходя из текста диспозиции ч. 1 ст. 173¹ УК РФ, данная норма уголовного закона ориентирована на противодействие нарушению порядка создания юридического лица путем использования подставных лиц. Однако сама организация формально является законной в противовес, например, организации, посягающей на личность и права граждан. Преступления, установленные ст. 239, 205⁵, 282² УК РФ, не подразумевают обязательного нарушения именно порядка создания юридического лица, обязательным для них является факт образования незаконной по содержанию деятельности организации.

Кроме того, в объектах составов преступлений, предусмотренных ст. 239, 205⁵, 282² УК РФ, общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением установленного порядка образования юридических лиц, фактически детализированы за счет ссылки на безопасность здоровья населения и поддержание общественной нравственности и, соответственно, на запрет деятельности экстремистских и террористических организаций.

Вместе с тем, очевидное различие обнаруживается и в контексте толкования непосредственного объекта состава незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица через призму родового и видового объектов. Исходя из размещения ст. 173¹ УК РФ в структуре действующего российского законодательства, представляется возможным сделать вывод, что непосредственный объект этого преступления должен находиться в плоскости отношений в сфере экономики (разд. VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики») и, соответственно, экономической деятельности (гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности»).

Имеются основания полагать, что нарушение порядка создания и деятельности религиозных и общественных объединений, т.е. непосред-

ственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, не посягает на отношения в сфере экономики и, в частности, экономической деятельности. То же самое касается и преступлений в виде организации деятельности террористической и экстремистской организаций, непосредственно не связанных с экономическими процессами.

Однако проблема заключается в том, что в тексте диспозиции ч. 1 ст. 173¹ УК РФ отсутствует прямое указание на экономическую деятельность. А в уголовно-правовой науке, тем не менее, состав незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица трактуется как деяние, посягающее именно на экономическую деятельность [5, с. 51–52]. И если, например, такое «родственное» преступление, как незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173² УК РФ), в тексте уголовного закона описывается со ссылкой на специальную цель преступления в виде совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом, то в ст. 173¹ УК РФ подобного типа оговорки отсутствуют.

Вполне очевидно, что вопрос о разграничении уголовно-правовых норм, регламентированных ст. 173¹ и ст. 239, 205⁵, 282² УК РФ, не возникал бы при условии наличия в диспозиции ст. 173¹ УК РФ ссылки на подобные цели или, как минимум, указания на коммерческую организацию. В действующем же варианте уголовного предписания о запрете незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, на наш взгляд, необходимо руководствоваться буквальным толкованием, результатом которого выступает вывод о возможности применения ст. 173¹ УК РФ в случаях незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица любой формы, включая некоммерческую организацию.

Таким образом, разграничение преступлений, предусмотренных ст. 173¹ и ст. 239, 205⁵, 282² УК РФ, следует проводить по признакам их объектов.

Анализ отечественного уголовного законодательства показывает, что квалификация содеянного по ст. 173¹ УК РФ может порождать и вопросы разграничения данного преступления с фальсификацией единого государственного реестра юридических лиц (ст. 170¹ УК РФ). Дело в том, что одной из форм выражения деяния в составе преступления, предусмотренном ст. 170¹ УК РФ, является представление в

орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц недостоверных сведений об учредителях (участниках) юридического лица.

Объективная сторона состава преступления, закрепленного ст. 173¹ УК РФ, состоит в образовании (создании, реорганизации) юридического лица через подставных лиц, под которыми понимаются лица, являющиеся учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица, путем введения в заблуждение которых было образовано (создано, реорганизовано) юридическое лицо. В этой связи очевидно, что такое преступление обладает рядом схожих признаков с преступлением, регламентированным ст. 170¹ УК РФ. Юридическая процедура образования юридического лица подразумевает представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, соответствующих документов.

Имеются основания утверждать, что вопрос о разграничении указанных преступлений не будет возникать только в случае, когда в уполномоченный регистрирующий орган представляются сведения о несуществующих учредителях. Например, в ситуации, когда в качестве учредителя заявлено несуществующее лицо, а в регистрирующий орган представляются поддельные документы.

Вместе с тем, использование для создания юридического лица подставных лиц, т.е. лиц, существующих, но не осознающих факт их использования в качестве учредителей (участников) юридического лица или органов управления юридического лица ввиду обмана, неизбежно предполагает представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц недостоверных сведений об учредителях (участниках) юридического лица.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем»

указывается, что под представлением в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, следует понимать представление документов, содержащих такую заведомо ложную либо искаженную информацию, которая повлекла за собой необоснованную регистрацию субъекта предпринимательской деятельности [6, п. 3].

Следовательно, в части признаков объективной стороны преступления, предусмотренные ст. 170¹ и 173¹ УК РФ, могут полностью совпадать. Отсутствуют разграничительные аспекты и с позиции субъективных признаков данных составов преступлений.

Что же касается объекта состава фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, то в теории уголовного права он определяется как «общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением достоверности сведений единого государственного реестра юридических лиц» [7, с. 74].

Сравнение данных общественных отношений с общественными отношениями, складывающимися в связи с обеспечением установленного законом порядка образования юридических лиц, образующими непосредственный объект состава преступления, регламентированного ст. 173¹ УК РФ, показывает, что они также по существу совпадают.

В этих условиях представляется возможным утверждать, что в анализируемой ситуации имеет место коллизия уголовно-правовых норм, поскольку фактически они устанавливают ответственность за одно и то же деяние. И единственно верным решением в таком случае является квалификация по менее строгой норме [8, с. 134].

Таким образом, в случае образования юридического лица через подставных лиц путем представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц недостоверных сведений об учредителях (участниках) юридического лица содеянное, при наличии иных необходимых признаков, подлежит квалификации по ч. 1 ст. 170¹ УК РФ.

1. Воробьев В.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере функционирования некоммерческих организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

4. Шаратов Р.Д. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: науч.-практ. пособие. Тюмень, 2002.

5. Урда М.Н. Уголовно-правовая характеристика незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173' УК РФ) // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. 2014. № 4(55).

6. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 нояб. 2004 г. № 23 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

7. Горлов А.С. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере ведения единых государственных реестров: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

8. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М., 2007.

1. Vorobyev V.V. Criminal and legal counteraction to crimes in the sphere of functioning of non-profit organizations: auth. abstr. ... Master of Law. Krasnodar, 2014.

2. About jurisprudence on criminal cases about crimes of an extremist orientation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 № 11 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 8.

3. Kudryavtsev V.N. General theory of qualification of crimes. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2006.

4. Sharapov R.D. Crimes against health of the population and public moral: sci. and pract. manual. Tyumen, 2002.

5. Urda M.N. Criminal and legal characteristic of illegal education (creation, reorganization) of legal entity (art. 173' of the Criminal code of Russian Federation) // News of South-west state university. 2014. № 4(55).

6. About jurisprudence on cases of illegal business and legalization (laundering) of the money or other property acquired by criminal means: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Nov. 18, 2004 № 23 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. № 1.

7. Gorlov A.S. Criminal legal protection of the relations in the sphere of maintaining unified state registers: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2013.

8. Kuznetsova N.F. Problems of qualification of crimes: lectures on a special course «A basis of qualification of crimes» / sci. ed. and forew. by V.N. Kudryavtsev. Moscow, 2007.

Торозова Елена Анатольевна
адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79184089281)

Субъект преступлений в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: проблемы уголовно-правовой регламентации и систематизации

В статье анализируется справедливость уголовно-правовой регламентации четырнадцатилетнего возраста субъекта хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; формулируются предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, хищение или вымогательство оружия, проблемы систематизации уголовного законодательства, проблемы уголовно-правового регулирования, возраст уголовной ответственности, субъект преступления.

E.A. Torozova, Adjunct of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184089281.

The crime committer in the sphere of illicit trafficking in firearms, ammunition, explosives substances and explosive devices: problems of the criminal law regulating and systematization

The article analyzes the validity of the criminal law regulating the age of fourteen subject of embezzlement or extortion of weapons, ammunition, explosives substances and explosive devices; makes proposals to improve existing of criminal legislation and practice.

Key words: illicit trafficking in firearms, ammunition, explosives substances and explosive devices, theft or extortion of weapons, problems of systematization of criminal legislation, problems of criminal law regulation, age of criminal responsibility, crime committer.

Одной из проблем уголовно-правового регулирования ответственности за незаконный оборот оружия, его основных частей, взрывчатых веществ и взрывных устройств (далее – оружие), с нашей точки зрения, является законодательная регламентация минимального возраста лица, подлежащего уголовной ответственности за совершение некоторых из рассматриваемых преступлений.

Лицо, достигшее ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежит уголовной ответственности за ряд преступлений, исчерпывающий перечень которых изложен в ч. 2 ст. 20 УК РФ. В остальных случаях, если иное не предусмотрено диспозицией статьи Особенной части УК РФ, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту

совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Кроме того, положения ч. 3 ст. 20 УК РФ определяют известные исключения из обозначенных правил.

Перечень преступлений, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста, включает один из составов преступлений, входящий в предмет нашего исследования, – хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Необходимо также отметить, что в данном перечне отсутствует указание на иные виды незаконного оборота оружия, в частности на незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия (ст. 222 УК РФ), незаконное изготовление оружия (ст. 223 УК РФ), небрежное хранение оружия

(ст. 224 УК РФ), ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия (ст. 225), контрабанда оружия (ст. 226¹ УК РФ) (далее – незаконный оборот оружия). Следовательно, можно сделать вывод, что за данное преступление уголовной ответственности подлежат только лица, которые ко времени его совершения достигли шестнадцатилетнего возраста.

Возникает вопрос: какими критериями руководствовался законодатель, определяя перечень преступлений, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста?

Исчерпывающий перечень преступлений, обозначенных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста, включает в себя преступления всех категорий (от небольшой тяжести до особо тяжких). Так, например, с четырнадцатилетнего возраста лицо подлежит ответственности за вандализм (преступление небольшой тяжести), любой вид кражи (в зависимости от квалифицирующих признаков может быть и небольшой тяжести – ч. 1 ст. 158 УК РФ, и средней тяжести – ч. 2 ст. 158 УК РФ, и тяжким преступлением – ч. 3, 4 ст. 158 УК РФ). Кроме того, такие лица подлежат ответственности за многие особо тяжкие преступления (к примеру, за убийство). Вместе с тем, лица, достигшие четырнадцати, но не достигшие шестнадцатилетнего возраста, не подлежат уголовной ответственности за подавляющее большинство остальных, не включенных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, но обозначенных в Особой части УК деяний, среди которых также присутствуют преступления всех категорий. В соответствии с вышеизложенным считаем, что ошибочно было бы утверждать, что с четырнадцатилетнего возраста наступает ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления.

С нашей точки зрения, критерием включения в перечень преступлений в ч. 2 ст. 20 УК РФ является способность вменяемого, достигшего четырнадцатилетнего возраста человека в полной мере осознавать их общественную опасность и противоправный характер. Дополнительной аргументацией данному выводу, на наш взгляд, могут служить положения ч. 3 ст. 20 УК РФ, регламентирующие запрет привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, которые хотя и достигли обозначенного минимального возраста, но не способны в полной мере осознавать общественную опасность и противоправный характер совершаемых действий (бездействия) в силу отставания в психическом развитии, не связанного с психическим заболеванием.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, а также основываясь на регламентируемом УК РФ принципе вины, можно сделать вывод, что лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности только за деяния, общественную опасность и противоправный характер которых они способны осознавать. Включение в текст УК РФ исчерпывающего перечня таких деяний представляет собой презюмирование способности вменяемого четырнадцатилетнего человека в полной мере осознавать общественную опасность и противоправный характер таких преступлений.

Подобный подход к формированию содержания рассматриваемого перечня в процессе законодательской деятельности представляется нам вполне логичным, соответствующим принципам законности, вины и справедливости.

Вместе с тем, следуя данной логике и анализируя законодательную регламентацию возраста лица, подлежащего уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, в частности за его хищение или вымогательство, можно прийти к выводу о том, что в процессе формирования перечня преступлений, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста, законодатель допустил достаточно серьезную ошибку, влекущую, по сути, допустимость объективного вменения или, иными словами, ответственности без вины.

Так, в соответствии с положениями ст. 20 УК РФ лицо, достигшее четырнадцати, но не достигшее шестнадцатилетнего возраста, подлежит уголовной ответственности за предусмотренные ст. 226 УК РФ хищение или вымогательство оружия, но не подлежит уголовной ответственности за иные незаконные действия, составляющие незаконный оборот оружия.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что, не включив в перечень преступлений, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста, ни одну статью о незаконном обороте оружия, за исключением ст. 226 УК РФ о хищении или вымогательстве оружия, законодатель признал неспособность таких лиц осознавать в полной мере общественную опасность и противоправный характер незаконных приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, ношения, изготовления, небрежного хранения и охраны, а также контрабанды оружия.

Данный вывод (с нашей точки зрения, в достаточной степени обоснованный) неизбежно приводит к вопросу о справедливости законодательной регламентации четырнадцатилетия как

минимального возраста субъекта предусмотренных ст. 226 УК РФ хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Регламентируя признаки единичного сложного (составного) преступления, состав хищения либо вымогательства оружия (ст. 226 УК РФ) предусматривает посягательство на два объекта уголовно-правовой охраны: общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок обращения оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (как основной непосредственный объект), и общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность права собственности (как дополнительный непосредственный объект посягательства).

При этом простая умышленная форма вины рассматриваемого преступления подразумевает способность субъекта осознавать общественную опасность и противоправный характер совершаемого деяния.

Являясь единичным сложным составным преступлением, хищение (или вымогательство) оружия представляет собой своего рода «совокупность» собственно хищения (или вымогательства) и незаконного оборота оружия. При этом, исходя из содержания статей УК РФ об ответственности за хищения и вымогательство, а также с учетом положений ч. 2 ст. 20 УК РФ, можно сделать вывод, что уже в четырнадцатилетнем возрасте подросток может нести уголовную ответственность за хищения, предусмотренные ст. 158, 161, 162 УК РФ, и вымогательство (ст. 163 УК РФ).

Вместе с тем, исходя из содержания ст. 222–225, 226¹ УК РФ и ст. 20 УК РФ, уголовной ответственности за незаконный оборот оружия подлежат лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, следовательно, законодатель констатирует неспособность несовершеннолетних в более раннем возрасте осознавать общественную опасность незаконного оборота оружия.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что, похищая или вымогая оружие, несовершеннолетний, достигший четырнадцати-, но не шестнадцатилетнего возраста, способен осознавать общественную опасность и противоправный характер хищения или вымогательства, но не способен осознавать общественной опасности и противоправного характера незаконного оборота оружия.

Таким образом, похищая или вымогая оружие, несовершеннолетний, достигший четырнадцати-, но не шестнадцатилетнего возраста, сознавая, что причиняет вред праву собствен-

ности, не осознает и не может осознавать, что причиняет вред установленному порядку оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств как объекту уголовно-правовой охраны. Обозначенной неспособностью характеризуется невиновность причинения вреда названному объекту и, как следствие, невиновность в преступлении, предусмотренном рассматриваемой нормой.

Исходя из принципов вины и справедливости, привлечение несовершеннолетнего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, к уголовной ответственности по ст. 226 УК РФ за хищение либо вымогательство оружия представляется не вполне обоснованным, характеризующим, по сути, объективное вменение, ответственность без вины, буквально запрещенные положениями ч. 2 ст. 5 УК РФ.

В дополнение к сказанному считаем необходимым отметить, что теории уголовного права известно пять форм хищения: кража, мошенничество, присвоение и растрата, грабеж, а также разбой. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ только за три из перечисленных преступления уголовная ответственность наступает с четырнадцатилетнего возраста: за кражу, за грабеж и за разбой. Совершение мошенничества, а также присвоения и растраты в четырнадцати- или пятнадцатилетнем возрасте по общему правилу не является уголовно наказуемым деянием. Вместе с тем, диспозиция ст. 226 УК РФ не выделяет каких-либо форм хищения оружия, что свидетельствует о том, что мошенническое завладение оружием или его присвоение и растрата влекут ответственность, даже будучи совершенными лицом в четырнадцатилетнем возрасте.

Такой подход к регламентации преступности рассматриваемого деяния, на наш взгляд, не вполне оправдан. Мошенническое завладение или присвоение и растрата оружия, как единичные сложные составные преступления, предусматривают уголовную ответственность с четырнадцатилетнего возраста, в то время как ни простое мошенничество, ни простые присвоение или растрата, ни незаконный оборот оружия, т.е. единичные простые преступления, из которых, по сути, состоит хищение оружия, не предусматривают ответственность в таком раннем возрасте.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем исключить из ч. 2 ст. 20 УК РФ слова «хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (статья 226)».

При этом, безусловно, мы не призываем к полному освобождению от уголовной ответст-

венности лиц, совершивших в четырнадцатилетнем возрасте хищение или вымогательство оружия. Мы считаем, что они (при наличии к тому оснований) в соответствии с положениями ч. 2 ст. 20 и ст. 158, 161, 162, 163 УК РФ должны нести ответственность за причинение вреда праву собственности, т.е. за кражу, грабеж, разбой или вымогательство.

Соответствующие разъяснения, на наш взгляд, следует внести в содержание постанов-

ления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

Предлагаемые нами совершенствования положений УК РФ и практики их применения будут способствовать реализации принципов законности, вины и справедливости в процессе уголовного судопроизводства.

Хисамова Зарина Илдузовнанаучный сотрудник научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: alise89@inbox.ru)

Понятие и сущность преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики

В статье приведен анализ взаимосвязи понятий «национальная безопасность» и «информационная безопасность», обосновывается необходимость выделения из преступности в сфере информационной безопасности преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики, сформулировано определение понятия «преступления, посягающие на информационную безопасность в сфере экономики», приведена классификация преступлений по объекту охраняемых законом правоотношений.

Ключевые слова: уголовное право, национальная безопасность, экономическая информационная безопасность, преступления, посягающие на информационную безопасность в сфере экономики, ответственность, электронные средства платежа, информационная безопасность, компьютерные преступления.

Z.I. Khisamova, Research Fellow of Research Department of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: alise89@inbox.ru

The concept and essence of the crimes encroaching on information security in the economic sphere

The article is devoted to the relationship of concepts «national security» and «information security», highlighted the necessity of allocation of crimes, which encroach on information security in economic sphere, formulated a definition of «crimes encroaching on information security in the economic sphere» term, grounded the classification of crimes on the object protected by law relationships.

Key words: criminal law, national security, economic information security, crimes encroaching on information security in economic sphere, liability, electronic means of payment, information security, computer crime.

В настоящее время очевидно, что общество может считать себя относительно защищенным с информационной точки зрения тогда, когда социальные субъекты (отдельные граждане, социальные группы, политические, экономические, культурные и иные организации, государственные органы) надежно обеспечены полной, достоверной, оперативно поступающей информацией, дающей каждому из субъектов возможность всесторонне и максимально объективно, в соответствии со своими интересами, потребностями, положением в обществе и т.д., ориентироваться в действительности и принимать решения, адекватные ситуации в конкретной сфере. Наряду с этим информационная безопасность предполагает защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства непосредственно в информационной сфере.

Информационная безопасность определяется и тем, насколько каждый гражданин или общественная группа в соответствии со своей позицией

и интересами имеет возможность через средства массовой информации свободно искать, получать и распространять информацию.

Современные исследования, посвященные изучению теоретико-правовых вопросов обеспечения информационной безопасности, в недостаточной мере раскрывают элементы рассматриваемого понятия. Так, В.Н. Лопатин [1] полагает, что «понятие информации является многозначным и целесообразно отражение в понятии информации как внутренней, так и внешней ее составляющих с учетом всех основных признаков и характеристик». Ю.А. Каптюг [2], с точки зрения философского понимания термина «информационная безопасность», определяет его как «состояние защищенности, в котором субъект не опасается за себя и хранящуюся у него информацию».

Ни для кого не секрет, что национальная безопасность государства сегодня напрямую связана с информационным суверенитетом личности, общества, государства и с увеличе-

нием темпов развития технического прогресса, эта зависимость будет продолжать возрастать. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [3] определено, что под информационной безопасностью понимается «состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства», представленное четырьмя компонентами:

1) соблюдение прав и свобод человека и гражданина в области получения и использования информации в пределах и рамках, определенных Конституцией Российской Федерации;

2) информационное обеспечение государственной политики в контексте доведения корректной позиции государства до граждан и институтов общественности;

3) развитие и приумножение достижений отечественных информационных технологий;

4) защита информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем.

Между тем, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4], являющийся ключевым законодательным актом, регламентирующим правоотношения, возникающие в связи с производством, распространением, защитой информации и применением информационных технологий, не содержит понятия «информационная безопасность». В названном Федеральном законе используется термин «защита информации» (ст. 16), включающий в себя «принятие правовых, организационных, технических мер, направленных на: обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа; реализацию права на доступ к информации».

Для реального обеспечения информационной безопасности в настоящее время необходима разработка современной концепции информационной безопасности Российской Федерации с обязательным пересмотром тех норм действующего законодательства, которые носят декларативный характер, позволяют неоднозначное толкование, не соответствуют духу времени и не отражают жизненные реалии.

Современные реалии таковы, что информационно-телекоммуникационные технологии

кардинально изменили нашу повседневную жизнь и, вместе с тем, создали новые виды угроз безопасности информации и всего глобального информационного пространства. Использование информационных технологий в сфере обеспечения экономической безопасности является частью общей проблемы национальной безопасности, ввиду чего считаем необходимым рассмотреть экономическую информационную безопасность как одной из основных компонент информационной безопасности.

Процесс перехода банковской деятельности и финансовых структур на расчеты с использованием информационных технологий обусловил также интерес исследователей наук криминального цикла к рассматриваемой проблеме. На протяжении последних двух десятилетий проблемам противодействия и расследования преступлений в сфере информационной безопасности посвящено немалое количество работ. Большая часть из них касается преступлений в сфере компьютерной информации. Специфика действующего уголовного законодательства такова, что криминальный характер отдельных видов преступлений в сфере экономической информационной безопасности проявляется не совсем четко, но их общественная опасность не вызывает сомнений. Однако проведенный нами анализ показал, что на сегодняшний день не предложена стройная классификация таких преступлений, которая бы охватывала весь широкий диапазон совершаемых деяний. Кроме того, у правоприменителей нередко возникают сложности с определением объекта посягательства, что, в свою очередь, обуславливает возникновение проблем при квалификации и расследовании.

Вследствие этого существует необходимость всестороннего изучения сущности и содержания понятия «преступления в сфере экономической информационной безопасности» как родового объекта, а также систематизации преступлений, охватываемых данным понятием, с учетом современного банковского законодательства и уровня развития информационно-коммуникационных технологий. Ведь, как справедливо отмечает Р.С. Белкин [5, с. 59], классификацию можно отнести к числу наиболее эффективных средств познания, т.к. она способствует исследованию отдельных явлений, выявлению закономерностей и определению путей их использования, что в контексте рассматриваемых явлений становится более актуальным.

Попытки классификации рассматриваемых деяний, основанные на разнообразных признаках, предпринимались различными авторами не-

однократно, причем как с точки зрения криминологических и уголовно-правовых признаков, так и с позиции криминалистической характеристики [6, р. 159–166; 7; 8, р. 44]. К примеру, Ф. Коуэн предлагает группировать все преступления по наступившим последствиям [9, р. 55]: искажение (неправомерная модификация) данных; утечка информации; отказ в обслуживании (нарушение доступа к информационным услугам). В. Стэллингз приводит классификацию в зависимости от способа противоправного вмешательства в процесс передачи данных [10, р. 7]: блокирование процесса передачи данных; неправомерный доступ к передаваемым данным; неправомерное изменение данных; организация подложного сеанса связи. Д. Уолл, являющийся одним из наиболее авторитетных западных исследователей преступлений в сфере компьютерной информации, предлагает следующую классификацию киберпреступлений [11, р. 49–50]: преступления, нарушающие работу компьютера, куда отнесены взлом, блокирование и модификация компьютерной информации; преступления, связанные с содержанием сетевых ресурсов, к которым отнесены распространение порнографических материалов, публикаций расистского и экстремистского характера; преступления с использованием компьютеров, которые основаны на применении сетевых компьютеров для осуществления финансовых махинаций и мошеннических схем.

На международном уровне также предпринимались попытки классифицировать преступления, совершаемые с использованием глобальных компьютерных сетей. Так, в Европейской конвенции по борьбе с киберпреступностью выделены четыре основных типа преступлений [12]: преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; преступления, связанные с использованием компьютерных средств; преступления, связанные с содержанием данных; преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

Различные подходы к классификации характерны и для работ отечественных ученых.

Е.В. Громов [13, с. 31–32], В.В. Хилjuta [14] подразделяют подобного рода противоправные деяния на следующие группы: преступления, направленные на незаконное завладение, изъятие, уничтожение либо повреждение средств компьютерной техники и носителей информации как таковых; преступления, направленные на получение несанкционированного доступа к компьютерной информации, ее модификацию, связанные с неправомерным завладением ком-

пьютерной информацией, разработкой, использованием либо распространением вредоносных программ, где компьютерная информация является объектом преступного посягательства; преступления, в которых компьютеры и другие средства компьютерной техники используются в качестве орудия или средства совершения корыстного преступления и умысел виновного лица направлен на завладение чужим имуществом путем изменения информации либо путем введения в компьютерную систему ложной информации.

В.С. Карпов классифицирует компьютерные преступления на две большие группы [15]: компьютерные преступления (внутри которой выделяются: компьютерный саботаж, компьютерное мошенничество, несанкционированный доступ к компьютерной информации, неправомерное завладение компьютерной информацией, модификация компьютерной информации; изготовление и сбыт специальных средств для получения несанкционированного доступа к компьютерной системе или сети; создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ; нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети) и преступления, смежные с компьютерными преступлениями.

В.Ф.-О. Джафарли, предметом диссертационного исследования которого явились «уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за хищения в банковской сфере, связанные с использованием электронных средств» [16], классифицирует посягательства в указанной сфере в зависимости от средства совершения преступлений: с эксплуатацией компьютерной техники; с использованием пластиковых карт; с эксплуатацией компьютерной техники и использованием пластиковых карт.

А.Л. Осипенко всю совокупность «сетевых преступлений» разделяет на четыре основных типа: несанкционированное проникновение в компьютерную систему, имеющую подключение к глобальной компьютерной сети; нарушение нормального функционирования сетевой компьютерной системы, что приводит к блокированию доступа к информации; несанкционированное внесение изменений в компьютерные данные с корыстными целями; размещение в глобальных компьютерных сетях материалов противоправного характера [17, с. 162].

Ю.В. Гаврилин, рассматривая группу противоправных деяний как преступления, посягающие на информационную безопасность в экономической сфере, относит к ним ст. 158, 159, 160, 163, 165, 171, 183, 187 УК РФ [18].

В литературе имеется и ряд других классификаций, существенно различающихся по составу рассматриваемых деяний. Тем не менее, все авторы едины во взглядах на дуалистическую природу рассматриваемых преступлений. Однако за рамками предлагаемых классификаций в зависимости от критерия, положенного в ее основу, оставались либо преступления в сфере компьютерной информации, либо преступления, совершаемые в отношении информационно-коммуникационных технологий, либо преступления, совершаемые с их использованием. Данные упущения стали возможны ввиду отсутствия достаточного внимания к экономико-правовой природе электронно-коммуникационных технологий.

Проанализировав действующее законодательство в рассматриваемой сфере, а также существующие научные взгляды, автор настоящего исследования приходит к выводу о том, что целесообразным является под «преступлениями, посягающими на информационную безопасность в сфере экономики» понимать виновные, совершенные умышленно, общественно опасные деяния в сфере экономики и банковской деятельности, причиняющие ущерб общественным отношениям по обеспечению безопасности экономической информации.

И в качестве основания для классификации предусмотреть информационную безопасность в сфере экономики как основной и дополнительный объект преступного посягательства.

В первую группу, где информационная безопасность в сфере экономики выступает (с учетом дуалистической природы) в качестве дополнительного объекта, можно отнести:

1) преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272, 273, 274 УК РФ);

2) преступления, совершаемые с использованием электронных средств платежа.

Вторая группа – преступления в отношении информационно-телекоммуникационных технологий (ст. 187 УК РФ), где информационная безопасность в сфере экономики выступает в качестве основного непосредственного объекта.

Однако необходимо отметить, что приведенная классификация отнюдь не является исчерпывающей. Учитывая темпы научно-технического прогресса и развития информационно-коммуникационных технологий, считаем возможным, даже целесообразным, ее дальнейшее расширение и дополнение, в том числе с включением самостоятельных составов, а также выделение данных общественных отношений в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны и определение их в самостоятельную главу – «Преступления, посягающие на информационную безопасность в сфере экономики». В данную главу логичным было бы включение, помимо вышеназванных составов, также и самостоятельных составов относительно обеспечения безопасности электронных денег и систем платежей в сети Интернет. Также необходимо предусмотреть ответственность за неправомерный доступ к конфиденциальной банковской компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, к которым относится и система безналичных расчетов, и отдельно за преступления, связанные с неправомерным использованием систем ДБО. На наш взгляд, подобного рода изменения невозможны без принятия ряда локальных нормативных актов, в первую очередь, Центробанка РФ как главного регулятора деятельности кредитных организаций, а также, учитывая специфику данных правоотношений, без разъяснений по применению и правилам квалификации Пленума Верховного Суда РФ.

1. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000.

2. Каптюг Ю.А. Проблема информационной безопасности: дис. ... канд. филос. наук. М., 2009.

3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сент. 2000 г. № Пр-1895. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/5.html>

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.01.2015).

1. Lopatin V.N. Information security of Russia: diss. ... Dr of Law. St. Petersburg, 2000.

2. Kaptyug Yu.A. The problem of information security: dis. ... Master of Philosophy. Moscow, 2009.

3. Information security doctrine of the Russian Federation of Sept. 9, 2000 № Pr-1895. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/5.html>

4. On information, information technologies and protection of information: fed. law of July 27, 2006 № 149-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 02.01.2015).

5. Белкин Р.С., Винберг А.И. *Криминалистика и доказывание (методологические проблемы)*. М., 1969.
6. Chesvik W.R., Bellovin S.M. *Firewalls and Internet security according hacker Willie*. New York, 1994.
7. Goodman M., Brenner S. *The consensus on criminal behavior in cyberspace* // *UCLA Journal of Law and Technology*. 2002. № 3.
8. Wall D. *Crime and the Internet*. London, 2001.
9. Cowan F. *Protection and security in the information superspace*. New York, 1995.
10. Stellingz W. *Principles and rules of network and Internet security*. New York, 1995.
11. Wall D. *Cybercrime: the transformation of crime in the information age*. New York, 2007.
12. Конвенция по борьбе с киберпреступностью (ETS № 185) от 23 нояб. 2001 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.01.2015).
13. Громов Е.В. Развитие уголовного законодательства о преступлениях в сфере компьютерной информации в зарубежных странах (США, Великобритании и ФРГ, Нидерландах, Польше) // *Вестн. ТГПУ*. 2006. № 11.
14. Хилюта В.В. Необходимость установления уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием компьютерной техники // *Криминологический журн. БГУЭП*. 2012. № 1. С. 26–31.
15. Карпов В.С. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002.
16. Джафарли В.Ф.-О. Уголовная ответственность за совершение хищений в банковской сфере, связанных с использованием электронных платежных средств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
17. Осипенко А.Л. *Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы*. Омск, 2009.
18. Гаврилин Ю.В. *Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.*
5. Belkin R.S., Winberg A.I. *Forensics and evidence (methodological problems)*. Moscow, 1969.
6. Chesvik W.R., Bellovin S.M. *Firewalls and Internet security according hacker Willie*. New York, 1994.
7. Goodman M., Brenner S. *The consensus on criminal behavior in cyberspace* // *UCLA Journal of Law and Technology*. 2002. № 3.
8. Wall D. *Crime and the Internet*. London, 2001.
9. Cowan F. *Protection and security in the information superspace*. New York, 1995.
10. Stellingz W. *Principles and rules of network and Internet security*. New York, 1995.
11. Wall D. *Cybercrime: the transformation of crime in the information age*. New York, 2007.
12. Convention on cybercrime information (ETS № 185) of Nov. 23, 2001. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 02.01.2015).
13. Gromov E.V. *The development of the criminal law on cybercrime information in foreign countries (USA, UK and Germany, the Netherlands, Poland)* // *Bull. of Tomsk State Pedagogical University*. 2006. № 11.
14. Hilyuta V.V. *The necessity to establish criminal liability for theft committed using computers* // *Criminological BSUEL magazine*. 2012. № 1. P. 26–31.
15. Karpov V.S. *Criminal liability for crimes in the sphere of computer information: auth. abstr. ... Master of Law*. Krasnoyarsk, 2002.
16. Dzhaifarli V.F.-O. *Criminal liability for committing theft in the banking sector, involving the use of electronic means of payment: diss. ... Master of Law*. Moscow, 2003.
17. Osipenko A.L. *Web cybercrime: theory and practice of fight*. Omsk, 2009.
18. Gavrilin Yu.V. *Investigation of crimes that infringe on information security in the economic sphere: theoretical, tactical and organizational and methodological principles: auth. abstr. ... Dr of Law*. Moscow, 2010.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612584049)

Классификация виктимологических ситуаций

Статья посвящена понятию виктимологической ситуации как одному из основных детерминантов виктимного поведения. Автором рассмотрены признаки и приведена классификация виктимологических ситуаций.

Ключевые слова: виктимология, виктимизация, виктимологическая ситуация, виктимное деяние, виктимологическая профилактика.

K.V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584049.

Classification victimological situations

The article is devoted to the concept of victimological situation as one of the main determinants of victimization behaviors. The author considers the characteristics and classification of victimological situations.

Key words: victimology, victimization, victimological situation, victimization act, victimological prevention.

Виктимологическая ситуация является одним из основных детерминантов виктимного поведения, и при рассмотрении механизма преступления ей следует уделять особое внимание.

Взаимодействие мотивации (субъективных детерминантов) и объективных виктимологических детерминантов виктимного поступка происходит на фоне определенной виктимологической (виктимогенной или антивиктимогенной) ситуации, предшествующей или способствующей виктимизации личности в определенном месте и в определенное время.

Результаты множественных научных исследований виктимологических ситуаций совершения преступлений в современной России [1; 2; 3] показывают, что виктимогенностью обладают следующие признаки виктимологической ситуации:

по месту – жилой сектор (80%), при этом 40% преступлений совершаются в отдельных квартирах;

по времени – ночной период времени от 22.00 до 06.00 часов;

по типам предвиктимального поведения жертвы – вызывающее (37%), неосторожное (30%), провоцирующее (29%), легкомысленное (10%).

Эти выводы служат эмпирической базой для научной классификации виктимологических ситуаций. Попытки классифицировать виктимологические ситуации предпринимаются в современной литературе. Так, отдельные авторы [2]

предлагают ввести в виктимологическую теорию достаточно развернутые классификации. Например, по особенностям формирования они подразделяют ситуации на личностно-формирующие (оказывающие влияние на формирование повышенной индивидуальной виктимности); предкриминальные (складывающиеся непосредственно перед преступлением); криминогенно-виктимные (складывающиеся во время совершения преступления); посткриминальные (следующие по времени за совершением преступления).

Признавая значимость такого рода научных классификаций, тем не менее считаем, что научные классификации должны быть тесно увязаны с практикой виктимологического предупреждения преступности, «заточены» под ее потребности. Поэтому следует учитывать, что в своей повседневной деятельности субъекты виктимологического предупреждения преступности оценивают те или иные виктимологические ситуации, исходя, прежде всего, из их внешних признаков (признаков объективной стороны виктимного поступка), к которым относятся качественный характер виктимного деяния, который мы предлагаем оценивать по шкале виктимогенности – антивиктимогенности, а также степень (интенсивность) виктимизации – количественная характеристика виктимного деяния и его последствий.

Развивая предложенный подход, отметим, что классификация виктимологических ситуаций в

рамках изучения виктимологической детерминации на индивидуальном уровне должна включать: виктимогенные, нейтральные и антивиктимогенные ситуации;

высокозначимые, средней интенсивности и слабовыраженные ситуации.

Такая сугубо утилитарная классификация виктимологических ситуаций позволит использовать ее как в процессе статистического наблюдения за виктимностью, так и в рамках планирования специально-криминологического предупреждения виктимности.

Среди необходимых научных классификаций выделим связанную с феноменом виктимологического рецидива (мы предлагаем учитывать количественно-качественные различия разовых, повторяющихся и закономерных ситуаций).

Подводя краткие итоги теоретизирования по проблеме виктимологической детерминации на

индивидуальном уровне (в механизме совершения преступления), необходимо выделить следующие моменты:

1) центральным элементом механизма совершения преступления как со стороны преступника, так и со стороны его жертвы выступает мотивация, причем мотивация виктимного поведения требует отдельных исследований;

2) исследование виктимологических ситуаций совершения преступления (равно как и виктимного поступка) позволяет сделать вывод о его практической значимости, прежде всего, в плане утилитарной классификации такого рода ситуаций;

3) предложенная нами классификация виктимологических ситуаций должна быть использована при разработке более совершенного инструментария статистического наблюдения за преступностью и виктимизмом.

1. Вишневецкий К.В. *Криминогенная виктимность социальных статусов в современном обществе*. Краснодар, 2005.

2. Задорожный В.И. *Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики*. Тамбов, 2005.

3. Полубинский В.И., Ситковский А.Л. *Теоретические и практические основы криминальной виктимологии*. М., 2006.

1. Vishnevetsky K.V. *Criminological victimacy of social statuses in modern society*. Krasnodar, 2005.

2. Zadorozhny V.I. *Victimological security and its maintenance of measures of victimological prophylaxis*. Tambov, 2005.

3. Polybinsky V.I., Sitkovsky A.L. *Theoretical and practical basis of criminal victimology*. Moscow, 2006.

Квашис Виталий Ефимович

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

Морозов Николай Александрович

кандидат юридических наук, профессор,
научный сотрудник
Дальневосточного федерального университета

(e-mail: nmorozov@mail.ru)

Особенности причинного комплекса преступности в Японии (методологический аспект)

В статье рассматриваются методологические аспекты подходов японской и российской криминологии к оценке и интерпретации особенностей причин и факторов преступности в современной Японии.

Ключевые слова: причины преступности, факторы, криминология, преступность, методология.

V.E. Kvashis, Doctor of Law, Professor, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia;

N.A. Morozov, Master of Law, Professor, Science Worker of the Far-Eastern Federal University;
e-mail: nmorozov@mail.ru

The features of the causal complex of crime in Japan (methodological aspect)

The article deals with the methodological aspects of the Japanese and Russian approaches to criminology evaluation and interpretation of the features of the causes and factors of crime in modern Japan.

Key words: causes of crime, factors, criminology, crime, methodology.

Изменения в динамике преступности, в ее характере и структуре, меняющие «криминальную физиономию» общества, решающим образом определяются особенностями причинного комплекса преступности. Анализ этих особенностей применительно к различным этапам и специфике развития японского общества предопределяет необходимость указать на ряд достаточно сложных проблем методологического плана, которые нельзя обойти стороной. Они связаны прежде всего с многими специфическими сторонами исторического развития общества, настолько насыщенного и пропитанного особыми «японскими соками», что трансплантация традиционных подходов и оценок, принятых в российской криминологии, на японскую почву становится проблематичной. К этому следует добавить, что в теоретическом плане японская криминология до сих пор еще находится в стадии становления, она развивается на путях сложного поиска наиболее удачного

совмещения рецепции мировой («западной») криминологической мысли и сохранения самобытности и традиций. При этом в современной японской криминологии преобладают соображения прагматического плана, рационального, наиболее практичного (и экономного) использования системы мер и средств, с которыми ассоциируются и понимание причин (факторов) преступности, и понимание путей минимизации их воздействия на поведение людей. На такое воздействие направлена социальная политика государства, где одной из важных составляющих является стратегия предупреждения преступности.

В отличие от тенденций развития мировой и, в том числе, российской криминологической мысли, сравнительно молодая японская криминология не столь глубоко погружена в методологические аспекты; здесь не «замораживаются» понятийным аппаратом и нет погружения в глубины детерминации и механизмов противо-

правного поведения. Сегодня ее общее состояние и направленность отражают, как только что отмечалось, более практические цели и реально осязаемые перспективы их достижения.

С учетом сказанного была предпринята попытка совместить воззрения, устоявшиеся в российской криминологии, с подходами в японском обществе, оценить восприятие ситуации и ее трансформаций «снаружи» и особенно «изнутри» с тем, чтобы поместить формирующееся понимание причин преступности в современный криминологический контекст и дать не только информационную, но и диагностическую картину сложившегося в Японии уникального криминологического феномена.

Помимо всего прочего, такая попытка связана с тем, что до сих пор в мировой криминологии нет научного консенсуса в понимании природы преступности и, скорее всего, это понимание будет отражать лишь современное состояние общественного правосознания и психологии в той или иной стране. К тому же на развитие криминологической мысли в любой стране сильное влияние оказывают, как известно, господствующие в ней идеологические установки и практическая уголовная политика. И в этом отношении Япония не составляет исключения.

Далее следует учитывать, что категории причин и условий, способствующих совершению преступлений, принятые в российской криминологии, так же как и категория факторов преступности, принятая в теории криминологии ряда стран, в том числе и в Японии, сами по себе были и остаются категориями оценочными и потому их деление во многом является относительным, тем более, что связи между ними, часто проявляющиеся через опосредующие звенья, не всегда могут оцениваться лишь как позитивные либо лишь как негативные. Необходимо различать наличие того или иного социального явления как объективного факта и его оценку во взаимосвязи с другими явлениями. Как справедливо отмечено в литературе, четко разграничить те или иные детерминанты преступности и отдельных видов преступлений зачастую довольно сложно в силу ряда обстоятельств, в том числе «в силу разнообразия действия социальных процессов и явлений и их влияния на преступность, в силу сложности, неоднородности и меняющегося характера самого следствия и причинно-следственных связей и т.д.» [1, с. 205]. В этой связи отмечается «преимущественно лингвистическое, а не предметное разграничение явлений, порождающих преступность» [2].

Все эти факторы как часть социальной действительности могут рассматриваться в статике и в динамике – в виде социальных процессов с разными по интенсивности источниками криминогенного воздействия, причиняющими связями и механизмами их превращения в следствии. Их анализ в динамике особенно важен, ибо речь идет о явлениях, которые находятся в движении, следовательно, понимание природы и механизмов детерминации возможно только с учетом их развития [3]; их следует оценивать в контексте происходящих в стране социальных и экономических изменений, а также тенденций и процессов в общественной жизни.

Примером динамичности развития такого рода стержневых факторов является заметное изменение характера взаимоотношений внутри японской семьи; вследствие ослабления ее позитивного влияния происходит постепенное разрушение издавна сложившихся традиционных отношений – наиболее специфического фактора, сдерживающего преступное поведение. В качестве другого примера можно назвать постепенное, но все более заметное проникновение противоправного поведения (особенно среди несовершеннолетних) в более обеспеченные слои населения, в благополучные семьи. Наконец, еще один пример – появление «новых форм бедности», изменение ее характера и содержания, когда, например, рост занятости женщин в различных отраслях производства приводил, во-первых, к ослаблению контроля за детьми и росту правонарушений несовершеннолетних и, во-вторых, к все более заметному росту долевого участия женщин в общем числе совершенных преступлений. Кан Уэда в связи с этим верно указывает, что все эти факторы находятся во взаимодействии, где одни из них воздействуют на другие и только последние непосредственно воздействуют на преступность [4, с. 104]. Другими словами, преступность детерминируется именно таким многомерным, сложным и динамичным образованием, каким является механизм взаимодействия обеих групп факторов. Неслучайно изменения в динамике и характере преступности в Японии, в отличие от других стран, зачастую происходили с обратным вектором. Так, структурные изменения, связанные с процессами модернизации и урбанизации, во многом схожи с западными странами, но там не сказалось такого сдерживающего влияния культурных, религиозных и ряда других факторов, отражающих национальные особенности японцев.

В японской криминологической доктрине можно считать устоявшимся понимание преступно-

сти и ее причин как многофакторного явления, как результата противоборства и соперничества двух основных групп факторов – способствующих преступности и сдерживающих ее. Соответственно, основным содержанием мер борьбы с преступностью является ослабление влияния первой группы факторов и усиление влияния факторов, сдерживающих преступность. Поэтому в качестве мер борьбы с преступностью в Японии уголовную политику рассматривают в ее самом широком понимании – как практическую социальную политику, помимо всего прочего включающую в себя политику экономическую и культурную.

Любая политика, отмечает В.Н. Еремин, – это манипулирование системой факторов, осуществляемое по определенному алгоритму. «На стадии оценки обстановки и принятия стратегических решений выявляются и оцениваются факторы, благоприятные и неблагоприятные для данного субъекта политики, и вырабатывается алгоритм управления ими. На стадии реализации при корректировке алгоритма с учетом текущих оценок и тактических решений осуществляются меры по усилению или ослаблению тех или иных факторов...» [5]. Сказанное полностью относится и к манипулированию факторами преступности в сфере уголовной политики.

И в российской, и в японской криминологической литературе исходным методологическим положением является признание преступности социальным явлением, представляющим собой совокупность преступлений – общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом, совершенных в той или иной стране в течение определенного периода. Это определение универсальное. Однако в японской криминологии, как и в настоящей работе, на передний план выдвигаются именно социальные факторы преступности, и потому в основу их исследования положены социологические методы.

Факторами, как и причинами, порождающими преступность, принято считать то, что само по себе получает негативную оценку; этот верный в принципе тезис требует, разумеется, более развернутой интерпретации. В современной российской криминологической литературе практически не оспаривается положение о том, что причины преступности – это комплекс наиболее острых и глубоких деформаций экономического, социального, политического и духовного развития общества, который вызывает отчуждение определенной части населения от ценностно-нормативной системы государства и провоцирует нарушения уголовного закона [6,

с. 66]. Чаще, правда, говорится не о деформациях, а о соответствующих противоречиях. При этом все чаще подчеркивается, что социальные противоречия, являющиеся основной причиной преступности, присущи любому обществу, что стабильность любого общества определяется достижением баланса интересов, который обеспечивает сплоченность всех социальных групп.

Эта позиция в целом воспринята и в японской криминологии, где признается, что действие порождающих преступность факторов отражает наличие негативных явлений в общественном бытии и общественном сознании и вызывает потребность в интенсификации антикриминальных социальных мер.

Для объективной оценки криминальной ситуации в Японии в конце XX и в начале XXI столетия важно уяснить место и роль историко-культурных, политических, экономических и особенно социально-психологических факторов в формировании весьма своеобразного криминологического феномена, который сложился в Японии.

На протяжении многих десятилетий «загадочная» во многих отношениях Япония по праву считалась и считается самой безопасной страной, где общий уровень преступности и особенно уровень насильственной преступности самые низкие, а основные количественные и качественные параметры преступности выгодно отличаются от показателей преступности в других развитых странах [7]. Зарубежные и российские исследователи, обращая внимание на стабильно низкий уровень преступности, ее количественные и качественные характеристики, пытаются определить истоки, причины и своеобразие этого уникального для современной цивилизации криминологического феномена.

Современные криминологические теории, по мнению Френсиса Фукуямы, не могут в полной мере объяснить существование и рост преступности; видный философ предлагает решить эту проблему с помощью своей концепции «социального капитала и общественного доверия». Подобное доверие возникает из таких источников, как религия и этические навыки, никак не связанные с современностью как таковой. По концепции Ф. Фукуямы, социальный капитал – это определенный потенциал общества, возникающий как результат доверия между его членами; он вырастает из приоритета общественных добродетелей перед индивидуальными [8, с. 52–54; 9, с. 74–76]. Социальный капитал и общественное доверие в интерпретации Фукуямы формируются постепенно, но именно они выступают основой процветания и стабильно-

сти общества. В описании этой концепции нет намек на японские истоки, но даже в таких географически абстрактных рассуждениях просматриваются контуры социального устройства, наиболее присущие именно этой стране.

Поэтому, по нашему убеждению, специфика криминологического феномена Японии состоит в том, что в его формировании определяющую роль играла редкая, если не сказать уникальная по своеобразию, совокупность именно позитивных факторов, противодействующих, а не способствующих, как во многих других странах, развитию криминальных процессов. Не игнорируя значимость негативных факторов, следует признать, что в Японии не они, а именно позитивные факторы явились определяющими специфические тенденции, характер и структуру преступности, именно они главным образом определяли смысл, направленность и адекватность государственной (в том числе криминологической и уголовно-правовой) политики и правоприменительной практики.

Основные позитивные факторы формирования и развития современной криминологической ситуации в Японии лежат, прежде всего, в плоскости своеобразия историко-политических и экономических процессов развития страны, специфических основ формирования культуры и психологии японского общества, особенностей менталитета, морали и массового правосознания, которые неразрывно связаны с многовековыми традициями, ценностями и обычаями страны. Именно чрезвычайно бережное сохранение вековых обычаев и традиций, консервация межличностных отношений и всего издавна принятого уклада жизни, несмотря на пережитые страной многочисленные потрясения, формируют отмечаемые зарубежными исследователями «странности» характера и поведения японцев, «необычность» многих сторон повседневной общественной жизни, в том числе и «нетипичную» картину в сфере противоправного поведения.

Анализируя особенности криминальной ситуации в Японии, почти все исследователи отмечают, что в отличие от большинства других стран основными компонентами причинного комплекса преступности являлись не столько экономические факторы, сколько взаимодействие исторических, политических, культурных и социально-психологических факторов. При этом имеются в виду не только и не столько особенности тех или иных психологических свойств и черт национального характера, сколько особенности японской национальной культуры в целом, включающие специфику менталитета, высокоразвитое сознание групповой (общинной)

солидарности (в семье, в локальной группе), высокий уровень культуры, образования, трудолюбие, традиционную конформистскую, но, несомненно, антикриминальную ориентацию стереотипов поведения (другими словами, правопослушность), а также редкую способность японского общества быстро приспосабливаться к новой ситуации и новым условиям.

Отличие Японии от многих других стран очевидно – это отличие порядка от хаоса. Относительно низкий уровень преступности – результат синэргии множества объективных факторов, в том числе факторов, напрямую связанных с особенностями исторического и политического развития страны. Вопрос о власти в Японии не табуирован, а выведен на поле общественной дискуссии (отсюда признание лидерами страны своих ошибок, их уход в отставку, смена лидеров и т.п.). Здесь нет имитации политических процессов и решения проблем, искусственного формирования и фальсификации общественного мнения. Политическая система функционально не разбалансирована, и политическая ситуация в целом отличается внутренней устойчивостью, поэтому смена Кабинета министров не ведет к потере управления и управляемости страны. Массовое сознание не изнасиловано и не раздражено властью, как это имеет место, например, в большинстве европейских стран. И потому стратегия государства имеет определенную «подушку безопасности»; все это способствует развитию суверенитета, демократии, государственности и преемственности политического курса.

Другим важнейшим фактором, сдерживавшим преступность, японские и зарубежные исследователи считают незыблемый приоритет традиционных общинных и моральных ценностей. Современное японское общество – это общество, высокоразвитое в социально-экономическом, техническом, культурном и других отношениях, и в то же время общество, во многих отношениях традиционное.

Объективно представляя собой общество «позднего капитализма», Япония, как отмечают культурологи, функционирует по иным социальным и культурным принципам, чем другие развитые индустриальные страны. Причем эти различия столь значительны, что некоторые исследователи современное японское общество мыслят антиподом капитализма или вообще постмодернистским обществом.

Японское общество и ныне можно назвать партикуляристским, т.е. обществом, акцентирующим человеческие отношения на основе обычного права и половозрастной иерархии, где поддерживаются согласие и гармония. Многие

исследователи отмечают, что секрет экономического успеха и политико-правовой стабильности в Японии в том, что ценностные ориентации нации развивались в сторону гармоничного сочетания традиционного восточного партикуляризма (социально-групповая ориентация, коллективизм, «семейные» методы управления компанией) и западного универсализма (рационализма), хотя и никак не подменялись последним. Баланс между ними был мощным импульсом наиболее гармоничного развития японской общественной системы, сочетающей высокие темпы прогресса западной культуры (особенно технологической) и сохранение традиционных ценностных ориентаций, не вызывающих всплеска противоположных проявлений как реакции на изменение социально-экономической ситуации. Ибо заимствованный универсализм западной цивилизации не вступал в противоречие с традиционной системой человеческих отношений.

Речь идет о том, что у японцев на редкость удачно сочетаются самоидентификация на генном уровне в ее подчеркнутых внешних проявлениях с заимствованными западными стандартами (особенно в технологии и управлении), гармонично сочетаются элементы патриархального уклада и инновационных методов развития общества. Для японцев главное, чтобы всякое заимствование было адаптировано к местным условиям и традициям. Многие действующие в стране социальные институты, системы и практики были, как известно, заимствованы из зарубежного опыта. Однако все заимствованные идеи формировались вокруг «японского духа», который бережно сохранялся.

К сказанному добавим, что география и компактность проживания, особое восприятие японцами окружающего мира в целом (особенно восприятие природы), жесткая иерархия социальной структуры общества, прочность института семьи и синкретизм религиозной жизни были важными факторами, оказавшими значительное влияние на специфику функционирования морали в японском обществе. Неслучайно уникальная, по мнению иностранцев, честность японцев до сих пор не вытеснена из их традиций и национального сознания.

Каждый из указанных факторов наполнен своим специфическим содержанием, в каждом из них истоки морального сознания, самобытной культуры, этики поведения и всего уклада жизни.

В самом деле, все, что связано, например, с географией страны, – фактор, издавна влиявший на формирование многих сторон жизни японского общества. Речь идет о специфике издавна закрытого от внешнего влияния островного, притом весьма компактного государства, с огромным дефицитом земли (70% его территории занимают горы); отсюда и предельно высокая плотность населения. С компактностью территории и дефицитом земли, пригодной для ведения сельского хозяйства, связан издавна высокий уровень «социальной компрессии» – люди жили предельно тесно; именно она выталкивала людей в разные формы коллективного сосуществования и формировала психологию единомыслия, единых коллективных ценностей.

Неслучайно в основе японской модели развития экономики лежит общинный тип компаний, резко отличающийся от акционерного типа компаний в других, особенно в западных странах. Особенности «группизма» прослеживаются в функционировании практически всех ключевых социальных институтов – семьи, фирмы и государства, причем «семейные» черты последовательно повторяются и в государственном механизме, и в механизме функционирования компаний и фирм, облегчая идентификацию индивида со средой, с своей локальной группой. (И, наоборот, с ослаблением сознания своей принадлежности к локальному окружению стереотипы традиционного поведения постепенно слабеют.)

Осознание таких традиционных ценностей, как общность интереса в создании могущественного государства, общность цели и стремления к социальной справедливости, способствует слаженному функционированию системы управления жизнью общества; оно стало фундаментом японской модели преодоления кризисов во всех их формах и проявлениях. Поэтому, несмотря на циклический характер кризисов, на чередования подъемов и спадов в экономической и финансовой сфере, инфляция в стране остается вполне контролируемой, а уровень безработицы значительно ниже, чем в других развитых странах.

Перечень приведенных позитивных факторов, разумеется, не является исчерпывающим (он ограничен и форматом издания). Их сравнение и взаимодействие с негативными факторами – тема следующей публикации.

1. Жалинский А.Э. Избр. произведения. Т. I: Криминология. М., 2014.

1. Zhalinsky A.E. Sel. works. Vol. I: Criminology. Moscow, 2014.

2. *Российский криминологический взгляд*. 2011. № 2.
3. Кузнецова Н.Ф. *Проблемы криминологической детерминации*. М., 1984.
4. Уэда Кан. *Преступность и криминология в современной Японии*. М., 1989.
5. Еремин В.Н. *Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь – Япония*. М., 1998. Вып. 21.
6. Номоконов В.А. *Особенности эволюции причин преступности в постсоветской России // Союз криминалистов и криминологов*. 2013. № 1.
7. Квашис В.Е., Морозов Н.А. и др. *Российская преступность в зеркале международной статистики // Науч. портал МВД России*. 2013. № 3.
8. Фукуяма Ф. *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию*. М., 2004.
9. Пудовочкин Ю.Е. *Криминологические проблемы в социально-политической и философской литературе*. М., 2011.
2. *Russian criminological look*. 2011. № 2.
3. Kuznetsova N.F. *Problems of criminological determination*. Moscow, 1984.
4. Ueda Kan. *Crime and criminology in modern Japan*. Moscow, 1989.
5. Eremin V.N. *As Japan copes with crime // Get acquainted – Japan*. Moscow, 1998. Iss. 21.
6. Nomokonov V.A. *Features of evolution of the reasons of crime in Post-Soviet Russia // Union of criminalists and criminologists*. 2013. № 1.
7. Kvashis V.E., Morozov N.A. et al. *The Russian crime in a mirror of the international statistics // Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior*. 2013. № 3.
8. Fukuyama F. *Confidence. Social virtues and way to prosperity*. Moscow, 2004.
9. Pudovochkin Yu.E. *Criminological problems in socio-political and philosophical literature*. Moscow, 2011.

Руденко Анастасия Николаевна

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: ms.rudenkoan@mail.ru)

Завьялова Наталья Юрьевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zavyalovan1@rambler.ru)

Актуальные вопросы предупреждения детской токсикомании

В статье формулируются предложения по совершенствованию административного и административно-деликтивного законодательства в связи с появлением групп несовершеннолетних, страдающих зависимостью от употребления бытового газа.

Ключевые слова: административная ответственность, бытовые газовые баллончики, несовершеннолетние, sniffеры, токсикомания.

A.N. Rudenko, Lecturer of a Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ms.rudenkoan@mail.ru;

N.Yu. Zavyalova, Master of Law, Senior Lecturer of a Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zavyalovan1@rambler.ru

Topical issues of prevention of child drug abuse

The article makes suggestions for the improvement of administrative and administrative and delictual legislation in connection with the emergence of groups of juveniles suffering from dependence on the use of domestic gas.

Key words: administrative liability, household sprays, minors, sniffers, substance abuse.

Сотрудниками правоохранительных органов Краснодарского края уделяется особое внимание вопросам выявления, раскрытия и ранней профилактики преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, токсических и психоактивных веществ.

Согласно итогам работы ГУ МВД России по Краснодарскому краю за 8 месяцев 2014 г. на учете в органах внутренних дел Краснодарского края за потребление наркотических средств состоит 46 несовершеннолетних, 58 подростков поставлены на учет за употребление токсических веществ, 467 – за употребление спиртных напитков.

Государственная политика противодействия токсикомании насчитывает уже несколько десятков лет.

Если в конце 90-х гг. прошлого века среди токсикоманов было «модно» нюхать клей «Момент», то в начале XXI в. у токсикоманов появилось и укоренилось течение «снифферов» (от англ. to sniff – нюхать) – газовых «нюхачей» [1, с. 837].

Вдыхая сжиженный газ (бутан) из зажигалок или баллончиков для их заправки, из баллончиков для малогабаритных газовых плит, они впадают в состояние эйфории. Статистика показывает, что это явление распространено среди несовершеннолетних в возрасте от 10 до 15 лет. Однако вдыхание ядовитого бутана в больших концентрациях вызывает удушье и может привести к летальному исходу.

Учитывая масштабы распространения токсикомании и те необратимые разрушения, которые она производит в детском организме, психике ребенка, можно серьезно говорить о проблеме противодействия токсикомании, ведь токсикомания – один из самых злокачественных видов наркомании.

Существует большое количество веществ и средств, а также товаров бытовой химии, которые сегодня используют несовершеннолетние токсикоманы: бензин, одеколон, лосьон, тормозная жидкость, клей, ацетон, лак для волос, лакокрасочные вещества, ароматические распылители. Их употребление вызывает одурма-

нивающий эффект. У токсикомана сначала наступает легкое опьянение, похожее на алкогольное, тело становится немного мягче, сознание затуманивается, настроение улучшается. Если продолжить вдыхать, наступает следующий этап: изменяется восприятие мира, появляются галлюцинации. Под действием галлюцинаций токсикоман может совершить преступление. Регулярное употребление токсических веществ приводит к разрушению внутренних органов и головного мозга.

Медики считают, что токсикомания относится к болезням патологической зависимости, вызывающим хроническое заболевание мозга и оказывающим влияние на поведенческие особенности личности (агрессия, повышенная возбудимость, склонность к риску и др.) [2, с. 340].

Токсичный газ бутан, содержащийся в свободно реализуемых через торговые сети баллончиках, очень ядовит и вызывает у человека отмирание нервных клеток головного мозга. Снижаются память, внимание. Подросток становится рассеянным. У него теряется интерес к учебе, спорту.

Бутан не всасывается в кровь, не вступает в химические реакции в организме человека, он просто вытесняет кислород из вдыхаемого воздуха. Можно говорить о своеобразном эффекте удушки применительно к токсикоманам, вдыхающим этот газ. Мозг перестает получать кислород. Бутан стимулирует галлюцинации и необычные ощущения, а дальше либо наступит смерть, либо человек останется жив, но после кислородного голодания мозга у него появятся патологии кровообращения, внутренних органов [3, с. 55].

Опасные развлечения в виде вдыхания газа из зажигалок, баллончиков для их заправки, а также баллончиков для газовых плит стали довольно распространенными в подростковой среде.

Так, в одном из районов Краснодара несколько учеников средней школы были задержаны сотрудниками полиции за вдыханием газа из баллончиков, предназначенных для заправки зажигалок.

Случилось это в послеобеденное время. То ли от скуки, то ли из интереса ребята приобрели в одном из хозяйственных магазинов несколько баллончиков с газом. Зайдя во двор многоэтажного дома, они расположились на трубах и стали вдыхать газ. В этот момент их заметил из окна сотрудник одной из организаций, который и вызвал сотрудников полиции. Ко времени их прибытия некоторые из ребят уже ушли, а оставшиеся двое подростков сидели на земле и вели себя неадекватно [4].

В мае 2014 г. на территории машинного двора одного из предприятий города Краснодара был обнаружен труп 12-летнего Н. В ходе беседы сотрудников полиции с другом погибшего подростка 15-летним Е. последний сообщил, что уже на протяжении двух лет они несколько раз совместно употребляли газ из баллонов для бытовых газовых приборов. И в этот день также совместно, купив несколько баллонов в ближайшем хозяйственном магазине, его употребили. Сам Е. почувствовал лишь легкое головокружение, а его товарищ, несовершеннолетний Н., стал терять сознание и задыхаться. Прибывшие сотрудники скорой медицинской помощи констатировали смерть подростка [5].

В сентябре 2014 г. в одной из станций Славянского района Краснодарского края был обнаружен труп 14-летней Е. Из опроса очевидцев сотрудниками полиции было установлено, что за несколько минут до смерти несовершеннолетняя Е. путем вдыхания употребила газ из аэрозольного баллона [6].

Одной из задач сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел является проведение индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо одурманивающие вещества, алкогольную и (или) спиртосодержащую продукцию [7].

В настоящее время остается актуальной проблема изучения и контроля дальнейшего состояния подростков, направленных в медучреждения с признаками отравления газом или другими токсичными и наркотическими веществами, в связи с невозможностью получения сведений о таких лицах, состоящих на учете в учреждениях Министерства здравоохранения, для проведения с ними профилактической работы. Фактически орган внутренних дел, являющийся субъектом системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» лишается возможности в полной мере выполнять возложенные на него задачи [8].

Медучреждения отказывают в предоставлении информации, ссылаясь на п. 3 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [9], который гласит, что предоставление информации возможно «...по запросу органов дознания и следствия, суда в связи

с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно».

Исходя из изложенного, считаем целесообразным внести предложение об изменении ст. 3 данного Закона, представив ее в следующей редакции: «...по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно, а также подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел».

Следующим аспектом названной проблемы является широкая доступность зажигалок и газовых баллончиков для несовершеннолетних в торговой сети. Стоит отметить, что стоимость баллончиков, наполненных бутаном, сравнительно небольшая – около 70 рублей. Никаких ограничений на продажу этого товара нет, любой подросток может его свободно приобрести в магазине, торгующем хозяйственными товарами.

Таким образом, существует необходимость внесения изменений в нормативный правовой акт о продаже бытового газа, касающихся ограничений на его реализацию несовершеннолетним, что, на наш взгляд, никоим образом не затронет чьих-то прав, а даст возможность предупредить беду и сохранить детские жизни. Если это необходимо, взрослый сам может приобрести газовый баллон.

В связи с этим предлагаем внести изменения в разд. X постановления Правительства РФ от

19 января 1998 г. № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» [10], дополнив Правила статьей 84.1 следующего содержания: «Не допускать продажу газовых баллонов для бытовых газовых приборов (зажигалок) несовершеннолетним лицам».

Психоактивные вещества (ПАВ) – вещества, при употреблении которых изменяется мышление, восприятие или настроение. Бытовой газ бутан – это психоактивное вещество, прием которого приводит к нарушению сознания или психики.

Помимо предложенных выше изменений, по нашему мнению, будет способствовать предупреждению распространения токсикомании в подростковой среде новое название ст. 20.22 КоАП РФ.

Предлагаем изложить ее название в следующей редакции: «Нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств, психотропных или психоактивных веществ».

Проблема пьянства, наркомании и токсикомании несовершеннолетних имеет общегосударственное значение. В профилактической работе полиции необходимо максимально объединять и постоянно координировать усилия педагогов, психологов, сотрудников правоохранительных органов, медицинских работников, работников социальных служб, средств массовой информации, общественности.

1. Адамчик Н.В. Большой англо-русский словарь. М., 1998.

2. Осолок Л.Н., Терентьев А.А. Патологические аспекты хронического алкоголизма, наркомании и токсикомании // Фундаментальные исследования ГОУ ВПО «Российский государственный медицинский университет» Минздравсоцразвития РФ. 2011. № 10. Ч. 2.

3. Валентик Ю.В. и др. Концептуальные основы реабилитации несовершеннолетних, злоупотребляющих психоактивными веществами. М., 2001.

1. Adamchik N.V. Big English-Russian dictionary. Moscow, 1998.

2. Oskolok L.N., Terentyev A.A. Patho-physical aspects of chronic alcoholism, drug and substance abuse // Fundamental research of SEI HPE «Russian state medical university» of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation. 2011. № 10. Pt. 2.

3. Valentik Yu.V. et al. Conceptual foundations of rehabilitation of juveniles with substance use problems. Moscow, 2001.

4. Справка по факту выявления употребления несовершеннолетними психоактивных веществ // Материалы проверки от 17.04.2014 отдела полиции (Центральный округ) Управления МВД России по городу Краснодару.

5. Справка по факту обнаружения трупа несовершеннолетнего // Материалы проверки от 21.05.2014 отдела полиции (Карасунский округ) Управления МВД России по городу Краснодару.

6. Справка по факту обнаружения трупа несовершеннолетней // Материалы проверки от 27.09.2014 ОМВД России по Славянскому району Краснодарского края.

7. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 окт. 2013 г. № 845 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

8. Собр. законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

9. Собр. законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

10. Собр. законодательства РФ. 1998. № 4. Ст. 482.

4. Help upon detection of the use of minors psychoactive substance // Materials of the check from 17.04.2014 by police department (Central district) of Department of MIA of Russia for the city of Krasnodar.

5. Help discovery of the corpse of a minor // materials of the check from 21.05.2014 by police department (Karasunsky district) of Department of MIA of Russia for the city of Krasnodar.

6. Help discovery of the corpse of a minor // Materials of the check from 27.09.2014 by DMIA of Russia for Slavyansk district of Krasnodar region.

7. On approval of the Instruction on organization of activity of divisions of the juvenile bodies of Internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia of Oct. 15, 2013 № 845 // Bull. of regulations of federal bodies of executive power. 2014. № 11.

8. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177.

9. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 48. Art. 6724.

10. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 4. Art. 482.

Гурницкий Александр Викторовичаспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института гуманитарного образования и информационных технологий
(e-mail: Guria90@mail.ru)

Бедность с позиций криминологии

В статье рассматриваются вопросы криминологического значения бедности и специально-криминологические меры предупреждения преступлений, совершаемых бедными людьми.

Ключевые слова: социальная группа, бедность, преступность, предупреждение преступности.

A.V. Gurnitsky, Post-graduate of a Chair of Criminal Law Disciplines of the Institute of Humanities and Information Technology; e-mail: Guria90@mail.ru

Poverty from the standpoint of criminology

The article discusses issues of criminological values of poverty and specially-criminological measures of the prevention of crimes committed by poor people.

Key words: social group, poverty, crime, crime prevention.

В настоящее время проблема бедности носит глобальный характер. По мнению обывателя, быть бедным значит быть «лузером» (т.е. невезучим человеком, неудачником), саму же бедность определяют как качество жизни и осознание своего положения, которое постоянно сравнивается и вызывает досаду. В то же время С.С. Ярошенко считает, что в России «бедность приобретает массовый характер, и существует опасность, что «культура бедности», присущая ограниченному числу людей на Западе, станет у нас «общепринятой» [1]. Безусловно, в России бедность носит достаточно продолжительный характер и определяется разнообразием представителей, которые стремятся решить насущные проблемы путем совершения преступлений.

На любом этапе развития общества необходимы меры, которые направлены на повышение уровня образования, культуры, экономического и технического развития, что является проявлением заботы об обществе, усиливает действие общесоциальных процессов и тем самым снижает уровень преступности. Наибольшая поляризация общества проявилась в 1990-х гг. с уничтожением патернализма (присущего СССР). Определенные слои попали в категорию бедных и даже были выброшены из жизни общества, приобретая признаки маргинальности. Как отмечает Н.А. Лопашенко, «маргинал – это лицо, которое в силу субъективных и объективных факторов, как правило, из-за кардинальных изменений в общественно-политическом строе, экономике и культуре страны, претерпевает существенное и резкое изменение своего прежнего социального статуса, системы ценностей,

что приводит к значительным ограничениям реализации прав и свобод данным гражданином, который из-за скорого перехода еще не отвык от своего предыдущего положения и не успел адаптироваться к новым условиям жизни или вновь выбранному статусу и, соответственно, осознает разорванность прежних собственных социальных связей» [2, с. 195]. В то же время восприятие жизни бедными, их поведение объясняются усилением тенденций к маргинализации социальных групп, которые ранее были благополучными.

В обществе существуют малые социальные группы, которые, находясь на низшей социальной ступени, представляют в определенной мере общественную опасность, питают преступность и подрывают нравственные устои общества. Совокупностью таких групп являются бедные и «социальное дно».

Если оставить в стороне «просто» бедных, то в группу, относящуюся к «социальному дну», имеющую минимальную вероятность вернуться к нормальной жизни и адаптироваться к условиям рыночной экономики, включаются: 1) «бомжи» (лица без определенного места жительства и занятий, бродяги); 2) бывшие преступники, не желающие работать; 3) алкоголики и наркоманы; 4) нищие; 5) проститутки; 6) беспризорные дети. Именно увеличение количества представителей этой группы населения и распространение их психологии является характерной чертой современного общества. Только необходимость гармоничного развития общества может быть залогом минимизации негативных последствий влияния ситуации бедности на сознание живущих в ней.

Для бедных в целом характерно социально-психологическое отчуждение, которое порождает дезадаптацию индивида как личностную позицию и как его социальный статус. И то, и другое в отсутствие соответствующего воспитательного воздействия может иметь существенные криминальные последствия. Дезадаптация, отчуждение большинства правонарушителей отличают их от законопослушных граждан.

Малообеспеченность и бедность – это, прежде всего, внутреннее состояние индивида, влияющее на его психику и нравственные ориентиры. Годы, проведенные в нужде, приучают думать только о решении первичных вопросов (пища, одежда, кров), не вдаваясь в перспективы. Постоянные состояния обиды, угнетенности, отчуждения, неудовлетворенности привносят изменения во внутриличностную сферу и межличностные отношения бедных.

Очень важно остановиться на мотивации, т.е. на том, ради чего совершаются поступки. Важность их оценивается общественной значимостью или вредом, который был нанесен. Для бедных мотивом совершения правонарушений служит чаще всего удовлетворение сиюминутных потребностей. Сегодня в сознании россиян портрет бедных претерпел изменения. Хотя 71% их все еще считает, что бедные ни в чем с точки зрения их морально-нравственного портрета не отличаются от остального населения, почти 30% уверены, что такие отличия есть, и главное из них – распространенность в среде бедных пьянства и наркомании (60%). Среди других таких особенностей упоминаются присущие бедным хамство, грубость, нецензурная брань (10%), плохое воспитание ими собственных детей и невнимание к ним (6%), проституция (4%) и т.д. [3, с. 8].

Следовательно, прослеживается дискриминация бедных в обществе, а также формирование их облика, отличного от остальных не только по уровню доходов, но и по поведению.

Бедные ограничивают круг присущих им увлечений собственными заботами, тем самым сокращая степень участия в жизни общества. Более того, они отгораживаются от «большого общества» и создают свои собственные институты (например, банковский институт кредитования заменяется займом у соседей) и свои индивидуальные модели поведения, непохожие на общепризнанные (невысокая степень активности в политической жизни общества) [4].

Образ жизни бедных людей характеризуется неопределенностью социального статуса, недостаточной обеспеченностью завтрашнего дня, неустойчивостью здоровья, психики, что способ-

ствует их нахождению в пограничном состоянии, которое не всегда представляет прямую угрозу обществу. Криминология продолжает изучать не только тех, кто уже совершил преступление, но и тех, кто находится в «группах риска» и служит «резервом» преступного поведения. При этом важно выделить как собственно личность преступника и его психологические характеристики, так и особенности социальной среды, их связи и отношения [5, с. 6].

Принимаемые сейчас общесоциальные меры недостаточно ориентированы на борьбу с преступностью, они еще не позволяют создать экономическую и общесоциальную основу для борьбы с ней. Немаловажными мерами предупреждения преступности бедных являются: 1) повышение благосостояния населения; 2) помощь семье; 3) развитие малого и среднего бизнеса; 4) повышение производительности труда; 5) борьба с алкоголизмом и пьянством.

Достаточно трудно дать оценку уровня жизни населения, поскольку наряду с позитивом присутствует и негатив. Задача повышения уровня жизни и в целом благосостояния населения должна решаться правительством страны, местными, региональными властями с использованием всех имеющихся в распоряжении возможностей.

Так, например, государство в силах обеспечить достаточно высокий прожиточный минимум всем членам общества, оказывать материальную помощь нуждающимся, установить льготы и привилегии для малообеспеченных, предоставить новые возможности заработка (законным путем), обеспечить высокий уровень социальной защищенности (образование, медицинская помощь и т.д.).

В России в период начала экономических реформ неожиданными и трагическими оказались прогноз инфляции, кризисы неплатежей, спад производства и тотальная криминализация общества, последствия приватизации, масштабы теневой экономики. Не оправдалась гипотеза о спонтанном развитии рыночного поведения и рыночных институтов, которое должно было привести к быстрой адаптации населения и развитию предпринимательской деятельности. Никто не мог предвидеть, насколько драматичным будет расслоение населения с распространением отчаянной бедности в среде интеллигенции и основной массы трудящихся. Но преобразования в России во многом осуществлялись в соответствии с рекомендациями признанных на Западе экспертов-профессионалов. С одной стороны, это связано с особенностями российской реальности, с другой – с кризисом самой экономической теории [6, с. 30].

Для определения уровня и качества жизни населения следует разработать критерии мониторинга, программы по социальному обеспечению и преодолению бедности.

Помощь и поддержка нужна конкретным группам людей, семьям, отдельным личностям. Первостепенную роль в предупреждении преступлений играет семья. На протяжении всей жизни любая семья сталкивается с проблемами и трудностями социального характера. Кризис экономических и политических отношений привел и к определенному кризису семьи, поэтому требуются изменения социальной политики в области защиты материнства и детства. Государство проявляет заботу о семье путем предоставления пособий и льгот матерям (наряду с другими мерами охраны прав и интересов семьи), что выражается в установлении происхождения ребенка, порядке усыновления и выплате алиментных обязательств. Основными формами оказания такой помощи являются: оформление пенсии на детей по утрате кормильца вдовым одиноким матерям; выплата материнского капитала; патронаж; оформление пособия внебрачным матерям; помощь разведенным одиноким матерям в получении алиментов на детей или содействие в их получении женщинам, не получающим их по объективным причинам; предоставление матерям и членам их семей различной информации о льготах, социальных гарантиях, правах и т.д.; оказание юридической, психологической помощи разведенным, содействие в решении вопросов, касающихся воспитания детей.

От государственной экономической и социальной политики, проводимой по обеспечению жизнедеятельности семей, зависят занятость населения в сферах трудах, благосостояние и доходы.

Таким образом, для смягчения остроты социальной бедности государство разрабатывает специальную систему мер по оказанию помощи данной категории лиц, что не всегда в достаточной мере реализуется на практике.

Немаловажную роль для удовлетворения нужд населения в современных условиях играет развитие малого и среднего бизнеса. Однако среди бедных немало тех, кто при определенных условиях смог бы выйти из такого состояния. Поэтому альтернативой борьбы с бедностью является развитие малого и среднего бизнеса. Малый бизнес беден и постоянно находится на грани выживания [7]. Он оказывает влияние на экономический рост, на занятость, на развитие конкуренции, на формирование среднего класса. Тем не менее, развитие малого бизнеса в

России пробуксовывает. Именно с его помощью бедные могли бы быть вовлечены в жизнь общества, что, в свою очередь, снизило бы риск совершения преступления.

Показателем успешного развития любой экономики является такой критерий, как производительность труда. Так, уровень производительности труда в России в 2013 г. практически во всех видах экономической деятельности – от автомобильной промышленности и нефтедобычи до банковского сектора и торговли – в 2–3 раза ниже, чем в экономически развитых странах. Данный показатель в России составляет 26,8% от показателя США, 40% от показателей Японии и Германии, 33,3% от показателя Франции, 36% от показателя Швеции [8]. Важно отметить, что уровень производительности труда в России (2014 г.) в 3,5 раза ниже, чем в США, и в 2–2,5 раза ниже, чем в Великобритании и Франции [9]. Факторами, оказывающими влияние на рост производительности труда, являются: 1) материально-технические; 2) организационно-экономические; 3) социально-психологические. Бедность возникает из таких факторов, как общий уровень производства и производительность, из структуры рынка труда и ассоциируется с трудовыми процессами. Неравенство в доступе к рынкам труда необходимо понимать как часть процесса социальной и экономической стратификации, одним из результатов которого является бедность. Дифференциация и неравенство на рынке труда обуславливает дифференциацию в уровне жизни – сами по себе важные определители общего уровня бедности. В то же время под повышением производительности труда понимают выпуск большего объема продукции за единицу рабочего времени за счет более грамотной организации производственного процесса и использования новых, более современных технологий и оборудования. Государство должно способствовать снижению превалирования низкооплачиваемых работ и процессов на рынке труда, снижая безработицу, повышая занятость и экономическую активность населения.

Наряду с общесоциальными мерами предупреждения преступности, существуют и специально-криминологические. Это «меры, направленные именно на устранение, ослабление, нейтрализацию криминогенных факторов, исправление лиц, могущих совершить или уже совершивших преступления» [10, с. 72].

Специфика постсоветской экономики России привела к тому, что огромными темпами росло число так называемых «групп риска», это усложняло ситуацию и мешало контролю за их поведением. Представители этих групп вовлекаются

в криминальную сферу, что предполагает применение мер по предупреждению совершения ими преступлений. Профилактику преступлений, совершаемых бомжами и нищими, следует проводить с учетом отсутствия у них прописки, а сложность заключается еще и в том, что их учет практически не ведется. По мнению самих сотрудников правоохранительных органов, в целях профилактики и контроля бродяжничества и попрошайничества необходимо принятие на федеральном уровне нормативно-правового акта по возобновлению деятельности спецучреждений полиции для временного содержания лиц без определенного места жительства, т.к. Министерство труда и Министерство здравоохранения к реализации постановления Правительства РФ по данной проблеме так и не приступили [11, с. 196]. Отсутствие закона «О бездомных» и в целом государственной политики в этой области затрудняет решение данной проблемы, в этой области проводятся лишь бессистемные мероприятия. Профилактика и борьба с преступностью осуществляются только в форме рейдов правоохранительных органов в местах сборищ таких лиц (подвалы, чердаки, лестничные клетки и т.д.). Необходимо, на наш взгляд, создать картотеку лиц без определенного места жительства, поделенных по территориальному признаку, и осуществлять взаимодействие между различными подразделениями полиции, чтобы отслеживать перемещение бомжей и их количество. Помимо этого, в картотеку надо вносить фотографии данных лиц, поскольку не всегда возможно идентифицировать их. Все это позволит снизить уровень преступности. Подобные комплексные профилактические мероприятия «БОМЖ», в частности, проводятся в Республике Бурятия. При доставлении лиц данной категории в органы внутренних дел проводится их фотографирование, дактилоскопирование, оформляются специальные опознавательные карты. Доставленные лица проверяются по имеющимся оперативно-справочным учетам. С ними проводятся профилактические беседы о недопущении противоправного поведения. Регулярное проведение оперативно-профилактических мероприятий, систематическое документирование лиц без определенного места жительства способствуют опознанию трупов, обнаруживаемых в колодцах, на улицах, в подъездах и других общественных местах, раскрытию преступлений, совершаемых лицами без определенного места жительства, по горячим следам [12].

Одной из наиболее распространенных социальных проблем являются алкоголизм и нарко-

мания. Общеизвестно, что система предупредительных мер в отношении злоупотребляющих алкоголем и наркотическими веществами несовершенна. Профилактическая работа с лицами, употребляющими спиртные напитки и наркотики, начинается, прежде всего, с выявления подобных лиц. Далее необходимы постановка их на учет и применение к ним мер принудительного лечения; осуществление контроля и надзора за производством и оборотом алкогольной продукции и наркотических веществ, а также выявление мест их реализации (ночные клубы, бары и т.д.); оказание психологической, медицинской, консультативной помощи непосредственно больным алкоголизмом и наркоманией, а также их семьям и близким для направления на лечение в специализированные учреждения; создание в достаточном количестве специализированных открытых и закрытых учреждений в системе здравоохранения, соответствующих санитарно-гигиеническим нормам и при этом не нарушающих конституционных прав больных граждан, в которых бы имелись все условия для нормальной жизнедеятельности этих лиц [13, с. 8–18]. Помимо предупредительных мер, предложенных для работы с группой лиц, необходимо осуществлять специально-предупредительные меры с индивидом и его ближайшим окружением. Для успешного применения предупредительных мер необходимы выявление лица, ведущего подобный образ жизни, влияние на него окружающей среды и разработка индивидуальных предупредительных мер применительно к данному лицу с целью положительного изменения личности. Основанием для применения индивидуальных предупредительных мер выступают невыполнение своих гражданских обязанностей, злоупотребление алкоголем и наркотиками, совершение административных правонарушений или преступлений и т.д. Таким образом, следует использовать уже известные методы предупредительной деятельности, а также создавать принципиально новые организации, формы, находя все новые пути предупреждения преступлений, где наиболее важную роль будут играть законы.

Основой мер по предупреждению совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы, является контроль участковых уполномоченных полиции, деятельность по выявлению нетрудоустроенных лиц, нарушающих правила общественного поведения, совершающих небольшие правонарушения. Немаловажное значение в недопущении совершения новых преступных деяний играет Федеральный закон от 6 апреля 2011 г.

№ 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Согласно ему устанавливаются следующие административные ограничения (ст. 4): 1) запрещение пребывания в определенных местах; 2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; 3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток; 4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории; 5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации [14].

Данный закон регулирует общественные отношения, связанные с деятельностью органов внутренних дел, и подразумевает систему временных принудительных профилактических мероприятий, наблюдение и воздействие на поведение указанных лиц.

Для более четкого исполнения данного закона был издан приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [15], разъясняющий порядок осуществления административного надзора. Тем не менее, эффективность предупредительных мер зависит от своевременного их применения, в том числе на стадии отбывания наказания в исправительных учреждениях. Подобные предупредительные мероприятия проводятся в форме беседы, оказания психолого-педагогической, социальной помощи, привлечения к трудовой деятельности. После освобождения используются такие формы, как оказание помощи в восстановлении социальных связей, содействие в реабилитации.

Таким образом, следует продолжать совершенствование мер по предупреждению преступлений с учетом всех закрепленных Конституцией РФ прав этих категорий граждан.

В российском законодательстве в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, образуемые в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации, органы управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости и органы внутренних дел [16]. Важную роль в профилак-

тической работе с данной категорией лиц играют подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Основными формами и методами выявления несовершеннолетних правонарушителей продолжают являться: 1) проведение специализированных рейдов и спецмероприятий в местах массового отдыха несовершеннолетних, патрулирование в общественных местах; 2) организация взаимодействия с органами предварительного следствия и дознания, установление связей лиц, подлежащих профилактированию; 3) выявление правонарушителей и родителей, не выполняющих обязанности по воспитанию детей, по месту жительства путем бесед с жителями микрорайонов; 4) сверки с дежурными частями ОВД по доставленным за совершение правонарушений.

В индивидуальной профилактической работе особое внимание уделяется беспризорным несовершеннолетним, употребляющим наркотические или психотропные вещества, совершившим при этом правонарушения с применением мер административного взыскания. С такими лицами проводятся беседы, разъясняющие их поведение, ведется учет таких несовершеннолетних, а в соответствии с Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах» лицам, не достигшим 16-летнего возраста, оказывается наркологическая помощь без их согласия, т.е. принудительно (п. 2 ст. 54) [17]. Большое значение имеет Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [18], в который 28 апреля 2009 г. были внесены дополнения о том, что дети до 18 лет с 22 часов до 6 часов утра без сопровождения взрослого не могут посещать рестораны, бары, кафе, появляться на улицах, стадионах, магазинах, транспорте и т.д., «нахождение в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию» [19].

В настоящее время борьба с проституцией в основном возложена на органы внутренних дел. Поэтому сложно отрицать существование в обществе такого социального явления, как проституция, и связанных с ней совершаемых преступлений. В советский период в законодательстве отсутствовали статьи, преследовавшие за занятие проституцией, но проститутки могли преследоваться и по другим составам преступлений как уголовного, так и административного кодексов. Официально существование такого «ремесла» вообще не признавалось вплоть до перестройки. Однако непризнание

явления не означает его отсутствие как такового. Совокупность специальных предупредительных мер составляют различные способы и приемы борьбы по предупреждению преступлений, совершаемых проститутками. Преступления, совершаемые проститутками, носят скрытый, замаскированный характер, что, несомненно, осложняет их раскрытие. Для выявления и пресечения лиц, занимающихся проституцией, сотрудники патрульно-постовой службы, участковые уполномоченные инспектора полиции, а также оперуполномоченные уголовного розыска проводят рейды, как плановые, так и внеплановые. Наибольшее внимание стоит уделять таким общественным местам, как пляжи, гостиницы, бары, рестораны, ночные клубы, определенные участки шоссе дорог и т.д. Огромное значение играет своевременное информирование администраторами гостиниц, гражданами, соседями и т.д. органов внутренних дел о лицах, занимающихся проституцией. Само по себе выявление таких лиц – это только половина успешной борьбы как с самой проституцией, так и с преступлениями, которые совершаются проститутками. Важным моментом является индивидуальный подход: направление на лечение, т.к. зачастую они страдают венерическими заболеваниями, ВИЧ-инфекцией, постановка на учет, помощь в трудоустройстве, проведение бесед служителями церкви с проститутками и т.д. Помимо этого, существует запрет на транслирование ранее 22 часов программ, содержащих сцены эротического характера, что оказывает положительное влияние на предупреждение занятия проституцией [20]. Относительно недавно был принят Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [21], в связи с которым все программы, книги и иные средства информации обязаны быть оснащены знаком с возрастным ограничением.

Безусловно, основой предупреждения преступлений, совершаемых проститутками, является

их профилактика, укрепление семьи, духовных, нравственных ценностей, повышение социально-экономического уровня жизни, пропаганда СМИ, работа психологов по предупреждению конфликтов и т.д.

Важным шагом в подтверждение актуальности предупреждения преступности бедных явилось принятие в 2013 г. Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, которая рассчитана до 2020 г. В Концепции основными направлениями деятельности обеспечения общественной безопасности в политике государства являются (подп. «в» п. 28):

1) выявление лиц, склонных к совершению преступлений (в том числе страдающих заболеваниями наркоманией и алкоголизмом, лиц без определенного места жительства), и применение к ним мер профилактического воздействия в целях недопущения с их стороны преступных посягательств, развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению преступлений, и контроля за ними, совершенствование механизмов административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также механизмов их социальной адаптации и реабилитации;

2) противодействие организованной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ;

3) предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому [22].

Совокупность мер по предупреждению преступлений, совершаемых бедными людьми, должна способствовать социальной стабильности в обществе, совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере профилактики правонарушений, снижению уровня криминализации и повышению защиты жизни, здоровья, конституционных прав и свобод человека.

1. Ярошенко С. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 43–50.

2. Маргинальная преступность / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2010.

3. Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1.

4. Беглова Е.И. Социокультурные особенности феномена бедности в России // Современные исследования социальных проблем: электрон. науч. журн. 2012. № 9(17). URL:

1. Yaroshenko S. Syndrome of poverty // Sociological journal. 1994. № 2. P. 43–50.

2. Marginal crime / ed. by N.A. Lopashenko. Moscow, 2010.

3. Tikhonova N.E. Phenomenon of poverty in modern Russia // Sociological research. 2014. № 1.

4. Beglova E.I. Socio-cultural peculiarities of the phenomenon of poverty in Russia // Modern research of social problems: electronic sci. J. 2012. № 9(17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/>

- <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/beglova.pdf> (дата обращения: 21.06.2014).
5. Антонян Ю.М. *Изучение личности преступника*. М., 1982.
 6. Кижикина В.В. *Благосостояние населения и экономический рост: теоретический аспект // Вестн. Томск. гос. ун-та*. 2012. № 1(17).
 7. Десяткина Е. *Малый бизнес – аутсайдер*. URL: <http://vecherka.su/katalogizdaniy?id=9021> (дата обращения: 20.06.2014).
 8. Грицюк М. Медведев: *Производительность труда вырастет в 1,5 раза за пять лет*. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/10/proizvoditelnost-site-anons.html> (дата обращения: 21.06.2014).
 9. Фомченков Т. *Их не догонишь*. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/02/proizvoditelnost.html> (дата обращения: 15.07.2014).
 10. *Криминология* / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.Н. Аргуновой. М., 2001.
 11. Аминев Д.Р. *Влияние маргинальных проявлений на состояние оперативной обстановки на территории Саратовской области в 2008 – начале 2009 года и имеющиеся проблемы в противодействии маргинальной преступности // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко*. Саратов, 2009.
 12. URL: <http://www.gazetahot.ru/novosti/proisshestviya/1705-v-tekuschem-godu-v-buryatii-licami-bez-opredelennogo-mesta-zhitelstva-soversheno-bolee-80-prestupleniy.html> (дата обращения: 22.06.2014).
 13. Черносвитов Е.В. *Социальная медицина*. М.; Екатеринбург, 2003.
 14. *Собр. законодательства РФ*. 2011. № 15. Ст. 2037.
 15. *Рос. газ.* 2011. 26 авг.
 16. *Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Собр. законодательства РФ*. 1999. № 26. Ст. 3177.
 17. *Собр. законодательства РФ*. 1998. № 2. Ст. 219.
 18. Там же. № 31. Ст. 3802.
 19. *О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»: федер. закон от 28 апр. 2009 г. № 71-ФЗ // Собр. законодательства РФ*. 2009. № 18, ч. 1. Ст. 2151.
 20. *О средствах массовой информации: закон РФ от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 // Рос. газ.* 1992. 8 февр.
- issues/2012/9/beglova.pdf* (date of access: 21.06.2014).
5. Antonyan Yu.M. *Study of the offender*. Moscow, 1982.
 6. Kizhikina V.V. *Welfare and economic growth: theoretical aspect // Bull. of Tomsk state university*. 2012. № 1(17).
 7. Desyatkina E. *Small business – outsider*. URL: <http://vecherka.su/katalogizdaniy?id=9021> (date of access: 20.06.2014).
 8. Gritsyuk M. Medvedev: *Labour productivity will grow in 1,5 times in five years*. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/10/proizvoditelnost-site-anons.html> (date of access: 21.06.2014).
 9. Fomchenkov T. *They will not catch up*. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/02/proizvoditelnost.html> (date of access: 15.07.2014).
 10. *Criminology* / ed. by N.F. Kuznetsova, Yu.N. Argunova. Moscow, 2001.
 11. Aminev D.R. *Effect of marginal manifestations on the state of the operational environment on the territory of the Saratov region in 2008 – early 2009 and challenges in countering the marginal crime // Criminal-political, legal and criminological problems of modern combat crime and corruption: coll. of sci. papers / ed. by N.A. Lopashenko*. Saratov, 2009.
 12. URL: <http://www.gazetahot.ru/novosti/proisshestviya/1705-v-tekuschem-godu-v-buryatii-licami-bez-opredelennogo-mesta-zhitelstva-soversheno-bolee-80-prestupleniy.html> (date of access: 22.06.2014).
 13. Chernosvitov E.V. *Social medicine*. Moscow; Ekaterinburg, 2003.
 14. *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2011. № 15. Art. 2037.
 15. *Rus. newsp.* 2011. Aug. 26.
 16. *On principles of prevention of child neglect and juvenile delinquency: fed. law of June 24, 1999 № 120-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation*. 1999. № 26. Art. 3177.
 17. *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 1998. № 2. Art. 219.
 18. *Ibid.* № 31. Art. 3802.
 19. *On amending the Federal law «On basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation»: fed. law of Apr. 28, 2009 № 71-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2009. № 18, pt. 1. Art. 2151.
 20. *On mass media: law of the Russian Federation of Dec. 27, 1991 № 2124-1 // Rus. newsp.* 1992. Febr. 8.

21. Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

22. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>

21. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 48.

22. Official website of the President of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>

Машовец Асия Океановна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета
(e-mail: okeanovna@me.com)

К вопросу о допустимости применения полиграфа для получения показаний в судебном следствии

В статье анализируется перспектива использования в судебном следствии полиграфа. Приводятся примеры использования полиграфа при проведении судебных допросов. Автор считает, что в ходе судебного допроса применение детектора лжи недопустимо, поскольку возникает угроза правам личности и свободе оценки доказательств судьей по своему внутреннему убеждению. Он видит признаки деградации правовой культуры в попытках узаконить использование полиграфа в судебно-следственной практике. Им приводятся доводы в пользу того, что полиграф может использоваться только в оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: полиграф, судебное доказывание, уголовный процесс.

A.O. Mashovets, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Ural State University of Law; e-mail: okeanovna@me.com

On the problem of the possibility of using a polygraph to take testimony in the court proceedings

The article examines the prospect of using the polygraph in the court proceedings. There are examples of the use of the polygraph during judicial interrogations. The author believes that in the course of judicial questioning the use of lie detector is not allowed because there is a threat to individual rights and freedom of the evaluation of the evidence by the judge on their own beliefs. The author sees signs of degradation of the legal culture in an attempt to legitimize the use of the polygraph in the judicial and investigative practice, argues that the polygraph can only be used in operational and investigative activities.

Key words: polygraph, legal evidence, criminal procedure.

В настоящее время полиграф усердно продвигается в теории и на практике. Теперь он уже не просто оперативно-розыскное «средство ориентирующей информации», а респектабельное психофизиологическое исследование, проводимое экспертом и даже позволяющее сформировать судебное доказательство.

Полиграф взял на вооружение Следственный комитет РФ (СК РФ). Судя по всему, руководство СК РФ считает использование психофизиологических исследований с помощью полиграфа эффективным средством раскрытия преступлений и формирования доказательственной базы обвинения. Нередко данные становятся основой для обвинительного заключения. Так, в 2012 г. полиграфологам СК РФ поручили больше 10,6 тыс. проверок. По сравнению с 2011 г. выводы экспертизы становились основой обвинительного заключения почти в два раза чаще (с 445 случаев до 855). СК РФ стремится к тому, чтобы оснастить все свои подразделения полиграфами и сделать

процедуру допроса с использованием полиграфа обязательной [1]. Штатный эксперт вместе со следователем формируют доказательство и раскрывают преступление – это вершина развития следственной технологии доказывания.

Как тут не вспомнить пророческие слова А. Ларина: «Чтобы имитировать внедрение в расследование достижений науки и техники, они охотно прислушиваются к советам, которые им дают деятели особого рода. Эти шустрые господа, которые не склонны день и ночь, в жару и холод преследовать преступников, по крохам в пыли и мусоре собирать доказательства, а предпочитают в комфортабельных кабинетах испытывать полиграфом подозреваемого или обвиняемого, трактуя вкривь и вкось графики на бумажных лентах, ни за что не отвечая и пользуясь при этом всеми благами и преимуществами сотрудников милиции или службы безопасности» [2, с. 148].

Показательно, что именно Следственный комитет подхватил и поставил на поток технику

доказывания с использованием полиграфа. Следует согласиться с мнением, что легализация психофизиологических исследований с помощью полиграфа нужна следственному ведомству для того, чтобы устранить недостатки в своей работе; улучшить таким образом показатели раскрываемости и оправдать свое существование [3].

Впрочем, еще более опасен тренд на использование психофизиологических исследований с помощью полиграфа в судебном следствии. Причем даже в суде с участием присяжных заседателей происходит исследование данных, полученных с использованием полиграфа [4]. Получается, наши судьи тоже не устояли перед соблазном применения «машины» в нелегком деле оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Некоторые суды признают результаты такого рода исследований, в частности показания специалистов-полиграфологов, заключения судебных психофизиологических экспертиз, доказательствами и ссылаются на них в обосновании приговоров. Случаи назначения судебных психофизиологических экспертиз, использования в допросах полиграфов известны в Астраханской, Владимирской, Тамбовской, Саратовской областях, в Республиках Мордовия, Бурятия, Северная Осетия – Алания [5, с. 25–32; 6].

Так, при рассмотрении Муромским городским судом Владимирской области уголовного дела по обвинению В.В.Г. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ, по постановлению суда дважды проводилось психофизиологическое исследование с применением полиграфа подсудимого В.В.Г. и один раз – потерпевшей С.Т.Ю. В данном уголовном деле на разрешение экспертов-полиграфологов были поставлены вопросы, разрешение которых относится (пока) к исключительной компетенции суда, а именно: вопросы о правдивости или достоверности показаний подсудимого и потерпевшей. Показателен тот факт, что в стадии судебного разбирательства эксперт отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета РФ по Владимирской области, проводивший так называемую СПФЭ, на допросе давал оценку показаниям подсудимого и потерпевшей в категорической форме. Суд первой инстанции обосновал свои выводы о недоказанности вины В.В.Г. заключениями специалистов-полиграфологов и их показаниями, данными в судебном заседании. Суд положил в основу оправдательного приговора эти доказательства, прямо указав в приговоре, что с их помощью оценивает представленные сто-

ронами доказательства [7]. Позицию суда первой инстанции поддержал суд апелляционной инстанции [8], который признал допустимыми указанные доказательства и подтвердил правомерность решения, основанного на данных, полученных с использованием полиграфа.

Итак, использование полиграфа при судебном допросе, с последующим подтверждением полученных данных судебной психофизиологической экспертизой стало реальностью доказывания в судах. К счастью, пока Верховный Суд России занимает негативную позицию по вопросу о признании доказательственного значения за результатами психофизиологических исследований с помощью полиграфа. Данная позиция высказана Верховным Судом РФ в кассационном определении от 4 июня 2008 г. № 74-008-18 по делу Горина Е.В., Хитайлова М.С., Елистратова И.С. [9], в кассационном определении от 4 октября 2012 г. № 34-012-12 по делу Белова С.Н. и Шимаева А.М. и в других решениях. Так, в кассационном определении от 4 июня 2008 г. № 74-008-18 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда России указала: «Суд обоснованно признал недопустимыми доказательствами заключения так называемой психофизиологической экспертизы, так как они, исходя из положений ст. 74 УПК РФ, не являются доказательствами по уголовному делу. Использование достижений специалиста-полиграфолога в процессе доказывания по уголовному делу законом не предусмотрено. Выводы такой экспертизы не носят научно обоснованного характера. Как следует из заключений, перед экспертом были поставлены следующие вопросы: причастен ли (аналогичные вопросы были поставлены в отношении каждого оправданного) к убийству П; владеет ли информацией, кто убивал П; каким образом была убита П; в каком положении был оставлен труп после убийства. Данные вопросы не требуют специальных познаний в определенной сфере. Составленные вопросы находятся в компетенции правоохранительных органов и суда. Они не могут быть предметом экспертного исследования. В силу этого суд обоснованно отказал стороне обвинения в удовлетворении ходатайства о проведении психофизиологической экспертизы. Экспертизы носят вероятностный характер, они таковыми не являются, это лишь опрос подозреваемых определенным специалистом».

В научном сообществе есть активные сторонники использования в доказывании результатов психофизиологических исследований с помощью полиграфа. Существует целый ряд исследований в пользу нормативного закрепления доказательственного значения результатов

психофизиологических исследований с помощью полиграфа [10; 11; 12, с. 60–61]. Активно продвигает данный проект Я.В. Комиссарова [13], которая обосновала наличие научных критериев у «судебной психофизиологической экспертизы» (СПФЭ).

Ставить вопрос о легализации применения полиграфа для получения показаний в суде могут только люди, не понимающие сущности – гуманистической – правосудия, стандарта «отсутствия разумных сомнений», принципиального значения оценки доказательств судьей по внутреннему убеждению, презумпции невиновности и пр. Именно по причине противоречия этим принципам проект Федерального закона «О применении полиграфа» был отвергнут Экспертно-консультативным советом при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству [14].

Мы считаем, что по смыслу положений ст. 74, 75 УПК РФ заключения психофизиологических исследований с использованием полиграфа, равно как и заключение СПФЭ, являются недопустимыми доказательствами и не могут использоваться в доказывании фактических обстоятельств дела. Указанные исследования носят вероятностный характер, выводы специалистов не являются научно обоснованными, поставленные на разрешение специалистов вопросы о правдивости показаний подсудимого, а также о том, имели ли место в действительности обстоятельства, изложенные в обвинении, относятся к исключительной компетенции суда. Составленные по результатам психофизиологических исследований документы не соответствуют требованиям, предъявляемым к заключениям эксперта (специалиста). Человека может судить только человек, личные доказательства может проверять и оценивать только судья и делать окончательный вывод об их достоверности или ложности. Факты есть данные судебного следствия, показания становятся фактом или после их проверки перекрестным допросом в суде, или в случае принятия их обеими сторонами.

Если допустить в судебном доказывании проверку и оценку показаний с использованием детектора лжи, мы сделаем первый шаг к тому, чтобы подменить человеческое правосудие машинным. К сожалению, даже некоторые видные процессуалисты не видели опасности в этом. И.Л. Петрухин, например, вполне допускал возможность использовать при оценке доказательств ЭВМ [15, с. 433–434].

Под прикрытием риторики об объективной истине складывается новая технология уголовно-процессуального доказывания, главными техниками

которой являются: досудебное соглашение о сотрудничестве, возвращение судом уголовного дела прокурору, а еще свой эксперт-полиграфолог, вооруженный, готовый «объективизировать» своей судебной психофизиологической экспертизой нужные следствию показания. Вот такое получается «всестороннее, полное и объективное» расследование. Как пишут А. Александров и М. Лапатников, «для достижения раскрытия любого преступления и достижения неотвратимости наказания “преступника” СКР достаточно получить достаточное число “экспертов-полиграфологов” (не нужен даже оперативный аппарат). Отказ от дачи показаний против себя и применения полиграфа будут трактовать как косвенную улику против обвиняемого. С учетом современной тяги общества к чудесам, не исключено появление в арсенале того СКР (который идет во главе реакции) новых нетрадиционных инструментов достижения объективной истины. Там и до пыток недалеко» [3, с. 12]. Действительно, мы возвращаемся к средневековым судебно-следственным практикам, которые А.М. Ларин квалифицировал как варварский средневековый метод, «ведь он направлен на то, чтобы получить от обвиняемого уличающую его информацию вопреки его воле» [2, с. 148].

Суть складывающейся следственно-судебной практики состоит в том, что специалист-полиграфолог дает оценку доказательственной базы по делу, а личные доказательства, достоверность которых подтверждается экспертом-полиграфологом, превращаются в «совершенные». Соответственно, признательные показания обвиняемого претендуют снова стать пресловутой «царицей доказательств». При попустительстве, а скорее всего при самом активном потворстве руководства некоторых правоохранительных органов российская судебно-следственная практика входит в противоречие с фундаментальными уголовно-процессуальными нормами, определяющими процедуру доказывания.

Такого быть не должно. Учение доказательственного права о свободе оценки судьей доказательств по своему внутреннему убеждению и совести (ст. 17 УПК РФ) было выстрадано вековой историей. Любая попытка оспорить его – это попрание не только правовой справедливости, но и христианской морали.

Неслучайно ни в одном из развитых уголовно-процессуальных порядков применение полиграфов не разрешено в качестве техники получения доказательств. А в некоторых законодательствах это прямо запрещено. Так, согласно ч. 3 ст. 51 УПК Грузии прямо закреплено: «Не

допускается производство экспертизы на предмет надежности свидетеля». В Грузии понимают опасность подмены оценки судьи экспертными заключениями, а у нас – нет. Вместо того, чтобы брать лучшее из европейской правовой культуры – стандарты справедливого судебного разбирательства, наши деятели упражняются в опасном направлении. Хотелось бы повторить им: «Манипуляции с полиграфом умножают следственные и судебные ошибки» [2, с. 148].

Что же касается показаний, то они были, есть и останутся основным источником доказа-

тельств по уголовным делам. Борьба с трудностями при получении личных доказательств надо не с помощью чудесного средства в виде полиграфа, а используя опыт и мастерство при производстве следственных действий, прежде всего перекрестного допроса, о чем пишут многие современные ученые [16, с. 25–30; 17, с. 30–33]. Состязательность, непосредственность, гласность – гарантии выяснения достоверности в суде, лучше которых не выдумало человечество за все время существования правосудия.

1. Следственный комитет делает ставку на детектор лжи // Известия. 2013. 3 июля. URL: <http://izvestia.ru/news/552821>

2. Ларин А.М. Криминалистика и параюридика: науч.-практ. и учеб. пособие. М., 1996.

3. Александров А.С., Лапатников М.В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6–12.

4. Фомин М.А. Экспертиза с использованием полиграфа как доказательство в суде присяжных // Уголовный процесс. 2014. № 8. С. 59–65.

5. Ушаков А., Андрианова О. Использование результатов психофизиологических исследований с помощью полиграфа в раскрытии и расследовании уголовных дел. Н. Новгород, 2014.

6. Ищенко Е.П. Полиграф Полиграфович. М., 2013.

7. Приговор Муромского городского суда от 9 авг. 2013 г. (дело № 1-6/2013) // Архив Муромского городского суда.

8. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Владимирского областного суда от 2 окт. 2013 г. (дело № 22-3452/2013) // Архив Владимирского областного суда за 2013 г.

9. URL: <http://www.supcourt.ru/indexA.php?i1p1=1&i1text=&number=74-%CE0818&iDateB=04.06.2008&iDateE=&iDoc=68&iPhase=0&iSpeaker=0&Frash=0&search.x=50&search.y=16>

10. Холодный Ю.И. Криминалистические диагностические исследования с применением полиграфа // Криминалистика / под ред. А.Ф. Вольнского, В.П. Лаврова. М., 2008.

11. Центров Е.Е. О некоторых психологических и криминалистических аспектах психофизиологических исследований на полиграфе. Память и ее значение (статья первая) // Вестн. криминалистики. 2012. № 2(42).

1. The Investigative committee relies on the lie detector // Izvestiya. 2013. July 3. URL: <http://izvestia.ru/news/552821>

2. Larin A.M. Forensics and paraclimnalsitics: sci.-pract. and study aid. Moscow, 1996.

3. Alexandrov A.S., Lapatnikov M.V. Court on Oud, not Rossum // Criminal proceedings. 2013. № 4. P. 6–12.

4. Fomin M.A. Examination using the polygraph as evidence in trial by jury // Criminal process. 2014. № 8. P. 59–65.

5. Ushakov A., Andrianova O. Using the results of psychophysiological research using the polygraph in the detection and investigation of criminal cases. Nizhny Novgorod, 2014.

6. Ishchenko E.P. Polygraph Poligraphovich Moscow, 2013.

7. The sentence of the Murom city court of Aug. 9, 2013 (case № 1-6/2013) // Archive of the Murom city court.

8. Appeal determination of the judicial board on criminal cases of the Vladimir regional court of Oct. 2, 2013 (case № 22-3452/2013) // Archive of the Vladimir regional court, 2013.

9. URL: <http://www.supcourt.ru/indexA.php?i1p1=1&i1text=&number=74-%CE08-18&iDateB=04.06.2008&iDateE=&iDoc=68&iPhase=0&iSpeaker=0&Frash=0&search.x=50&search.y=16>

10. Holodny Yu.I. Forensic diagnostic studies with application polygraph // Criminalistics / ed. by A.F. Volynsky, V.P. Lavrov. Moscow, 2008.

11. Tsentrov E.E. On some psychological and forensic aspects of psychophysiological research on the polygraph. Memory and its value (article first) // Journal of criminalistics. 2012. № 2(42).

12. Komisarova Ya.V. Commentary to the draft Federal law «On the use of the polygraph» // Legal world. 2011. № 5.

13. Komissarova Ya.V. Conceptual bases of professional activity of the expert in criminal proceedings: auth. abst. ... Dr of Law. Moscow, 2013.

12. Комисарова Я.В. Комментарий к проекту Федерального закона «О применении полиграфа» // *Юридический мир*. 2011. № 5.

13. Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.

14. О конституционно-правовых аспектах применения полиграфа в качестве доказательства в уголовном процессе: заключение Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству от 8 нояб. 2011 г. Доступ с сайта председателя Совета Е.Г. Тарло. URL: www.egtarlo.ru/stati/problemi-poligrafa-v-ugo-lovnom-protseste/

15. Петрухин И.Л. Понятие и содержание оценки доказательств // *Теория доказательств в советском уголовном процессе*. М., 1973.

16. Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос в уголовном суде // *Рос. юстиция*. 2005. № 11. С. 25–30.

17. Юнусов А.А., Баширов Т.Н. Предмет и пределы допроса на суде в качестве свидетеля должностных лиц правоохранительных органов, осуществлявших досудебное производство по уголовному делу // *Следователь*. 2011. № 3(155) С. 30–33.

14. *On the constitutional and legal aspects of the use of the polygraph as evidence in criminal proceedings: conclusion of the Advisory Council under the Federation Council Committee on constitutional legislation of Nov. 8, 2011*. Access from the website of the chairman of Council E.G. Tarlo. URL: www.egtarlo.ru/stati/problemi-poligrafa-v-ugo-lovnom-protseste/

15. Petrukhin I.L. *Concept and content of the assessment evidence // Theory of evidence in the Soviet criminal process*. Moscow, 1973.

16. Alexandrov A.S., Grishin S.P. *Cross-examination in a criminal trial // Russian justice*. 2005. № 11. P. 25–30.

17. Yunusov A.A., Bashirov T.N. *The subject and scope of questioning in court as a witness of enforcement officials of law enforcement bodies, carrying out pre-trial proceedings in a criminal case // Investigator*. 2011. № 3(155). P. 30–33.

Меретуков Айдамир Гайсович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Условие использования доказательств в процессуальных решениях по уголовным делам

В статье проводится анализ научной, специальной и судебной практики, результаты которого позволяют высказать мнение о необходимости включения в легальное определение структуры доказывания такого элемента, как использование доказательств, а также установить четкое определение указанного понятия.

Ключевые слова: процесс доказывания, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, использование доказательств, достаточность доказательств, процессуальное решение.

A.G. Meretukov, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

The use of evidence in procedural solutions in criminal cases

The article analyzes scientific, special and judicial practice what allow to express an opinion on the need to introduce a legal definition of the structure of proof of such element as the use of evidence and establishing a clear definition of the specified concepts.

Key words: process of proof, criminal procedure, criminal proceedings, use of evidence, sufficiency of evidence, procedural decision.

Термин «использовать» в русском языке означает «воспользоваться чем-нибудь, употребить с пользой» [1, с. 208].

В теории уголовного процесса понятие «использование доказательств» впервые стало предметом исследования русских ученых в начале XX в.

В частности, М.В. Духовской писал, что «вся деятельность процесса сводится, в сущности, к собиранию доказательств и пользованию ими» [2, с. 197]. Он же приводит высказывание И. Бентама о том, что «искусство судопроизводства – есть не что иное, как искусство пользоваться доказательствами» [2, с. 197]. В советский период развития науки уголовно-процессуального права и криминалистики категория «использование доказательств» получила дальнейшее усовершенствование. Так, М.С. Строгович отмечает, что «пользование доказательствами производится на основе процессуального закона и в соответствии с его требованиями» [3, с. 307]. В свою очередь, Н.А. Селиванов указывает, что «использование доказательств включает в себя и их исследование, и оценку» [4, с. 8].

В настоящее время к сторонникам, придерживающимся аналогичной позиции по составу

элементов процесса доказывания, можно отнести Н.П. Кузнецова. В частности, ученый делает вывод, что «доказывание состоит из собирания, проверки, оценки доказательств и их использования при установлении обстоятельств, имеющих значение по делу, а также обоснования вытекающих из них выводов» [5, с. 9].

По нашему мнению, процесс доказывания, действительно, нуждается в выделении такого элемента, который бы указывал на целевое назначение всей предшествующей доказательственной деятельности, поскольку собирание, проверка и оценка доказательств осуществляются для того, чтобы впоследствии оперировать доказательствами, использовать их как средства доказывания.

Использование доказательств должно представлять собой заключительный этап работы с доказательствами, т.е. после их собирания, проверки и оценки. Сущность данного этапа процесса доказывания заключается в том, что использование доказательств – это работа с доказательствами по их применению, оперирование ими в определенных целях в связи с производством по уголовному делу. Как справедливо подчеркивает Е.А. Карякин, по большому

счету можно предположить, что «использование доказательств в форме оперирования ими и есть непосредственно доказывание, потому как доказательства, которые не привлечены для обоснования или опровержения определенного тезиса, находятся вне процесса доказывания» [6, с. 217].

Использование доказательств выражается в различных формах: применение доказательств в целях проверки ориентирующей и розыскной информации, иных доказательств; применение доказательств в целях получения новых доказательств; применение доказательств с целью моделирования механизма совершенного преступления; применение доказательств как средств установления оснований процессуальных решений по уголовным делам; применение доказательств в иных целях, не противоречащих назначению уголовного судопроизводства.

В последнем случае, к примеру, доказательства могут использоваться путем демонстрации участникам процесса в целях изобличения в даче ложных показаний и получения новых доказательств.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не выделяет в структуре процесса доказывания такой элемент, как исследование доказательств. Соответственно, не существует и отдельной нормы, которая была бы посвящена данной категории. Однако, несмотря на игнорирование названного элемента процесса доказывания, УПК РФ все-таки применяет термин «использование доказательств». В частности, в ст. 75 УПК РФ указывается, что недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Положения ч. 5 ст. 235 УПК РФ аналогично содержат предписания о том, что если суд принял решение об исключении доказательства, то данное доказательство теряет юридическую силу и не может быть положено в основу приговора или иного судебного решения, а также исследоваться и использоваться в ходе судебного разбирательства.

В связи с этим, по мнению автора, УПК РФ необходимо изменить путем включения в легальное определение структуры доказывания такого элемента, как использование доказательств, а также следует дать четкое определение указанного понятия. Предлагается ст. 85 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 85. Доказывание

Доказывание состоит в собирании, проверке, оценке и использовании доказательств в целях

установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса».

Новая норма, посвященная использованию доказательств, может иметь следующее содержание:

«Статья... Использование доказательств

Использование доказательств осуществляется в целях проверки иных доказательств, получения новых доказательств, обоснования принимаемых решений по делу и в иных целях, не противоречащих назначению уголовного судопроизводства».

В рамках настоящей статьи проблему использования доказательств предполагается изучить с точки зрения применения доказательств как средств установления оснований процессуальных решений по уголовным делам на стадии предварительного расследования.

Использование доказательств в процессуальных решениях по уголовным делам должно представлять собой такое действие, при котором собранные, проверенные и оцененные доказательства отражаются в соответствующих актах с целью обосновать выводы об установлении наличия или отсутствия фактических обстоятельств уголовного дела. Непременным условием указанного использования доказательств в процессуальных решениях является признание допустимых, относимых и достоверных доказательств достаточными. Поскольку только посредством совокупности достаточных доказательств можно сделать вывод о наличии или отсутствии обстоятельств, являющихся основаниями процессуальных решений по уголовным делам.

Проблема определения достаточности доказательств как условия их использования в процессуальных решениях по уголовным делам является одной из наиболее сложных и в теории, и на практике. Основная причина этого, прежде всего, заключается в том, что категория «достаточные доказательства» представляет собой оценочное понятие, которое не может быть однозначно определено всеми участниками уголовного процесса, применяющими закон [7, с. 25].

Как утверждают Ф.М. Кудин и Р.В. Костенко, «признак достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве есть требование, выражающееся в наличии такой системы относимых, допустимых, достоверных доказательств, которая получена в результате всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела и всей совокупности собранных по нему доказательств и которая достоверно устанавливает все обстоятельства, образующие предмет доказывания, а также

иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела» [8, с. 55–56].

Многие процессуалисты понятие «достаточность доказательств» отождествляют с такими категориями, как «пределы доказывания», «полнота доказательств». В частности, А.А. Давлетов пишет, что «полноту доказательств надо понимать как принцип достижения количества доказательств, достаточного для познания искомого качества» [9, с. 105].

На взгляд автора, понятия «достаточность доказательств», «пределы доказывания» и «полнота доказательств» весьма близки, однако между ними существуют очевидные различия.

Для достижения необходимых пределов доказывания следует отобрать из всего объема доказательственного материала только те доказательства, которые будут достаточными для их использования в качестве средств установления фактических обстоятельств уголовного дела. По справедливому утверждению А.А. Хмырова, «совокупность доказательств должна отражать все стороны состава преступления, все обстоятельства, подлежащие доказыванию, то есть должна быть не конгломератом улик, пусть даже собранных в большом количестве, а системой доказательств по уголовному делу» [10, с. 88].

В связи с этим пределы доказывания не обеспечиваются доказательством, взятым отдельно, без связи с другими доказательствами и фактами. Ни одно прямое или косвенное доказательство независимо от своей убедительности не может считаться достаточным для принятия процессуального решения, если оно не подтверждается другими доказательствами по уголовному делу. «Конкретное доказательство характеризует один аспект исследуемого события и не может быть положено в основу вывода (во всяком случае в уголовно-процессуальной деятельности), который нуждается в определенной совокупности доказательств» [11, с. 54]. Законодательным подтверждением сказанному выступают положения ч. 2 ст. 77 УПК РФ о том, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.

Таким образом, для того, чтобы обстоятельства и факты уголовного дела соответствовали пределам доказывания, субъектам уголовного судопроизводства необходимо основываться в своих выводах на тех доказательствах, которые признаны достаточными.

При определении полноты и достаточности доказательств перед органами уголовного судопроизводства стоит единая задача – отобрать их необходимое количество для установления искомых обстоятельств дела, исходя из качественных характеристик доказательств.

Между тем, деятельность по обеспечению полноты доказательств и оценка доказательств с точки зрения их достаточности направлены на достижение различных целей. Целью обеспечения полноты доказательств является создание условий для всестороннего и полного изучения значимых обстоятельств уголовного дела. Достаточные доказательства имеют своей целью подтвердить наличие или отсутствие этих обстоятельств.

Полнота доказательств связана с таким этапом доказывания, как собирание доказательств. Достаточность же доказательств определяется в ходе их оценки.

Полнота доказательственного материала означает вывод о том, что все искомые обстоятельства и факты обеспечены доказательствами, которые предположительно несут в себе необходимую информацию. Деятельность по формированию полноты доказательств проявляется в результате приобщения к уголовному делу в процессе собирания доказательств таких сведений, которые предположительно содержат наибольшее количество информации при высокой степени ее достоверности.

В науке имели место различные варианты решения проблемы определения достаточности доказательств по внутреннему убеждению. Например, Л.Е. Владимиров предлагал «рассчитать на “градуснике достоверности” степени внутреннего убеждения. На одной стороне “градусника” предлагалось выразить градусы положительного убеждения; на другой – градусы отрицательного. Свидетелю стоило, таким образом, только указать градус, которого достигла сила его убеждения» [12, с. 41–42].

Другие рассматривают процесс формирования внутреннего убеждения в достаточности доказательств через гносеологический, логический, психологический аспекты [13, с. 61–116]. Как рассуждает Е.А. Доля, «возможности на гносеологическом и логическом уровнях познания проникать в сущность явлений и фактов ограничены. Поэтому качественно различны с точки зрения как предмета (количества доказательств, их свойств), так и целей деятельности и ее правовых последствий мыслительная деятельность, сопровождающая собирание и проверку доказательств, предметом исследования которой является одно или несколько доказательств, и мыслительная деятельность, имеющая место при завершении доказывания,

оценке совокупности всех собранных и проверенных доказательств по уголовному делу» [14].

В дальнейшем ученый Е.А. Доля делает вывод о том, что «результатом оценки достаточности доказательств на заключительном этапе доказывания будет достижение объективной истины по уголовному делу, а на этапах, предшествующих заключительному, – установление относительных истин, представляющих собой лишь части объективной истины по уголовному делу» [14, с. 90]. Он же противопоставляет оценку достаточности всех собранных доказательств в их совокупности какой-то другой оценке достаточности «ограниченных совокупностей доказательств», производимой для решения необходимых вопросов по уголовному делу «(при задержании подозреваемого, применении меры пресечения, привлечении в качестве обвиняемого, признании потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, приостановлении, соединении и выделении уголовных дел)» [14, с. 89].

Существует также точка зрения о том, что необходимо применять «положения теории информации, теории вероятностей, достижения математики и кибернетики в оценке достаточности доказательств» [15]. В частности, следует отметить «неоднократность обращения целого ряда криминалистов к использованию математического моделирования при расследовании уголовных дел» [16].

А.А. Давлетов считает, что «специфика качественных отношений между доказательствами служит средством связи между доказательствами и значимыми обстоятельствами уголовного дела. Качественная же однородность доказательств не может обеспечить их дифференциацию количественно» [9, с. 100].

Необходимо учитывать, что при определении достаточности доказательств не существует готовых формул, описывающих силу доказательств. Как указывает В.П. Корюкаев, «разные субъекты доказывания по-разному оценивают одну и ту же совокупность доказательств по мере их накопления, которое продолжается лишь до тех пор, пока вероятность не повысится до очень высокой степени, обеспечивающей

практическую достоверность вывода» [17, с. 53]. Поэтому только «внутреннее убеждение фиксирует здесь не измеряемый численно момент перерастания правдоподобного знания в содержательно достоверное» [14, с. 80].

Отдельные авторы предлагали «поставить в зависимость от указаний закона определение достаточности доказательств». Л.М. Карнеева полагает, что «положения закона содержат общие характеристики степени исследования необходимых обстоятельств на разных этапах производства по делу и вместе с тем позволяют учитывать при этом особенности формирования вывода субъекта доказывания» [18, с. 4].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает оценку всех собранных доказательств в их совокупности, однако не разъясняет, что понимать под достаточностью доказательств. Указание же в ст. 88 УПК РФ о том, что оценка достаточности необходима только для разрешения дела, является неверным. Поскольку необходимость определения достаточных доказательств как условие их использования в процессуальных решениях может возникать задолго до разрешения уголовного дела по существу.

В этой связи следует, на взгляд автора, усовершенствовать положения УПК РФ путем указания на то, что достаточность доказательств определяется по внутреннему убеждению органов уголовного судопроизводства, когда совокупность собранных доказательств приводит к выводу о наличии конкретных обстоятельств или фактов, являющихся основаниями принимаемых по уголовному делу решений. Анализ научной, специальной, судебной практики позволяет высказать мнение о необходимости изложить ч. 1 ст. 88 УПК РФ в следующей редакции:

«1. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – достаточности в целях получения вывода о наличии обстоятельств или фактов, являющихся основаниями принимаемых по уголовному делу решений».

1. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. М., 1989.

2. Духовской М.В. *Русский уголовный процесс*. М., 1910.

3. Строгович М.С. *Курс советского уголовного процесса*. Т. 1: *Основные положения науки советского уголовного процесса*. М., 1968.

1. Ozhegov S.I. *Dictionary of the Russian language*. Moscow, 1989.

2. Duhovskoy M.V. *Russian criminal process*. Moscow, 1910.

3. Strogovich M.S. *Course of the Soviet criminal process*. Vol. 1: *The basics of science of the Soviet criminal process*. Moscow, 1968.

4. Селиванов Н.А. Криминалистика: система понятий. М., 1982.
5. Кузнецов Н.П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1998.
6. Карякин Е.А. Спорные вопросы уголовно-процессуального доказывания // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию Башкир. гос. ун-та. Уфа, 2004. Ч. 1.
7. Зажицкий В. Оценочные понятия в уголовно-процессуальном законе: язык и стиль // Сов. юстиция. 1993. № 13.
8. Кудин Ф.М., Костенко Р.В. Достаточность доказательств в уголовном процессе. Краснодар, 2000.
9. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991.
10. Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания: учеб. пособие. Краснодар, 1996.
11. Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
12. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.
13. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977.
14. Доля Е.А. Оценка доказательств в российском уголовном процессе // Государство и право. 1996. № 5.
15. Эйсман А.А. Некоторые вопросы оценки как количественной характеристики достоверности доказательств // Вопросы кибернетики и права. М., 1967.
16. Кирсанов З.И. Математические методы исследования в криминалистике // Вопросы кибернетики и права. М., 1967.
17. Корюкаев В.П. Пределы доказывания при отказе в возбуждении уголовного дела // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1981.
18. Карнеева Л.М. Привлечение в качестве обвиняемого. М., 1962.
4. Selivanov N.A. Criminalistics: concepts system. Moscow, 1982.
5. Kuznetsov N.P. Proving and its features on the stages of the criminal process in Russia: auth. abstr. ... Dr of Law. Voronezh, 1998.
6. Karyakin E.A. Controversial issues of criminal procedure of the proof development // Problems of improvement and application of the legislation on the fight against crime: proc. of all-Russian sci.-pract. conf. dedicated to the 95th anniversary of the Bashkir State University. Ufa, 2004. Pt. 1.
7. Zazhitsky V. Evaluative concepts in the criminal procedure law: the language and style // Soviet justice. 1993. № 13.
8. Kudin F.M., Kostenko R.V. Sufficiency of evidence in criminal proceedings. Krasnodar, 2000.
9. Davletov A.A. Bases of criminal procedural knowledge. Sverdlovsk, 1991.
10. Hmyrov A.A. Problems of the theory of proof: study aid. Krasnodar, 1996.
11. Grishina E.P. Reliability of evidence and the methods of its provision in the criminal process: diss. ... Master of Law. Moscow, 1996.
12. Vladimirov L.E. Doctrine of criminal evidence. St. Petersburg, 1910.
13. Reznik G.M. Internal belief in assessing evidence. Moscow, 1977.
14. Dolya E.A. Evaluation of evidence in the Russian criminal process // State and law. 1996. № 5.
15. Eysman A.A. Some evaluation questions as quantitative characteristics of the reliability of the evidence // Questions of cybernetics and law. Moscow, 1967.
16. Kirsanov Z.I. Mathematical research methods in criminalistics // Questions of cybernetics and law. Moscow, 1967.
17. Koryukaev V.P. Limits of proof in case of refusal to Institute criminal proceedings // Actual problems of proof in the Soviet criminal process. Moscow, 1981.
18. Karneeva L.M. Involvement as a defendant. Moscow, 1962.

Пастухов Павел Сысоевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Пермского государственного национального исследовательского университета
(e-mail: pps64@mail.ru)

«Электронные доказательства» в состязательной системе уголовно-процессуальных доказательств

Автор статьи предлагает отказаться от протоколов следственных действий как вида уголовно-процессуальных доказательств. Наличие такого вида доказательств нарушает принцип состязательности и равноправия сторон. Внедрение информационных технологий в уголовный процесс закономерно приведет к отказу от письменного документооборота, будут использоваться электронные документы. Обе стороны должны быть равны в получении доказательств в свою пользу. Закон должен позволять участнику процесса представлять суду результаты гласных следственных действий в виде видеозаписи на электронном носителе.

Ключевые слова: протокол следственного действия, электронный документ, состязательность, уголовно-процессуальное доказывание.

P.S. Pastuhov, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Perm State National Research University; e-mail: pps64@mail.ru

«Electronic evidence» in the adversarial system of criminal procedure proof

The author proposed to abandon the protocols of investigative actions as a form of criminal procedure evidence. The presence of this type of evidence violates the principle of equality of the parties. Introduction of information technologies in criminal proceedings naturally lead to the abandonment of the written document, will be used electronic documents. Both sides must be equal in obtaining evidence in their favor. The law should allow participants to submit to the court process results vowels investigative actions in the form of video on an electronic medium.

Key words: protocol of investigative action, electronic document, competitiveness, criminal procedure proof.

В уголовной процессуалистике в настоящее время достаточно активно обсуждаются варианты включения в УПК РФ норм, регламентирующих новый вид доказательств – «электронные доказательства». На наш взгляд, вопрос о «процессуализации» «электронных доказательств» должен решаться не через создание нового источника доказательств в следственной системе доказательств, а через смену парадигмы доказательственного права: должна быть создана система уголовно-процессуальных доказательств состязательного уголовного судопроизводства.

В открытом обществе и правовом государстве уголовное судопроизводство не может не быть состязательным. Информационные технологии, Интернет объективно делают общество более открытым. Правительство не может, да и не должно контролировать информационное пространство и монополизировать право на инфор-

мацию; любой пользователь интернет-ресурсами, а тем более интернет-сообщество, может конкурировать с официальными структурами в информационной среде. Значит, закономерно связывать развитие информационного общества с демократией и ее проекцией в уголовно-процессуальной плоскости – в виде состязательности, открытой информационной среды.

В концептуальном плане проблему замены письменного документа на электронный в уголовном процессе никто не ставил. А между тем развитие информационных технологий неизбежно приведет к этому. И тут никакими отговорками об особой природе (официальной) уголовного судопроизводства и только ему присущих технологиях доказывания не отделаться. Письменный документ становится анахронизмом в информационном обществе, при повсеместном распространении электронных гаджетов и электронном документообороте.

В гражданском судопроизводстве вытеснение письменных документов электронными происходит по нарастающей, юридические факты устанавливаются электронными средствами доказывания. В сфере государственного управления происходят аналогичные процессы по замещению письменного документооборота электронным. Уголовный процесс не должен составлять исключения, ведь фактически здесь имеет место оказание правительством услуг населению – по защите от преступлений. Значит, на эту сферу также должны распространяться общие стандарты электронной информатизации. Уголовно-правовые факты могут и должны подтверждаться электронными доказательствами там и тогда, где и когда это, во-первых, позволяет установить истину по делу, во-вторых, удобно для участников уголовного процесса, в-третьих, не противоречит основам уголовно-процессуального регулирования.

Сейчас на повестку дня науки выходит проблема расчистки следственных завалов для внедрения информационных технологий в процедуру доказывания. Надо попытаться уйти от некоторых доктринальных положений, предопределяющих ход мыслей наших ученых, и попытаться более широко посмотреть на доказательство в свете электронной, цифровой информации. Разумеется, мы вынуждены пользоваться тем языком, тем понятийным аппаратом, которые сложились в эпоху следственного процесса. Однако мы считаем себя свободными в том, чтобы в ряде случаев выйти за пределы законодательных формулировок и пересмотреть сложившиеся стереотипы построения теоретических конструкций. Перевод процессуальной документации в бездокументарную форму – тезис несколько парадоксальный. Но он вполне укладывается в такую модель уголовно-процессуального доказывания, включающую в себя современные информационные технологии.

От общей проблемы документирования актов уголовного производства перейдем к обсуждению вопроса о возможности перевода в электронный вид наиболее распространенного вида процессуальных документов, несущих доказательственную информацию, а именно: протоколов следственных действий, монополию на составление которых имеют органы предварительного расследования. Наш призыв таков: протоколы следственных действий – в электронный формат. Для того чтобы приступить к его реализации, следует концептуально пересмотреть подход к пониманию доказательственной сущности протокола следственного действия.

Протокол не первоначальный источник доказательства, как это принято в следственном процессе, а производный письменный документ по отношению к той информации, которая лично воспринята лицом, производящим следственное действие, – следователем. Источник этой информации – свидетель. Как пишет С.А. Пашин, источником личных доказательств служит человек, обладающий специальными познаниями или нет, оказавшийся уполномоченным должностным лицом или нет [1, с. 318]. Развивая данный тезис, можно прийти к выводу, что протоколы следственных действий, большая часть иных документов представляют собой производные доказательства: они произведены представителями органов обвинительно-следственной власти. Посредством исследования следственных материалов суд получает информацию из вторых рук, т.к. в них зафиксировано то, что воспринял следователь [2, с. 17].

Между тем, приоритетом для суда должны быть первоисточники сведений; таковыми должны быть, по нашему мнению, показания в суде лица, уполномоченного на проведение досудебного уголовного преследования, а также видеозапись его действий по обнаружению и получению предметов, документов, фиксации следов преступления. Доказательство обвинения должно быть представлено в такой форме, которая позволяла бы верифицировать его, проверить и оценить достоверность, относимость сведений, убедить судью. Вместо «протокола следственного действия» (и приложений к нему) может быть принят иной способ фиксации информации, полученной участником, производящим собирание доказательств, – видеозапись, фотографии. При таком подходе офицер уголовного преследования, проводивший гласное или негласное действие по сбору доказательств, представляет суду полученное им доказательство в устной форме, путем дачи показаний и подкрепляет их видеозаписью своих действий и обнаруженных следов преступления. Видеозапись действий этого субъекта досудебного доказывания могла бы стать заменой его показаний в случаях, во-первых, согласия процессуального противника, а во-вторых, депонирования этого доказательства следственным судьей.

Некоторые ученые выступают за допустимость использования данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, в уголовном процессе. Уже высказывались предложения о внесении в ч. 2 ст. 74 УПК РФ дополнительного п. 7 следующего содержания: «Протоколы документирования результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий,

если они соответствуют требованиям настоящего Кодекса» [3, с. 80]. Однако мы видим решение проблемы снятия запрета на использование оперативно-розыскного мероприятия в качестве средства доказывания в другом, а именно: через отмену правового предписания о протоколировании хода и результатов действий сотрудников правоохранительных органов по получению доказательственной информации. Собирать доказательства офицеры публичного уголовного преследования должны быть уполномочены посредством как гласных, так и негласных следственных действий.

Сущность доказательства состоит в механизме его формирования, включающего закономерности следообразования и процессуальные условия собирания. Источником личного доказательства является его автор, к нему и нужно в случае необходимости обращаться за пояснениями. Все акты документирования хода и результатов гласных и негласных действий по собиранию источников доказательственной информации вторичны, производны от показаний офицера полиции, проводившего соответствующее действие. Все их объединяет одно – их источником является должностное лицо правоохранительного органа, производившего (руководившего проведением) следственное действие или оперативно-розыскное мероприятие. По механизму формирования такого рода доказательства существует полное сходство. Субъект доказывания воспринимает явления, процессы, события и фиксирует их лично или посредством ведения видеозаписи.

В нашей науке высказывались взгляды, близкие англо-американской концепции «hearsay», согласно которой любая информация, независимо от способа получения, может быть доведена до суда ее получателем, при этом суду необходимо предоставить первоисточник доказательства для проверки [4, с. 32–35]. Заметим, что в законодательстве Грузии есть нормативные положения, основанные на данной модели. Так, в ст. 78 УПК Грузии «Доказательственная сила документа» говорится следующее: «1. По требованию стороны документ имеет доказательственную силу, если известно его происхождение и он аутентичен. Документ или вещественное доказательство являются допустимыми доказательствами, если сторона может допросить в качестве свидетеля лицо, обнаружившее/создавшее их или (и) у которого они хранились до представления в суд. 2. Документ может одновременно являться вещественным доказательством по уголовному делу, если он обладает свойством незаменимости. 3. В случае, когда

изъятый и приобщенный к уголовному делу документ необходим для текущего учета, отчетности или иных правомерных целей, он или его копия могут быть возвращены или переданы во временное пользование законному владельцу».

Полагаем, наше законодательство вполне может иметь нормы аналогичного содержания. Это позволит обеим сторонам представлять суду свои электронные документы, равно как и иные материалы, имеющие доказательственное значение, и требовать признания их доказательствами. В ст. 111 УПК Грузии «Общий порядок производства следственных действий» имеются следующие нормы: «1. Стороны при производстве следственных действий в порядке, установленном настоящим Кодексом, имеют равные права и обязанности, кроме исключений, предусмотренных частью 2 настоящей статьи. Стороны производят следственные действия в порядке, установленном настоящим Кодексом, и в установленных пределах. Прокурор вправе присутствовать при производстве следственных действий, производимых правоохранительными органами. Правоохранительные органы не должны производить следственные действия без участия прокурора, если он требует этого. Прокурор вправе с согласия стороны защиты присутствовать при производстве следственного действия, проводимого стороной защиты. 2. Сторона защиты не вправе обращаться в суд с ходатайством о производстве следующих следственных действий: а) тайные следственные действия; б) обыск; в) выемка». Как и в грузинском законодательстве, у нас должна быть норма о том, что обе стороны равны в получении доказательств путем производства гласных следственных действий, за исключением обыска, выемки. Тем самым будет отменена монополия следственного протокола как основного источника доказательственной информации по делу.

Итак, источником доказательства применительно к следственному действию, равно как и оперативному мероприятию, гласному или негласному, является само то должное лицо правоохранительного органа, которое его проводило. Суду по правилам состязательного процесса необходимо обратиться за сведениями именно к нему, как первоисточнику, а также к другим участникам действия-мероприятия за необходимыми сведениями. Те материалы, в которых это лицо зафиксировало ход и результаты, не могут иметь самостоятельного доказательственного значения в суде для установления фактов, кроме тех случаев, когда стороны договариваются без спора признать правильность их содержа-

ния. Далее, документированию в письменном виде, как несовершенному способу фиксации доказательственной информации, надо предложить альтернативу в виде электронного документа – видео- или аудиозаписи в цифровом формате.

Что касается протоколов допросов, то от них следует отказываться вообще, за исключением случаев, охватываемых институтом депонирования, где должна вестись запись допроса в судебном заседании. Примером в данном случае может быть германская модель, которая воспроизведена в новейшем уголовно-процессуальном законодательстве многих восточно-европейских государств.

§ 168b УПК ФРГ «Протокол о следственных действиях прокуратуры» имеет следующее содержание: «(1) Результат следственных действий прокуратуры фиксируется в материалах дела. (2) О допросе обвиняемого, свидетеля или эксперта должен составляться протокол в соответствии с §§ 168 и 168a, если это может быть сделано без значительной задержки действий по производству дознания».

В § 58a УПК ФРГ «Запись допроса» говорится: «(1) Допрос свидетеля может быть записан на носители изображения и звука. Он должен быть записан:

- 1) при допросе лиц моложе 16 лет, если они пострадали в результате преступления, или
- 2) если существует опасение, что свидетель не сможет быть допрошен во время судебного разбирательства, и запись необходима для установления истины.

(2) Использование записи изображения и звука допустимо только для целей уголовного преследования и только в той степени, в которой это необходимо для установления истины».

Германский законодатель исходит из того, что личные доказательства должны быть представлены и исследованы непосредственно в судебном заседании посредством судебных допросов. Таковы общепризнанные международно-правовые нормы и такова позиция Европейского суда по правам человека: лица, имеющие информацию по делу, должны непосредственно предоставить ее суду в ходе прямого и перекрестного допросов. Любой человек может стать источником личного доказательства, хотя процессуальный противник судебным допросом может доказать обратное на судебном допросе. Судебные допросы выступают главными средствами формирования личного доказательства, все остальные способы получения, фиксации и передачи суду сообщений от лиц вторичны, представляют собой в случаях, специально

предусмотренных законом, производные доказательства [5, с. 10–15].

Одним из таких случаев должно быть депонирование доказательства. Депонирование доказательств представляет собой представление стороной в деле источника предполагаемого доказательства следственному судье, проверку его содержания с участием процессуального противника в состязательном порядке и, наконец, фиксацию хода и результатов действий субъектов доказывания по формированию доказательства. Институт депонирования в равной степени сейчас принят и в англо-американской и в романо-германской правовых системах. Современное уголовно-процессуальное законодательство ряда стран, входивших в состав СССР, содержит институт депонирования: ст. 217 УПК Республики Казахстан, ст. 225 УПК Украины, ст. 114 УПК Грузии.

Таким образом, мы делаем следующие выводы: во-первых, протокол следственного действия не должен считаться источником (первоначальным) доказательства, во-вторых, источником сведений относительно фактов, установленных в ходе оперативно-розыскного мероприятия или следственного действия, являются лица, его проводившие и участвовавшие в нем, в-третьих, видеозапись следственного действия, оперативно-розыскного мероприятия является оптимальным средством документирования – этот электронный документ должен приниматься судом за производное личное доказательство в случаях, предусмотренных законом.

Мы предлагаем установить на переходный период альтернативный режим фиксации хода и результатов гласного или негласного действия правоохранительного органа по получению доказательства: сохранить письменный способ, но наряду с ним допустить фиксацию исключительно техническими средствами; данные, полученные таким путем, сохранять в бездокументарном виде и распечатывать только в случае необходимости (по требованию со стороны процессуального противника, если это необходимо для обеспечения его права на надлежащее выполнение своей процессуальной функции, или суда, если это необходимо для отправления функции правосудия), а в обычном порядке направлять по электронной почте в суд и в судебном заседании воспроизводить с помощью средств компьютерной техники.

Можно представить себе, что постепенно все большая часть доказательственной информации, в том числе данные, полученные оперативно-следственным путем, будет храниться в виде файлов, которые будут записаны на стационар-

ном или переносном носителе. В суд эти данные будут передаваться на диске, прилагаемом к резолютирующему процессуальному документу. Но потом можно перейти и на полностью компьютеризированный документооборот между судебно-следственными органами.

Иными словами, при наличии отлаженной системы электронного документооборота доказательственная информация может получаться, храниться и передаваться по телекоммуникационным сетям в бездокументарном виде. Всеобщая компьютеризация всех звеньев системы уголовной юстиции приведет к бездокументарному обмену электронной информацией между правоохранительными органами.

Мы считаем, что на смену протоколу должен прийти электронный документ в виде видеозаписи следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия. В совокупности с показаниями участников действия, мероприятия

видеозапись образует единое доказательство факта. Что же касается личных доказательств, то они по общему правилу должны формироваться только в судебном разбирательстве в ходе судебных допросов сторонами и судом осведомленного о фактах лица, видео- или аудиозапись показаний как производное доказательство может воспроизводиться в суде только в специально предусмотренных законом случаях.

Между тем, в суде должен сохраниться традиционный уклад судоговорения. Основой для представления, исследования и оценки доказательств, в том числе электронных доказательств, должна быть устная речь перед судьей, с участием судьи. Состязательность, непосредственность, устность, гласность – эти принципиальные правовые положения имеют непреходящую ценность. Никакие информационные технологии не могут подорвать их приоритет.

1. Пашин С.А. Доказательства в российском уголовном процессе. М., 1999.

2. Александров А.С., Бостанов Р.А. Использование производных доказательств в уголовном процессе. М., 2013.

3. Александров А.С., Терехин В.В., Кухта А.А. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6.

4. Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 1: Российский и международный опыт // Рос. следователь. 2012. № 4.

5. Александров А.С., Гришин С.П., Конева С.И. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению). 3-е изд., доп. М., 2014.

1. Pashin S.A. Evidence in the Russian criminal process. Moscow, 1999.

2. Alexandrov A.S., Bostanov R.A. The use of derivative evidence in criminal proceedings. Moscow, 2013.

3. Alexandrov A.S., Terekhin V.V., Kukhta A.A. About legal value of results of public operational search actions for criminal case and reform of pre-judicial criminal trial // Criminal law. 2009. № 6.

4. Alexandrov A.S., Kucheruk D.S. Results of OIM – base of a sentence? Article 1: Russian and international experience // Russian investigator. 2012. № 4.

5. Alexandrov A.S., Grishin S.P., Koneva S.I. Cross-examination in court (explanation of its essence, principles and procedures, and practical guidance for use). 3rd ed., add. Moscow, 2014.

Рудич Валерий Владимировичкандидат юридических наук,
адвокат Уральской коллегии адвокатов Свердловской области
(тел.: +79615747005)

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности

В статье анализируются генезис и современное состояние института мер пресечения, применяемых в отношении предпринимателей. Автор выделяет изъятия из запрета на арест лиц, обвиняемых в совершении ряда экономических преступлений. По мнению автора, предприниматель может быть арестован в четырех случаях, кроме тех, что перечислены в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. В статье анализируются данные исключения, позволяющие брать под стражу обвиняемых, на которых распространяется действие ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Автор предлагает законодательно ограничить действие запрета на арест предпринимателей, если преступление затрагивает государственный или общественный интерес.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, сфера предпринимательской деятельности.

V.V. Rudich, Master of Law, Lawyer of the Ural Lawyers Association of the Sverdlovsk Region; tel.: +79615747005.

The use of remand in custody of suspects and accused persons in the field of business and other economic activities

The paper analyzes the genesis and the current state of the institute preventive measures applicable to entrepreneurs. The author highlights the exceptions to the prohibition on arrest of persons accused of committing economic crimes. According to the author, an entrepreneur may be arrested in four cases, except those listed in paragraphs 1–4 of pt. 1 of art. 108 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. This article analyzes the exceptions allowing to take custody of the accused, who are covered by pt. 1 of art. 108 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. The author proposes a law to limit the ban to arrest businessmen, if the offense involves the state or the public interest.

Key words: measure of restraint, detention, field of business activity.

Согласно действующей редакции ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159⁶, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст. 171–174, 174¹, 176–178, 180–183, 185–185⁴, 190–199² УК РФ, если обвиняемый, подозреваемый имеет постоянное место жительства на территории Российской Федерации, его личность установлена, им не нарушена ранее избранная мера пресечения, он не скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Запрет на аресты предпринимателей был инициирован Президентом России Д. Медведевым [1]. Одним из пунктов разработанной впоследствии Концепции по модернизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства [2] предлагалось законодательное введение и осуществление на практике специальных дополнительных (сравнительно с действующими в отношении иных субъектов права) материально-правовых и процессуальных гарантий, вытекающих из особенностей предпринимательской деятельности и ограждающих предпринимателей от незаконного уголовного преследования, в том числе в целях передела собственности. Одной из таких процессуальных гарантий и стал данный запрет.

Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ (в редакции от 7 февраля 2011 г.) «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], которым и была введена ч. 1.1 в ст. 108 УПК РФ, в пакете с такими законами, как Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (в редакции от 30 декабря 2012 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5], Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] и др., стал частью новой уголовной политики противодействия экономической преступности. Именно в контексте этой политики и надо толковать смысл этой нормы: «бизнес должен работать, а не сидеть в тюрьме».

Первоначально введение «президентских поправок» вызвало неоднозначную реакцию. В частности, высказывались мнения о том, что новой нормой был нарушен конституционный принцип равенства всех граждан перед законом и судом [7], изъятие из общего процессуального порядка противоречит справедливости и увеличивает социальные различия [8].

Однако данная позиция не нашла поддержки у Конституционного Суда России. Конституционный Суд РФ косвенно подтвердил конституционность новой нормы, не нашел в решении законодателя отступления от ст. 19 Конституции РФ: «Статьи 97 и 99 УПК Российской Федерации, определяющие общие для всех мер пресечения основания для их избрания и обстоятельства, учитываемые при таком избрании, не могут рассматриваться как позволяющие дознавателю, следователю или суду игнорировать условия назначения конкретной меры пресечения, закрепленные специальными нормами этого Кодекса, в том числе частью первой¹ статьи 108, устанавливающей, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159, 160 и 165 УК Российской Федерации, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности» [9].

Тем самым подтвердилось первоначальное мнение о том, что анализируемая норма является специальной по отношению к общим, ранее существовавшим нормам, предусмотренным

ст. 97, 99 УПК РФ, и имеет в этом качестве безусловный приоритет при разрешении вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. В свою очередь, норма, содержащаяся в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, является специальной по отношению к ч. 1 ст. 108 УПК РФ, ведь она предусматривает конкретизацию содержащихся в ней правил. Недопустимость применения ареста в качестве меры пресечения означает и недопустимость его продления, поскольку при продлении каждый раз подлежит проверке и обоснованию наличие предусмотренных законом оснований для содержания лица под стражей [10].

Проверкой на прочность этого запрета стало знаковое уголовное дело в отношении М. Ходорковского и П. Лебедева, в рамках которого Московский городской суд, рассмотрев жалобу защиты на решение судьи о продлении срока содержания под стражей подсудимых, признал допустимым наличие как минимум трех изъятий из запрета на арест предпринимателей. Во-первых, исключительная опасность преступления, инкриминируемого подсудимому, и особо крупный ущерб (в деле Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л. фигурировал ущерб на общую сумму свыше 800 млрд рублей). Во-вторых, суд согласился с доводом обвинения о том, что «освобождение Лебедева П.Л. из-под стражи может привести к тому, что он вновь возглавит управление сокрытыми от следствия и правосудия средствами и использует их для противодействия уголовному судопроизводству», т.е. опять имеет место исключительная злостность обвиняемого и угроза от его действий на свободе. В-третьих, суд согласился с таким доводом государственного обвинителя, «что 29 марта 2010 года государственное обвинение закончило представление доказательств, и с этого времени судом первой инстанции исследуются доказательства, представляемые подсудимыми и их защитниками, а с учетом заявленных стороной защиты ходатайств судебное следствие в срок до 17 августа 2010 года завершено быть не могло» [10]. Как выяснилось позднее, данная аргументация не встретила поддержки у надзорной инстанции. Двумя своими решениями Президиум Верховного Суда РФ отверг эти аргументы, признав незаконными решения судов нижестоящих инстанций о продлении срока содержания под стражей подсудимых и незаконность содержания указанных лиц под стражей с 17 августа 2010 г. по 17 ноября 2010 г. [11; 12]. Так подтвердилась исключительность запрета на арест предпринимателей. Однако аресты предпринимателей по экономическим статьям продолжались и после этого.

Первоначально свою позицию по данной проблеме Пленум Верховного Суда РФ сформулировал в специальном постановлении [13], вынесенном в самый острый период толкования смысла правового предписания. Им было разъяснено, что «преступления, предусмотренные статьями 159, 160 и 165 УК РФ, следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в предпринимательской деятельности, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью». Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ со ссылкой на п. 1 ст. 2 ГК РФ определил понятие «предпринимательской деятельности» применительно. Хотя не поставил точку в споре о том, могут ли быть изъятия из запрета на применение ареста к предпринимателям.

В окончательном виде позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу сложилась в пп. 7 и 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 [14]. Пленум Верховного Суда РФ подтвердил наличие прямого запрета на применение меры пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии обстоятельств, указанных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 171–174, 174¹, 176–178, 180–183, 185–185⁴, 190–199² УК РФ, без каких-либо других условий, а в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159⁶, 160 и 165 УК РФ, – при условии, что эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, т.е. когда они совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью. К таким лицам относятся индивидуальные предприниматели в случае совершения преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности.

Судебная практика выявила несколько ситуаций, при которых суды находили возможным применение данной меры пресечения к лицам,

занимающимся предпринимательской деятельностью: во-первых, это когда обвиняемому инкриминировалось какое-либо из преступлений, не указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, во-вторых, когда находились данные, указывающие на наличие обстоятельств, перечисленных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ (в частности, что он скрывался или пытался скрыться от органов следствия), в-третьих, когда подтверждалось, что предпринимательство являлось формой прикрытия преступной деятельности.

Как отмечается в некоторых судебных решениях, по смыслу ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении физического лица, подозреваемого в совершении соответствующего преступления, связанного с осуществлением этим лицом, зарегистрированным в качестве предпринимателя, некой предпринимательской деятельности. Между тем, И. не является индивидуальным предпринимателем [15] и потому может быть арестован.

К лицам, подпадающим под действие ч. 1 и 1.1 ст. 108 УПК РФ, в качестве наиболее строгих мер пресечения первоначально могут применяться домашний арест и залог. Однако если такое лицо обвиняется, помимо перечисленных преступлений, еще в каком-то другом преступлении, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше двух лет, то запрет на арест отпадает. Например, если следователь сумеет доказать, что мошенничество было совершено под прикрытием предпринимательской деятельности, но не в связи с этой деятельностью, то суд также может удовлетворить его ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В судебных решениях по этому поводу встречаются такие формулировки: «Что касается доводов адвоката о том, что Д. обвиняется в преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, поэтому мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена в отношении нее только при наличии прямо указанных в законе исключительных обстоятельств, коих по настоящему делу не имеется, то они не основаны на материалах дела, из которых следует, что Д. вменяется совершение различных мошеннических действий, в том числе не связанных с предпринимательской деятельностью обвиняемой и договорами, заключенными ею от имени возглавляемой ею фирмы» [16].

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после

проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление.

Усиление требований к уровню доказанности подозрения, обвинения при избрании меры пресечения применительно к рассматриваемой категории уголовных дел означает, что следователь должен представить суду доказательства не только объективной, но и субъективной стороны преступления, т.е., например, доказать умысел на совершение мошенничества и заведомый отказ от ведения законопослушного предпринимательства.

Между тем, в судебной практике встречаются ситуации, когда суды уходят от решения проблемы, прикрываясь достаточно спорным доводом, что только суд при рассмотрении дела сможет разобраться, совершено ли было преступление в сфере предпринимательской деятельности, т.е. толкуют сомнения против обвиняемого. Так, в одном из судебных решений имеется такая формулировка, оправдывающая взятие под стражу обвиняемого, защита которого настаивала на том, что он подпадает под действие ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ: «Доводы апелляционной жалобы о том, что инкриминируемое деяние совершено в сфере предпринимательской деятельности и оснований для продления меры пресечения в виде заключения под стражу не имеется, являются несостоятельными. Суд первой инстанции, основываясь на материалах, представленных в подтверждение ходатайства, проверил достаточность данных об имевшем место событии преступления и обоснованно согласился с утверждением следственных органов о наличии данных, указывающих на причастность Б. к инкриминируемому деянию. Вместе с тем, как усматривается из представленных материалов, уголовное дело возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ст. 159 ч. 4 УК РФ. В рамках предварительного

расследования Б. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 159 ч. 4 УК РФ, которое законом отнесено к категории тяжких преступлений и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. Предварительное расследование по делу не окончено, обвинение в окончательной редакции Б. не предъявлено. Кроме того, при решении вопроса о мере пресечения в компетенцию суда не входит оценка доказательств по существу, и суд не вправе входить в обсуждение вопросов о доказанности либо недоказанности вины лица в инкриминируемом ему деянии и квалификации содеянного, поскольку оценка предъявленного обвинения подлежит проверке при рассмотрении уголовного дела по существу, в связи с чем на данной стадии нельзя согласиться с тем, что инкриминируемое Б. деяние совершено в сфере предпринимательской деятельности» [17].

К настоящему времени стало очевидным, что мнение о том, что предприниматели подвергаются чрезмерно жестким мерам пресечения по сравнению с другими категориями граждан, оказалось, мягко говоря, преувеличенным. Полагаем, что назрело решение о внесении поправок в законодательство, запрещающее взятие под стражу предпринимателя: допустить арест предпринимателя, если его преступными действиями причинен вред общественным или государственным интересам. На наш взгляд, следует дополнить ст. 108 УПК ч. 1.2 следующего содержания: «Положения части первой¹ не применяются, если действиями подозреваемого, обвиняемого причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество».

1. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2009. 13 нояб.

2. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере / на основании Поручения Президента РФ от 28 нояб. 2009 г. № ПР-3169 подготовлена АНО «Центр правовых и экономических исследований» (Москва) в сотрудничестве с Институтом современного развития (ИНСОР,

1. Message from the President of the Russian Federation Dmitry Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation // Rus. newsp. 2009. Nov. 13.

2. The concept of modernization of criminal legislation in the economic sphere / on the basis of the Instruction of the President of the Russian Federation of Nov. 28, 2009 № PR-3169 prepared by ANO «Center for legal and economic research» (Moscow) in cooperation with the Institute of

Москва). URL: http://www.liberal.ru/upload/files/konstept_modern_supernew_light.pdf

3. Собр. законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 4. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2014).

4. Собр. законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2014).

5. Собр. законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7349. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2013).

6. Рос. газ. 2012. 3 дек.

7. Александров А.С. К вопросу о смысле правового предписания, содержащегося в части 1.1 статьи 108 УПК РФ // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2010. № 3(7). С. 16–19.

8. Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. 2013. № 1(6). С. 5–20.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ибрагимов Гюльоглана Ханоглан оглы на нарушение его конституционных прав статьями 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 февр. 2011 г. № 250-О-О (документ официально опубликован не был). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2014).

10. Александров А.С. Проблемы применения ареста в отношении предпринимателей // Уголовный процесс. 2011. № 1. С. 62–69.

11. Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 апр. 2011 г. (дело № 5-Д 11-29). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2014).

12. Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сент. 2011 г. (дело № 5-Д 11-63). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2014).

13. О внесении дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 декабря 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 15 // Рос. газ. 2010. 14 июня.

contemporary development (INSOR, Moscow). URL: http://www.liberal.ru/upload/files/konstept_modern_supernew_light.pdf

3. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. № 1. Art. 4. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.09.2014).

4. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 50. Art. 7362. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.09.2014).

5. Coll. of legislation of the the Russian Federation. 2011. № 50. Art. 7349. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.09.2013).

6. Rus. newsp. 2012. Dec. 3.

7. Alexandrov A.S. To the question about the meaning of legal provisions contained in part 1.1 of article 108 of the Criminal procedure code of the Russian Federation // Bull. of Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2010. № 3(7). P. 16–19.

8. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. New criminal policy in the sphere of combating economic and fiscal crime: questions // Criminologist library. 2013. № 1(6). P. 5–20.

9. About refusal in admission for consideration of the complaint of the citizen Ibragimov Guloglan Hanoglan oglu on violation of his constitutional rights by articles 97 and 99 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Febr. 24, 2011 № 250-O-O (was not published officially). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.09.2014).

10. Alexandrov A.S. Problems with the use of arrest in relation to entrepreneurs // Criminal process. 2011. № 1. P. 62–69.

11. Regulatory determination of judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of Apr. 15, 2011 (case № 5-D 11-29). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.09.2014).

12. Regulatory determination of judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of Sept. 13, 2011 (case № 5-D 11-63). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.09.2014).

13. On introducing amendments to the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 29, 2009 № 22 «About practice of application by courts of measures of restraint in the form of detention, bail and house arrest»: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10, 2010 № 15 // Rus. newsp. 2010. June 14.

14. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 // Рос. газ. 2013. 27 дек.

15. Апелляционное определение Московского городского суда от 10 апр. 2013 г. № 10-1913. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2014).

16. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 дек. 2013 г. по делу № 10-13835. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2014).

17. Апелляционное постановление Московского городского суда от 2 июля 2014 г. по делу № 10-8702/2014. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2014).

14. About practice of application by courts of the legislation on measures of restraint in the form of detention, house arrest and bail: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 19, 2013 № 41 // Rus. newsp. 2013. Dec. 27.

15. Appeal determination of the Moscow city court of Apr. 10, 2013 № 10-1913. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.09.2014).

16. Appeal resolution of the Moscow city court of Dec. 24, 2013 in the case № 10-13835. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.09.2014).

17. Appeal resolution of the Moscow city court of July 2, 2014 in the case № 10-8702/2014. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.09.2014).

Бутаев Мурадали Якубовичсоискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Дагестанского государственного университета
(тел.: +78722676149)

К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по делам о преступлениях террористической направленности

В статье выдвигается и аргументируется предложение оценивать результаты оперативно-розыскной деятельности как источник доказательств по уголовному делу. Автор ссылается на законодательство государств ближнего зарубежья, в котором данный вопрос разрешен положительно. В пользу этого предложения приводятся данные судебно-следственной практики, которые говорят о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности прямо используются как обвинительные доказательства. В статье приводятся доводы ученых, обосновывающих необходимость отмены запрета на использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании. Также автор анализирует доказательственное значение результатов контртеррористической операции.

Ключевые слова: доказательства, результаты оперативно-розыскной деятельности, уголовный процесс.

M.Ja. Butaev, Competitor of a Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Dagestan State University; tel.: +78722676149.

On the use of the results of operatively-search activity in proving in cases of terrorist crimes

The paper put forward a proposal and argued evaluate the results of operatively-search activities as source of evidence in a criminal case. The author refers to the legislation of the neighboring countries, which positively resolved the issue. In favor of this proposal provides data forensic investigative practices, which suggests that the results of operative-investigative activity directly used as incriminating evidence. The article argues scientists justifying the lifting of the ban on the use of the results of operational and investigative activities in criminal procedure proving. The author analyzes the probative value of the results of the counterterrorist operation.

Key words: evidence, results of operatively-search activity, criminal procedure.

Официальная доктрина считает доказыванием только процессуальную деятельность и настаивает на необходимости разделения оперативно-розыскной деятельности, направленной на выявление, раскрытие преступлений, изобличение причастных к ним лиц, и уголовно-процессуального доказывания в стадиях уголовного судопроизводства.

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в редакции от 28 июня 2013 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий, предусмотренных УПК РФ, при расследовании уголовного дела. Они могут служить поводом и основанием для воз-

буждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Аналогичные положения содержатся в п. 4 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [2].

В общем, с результатами оперативно-розыскной деятельности можно делать все, что угодно, кроме того, чтобы использовать их прямо по назначению – в качестве источников доказа-

тельств. В силу содержащегося в ст. 89 УПК РФ формального запрета на использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ, эти сведения презюмируются недопустимыми.

В нормальном уголовно-процессуальном порядке такого быть не должно. Это подтверждается опытом законодательства государств ближнего зарубежья. Так, согласно п. 23 ст. 3 УПК Грузии доказательства – это информация, представленная в суд в установленном законом порядке, содержащая эту информацию предметы, документы, вещи или иные объекты, на основе которых стороны в суде подтверждают или отрицают факты, дают им правовую оценку, выполняют обязанности, защищают свои права и законные интересы, а суд устанавливает наличие или отсутствие факта или деяния, ввиду которого осуществляется уголовный процесс, совершение или несвершение этого деяния определенным лицом, его виновность либо невиновность, а также обстоятельства, влияющие на характер и степень ответственности обвиняемого, характеризующие его личность. В ч. 2 ст. 13 УПК Грузии говорится о том, что обвинительный приговор должен основываться только на совокупности согласующихся друг с другом, явных и убедительных доказательств. Новейшее уголовно-процессуальное законодательство Грузии, Молдовы (ст. 93 УПК Республики Молдова), других государств ближнего зарубежья допускает получение доказательств путем производства гласных и негласных (тайных) следственных действий, т.е. следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Причем на производство гласных следственных действий – через суд – уполномочены неофициальные субъекты доказывания, т.е. защитники обвиняемых, сами обвиняемые и другие лица (ст. 111 УПК Грузии).

На наш взгляд, оперативно-розыскная деятельность по выявлению, раскрытию преступлений, изобличению преступников является главным образом доказыванием, и проведение следственных или иных процессуальных действий по ее легализации является избыточным требованием к допустимости уголовно-процессуальных доказательств. Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые считают, что давно пора отменить норму, содержащуюся в ст. 89 УПК РФ, и расширить перечень источников доказательств, содержащийся в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, введя в нее дополнительный пункт следующего содержания: «результаты оперативно-розыскной деятельности» [3; 4].

С этим, разумеется, согласятся не все. Однако сложившаяся судебно-следственная практи-

ка убеждает в том, что материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности и представленные органам предварительного расследования, служат первоисточниками доказательственной информации, эти же материалы выступают в качестве средств доказывания и в суде.

Изучение судебно-следственной практики показывает, что по делам о преступлениях террористической направленности в качестве обвинительных доказательств, представляемых суду, выступают такого рода «иные документы» (этот «источник» давно уже стал троянским конем, в котором информация, полученная в ходе ОРД, проникает в пределы уголовно-процессуального доказывания): рапорта оперуполномоченных оперативных аппаратов ФСБ и других правоохранительных органов, справки оперуполномоченных с анализом преступной деятельности террористического подполья, постановления о рассекречивании результатов оперативно-розыскной деятельности; постановления о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору, в суд; постановления о разрешении проведения в отношении лица оперативно-розыскных мероприятий; акты обследования жилых помещений, местности, транспортных средств; заключение специалиста по изучению представленных документов; акты сбора образцов для сравнительного исследования.

Кроме того, доказательствами выступают экспертные выводы о проведении исследования материалов оперативно-технических мероприятий; распечатки записей разговоров, проведенных в ходе оперативно-розыскных мероприятий; распечатки телефонных переговоров; показания свидетелей, которыми выступали сотрудники ФСБ России, МВД России, понятые, специалисты, участвовавшие в проведении гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий, вещественные доказательства. Иными словами, этот круг доказательств представляют сведения, непосредственно полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности.

Третий круг обвинительных доказательств представляют собой протоколы следственных действий (таких, как обыски, выемки, допросы), заключения экспертов, специалистов, которые опять-таки в качестве первоосновы имеют сведения, полученные в ходе ОРД, и являются производными от них.

Значит, первоосновой для всех этих доказательств является информация, полученная в результате оперативно-розыскной деятельности. Следует особо подчеркнуть, что, несмотря

на доктринальный и законодательный запрет на прямое использование в уголовно-процессуальном доказывании сведений, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, в правоприменительной практике это имеет место. Так что официальная доктрина изжила себя. Зачем уподобляться страусу, прячущему голову в песок, чтобы не видеть реальность? Надо нормативно закрепить сложившееся положение вещей: результаты ОРД являются источниками уголовно-процессуальных (судебных) доказательств – и предусмотреть гарантии от злоупотреблений при их использовании.

Мы поддерживаем предложение Д.С. Кучерука в новой редакции ст. 89 УПК РФ допустить использование результатов ОРД для доказывания виновности обвиняемого после их проверки в судебном порядке и инкорпорировать в УПК (создав отдельную главу) положения ФЗ «Об ОРД», а также ведомственных нормативных актов, регламентирующих проведение ОРМ и представление результатов ОРД судебным следственным органам для использования в доказывании [5, с. 9].

Такого рода норма содержится, например, в ч. (4) ст. 93 УПК Республики Молдова: «Фактические данные, полученные оперативно-розыскным путем, могут быть допущены в качестве доказательств лишь в случае, если они получены и проверены с помощью средств, указанных в части (2), в соответствии с уголовно-процессуальным законом, с соблюдением прав и свобод человека или с ограничением некоторых прав и свобод, санкционированным судебной инстанцией».

Сведения, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, после их проверки судом в условиях справедливой, состязательной процедуры становятся доказательством. Доказательством, на наш взгляд, может быть любое сведение, позволяющее правильно установить спорные обстоятельства уголовного дела, если их получение не было сопряжено с существенным нарушением конституционных прав и свобод человека, подрывающим основы официальной уголовной политики государства.

Полагаем, что уголовная политика государства по противодействию преступлениям террористической направленности может содержать отступления от общих стандартов доказывания. Примером в этом плане может служить Анти-террористический закон США, который имеет следующее официальное название: «Акт 2001 года, сплачивающий и укрепляющий Америку обеспечением надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему» [6] (сокращенно – «Патриотиче-

ский акт», 2011). Этим законодательным актом были существенно расширены полномочия правоохранительных органов по получению доказательственной информации. Прежде всего, это касается электронного наблюдения: свободнее допускается выдача судебного ордера на «кочующее» прослушивание телефонных разговоров с помощью электронных средств, т.е. такое прослушивание, когда оно проводится не в отношении конкретно зафиксированного номера телефона, а в отношении разговоров объекта наблюдения со всех телефонных аппаратов при его передвижении. В целом закон создает условия, при которых электронное наблюдение в уголовном розыске и в контрразведывательных операциях (при всей разнице юридических стандартов обоснования судебного ордера на это оперативное мероприятие) становится взаимосвязано и переплетено. Далее, нормы Патриотического акта расширили возможности федеральных правоохранительных органов в сфере оперативного наблюдения в Интернете, а именно: вести розыск подозреваемых в терроризме личностей оперативным наблюдением за Интернетом (с помощью разработанной и используемой ФБР системы он-лайнного наблюдения «Carnivore») – отслеживанием посещений Web-страниц и корреспондентов по электронной переписке, в некоторых случаях, при наличии чрезвычайных обстоятельств, – без ордера, выдаваемого судом, лишь с одобрения прокуратуры. Статья 216 антитеррористического закона («Модификация полномочий, относящихся к использованию устройств по определению абонентов во время передачи исходящих или входящих сообщений») распространила режим получения санкции на отслеживание телефонных номеров при обмене сообщениями по электронной почте и посещения сайтов в Интернете. Кроме того, ст. 216 Патриотического акта уполномочивает судью выдавать ордера на использование определителей телефонных номеров сообщающихся абонентов «в любом месте Соединенных Штатов», а не только «в пределах территориальной юрисдикции суда», как это обуславливалось прежней редакцией ст. 3123 Титула 18 Свода законов США. Другая новая норма (ст. 212, ревизующая ст. 2703 Титула 18 Свода законов США «Обязательное предоставление сообщений или документации потребителя»), связанная с использованием компьютерной сети оперативно-следственными органами для сбора доказательственной информации о террористах, устанавливает обязанность провайдеров сети предоставлять правоохранительным органам электронные сообщения лиц, подозреваемых в терроризме [7].

Мы считаем, что аналогичного рода нормы могут быть закреплены и в нашем законодательстве, равно как и в официальной доктрине уголовной политики по противодействию экстремизму и терроризму. По нашему мнению, информационные предпосылки для формулирования и выдвижения обвинения создаются в ходе оперативно-розыскной деятельности, в том числе в ходе контртеррористической операции. Из определения, даваемого в п. 5 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в редакции от 28 июня 2014 г.) «О противодействии терроризму» [8], следует, что контртеррористическая операция представляет собой комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств, направленных на: 1) пресечение террористического акта; 2) обезвреживание террористов; 3) обеспечение безопасности физических лиц, организаций и учреждений; 4) минимизацию последствий террористического акта.

Сохранение следов преступления, соби́рание и фиксацию источников потенциальных доказательств следует включить в число приоритетов спецподразделений правоохранительных органов, равно как и иных участников контртеррористической операции. Участники контртеррористической операции, проводя оперативно-розыскные и оперативно-боевые мероприятия, на наш взгляд, получают информацию, которая может быть допущена в качестве доказательств. Мы считаем, что на основе результатов оперативно-боевой и оперативно-розыскной деятельности могут быть сформированы такие доказательства по уголовному делу, которые в последующем позволят решать вопросы о привлечении к уголовной ответственности обвиняемых в совершении преступлений террористической направленности, минимизации последствий (возмещения вреда) от теракта, предупреждении террористической, экстремистской и иной противоправной активности.

1. *Рос. газ. 1995. 18 авг. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2014).*

2. *Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сент. 2013 г.: зарегистрирован в Минюсте России 5 дек. 2013 г. № 30544. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 11.11.2013).*

3. *Александров А.С., Терехин В.В., Кухта А.А. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6. С. 77–81.*

4. *Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 2: Российские регламенты устарели // Рос. следователь. 2012. № 6. С. 35–39.*

5. *Кучерук Д.С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о взяточничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.*

1. *Rus. newsp. 1995. Aug. 18. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.10.2014).*

2. *About the approval of the Instruction about an order of representation of results of operational search activity to body of inquiry, to the investigator or in court: order of the Ministry of the Interior of Russia № 776, the Ministry of Defence of Russia № 703, the Federal Security Service of Russia № 509, the Federal Protection Service of Russia № 507, the Federal Custom Service of Russia № 1820, the Foreign Intelligence Service of Russia № 42, the Federal Penal Service of Russia № 535, the Federal Drug Control Service of Russia № 398, the Inquisitional Committee of Russia № 68 of Sept. 27, 2013: registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on Dec. 5, 2013 № 30544. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 11.11.2013).*

3. *Alexandrov A.S., Terekhin V.V., Kukhta A.A. About legal value of results of public operational search actions for criminal case and reform of pre-judicial criminal trial // Criminal law. 2009. № 6. P. 77–81.*

4. *Alexandrov A.S., Kucheruk D.S. Results of OIM – base of a sentence? Article 2: The Russian regulations became outdated // Russian investigator. 2012. № 6. P. 35–39.*

5. *Kucheruk D.S. Use of results of operational search activity in proof on criminal cases about bribery: auth. abstr. ... Master of Law. Nizhny Novgorod, 2011.*

6. URL: <http://www.politechbot.com/p-02714.html>

7. Власихин В.А. «Патриотический акт» – юридический анализ. URL: <http://www.agentura.ru/dossier/usa/zakon-antiterror/>

8. Собр. законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2014).

6. URL: <http://www.politechbot.com/p-02714.html>

7. Vlasikhin V.A. The patriotic act – the legal analysis. URL: <http://www.agentura.ru/dossier/usa/zakon-antiterror/>

8. Coll. of the legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Art. 1146. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.10.2014).

Эсендилов Магомед Вахитович

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института международных отношений
(университета) МИД России
(e-mail: m.esendirov@gmail.com)

О некоторых вопросах соблюдения прав обвиняемого при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

Статья посвящена исследованию процедуры избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а также анализу проблем и формулированию предложений, связанных с совершенствованием института прав обвиняемого в уголовном процессе.

Ключевые слова: обвиняемый, обвинение, уголовный процесс, права, суд, следователь, дознаватель, предварительное расследование, меры пресечения, заключение под стражу.

M.V. Esendirov, Post-graduate of a Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry; e-mail: m.esendirov@gmail.com

About some issues of respecting the rights of accused in case of imprisonment as a form of restrictive measure

The article is devoted to the study of imprisonment procedure as a form of restrictive measure, and the analysis of the problematic issues and the formulation of proposals associated with improving the institute of the rights of accused in criminal proceeding.

Key words: accused, accusation, criminal procedure, rights, court, investigator, inquiry officer, preliminary inquiry, restrictive measures, imprisonment.

В отношении обвиняемого может быть избрана одна из самых строгих мер пресечения – заключение под стражу. Заметим, что, возможно, в силу традиций, возможно, в силу опасения, что обвиняемый скроется, а возможно, в связи с тем, что другие меры пресечения недостаточно четко регламентированы, судьи в большинстве своем избирают именно меру пресечения в виде заключения под стражу. Так, в 2013 г. в суды общей юрисдикции поступили ходатайства об избрании данной меры пресечения в отношении 146993 человек, из них удовлетворено 133311 ходатайств, в том числе в отношении несовершеннолетних – 1849. При этом отказано в удовлетворении ходатайств в силу различных причин в отношении 11942 лиц. Другими словами, 91% из поданных в суды ходатайств об избрании самой строгой меры пресечения ими удовлетворяется.

Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу должно быть обусловлено хотя бы одной из целей, предусмотренных уголовно-процессуальным законом: воспрепятствовать возможному сокрытию лица от органов расследования или суда, не допустить продолжения

преступной деятельности лица; во избежание выражения различными способами угроз в адрес свидетелей или иных субъектов уголовного процесса по делу, уничтожения доказательств либо воспрепятствования производству по уголовному делу любым иным способом, а также лицо может быть заключено под стражу в связи с необходимостью исполнения приговора или возможной его выдачи иностранному государству при получении от иностранного государства запроса о выдаче.

Таким образом, цели, которыми должен руководствоваться правоприменитель при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, являются общими и для всех других мер пресечения, предусмотренных законодательством.

Поскольку заключение под стражу связано со значительными ограничениями, касающимися неотчуждаемых прав человека – права на свободу и неприкосновенность, то такие ограничения должны быть оправданы. И, по справедливому замечанию Н.И. Капинуса, оправданы «лишь целями защиты еще более важных социальных ценностей» [1, с. 36]. Наряду со сказанным, заметим, что нашей целью не является идеали-

зировать обвиняемого. Говоря о его правах и их ограничении, считаем возможным заметить, что несвоевременно избранная или недостаточно строгая из имеющихся в арсенале следствия или суда мера пресечения не только не обеспечит цели уголовного процесса по делу, но приведет к безнаказанности преступника, а возможно, и к гибели потерпевшего или свидетеля.

Решение вопроса о заключении под стражу отнесено к исключительной компетенции суда (п. 1 ч. 2 ст. 29, ч. 1 ст. 108 УПК РФ). В основе данного требования – ст. 22 Конституции РФ, согласно которой арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению.

Обвиняемому обеспечивается право на доступ к правосудию, в силу п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ он является участником судебного рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения, что согласуется с международными стандартами в области правосудия, в частности Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, в ст. 5 которой говорится о том, что «каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно».

Заключение под стражу в качестве меры пресечения может избираться в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. При этом законодатель усилил гарантии лица, в отношении которого такая мера может быть избрана: всякий раз, избирая данную меру пресечения, суд обязан проверить возможность избрания другой, менее строгой меры, а именно залога или домашнего ареста.

Нарушением прав не будет случай избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. Однако такие случаи законодатель отнес к исключительным, обусловив их наличием одного из следующих обстоятельств: отсутствие у подозреваемого или обвиняемого постоянного места жительства на территории Российской Федерации; не представилось возможным установить его личность; нарушение лицом ранее избранной меры пресечения; лицо скрылось от органов предварительного расследования или от суда. Данный перечень

является исчерпывающим, и судебное решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу к лицу в нарушение указанного перечня является нарушением его прав и подлежит отмене.

Динамично развивающееся уголовно-процессуальное законодательство пополнилось новыми нормами, расширяющими гарантии обвиняемых. Так, федеральными законами [2; 3; 4] внесены в ст. 108 УПК РФ (ч. 1.1) дополнения о запрете избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, направленных против собственности, не сопряженных с причинением вреда жизни и здоровью человека (ст. 159–159⁶, 160, 165 УК РФ), если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении иных преступлений в сфере предпринимательской деятельности (ст. 171–174, 174¹, 176–178, 180–183, 185–185⁴, 190–199² УК РФ), при отсутствии обстоятельств, указанных ранее для лиц, обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет (пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Особые условия установлены для защиты прав несовершеннолетнего обвиняемого. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу допускается в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и лишь в исключительных случаях – преступления средней тяжести.

Таким образом, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу предваряет решение судом вопросов о наличии предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований и отсутствии установленных ст. 108 УПК РФ запретов для ее применения, также исследуется возможность применения менее строгой меры пресечения. Поэтому законодатель в ч. 3 ст. 108 УПК РФ обязал излагать в постановлении о возбуждении ходатайства мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения, приложив к постановлению материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Именно данные материалы в суде будут проверены с целью принятия решения о мере пресечения.

Состав участников судебного разбирательства по вопросу о мере пресечения в виде заключения под стражу изложен в ч. 4 ст. 108 УПК РФ. Ее буквальное толкование приводит к

следующему. В числе обязательных участников названы: судья районного суда или военного суда соответствующего уровня, подозреваемый или обвиняемый, прокурор, защитник (причем если он участвует в уголовном деле).

По своему усмотрению в судебном заседании вправе участвовать: законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель.

При этом неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, за исключением случаев неявки обвиняемого.

Из сказанного приходим к выводу о том, что обязательной является явка судьи и обвиняемого.

Однако содержание ч. 5 ст. 108 УПК РФ указывает на случаи проведения судебного заседания по данному вопросу в отсутствие обвиняемого. К таковым закон относит объявление обвиняемого в международный розыск.

Нам представляется, что решение такого вопроса, как заключение лица под стражу, требует обязательного участия защитника. Причем вне зависимости от того, присутствует ли обвиняемый в зале заседаний суда или объявлен в розыск. Полагаем, что в целях обеспечения прав подозреваемого, обвиняемого, а также во избежание злоупотреблений стороной обвинения необходимо изменить редакцию ч. 4 ст. 108 УПК РФ. Считаем, что первое предложение ч. 4 ст. 108 УПК РФ следовало бы изложить, например, в такой редакции: «Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, приглашенного подозреваемым или обвиняемым, либо назначенного в порядке статьи 50 настоящего Кодекса, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд».

Нам представляется, что высказанное предложение, во-первых, позволит обеспечить права обвиняемого, подозреваемого и, во-вторых, не приведет к затягиванию сроков рассмотрения ходатайства в случае нежелания обвиняемого, подозреваемого воспользоваться помощью защитника.

В защиту прав обвиняемого уголовно-процессуальное законодательство располагает прави-

лом (ч. 7 ст. 108 УПК РФ), согласно которому в том случае, когда судья не усмотрит оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, он вправе по собственной инициативе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде залога или домашнего ареста. Более того, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, исходя из положений ч. 2 и 7 ст. 106 УПК РФ во взаимосвязи с положениями ч. 5 ст. 107 и ч. 3 и 7.1 ст. 108 УПК РФ, решение об избрании меры пресечения в виде залога суд вправе принять не только по результатам рассмотрения ходатайства следователя, согласованного с руководителем следственного органа, или ходатайства дознавателя, согласованного с прокурором, но и по результатам рассмотрения ходатайства, заявленного подозреваемым, обвиняемым, его защитником, законным представителем либо другим физическим или юридическим лицом, а также по результатам обсуждения в судебном заседании возможности применения альтернативных заключению под стражу или домашнему аресту мер пресечения. Исследование судом фактических и правовых оснований для избрания залога должно осуществляться в условиях состязательности и равноправия сторон с обеспечением подозреваемому, обвиняемому возможности довести до суда свою позицию, в частности о виде и размере залога [5].

По собственной инициативе или по ходатайству стороны защиты судья полномочен рассмотреть вопрос и принять решение об избрании меры пресечения в виде залога или домашнего ареста к обвиняемому (подозреваемому). Однако если лицо положительно характеризуется, имеет постоянное место проживания, не намерено скрываться или препятствовать следствию и есть законные основания избрать отличную от заключения под стражу меру пресечения, то почему нельзя избрать, например, личное поручительство или подписку о невыезде?

Нам же представляется, что с учетом всех условий и ограничений, которые установлены в качестве необходимых требований при избрании мер пресечения, можно было бы предоставить суду право избрания любой другой из перечня мер пресечения (ст. 98 УПК РФ), наиболее соответствующей обстоятельствам и личности лица, в отношении которого она избирается как альтернатива заключению под стражу. В этой связи позволим себе высказать предложения по изменению ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ, в которой слова «меру пресечения в виде залога или домашнего ареста» заменить словами «иную меру пресечения». Как представляется,

данное предложение в большей мере будет соответствовать соблюдению гарантий прав обвиняемого (подозреваемого) и будет полностью соответствовать самостоятельности судебного выбора и принципам уголовного судопроизводства, в том числе и принципу свободы оценки доказательств.

Следует заметить, что гарантиями прав обвиняемого при избрании меры пресечения являются нормы ч. 9 ст. 108 УПК РФ о невозможности повторного обращения в суд с ходатайством о заключении под стражу одного и того же лица по тому же уголовному делу после вынесения судьей постановления об отказе в избрании этой меры пресечения. Исключения составляют случаи возникновения новых обстоятельств, обосновывающих необходимость заключения лица под стражу.

Кроме того, в числе гарантий – право обвиняемого обжаловать решение суда об избранной мере пресечения в 3-суточный срок со дня его вынесения в порядке апелляции, а также в кассационном порядке, установленном гл. 47.1 УПК РФ.

Гарантии прав обвиняемого реализуются, в том числе, посредством обязанности следователя, дознавателя позаботиться о несовершеннолетних детях, других иждивенцах, а также престарелых родителей, нуждающихся в постороннем уходе, если в связи с избранной в отношении обвиняемого мерой пресечения они остались без присмотра и помощи (ст. 160 УПК РФ). Мерами попечения служат в подобных случаях передача на попечение близких родственников, родственников или других лиц либо помещение в соответствующие детские или социальные учреждения.

Кроме сказанного, обвиняемый (подозреваемый), заключенный под стражу, не лишается права на имущество или жилище и в силу этого вправе рассчитывать на их сохранность, обеспечить которые является обязанностью лица, в чьем производстве находится уголовное дело. Наряду с этим обвиняемый имеет право и на уведомление его о принятых по сохранности его имущества и жилища мерах.

В силу п. 42 ст. 5 УПК РФ содержание под стражей – пребывание лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, либо обвиняемого, к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, в следственном изоляторе либо ином месте, определяемом федеральным законом. Законодатель, формулируя перечень прав обвиняемого, вполне обоснованно не мог в ст. 47 подробно изложить все права, которыми может

распоряжаться обвиняемый. По этой причине порядок реализации прав обвиняемым в процессе содержания под стражей урегулирован в соответствии со ст. 95 УПК РФ Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [6], ст. 17 которого называется «Права подозреваемых и обвиняемых».

Обвиняемый вправе обжаловать действия и решения, нарушающие нормы закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в период исполнения им меры пресечения в виде заключения под стражу. Причем на обвиняемого распространяются общие правила о порядке обжалования действий, бездействия или решений должностных лиц и органов, в том числе и право обжалования их в Европейский суд по правам человека. Так, поданные А.Н. Денисенко и В.В. Богданчиковым жалобы в Европейский суд по правам человека были рассмотрены, Суд установил ряд нарушений ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с жестоким обращением со стороны сотрудников правоохранительных органов при нахождении заявителя под стражей, с неэффективностью соответствующего расследования по жалобе заявителя, а также в связи с условиями содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе № ИЗ-77/2 Москвы и здании суда [7, с. 7, 34–59]. Вследствие чего Суд постановил обязать государство выплатить заявителю в течение трех месяцев 5000 евро (пять тысяч евро) плюс любой налог, который может быть взыскан с указанной суммы. Надо сказать, что это не единственное решение Европейского суда по вопросам нарушения прав лиц, находящихся под стражей [8]. В качестве примера можно привести Постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г. «Дело “Ананьев и другие (Ananuev and others) против Российской Федерации”» (жалоба № 42525/07, 60800/08), где по делу обжалуются нечеловеческие условия содержания заявителей под стражей в следственных изоляторах (по делу допущено нарушение требований ст. 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), а также ряд других постановлений Европейского суда [9; 10].

Следует отметить, что за обвиняемым, в отношении которого избрана мера пресечения «заключение под стражу», сохраняется право участвовать в выборах.

Время пребывания лица под стражей засчитывается в срок отбывания им наказания, если впоследствии будет постановлен обвинительный приговор суда.

Обвиняемый имеет право на изменение меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую в случае выявления у него тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования [11].

К законным правам лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, относится право быть реабилитированным и получить компенсацию вреда, причиненного ему незаконно примененным к нему уголовным преследованием (ч. 4 ст. 11, ст. 133–138 УПК РФ). Согласно п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, имеет право на реабилитацию – право,

которое включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Таким образом, исследование регламентации порядка избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу позволяет говорить о том, что обвиняемый наделен широким комплексом прав, однако нормы УПК РФ непротиворечивы в части регулирования порядка осуществления установленных прав и в силу сказанного нуждаются в совершенствовании. Представляется, что изложенное видение необходимых изменений и дополнений в нормы действующего законодательства послужит оптимизации правового статуса обвиняемого, а также его защите в уголовном процессе.

1. Капинус Н.И. Меры пресечения в российском уголовном процессе // Следователь. 1998. № 5.

2. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2009 г. № 383-ФЗ (в ред. от 7 февр. 2011 г.) // Рос. газ. 2009. 31 дек.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 апр. 2010 г. № 60-ФЗ (в ред. от 6 дек. 2011 г.) // Рос. газ. 2010. 9 апр.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2012 г. № 207-ФЗ // Рос. газ. 2012. 3 дек.

5. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 // Рос. газ. 2013. 27 дек.

6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от 28 июня 2014 г.) // Рос. газ. 1995. 20 июля.

7. Дело «Денисенко и Богданчиков (Denisenko and Bogdanchikov) против Российской Федерации»: постановление Европейского суда по правам человека от 12 февр. 2009 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. Рос. изд. 2012. № 8.

1. Kapinus N.I. Restrictive measures in the Russian criminal trial // Investigator. 1998. № 5.

2. About modification of part one of the Tax code of the Russian Federation and separate acts of the Russian Federation: fed. law of Dec. 29, 2009 № 383-FL (in ed. of Febr. 7, 2011) // Rus. newsp. 2009. Dec. 31.

3. About modification of separate acts of the Russian Federation: fed. law of Apr. 7, 2010 № 60-FL (in ed. of Dec. 6, 2011) // Rus. newsp. 2010. Apr. 9.

4. About modification of the Criminal code of the Russian Federation and separate acts of the Russian Federation: fed. law of Nov. 29, 2012 № 207-FL // Rus. newsp. 2012. Dec. 3.

5. About practice of application by courts of the legislation on measures of restraint in the form of detention, house arrest and bail: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 19, 2013 № 41 // Rus. newsp. 2013. Dec. 27.

6. About detention of suspects and the crimes accused of commission: fed. law of July 15, 1995 № 103-FL (in ed. of June 28, 2014) // Rus. newsp. 1995. July 20.

7. Case «Denisenko and Bogdanchikov (Denisenko and Bogdanchikov) against the Russian Federation»: resolution of the European Court of Human Rights of Febr. 12, 2009 // Bull. of the European Court of Human Rights. Rus. ed. 2012. № 8.

8. Panteleeva K.A. Ineffectiveness of the Russian means from inadequate conditions of detention: the analysis of the «pilot» Resolution of the European Court of Human Rights «Ananyev

8. Пантелеева К.А. Неэффективность российских средств правовой защиты от ненадлежащих условий содержания под стражей: анализ «пилотного» Постановления Европейского суда по правам человека «Ананиев и другие против России» // Современное право. 2013. № 9. С. 98–105.

9. Дело «Ананиев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации» (жалоба № 42525/07, 60800/08): постановление Европейского суда по правам человека от 10 янв. 2012 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. 2012. № 8.

10. Дело «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04): постановление Европейского суда по правам человека от 15 янв. 2009 г. // Рос. хроника Европейского суда. 2009. № 4.

11. О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: постановление Правительства РФ от 14 янв. 2011 г. № 3 (в ред. от 4 сент. 2012 г.) // Рос. газ. 2011. 21 янв.

and others against Russia» // Modern law. 2013. № 9. P. 98–105.

9. Case «Ananyev and other (Ananyev and others) against the Russian Federation»: resolution of the European Court of Human Rights of Jan. 10, 2012 (complaint № 42525/07, 60800/08) // Bull. of the European Court of Human Rights. 2012. № 8.

10. Case «Burdov (Burdov) against the Russian Federation» (№ 2) (complaint № 33509/04): resolution of the European Court of Human Rights of Jan. 15, 2009 // Russian chronicle of the European Court. 2009. № 4.

11. About medical examination of suspects or the crimes accused of commission: resolution of the Government of the Russian Federation of Jan. 14, 2011 № 3 (in ed. of Sept. 4, 2012) // Rus. newsp. 2011. Jan. 21.

Устов Тимур Руслановичаспирант кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(тел.: +79284741137)

Особенности производства иных процессуальных действий, предназначенных для получения доказательств

Иные процессуальные действия, направленные на формирование доказательств, позволяют получить допустимые, относимые сведения об обстоятельствах совершения преступления. Результаты их производства могут стать основанием для принятия процессуальных решений. При всей своей процессуальной значимости иные процессуальные действия не имеют общего теоретического определения, нет и легального определения перечня допустимых действий в стадии возбуждения уголовного дела. Имеются и другие проблемы теоретического, законодательного и практического характера.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процесс, действие, права, доказательства, стадия возбуждения уголовного дела.

T.R. Ustov, Post-graduate of a Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; tel.: +79284741137.

Peculiarities of production other procedures used for obtaining evidence

Other procedural actions aimed at creating evidence let get the admissibility, relevance information on the circumstances of the crime. The results of their production may be the basis for decision-making process. For all its procedural significance other procedural actions have no common theoretical definition, the legal definition of the list of possible actions in the stage of initiation of the criminal case. There are other problems of theoretical, legal and practical nature.

Key words: criminal proceedings, process, action, rights, evidence, stage of initiation a criminal case.

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ собрание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства путем производства не только следственных, но и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Об иных процессуальных действиях неоднократно упоминает в тексте УПК РФ.

Так, согласно п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения. В п. 3 и 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ предусмотрено право следователя принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа, а также право давать указания органу дознания о производстве иных процессуальных действий. В п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ указывается, что руководитель следственного органа вправе давать согласие следователю, в

том числе, на возбуждение перед судом ходатайства о производстве иного процессуального действия, которое допускается по судебному решению. Дознаватель уполномочен самостоятельно производить следственные и иные процессуальные действия и принимать процессуальные решения, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ на это требуются согласие начальника органа дознания, согласие прокурора и (или) судебное решение (п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ).

Законодательное закрепление категории «иные процессуальные действия» ставит задачу по теоретическому определению их существенных признаков.

Есть мнение, что «процессуальные действия являются единственными способами собирания документов, но сводить их только к следственным действиям было бы неверно. Поскольку к числу процессуальных необходимо относить все средства собирания доказательств, предусмотренные уголовно-процессуальным законом» [1, с. 15].

Т.П. Сазонова считает, что «иные процессуальные действия на досудебном производстве – это способы собирания доказательств, заключающиеся в истребовании или получении дознавателем, начальником подразделения дознания, органами дознания, следователем, следователем-криминалистом, руководителем следственного органа, прокурором различных предметов и документов, не обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением и не ограничивающие права и свободы граждан, осуществляемые в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования» [2, с. 8].

Под иными процессуальными действиями, направленными на собирание доказательств, предлагается также понимать действия, вытекающие из властных полномочий участников, ведущих уголовный процесс. К ним относятся официальные запросы, поручения, требования о производстве ревизий и документальных проверок [3, с. 214].

С.Б. Россинский, конкретизируя группу иных процессуальных действий применительно к получению доказательств, пишет: «Дознаватель, следователь, прокурор и суд... собирают доказательства посредством производства следственных (судебных) действий и иных процессуальных мероприятий познавательного характера (судебная экспертиза, направления запросов и т.д.)» [4, с. 214].

А.А. Давлетов выделил две разновидности иных процессуальных действий по собиранию доказательств: 1) истребование доказательств; 2) представление доказательств. По его мнению, истребование доказательств – официальное обращение правомочного участника уголовного судопроизводства в форме письменного запроса-требования к физическому или юридическому лицу с просьбой добровольно передать предмет или документ, имеющий значение для уголовного дела [5, с. 147–149].

В данном случае обращает на себя внимание обтекаемое определение формы, в которую облекается волеизъявление следователя, – официальное обращение.

Обобщив имеющиеся в науке уголовного процесса позиции, можно выделить следующие существенные признаки иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств:

они не обеспечены уголовно-процессуальным принуждением;

не ограничивают права и свободы граждан;

осуществляются дознавателем, начальником подразделения дознания, органами дознания,

следователем, следователем-криминалистом, руководителем следственного органа, прокурором;

вытекают из властных полномочий участников уголовного судопроизводства.

Указанный перечень позволяет сделать вывод о противоречивости отдельных признаков. Так, если иные процессуальные действия не обеспечены государственным принуждением, то, видимо, указание на их властный характер излишне. Кроме того, весьма спорным представляется и такой признак, как отсутствие ограничения прав и свобод граждан. Сам факт, например, истребования документов свидетельствует о реализации властных полномочий должностных лиц, тем более, что в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ запросы, поручения, требования прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, дознавателя, предъявленные в установленных законом пределах, являются обязательными для исполнения всеми гражданами и должностными лицами, кому они адресованы. Возложение такой обязанности, на наш взгляд, свидетельствует об ограничении прав и свобод.

Иные процессуальные действия, предназначенные для собирания доказательств, не имеют четко зафиксированной уголовно-процессуальным законом процедуры своего осуществления, что позволяет отграничить их от следственных действий. На основании положений УПК РФ к числу иных процессуальных действий, направленных на собирание доказательств, относятся:

принятие заявления о преступлении;

принятие явки с повинной;

требование о производстве документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов;

передача средствами массовой информации документов и материалов органам предварительного расследования;

истребование документов, материалов и предметов, в том числе заключения специалиста;

запрос.

Каждое из этих процессуальных действий может привести к формированию самостоятельного и достаточно весомого доказательства, например, протокол явки с повинной дает самую первую, исходную и, как свидетельствуют практики, наиболее достоверную информацию о событии преступления (проведенный опрос следователей и дознавателей показал, что сведения, полученные при явке с повинной, подтверждаются результатами предварительного расследования в 87% случаев).

С учетом сущности, процессуальных характеристик и правовых последствий (ограничение прав и свобод граждан, формирование доказательств) производства иных процессуальных действий особое значение приобретают основания их производства. С точки зрения процессуального оформления решения о производстве иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств, и закрепления полученных результатов, наиболее проблемными выглядят требования о производстве документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов.

На процессуальное значение документальной проверки и ревизии в стадии возбуждения уголовного дела указывалось еще в 60-х гг. прошлого века: «Ревизия, назначаемая по требованию правоохранительных органов в рамках проведения предварительной проверки, является способом собирания доказательств» [6, с. 92–93].

Исследование предметов, документов, трупов закреплено в тексте закона в качестве проверочных процессуальных действий, производство которых допускается в стадии возбуждения уголовного дела. Этот процессуальный институт активно исследуется, высказываются самые различные точки зрения, касающиеся как сущности, так и процедуры их производства. Есть мнение, что при расследовании преступлений по горячим следам такие исследования должны быть минимальными по объему и глубине, проводиться в отношении таких объектов, анализ которых не терпит отлагательства [7, с. 22].

Применительно к результатам исследований одни ученые предлагают ввести новый вид доказательств – справку специалиста, исследовавшего объект до возбуждения уголовного дела по запросу следователя или оперативного работника [8, с. 96–97]. В других случаях допускается составление справки или акта исследования, признаваемых иными документами [9, с. 58]. Еще одна позиция заключается в том, чтобы результаты исследований и объектов фиксировались в рапорте о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности следователю и впоследствии использовались в уголовно-процессуальном доказывании в соответствии со ст. 89 УПК РФ. Предлагается также закреплять результаты предварительных исследований в заключении специалиста [10, с. 10].

На практике имеют место случаи, когда истребование предметов либо вообще не оформляется, либо это делается неправильно. В результате таких действий, как правило, составляются не предусмотренные уголовно-процессуальным

законом «протокол передачи предмета», «протокол изъятия», «протокол добровольной выдачи предмета», «протокол обнаружения» и др.

При изучении материалов уголовных дел было установлено, что в 27% случаев проведения такого процессуального действия, как истребование документов, составляется протокол изъятия, а в 23% – протокол передачи документов. В остальных случаях результаты истребования не оформляются процессуальными актами, а полученные в результате документы приобщаются к материалам уголовного дела. Если в результате истребования были получены какие-либо предметы, то они оформляются по правилам вещественных доказательств.

Внимание, уделяемое результатам иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств, вполне понятно и закономерно. Однако нельзя забывать о необходимости процессуального оформления не только результатов, но и решений об их производстве. Правовую значимость решения о производстве иного процессуального действия трудно переоценить. Дело в том, что при производстве иных процессуальных действий существенным образом ограничиваются конституционные и иные права и свободы граждан и юридических лиц. В частности, для производства ревизии необходимо предоставить в распоряжение ревизора соответствующие документы, а для этого производится их изъятие. Как уже отмечено ранее, изъятие осуществляется в произвольной форме.

До 2009 г. действовала Инструкция о порядке проведения сотрудниками милиции проверок и ревизий финансовой, хозяйственной, предпринимательской и торговой деятельности [11]. В настоящее время регулирование данного вопроса осуществляется на уровне ведомственного нормативного акта – Положения о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов Российской Федерации с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации при назначении и проведении ревизий (проверок) [12] (далее – Положение).

Содержание Положения позволяет сделать вывод об отсутствии единой формы решения о производстве ревизии – это может быть постановление, обращение, требование. Постановление о назначении ревизии (проверки) должно быть мотивированным, с указанием признаков финансовых нарушений, определением ревизуемого периода и места проведения, а также содержать перечень вопросов, входящих в

компетенцию контрольно-ревизионных органов. Причем требование мотивированности отнесено только к постановлению, тогда как к иным формам – обращениям и требованиям такое условие не выдвигается.

Нужно отметить, что Положение не отличается единством терминологии и по другим вопросам, что затрудняет оценку законности полученных при ревизии (проверке) результатов.

Приведенные аргументы и соображения делают насущным вопрос относительно формальных оснований иных процессуальных действий, тем более, что результаты их производства нередко становятся единственными фактическими сведениями, обосновывающими решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом. По справедливому замечанию А.В. Гриненко, критерием определения наиболее «удачного» момента возбуждения дела является основанная на собственном убеждении уверенность в том, что в материалах проверки собрано необходимое и достаточное количество исходной информации [13, с. 222].

Производство процессуальных действий, направленных на ограничение конституционных и иных прав граждан, юридических лиц, не может осуществляться вне связи с такими условиями уголовно-процессуальной деятельности, как законность и обоснованность. В то же время, учитывая облегченный (упрощенный) режим их производства (в отличие от следственных действий), нельзя создавать сложную, громоздкую процедуру принятия по ним решений.

Исходя из этих двух факторов, полагаем, что формальным основанием производства иных процессуальных действий, направленных на соби́рание доказательств, должно стать постановление уполномоченного лица – следователя, дознавателя, осуществляющего проверку сообщения о преступлении или расследование уголовного дела. Производство иных процессуальных действий без оформления данного документа должно признаваться незаконным, а результаты – недопустимыми доказательствами. Оформление решения о производстве иного

процессуального действия, направленного на соби́рание доказательств, в форме постановления «гарантирует тем самым соблюдение прав и основных свобод лиц, в отношении которых вынесено решение, или иных лиц, чьи права и интересы затронуты принятым решением» [14, с. 7].

Подводя итог, отметим главное.

1. Иные процессуальные действия – урегулированные уголовно-процессуальным законом действия, производство которых основано на властных полномочиях должностных лиц, сопровождается ограничением прав и свобод граждан. В числе иных процессуальных следует выделять группу действий, способных приводить к получению доказательств.

2. Правовые характеристики иных процессуальных действий, предназначенных для соби́рания доказательств, требуют более тщательного нормативного урегулирования процедуры их производства:

установления круга процессуальных оснований для их производства;

определения процессуальных способов фиксации хода и результатов.

3. Учитывая сущность иных процессуальных действий как упрощенного процессуального способа получения доказательств, необходимо, чтобы процессуальные основания и способы фиксации хода и результатов их производства не содержали сложных конструктивных форм.

4. Основанием производства иного процессуального действия, предназначенного для соби́рания доказательств, должно выступать процессуальное решение (постановление) следователя, дознавателя, иного уполномоченного лица, не требующее согласования с руководителем следственного органа, прокурором, органом дознания.

5. В качестве процессуального документа, фиксирующего ход и результаты иных процессуальных действий, направленных на получение доказательств, может использоваться протокол, правила составления которого могут отличаться от предусмотренных в ст. 166 УПК РФ в сторону их упрощения.

1. *Игнатъев Д.Б. Документы как доказательства по делам о налоговых преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001.*

2. *Сазонова Т.П. Иные процессуальные действия как способы соби́рания доказательств в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.*

1. *Ignatyev D.B. Documents as evidence in cases of tax crimes: auth. abstr. ... Master of Law. Krasnodar, 2001.*

2. *Sazonova T.P. Other procedural actions as ways of collecting evidence in pretrial proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. Chelyabinsk, 2009.*

3. *The commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation (line-item) / ed.*

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. М., 2006.
4. Россинский С.Б. Уголовный процесс: учеб. М., 2009.
5. Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть. Екатеринбург, 2010.
6. Смирнов Д.В., Танасевич В.Г. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы. М., 1967.
7. Кудинов А.С. Особенности организации взаимодействия сил и средств органов внутренних дел при раскрытии преступлений по горячим следам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
8. Майлис Н.П. Проблемы законодательного регулирования специалиста в уголовном судопроизводстве. Сочи; Краснодар, 2002.
9. Лысов Н.Н. Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
10. Плесовских Ю.Г. Заключение специалиста, участвующего в осмотре места происшествия, как объект судебно-экспертного исследования // Эксперт-криминалист. 2006. № 2.
11. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками милиции проверок и ревизий финансовой, хозяйственной, предпринимательской и торговой деятельности: приказ МВД России от 2 авг. 2005 г. № 636 // Рос. газ. 2005. 12 авг.
12. Положения о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов Российской Федерации с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации при назначении и проведении ревизий (проверок): утв. приказом Минфина России, МВД России и ФСБ России от 7 дек. 1999 г. № 89н/1033/717. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Гриненко А.В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
14. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
- by V.I. Radchenko, V.T. Tomin, M.P. Polyakov. Moscow, 2006.
4. Rossinsky S.B. Criminal procedure: textbook. Moscow, 2009.
5. Davletov A.A. The criminal procedure of the Russian Federation. The General part. Ekaterinburg, 2010.
6. Smirnov D.V., Tanasevich V.G. Basis of accounting and forensic accounting expertise. Moscow, 1967.
7. Kudinov A.S. Peculiarities of organization of interaction of the forces and resources of the internal affairs agencies in solving crimes in hot pursuit: auth. abstr. ... Master of Law. Volgograd, 2002.
8. Maylis N.P. Problems of legislative regulation specialist in criminal proceedings. Sochi; Krasnodar, 2002.
9. Lysov N.N. Forensic doctrine of fixing the evidentiary information in efforts to identify and solve crimes: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 1995.
10. Plesovskikh Yu.G. Expert opinion, participating in the examination of the scene, as the object of forensic research // Expert-criminalist. 2006. № 2.
11. On approval of the Instruction on the procedure for conducting police checks and audits of the financial, economic, business and trading activities: order of the Ministry of the Interior of Russia of Aug. 2, 2005 № 636 // Rus. newsp. 2005. Aug. 12.
12. Regulations on the procedure of interaction of the control and audit bodies of the Ministry of Finance of the Russian Federation with the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of the Interior of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation for the appointment and conduct of the audit (inspection): appr. with order of the Ministry of Finance of Russia, the Ministry of the Interior of Russia and Federal Security Service of Russia of Dec. 7, 1999 № 89n/1033/717. Access from legal reference system «ConsultantPlus».
13. Grinenko A.V. System principles of criminal process and its implementation at the pre-trial stages: diss. ... Dr of Law. Voronezh, 2001.
14. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: the theory, law, and practice. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2010.

Гусев Алексей Васильевичкандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79183534517)

Актуальные направления криминалистического исследования механизма реализации познаний специалиста

В статье рассматриваются актуальные вопросы криминалистического исследования механизма реализации специальных знаний вне процесса производства судебной экспертизы. Определяются направления такого исследования. Высказываются предложения по дальнейшему развитию в криминалистике комплексного учения о формах, методах и средствах реализации в уголовном судопроизводстве специальных знаний вне процесса производства судебной экспертизы.

Ключевые слова: криминалистика, специальные знания, специалист, уголовное судопроизводство.

A.V. Gusev, Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183534517.

Current trends in forensic studies of realization of mechanism of specialist knowledge

The article discusses current issues of forensic studies of mechanism of realization of special knowledge outside the forensic process. It identifies areas of research. There are proposals for the further development of integrated study in forensic science on the forms, methods and means of realisation of special knowledge in the criminal judicial proceedings outside the process of carrying out the legal expertise.

Key words: forensics, special knowledge, specialist, criminal proceedings.

Возникновение и развитие уголовно-процессуальных институтов судебной экспертизы и специалиста непосредственно связано с необходимостью регламентации процесса использования различных видов специальных знаний. Этапы такого развития характеризуются, с одной стороны, формированием научных знаний в обществе, а с другой – упорядочением состязательного процесса судопроизводства, его отходом от формальных способов получения доказательств. Не последнюю роль в этом играет научно-технический прогресс, являющийся основным катализатором использования его достижений в целях правосудия. Именно факт развития научно-технического прогресса и его теоретической составляющей – науки позволил сформировать в уголовном судопроизводстве указанные самостоятельные институты права, определяющие механизм использования специальных знаний.

История создания в уголовном судопроизводстве институтов специальных знаний говорит о сложности процесса их возникновения и развития. В начале своего кодифицированного становления уголовно-процессуальное право

долгое время не делало отличий форм реализации специальных знаний при производстве судебной экспертизы и вне этого процесса. На протяжении ста лет (с 1864 по 1966 г.) доминантной формой реализации специальных познаний в отечественном уголовном судопроизводстве являлась судебная экспертиза (20 ноября 1864 г. в России был принят Устав уголовного судопроизводства, в котором были заложены основы дифференцированного подхода к использованию познаний в виде возможности исполнения сведущими лицами обязанностей судебного эксперта. Правовое положение специалиста было впервые в отечественном уголовном судопроизводстве определено в ст. 133¹ УПК РСФСР «Участие специалиста», введенной в действие Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г.). Однако в этот период правового регулирования уголовного судопроизводства были созданы условия, при которых в 1966 г. стал формироваться еще один правовой институт использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, который регулирует деятельность специалистов [1, с. 160–163].

Расширение уголовно-процессуального регулирования механизма реализации познаний специалистов, наряду с деятельностью судебных экспертов, было обусловлено практикой раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Экспертный процесс использования специальных знаний и их реализация вне этого механизма стали ключевыми в работе правоохранительных органов. Однако в теории двух этих видов деятельности имеется существенная разница. Наиболее полно разработаны теоретические основы экспертной формы реализации специальных знаний в виде общей теории судебной экспертизы. Процесс реализации таких знаний вне судебной экспертизы (внеэкспертный процесс) отражается только в отдельных научных исследованиях, не сформированных в единую научную теорию.

Вместе с тем, именно процесс использования специальных знаний вне процесса производства судебной экспертизы является наиболее востребованным лицами, осуществляющими предварительное расследование. Фактически специалисты становятся незаменимыми помощниками в ходе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Именно они на начальных и последующих этапах предварительного расследования позволяют оперативно получать информацию о лицах, фактах, явлениях, действиях, являющихся предметом следственного познания. Такое значение работы специалистов требует научно обоснованного подхода к организации их деятельности, что предполагает создание единой научно-теоретической системы знаний в криминалистической науке, посвященной вопросам деятельности специалистов в уголовном судопроизводстве.

Поскольку специальные криминалистические знания являются наиболее востребованными в уголовном судопроизводстве, особенно в процессе их реализации вне производства судебной экспертизы, основополагающим элементом указанного теоретического учения должны быть именно они. Это также связано с тем, что криминалистическая наука выступает для данной категории специальных знаний методологической основой, т.е. она непосредственно формирует научное обоснование механизма их практической реализации.

О формах и способах реализации специальных криминалистических знаний, предполагаемой системе учения об их реализации вне процесса производства судебной экспертизы, научно обосновывающего механизм данного вида деятельности, ранее уже было сказано. Однако необходимость уточнения высказанных

предложений требует некоторых пояснений, которые, как представляется, помогут более точно воспринимать суть рассматриваемых вопросов. В первую очередь это касается понимания принципиального отличия судебно-экспертной деятельности от внеэкспертной деятельности по реализации специальных знаний.

Отличие обозначенных выше форм реализации специальных знаний заложено законодателем, определившим разницу правового режима деятельности специалиста, отличающегося от деятельности судебного эксперта. На начальном этапе разделения такого правового регулирования законодатель не придавал существенной роли внеэкспертному процессу реализации специальных знаний. Об этом, в частности, свидетельствует ограниченность процессуальных функций специалиста, закрепленных в ст. 133¹ УПК РСФСР. В дальнейшем произошло расширение задач деятельности специалиста вплоть до формирования, как уже ранее было сказано, самостоятельного правового института специалиста в уголовном судопроизводстве. При этом в криминалистике сохранились тенденции формирования криминалистических рекомендаций к использованию специальных познаний вне процесса производства судебной экспертизы, где специалист, специалист-криминалист в частности, осуществляют лишь вспомогательную функцию, обеспечивающую технико-криминалистическими средствами и методами деятельность лица, осуществляющего предварительное расследование.

Отставание криминалистики в научном освещении данного вопроса проявляется прежде всего в том, что новые законодательные решения, касающиеся работы специалиста в уголовном судопроизводстве, не имеют своего комплексного освещения в криминалистике. В частности, реализация специалистом его права давать заключение изучается в криминалистике только лишь по отношению к самому акту такого исследования и даче им заключения. При этом комплексность действий специалиста, когда он реализует одновременно процессуальные и непроцессуальные функции, не становится предметом научного познания. Указанная ситуация говорит о неполном развитии криминалистического учения об организации деятельности специалиста в уголовном судопроизводстве.

Преодоление научных пробелов в освещении эффективного механизма реализации специальных познаний вне процесса экспертизы целесообразно осуществить путем разработки криминалистических рекомендаций по следующим направлениям деятельности специали-

стов, которые, на наш взгляд, представляют актуальность:

1. Уточнение организационных и тактических особенностей допроса специалистов. Ключевым аспектом особенностей данных тактических рекомендаций должен стать максимальный учет возможностей специальных знаний в освещении вопросов предмета такого допроса. Это касается вопроса освещения специалистом информации, ставшей ему известной, которая им воспринимается более глубоко, чем допрашивающим лицом, в силу наличия у допрашиваемого специальных знаний.

2. Уточнение организационных и тактических особенностей взаимодействия лиц, осуществляющих предварительное расследование, со специалистами при производстве следственных действий. Одним из направлений такого уточнения могут быть тактико-технические комбинации, практическая реализация которых позволит усовершенствовать механизм одновременной реализации тактических и технических приемов взаимодействующими субъектами [2, с. 53–55]. Применение типовых моделей этих комбинаций позволит следователю эффективно планировать тактику проведения следственного действия с учетом технической работы, которую, как правило, осуществляет специалист.

3. Уточнение организационных и тактических особенностей проведения специалистом исследований по вопросам, поставленным ему сторонами (в порядке ч. 3 ст. 80 УПК РФ). В этом аспекте научного исследования требуется разработка алгоритма проведения обозначенных исследований, который должен стать научной основой технологии исследования специалиста по вопросам, поставленным ему сторонами.

4. Уточнение организационных и тактических особенностей участия специалиста в планировании проведения следственного действия и обсуждении его результатов.

5. Уточнение организационных и тактических особенностей проведения специалистом мероприятий, направленных на профилактику преступлений. Порядок взаимодействия в ходе этой работы с ним лица, осуществляющего предварительное расследование. Формулирование методов и способов такой профилактической деятельности специалиста применительно к видам профилактики, осуществляемой в ходе правоохранительной деятельности [3, с. 95–98].

6. Уточнение порядка осуществления специалистом справочно-консультационной деятельности.

7. Уточнение технологии проведения специалистом предварительных исследований при

проверке сообщений о преступлении, а также в ходе производства следственных действий.

8. Уточнение организационных и тактических особенностей осуществления специалистом, в первую очередь специалистом-криминалистом, регистрационно-проверочной деятельности. Специфика осуществления проверок по экспертно-криминалистическим учетам, отличающая их от каких-либо предварительных исследований, позволила терминологически определить их как «внеэкспертные регистрационно-криминалистические исследования», которые должны состоять, по мнению автора статьи, из подготовительной, поисково-аналитической, сравнительной, синтезирующей (оценочной), заключительной стадий [4, с. 78–81].

9. Уточнение технологии эффективного осуществления специалистом поиска, обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования материальных следов преступления. Одним из направлений научного исследования в этой области может стать разработка типовых информационно-следовых комплексов, которые должны способствовать специалисту лучше воспринимать следовую картину места проведения следственного действия, а также более эффективно выбирать поисковые технико-криминалистические средства и методы [5, с. 2–4].

10. Уточнение разработанных и обоснование новых методов профессиональной деятельности специалистов с учетом цели и задач криминалистической деятельности, в которой они принимают участие. Актуальным в этой связи является проведение исследований, направленных на научное обоснование возможности применения специалистом видоизменяющих методов деятельности [6, с. 225–228]. Необходимость этого продиктована тем, что специалистам запрещено применять разрушающие методы. Однако по ряду причин добиться полного отказа от применения специалистом методов, которые могут повлечь изменение материальных следов, не получится, поэтому необходимо изучить возможность применения специалистом видоизменяющих методов, которые могут вести к изменению вида материального следа. Это в первую очередь касается случаев копирования материальных следов.

11. Совершенствование профессиональной подготовки лиц, приобретающих специальные познания, для их дальнейшего использования как при производстве судебной экспертизы, так и вне этого процесса [7, с. 258–260].

Комплексность указанных научных исследований должна проявляться в том, что многие из

вопросов обозначенной деятельности специалистов реализуются им одновременно. Осуществление специалистом разнонаправленных действий, входящих в его компетенцию, требует не только их детального изучения, но и формирования такой научной базы в криминалистической науке, которая позволяла бы как самим специалистам, так и лицам, осуществляющим предварительное расследование, лучше ориентироваться в организационных вопросах эффективной реализации специальных знаний вне процесса производства судебной экспертизы.

Проведение исследований в обозначенной плоскости актуально, в первую очередь, для научного обоснования деятельности сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России (ЭКЦ МВД России). По долгу своей службы именно они больше всего задействованы в уголовном судопроизводстве для его обеспечения специальными знаниями, которые реализуются ими как в процессе производства судебной экспертизы, так и вне ее. Формирование результатов этих исследований в единую научную систему знаний создаст необходимую теоретическую базу, которая, как представляется, будет способствовать, в том числе, реализации идеи о формировании в органах внутренних дел подразделений технической полиции, осуществляющей свою деятельность по реализации специальных познаний ее сотрудников вне процесса производства судебной экспертизы.

Специализация деятельности в рамках научной и технической полиции имеет положительный зарубежный опыт. В рамках научной полиции осуществляется сосредоточение сил и средств производства судебной экспертизы. Сотрудники этих подразделений за рубежом осуществляют только функции судебных экспертов, что позволяет им уделять больше внимания именно этому направлению работы. В отличие

от научной полиции сотрудники технической полиции имеют основную задачу по технико-криминалистическому сопровождению следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Указанная система деятельности по разделению направлений использования специальных познаний доказала свою эффективность, о чем свидетельствует ее внедрение в работу полицейских подразделений стран Восточной Европы (Болгария, Румыния, Венгрия, Польша, Чехия) [8, с. 142–143]. Научная база такого разделения специализации лиц, обладающих специальными познаниями, имеет обширную теоретическую основу, обоснованную представителями романской (Италия, Франция, Бельгия) школы криминалистики [9, с. 42–43].

Формирование в криминалистике теоретических основ внеэкспертной формы реализации специальных познаний в уголовном судопроизводстве создаст условия эффективной практической деятельности специалистов, принимающих участие в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Кроме того, теория отечественной криминалистики обогатится сведениями, представляющими научный интерес, в отношении которых на сегодняшний момент, как уже было ранее сказано, имеются разрозненные знания, касающиеся деятельности специалистов, не сформированные в единую научную систему. Попытки одновременного научного изучения в криминалистике вопросов экспертной и внеэкспертной формы реализации специальных познаний зачастую приводят к необоснованному обобщению форм и методов деятельности экспертов и специалистов, что, в том числе, ведет к неточному формулированию рекомендаций по организации деятельности специалиста в ходе обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования следов преступления.

1. Гусев А.В. Дифференциация механизма реализации специальных познаний в уголовном судопроизводстве России // *Общество и право*. 2009. № 2(24).

2. Гусев А.В. Типовые модели тактико-технических комбинаций как эффективный способ осуществления поисково-познавательной деятельности // *Криминалистическое обеспечение антитеррористической деятельности: сб. науч. тр. / отв. ред. К.В. Вишневецкий*. Краснодар, 2007.

1. Gusev A.V. Differentiation of the mechanism of the realisation of special knowledge in criminal trials in Russia // *Society and law*. 2009. № 2(24).

2. Gusev A.V. Type models of tactical and technical combinations as an effective method of carrying out the search and cognitive activity // *Forensic science assistance of anti-terrorist activity: coll. of sci. papers / resp. ed. K.V. Vishnevetsky*. Krasnodar, 2007.

3. Gusev A.V. Prospects of use of special forensic knowledge in prevention of crimes //

3. Гусев А.В. Перспективы использования специальных криминалистических познаний в профилактике преступлений // Общество. Культура. Право: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., 25–27 сент. 2008 г. Краснодар, 2008.

4. Гусев А.В. Неэкспертные регистрационно-криминалистические исследования как разновидность использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве России // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2010. Вып. 2(34).

5. Ценова Т.Л., Гусев А.В. Использование типовых информационно-следовых моделей места происшествия в целях эффективной организации взаимодействия субъектов поисково-познавательной деятельности // Рос. следователь. 2010. № 7.

6. Гусев А.В. О возможности использования специалистом-криминалистом видоизменяющих научных методов деятельности // Общество и право. 2012. № 3(39).

7. Меретуков Г.М., Данильян С.А., Гусев А.В. О концепции интерактивного процесса криминалистического обучения при подготовке экспертных кадров // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 24–25 июня 2009 г. М., 2009.

8. Криминалистика: учеб. / под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. М., 2001.

9. Криминалистика: учеб. для вузов / А.Ф. Волынский, Т.В. Аверьянова, И.Л. Александрова и др.; под ред. А.Ф. Волынского. М., 1999.

Society. Culture. Law: proc. of the VI all-Russian sci.-pract. conf., Sept. 25–27, 2008. Krasnodar, 2008.

4. Gusev A.V. Non-expert registration-forensic study as a form of expertise in criminal trials in Russia // Bull. of criminalistics / resp. ed. A.G. Filippov. Moscow, 2010. Iss. 2(34).

5. Tsenova T.L., Gusev A.V. Use of generic information and trace patterns of the scene in order to organize effectively the interaction between the subjects of the search and cognitive activity // Russian investigator. 2010. № 7.

6. Gusev A.V. The possibility of using an altering scientific method of activity by a forensic science specialist // Society and law. 2012. № 3(39).

7. Meretukov G.M., Danilyan S.A., Gusev A.V. On the concept of an interactive process of forensic staff training // Theory and practice of forensic expertise in modern conditions: proc. of the 2nd Intern. sci. and pract. conf., Moscow, June 24–25, 2009. Moscow, 2009.

8. Forensics: textbook / ed. by I.F. Krylov, A.I. Bastrykin. Moscow, 2001.

9. Forensics: textbook for universities / A.F. Volynsky, T.V. Averyanova, I.L. Alexandrova, et al; ed. by A.F. Volynsky. Moscow, 1999.

Данильян Элина Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79182791586)

Особенности проведения допросов и опросов в целях проверки розыскных версий

В статье рассматриваются сходство и различия между допросом и опросом, тактические особенности проведения допросов и опросов в целях проверки розыскных версий.

Ключевые слова: допрос, опрос, розыск, версия, следственное действие, полиграф, розыскная информация, свидетель.

E.S. Danilyan, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79182791586.

The peculiarities of carrying out of interrogation and examination in the aim of searching versions control

The similarity and the differences between the interrogation and the examination, tactical peculiarities of carrying out of interrogation and examination in the aim of searching versions control are considered in the article.

Key words: interrogation, examination, search, version, investigative action, lie-detector, searching information, witness.

Допрос является не только эффективным и самым распространенным, но и во всех случаях предварительного расследования необходимым следственным действием. Допрос – самостоятельное следственное действие, основная цель которого заключается в получении от допрашиваемых лиц показаний о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу. Не всегда по уголовным делам назначаются и проводятся судебные экспертизы. Успешно провести расследование можно и без предъявления людей и вещей для опознания, производства следственных экспериментов и других процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом в качестве средств собирания доказательств. Однако без допросов ни одно уголовное дело обойтись не может. Допрос является не только вербальным следственным действием. Необходимо учитывать, что общение между людьми – следователем и допрашиваемым – происходит и на невербальном уровне. Мимика, жесты, моторика, интонации, тон голоса – все имеет значение для успешного проведения допроса. Знание правовых и криминалистических характеристик допроса и умение их применить – важнейшее условие достижения целей данного действия.

Опрос – это основанный на законных и подзаконных нормативных актах метод сбора опе-

ративно-розыскной информации, получаемой в процессе непосредственного общения оперативного сотрудника (лица, действующего по его поручению) с гражданами, которые могут быть осведомлены о лицах, фактах, представляющих оперативный интерес, в целях предотвращения и раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников и лиц, пропавших без вести.

По целям и задачам опрос имеет сходство с допросом, вместе с тем, можно отметить и принципиальные различия:

а) опрос является действием оперативным, а допрос – процессуальным;

б) допрос производится только по имеющемуся в производстве уголовному делу, а опрос зачастую – по фактам, представляющим оперативный интерес;

в) в процессе допроса выявляются судебные доказательства, а данные, полученные в процессе опроса, судебными доказательствами не являются;

г) при допросе лицо предупреждается за отказ от дачи показаний или дачу ложных показаний, при опросе – нет;

д) различаются по форме оформления результатов [1, с. 7–8].

Основное сходство допроса с опросом состоит в применении одинаковых тактических приемов при их производстве. Для того чтобы успешно провести допрос, следователь должен

четко представлять себе, какую информацию и с помощью каких приемов и средств он намерен получить.

Все виды допросов и опросов можно разделить на две группы:

1) опросы и допросы, проводимые с целью получения исходной розыскной информации;

2) опросы и допросы, проводимые с целью получения информации о местонахождении разыскиваемого объекта.

Рассмотрим тактические особенности проведения данных видов допросов и опросов.

Допросы и опросы, проводимые с целью получения исходной розыскной информации.

Допрос потерпевшего о приметах похищенных вещей. В ходе допроса потерпевшего выясняются приметы похищенного имущества по следующей схеме: название вещи; ее общий вид; размеры; вес; цвет; бросакие приметы; индивидуальные особенности; дефекты; упаковка; маркировка. В 80% случаев потерпевший дает точные приметы похищенных вещей [2, с. 227].

В целях эффективного розыска похищенных вещей необходимо добиваться от потерпевшего подробного описания каждого предмета, вещи.

Опрос заявителя и иных лиц о приметах без вести пропавшего лица. Если проверяется розыскная версия о том, что пропавший по каким-либо причинам не считает нужным сообщать о своем местонахождении либо умышленно скрывает его, т.е. находится у друзей, знакомых либо в иных местах по собственному желанию, нужно учитывать, что то или иное место, которое он выбирает для своего нахождения, не случайно. В пространственных и предметных характеристиках этого места объективированы существенные личностные особенности разыскиваемого. Поэтому выявление индивидуально-психологических особенностей личности пропавшего без вести является основным предметом опроса заявителя и других лиц, знавших пропавшего. Вообще восприятие и понимание человека человеком – процесс непосредственного наглядно-образного отражения одного человека другим – зависит от многих факторов. Так, восприятие зависит от рода совместной деятельности людей (деятельность активизирует отдельные качества, необходимые для достижения успешного результата, и, соответственно, делает именно их наиболее доступными восприятию), от системы норм и ценностей, характерных для общества, в котором сформировалась личность воспринимающего субъекта (эта система влияет на психологическое истолкование поступков других), и т.д. [3, с. 69]. Наиболее значимым фактором

является сформированность личности самого воспринимающего субъекта – общий культурный, образовательный, морально-этический уровень, жизненный опыт, определяющий достоверность, объективность и разнообразие выработанной субъектом классификации личностей, к которым он относит других людей, типизируя их в процессе общения. Следовательно, чтобы получить достоверные сведения о пропавшем, желательно:

во-первых, охватить проверкой круг лиц, непосредственно контактировавших с разыскиваемым в разных условиях – на работе, дома, во время досуга;

во-вторых, среди этих людей в первую очередь опрашивать тех, кто имеет более высокий образовательный уровень либо большой жизненный опыт (об этом можно косвенно судить по возрасту) [4, с. 69–70].

При опросе указанных лиц в качестве базовой рекомендуется следующая примерная схема опроса [5, с. 619–629]: общие данные; внешние признаки; жизненный путь; жизненные сферы; поведение; темперамент и характер; мотивация поведения; социальная адаптация; способности. Данную схему можно применять и при опросах близких лиц скрывающегося обвиняемого. Однако в отличие от работы по розыску скрывающихся преступников при установлении пропавших без вести можно с большей вероятностью рассчитывать на достоверность показаний, даваемых лицами из окружения разыскиваемого (кроме случаев, когда исчезновение могло носить криминальный характер) [4, с. 69–70].

Опросы и допросы, проводимые с целью получения информации о местонахождении разыскиваемого объекта.

Допросы и опросы лиц, возможно, знающих о местонахождении похищенных вещей, приобретших их или скрывающих. Производство розыска похищенных вещей и вещественных доказательств тесно связано с допросом свидетелей. Умелое проведение этого следственного действия нередко дает возможность установить, где в настоящий момент находится похищенное.

Круг свидетелей, которые могут дать необходимые для розыска сведения, определяется в зависимости от обстоятельств совершенного хищения. Тактика их допроса или опроса зависит от степени заинтересованности свидетеля в исходе дела. С учетом этого свидетелей можно разделить на две группы.

1. Свидетели, не заинтересованные в исходе дела. Чаще всего ими являются лица,

которые непосредственно наблюдали факт преступления, а также лица, которые отпускали, разгружали или перевозили впоследствии похищенный товар: сторожа, водители автомашин, экспедиторы, грузчики, работники складов, хранилищ и т.д. Ценные данные о местонахождении разыскиваемого имущества могут быть получены при допросе соседей обвиняемого и работников жилищно-коммунальных хозяйств и домоуправлений. Эти люди могут ничего не знать о событии преступления, но сообщить важные сведения о материальном положении обвиняемого, о том, когда и что обвиняемый принес домой или унес из дома, что продал на рынке, сдал в комиссионный магазин или ломбард, передал родственникам, продал соседям и т.д. Еще одну категорию лиц, которые способны оказать помощь в розыске похищенного, составляют свидетели, знающие обстоятельства личной жизни обвиняемого, его прошлую деятельность, места прежнего жительства. Они могут показать следователю, где и у кого находится или может находиться похищенное имущество. Как правило, это родственники, соседи, знакомые и сослуживцы обвиняемого. Такие лица обычно дают правдивые показания. Вообще, допрашивая того или иного свидетеля, всегда следует интересоваться, не знает ли он, где находится похищенное имущество. При этом нельзя пренебрегать разумными предположениями, которые могут высказать допрашиваемые.

2. Свидетели, заинтересованные в исходе дела, зачастую дают ложные показания. Как правило, они имеют отношение к расследуемым событиям и лицам, причастным к делу. Для процесса формирования решения о даче показаний характерна борьба мотивов (страх перед возможным наказанием за дачу ложных показаний, желание помочь родным и близким, причастным к преступлению, боязнь мести со стороны лиц, в отношении которых даются показания, и т.д.). Конечно, нельзя предполагать в каждом свидетеле, объективно заинтересованном в исходе дела, лжесвидетеля, поскольку положительная социальная направленность и высокие морально-нравственные качества личности могут взять верх над отрицательными мотивами. Однако необходимо учитывать эти психологические особенности свидетелей при разработке тактики допроса и оценке их показаний [6, с. 16–17].

Тактика проведения допросов и опросов указанных лиц сходна с тактикой допроса обвиняемых (подозреваемых). Данные лица боятся привлечения их к уголовной ответственности

за сокрытие краденого и не желают выдавать приобретенные вещи.

Допросы и опросы родственников скрывающегося обвиняемого (подозреваемого) и лица, пропавшего без вести. Умелое проведение допроса родственников, знакомых, соседей, сослуживцев, соучастников скрывшегося обвиняемого, пропавшего без вести, других лиц, что-либо о нем знающих, нередко приводит к получению важных сведений о его возможном местонахождении [7, с. 269].

В ходе допроса свидетелей из числа окружения скрывающегося обвиняемого (подозреваемого) необходимо:

установить (если это возможно) местонахождение скрывшегося лица, а также места проживания его родственников, близких, знакомых и других лиц, помощью которых он может воспользоваться;

выяснить, не пытался ли скрывшийся наладить связь с кем-либо из известных им граждан, в чем эта связь проявляется и каким образом поддерживается;

выяснить известные этим свидетелям обстоятельства, связанные с подготовкой, проведенной преступником с целью уклонения от следствия и суда.

Одним из источников сведений о разыскиваемом преступнике являются показания его соучастников по данному делу. Эти лица могут сообщить о поведении скрывшегося, проявленных им намерениях скрыться после совершения преступления, лицах, с которыми он поддерживает связи, о возможном месте его нахождения [8, с. 407].

При проверке розыскных версий о местонахождении пропавшего без вести большое значение имеет опрос лиц, видевших разыскиваемого последними. В криминалистической и психологической литературе высказано предложение об использовании при этом такого приема, как письмо недоминантной рукой, т.е. опрашиваемый пишет собственноручное объяснение не привычной для него рукой – для «правши» левой [4, с. 69–70]. Возможно, с точки зрения психологии, данное предложение и является оправданным, однако на практике его реализация вызовет большие затруднения. Во-первых, это потеря времени, поскольку П.Е. Букейханов предлагает опрашиваемому сделать это дома, в спокойной обстановке и не быть ограниченным во времени. Во-вторых, при таких условиях нет никакой гарантии, что опрашиваемый действительно это сделает сам и не привычной для него рукой. Но самое главное затруднение за-

ключается в том, что опрашиваемый не поймет смысла происходящего, просто решит, что над ним издеваются.

В то же время, когда опрашиваемый собственноручно (только привычной рукой) пишет объяснение по предложенной, лежащей перед его глазами схеме, он, обдумывая ответы на вопросы, заново переживая последнюю встречу с пропавшим, может вспомнить существенные детали, которые бы «выпали» из его устного объяснения. С учетом предложенной П.Е. Букейхановым структуры записи предлагаем свою схему, по которой опрашиваемый может написать собственноручное объяснение:

краткое описание встречи с разыскиваемым (место, время, повод);

краткое описание содержания беседы;

краткое описание эмоционального состояния разыскиваемого (подавлен, раздражен, спокоен и т.д.);

какие он сделал выводы о намерениях пропавшего (его дальнейших действиях после встречи);

что, на его взгляд, могло произойти с пропавшим;

где, по его мнению, он может находиться.

Полученная по такой схеме информация при сопоставлении с другими сведениями о пропавшем лице и обстоятельствах его исчезновения позволит принять решение о необходимости конкретных мероприятий по ее проверке.

Опросы лиц, возможно, совершивших преступление в отношении лица, объявленного без вести пропавшим, в том числе с использованием полиграфа. При проверке розыскной версии о том, что пропавший без вести стал жертвой преступления, следует учесть, что традиционный опрос заявителя уполномоченным лицом представляется в ряде случаев затрудненным и психологически негативным для заявителя, а получаемая информация является неполной, а нередко и искаженной. С учетом принципов гуманизма и обеспечения максимальной психологической безопасности процедуры опроса использование полиграфа – наиболее эффективный метод получения ориентирующей информации для раскрытия преступления. Специалист полиграфа, как правило, привлекается к расследованию, когда по мере осуществления розыскных действий ряд вероятных причин исчезновения исключается, а внимание оперативно-розыскных и следственных органов сосредоточивается на версии исчезновения, связанной с убийством.

В процессе опроса специалист полиграфа обязан проверить следующие основные версии:

исчезнувший убит непосредственно опрашиваемым;

убийство произошло по заказу опрашиваемого; убийство совершено лицами, известными опрашиваемому;

обстоятельства убийства не известны опрашиваемому;

опрашиваемому известны какие-то обстоятельства, связанные с убийством.

С использованием полиграфа могут опрашиваться подозреваемые как из числа знакомых пропавшего без вести, так и не знакомые с ним лица. Рассмотрим особенности этих двух разновидностей опроса с использованием полиграфа.

Опрос подозреваемых из круга знакомых пропавшего без вести. Как правило, большинство убийств с сокрытием трупов совершаются случайно и не являются запланированными. Причины этого вида преступлений во многом обусловлены внезапно возникшими скандалами, драками.

Основными блоками тестов являются диагностический и поисковый. При подготовке тестов этих блоков необходимо отразить следующие обстоятельства: при каких обстоятельствах исчез потерпевший; кто еще обладает информацией о его исчезновении; где и с кем находилось опрашиваемое лицо в момент исчезновения; какие отношения были у опрашиваемого с исчезнувшим; что в действительности произошло с исчезнувшим лицом; чем собирался заняться исчезнувший перед уходом; с кем он должен был встретиться; какое у него было состояние и настроение; не было ли у исчезнувшего намерений выехать, цель и срок поездки; когда опрашиваемому стало известно об исчезновении лица; были ли ранее подобные случаи с исчезнувшим; кто сообщил заявителю о неприбытии исчезнувшего в пункт назначения; что им после этого было предпринято; какие конфликты были у исчезнувшего с окружающими; каковы образ жизни, характер, особенности поведения исчезнувшего; какие заболевания были у исчезнувшего и его поступки в связи с этим; были ли деньги, ценности, дорогая одежда и др.; какие письма, известия приходили от исчезнувшего и пр.

Особое внимание при подготовке следует уделить выявлению негативных обстоятельств, которые нарушают по своему характеру и содержанию естественное развитие события (негативные обстоятельства – это наличие или отсутствие материально фиксированных следов или действий, которые в данных обстоятельствах места и времени противоречат естественному ходу развития событий, причинной связи между явлениями и их последствиями) [9, с. 88].

Опрос граждан, ранее не знакомых с пропавшим. Все случаи поиска без вести пропавших, как правило, характеризуются практически полным отсутствием информации, которая бы

могла эффективно использоваться при проведении полиграфных обследований подозреваемых. Имеющаяся информация в оперативных подразделениях обычно стандартна и включает в себя следующие данные: пол, возраст, особенности телосложения, цвет волос, во что был одет пропавший и цвет одежды, когда вышел из дома и когда в последний раз его видели. Возможны какие-либо особые приметы (усы, борода, шрамы и т.п.).

Не знакомые с пропавшим лица могут совершить убийство при разбойном нападении с целью завладения личным имуществом лица, подвергшегося нападению. В основном такие виды преступления совершаются лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, поэтому рассчитывать на то, что преступник обратил внимание на внешние приметы убитого, не следует, особенно если целью нападения было завладеть материальными ценностями. Попытаться составить проверочные тесты, включающие вопросы о характерных приметах погибшего или его одежде, не представляется в данном случае возможным, т.к. подозреваемый в убийстве не даст положительных реакций на «значимые» вопросы, поэтому при составлении тестов для проведения полиграфных проверок по делу о без вести пропавших необходимо включать те вопросы, которые связаны с наиболее запоминающимися деталями преступления. Первым тестом при любых опросах, связанных с поиском без вести пропавших, всегда является тест на криминальное прошлое, далее – по месту возможного нахождения трупа, а затем, в зависимости от положительной реакции, зафиксированной полиграфом, необходимо вести дальнейшие уточняющие обследования. Хотя в практике бывают случаи, когда на первом же тесте полиграфом фиксируются несколько положительных реакций. Это не должно вызывать у специалиста сомнения в достоверности полученных результатов. По результатам обследования возможно установить этапы совершения преступления, сообщение сведений о которых подозреваемым позволяет получить от него правдивые показания. В случаях если этого оказывается недостаточно, следующий уточняющий тест должен быть направлен на выяснение конкретного места нахождения трупа. Вопросы могут задаваться с использованием схем. Для этого необходимо сделать схематические зарисовки тех мест, где в соответствии с предыдущими ответами возможно нахождение трупа, дать их для подробного ознакомления

подозреваемому, а потом, указывая на рисунки, спрашивать: «Труп закопан в этом районе?» и т.д. Чтобы снизить стресс ожидания у обследуемого, схемы следует предъявлять не по порядку, а вразнобой. В дальнейшем, когда будет установлен район, где закопан труп, таким же методом, разбив место на квадраты, можно установить, в каком квадрате находится труп.

При проведении обследований, связанных с без вести пропавшими в городе, сохраняется эта же методика с той лишь разницей, что первый тест направлен на уточнение, где спрятан труп: в городе или за городом. Загородные районы необходимо предъявлять, используя наиболее часто встречающиеся названия (по Ростовскому шоссе, в районе села Лихое и т.п.). При первом тесте возможны два варианта положительных реакций: труп спрятан за городом или труп находится в городе. При поиске трупа, находящегося в городе, тест, уточняющий место его нахождения, строится аналогично рассматриваемому ранее, только мест захоронения будет значительно больше, чем в сельской местности. Труп может быть спрятан в канализационных колодцах, подземных коммуникациях теплоцентралей, телефонных коллекторах, расчленен и выброшен в контейнеры для мусора, в подвале, на чердаке, может быть обезображен и спрятан на электрической подстанции (в трансформаторной будке), в водосточном коллекторе, зарыт в куче мусора одного из городских долгостроев. Эти же места нахождения трупа могут быть и в случае, если труп находится за пределами города, а уточняющий тест должен, в первую очередь, помочь ограничить район его поиска.

Если есть уверенность, что разыскиваемый был убит в городе и вывезен в пригородную зону, то вероятнее всего, что труп был спрятан недалеко от основной автомобильной трассы. Тогда вначале выясняется от какой трассы, а потом – на каком расстоянии от города. Дальше чем на 300 км труп редко вывозят – слишком большой риск (долгое нахождение трупа в перемещаемом транспортном средстве). После получения положительной реакции производится выезд на данное место с целью тщательного изучения этого участка, особенно мест возможного съезда транспортного средства с основной трассы, участков леса, высокого кустарника, заброшенных строений, свалок и т.д. После этого составляются последующие тесты на выявление более конкретного места нахождения трупа [10, с. 191–192].

1. Бирюлькин В.Г. Методы оперативно-розыскной деятельности. Понятие и тактика разведывательного опроса и личного сыска. Волгоград, 1999.

2. Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004.

3. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.

4. Букейханов П.Е. Розыск пропавших без вести. М., 2006.

5. Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов н/Д, 1997.

6. Ефимичев С.П., Кулагин Н.И., Ямгольский А.Е. Допрос. Волгоград, 1978.

7. Закатов А.А. Розыскная деятельность следователя // Криминалистика. Т. 2: Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений. Волгоград, 1994.

8. Меретуков Г.М. Розыскная деятельность следователя // Криминалистика. М., 2006.

9. Деликатный С.К. Применение полиграфа по делам о без вести пропавших // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности. Сочи, 2002.

10. Варламов В.А. Детектор лжи. Краснодар, 1998.

1. Biryulkin V.G. Operational search activity methods. Conception and tactics of intelligence questioning and personal search. Volgograd, 1999.

2. Subbotina M.V. Criminalistics problems of investigation of theft of other people's property: diss. ... Dr of Law. Volgograd, 2004.

3. Bodalev A.A. Perception and understanding of person by person. Moscow, 1982.

4. Bukeikhanov P.E. Search of missing. Moscow, 2006.

5. Stolyarenko L.D. Basis of psychology. Rostov-on-Don, 1997.

6. Efimichev S.P., Kulagin N.I., Yampolsky A.E. Interrogation. Volgograd, 1978.

7. Zakatov A.A. The investigator's search activity // Criminalistics. Vol. 2: Technique, tactics, organization and methods of crime investigation. Volgograd, 1994.

8. Meretukov G.M. The investigator's search activity // Criminalistics. Moscow, 2006.

9. Delikatny S.K. Lie-detector application in cases about missing // Theory and practice of lie-detector application in law enforcement activity. Sochi, 2002.

10. Varlamov V.A. Lie-detector. Krasnodar, 1998.

Еремченко Владимир Игоревич

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: mail_lom@mail.ru)

Щуров Евгений Андреевич

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: e.a.mvd@inbox.ru)

Современное представление о незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции

Работа освещает современное понимание незаконного предпринимательства и формирует представление о незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: криминалистика, незаконное предпринимательство, сельское хозяйство, расследование преступлений.

V.I. Eremchenko, Master of Law, Lecturer of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mail_lom@mail.ru;

E.A. Schurov, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: e.a.mvd@inbox.ru

Present view of illegal business activities in the turnover of agricultural products

Work highlights the current understanding of illegal business and forms an idea of illegal business activities in the turnover of agricultural products.

Key words: criminalistics, illegal business, agriculture, investigation of crimes.

Незаконное предпринимательство в сфере оборота сельскохозяйственной продукции является одним из малоизученных отдельных видов преступлений. Однако, наряду с недостаточной разработанностью проблематики расследования преступлений данной категории, незаконное предпринимательство в сфере оборота сельскохозяйственной продукции является распространенным видом незаконной деятельности, совершаемой преимущественно в регионах Южного федерального округа Российской Федерации, а также иных субъектах Российской Федерации, специализирующихся на выращивании сельскохозяйственной продукции. Такая распространенность обусловлена следующим:

Российская Федерация является одним из крупнейших экспортеров сельскохозяйственной продукции;

рынок оборота сельскохозяйственной продукции недостаточно защищен от недобросовестных предпринимателей;

оборот сельскохозяйственной продукции рентабелен ввиду постоянно имеющегося спроса на данный вид товара.

Согласно проведенному исследованию в ходе незаконной предпринимательской деятельности преимущественно происходит оборот сельскохозяйственной зерновой продукции, такой как пшеница, ячмень, кукуруза и пр. (это связано с ее активным возделыванием и легкостью последующей реализации ввиду повышенного спроса на нее), а также не относящегося к зерновой продукции, но пользующегося не меньшим спросом семечка подсолнечника. Данные проведенного анализа имеют вполне логическое объяснение. Так, согласно статистическим данным Food and Agriculture Organisation of the United Nations

(FAO) за 2009 г. Российская Федерация занимает четвертое место на мировом рынке по производству зерновых сельскохозяйственных культур, а по производству семечек подсолнечника – лидирующее [1].

Существуют различные суждения о том, что же стоит понимать под предпринимательской деятельностью. Так, по мнению В.Я. Горфинкеля, Г.Б. Полякова и В.А. Швандара, предпринимательство представляет собой деятельность, осуществляемую частными лицами, предпринимателями или организациями по производству, оказанию услуг или приобретению и продаже товаров в обмен на другие товары или деньги к взаимной выгоде заинтересованных лиц или предприятий, организаций [2, с. 11]. Из данного определения следует, что осуществление частными лицами даже разовой сделки купли-продажи представляется осуществлением предпринимательской деятельности, что видится неуместным в рамках существующего законодательного пространства Российской Федерации, предъявляющего особые требования к данному виду деятельности. Иное представление по данному вопросу сформировал Б.В. Волженкин, указав на возможность признания деятельности предпринимательской в случае осуществления хотя бы одной крупной сделки либо исполнения значительных работ (оказания услуг), направленных на извлечение прибыли [3, с. 184]. Таким образом, формируются различные представления о содержании предпринимательской деятельности, это может породить различное толкование одного и того же понятия, используемого в диспозиции ст. 171 УК РФ, что представляется недопустимым. Поэтому считаем целесообразным использование общепринятого понимания, сформулированного в гражданском законодательстве России. Согласно ч. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательство как один из видов деятельности представляет собой самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Ранее в Уголовном кодексе РФ ст. 171 устанавливалась уголовная ответственность за незаконное предпринимательство, под которым понималось осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно предоставление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц

и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна. Однако в связи с внесенными в уголовное законодательство Российской Федерации поправками от 7 декабря 2011 г. современное понимание незаконной предпринимательской деятельности претерпело изменения. Так, было изменено содержание ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», а также добавлены две новые статьи: ст. 173¹ УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и ст. 173² УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица», которые по своей сути представляют новое понимание устаревшей нормы ст. 171 УК РФ. В нынешней редакции ст. 171 УК РФ предусматривает уголовную ответственность лишь за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. В свою очередь, ст. 173¹ УК РФ предусматривает уголовную ответственность за образование (создание, реорганизацию) юридического лица через подставное лицо, к которому относят лицо, являющееся учредителем (участником) юридического лица или органом управления юридического лица, путем введения в заблуждение которого было образовано (создано, реорганизовано) юридическое лицо. Наряду с этим, диспозицией ст. 173² УК РФ устанавливается уголовная ответственность за предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдачу доверенности, за приобретение документа, удостоверяющего личность, или использование персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния совершены для образования (создания, реорганизации) юридического лица в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом.

Обязательства, связанные с лицензированием, в Российской Федерации определены Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Согласно ст. 4 указанного Федерального закона к лицензируемым видам деятельности относятся виды деятельности, осуществление которых может повлечь за собой нанесение

ущерба правам, законным интересам, здоровью граждан, обороне и безопасности государства, культурному наследию народов Российской Федерации и регулирование которых не может осуществляться иными методами, кроме как лицензированием. При этом в ст. 17 настоящего нормативного акта дается исчерпывающий перечень видов деятельности, на осуществление которых требуются лицензии. Исходя из содержания указанной статьи, деятельность по реализации (обороту) сельскохозяйственной продукции (пшеницы, ячменя, кукурузы и пр.) лицензированию не подлежит.

Для того чтобы наиболее полно дать определение рассматриваемому преступлению, следует заострить внимание и на наиболее криминально рентабельных направлениях совершения незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции. Так, можно условно выделить три основных этапа такого оборота:

1. Этап, связанный с выращиванием сельскохозяйственной продукции крестьянско-фермерскими хозяйствами (индивидуальными предпринимателями, иными организациями).

2. Этап, включающий в себя закупку произведенной (выращенной) сельскохозяйственной продукции с последующим ее аккумулярованием в значительные объемы и перепродажей экспортерам либо предприятиям-потребителям (в том числе перерабатывающим заводам).

3. Этап, связанный с осуществлением экспорта больших партий приобретенного сельскохозяйственного товара либо с осуществлением его переработки.

Наиболее выгодным направлением для преступных элементов является совершение незаконных действий на втором этапе, что обусловливается минимумом затрат и максимально возможными доходами в кратчайшие сроки. Субъекты преступления монополизуют данный этап оборота сельскохозяйственной продукции, скупая при этом продукцию по несоизмерно низкой цене. При этом у них отсут-

ствует предпринимательский риск, связанный с возможностью неурожая, а следовательно, больше вероятность, что вложенные деньги принесут прибыль. Более того, нет необходимости в организации трудоемкого процесса по сбору урожая либо его переработке.

Таким образом, можно определить осуществление незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции как осуществляемую без регистрации либо путем образования (создания, реорганизации) юридического лица через подставное лицо или с использованием персональных данных либо документа, удостоверяющего личность, полученных незаконным путем, самостоятельную деятельность, совершаемую на свой риск и направленную на систематическое получение прибыли от продажи сельскохозяйственной продукции.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что институт предпринимательства в Российской Федерации представляется динамически развивающимся, в свете чего требует аналогично модернизируемого законодательства, регулирующего его основные положения и направления деятельности. Так, и уголовное законодательство, касающееся ответственности за совершение незаконного предпринимательства, в недавнем прошлом претерпело изменения: значительные поправки, внесенные в норму ст. 171 УК РФ, наличие модернизированных в своем роде составляющих ранее действовавшей ст. 171 УК РФ, облаченных в рамках вновь введенных норм ст. 173¹ и 173² УК РФ.

Незаконная предпринимательская деятельность в сфере оборота сельскохозяйственной продукции является одним из видов незаконной предпринимательской деятельности с присущими ей и обусловленными спецификой преступного деяния признаками и особенностями, знание которых необходимо для организации процесса раскрытия и расследования данных преступлений на должном уровне.

1. URL: <http://faostat.fao.org> (дата обращения: 29.10.2014).

2. *Предпринимательство: учеб. / под ред. В.Я. Горфинкеля, Г.Б. Полякова, В.А. Швандара. М., 2000.*

3. *Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007.*

1. URL: <http://faostat.fao.org> (date of access: 29.10.2014).

2. *Entrepreneurship: textbook / ed. by V.Ya. Gorfinkel, G.B. Polyakov, V.A. Shvandar. Moscow, 2000.*

3. *Volzhenkin B.V. Crimes in the sphere of economic activity in the criminal law of Russia. St. Petersburg, 2007.*

Цимбал Виталий Николаевичпреподаватель кафедры информационной безопасности
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: sedruk@mail.ru)

Некоторые вопросы использования сотрудниками полиции информационных технологий

В статье рассматриваются некоторые информационные технологии и устройства, применяемые сотрудниками органов внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач, а также некоторые возможности применения указанных технологий и средств.

Ключевые слова: Интернет, техника, информация, телекоммуникационные технологии, программный комплекс.

V.N. Tsimbal, Lecturer of a Chair of Information Security of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sedruk@mail.ru

Some questions the use of information technologies by police officers

In the article some information technologies and devices used by law enforcement officer in the performance of operational and service tasks are discussed, some of the possible applications of these technologies and tools are considered.

Key words: Internet, technology, information, communications technology, software package.

Нынешнее общество, как и отдельный человек в нем, просто не может себя мыслить без разнообразных информационно-телекоммуникационных технологий, которые нас окружают. Развитие компьютерной техники, мобильной связи, различных цифровых инноваций подталкивает, а иногда и вынуждает человека ими пользоваться. Иногда и просто невозможно мыслить и существовать без современных высокотехнологичных устройств: мобильных телефонов, планшетных компьютеров, цифровых плееров, ноутбуков и т.п.

Развитие сетей мобильной связи третьего (3G) и четвертого (3,5G, 4G или LTE) поколений, распространение точек доступа Wi-Fi предоставляют возможность выхода в сеть Интернет, где люди обмениваются различной информацией, потребляют мультимедийный контент, получают информацию по средствам массовой информации, совершают денежные операции (оплата, переводы, пополнение). Сотрудники органов внутренних дел также могут использовать вышеуказанные технологии и устройства для выполнения своих непосредственных служебных задач. Однако фраза «могут использовать» не совсем точна, т.к. в соответствии с Федеральным законом «О полиции» сотрудник полиции «обязан использовать в своей деятельности достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную ин-

формационно-телекоммуникационную инфраструктуру» (ст. 11).

Под информационными и коммуникационными технологиями понимается совокупность методов, устройств и производственных процессов, используемых обществом для сбора, хранения, обработки и распространения информации.

В ходе реформирования системы Министерства внутренних дел РФ и перевода из милиции в полицию встал вопрос о необходимости широкого (повсеместного) использования информационных технологий как одного из основных инструментов, необходимого для повышения эффективности деятельности МВД в целом. Таким образом, в процесс работы органов внутренних дел стали вводиться новейшие информационные технологии: Автоматизированное рабочее место следователя и сотрудника дорожно-патрульной службы (далее – «АРМ следователя» и «АРМ сотрудника ДПС»), портативные устройства типа «Кейс-КПМ» и «Терминал-ТМ-5», Единая информационно-телекоммуникационная сеть органов внутренних дел (далее – ЕИТКС ОВД), предоставление доступа в сеть Интернет, Аппаратно-программный комплекс (далее – АПК) «Безопасный город» и др.

Рассмотрим названные информационные технологии подробнее и начнем с сети Интернет, или, как ее еще называют, Всемирной паутины.

Интернет – международная сеть соединенных между собой компьютеров, уникальное средство всемирной коммуникации [1, с. 380].

Сегодня Интернет объединил множество различных сетей, миллионы компьютеров и более двух с половиной миллиардов пользователей со всех континентов планеты.

Наличие большого числа лиц, пользующихся Интернетом, позволит реализовывать его ресурсы не только в частной информационной деятельности, но и в рамках раскрытия, расследования, предупреждения преступлений и правонарушений. Однако имеется некоторая проблема следующего содержания: в уголовно-процессуальном законодательстве не определена возможность получения криминалистически значимой информации через сеть Интернет, поэтому информация, полученная через данную сеть, не будет носить процессуальный статус.

Проводя анализ тех возможностей, которые позволяют получать различного рода информацию посредством Всемирной паутины, приходим к выводам, что, например, следователь или оперативный сотрудник в процессе соответственно расследования уголовного дела или работы по материалу предварительной проверки имеют возможность оперативно получать любую справочную информацию. Также можно использовать ресурсы разных подразделений правоохранительных органов, имеющих место в Интернете, для нахождения разыскиваемого лица либо имущества. С целью организации непосредственной связи следователя (дознателя) с другим интересующим его лицом в реальном времени, с визуализацией человека или без нее можно использовать ведение разговора или видеосвязи при помощи IP-телефонии, использования специализированных программ (посредством VoIP-технологии (от англ. Voice over IP) – технология передачи голоса через IP, т.е. набор коммуникационных протоколов, технологий и методов, обеспечивающих традиционные для телефонии набор номера, дозвон и двустороннее голосовое общение, а также видеообщение по сети Интернет или любым другим IP-сетям [2]).

Другим, не менее важным информационным ресурсом в системе МВД является ЕИТКС ОВД. Данная система является перспективным направлением развития деятельности органов внутренних дел в ходе борьбы с преступностью, противодействия терроризму, обеспечения охраны общественного порядка.

ЕИТКС ОВД – ведомственная универсальная скоростная сеть связи и передачи данных для подключения всех подразделений ОВД, также

обеспечивающая взаимодействие с аналогичными системами органов государственной власти и местного самоуправления [3, с. 222].

Для построения ЕИТКС ОВД используются сети типа Ethernet, объединенные оптоволоконными линиями связи. Система строится на основе локальных вычислительных сетей (далее – ЛВС) МВД, Главных управлений (далее – ГУ) МВД, УМВД по субъектам Российской Федерации путем их объединения. Всем пользователям ЛВС обеспечивается доступ к web-ресурсам МВД, ГУ МВД, УМВД по субъектам Российской Федерации, Управлений на транспорте (далее – УТ) МВД, ресурсам Главного информационно-аналитического центра (далее – ГИАЦ) МВД России и почтовым сервисам узла магистральной сети передачи информации.

За время внедрения в деятельность сотрудников ОВД вышеназванной системы работа по ее развитию и совершенствованию проведена колоссальная. В нее заложены основы ведомственной инфраструктуры, обеспечивается базовый уровень технического оснащения подразделений ОВД РФ. В результате проведенных работ была создана интегрированная мультисервисная телекоммуникационная система органов внутренних дел, к которой подключены около 6,2 тысяч узлов связи подразделений системы МВД России (53,4% от общего количества) [4, с. 3].

При использовании ЕИТКС ОВД следователь (дознатель) может получить следующие возможности:

- 1) круглосуточный доступ и санкционирование получения запрашиваемой информации;
- 2) возможность поиска различной информации по всем регионам присутствия данной системы;
- 3) оперативность во времени обработки запроса, поиска и получения интересующей информации;
- 4) возможность онлайн присутствия при проведении тех или иных следственных действий;
- 5) возможность проведения отдельных следственных действий;
- 6) иной функционал.

На стадии предварительного следствия разработана и функционирует в некоторых регионах Российской Федерации система «АРМ следователя», а в сфере обеспечения безопасности дорожного движения – «АРМ сотрудника ДПС».

Первая система предназначена для оптимизации работы следователя, повышения качества работы за счет сокращения затрат на поиск информации, включая доступ к законодательной справочной информации, оперативно-справочным, розыскным и криминалистическим

учетам, материалам каждого уголовного дела; исключения и минимизации ошибок при применении законодательства в ходе предварительного следствия; выработки обоснованных и рациональных решений в ходе расследования, нормативно-справочной и иной информации; использования автоматизированных методик при проведении отдельных следственных действий и при расследовании некоторых видов преступлений и экспертных систем принятия уголовно-правовых и уголовно-процессуальных решений [5, с. 56].

В автомобильном исполнении «АРМ сотрудника ДПС» представляет собой аппаратно-программный комплекс, монтируемый на патрульном автомобиле ДПС [6]. Установка его в транспортное средство ДПС соответствует приказу МВД России от 10 марта 2009 г. № 204 «Об оснащении транспортных средств отдельных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации» и приказу МВД России от 29 декабря 2012 г. № 1157.

В данном устройстве объединены возможность направления запросов к базам данных Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД) МВД России с банковским платежным терминалом. Последняя функция позволяет формировать административные протоколы и постановления, производить безналичную оплату выписанного штрафа с автоматической передачей информации о его оплате в ГИБДД. Помимо вышеуказанного функционала, «АРМ сотрудника ДПС» может осуществлять проверку транспортного средства, физических лиц, регистрационных и водительских документов в соответствии с положениями должностных инструкций, используя доступ в режиме онлайн к информационным данным, перенесенным и интегрированным в общую информационно-специализированную с учетом территориальности сеть баз данных ГИБДД и МВД России [7, с. 58].

Большое значение имеет использование сотрудниками патрульно-постовой службы (далее – ППС) полиции устройств для оперативного доступа к базам данных. Так, сотрудники ППС УТ МВД России по Южному федеральному округу в своей оперативно-служебной деятельности при несении службы на железнодорожных вокзалах «Краснодар-1 и 2», а также в аэропорту Краснодара применяют следующие изделия: «Кейс-КПМ» и «Терминал-ТМ-5».

«Кейс-КПМ» – переносной комплекс для потоковой проверки лиц и документов на предмет нахождения в розыске. Предназначен для проверки документов, удостоверяющих личность,

по контрольно-розыскным спискам с ведением архива проверенных лиц методом поточного сканирования [8]. Для пополнения базы данных необходимо подключение к ЕИТКС ОВД.

«Терминал-ТМ-5» – мобильный терминал. Предназначен для обеспечения информационной поддержки сотрудников правоохранительных органов в условиях отсутствия или неустойчивой связи для решения различных оперативных задач: выявление лиц, находящихся в федеральном и местном розыске, использующих похищенные или утраченные документы, представляющие оперативный интерес для правоохранительных органов, и т.п. функционал [9]. Для пополнения базы данных также необходимо подключение к ЕИТКС ОВД.

К минусам вышеуказанных изделий можно отнести следующее: пополнение базы данных осуществляется вручную, доступ к массивам информации осуществляется через подключение к ЕИТКС ОВД, но не по беспроводным линиям связи, что, в свою очередь, снижает оперативность проверки при выполнении задач ОВД.

Немаловажную роль в прогнозировании опасных ситуаций и своевременном реагировании на них соответствующих служб (совершение преступления или правонарушения – реагирование правоохранительных органов, пожар – реагирование сотрудников Министерства чрезвычайных ситуаций России и т.п.) имеют современные средства охранной сигнализации, системы охранного телевидения, средства контроля доступа на объекты. С целью дальнейшего повышения эффективности деятельности ОВД в их повседневную жизнь введен АПК «Безопасный город», который представляет собой комплекс технических, инженерных и иных материальных средств, используемых совместно органами государственной власти, уполномоченными службами и подразделениями федеральных органов исполнительной власти в целях обеспечения профилактики, пресечения, расследования и раскрытия преступной и иной противоправной деятельности, поддержания общественной безопасности и охраны общественного порядка на территориях населенных пунктов городского типа [10, с. 26].

В состав комплекса входят:

- 1) распределенная сеть видеонаблюдения (РСВ);
- 2) сеть стационарных пунктов экстренной связи «Гражданин – полиция» (ПЭС);
- 3) система мониторинга подвижных средств правоохранительных органов (СМПС ПО) [11, с. 208].

По замыслу создателей комплекса, это – своеобразное накрытие городов видеосетью

с выведением мониторов в дежурных частях полиции. То есть на улицах, перекрестках, в парках, на площадях, на рынках, в спортивно-развлекательных комплексах и других общественных местах, где возможны большие скопления людей, устанавливаются видеокамеры. А сотрудники полиции, в свою очередь, в режиме реального времени ведут наблюдение. В связи со сказанным выше можно не только раскрывать преступления по горячим следам, но и предотвращать их, вовремя направляя группы немедленного реагирования в места возникших конфликтов или просто перенацеливая патрули.

Согласно данным 2012 г. различные элементы комплекса функционируют уже во всех регионах Российской Федерации. Установлены и действуют более 81,8 тыс. камер видеонаблюдения, в том числе в местах массового пребывания людей – более 35,4 тыс., в жилом секторе – 33,5 тыс. В 55 регионах России действуют более 5,4 тыс. пунктов экстренной связи «Гражданин – полиция». Также, по данным МВД России, в первом полугодии 2012 г. года с использованием технических средств выявлено более 11,1 тыс. преступления и составлено почти 9 млн протоколов об административных правонарушениях [12].

В результате внедрения АПК «Безопасный город» предполагается существенно повысить уровень оснащённости ОВД и структур МВД

России программно-техническими средствами, повысить уровень интеграции информационных систем, используемых в деятельности ОВД, создать условия для наращивания и повышения эффективности использования единого информационного пространства ОВД, повысить уровень квалификации сотрудников ОВД в направлении овладения средствами современных информационных технологий.

Широкое внедрение результатов научно-технического прогресса в следственную и судебную деятельность обусловлено требованием необходимости опережения тактико-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности по отношению к деятельности преступной, в ходе которой также применяются различные технические новинки [13, с. 226; 14, с. 15].

Таким образом, использование передовых достижений науки и техники, современных информационно-телекоммуникационных сетей общего и ограниченного доступа, доступа к разнообразным базам данных играет важную роль в интенсификации процесса передачи, обмена и получения информации в ходе предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений и в дальнейшем будет только усиливать свое влияние и значимость в оперативно-служебной деятельности ОВД и иных правоохранительных органов Российской Федерации.

1. *Российская юридическая энциклопедия*. М., 1999.

2. *Википедия. Свободная энциклопедия*. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/VoIP> (дата обращения: 29.12.2014).

3. *Лабутин Н.Г., Казаков В.В., Горюнов В.Ю. Некоторые аспекты организации беспроводного удаленного доступа к базам и банкам данных МВД России // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2011. Вып. 1(14).*

4. *Тюркин М.Л. ИТ-технологии на службе полиции // Информационные технологии, связь и защиты информации МВД России – 2012: темат. сб. М., 2012. Вып. 1. URL: www.mvd.infomost.ru*

5. *Андреев Б.В., Монастырецкий В.И. Защищенный программный комплекс информационного обеспечения расследования преступлений // Системы безопасности: материалы пятнадцатой науч.-техн. конф. СБ-2006 [Электронный ресурс]. М., 2006.*

1. *Russian legal encyclopedia*. Moscow, 1999.

2. *Wikipedia. Free encyclopedia*. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/VoIP> (date of access: 29.12.2014).

3. *Labutin N.G., Kazakov V.V., Goryunov V.Yu. Some aspects of the organization of wireless remote access to data bases and data banks of the Ministry of the Interior of Russia // Bull. of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry. 2011. Iss. 1(14).*

4. *Tyurkin M.L. IT technologies in the service of the police // Information technology, communications and information protection of the Ministry of the Interior of Russia – 2012: thematic coll. Moscow, 2012. Iss. 1. URL: www.mvd.infomost.ru*

5. *Andreev B.V., Monastiretsky V.I. Protected software system information support investigation of crimes // Security Systems: proc. of the Fifteenth sci. and technical conf. SB-2006 [Electronic resource]. Moscow, 2006.*

6. URL: <http://www.rosbi.ru/armdps.shtml> (дата обращения: 05.01.2015).

7. Примакин А.И., Муравьев А.В., Селюгина С.В. Использование автоматизированных рабочих мест в деятельности органов и учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2011. Вып. 4(52).

8. URL: <http://htkprofit.ru/items.html> (дата обращения: 28.04.2014).

9. URL: <http://ambintech.ru/db1.html> (дата обращения: 28.04.2014).

10. Филатов Н.В. Перспективы развития АПК «Безопасный город» // Информационные технологии, связь и защиты информации МВД России – 2011: темат. сб. М., 2011. URL: <http://www.mvd.informost.ru/2011/pdf/1-7.pdf> (дата обращения: 25.11.2014).

11. Специальная техника органов внутренних дел: учеб. / под общ. ред. Ю.А. Агафонова [Электронный ресурс]. Краснодар, 2011. Ч. 1.

12. Фалалеев М. Обратись к городовому // Рос. газ. 2012. 18 окт. Федер. вып. 5913(240).

13. Пахомов С.В., Гусев А.В., Андрющенко М.Н. Инновационный подход к процессу фиксации материальной обстановки места осмотра // Общество и право. 2014. № 4(50).

14. Волынский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

6. URL: <http://www.rosbi.ru/armdps.shtml> (date of access: 05.01.2015).

7. Primakin A.I., Muravyev A.V., Selyugina S.V. The use of workstations in the organs and institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 2011. Iss. 4(52).

8. URL: <http://htkprofit.ru/items.html> (date of access: 28.04.2014).

9. URL: <http://ambintech.ru/db1.html> (date of access: 28.04.2014).

10. Filatov N.V. Prospects of development of hardware-software complex «Safe City» // Information technology, communications and information protection of the Ministry of the Interior of Russia – 2011: thematic coll. Moscow, 2011. URL: <http://www.mvd.informost.ru/2011/pdf/1-7.pdf> (date of access: 25.11.2014).

11. Special equipment of law enforcement bodies: textbook / gen. ed. by Yu.A. Agafonov [Electronic resource]. Krasnodar, 2011. Pt. 1.

12. Falaleev M. Turn to the police officer // Rus. newsp. 2012. Oct. 18. Fed. iss. 5913(240).

13. Pakhomov S.V., Gusev A.V., Andryushchenko M.N. Innovative approach to the process of fixing material inspection place settings // Society and law. 2014. № 4(50).

14. Volynsky A.F. Conceptual foundations of technical and forensic ensure disclosure and investigation of crimes: diss. ... Dr of Law. Moscow, 1999.

Павликов Сергей Герасимович

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(e-mail: 89152499929@mail.ru)

Флейшер Наталья Борисовна

нотариус Магнитогорского нотариального округа
(e-mail: n.fleisher@mail.ru)

О примирении как функции судебной деятельности

Поскольку одним из актуальных средств предупреждения и разрешения (минимизации) правовых конфликтов в мировой юридической практике становятся медиативные процедуры и в целом альтернативные способы разрешения споров, то, соответственно, функция примирения должна находить более активное воплощение в судебной деятельности.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета 2015 г.

Ключевые слова: функция, судебная деятельность, право, права, примирение, медиация, спор.

S.G. Pavlikov, Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Constitutional and Municipal Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: 89152499929@mail.ru;

N.B. Fleischer, Notary Public of Notarial District of Magnitogorsk; e-mail: n.fleisher@mail.ru

About reconciliation as a function of judicial activities

As one of the important means of prevention and resolution (minimization) of legal conflicts in the global legal practice to become a mediation procedure and, in general, alternative methods of dispute resolution, then, accordingly, the function reconciliation must find a more active embodied in judicial activities.

Key words: function, judiciary, law, rights, reconciliation, mediation, dispute.

В юридической литературе можно обнаружить справедливое мнение о том, что повышение эффективности механизма обеспечения прав и свобод человека не может иметь место при использовании исключительно императивных методов правового регулирования. Обоснованно отмечается необходимость создания условий для реализации механизмов «саморегуляции» [1, с. 8–9]. Судебная деятельность не является, разумеется, исключением, и при ее реализации функция примирения должна реализовываться более активно.

Ученые используют самые различные термины для характеристики деятельности, направленной на минимизацию (ликвидацию) конфликта между его участниками. Наиболее часто употребляются термины «мирное урегулирование», «посредничество», «медиация». Так, медиация характеризуется как добровольный и конфиденциальный способ альтернативного разрешения и урегулирования споров, целью которого является содействие двум (или более)

сторонам спора в достижении обоюдного и взаимовыгодного соглашения при участии третьего нейтрального лица – медиатора, не имеющего права выносить обязательное для сторон решение и давать рекомендации относительно условий разрешения (урегулирования) спора [2, с. 8].

Многими авторами для описания порядка разрешения спорных ситуаций без обращения в суд используется термин медиация (лат. *medius* – «занимающий середину между двумя точками зрения либо сторонами, предлагающий средний путь, держащийся нейтрально, беспристрастно»). При медиации достигается сочетание двух элементов: высокой автономии сторон и значительных гарантий по выработке общей позиции и достижению взаимовыгодного результата, для чего стороны наделяют определенным объемом правомочий третье лицо – медиатора. Медиатор сопровождает стороны на пути разрешения конфликта, он может собирать и воспроизводить информацию, разделять и обобщать ее, обозначать перспективы, создавать соответст-

вующую атмосферу, способствует возникновению взаимопонимания сторон – стороны сами должны ликвидировать конфликт в рамках их собственной позиции. Медиация представляет собой самостоятельное разрешение конфликта сторонами при поддержке нейтрального третьего лица, не обладающего полномочиями по разрешению спора [3, с. 16–17].

Медиация представляет собой перспективную форму разрешения правовых конфликтов во внесудебном порядке; как отмечалось, она во многом связана с переговорами между спорящими сторонами при участии и под руководством нейтрального третьего лица – посредника, не имеющего при этом права выносить обязательное для сторон решение.

Значительно реже в юридической литературе употребляют иные термины и предлагаются иные механизмы предупреждения (ликвидации) конфликта. Так, А.А. Арутюнян констатирует наличие «восстановительной юстиции», которая «представляет собой совокупность учений о способах реагирования на противоправные деяния, в основе которых лежит идея о необходимости примирения сторон конфликта, возникающего в результате противоправного деяния, с целью восстановления нормального порядка, существовавшего до совершения деяния, удовлетворения интересов стороны, которой деянием причинен вред, а также исправления и ресоциализации лица, совершившего деяние» [4, с. 12–13].

Множество используемых в отношении анализируемой функции терминов (примирение, посредничество, медиация, мировое соглашение, примирительные процедуры и т.п.) обусловило использование такой понятийной категории, как «альтернативное разрешение споров». Процедуры альтернативного разрешения споров (примирительные процедуры), как отмечает М.Е. Семеняко, базируются не на конфронтации сторон конфликта и принудительном его разрешении, а на поиске консенсуса и примирении сторон на взаимоприемлемых условиях, выработанных самими сторонами при помощи независимого и незаинтересованного посредника [1, с. 9]. Институт процедур альтернативного разрешения споров (примирительных процедур) в отечественной правоприменительной практике этот автор обоснованно предлагает рассматривать как элемент системы основных гарантий реализации конституционного права на государственную (судебную) и иную защиту (помощь); он позволяет создать реальные возможности для индивида воспользоваться всеми способами обеспечения своих прав и интересов, не запрещенных законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) [1, с. 9].

Однако и в случае использования термина «альтернативное разрешение споров» констатировать единство терминологии также не представляется возможным. «Когда мы говорим об альтернативном разрешении споров, – пишут исследователи, – мы ссылаемся на множество процедур урегулирования споров средствами, отличными от судопроизводства: для идентификации этих процедур принято использовать сокращение “ADR” – обобщающее понятие, которое покрывает обширное множество процессов, имеющих мало общего, за исключением того, что каждый из них – альтернатива полноценному судопроизводству» [5]. Следует признать, что в настоящее время альтернативное разрешение споров, действительно, получает все большее признание участников хозяйственных и иных правоотношений, ибо его развитию способствует ряд причин, среди которых можно отметить следующие: «во-первых, процедуры альтернативного разрешения споров получили нормативное закрепление, что позволяет участникам правоотношений рассчитывать на защиту своих прав в тех случаях, когда они прибегнут не к судебной защите своих прав в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, а предпочтут рассмотрение спора альтернативным способом. Во-вторых, участники правоотношений ввиду несомненных плюсов альтернативного разбирательства (в частности, укороченные сроки рассмотрения, конфиденциальность дела) предпочитают уже в момент заключения между собой договоров указывать, к какому альтернативному способу разбирательства они должны прибегнуть в случае возникновения конфликта между сторонами» [6, с. 28].

Применительно к судебной деятельности целесообразно употребление термина «функция примирения». Такая терминология («примирение» – производное от слова «мирить», т.е. улаживать несогласие, вражду, понятие [7, с. 525]) позволит в большей мере учитывать имеющие место процессы трансформации функций судебной деятельности в направлении приоритетности защиты индивида, в том числе тех конкретных функций, которые реализуют субъекты системы обеспечения судебной деятельности. Так, например, очевидно, что эффективность судебной власти обусловлена, в первую очередь, качеством судебных актов, а судебной деятельности – уже и оперативностью их исполнения.

Необходимость использования института примирения признается во всех сферах реализации судебной деятельности. В работе С.В. Лазарева «Основы судебного примирения» примирение понимается как «достигнутая при проведении

определенных процедур ликвидация спора (разногласий) сторон. Это состояние – результат либо урегулирования спора самими сторонами, либо разрешения юрисдикционным органом, либо добровольного удовлетворения требований или отказа от притязаний» [8, с. 35]. Как отмечает Д.И. Закирова, «повышенное внимание теоретиков к процессуальным формам примирения сторон (отказ от иска, признание иска ответчиком и заключение мирового соглашения) объясняется несовершенством законодательного регулирования процессуально-правового явления – примирения сторон» [9, с. 99].

Некоторые авторы уточняют, что «заключение мирового соглашения, а также отказ от иска, признание иска являются, на наш взгляд, не формами примирения, а его результатом, поскольку примирение представляет собой некий процесс, имеющий зачастую длящийся характер и происходящий в форме собеседования, медиации. Если примирение состоялось, то процессуальным результатом этого процесса будет являться заключение мирового соглашения, признание иска или отказ от иска. Однако по отношению к судопроизводству в целом это будет лишь промежуточный результат. Чтобы примирение повлияло на движение процесса и имело определенные правовые последствия, необходимо действие суда. Суд должен проверить, не противоречат ли закону и не нарушают ли права других лиц отказ от иска, признание иска или заключение мирового соглашения. Только в случае положительного решения вопроса конечным результатом примирения становится решение суда об удовлетворении иска (однако это возможно только в судебном заседании при принятии признания иска), прекращение производства по делу (при принятии отказа от иска и утверждении мирового соглашения)» [10, с. 76].

Многим исследователям представляется, что было бы целесообразно рассмотреть вопрос о введении обязательных примирительных процедур по отдельным категориям дел. Дальнейшее совершенствование механизмов добровольного урегулирования споров позволит, по их мнению, не только избежать дополнительных расходов на судебную систему, но и сделать еще один шаг в сторону развития институтов гражданского общества [11, с. 43].

Фактически многие авторы, пусть и косвенно, затрагивают вопрос о реализации функции примирения в судебной деятельности; так, они считают, что «суду необходимо выполнять функцию по примирению сторон в качестве дополнительной наряду с основной, связанной с разрешением споров. Не следует возлагать

на суд обязанность примирения сторон, так как это приводит к соединению в одном лице полномочий судьи и примирителя и придает функции примирения самостоятельное, а не вспомогательное значение. Предпосылок же для обособления данной функции не наблюдается. Функция суда по примирению должна заключаться в разъяснении сторонам их права урегулировать спор мирным путем и правовых последствий заключения мирового соглашения или урегулирования спора при содействии посредника, в том числе медиатора. Сторонам необходимо разъяснить требования, которые предъявляются законом к мировому соглашению, порядок его заключения, утверждения судом и исполнения сторонами, а также порядок обращения к посреднику, в том числе медиатору» [12, с. 7].

Полагаем, действительно, необходимо стремиться учитывать, что суд реализует судебную власть, соответственно, не исключено, что функцию примирения целесообразно в перспективе реализовывать субъекту формирующейся системы обеспечения судебной деятельности, например медиатору суда.

В настоящее время в обществе происходит осознание значимости и эффективности альтернативных способов урегулирования правовых споров и конфликтов, что, в свою очередь, «позволяет иначе оценить роль и место традиционного правосудия в отечественной правовой системе» [13, с. 16]. К примеру, как отмечает А.М. Понасюк, «использование медиации и иных примирительных процедур должно иметь приоритетное значение при оказании адвокатом юридической помощи в ситуации юридического спора, в связи с чем представляется целесообразным выделение такой дополнительной функции российской адвокатуры, как снижение уровня конфликтной напряженности в юридических спорах» [14, с. 10]. Не менее актуальным, соответственно, является и изучение такой «дополнительной» функции судебной деятельности, как примирение.

Для современного права России при определении целей судопроизводства характерно все возрастающее значение альтернативных процедур разрешения конфликта, соответственно, само судопроизводство должно способствовать не только установлению материальной истины, что может только «разжигать» правовой конфликт, но и устранению этого конфликта всеми доступными современными способами; этому способствуют: 1) учет развития правового конфликта (его этапы и аналогия объективного характера с развитием любого иного социального конфликта и способами его устранения на

выделяемых этапах); 2) диспозитивное начало осуществления материальных прав и сохранение его основ в гражданском судопроизводстве; 3) явное экономическое преимущество для государства в целом при сохранении между конфликтующими сторонами экономических и социальных контактов в результате деятельности органов судебной власти [15, с. 12].

Таким образом, одним из актуальных средств предупреждения и разрешения (минимизации) правовых конфликтов в мировой юридической практике становятся медиативные процедуры и, в целом, альтернативные способы разрешения споров. Соответственно, функция примирения должна находить более активное воплощение в судебной деятельности.

1. Семеняко М.Е. Участие адвоката в альтернативном разрешении споров и примирительных процедурах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

2. Бенова В.И. Медиация как альтернативный способ разрешения международных коммерческих споров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

3. Алферов И.А. Нотариальная форма защиты и охраны права и законного интереса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

4. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

5. Семенов С.Н., Шульга И.В. Примирение сторон в судах Амурской области: эффективность и пределы полномочий суда // Судья. 2014. № 1. С. 43–50.

6. Ротко С.В. Третейское и медиативное рассмотрение споров в системе альтернативного разрешения гражданско-правовых конфликтов // Юрист. 2014. № 3. С. 28–33.

7. Даль В.Н. Толковый словарь русского языка: современное написание. М., 2009.

8. Лазарев С.В. Основы судебного примирения. М., 2011.

9. Закирова Д.И. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

10. Сигалов К.Е. Представления о характере собственности и способах ее закрепления в средневековой России // Общество и право. 2014. № 1.

11. Сигалов К.Е. Место категории «среда права» в системе категорий юридической теории // Общество и право. 2010. № 3.

12. Овчаренко Т.В. Арбитражный суд как участник процесса примирения сторон // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 4. С. 7–9.

13. Поспелов Б.И. Роль суда в примирении сторон в гражданском процессе // Рос. судья. 2013. № 5. С. 16–21.

14. Понасюк А.М. Участие адвоката в урегулировании юридических споров посредством медиации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

15. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

1. Semenyako M.E. Participation of a lawyer in alternative dispute resolution and mediation procedures: diss. ... Master of Law. Moscow, 2010.

2. Benova V.I. Mediation as an alternative method of resolving international commercial disputes: diss. ... Master of Law. Moscow, 2013.

3. Alferov I.A. Notarial form of protection of rights and legitimate interest: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2007.

4. Harutyunyan A.A. Mediation in the criminal process: diss. ... Master of Law. Moscow, 2013.

5. Semenov S.N., Shulga I.V. Reconciliation of the parties in the courts of the Amur region: the effectiveness and limits of authority of the court // Judge. 2014. № 1. P. 43–50.

6. Rothko S.V. Arbitration and mediation of disputes in alternative resolution of civil conflict // Lawyer. 2014. № 3. P. 28–33.

7. Dal V.N. Explanatory dictionary of Russian language: contemporary writing. Moscow, 2009.

8. Lazarev S.V. Foundations of judicial conciliation. Moscow, 2011.

9. Zakirova D.I. Preparation of civil cases for trial: diss. ... Master of Law. Moscow, 2009.

10. Sigalov K.E. Representations about character of the property and ways of its fastenings in Medieval Russia // Society and law. 2014. № 1.

11. Sigalov K.E. Place the category «environment law» in the categories of legal theory // Society and law. 2010. № 3.

12. Ovcharenko T.V. Arbitration court as part of a process of conciliation // Arbitration and civil procedure. 2012. № 4. P. 7–9.

13. Pospelov B.I. Role of the court in the reconciliation of the parties in civil proceedings // Russian judge. 2013. № 5. P. 16–21.

14. Ponasyuk A.M. Participation of a lawyer in the resolution of legal disputes through mediation: diss. ... Master of Law. Moscow, 2011.

15. Degtyarev S.L. The implementation of the judiciary in civil proceedings (theoretical and applied problems): diss. ... Dr of Law. Ekaterinburg, 2008.

Затолокін Александр Александрович

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zatolokin09@rambler.ru)

Глобализация как одна из тенденций эволюции терроризма

В статье проводится анализ различных подходов к толкованию понятия «терроризм». Предпринята попытка дать авторское определение терроризма. Рассмотрены наиболее значимые вехи в становлении терроризма, исследованы новые формы (направления), которые приобретает терроризм.

Ключевые слова: терроризм, террор, международное сообщество, экономические цели, международный терроризм, национальная безопасность, геополитика.

A.A. Zatolokin, Master of Law, Lecturer of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zatolokin09@rambler.ru

Globalization as one of tendencies of evolution of terrorism

The article analyzes different approaches to the concept of terrorism. An attempt to give the author's definition of terrorism was made. Considered the most significant milestones in the development of terrorism, investigated new forms (direction) which acquires terrorism.

Key words: terrorism, terror, international community, economic goals, international terrorism, national security, geopolitics.

Под терроризмом понимают насильственные действия против одного или нескольких человек, осуществленные группой лиц для достижения политических целей путем запугивания общества в целом или определенных слоев этого общества.

Так, боевики «Исламского государства» показывают в Интернете ролик с казнью американца и требуют прекратить бомбардировки военных баз исламистов силами США и их союзников.

В определении самого понятия терроризма до сих пор нет однозначной и всеобъемлющей формулировки, т.к. каждый из исследователей пытается дать наиболее полное, с его точки зрения, описание всех факторов и признаков этого явления. А.Г. Ткаченко в одной из своих работ дает такое определение: «Терроризм – это проявление устрашающего насилия как средства воздействия на государство, общество или личность в политических или криминальных целях» [1, с. 43].

В.П. Емельянов дает такое определение: «Терроризм – это публично совершаемые общеопасные действия или угрозы таковыми, направленные на устрашение населения или социальных групп, в целях прямого или косвенного

воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов» [2, с. 28].

Необходимо отметить, что многие исследователи различают понятия «терроризм» и «террор». Тот же В.П. Емельянов считает, что террор характерен при применении насилия властных структур государства против народа или отдельных его групп для подавления инакомыслия, для уничтожения политических противников. Указывая, то террор – это открытые, демонстративные действия, а терроризм всегда реализуется в нелегальных, скрытых действиях, он отождествляет понятие «террор» с понятиями «агрессия», «геноцид»; «белый террор» и «красный террор» во время гражданской войны в России [3, с. 30–34].

В международном сообществе многократно предпринимались попытки дать приемлемое определение понятию терроризма. В частности, такие попытки предпринимались еще Лигой Наций. Позже Генеральной Ассамблеей ООН был учрежден специальный комитет по международному терроризму, который тоже предпринимал попытки выработки общеприемлемого определения, однако международное

сообщество в принципе не может выработать такого определения ввиду отсутствия единого критерия и единых подходов к этому явлению.

Достаточно вспомнить, что Советский Союз поддерживал одни террористические организации (ХАМАС – в Палестине), которые, с точки зрения СССР, боролись за свои права и независимость, а США поддерживали другие организации.

Наиболее существенное определение терроризму, на наш взгляд, дает П.И. Остапенко: «Терроризм – это метод политической борьбы экстремистских организаций. С его помощью они пытаются добиться своих целей, провоцируя вооруженный переворот для смены власти, нарушения системы госуправления и всей общественной жизни, через нагнетание страха, создание хаоса и т.п.» [4, с. 5].

Говоря об истории терроризма, следует отметить, что терроризм – явление не новое. Скорее всего, возникновение терроризма можно отнести к началу создания государственности у народов нашей планеты. Именно создание государства как политического органа, призванного управлять людьми и осуществляющего регулирование экономических отношений между определенными людьми, слоями общества, кланами и классами этого общества, и приводит к появлению такого способа борьбы за достижение своих целей определенными группами людей.

Терроризм – это самый варварский, изощренно жестокий, но, тем не менее, политический метод борьбы за экономические интересы определенных групп или слоев общества.

Обращаясь к истории Российского государства, мы можем вспомнить организацию «Народная воля», члены которой пытались улучшить положение народа путем уничтожения «плохих» чиновников и «плохого» царя с целью передачи власти «хорошему» царю. Большой резонанс в обществе в свое время вызвала деятельность русского революционера – террориста Сергея Нечаева, который опубликовал свой «Катехизис революционера». В годы Гражданской войны был известен лозунг большевиков: «Ответим “Красным” террором на “Белый” террор».

В настоящее время наибольшее распространение получает религиозный терроризм – воинствующий ислам в его различных формах.

Таким образом, под бесчеловечные, зверские убийства ни в чем не повинных людей подводится определенная идеология:

в первом случае убийства оправдываются борьбой за светлое будущее угнетенных и обездоленных людей;

во втором случае – борьбой «правильной», «истинной» религии с иноверцами.

И в том, и в другом случае эти проповеди направлены к малообразованным людям, лишенным внутреннего нравственного стержня, как правило, не имеющим достойной (или вообще никакой) работы, надежды на лучшую жизнь; к людям, которые не видят выхода из тупика, в который они попали. Питательной средой для прорастания терроризма являются:

утрата людьми духовных, идеологических жизненных ориентиров;

чувства неустроенности и незащищенности; настроение отчаяния;

потеря авторитета закона и власти;

безработица.

Этим и пользуются проповедники такой идеологии, которые основательно обучаются в центрах подготовки. Эти центры расположены почти по всему периметру наших границ, щедро финансируются. Терроризм не возникает сам по себе, на пустом месте. Его активно готовят и внедряют заинтересованные структуры. В настоящее время терроризм стал международным, он принимает масштабы глобальной угрозы, угрозы мировой войны. Географическое расположение России на стыке между Западом и Востоком, между европейской и азиатской культурой, на протяжении всей истории вызывает пристальный интерес к ней как западных, так и восточных народов.

Выражая свое внешнеполитическое кредо, российский император Александр III Миротворец говорил: «У России есть только два союзника: ее армия и флот». Хотелось бы добавить к этим союзникам еще два, на наш взгляд, очень важных на данном этапе: это индустриальная, высокотехнологичная экономика и православие. Чем больше развита экономика, тем больший процент занятости населения трудовой деятельностью, чем выше уровень технологий производства, тем образованнее участники этого производства, тем выше материальный достаток народа, тем больше уверенности в завтрашнем дне, тем больше гордость за свою страну, патриотизм и желание защищать Родину от каких бы то ни было угроз, внешних или внутренних.

Православие за всю свою историю показало и доказало терпимость и понимание других религий на территории нашей страны. Русская православная церковь и сегодня выступает как одна из объединительных сил нашего общества.

Все больший размах приобретает межнациональный терроризм, который используется для захвата сырьевых ресурсов. Чем больше развивается экономика стран, тем больше количества сырья необходимо для их потребления, тем острее борьба за обладание этими ресурсами.

Борьба за нефть и газ привела к серии арабских революций, к бомбардировкам и войне в Ираке, постоянным угрозам Ирану, как важному геополитическому игроку в Персидском заливе.

Как только Россия начала наращивать свою мощь и оказывать заметное влияние на мировые процессы, у Запада появилась необходимость принизить роль нашей страны на мировой арене. Этим объясняются всевозможные санкции, этим объясняется дестабилизация государственного устройства Украины. Им нужно лишить Россию возможности продавать свой газ Европе. Для этого российский газ решили заменить сланцевым газом Украины. Разработка сланцевого газа на территории Луганской и Донецкой областей приведет к экологической катастрофе на этих территориях. Население этих областей защищает свое право на жизнь.

Задачей идеологов украинских марионеток является освобождение территории Донецкой и Луганской областей от населения, каким бы оно ни было: украинским или русским.

Замещая российский газ украинским сланцевым, Соединенные Штаты пытаются ослабить мощь России, поставить на колени нашу экономику и всю страну и завладеть сырьевыми ресурсами России.

Вот истинная цель всех террористических атак и цветных революций в настоящее время – борьба за сырьевые ресурсы. Это прямая угроза национальной безопасности России. Эти угрозы необходимо понять всем жителям нашей страны, всем властным структурам. И понимая это, необходимо сплотить весь народ, все организации и все ветви власти в борьбе за отстаивание интересов России в современном мире.

1. Ткаченко А.Г. *Терроризм: духовно-нравственный аспект // Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е.И. Степанова. М., 2000.*

2. Емельянов В.П. *Терроризм как явление и как состав преступления. Харьков, 1999.*

3. Емельянов В.П. *Терроризм и преступления террористической направленности. Харьков, 1997.*

4. Остапенко П.И., Помазин С.В. *Терроризм: история, современность и меры правового воздействия. Краснодар, 2006.*

1. Tkachenko A.G. *Terrorism: spiritual and moral aspect // Modern terrorism: state and prospects / ed. by E.I. Stepanov. Moscow, 2000.*

2. Emelyanov V.P. *Terrorism as a phenomenon and as an offense. Kharkov, 1999.*

3. Emelyanov V.P. *Terrorism and crimes of terrorist orientation. Kharkov, 1997.*

4. Ostapenko P.I., Pomazin S.V. *Terrorism: history, modernity and legal sanctions. Krasnodar, 2006.*

Зиборов Олег Валентинович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: mary_rose@bk.ru)

Административно-правовая регламентация военного положения (от возникновения до середины XIX века)

В статье автор анализирует причины и предпосылки возникновения и развития в отечественном законодательстве такого института, как военное положение. Исследует роль и место военного положения в обеспечении суверенитета и безопасности нашего государства в наиболее сложные периоды его истории.

Ключевые слова: военное положение, безопасность, права граждан, право, война, исторический анализ.

O.V. Ziborov, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mary_rose@bk.ru

Administrative-legal regulation of martial law (from inception to the middle of the XIX century)

In the article the author analyzes the causes and preconditions of the emergence and development of the national legislation of such an institution as a martial law. Explores the role and place of martial law in ensuring the sovereignty and security of our country in the most difficult periods of its history.

Key words: martial law, security, rights of citizens, law, war, historical analysis.

Административно-правовой режим военного положения в России необходимо рассматривать в историческом аспекте, в процессе его возникновения, становления и развития. На наш взгляд, это способствует выявлению причин, побудивших государство к созданию такого института, пониманию его характерных черт, а также последствий использования и, как следствие, выяснению настоящего предназначения подобной чрезвычайной меры. В этих целях необходимо провести детальный ретроспективный анализ становления и развития наиболее характерных черт административно-правового режима военного положения, к которым относятся: возможность создания системы чрезвычайных органов государственной власти; в исключительных случаях особый порядок осуществления правосудия; расширение полномочий военных властей; изменение административно-правового статуса граждан путем возложения на них ряда дополнительных обязанностей в области обороны и безопасности; возможное ограничение административной правосубъектности за счет отдельных прав и свобод (например, въезд на территорию, где объявлено военное положение) и др. Начиная

с XVI в. в нашем государстве можно говорить о наличии правоприменительной практики органов государственной власти по применению отдельных или комплексных чрезвычайных мер, однако без должного законодательного их регламентирования. В качестве основной причины их появления выступила необходимость устранения последствий чрезвычайных обстоятельств, происходивших в нашей стране вследствие экстраординарных исторических событий, связанных, прежде всего, с борьбой за суверенитет Российского государства. В качестве таких исторических событий стоит назвать, например, крупнейшие войны своего времени, такие как Ливонская война (XVI в.), Северная война (XVIII в.), Отечественная война (XIX в.), Первая мировая война (XX в.) и др.

Именно правоприменительный опыт чрезвычайных мер, а также государственная необходимость их нормативной регламентации и узаконивания стали основной причиной формирования военного положения как элемента российского административного законодательства. На протяжении многих лет этот опыт был представлен в виде разрозненных правовых актов, а как единый нормативно-правовой

блок, подробно регламентировавший правовые основы деятельности государства в условиях военного положения, был систематизирован только в конце XIX в.

В качестве наиболее обширного опыта правоприменительной практики по использованию чрезвычайных мер, но по причинам внутригосударственного характера следует назвать период Ливонской войны 1558–1583 гг. Именно со второй половины XVI в. можно говорить о предпринимаемых государством мерах, которые в современной России составляют содержание отдельных мер военного положения, а именно:

изменялся принцип назначения на определенные государственные должности (на время военных действий упразднялось местничество, т.е. знатность рода, как основной принцип назначения на высокие должности);

представителям военного командования предоставлялись чрезвычайные властные полномочия;

создание опричнины, которая, по своей сути, представляет одну из первых форм особого положения в государстве.

В 1564 г. Иван IV обнародовал «Устав опричнины» [1, с. 30], ставший первым правовым актом, введшим в стране чрезвычайные меры, целый ряд которых являются прототипами современного военного положения: во-первых, была обозначена цель таких мер – укрепление безопасности централизованного государства и ликвидация княжеско-боярской оппозиции единству страны; во-вторых, была создана особая, управляемая непосредственно царем территория – «государев удел», куда ограничивался въезд и выезд, было организовано особое опричное войско, командиры которого наделялись чрезвычайными властными полномочиями, вводилась специальная система наказаний за нарушение режимных требований [2, с. 163–188].

Несмотря на изложенное, отправной точкой в системном подходе к правовой регламентации военного положения следует считать начало XVIII в. Именно в этот период (1716–1720 гг.) по инициативе Петра I была сформирована законодательная основа для легитимизации чрезвычайных мер, характерных для этого административно-правового института. Сформированные при Петре I законодательные акты, а именно Воинский Артикул 1715 г. [3, с. 327–361], Воинский и Морской уставы 1716 г. [4] и 1720 г. [5], а также многочисленные регламенты и инструкции государственным учреждениям как центрального, так и местного уровней четко регламентировали деятельность государства, вооруженных

сил и граждан в условиях продолжающейся в период с 1700 по 1721 г. Северной войны и практически не прекращающихся массовых народных волнений. Все указанные документы содержат разделы, посвященные ужесточению мер уголовной ответственности и особому, ускоренному порядку уголовного судопроизводства. Так, например, Воинский устав 1716 г. в двух из четырех частей: части 2 «Артикул воинский с кратким толкованием» (209 статей) и части 3 «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (81 статья) – регламентировал поведение военнослужащих, обозначал перечень воинских преступлений, а также наказания за их совершения, преимущественно – смертную казнь. Воинский Артикул 1715 г. четко разграничивал меры уголовной ответственности солдат и офицеров за совершение уголовно наказуемых деяний в условиях мирного времени и в условиях войны. Например, статьи 24 и 25 предусматривали уголовную ответственность за выступление против действующей власти с оружием или без такового со стороны офицерского состава. Следует отметить, что обстановка совершения преступления в данном случае выступает как один из основных признаков объективной стороны. Так, ужесточались меры уголовного наказания в случае совершения преступления во время военных действий против неприятеля, а также в лагере, где расставлены караулы. Артикул 91 предусматривал уголовное наказание (вплоть до смертной казни) за нарушение установленных правил входа и выхода из лагеря, крепости, объявленных на военном положении. В данном случае суды обязывались провести исследования всех обстоятельств данного дела в целях установления умысла («изменическава»), и наказание назначалось в зависимости от наличия внешних признаков совершенного деяния («во время войны или мира то учинится»). Вместе с тем, при совершении отдельных воинских преступлений уголовная ответственность наступала независимо от обстановки совершения преступления, т.е. в условиях военных действий или вне таковых совершено данное преступление. Так, строжайшей уголовной ответственности (смертная казнь через повешение) подвергались военнослужащие, допустившие оставление расположения своего воинского подразделения или переход на службу в другую воинскую часть без разрешения, т.е. совершившие дезертирство в современном его понимании, предусмотренное в статье 95 указанного документа [3, с. 344]. Отдельная гл. 15 предусматривает уголовную ответственность за совершение государственной измены в условиях военного времени. Как

мы уже отмечали, «лишение чести, пожитков, живота», т.е. высшая мера уголовной ответственности, предусмотрено за подавляющее большинство преступлений, совершенных в рассматриваемых условиях. Именно в этот период в отечественном законодательстве появляется особый порядок уголовного судопроизводства. Так, артикул 121 для лиц, призывающих сдать осажденную неприятелем крепость, а также иным способом создающих панику, предусматривал ответственность без следствия и суда.

Такие суды, ставшие прообразом военных трибуналов, впервые появились при Петре I и стали создаваться на период военного времени и осад. В их компетенцию входило судебное разбирательство в отношении лиц, вина которых «не оставляет сомнений» [6, с. 63], в связи с чем они получили наименование «скорые» или «осадные» суды.

Непосредственное развитие законодательная база административно-правового режима военного положения получила в начале XIX в. в связи с агрессией войск Наполеона I в Европе и началом Отечественной войны 1812 г. Уже 13 марта 1812 г. был принят Закон «О правилах для управления Главнокомандующему Действующей Армии Губерниями, в военном положении объявленными» [7]. В этом документе впервые в истории отечественного административного законодательства дается детальное пояснение отдельных организационных и процессуальных основ военного положения. Именно в рассматриваемом законе появились правовые аспекты военного положения, которые, по сути, предусмотрены и в современном административно-процессуальном законодательстве. К таким базовым положениям можно отнести следующие:

1. Основания введения – военное положение вводилось в приграничных районах в случае возникновения непосредственной угрозы внешнего вторжения (п. 1).

2. Компетентностные трансформации – передача всей полноты власти на территории военного положения в руки Главнокомандующего действующей армией, с передачей полномочий по управлению полицией, обеспечивавшей общественный порядок, и этапными войсками, занимавшимися снабжением действующей армии на определенных участках (этапах) ее продвижения. В полномочиях органов гражданской администрации оставались вопросы чисто гражданского характера, однако Главнокомандующий обладал правом собственной властью увольнять с должностей чиновников городской и земской полиции (п. 3), а также предавать

всех совершивших преступления на территории военного положения военному суду (п. 5).

Указанный аспект реализации военного положения, а именно разграничение административной правосубъектности в объявленных на военном положении местностях между гражданскими и военными администрациями в сторону расширения последних, лег в основу следующего нормативно-правового акта – «Положения для крепостей на базисе военных действий расположенных», который был принят 1 июня 1812 г. [8]. В качестве существенной новеллы следует отметить тот факт, что данное Положение впервые законодательно разделило административно-правовой режим военного положения на две разновидности – непосредственно военное и осадное положения. Наличие четкого разграничения оснований для их введения позволяет выявить их отличия. Параграф 27 Положения предусматривал, что основаниями объявления крепости на военном положении являлись:

1) расположение крепости в условиях военного времени на переднем крае обороны либо в переходе от крепостей, полей и позиций, занимаемых неприятелем менее 5 дней (для исчисления применялся критерий перехода 30 км за 1 день);

2) любая крепость могла быть объявлена на военном положении решением императора или главнокомандующего.

На осадном положении крепость объявлялась только по указу императора в следующих случаях:

- 1) в случае окружения неприятелем;
- 2) в случае внезапной агрессии противника;
- 3) при наличии массовых беспорядков как в самой крепости, так и на прилегающих территориях.

Особыми полномочиями наделялся комендант крепости, объявленной на военном положении. В частности, ему предоставлялось право:

- 1) удалять с территории крепости любых лиц;
- 2) запрещать выезд с территории крепости рабочих, запрещать вывозить любые материалы и съестные припасы;

3) уничтожать внутри крепости все то, что может затруднять действие армии и войск, а вне крепости – все то, что может предоставлять неприятелю убежище и облегчать ему ведение боевых действий.

В дальнейшем анализируемое Положение получило практическое применение в ходе Крымской войны 1853–1856 г. 13 сентября 1854 г. Севастополь был объявлен на осадном положении после вторжения англо-франко-турецких войск [8]. С октября 1854 г. началась героическая

оборона Севастополя, которая продолжалась 11 месяцев. Рассматриваемый период стал знаковым в истории становления законодательства о военном положении. Именно в условиях обороны города, а особенно Малахова кургана, гражданское население Севастополя выполнило огромный объем оборонительных работ. Вице-адмирал В.А. Корнилов, который являлся командующим войсками Севастополя, отмечал: «Наш Севастополь готовится к обороне. Пошли работы с большим успехом: не только рабочий, но и мужик с охотой работают» [9, с. 19]. С наступлением темноты оживлялось движение между городом и оборонительной линией. Двигались повозки со снарядами, водой, продуктами; группами и в одиночку шли с лопатами жители на земляные работы, которые не приостанавливались ни на один день [10, с. 270]. Таким образом, сформировавшись пока без законодательного регламентирования, по сути, в этот период возник еще один правовой признак военного положения – возложение на граждан дополнительных обязанностей, который впоследствии будет постоянно сопровождать реализацию военного положения.

Происходящие в России в 1860–1870-х гг. военная и судебная реформы предопределили дальнейшее развитие административного законодательства, регламентирующего военное положение. В 1861 г. Александр II подписал Манифест, в соответствии с которым большая часть населения России – крепостные крестьяне (около 102 млн человек [11, с. 30]) – получили право на личную свободу, а также им был предоставлен ряд гражданских прав. Предпринимаемые преобразования продиктовали необходимость внесения изменений и в военной службе и судопроизводстве. В 1869 г. был утвержден Военский устав о наказаниях, в котором отдельный раздел «О нарушении обязанностей службы во время военных действий, а также в местностях, объявленных на военном положении» содержал подробный перечень воинских преступлений и проступков, совершаемых в местностях, объявленных на военном положении [12, с. 141]. К числу преступлений, представляющих особую опасность в условиях военного положения и предусматривающих наказание в виде смертной казни и лишения всех прав состояния, относилась, прежде всего, государственная измена, т.е. пособничество врагу в условиях военного положения и предоставление информации о своих войсках. Еще целый ряд воинских преступлений карались высшей мерой наказания:

1) предоставление противнику каким-либо образом информации, касающейся военных

действий, если он использовал данную информацию;

2) оставление места несения службы при приближении неприятеля;

3) бегство с поля боя;

4) потеря в бою знамени воинского подразделения;

5) для старших офицеров предусматривалась смертная казнь за распоряжение о сдаче в плен;

6) оставление неприятелю крепости;

7) самовольное отступление в условиях военного времени, если это не было предусмотрено военными планами высшего руководства;

8) отдельный состав уголовно наказуемого деяния предусматривал высшую меру наказания за нарушения процессуального порядка реализации военного положения; так, ответственность наступала за преждевременное начало военных действий либо за продолжение военных действий после снятия военного положения;

9) паникерство, распространение заведомо ложных слухов;

10) уничтожение или умышленная порча имущества крепости, объявленной на военном положении, продуктов питания, средств связи.

Как видно из приведенного анализа, субъектами уголовной ответственности по данной категории преступлений являлись военнослужащие, как офицерский, так и рядовой состав, однако за распространение заведомо ложных слухов, паникерство, а также порчу или уничтожение имущества крепости к уголовной ответственности привлекались и граждане, не входящие в состав действующей армии. Приведенная выше классификация преступлений, представлявших особую опасность в условиях военного положения, приобрела постоянный характер и применялась в последующих документах, регламентирующих правовую основу деятельности государственных органов и граждан в период военных действий или в объявленных на военном положении местностях. Предусматривая уголовную ответственность, Устав 1869 г. включал ряд статей, являвшихся правовой гарантией соблюдения прав и свобод граждан, проживающих на территории, объявленной на военном положении. В частности, предусматривалась уголовная ответственность за мародерство, насильственный отъем у жителей продуктов питания, одежды и других вещей. За совершение подобных преступлений военнослужащий подвергался наказанию в виде лишения всех прав состояния и ссылки на поселение либо исключения со службы с лишением звания и чинов. Данный документ предусматривал квалифицирующие признаки рассматриваемого

деяния. Так, совершение действий, рассматриваемых выше, группой военнослужащих либо одним военнослужащим, но с применением огнестрельного оружия квалифицировалось как разбой и влекло за собой смертную казнь. Применение чрезвычайных мер военного положения, как мы уже отмечали, зачастую сопровождается введением для граждан ряда дополнительных обязанностей. Чаще всего речь идет о военно-квартирной обязанности и транспортной повинности. Возложение на граждан дополнительных обязанностей во всех случаях должно быть строго нормативно регламентировано, поскольку любое отклонение от правовой нормы влечет ущемление прав и законных интересов граждан. Учитывая изложенное, Устав 1869 г. предусматривал уголовную ответственность за самовольное занятие жилых помещений граждан под военный постой, а также за самовольное изъятие средств транспорта. В условиях военного положения высшая мера уголовного наказания – смертная казнь – назначалась также за такие общеуголовные преступления, как умышленное убийство, изнасилование, разбой, грабёж и умышленный поджог.

На период действия военного положения изменялся и порядок уголовного судопроизводства. Военно-судебный устав 1869 г. регламентировал особенности осуществления судебной власти в военное время, причем вся полнота судебной власти на территории действия военного положения переходила к полковым, этапным и военно-окружным судам, непосредственно подчиняющимся верховному руководству действующей армии в этом районе. К подсудности судов данной категории относились следующие группы населения: все военнослужащие; в местностях, объявленных на военном положении, – все служащие гражданских ведомств; жители территорий противника, занимаемых армией.

К рассматриваемому периоду относится реализация так называемой окружной реформы.

В стране были созданы 15 военных округов, имеющих свою систему органов управления, которые непосредственно подчинялись Военному министерству. Сущность реформы сводилась к созданию более современного и оперативного управления как органами гражданской администрации, так и вооруженными силами, поскольку командующим военным округом, как правило, назначался генерал-губернатор. Такой принцип в случае введения военного положения позволял обеспечить оперативную мобилизацию вооруженных сил и оперативно руководить ими. Объединение всей полноты государственной власти, включая гражданскую и военную область, в дальнейшей истории нашей страны получило широкое распространение, в частности в годы Великой Отечественной войны. По мнению многих современных правоведов и военных историков, система военного управления в результате окружной военной реформы стала более рациональной, позволяла внести серьезные коррективы в структуру войск [13, с. 9].

Принятый в 1864 г. устав об «Управлении армиями в мирное и военное время» [14] подробно регламентировал права и обязанности главного начальника военного округа при переводе последнего на военное положение. В обязанности главного начальника округа входили: постоянный контроль за готовностью войсковых частей и военных управлений, учреждений и заведений округа к переходу на работу в условиях военного положения, что примечательно, с заблаговременной разработкой всех инструкций и положений, с подробной регламентацией отдельных аспектов, относящихся к его компетенции; поддержание имущества частей, необходимого для перехода на военное положение, в надлежащем количестве и качестве; своевременная кадровая работа по назначению на должности тех военнослужащих, которые будут задействованы в связи с введением военного положения.

1. *Александро-Невская летопись. Л. 1022 // Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1989. Кн. 3. Примеч. к гл. 2.*

2. *Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1989. Т. 8.*

3. *Российское законодательство X–XX вв. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1986. Т. 4.*

4. *ПСЗ. Т. 5. № 3006.*

5. *Там же. № 3485.*

6. *Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции. СПб., 1894.*

1. *Alexander Nevsky chronicle. L. 1022 // Karamzin N.M. History of the Russian state. Moscow, 1989. B. 3. Note to chap. 2.*

2. *Karamzin N.M. History of the Russian state. Moscow, 1989. Vol. 8.*

3. *Russian legislation of the X–XX centuries / ed. by O.I. Chistyakov. Moscow, 1986. Vol. 4.*

4. *Complete collection of laws. Vol. 5. № 3006.*

5. *Ibid. № 3485.*

6. *Myshlaevsky A.Z. Peter the Great. Military laws and regulations. St. Petersburg, 1894.*

7. Полное собрание законов Российской империи. Т. 32: 1812–1815. СПб., 1830. № 25035.
 8. ПСЗ. Т. 32: 1812–1815. СПб., 1830.
 9. Тарле Е.В. Город русской славы (Севастополь в 1854–1855 гг.). М., 1954.
 10. Вице-адмирал Корнилов. Материалы по истории русского флота. М., 1947.
 11. Мягков П. Севастопольская оборона. М., 1954.
 12. Отечественная история: энциклопедия. М., 2000. Т. 3.
 13. Военная история Отечества (с древнейших времен до наших дней) / под ред. В.А. Золотарева. М., 1995. Т. 2.
 14. Свод военных приказов. СПб., 1859. Ч. 1. Кн. 2.
7. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 32: 1812–1815. St. Petersburg, 1830. № 25035.
 8. Complete collection of laws. Vol. 32: 1812–1815. St. Petersburg, 1830.
 9. Tarle E.V. City of Russian glory (Sevastopol in 1854–1855). Moscow, 1954.
 10. Vice Admiral Kornilov. Materials on the history of the Russian fleet. Moscow, 1947.
 11. Myagkov P. Sevastopol defense. Moscow, 1954.
 12. National history: encyclopedia. Moscow, 2000. Vol. 3.
 13. Military history (from earliest times to the present days) / ed. by V.A. Zolotarev. Moscow, 1995. Vol. 2.
 14. The Code of military orders. St. Petersburg, 1859. Pt. 1. B. 2.

Губенков Андрей Олегович

адъюнкт кафедры организации деятельности ГИБДД
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова
(e-mail: gubenkovi@yandex.ru)

Становление и развитие института, наделенного административно-правовыми полномочиями по допуску водителей к участию в дорожном движении в России

В статье рассматриваются исторические аспекты становления института приобретения права на управление транспортными средствами. Проводится исторический анализ развития государственных структур, наделенных административно-правовыми полномочиями по подготовке кандидатов в водители, экзаменационной деятельности подразделений ГИБДД по приему квалификационных экзаменов и выдаче водительских удостоверений.

Ключевые слова: административное право, подготовка водителей, водительское удостоверение, дорожно-транспортные происшествия, безопасность дорожного движения, участники дорожного движения, транспортные средства.

A.O. Gubenkov, Adjunct of a Chair of Traffic Safety of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: gubenkovi@yandex.ru

The formation and development of the institution with administrative and legal authority for the admission of drivers to participate in traffic in Russia

The article deals with the historical aspects of the institute of the acquisition of the right to drive vehicles. The paper conducts a historical analysis of the development of state structures endowed with administrative and legal authority to prepare candidates for the drivers, traffic police departments examination activities connected with admission qualification exams and issuing driving licenses.

Key words: administrative law, training of drivers, driver license, traffic accidents, street traffic security, traffic participants, vehicles.

Международные и отечественные исследования в области причин возникновения дорожно-транспортных происшествий показывают, что аварийность на дорогах и тяжесть их последствий напрямую зависят от качества подготовки водителей, а также оценки знаний, умений и навыков кандидатов в водители при приеме квалификационных экзаменов на получение права управления транспортными средствами. В настоящее время государством проводится огромная работа в области обеспечения безопасности дорожного движения: разрабатываются и реализуются федеральные и региональные целевые программы по повышению безопасности на дорогах; осуществляется комплекс последовательных административно-правовых реформ. По нашему мнению, повышение уровня подготовки водительских кадров – мощный рычаг в борьбе с аварийностью. Это подтверждается и тем, что

на протяжении всей истории России и по настоящее время подготовке и допуску водителей к управлению автотранспортом государство уделяло большое внимание.

Формирование института, наделенного административно-правовыми полномочиями по допуску водителей к участию в дорожном движении, началось с появлением автопарка в стране. Впервые право на управление транспортным средством в России приобрел житель Санкт-Петербурга. В 1900 г. ему было вручено водительское удостоверение, в котором содержались сведения о владельце с фотографией. Форма документа и порядок сдачи экзамена устанавливались местными властями. Постановление Санкт-Петербургского градоначальника «О порядке пассажирского и грузового движения по городу Санкт-Петербургу на автомобилях» не только включало в себя правила движения, минимальные требования в умении управлять

автомобилем, но и обязывало владеть знанием городской географии [1].

В указанное время получение разрешения на управление транспортным средством в большей степени было обусловлено техническими характеристиками автомобиля, нежели требованиями к самому водителю.

К примеру, лицо, желающее управлять автомобилем, должно было подать заявление в городскую управу с указанием следующих сведений: чертежа или фотографии автомобиля с указанием его размеров, веса, описанием системы двигателя, а также устройств для своевременной остановки экипажа и подачи звукового сигнала. После приема заявления назначалось время проведения технического осмотра автомобиля, а также медицинского обследования кандидата в водители на отсутствие физиологических недостатков, препятствующих управлению автомобилем. Далее водитель демонстрировал свое умение управлять транспортным средством, и в случае успешного прохождения всех этапов ему выдавалось разрешение в виде особой книжки с напечатанными в ней правилами езды. К управлению автомобилем не допускались лица, не выдержавшие испытаний и не достигшие 17-летнего возраста, а к управлению автобусами – моложе 21 года [2, с. 70–71].

В октябре 1909 г. Россия присоединилась к международной «Конвенции о передвижении автомобилей». Принятый документ, получивший название «Общие правила езды по дорогам на автомобилях», устанавливал для государств минимум требований к машинам и их водителям для того, чтобы быть допущенными к переезду из одной страны в другую. Конвенция предусматривала форму международных водительских удостоверений и выдачу особых паспортов, так называемых дорожных свидетельств, при предъявлении которых водители и их машины допускались беспрепятственно к передвижению по стране [3, с. 8–9].

После революции 1917 г. организация работы по подготовке кандидатов в водители и выдаче разрешений на право управления транспортными средствами потеряла системный характер. Формы и содержание свидетельств на право управления экипажем постоянно менялись. Документ выдавался местной администрацией, а его юридическая сила распространялась в пределах муниципальной территории, что для страны с большим количеством городов приносило массу неудобств. К примеру, свидетельства, выданные в Петрограде, не признавались в Москве.

Для решения этой проблемы первые шаги были сделаны спустя продолжительное время.

ВЦИК и СНК РСФСР утвердил постановлением от 29 июня 1929 г. «Об утверждении Положения о крайоблуправлениях» порядок создания квалификационных комиссий. В соответствии с Положением в структуре органов местного транспорта стали создаваться квалификационные комиссии для испытания водителей автотранспорта по трем категориям: для работы на автобусах, грузовых автомобилях и такси [4, с. 10].

Лишь в 1936 г. после утверждения Положения о Государственной автомобильной инспекции Главного Управления Рабоче-крестьянской милиции Народного Комиссариата Внутренних Дел Союза ССР выдавать разрешение на управление автотранспортными средствами стала Государственная автомобильная инспекция. Документ приобрел единую форму и новое название – «удостоверение шофера».

С этого времени подразделения ГАИ начинают решать одну из главных задач по контролю за подготовкой и воспитанием «шоферских кадров», а для выполнения этих задач Государственная автомобильная инспекция обязана была руководить работой квалификационных комиссий по испытанию водителей машин, преподавателей и инструкторов шоферских школ и курсов; на основе данных комиссий поднимать перед соответствующими народными комиссариатами вопросы об устранении недостатков работы шоферских школ и курсов. В ведении Государственной автомобильной инспекции появляются квалификационные комиссии по предоставлению права управления автотранспортными средствами и права преподавания на шоферских курсах [5].

Особая роль Госавтоинспекции отводилась в первые годы Великой Отечественной войны. Учитывая экстремальность военной обстановки и объем предстоящих задач на фронте, время диктовало повышенные требования к лицам, обучавшимся на курсах водителей по направлению воинских частей. В соответствии с постановлением СНК СССР от 10 октября 1942 г. Госавтоинспекция осуществляла и переподготовку водителей для работы на газогенераторных автомобилях [2, с. 190].

Необходимо отметить, что для подготовки водителей народного хозяйства Госавтоинспекция совместно с Наркомздравом СССР умышленно снизили требования, предъявляемые к физическому состоянию лиц, допускаемых к работе в качестве водителей, поскольку в тылу значительно уменьшилось количество здоровых людей и квалифицированных водителей автотранспорта [6, с. 23].

В послевоенные годы существовало разделение водителей на «любителей» и «профессионалов». Водители-профессионалы, в свою очередь, подразделялись на три класса в зависимости от стажа работы и профессиональной подготовки. К примеру, водители третьего класса допускались к управлению автомобилями всех типов, кроме автобусов, карет «скорой помощи» и иных автомобилей, оборудованных специальными сигналами и сиренами. Водители первого и второго класса имели право управлять всеми видами транспортных средств, различие было лишь в профессионализме.

С 1956 г. подразделения Госавтоинспекции стали выдавать лишь право на управление транспортным средством, тем самым присваивая водителям первичную профессиональную квалификацию, а дальнейшее повышение классности стало привилегией администраций автотранспортных предприятий.

Необходимость пересмотра работы подразделений Госавтоинспекции по приему квалификационного экзамена и выдаче водительского удостоверения возникла в 1972 г., тогда СССР ратифицировал международную Конвенцию о дорожном движении, принятую в Вене 8 ноября 1968 г. [7].

Для приведения в соответствие с указанной Конвенцией национального законодательства 13 февраля 1976 г. МВД СССР приказом № 40 утверждает Положение о порядке присвоения квалификации водителя, выдачи водительских удостоверений и допуска водителей к управлению транспортными средствами. Помимо категорий Положение устанавливало, что подготовка и переподготовка водителей транспортных средств всех категорий, в том числе трамваев, троллейбусов, мотоколясок, производится учебными организациями по единым программам, согласованным с ГАИ МВД СССР [8].

До 1974 г. в структуре Госавтоинспекции не было специализированных подразделений, задачи которых сводились бы только к приему квалификационных экзаменов и выдаче водительских удостоверений. Эти функции выполнялись специальными экзаменационными комиссиями отделов Госавтоинспекции. В соответствии с приказом МВД СССР от 13 февраля 1974 г. № 093 были созданы регистрационно-экзаменационные подразделения. На них была возложена работа: по учету автотранспорта, принадлежащего как организациям, так и гражданам; выдаче водительских удостоверений; выдаче технических паспортов и государственных номерных знаков на транспорт; осуществ-

лению регистрации учебных организаций по подготовке водителей; приему экзаменов по правилам дорожного движения и навыкам практического вождения [9, с. 111–112].

В эти же годы экзаменационные классы активно оснащают электронными аппаратами «Вятка-5», «Вятка-10», «Вятка-20», что позволило принимать теоретический экзамен одновременно у нескольких человек.

К началу 80-х гг. в целом по стране уже завершилось формирование системы регистрационно-экзаменационных подразделений (РЭП). В 1981 г. в составе Госавтоинспекции существовало 614 республиканских, областных и межрайонных регистрационно-экзаменационных отделений, обслуживающих по 4–6 районов, а также 192 группы (по 2–3 человека), обслуживающих 2–3 района [9, с. 113–114].

6 января 1987 г. приказом МВД СССР № 6 утверждается новое положение о порядке допуска водителей к управлению транспортным средством, приеме экзаменов и выдаче гражданам водительских удостоверений. Эпоха «перестройки» диктовала новые требования. Подготовкой водителей теперь могли заниматься учебные заведения независимо от ведомственной принадлежности и форм собственности, зарегистрированные в подразделениях ГАИ в установленной форме. Вводилась процедура самостоятельной подготовки к сдаче экзаменов для категорий «А» и «В» (без права работы по найму).

В конце 90-х гг. прошлого столетия делаются первые попытки модернизации системы подготовки и переподготовки водителей для допуска к участию в дорожном движении. Так, в целях реализации постановления Правительства РФ от 8 июля 1997 г. № 831 «Об утверждении Правил сдачи квалификационных экзаменов и выдачи водительских удостоверений» МВД России издает приказ от 30 декабря 1997 г. № 860, в котором впервые предъявляются квалификационные требования не только к кандидатам в водители, но и к экзаменаторам. Обновляется и методика проведения теоретического экзамена, теперь в большинстве экзаменационных подразделений испытания проводятся в компьютерных классах.

В соответствии с Федеральным законом от 20 июля 2000 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “Об образовании”» учебную деятельность автошкол государство выводит из-под контроля Госавтоинспекции, передав эти полномочия Министерству образования и науки РФ.

За ГИБДД осталось лишь право участвовать в обследовании материально-технической базы

учебных учреждений на соответствие нормативным требованиям правовых документов, регламентирующих организацию подготовки и переподготовки кандидатов в водители, по заявке органа, выдающего лицензии, либо самих образовательных учреждений, а также проводить анализ квалификационных экзаменов по уровню теоретических знаний и навыкам безопасного вождения.

В ноябре 2006 г. ООО «КАФС» в порядке эксперимента по согласованию с ДОБДД МВД России по проекту корейской компании «Информационные технологии NEO» в г. Челябинске ввело в эксплуатацию первый в Российской Федерации автоматизированный автодром для обучения вождению и принятия первого этапа практического экзамена на получение права на управление транспортными средствами с применением автоматизированных систем. Проектная пропускная способность данного автодрома при 8-часовом рабочем дне составила около 700 чел./день [10, с. 5].

В конце 2008 г. по результатам эксперимента Министерство внутренних дел РФ и Министерство образования и науки РФ признали автоматизированный автодром как передовой опыт, который нужно внедрять в практику. Результаты эксперимента показали, что обучение на автоматизированном автодроме способствует повышению качества подготовки кандидатов в водители, в том числе и объективной оценке при проведении квалификационного экзамена по допуску к участию в дорожном движении. Однако новая методика проведения квалификационных экзаменов на получение права на управление транспортными средствами, не успев вступить в законную силу, в 2010 г. признана Генеральной прокуратурой незаконной по основанию отсутствия регистрации в Минюсте РФ.

В настоящее время экзаменационные подразделения Госавтоинспекции наделены контрольно-разрешительными функциями по обеспечению безопасности дорожного движения. Перед подразделением по-прежнему стоят следующие задачи:

согласование примерных учебных программ подготовки водителей автотранспортных средств (на уровне федерального органа Госавтоинспекции);

принятие решения о допуске к сдаче экзаменов;

принятие у граждан квалификационных экзаменов на получение права управления автотранспортными средствами, трамваями и троллейбусами;

оформление и выдача водительских удостоверений, в том числе и международных;

выдача и замена водительских удостоверений лицам, временно пребывающим на территории Российской Федерации;

выдача водительских удостоверений взамен утраченных (похищенных).

Однако целесообразно отметить и тот факт, что административно-правовое регулирование системы приобретения права на управление транспортными средствами в России на современном этапе претерпевает существенные изменения.

Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 92-ФЗ (в редакции от 2 июля 2013 г.) «О внесении изменений в Федеральный закон “О безопасности дорожного движения” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [11] положил начало реформирования правового регулирования разрешительной системы по выдаче права на управление транспортными средствами. Так, с 5 ноября 2013 г. ст. 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» [12] действует в новой редакции.

Появились новые категории, такие как «М», «Тм», «Тв», а также подкатегории, которые обозначаются добавлением к соответствующей категории цифры «1». Отменена возможность самостоятельной подготовки водителей на получение права управления транспортными средствами категорий «А» и «В».

Такие изменения обусловлены, прежде всего, накопившимися в этой области проблемами с точки зрения обеспечения безопасности дорожного движения, а также необходимостью приведения национального законодательства в соответствие с нормами Конвенции о дорожном движении [13]. В настоящее время процесс реформирования еще не закончен, поскольку ряд вопросов в рассматриваемой области требует значительных законодательных усовершенствований.

1. Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции. 1900. 25 июля.

2. Квитчук А.С. Система обеспечения безопасности дорожного движения в России:

1. Bulletin of the St. Petersburg city government and the Metropolitan Police. 1900. July 25.

2. Kvitichuk A.S. System of road safety in Russia: historical and legal research: diss. ... Dr of Law. St. Petersburg. 2006.

Историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006.

3. Мигри Международная конвенция автомобильного движения // За рулем. 1929. № 6.

4. Островский Н.Б. Автомобильный транспорт за 50 лет Советской власти. М., 1967.

5. Об утверждении Положения о Государственной автомобильной инспекции Главного управления Рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР: постановление СНК СССР от 3 июля 1936 г. № 1182 // Проект «Исторические Материалы». URL: <http://istmat.info/node/22655> (дата обращения: 16.06.2014).

6. Войтенков Е.А. Историко-правовые особенности и этапы становления отечественной системы обеспечения безопасности дорожного движения // Общество и право. 2010. № 3.

7. Конвенция о дорожном движении, Вена, 8 нояб. 1968 г. (с изм., внесенными Европейским соглашением от 1 мая 1971 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1979. Вып. XXXIII.

8. Приказ МВД СССР от 13 февр. 1976 г. № 40 // Безопасность дорожного движения: сб. нормативных актов: в 2 ч. М., 1984. Ч. 1.

9. Войтенков Е.А. Организационно-правовые основы деятельности МВД СССР по обеспечению безопасности дорожного движения во второй половине 60-х – середине 80-х гг. XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

10. Расторгуев В.Л., Рогожкина Е.Г., Ясников А.Г. Совершенствование экзаменационной деятельности Госавтоинспекции: обзорная информация. М., 2009. Вып. 13.

11. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148881/#text (дата обращения: 16.06.2014).

12. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148880> (дата обращения: 16.06.2014).

13. Конвенция о дорожном движении, Вена, 8 нояб. 1968 г. (с изм., внесенными Европейским соглашением от 28 сент. 2004 г.). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15424> (дата обращения: 16.06.2014).

3. Migrate International Convention auto-movement // Behind the wheel. 1929. № 6.

4. Ostrovsky N.B. Road transport in the 50 years of Soviet power. Moscow, 1967.

5. On approval of the State Automobile Inspection of the Main Directorate of the Workers and Peasants militia of the People's Commissariat of the Interior of the USSR: resolution of the Council of People's Commissars on July 3, 1936 № 1182 // «Historical Materials» project. URL: <http://istmat.info/node/22655> (date of access: 16.06.2014).

6. Voitenkov E.A. Historical and legal circumstances and stages of development of the domestic system of road safety // Society and law. 2010. № 3.

7. Convention on Road Traffic, Vienna, Nov. 8, 1968 (as amended introduced by the European Agreement of May 1, 1971) // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded between the USSR and foreign countries. Moscow, 1979. Iss. XXXIII.

8. Order of the Ministry of the Interior of the USSR of Febr. 13, 1976 № 40 // Traffic Safety: coll. of regulations: in 2 pt. Moscow, 1984. Pt. 1.

9. Voitenkov E.A. Organizational and legal bases of the USSR Ministry of Internal Affairs to ensure road safety during the second half of the 60 – middle of the 80 of the XX century: diss. ... Master of Law. Moscow, 2006.

10. Rastorguev V.L., Rogozhkina E.G., Yasnikov A.G. Improving traffic police examination activities: overview. Moscow, 2009. Iss. 13.

11. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148881/#text (date of access: 16.06.2014).

12. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148880> (date of access: 16.06.2014).

13. Convention on Road Traffic, Vienna, Nov. 8, 1968 (as amended introduced by the European Agreement of Sept. 28, 2004). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15424> (date of access: 16.06.2014).

Конев Сергей Игоревич

старший преподаватель кафедры «Общая юриспруденция
и правовые основы безопасности»

Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»
(e-mail: sj-13@yandex.ru)

Электронная форма реализации административных регламентов предоставления публичных услуг

Статья посвящена одному из аспектов правового регулирования деятельности системы органов исполнительной власти посредством новых информационных технологий, а именно электронной форме реализации административных регламентов, основным назначением которой является повышение качества и прозрачности оказания государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: государственные услуги, административный регламент, «электронное правительство», информационные технологии, электронный документооборот.

S.I. Konev, Senior Lecturer of a Chair «Common Jurisprudence and the Legal Basis of Security» of the National Research Nuclear University MEPhI; e-mail: sj-13@yandex.ru

Electronic form of implementation of the administrative regulations on the provision of public services

The article focuses on one aspect of the legal regulation of the system of executive authorities by the new information technologies, namely, electronic implementation of administrative rules, the main purpose is to improve the quality and transparency in the provision of public and municipal services.

Key words: public services, administrative regulation, «e-government», information technology, electronic document.

Согласно Конституции РФ наше государство является социальным, ставящим перед собой цель создания всех условий для достойной жизни своих граждан. При этом время и технологии диктуют свою волю политическим институтам общества, заставляя последние переориентировать свою деятельность с учетом мнения конечных получателей государственных и муниципальных услуг. При этом, как показывает зарубежный опыт, наиболее эффективным на сегодняшний день является предоставление услуг в электронной форме. Во многом это связано с тем, что она позволяет, как минимум, сэкономить время для получения нужного результата и избежать необходимости личного обращения в органы государственной власти. И у любого государства, вставшего на путь реформирования деятельности системы органов государственной власти с использованием информационных технологий, возникают одни и те же проблемы, связанные:

со стандартизацией всей системы услуг (сегодня этот аспект решен благодаря Закону «О государственных и муниципальных услугах» и системе регламентов, в том числе и с элек-

тронной формой реализации, о которой речь пойдет ниже);

порталами государственных услуг (при этом они должны быть «дружественны» по отношению к конкретному пользователю, требования к ним устанавливает, в том числе, и Федеральный закон «О размещении информации о деятельности органов власти»);

насыщенностью информационной инфраструктуры (современные технологии предполагают уже не столько использование компьютеров, сколько всевозможных мобильных устройств на платформах Android и Apple);

защитой информации в указанных системах; эффективными процессами правового регулирования, отвечающими потребностям общества XXI в.

Правовой основой всех указанных выше процессов на сегодняшний день выступает Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [1, ст. 10], который определил базовую возможность предоставления публичной услуги в электронной форме. Естественно, что одним законом невозможно уре-

гулировать данную сферу, она будет включать в себя абсолютно все системы нормативных актов России. Не углубляясь в подробности, автор хотел бы отметить, что по существу государственные услуги предполагают, во-первых, реализацию полномочий органов исполнительной власти, а во-вторых, направлены на совершение юридически значимых действий (выдача загранпаспорта, проверка и оплата налоговых задолженностей, регистрация индивидуального предпринимателя и др.). Кроме того, приняв постановление Правительства РФ от 12 декабря 2012 г. № 1284 [2], государство позаботилось и о критериях оценки предоставления качества услуг, которые сводятся к нескольким позициям:

а) время оказания услуги, включая и время ожидания;

б) компетентность и вежливость должностного лица;

в) уровень комфорта в помещении, где оказываются государственные услуги;

г) наличие информации об услуге.

При этом для внедрения указанных услуг в электронной форме требуется создание необходимых условий для организации новой формы взаимодействия между гражданином и государством. И если государственные и муниципальные услуги, став частью современных правовых реалий, определяются административным регламентом, то электронные услуги порождают уже новую конструкцию – электронную форму реализации административного регламента (здесь и далее – ЭАР). Законодатель пока не определился с понятием, что это, легальную дефиницию можно встретить, к примеру, в ГОСТ Р 52294-2004 «Информационная технология. Управление организацией. Электронный регламент административной и служебной деятельности. Основные положения» [3]: электронный регламент административной и служебной деятельности – регламент административной и служебной деятельности, реализованный с применением информационно-коммуникационных технологий. Однако, несмотря на это, на сегодняшний день выработан четкий государственный подход по предоставлению публичной услуги в электронной форме, согласно которому при обращении в органы государственной или муниципальной власти через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет:

гражданин может получить всю необходимую информацию о получении услуги как при удаленном обслуживании, так и при личном обращении в орган власти;

при направлении пакета документов последнему присваивается регистрационный номер, ввода который на сайте соответствующего органа

власти, можно получить информацию о состоянии запроса на настоящий момент времени;

внедрена национальная платежная система, позволяющая оплатить государственную или муниципальную услугу, не выходя из дома, при наличии денежных средств на счете платежной системы;

и наконец, получение собственно самой услуги, здесь уже необходимо личное обращение в орган государства, хотя в перспективе, с развитием систем электронного документооборота и распространением электронной подписи, автор предполагает, что государство будет стараться минимизировать такое обращение.

В этой четкой системе процедур ЭАР «отвечают» за реализацию прав и обязанностей органов исполнительной власти и отдельных должностных лиц на основе современных информационных технологий [4, с. 21]. Таким образом, электронная форма реализации административного регламента является цементирующим правовым элементом для всех остальных компонентов государственной политики по трансформации системы управления, будь то система защиты, система документооборота или система государственных порталов. По существу, это один из способов автоматизации управленческих процессов органов. Кроме того, ЭАР является связующим звеном в рамках проводимой административной реформы и процедурой введения «электронного правительства», это следствие того, что электронная форма документов, в том числе и нормативных, позволяет более гибко реагировать на изменение правоотношений, в то же время ЭАР выполняют регулируемую функцию по отношению к адресатам их норм. По своей структуре рассматриваемые нами нормативные документы состоят, во-первых, из автоматизированных с применением единой информационно-программной базы регламентов, отдельных управленческих процессов. Во-вторых, из электронных должностных регламентов, являющихся автоматизированными рабочими местами. В-третьих, нормативных документов самого широкого толка: определяющих информационную и нормативно-правовую базу, стандарты услуг и взаимодействий, порядок координации отдельных деловых процессов и подразделений ведомства, систем управления, модернизации и контроля этих процессов.

Какими же плюсами обладают ЭАР, какие пробелы они позволят закрыть?

1. Будучи и описанием процедуры и требованием качества к ней, ЭАР позволяют повысить информационную активность деятельности не только органа власти в целом, но и каждого конкретного государственного чиновника.

2. Исходя из этой посылки, ЭАР могут использоваться для сбора статистической информации о работе государственных служащих.

3. Позволяют минимизировать время на поиск государственно значимой информации.

Однако при введении в действие ЭАР необходимо решить следующий ряд вопросов:

определить порядок предоставления той или иной государственной услуги, причем учитывать возможность получения последней и без использования информационных технологий;

предусмотреть механизмы ответственности как за создание самого ЭАР, так и за его реализацию;

ввиду того, что ЭАР определяют порядок получения услуги, определить максимальное время, в течение которого ее предоставят; автору представляется разумной корреляция этого времени со сроками, указанными в законодательстве об обращениях граждан – 30 дней с момента обращения, максимальный – 60 дней;

перечень документов и шаблонов документов, необходимых для оказания услуги;

предусмотреть механизм контроля и информирования граждан о ходе осуществления услуги, причем с учетом как электронной фор-

мы работы с населением, так и традиционных методов оповещения, таких как почта, телефон, личный прием и т.д.

Необходимо учитывать, что электронный административный регламент – это не просто копия административного регламента, которая представлена в электронной форме. Электронная форма реализации административных регламентов обеспечивает возможность в долгосрочной перспективе добиться качественного улучшения предоставления государственных и муниципальных услуг, снизить временные задержки на их оказание и гарантирует информационную прозрачность и открытость принятия того или иного управленческого решения. Рассматриваемая концепция, являющаяся составной частью формирования правового регулирования деятельности системы органов исполнительной власти посредством новых информационных технологий, позволяет проводить последовательную «автоматизацию» процесса оказания публичной услуги, что в перспективе минимизирует или полностью исключает человеческий фактор и юридические ошибки.

1. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Рос. газ. 2010. 30 июля.

2. Об оценке гражданами эффективности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей: постановление Правительства РФ от 12 дек. 2012 г. № 1284 // Рос. газ. 2012. 19 дек.

3. Информационная технология. Управление организацией. Электронный регламент административной и служебной деятельности. Основные положения. ГОСТ Р 52294-2004: постановление Госстандарта РФ от 29 дек. 2004 г. № 138-ст. М., 2005.

4. Буряга В.О. Административный регламент в сфере реализации исполнительной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

1. On the organization of public and municipal services: fed. law of July 27, 2010 № 210-FL (in ed. of July 21, 2014) // Rus. newsp. 2010. July 30.

2. On the estimation of the effectiveness of citizens heads of territorial bodies of federal executive bodies (their structural units) subject to the provision of quality public services, as well as the application of the results of this assessment as a basis for making decisions about early termination of execution of the respective heads of their duties: resolution of the Government of the Russian Federation of Dec. 12, 2012 № 1284 // Rus. newsp. 2012. Dec. 19.

3. Information technology. Office Management. Electronic regulation of administrative and service activities. The main provisions. GOST R 52294-2004: resolution of the State Standard of the Russian Federation of Dec. 29, 2004 № 138-st. Moscow, 2005.

4. Buryaga V.O. Administrative regulations in the implementation of the executive power in the Russian Federation: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2009.

Черкасова Инна Викторовна

соискатель кафедры конституционного и административного права
Волгоградского института экономики, социологии и права
(тел.: +79184900368)

Содержание административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия и современные тенденции развития законодательства в указанной сфере

В статье исследуются теоретическая модель содержания административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия народов Российской Федерации и ее воплощение в современной реформе правового регулирования отношений в сфере сохранения, охраны, популяризации и использования объектов культурного наследия, предлагаются дальнейшие пути совершенствования федерального законодательства в области управления объектами культурного наследия.

Ключевые слова: административно-правовой режим, режимные правила, режимные объекты, объект культурного наследия, содержание административного режима.

I.V. Cherkasova, Competitor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law; tel.: +79184900368.

The content of administrative and legal regimes to manage objects of cultural heritage and modern trends of development of legislation in this area

The article deals with theoretical model of administrative and legal regimes to manage objects of the cultural heritage of the peoples of the Russian Federation and its embodiment in contemporary reform of legal regulation of relations in the field of the preservation, protection, promotion and use of objects of cultural heritage, offering further ways to improve federal legislation in the area of management of objects of cultural heritage.

Key words: administrative and legal regime, operating rules, performance objects, object of cultural heritage, content of administrative regime.

Предложенная нами концепция содержания административно-правового режима, изложенная в ряде работ [1, с. 14–23; 2, с. 212–215], предполагает выделение в качестве элементов таковых, во-первых, цели административного режима, во-вторых, нормативно-правовых основ, в-третьих, системы режимных правил деятельности субъектов управления, в-четвертых, субъектов административно-правового режима, в-пятых, режимного объекта. Представляется, что ключевым звеном в системе элементов содержания административно-правового режима является система режимных правил деятельности субъектов управления, которые включают правовые средства, способы, типы и приемы функционирования субъектов в рамках конкретно определенного административно-правового режима. Админи-

стративно-правовые режимные средства могут выражаться в системе разрешений, регистрации определенных видов деятельности, обеспечения требуемого учета и контроля отдельных видов деятельности или прямого их запрещения, применения различных видов юридической ответственности за нарушение режимных правил, а также иных мер административного воздействия для предупреждения и пресечения нарушений, установленных режимными правилами. Способы правового регулирования выражаются в запретах, дозволениях, правомочиях, позитивных обязываниях, стимулах и санкциях. Выраженные в правовых средствах способы правового воздействия формируют тип правового управленческого воздействия на объект административно-правового режима. Приемы функционирования субъектов в рамках

конкретно определенного административно-правового режима представляют собой процедуру, посредством которой осуществляются правовые средства, способы и типы функционирования субъектов в рамках конкретного административно-правового режима. Подобный подход к определению сущности режимных правил позволяет решить следующие практические задачи: а) определить конкретное содержание режимных правил управленческого воздействия на объект административно-правового режима; б) дает возможность формировать многообразные виды административно-правовых режимов [1, с. 19–20; 2, с. 214]. Предложенная концепция содержания административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия находит в настоящее время реализацию в рамках реформирования правового регулирования управления объектами культурного наследия, осуществляемого Федеральным законом от 22 октября 2014 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] (далее – закон № 315-ФЗ). Приведенный закон, в частности, предусматривает более детальное регулирование, по сравнению с ранее действующей редакцией Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», таких элементов содержания административно-правового режима, как объект управленческого воздействия. Так, ст. 3.1 закона № 315-ФЗ устанавливает норму о территории объекта культурного наследия, его границах, что является новым в действующем законодательстве об объектах культурного наследия народов Российской Федерации. Кроме этого закон № 315-ФЗ закрепляет положения о содержании режимных правил управления объектами культурного наследия: ст. 5.1 предусматривает требования к осуществлению деятельности в границах территории объекта культурного наследия и особый режим использования земельного участка, водного объекта или его части, в границах которых располагается объект археологического наследия; ст. 6 закрепляет определение понятия государственной охраны объектов культурного наследия, где предусматриваются следующие основные режимные правила деятельности уполномоченного лица: а) система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия,

предотвращение их разрушения или причинения им вреда; б) данные действия осуществляются органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления; в) указанная деятельность осуществляется в соответствии с федеральным законодательством об объектах культурного наследия; ст. 11 предусматривает деятельность по осуществлению государственного надзора за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия в Российской Федерации; ст. 16.1, 18, 20, 20.1, 20.2, 22 закона № 315-ФЗ по-новому и значительно шире, чем ранее, регулируют отношения по ведению Единого государственного реестра объектов культурного наследия, порядок и условия изменения категории историко-культурного значения объекта культурного наследия.

Другим направлением совершенствования административно-правового регулирования рассматриваемых административно-правовых режимов является детализация компетенции управляющих субъектов этих режимов. Закон № 315-ФЗ устанавливает полномочия федеральных органов государственной власти в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (ст. 9, 9.1, 9.2). Законодатель не только предпринимает меры для разграничения компетенции органов управления объектами культурного наследия, но и определяет круг таких субъектов: «1) федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия; 2) органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации либо структурные подразделения высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия; 3) местные администрации либо входящие в их структуру и уполномоченные в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия отраслевые (функциональные) или территориальные органы».

Подобный анализ можно продолжать и далее, однако следует признать, что имеющийся подход к правовому регулированию процесса управления объектами культурного наследия

осуществляется в рамках уточнения содержания административно-правовых режимов управления указанными объектами. Однако сложившаяся практика нормативно-правового регулирования управления объектами культурного наследия представляется, по нашему мнению, бессистемной. Это позволяет предложить пути совершенствования структуры Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Так, представляется необходимым выделить четыре основных раздела закона: 1) Общие положения; 2) Административно-правовое регулирование управления объектами культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) значения; 3) Гражданско-правовое регулирование использования объектов культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) значения; 4) Заключительные и переходные положения. В первом разделе следует выделить главы: «Предмет регулирования настоящего Закона»; «Полномочия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия»; «Финансирование мероприятий по

сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия». Ключевым разделом Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» должен стать, по нашему мнению, раздел об административно-правовом регулировании управления объектами культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) значения. В указанный элемент отмеченного закона нами предлагается включить главы, закрепляющие общие положения об административно-правовых режимах управления конкретными видами объектов культурного наследия. К числу таких глав следует отнести: а) «Административно-правовые режимы управления отдельными видами объектов культурного наследия»; б) «Административно-правовые режимы управления объектами культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) значения»; в) «Административно-правовые режимы управления специфическими зонами охраны и сохранения объектов культурного наследия».

Представляется, что приведенный подход повысит эффективность государственного управления объектами культурного наследия народов Российской Федерации, позволит достигать целей охраны, сохранения, популяризации и использования объектов истории и культуры.

1. Черкасова И.В. Понятие и содержание административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия // Очерки новейшей камералистики. 2010. № 4.

2. Черкасова И.В. Современные проблемы административно-правового регулирования сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия в Российской Федерации // Общество и право. 2014. № 1.

3. Собр. законодательства РФ. 2014. № 43. Ст. 5799.

1. Cherkasova I.V. The concept and content of the legal and administrative regimes to manage objects of cultural heritage // Essays of modern cameralistic. 2010. № 4.

2. Cherkasova I.V. Modern problems of administrative-legal regulation of the conservation, protection, use and popularization of the cultural heritage sites in the Russian Federation // Society and law. 2014. № 1.

3. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 43. Art. 5799.

Клейберг Юрий Александрович

доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор,
 профессор факультета психологии
 Московского государственного областного университета
 (e-mail: klab03@rambler.ru)

Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология

Рассматривается синтагма девиантного поведения как систематизированная и логически выверенная система знаний, полученных на базе разных парадигм. Девиантологическая наука с точки зрения онтологии и эпистемологии выступает сегодня в виде социального куматоида – волнообразных форм организации научного познания и образцов продуктов науки. Это и есть то, что передается, воспроизводится и развивается в науке за счет механизма новаций и нововведений. Анализируются различные научные направления, подходы и теории, с помощью которых изучается феномен девиаций, девиантного поведения.

Ключевые слова: девиантное поведение, синтагма, социальный куматоид, онтология, эпистемология.

Yu.A. Klayberg, Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, Professor of the Faculty of Psychology of the Moscow State Regional University; e-mail: klab03@rambler.ru

Deviant behavior: syntagma, ontology, epistemology

Considered syntagma of deviant behavior as a systematic and logically verified system of knowledge, based on different paradigms. Event logical science from the point of view of ontology and epistemology stands today in the form of social kumatoid – wave-like forms of organization of scientific knowledge and samples of the products of science. This is what is communicated, reproduced and developed in science due to the mechanism of novations and innovations. Analyzed various research areas, approaches and theories through which we study the phenomenon of deviance, deviant behavior.

Key words: deviant behavior, syntagma, social kumatoid, ontology, epistemology.

Разработка синтагмы девиантного поведения сегодня требует дополнительных системных шагов в девиантологической науке. Мы предприняли один из таких шагов (возможно, не безупречный, а потому не гарантированный от погрешностей).

Синтагма (греч. – классификация, систематизация) – категория науковедения, означающая специально созданную для решения насущных научных задач целостную, многокомпонентную, проблемно ориентированную, нестандартную и креативную систему знаний, определяющую направленность, методологию и методику исследований [1]. Это понятие близко категории «парадигма», но не равнозначно ей. «Парадигма – это совокупность философских, общетеоретических и метатеоретических оснований науки» [2, с. 328], а синтагма – систематизированная и логически выверенная система знаний, полученных на базе разных парадигм. Синтагму исследований девиантного поведения нельзя придумать, но ее можно и должно эксплицировать [3], т.е. вывести из ранее полученных знаний о закономерностях девиаций.

По мнению М.А. Розова, наука является социальным куматоидом (от греч. kuma – волна), реализующим различные социальные программы на постоянно сменяемом человеческом материале. В ядре науки лежит осуществление двух ключевых типов программ – исследовательских (получение знаний) и коллекторских (систематизация знаний). «Науку можно рассматривать как механизм централизованной социальной памяти, которая аккумулирует практический и теоретический опыт человечества и делает его всеобщим достоянием» [4].

Девиантологическая наука с точки зрения онтологии и эпистемологии, как нам кажется, выступает сегодня в виде волнообразных форм организации научного познания и образцов продуктов науки. Это и есть то, что передается, воспроизводится и развивается (за счет механизма новаций и нововведений) в науке.

Анализируя различные научные направления, подходы и теории, с помощью которых изучается феномен девиаций, девиантного поведения, мы задаем тем самым основное содержание

девиантологической науки как социального куматоида.

Памятуя о том, что девиантологическая теория – это набор упорядоченных и взаимосвязанных утверждений, которые позволяют описать ряд событий из класса девиантности, объяснить и предсказать их наступление, вызванное факторами детерминации [5], перейдем к рассмотрению девиантологических теоретических подходов.

1. Метафизический подход. Интеллектуалы эпохи Просвещения: Т. Мор высказал соображения о причинах преступности и целесообразности наказаний; Дж. Локком, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо были подняты вопросы девиаций и контроля в философских построениях, обосновывающих модель демократического государства.

2. В рамках философско-этического подхода (А.П. Скрипник, О.Н. Замотаева и др.) девиантное поведение рассматривается с позиций морали. Наличие противоречивых тенденций в культуре приводит к их разрыву и доминанте морального зла, выражающимся во враждебности и распущенности.

3. Биолого-генетическое направление представлено биосоциальной теорией, эволюционным подходом, этологическим подходом, психогенетическим подходом:

ученые обосновывают связь между анатомо-антропологическими характеристиками человека и его преступным поведением; введено понятие «врожденный преступник» (Ч. Ломброзо и др.);

девиантное поведение рассматривают как проявление видовых наследственных программ (Ч. Дарвин, Т. Гексли и др.);

изначально поведение человека рассматривается как агрессивное, основанное на инстинктах (К. Лоренц и др.);

выявлены наследственные детерминанты поведения человека (Ф. Гальтон, Г. Мендель и др.);

обоснована связь между типами темперамента, типами соматического строения человека и его поведением (У. Шелдон);

долгая эволюция человека создала условия преемственной передачи наследственных этических реакций, в том числе и отклоняющихся от норм (В. Эфроимсон);

утверждается, что человек рождается с потенциалом конструктивной агрессивности, и в случае, если она подавляется, появляется деструктивная агрессивность (Г. Аммон), что агрессивность заложена в человеческих генах (В.Д. Плахов);

генетические исследования показывают, что наличие лишней Y-хромосомы у мужчин

обуславливает предрасположенность к криминальному поведению (У. Пирс);

при изучении заключенных был сделан вывод, что экстраверты более склонны к совершению преступлений, чем интроверты, а это, в свою очередь, детерминировано на генетическом уровне (Г.Ю. Айзенк).

4. Биокриминология утверждает, что повышение уровня тестостерона ведет к склонности к антиобщественному поведению (Даббс, Моррис), что девиантное поведение детерминировано половыми и возрастными факторами (У. Гоув), что существует тесная связь между девиантным поведением и индивидуальнотипологическими особенностями человека (Г. Айзенк).

В рамках биологического направления существуют и другие факторы, объясняющие генезис девиантного поведения:

Повреждения головного мозга, органические заболевания мозга, определенные свойства нервной системы (А. Торнгенсен, К. Льюис, П. Келли).

В основе всех видов девиантного поведения лежит сходный мозговой дефект, связанный с нарушением функциональной асимметрии мозга с ведущим дефицитом правополушарных функций. Это объясняет высокую коморбидность поведенческих расстройств между собой, а также с эмоциональными и обсессивно-компульсивными расстройствами, связанными с правополушарной дисфункцией, в первую очередь с тревогой и депрессией [6].

Современная биокриминология: теория делинквентности С. Медника утверждает, что генетический фактор непосредственно не обуславливает делинквентность; скорее, индивид наследует большую восприимчивость к поведенческим образцам делинквентности, чтобы уступить давлению криминогенных факторов окружающей среды или приспособиться к ее нормальным требованиям незаконным способом [5].

5. Психологическое направление представлено психоаналитическими теориями, экзистенциально-гуманистическим подходом, поведенческим подходом (бихевиоризм), эмпирическим подходом, педагогическим подходом, отечественной психологией.

Психоаналитические теории. Постоянный конфликт между бессознательными влечениями и социальными ограничениями естественной активности человека (З. Фрейд); защитные механизмы работают бессознательно и становятся частью индивидуального стиля борьбы с трудностями (А. Фрейд); причина девиаций

заключается в дефиците эмоционального контакта, «теплого» общения ребенка с матерью в первые годы жизни (Д. Боулби, Г. Салливан, К. Хорни); индивидуальная психология А. Адлера объясняет, что младенец появляется на свет с двумя базовыми чувствами-стремлениями: 1) чувством неполноценности и стремлением к совершению поступков как компенсацией этого чувства и 2) социальным чувством общности и стремлением к установлению значимых социальных отношений. При недостаточной или извращенной компенсации чувство неполноценности переживается особо остро и переходит в комплекс неполноценности. В случае нарушения поведения комплекс неполноценности сочетается с неадекватной жизненной установкой и неразвитым социальным чувством. У аномальной личности стремление к достижению превосходства препятствует развитию чувства общности.

Однако основным недостатком психодинамического подхода, по мнению Т.А. Хагурова [2], является присущее ему сведение онтологии человеческого к онтологии биологического. Соответственно, девиантность (в частности, по Фрейд) соответствует глубинной человеческой природе, представленной в «Оно». С этой точки зрения моральное либо аморальное поведение – лишь разные формы взаимодействия «Оно» и «Сверх-Я». Между тем, категории «правды», «долга», «любви», «истины» играют важнейшую роль в морально-мировоззренческом дискурсе всех исторических типов обществ, определяя характер и направленность деятельности институтов социализации и социального контроля. Полностью сводить их к адаптации нельзя. Практики чистой адаптации (например, так называемое «приспособленчество») явно отличаются от практик морального долга, часто дезадаптивных, но оправдываемых моральным дискурсом практически всех культур.

Наибольшим методологическим потенциалом среди психодинамических теорий обладает концепция архетипов и коллективного бессознательно К. Юнга, выводящая исследователя на базовые способы интерпретации человеком действительности и поведения по отношению к ней [7].

Экзистенциально-гуманистический подход. С точки зрения клиентцентрированной психологии К. Роджерса, у аномальной личности процесс самоактуализации заблокирован и существует лишь в возможности. Нереалистичные, искаженные представления о себе, противоречивый опыт, внутренний конфликт между потребностью в самореализации и оценок извне вызывают проблемное поведение; концепция самоактуа-

лизации А. Маслоу утверждает, что отклонения в поведении выступают как следствие потери ребенком согласия со своими собственными чувствами и невозможности найти смысл и самореализацию в сложившихся условиях воспитания; концепция экзистенциальных противоречий Э. Фромма говорит о том, что человек вынужден преодолевать экзистенциальные противоречия (конфликт между стремлением к реализации всех возможностей и недостаточная для этого продолжительность жизни). Человек реагирует на них с помощью различных механизмов:

1) авторитарная личность отказывается от собственного Я, крайнее выражение – садомазохистский комплекс;

2) автоматизирующий конформизм, при котором человек утрачивает свою индивидуальность;

3) деструктивность – отчуждение от мира через его разрушение; по мнению автора экзистенциального подхода В. Франкла, девиантное поведение возникает потому, что люди подавляют свою духовность, уходят от ответственности за поиск смысла.

Таким образом, психологи-гуманисты (Э. Фромм, К. Роджерс, А. Маслоу) достаточно близко подошли к исходным основаниям девиантологического дискурса, заявив, что патология – это невозможность реализовать собственную онтологию, которая изначально позитивна. Характерной чертой этой точки зрения является то, что понятие «нормы» здесь смешивает реальность и предписание. Разработанной гуманистической психологией образ «идеально здорового человека» – это философско-антропологическая концепция, представляющая собой один из вариантов эвдемонизма – этики счастья. Между тем, девиантогенные симптомы сознания и поведения современного человека плохо поддаются объяснению с этой точки зрения. Современный человек, к сожалению, утрачивает осмысленность мира и себя самого. Происходит это на фоне и вследствие «размывания» категорий Добра и Зла [2]. Один из призывов гуманистических психологов – вернуть человеку его «аутентичность» – сегодня актуален как никогда.

Поведенческий подход (бихевиоризм). Общая методология исследования человеческого поведения в бихевиористской парадигме отличается выраженным редуccionизмом. Она полностью укладывается в формулу «человек есть думающая и хотящая машина». Активно используется метафора «черного ящика», имеющего «входы» и «выходы» – стимулы и реакции. Поведение полностью соответствует принципу адаптации – избеганию наказаний и получению

вознаграждений. При этом игнорируется, что девиантность – также адаптация к каким-либо условиям. Отсюда базовый методологический вопрос: к какой среде следует адаптироваться, т.е. какая среда «нормальна»? Ответа на него бихевиоральная парадигма не допускает [7].

Поведенческий подход представлен следующими теориями:

1) классическое обусловливание (И.П. Павлов, Дж.Б. Уотсон) – девиантное поведение является результатом научения условной реакции, при этом существуют только три типа неприобретенных эмоциональных ответов на стимулы – страх, гнев и любовь;

2) оперантное обусловливание Б.Ф. Скиннера – девиантное поведение определяется как результат сложного обусловливания среды;

3) теория инкубации реакций тревоги Г.Ю. Айзенка – условная реакция страха (тревоги) усиливается при каждом предъявлении условного стимула, образуя цикл положительной обратной связи и отклонения в поведении;

4) теория социального научения А. Бандуры – девиантное поведение социально обусловлено, поскольку за ним стоят сложнейшие навыки, требующие специального научения, таким образом, девиантному поведению учатся, т.к. девиант должен знать, что делать, как делать и в каких условиях;

5) когнитивная модель А. Бека и рационально-эмотивная теория А. Эллиса – в основе нарушенного поведения лежат неадаптивные мыслительные схемы, неадекватные когниции запускают неадекватные чувства и действия;

6) копинг-поведение (Л. Мёрфи, Р. Лазарус, Е. Хэйм, В.М. Ялтонский) – личности с проблемным поведением, например зависимым, склонны к малопродуктивным копинг-стратегиям, таким как уход от проблем и трудностей, отрицание и изоляция;

7) системное консультирование и системная семейная психотерапия (С.А. Кулаков, А. Черников) – девиантное поведение как результат семейного неблагополучия.

Эмпирический подход. Сущность подхода заключается в чисто эмпирической, феноменологической классификации, где каждый поведенческий различимый устойчивый симптомокомплекс получает свое название (например, аутизм, депрессия и т.д.). Такой подход является попыткой сблизить психиатрию и психологию и поэтому использует для описания типов отклонений понятие синдрома как некоторого устойчивого образования в структуре личности (D. Hallahan, J. Kauffman).

Педагогический подход утверждает, что причиной роста девиантного поведения являются

недостатки воспитательной работы с детьми и подростками (М.П. Стурова, В.И. Силенков).

Отечественная психология. Девиантное поведение является результатом отклонения в формировании личности как искажение нормы, представленное в психических заболеваниях (Г.М. Бреслав); актуализация потребностей достигается путем создания опасных, угрожающих их удовлетворению ситуаций. Цель – получение чрезвычайно сильных, амбивалентных переживаний, возникающих в момент опасности (И.Ю. Борисова, Н.В. Майсак).

6. Социологическое направление представлено: статистической теорией, теорией аномии, теорией «социальных обручей», теорией структурной напряженности, чикагской школой, теорией девиантной социализации, теорией стигматизации (наклеивания ярлыков или клеймения), интеракционистским подходом, культурологическим подходом, криминологическим подходом, теорией опасного состояния.

Статистическая теория А. Кетле. Он один из первых представил социологическую теорию девиантности на основе данных «моральной статистики»: географический анализ совершенных преступлений позволил ученому выдвинуть гипотезу о том, что концентрация преступности может находиться во взаимосвязи с «моральным климатом» отдельного региона, что легло в основу его статистической теории девиантности [5].

Теория аномии. Причина девиантного поведения кроется в социальной дезорганизации. Девиация происходит вследствие нарушения или отсутствия ясных социальных норм (Э. Дюркгейм); причина девиаций – разрыв, несоответствие между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения. Аномия возникает в силу определенных обстоятельств, порожденных социальной структурой (Р. Мертон); Т. Парсонс объясняет возникновение девиантных мотиваций невыполнением ожиданий.

Теория «социальных обручей». Чем больше люди верят в ценности, принятые обществом, чем активнее они стремятся к участию в социально одобряемой деятельности, тем меньше вероятность, что они совершат девиантные поступки (Т. Хирши).

Теория структурной напряженности характеризует девиантное поведение как следствие разочарования личности. Если человек не занимает прочного положения в обществе или не может достичь поставленных целей законными способами, то рано или поздно возникает разочарование, напряженность, человек начинает ощущать свою неполноценность и может ис-

пользовать девиантные методы для достижения своих целей (Дж. Ритцер).

Чикагская школа. Девиации многих видов возникают в тех случаях, когда культурные ценности, нормы и социальные связи разрушаются, ослабевают или становятся противоречивыми (К. Шоу, Г. Маккей).

Девиантная социализация. В западной социологии и криминологии в отличие от отечественной науки для анализа процессов девиантной социализации широко используется понятие «девиантной или делинквентной карьеры». По мнению американского исследователя этой проблемы П. Леткеманна, девиантная карьера означает не профессию, а негативное поведение личности, для которого характерен «ряд отклонений и преступлений, совершаемых в течение определенного времени, который можно сравнить с карьерой в законной деятельности».

Говард Беккер на примере наркоманов одним из первых исследовал стадии становления девиантной карьеры, проходя которые, человек превращается в постоянного потребителя марихуаны. Исследование Г. Беккера показало, что люди, первый раз попробовавшие наркотики, часто не получают от них удовольствия. Оказалось, что новички приобщаются к «зелью» в присутствии более опытных наркоманов, получая от них инструкции и образцы ролевого поведения. В итоге молодой человек делает карьеру наркомана, осваивая девиантные роли «потребителя» и «покупателя» наркотиков, приобщаясь к субкультурным нормам данного статуса на основе обучения соответствующей технике потребления и восприятия эйфоризирующих эффектов.

Дэвид Матза, анализируя процесс становления наркомана в конце 60-х гг., уточняет этапы девиантной карьеры, выделяя три основные ступени: а) влечение; б) присоединение; в) осмысление.

Гринвуд и Лавин открыли два основных типа девиантных карьер – «интенсивную» и «прерывистую». Исследователи установили, что интенсивная карьера девианта особенно социально опасна, т.к. она складывается у несовершеннолетних, вовлеченных в преступные роли в раннем возрасте, и продолжается длительное время. Такие девианты тщательно планируют и часто совершают преступления, совершенствуя воровские навыки. Девианты с прерывистой карьерой совершают преступления нерегулярно и менее профессионально.

Российский ученый Я.И. Гилинский ввел в научный оборот криминологии и социологии термин «девиантология» для обозначения

науки, изучающей девиантность и девиантное поведение. По мнению ученого, девиации присущи всем уровням и формам организации мироздания; вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически не расчлененный процесс жизнедеятельности по удовлетворению своих потребностей. Неудовлетворенная потребность в самоутверждении приводит к попыткам реализовать себя не только в творчестве (что достаточно сложно), но и в негативных формах активности – насилии, преступлениях или же приводит к ретритизму, «уходу» в алкоголь, наркотики, из жизни [8].

А.И. Ковалева считает, что социализация индивида всегда имеет отклонение. Оно определяется несоответствием социализации как объективного и субъективного процесса сложившейся в данном обществе на конкретном историческом этапе социализационной норме.

Т.А. Хагуров выявил девиантогенные последствия дисфункций процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры, а также определил возможности и ограничения существующих теорий девиантного поведения в объяснении и анализе этих последствий [7].

Теория стигматизации (наклеивания ярлыков или клеймения). Девиация – это не качество поступка, который совершает человек, а следствие применения другими людьми правил и санкций против «нарушителя». Здесь понятие девиации подразумевает наличие внешнего арбитра, определяющего, что считать нормой, а что – отклонением от нее (Г. Беккер, И. Гоффман, Ф. Уертхем, Г. Сайк, Д. Матза).

Интеракционистский подход. Девиантность не является следствием, внутренне присущим какому-либо социальному поведению, а представляет следствие социальной оценки (стигматизации, клеймения) определенного поведения как девиантного. Девиация обусловлена способностью влиятельных групп общества навязывать другим слоям (стратам) определенные стандарты (Ф. Танненбаум, Э. Гоффман, Э. Лемарт).

Культурологический подход. Ведущая роль принадлежит субкультуре (Дж. Миллер, Э. Сатерленд, Я.И. Гилинский, Ю.А. Клейберг, В.В. Колесов). Девиация имеет место, когда индивид идентифицирует себя с субкультурой, нормы которой противоречат нормам доминирующей культуры. По мнению Я.И. Гилинского, «каждое общество – девиантогенно, ибо порождает все позитивные и негативные девиации; девиантогенность богатого общества лучше, чем нищего; экономическое неравенство между странами и социальными стратами внутри ка-

ждой страны – один из главных девиантогенных факторов» [8].

Конфликтологический подход. Здесь рассматривают «девиантов» не как нарушителей общепринятых правил, а как бунтарей, выступающих против капиталистического общества, против капиталистической экономической системы. Девиация – результат противодействия нормам капиталистического общества (Д. Квинни, А.Л. Маршак, О.С. Осипова, В.Ю. Большаков). Т. Селлин в работе «Конфликт культур и преступность» (1938) рассматривал в качестве криминогенного фактора конфликт между культурными ценностями различных сообществ.

Теория конфликта особо подчеркивает неравенство в распределении власти и богатства в обществе. Теоретики конфликта марксистской школы рассматривают неравенство как порождение капиталистической экономики. Однако ученые других школ отмечали, что неравенство в распределении власти и привилегий существует во всех обществах, независимо от типа экономики или политического режима (А.В. Хомич, 2006).

Криминологический подход. Криминологи ориентированы на поиск базовых причин преступности, коренящихся в специфике общественного устройства и особенностях отношений между членами социума. Ю.Ю. Комлев в своей книге (2013) проанализировал, структурировал и описал как известные, так и малоизвестные теории, подходы и традиции исследования девиантного поведения. Автор также делает оговорку на то, что работа содержит дискуссионные моменты в области девиантологической теории, которые получили авторскую интерпретацию и оценку [5].

К факторам, способствующим девиации, относятся:

- 1) уклонение от общественно полезной деятельности;
- 2) наличие психической аномалии;
- 3) употребление наркотических средств;
- 4) повышенная внушаемость;
- 5) низкий культурный уровень;
- 6) совершение в прошлом девиантных поступков и др. Внутренняя сущность социальной девиации – характерный для индивида образ жизни, подчиняющий себе все интересы и помыслы (И.В. Севастьянова).

Теория опасного состояния. Преступление возникает на основе предшествующего его совершению определенного психологического состояния, предрасполагающего к вступлению в конфликт с социальными нормами (Л. Матти).

Таким образом, ключевые положения основных социологических моделей объяснения девиантности сводятся к признанию норм и

отклонений социальными конструкциями, имеющими конвенциональную или репрессивную природу. Основу такого понимания заложили Э. Дюркгейм и К. Маркс, сформулировавшие два базовых положения:

1. Девиантность проявляется тогда, когда поведение индивида (группы) вступает в противоречие с ценностями и нормами сообщества (Дюркгейм).

2. Любые ценности и нормы формируются под влиянием господствующих групп (классов), которые используют их в своих интересах (Маркс).

Эти идеи, как считает Т.А. Хагуров, легли в основу всех современных теорий отклоняющегося поведения в социологии. Базовый методологический принцип социологического подхода к изучению девиантности можно сформулировать так: девиантность социально определена, и никакое поведение само по себе девиантным не является, но становится таковым при отклонении от социально признанных (здесь и сейчас) стандартов. Последовательное рассмотрение перечисленных выше теоретических направлений убеждает в том, что все они так или иначе опираются на данный принцип [7; 9].

7. Социально-психологический подход.

Р. Харре, С. Линг. Девиантное поведение – результат сложного взаимодействия процессов, происходящих в обществе и сознании человека. Девиантное и нормативное поведение – две равноценные составляющие социально-ролевого поведения. Девиантное поведение становится все более рациональным.

Т. Шибутани. Девиантное поведение детерминруется тремя факторами:

1. Поведение оценивается как девиантное теми, кто не является участником той же самой эталонной группы.

2. Девиантное поведение возникает в результате временной утраты самоконтроля, под влиянием сильного возбуждения (импульсивно).

3. Многие формы девиантного поведения являются фиксациями, основанными на защитных по своей природе значениях. Компulsive шаблоны.

Ю.А. Клейберг. Социальная среда воздействует на функционирующую в ней систему отношений и поведения личности, которая избирательно воспринимает и перерабатывает эти воздействия в соответствии со своей внутренней природой, а система отношений, в свою очередь, активно воздействует на среду, сознательно или бессознательно.

Девиантное поведение личности регулируется ее диспозиционной системой, состоящей из различных диспозиционных образований, зависящих от витальных и социальных потребностей и от уровня социальной ситуации [10–14].

А.Ю. Егоров изучал феномен «девиантное поведение» с нейропсихологических позиций и дал такое определение: «Девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [6].

Е.В. Змановская. Единство социального и природного в детерминации отклоняющегося поведения личности: внутренние биологические процессы играют определенную роль в формировании отклоняющегося поведения. Они определяют силу и характер наших реакций на любые средовые воздействия. Девиантное поведение личности представляет собой сложную форму социального поведения, детерминированного системой взаимосвязанных факторов – условий и психологических причин [15].

Таким образом, девиантное поведение является результатом деформации ценност-

ных ориентаций и ценностно-нормативных представлений, т.е. системы внутренней регуляции поведения. Поэтому девиантное поведение – это специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью (социальной группой) своего ценностного отношения к ним [10–14; 16].

Однако заметим, что представленная нами синтагма девиантологической науки с точки зрения онтологии и эпистемологии нуждается в теоретической корректировке и эмпирической проверке. Однако даже в таком виде она открывает перспективы для дальнейшей институционализации девиантологии, и исследовательские данные этой науки приобретут общезначимый характер, что, несомненно, будет способствовать появлению новых теоретических подходов, концепций и парадигм, подкрепленных интересными эмпирическими исследованиями.

1. Ракитов А.И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // *Научно-исследовательские исследования: сб. науч. тр. М., 2003.*

2. *Социологический словарь. М., 2008.*

3. Дронова Е.Н., Растов Ю.Е. Синтагма исследований суицидального поведения // *Изв. Алтайского гос. ун-та. Разд. «Социология». 2013. № 2(78). Т. 1.*

4. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008.

5. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2014.

6. Егоров А.Ю. Нейропсихология девиантного поведения. СПб., 2006.

7. Хагуров Т.А. Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры (проблемы девиантологического анализа): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2007.

8. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2013.

9. Хагуров Т.А. Введение в современную девиантологию: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2003.

10. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. СПб., 2014.

11. Клейберг Ю.А. Девиантология: схемы, таблицы, комментарии. М., 2014.

12. Клейберг Ю.А. Ювенальная девиантология. Saarbrücken, Germany, 2012.

1. Rakitov A.I. New science – new science of science (from the paradigm to the Syntagma) // *Scientific research: coll. of sci. papers. Moscow, 2003.*

2. *Sociological dictionary. Moscow, 2008.*

3. Dronova E.N., Rastov Yu.E. Syntagma study of suicidal behavior // *News of the Altai State University. Section «Sociology». 2013. № 2(78). Vol. 1.*

4. Rozov M.A. Social relay theory and problems of epistemology. Moscow, 2008.

5. Komlev Yu.Yu. Theory of deviant behavior. 2nd ed., corr. and enl. St. Petersburg, 2014.

6. Egorov A.Yu. Neuropsychology of deviant behavior. St. Petersburg, 2006.

7. Khagurov T.A. Dysfunction of the processes of socialization and social control in the conditions of expansion of mass consumer culture (problems deviantological analysis): auth. abstr. ... Dr of Sociology. Moscow, 2007.

8. Gilinsky Ya.I. Deviantology: sociology of crime, drug addiction, suicide and other «deviations». 3rd ed., corr. and enl. St. Petersburg, 2013.

9. Khagurov T.A. Introduction to modern deviantology: study aid. Rostov-on-Don, 2003.

10. Klayberg Yu.A. Fundamentals of psychology of deviant behavior. St. Petersburg, 2014.

11. Klayberg Yu.A. Deviantology: diagrams, tables, comments. Moscow, 2014.

12. Klayberg Yu.A. Juvenile deviantology. Saarbrücken, Germany, 2012.

13. Klayberg Yu.A. Juvenile psychology of deviant behavior. Nalchik, 2013.

13. Клейберг Ю.А. Ювенальная психология девиантного поведения. Нальчик, 2013.

14. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения: учеб. пособие. М., 2004.

15. Змановская Е.В. Девиантология (Психология девиантного поведения). М., 2003; 2006.

16. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2001; 2003.

14. Klayberg Yu.A. *Social psychology of deviant behavior: study aid*. Moscow, 2004.

15. Zmanovskaya E.V. *Deviantology (Psychology of deviant behavior)*. Moscow, 2003; 2006.

16. Klayberg Yu. A. *Psychology of deviant behavior: study aid for higher schools*. 2nd ed., enl. and rev. Moscow, 2001; 2003.

Верстов Вадим Викторович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: vadimarin@mail.ru)

Верстова Марина Викторовна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной психологии и социологии управления
Кубанского государственного университета
(e-mail: vadimarin@inbox.ru)

Этнопсихологические особенности курсантов образовательной организации МВД России

В статье рассматриваются этнопсихологические особенности курсантов образовательных организаций МВД России. Анализ проведенного исследования показал, что между группами испытуемых наблюдаются существенные различия: в структуре личностных особенностей, в ценностных ориентациях личности и социально-психологических условиях существования групп.

Ключевые слова: этнопсихологические особенности, этнос, социальная толерантность, образовательная организация.

V.V. Verstov, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Civil Law and Civil Process of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vadimarin@mail.ru;

M.V. Verstova, Master of Psychology, Assistant Professor of a Chair of Social Psychology and Sociology of Management of the Kuban State University; e-mail: vadimarin@inbox.ru

Ethnopsychological features of the cadets of educational organization of the Ministry of the Interior of Russia

The article considers ethnopsychological features of cadets of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia. The analysis of the research showed that between groups of subjects are significant differences in the structure of personal characteristics, value orientations of personality and social-psychological conditions for the existence of groups.

Key words: ethnopsychological features, ethnicity, social tolerance, educational organization.

Проблема этнических различий, их влияния на быт и культуру народов, на жизнедеятельность людей давно интересует исследователей. Об этом писали еще Гиппократ, Платон и др.

Первые исследователи этнических различий связывали их с климатическими условиями разных географических сред. Так, Гиппократ писал, что все различия между народами, в том числе по психологии, обусловлены местонахождением страны, климатом и другими природными факторами.

Изучение этнопсихологических особенностей курсантов является актуальным, т.к. позволяет рассмотреть межэтнические отношения и особенности национального характера личности на примере курсантов образовательной организации МВД России. При работе с представителями этнических общностей необходимо учитывать не

только национальные традиции, обычаи, язык, но и свойственные им этнопсихологические особенности.

Учет этнопсихологических особенностей курсантов образовательной организации МВД России является важной предпосылкой для увеличения эффективности деятельности органов внутренних дел. Знание и уважение национальной культуры, традиций, обычаев наций и народов – фактор стабильности и важное условие обеспечения и выполнения полицией правоохранительной функции.

Курсанты образовательных организаций МВД являются носителями общих черт, которые характерны для каждого человека. Курсанты относятся к юношескому возрасту на степени его перехода к зрелости. Для юношеского возраста характерен большой оптимизм, вера в собственные силы, чуткое и доброе отношение к людям,

искренность, непосредственность, задушевность, чувство товарищества. Эта особенность позволяет формировать у будущих офицеров самые благородные качества и использовать их силу, энергию для больших дел, каких требует служебная деятельность [1, с. 220].

Социально-психологические особенности курсантов зависят также от характера и содержания учебной и служебной деятельности, жизненного опыта, семейного положения, воспитания, развития, образования и других факторов. Все это находит свое проявление в духовном облике, поведении, запросах и интересах, в повседневной деятельности будущих офицеров полиции.

Характеризуя психологические особенности личности курсантов, можно отметить, что процесс обучения в образовательной системе МВД России имеет ряд характерных особенностей, отличающих его от общегражданских образовательных организаций. Специфика этого процесса оказывает непосредственное воздействие на развитие и проявление психологических особенностей личности курсанта.

В отечественной и зарубежной психологии имеется достаточное количество работ, посвященных теории этносов (Н. Лебедева, Л.Г. Почебут [2, с. 336], Г.У. Солдатова [3, с. 116] и др.). Ряд научных исследований позволяет получить общее представление о психологическом сопровождении курсантов, слушателей и сотрудников органов внутренних дел с учетом их этнопсихологических особенностей (В.В. Ермолаев, Ю.А. Кравцова, А.М. Никифоров и др.). На сегодняшний день этнопсихологические особенности личности в достаточной мере раскрыты в литературе, однако этнопсихологические особенности личности курсантов, обучающихся в ведомственных учебных организациях МВД, например в Краснодарском университете МВД России, исследованы не были.

Для понимания природы этнического фактора необходимо обратиться к следующим понятиям. Этнос – это большая социальная группа, объединенная в целом на основе общих психологических установок, диспозиций и стереотипов поведения. Этнос можно рассматривать как первичный способ организации совместного бытия людей. Социум представляет собой исторически более сложный способ организации совместного бытия, это большая группа, сложившаяся на основе процесса разделения труда, который предполагает специализацию каждого человека, что приводит к формированию личности и развитию индивидуальности [2, с. 336].

В отечественной и зарубежной научной литературе нет точного определения этнопсихологи-

ческих особенностей. Мы под данным понятием подразумеваем явление социально-психологическое, с помощью которого осуществляется взаимодействие между психикой человека и окружающей социальной средой (среда в данном случае этническая).

Этнопсихологические особенности личности находят выражение в специфике восприятия, мышления, мотивации поведения и деятельности, своеобразии эмоциональной и волевой активности, межличностного и межгруппового взаимодействия курсантов, а также влияют на конкретные стороны их жизнедеятельности, в первую очередь на успешность учебной и нормативность служебной деятельности. В трудах Г. Лебона этнопсихологические особенности представлены как сочетание «моральных и интеллектуальных особенностей, совокупность которых выражает душу народа, представляет синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины его поведения» [4, с. 26]. Таким образом, можно утверждать, что личность курсанта и его особенности можно рассматривать через призму истории этноса, представителем которого он является.

Для обоснования высказанной точки зрения было проведено исследование, цель которого – изучить этнопсихологические особенности курсантов ведомственной образовательной организации МВД России. Объект исследования – курсанты и слушатели (далее – испытуемые) Краснодарского университета МВД России, представители различных национальностей Северного Кавказа и славянского этноса. Предмет исследования – этнопсихологические особенности курсантов и слушателей. Гипотезой исследования явилось то, что влияние этнопсихологических особенностей может проследиваться в этнической толерантности, социальной толерантности, толерантности как черте личности, жизненных конструктах, выраженных в общих культурно-ценностных ориентациях в ценностно-мотивационной сфере личности курсантов.

Исследование было проведено на базе Краснодарского университета МВД России. Возраст испытуемых составил от 19 до 22 лет. Испытуемые были разделены на две группы. Первую группу составили представители славянского этноса. Вторую группу составили представители национальностей Северного Кавказа.

В качестве методов и методик исследования нами были использованы: экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, направленный на измерение общего уровня толерантности, а также на оценку трех видов толерантности – этнической, социальной и

личностной; шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева); тест культурно-ценностных ориентаций (вариант Л.Г. Почебут); «Ценностные ориентации» М. Рокича.

По результатам проведенного исследования были получены следующие данные.

Исследуя этнопсихологические особенности личности курсантов в группе представителей национальностей Северного Кавказа и этнических славян, мы пришли к выводу, что между выборками наблюдаются существенные различия: в структуре личностных особенностей, в ценностных ориентациях личности и социально-психологических условиях существования групп (прибыли из разных регионов Центральной России и Северного Кавказа).

Индексы толерантности испытуемых представителей национальностей Северного Кавказа по всем субшкалам выражены в несколько большей степени по сравнению с испытуемыми славянского этноса. Между выделенными группами нами была установлена значимая степень достоверности различий по показателям «Этническая толерантность» ($t=0,012036$) и «Толерантность как черта личности» ($t=0,045614$) (оценивали по t критерию). Это свидетельствует о том, что индекс этнической толерантности раскрывает отношение человека к представителям других этнических групп и установкам в сфере межкультурного взаимодействия.

В группе испытуемых представителей национальностей Северного Кавказа 46% продемонстрировали высокий уровень этнической толерантности, т.е. почти половина выделенной нами группы положительно воспринимает представителей другого этноса. В группе испытуемых славянского этноса этот показатель составил 10%.

Испытуемые представители национальностей Северного Кавказа показали доброжелательность, вежливость, терпение, высокий уровень сопереживания, при этом почти каждый третий респондент считает нормой думать, что «его» народ лучше, чем другие.

Социальная толерантность в среднем составила 28,81 балла всей выборки испытуемых. В выделенных нами группах испытуемых индекс оказался $x=27,25$ и $x=31,66$ для славянского этноса и представителей национальностей Северного Кавказа соответственно. Таким образом, для испытуемых характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. В одних ситуациях они могут вести себя толерантно, в других могут проявлять иное поведение.

По показателям субшкалы «толерантность как черта личности» группа представителей

национальностей Северного Кавказа показала средние показатели выше славянской группы. То есть группа испытуемых из Северного Кавказа демонстрируют личностные черты, установки и убеждения, которые в значительной степени способны определять отношение человека к окружающему миру.

Также нами был определен индекс толерантности испытуемых, который равен 82,58 всей выборки. В группе представителей национальностей Северного Кавказа он равен 90,66, что демонстрирует у испытуемых высокий индекс толерантности. Таким образом, можно сказать, что указанная группа обладает выраженными чертами толерантной личности.

Это может свидетельствовать о размывании у человека «границ толерантности», что связано, например, с психологическим инфантилизмом, тенденциями к попустительству, снисходительности или безразличию. Также важно учитывать, что респонденты, попавшие в этот диапазон, могут демонстрировать высокую степень социальной желательности (особенно если они имеют представление о взглядах исследователя и целях исследования).

В группе славянского этноса средний индекс равен 77,2. Такой результат показывают респонденты, для которых характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. В одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность.

Согласно результатам исследования по методике Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой в целом испытуемые представители национальностей Северного Кавказа показали более высокий уровень толерантности, чем их сверстники из второй группы. Более выраженным отличием стал уровень этнической и личностной толерантности в группах.

Таким образом, с помощью математических методов было установлено, что показатели, отражающие уровень этнической, личностной, общей и социальной толерантности, у испытуемых представителей национальностей Северного Кавказа оказались несколько выше, чем у испытуемых славянского этноса.

Для определения основных тенденций формирования и становления изучаемой культуры в исследовании был использован тест культурно-ценностных ориентаций. В основе теста заложено представление о трех типах культуры. Так, 58,62% испытуемых представителей национальностей Северного Кавказа из общей выборки предпочитают традиционную культуру, что характеризуется ориентацией людей на прошлое, приверженностью традициям, интересом к истории. В такой культуре не

допускается внутренняя свобода человека. За его действиями, поступками и даже мыслями осуществляется постоянный строгий надзор со стороны сообщества.

Второй тип – современная культура – испытуемыми двух групп поделен примерно пополам: славянский этнос – 51,2%, представители национальностей Северного Кавказа – 48,8%. Они характеризуются ориентацией на настоящее, на современные им события. Ценности этой культуры сосредоточены на человеке, его правах, призвании, развитии его способностей, самореализации и самоактуализации.

Третий тип – динамически развивающаяся культура – испытуемые разделили между собой неравномерно. Данный показатель доминирует в славянской группе (67,56%). Испытуемые этой группы характеризуются ориентацией на будущее, на достижение быстрых значительных результатов. Процесс принятия решения осуществляется самостоятельно. В общении люди откровенны, непосредственны, ориентированы не на иерархию, а на равенство ролевых взаимоотношений. Социально признанной ценностью является предоставление обществом равных возможностей для развития каждого члена. Основу общественного контроля составляет не мораль, а законность. Внимание людей этой культуры сосредоточено на деле, задании, работе [5, с. 14–15].

Таким образом, различия между группами проявились и по культурно-ценностным ориентациям. Традиционному типу культуры больше предпочтения отдают испытуемые – представители национальностей Северного Кавказа – 58,62%, у представителей славянского этноса – 41%; современный тип культуры курсанты поделили пополам: 51,2% – славянская группа и 48,8% – представители национальностей Северного Кавказа; динамически развивающемуся типу культуры предпочтения больше отдает молодежь из славянской группы (67,56%), чем молодежь из числа представителей национальностей Северного Кавказа.

Исследование терминальных и инструментальных ценностей по методике М. Рокича показало сходные результаты в обеих группах. Основные позиции из терминальных ценностей заняли счастливая семейная жизнь, материальная обеспеченность, любовь, здоровье и интересная работа, активная деятельная жизнь, жизненная мудрость.

Анализ данных показал, что максимальные различия между выборками наблюдаются в инструментальных ценностях, можно увидеть отрицательную корреляцию между изучаемыми группами. Групповая иерархия инструментальных ценностей (т.е. ценностей-средств) испытуемых представителей национальностей Северного Кавказа характеризуется предпочтительной ориентацией на воспитанность, аккуратность, образованность, ответственность, самоконтроль, при более низкой значимости таких ценностей, как рационализм, эффективность в делах, непримиримость к недостаткам, высокие запросы. Молодежь «кавказского» этноса достоверно отличается большей смелостью в своем мнении, жизнерадостностью, субъективной приверженностью к честности.

Проверка предположения о том, что жизненные ценности различаются в связи с этническими особенностями курсантов, показала, что между терминальными ценностями есть значимая связь ($R=0,810956$), а между инструментальными ценностями показана отрицательная корреляция ($R= -0,1063$). Поэтому мы можем утверждать о наличии этнопсихологических различий в структуре жизненных ценностей в сравниваемых группах. Анализ данных показал, что максимальные различия между выборками наблюдаются в терминальных ценностях.

Таким образом, полученные результаты исследования свидетельствуют о наличии этнопсихологических особенностей курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

Из всего сказанного можно предположить, что практическая значимость данного исследования заключается в том, что на основании его результатов возможна оптимизация процесса формирования этнопсихологических особенностей молодых людей в возрасте от 19 до 22 лет. Результаты исследования могут найти применение в организации психологической поддержки студенческой молодежи в период адаптации к новой социальной среде (поступление на новое место работы, поступление в вуз и т.д.). Результаты исследования могут быть также использованы психологическими службами в консультативной работе с курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России и педагогами, при разработке коррекционных программ, ориентированных на поддержку профессионального становления на начальном и финальном этапах обучения.

1. Есаян М.Л. Психологическая профилактика дезадаптивных форм поведения у кур-

1. Yesayan M.L. Psychological prevention against non-adaptable forms of behaviour at

сантов высших военных заведений: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2006.

2. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. СПб., 2012.

3. Солдатова И.Ф. Психологическое обеспечение курсантов образовательных учреждений МВД, нуждающихся в повышенном внимании психологов: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.

4. Лебон Г. Психология народов и масс. Челябинск, 2010.

5. Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева) // Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М., 2011.

the cadets of military schools: diss. ... Master of Psychology. Stavropol, 2006.

2. Pochebut L.G. Cross-cultural and ethnic psychology. St. Petersburg, 2012.

3. Soldatova I.F. Psychological support of the cadets of educational institutions of the MIA those in need of increased attention of psychologists: diss. ... Master of Psychology. St. Petersburg, 2006.

4. Lebon G. Psychology of peoples and the masses. Chelyabinsk, 2010.

5. Scale rapid assessment of feelings associated with ethnicity (N.M. Lebedeva) // Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Methods of ethnic and cross-cultural psychology. Moscow, 2011.

Деева Наталья Александровнакандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: natalya_deeva@bk.ru)

Рефлексивные механизмы переживания: роль в жизнедеятельности человека и методика исследования

В статье раскрывается понимание механизмов переживания. Также обосновывается логичность использования качественного интервью для исследования феноменов переживания. Описываются рефлексивные механизмы переживания, выявленные в результате проведения интервью.

Ключевые слова: переживание, рефлексия, рефлексивные механизмы переживания, качественные методы исследования, качественное интервью.

N.A. Deeva, Master of Psychology, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: natalya_deeva@bk.ru

Reflexive mechanisms of experience: role in the feeling of human life and research methodology

The article deals with the understanding of the mechanisms of emotion. Also based the logic of qualitative interviews to explore the phenomena of experience. Described the reflexive mechanisms experiences identified by the interview.

Key words: experience, reflection, reflexive mechanisms of experience, qualitative research methods, qualitative interview.

Проблема переживания никогда не теряла своей актуальности для психологической науки и практики. Это обусловлено его ролью в оформлении внутреннего мира человека, изменении его ценностей и смыслов, когда нейтральные первоначально объекты – предметы, люди, ситуации – становятся значимыми, приобретают личностный смысл.

Можно сказать, что ни одно крупное направление психологии, теория не обходят эту проблему стороной. В философско-психологической литературе существуют различные взгляды на проблему переживания. В русле своих исследований ученые затрагивают различные стороны процесса переживания. Традиционно выделяются следующие аспекты исследований переживания человека: 1) изучение переживания в рамках эмоциональной сферы; 2) переживание как часть системы сознания; 3) переживание как особый вид активности, деятельности, который направлен на изменения во внутреннем мире человека.

Большинство исследователей (В. Дильтей, В. Вундт, Ф. Крюгер, Ж.-П. Сартр, Э. Клапаред, С.Л. Франк, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Ф.Е. Василюк, А.С. Шаров, Л.Р. Фахрутдинова и др.) указывают на следующие сущност-

ные характеристики феномена переживания: содержательная составляющая (целостные метаструктуры, гештальты, направленность, смыслы и ценности, принципы, потребности, ранее образованные комплекс-качества) – основа, которая порождает переживание; интенциональная составляющая – направленность, субъектность переживания; составляющая активности – аффективная составляющая (эмоции, чувства состояния); интеллектуальная составляющая переживания (смысловые переживания, осознанность, осмысленность, дифференцированность); проявление переживания во внешней активности; контекстность – ситуация взаимодействия внешнего и внутреннего мира, в которой может разворачиваться переживание; рефлексивная составляющая, которая оформляет его целостность, образует метаструктуры, некий гештальт или механизм переживания.

Практически во всех исследованиях обращенность переживания на внутренний мир, т.е. рефлексивность, выступает в качестве его ключевой характеристики. Именно рефлексия оформляет составляющие переживания в некий целостный механизм и обеспечивает его функционирование. Переживание – процесс «соотнесения картины жизнедеятельности человека

с его ценностно-смысловыми образованиями», в результате чего происходит обнаружение чего-либо субъективно значимого для этого человека [1]. Особенно ярко это может проявляться в каких-то напряженных ситуациях, жизненных кризисах, но как фон жизнедеятельности переживание присутствует всегда и реализуется посредством особых рефлексивных механизмов. Соответственно, переживание помогает человеку определять пространство своего внутреннего мира, приводит в соответствие внутренний и внешний миры.

Рефлексивный механизм переживания – это психологический механизм, который разворачивается в обращении активности человека на переоформление значимых ценностно-смысловых образований с целью организации жизнедеятельности и взаимодействия с окружающим миром.

Разнообразие сочетания и выраженности компонентов переживания задает специфику индивидуальным характеристикам рефлексивных механизмов переживания человека. Особенности рефлексивных механизмов переживания во многом обуславливают успешность жизнедеятельности человека. Другими словами, от того, насколько будет переработан внутренний опыт, как оформлена и понята значимость чего-либо, пережито событие, будет зависеть дальнейшая реализация, осуществление жизненных планов, адаптация и оформление отношений человека с внешним миром. Именно это обуславливает проблему исследования переживания для практической психологии.

Одним из наиболее эффективных подходов исследования индивидуальных особенностей рефлексивных механизмов переживания является качественный. Исследователями выделяется ряд достоинств качественных методов. При помощи их преодолевается дискретный характер информации, что позволяет достичь ее целостности [2]. Кроме того, качественные методы раскрывают такие аспекты изучаемого феномена, как его понимание с точки зрения участников и особенностей контекста, утрачиваемые при обработке и систематизации данных в количественных исследованиях. Наконец, качественные методы исследования предоставляют возможность вступить в «диалог» с внутренним миром, коснуться его содержания и сделать более понятным [3], когда на первый план выходит субъективный смысл рассматриваемых феноменов. Также качественный подход усиливает надежность количественного (оба подхода необходимы как средства перекрестной валидации) [4, с. 34–48]. Взаимодействие

этих подходов происходит на протяжении всего процесса исследования, а их эффективность зависит от цели и концептуальной основы исследования.

Качественное исследовательское интервью – один из таких методов, который позволяет проникнуть в собственно смысловое содержание внутреннего мира человека, изучить проблемы психологических механизмов, раскрыть их содержательную сторону.

Обоснование интервью как качественно-му методу дается с точки зрения различных философских течений и подходов, таких как постмодернизм, феноменология, герменевтика, диалектический материализм [3]. Так, интервью связано с определенной межличностной ситуацией, диалогом, где проявляется все богатство смысла, его многомерность и одновременно сложность выявления. Качественное исследовательское интервью – это пространство конструирования знания, жизненного сюжета с последующей его интерпретацией, где в центре находятся переживаемая значимость, выражаемая в виде смыслов, ценностей через значимые события и ситуации внутреннего и внешнего миров человека. В интервью жизненный мир человека представляется как феномен, как данность, которая разворачивается и раскрывает все свое многообразие в переживании. Вероятно, качественное интервью всегда сосредоточено на процессе переживания, который представляет собой «безбрежный океан», где исследователь должен сфокусироваться на интересующей его проблематике.

Сама проблема переживания является достаточно сложной для психологии и тесно связана с феноменологией и качественными методами исследования. Современная психология, обращаясь к проблематике качественного исследования, тем или иным образом затрагивает и проблематику феномена переживания.

Выявляя эти механизмы в процессе интервьюирования и качественно их интерпретируя, можно выходить на целостное осмысление проблемы. В данном случае работа интервьюера заключается в том, чтобы в первую очередь понять, не что переживает испытуемый, а как он это переживает и какие способы, приемы (а в нашем случае – механизмы) оказываются наиболее целостными, согласованными, продуктивными относительно жизнедеятельности.

Выявление рефлексивных механизмов переживания становится целью качественного интервью. Можно сказать, что эта цель является универсальной и может конкретизироваться в зависимости от проблематики исследования.

Именно проблематика задает контекст (жизненный кризис, идентичность, нравственные ценности и т.п.) и ставит в центр интересующий феномен в виде значимого события, ситуации, касающейся данной проблематики. Основной задачей интервьюера являются нахождение в пространстве жизненного мира респондента информации, отвечающей цели исследования, фокусирование на проблеме исследования и проверка возникающих гипотез в соответствии с концептуальной основой. Интервью, по сути, представляет собой рассказ респондента о своих переживаниях по поводу значимого события, а также его отношение к этим переживаниям и к себе, благодаря чему раскрываются пространство и динамика внутреннего мира человека. В результате ретроспективного анализа события выясняются различные аспекты переживания, которые выражаются в описании человеком своих чувств, эмоций, мыслей, действий относительно этого события посредством самообращения, рефлексии.

Интервью проводится в индивидуальной, малоструктурированной форме, носит фокусированный характер в соответствии со стандартными требованиями и этапами.

Итак, в процессе интервью человек рассказывает о собственных переживаниях значимого события. В этом рассказе необходимо отследить следующие моменты, которые соответствуют подробному рассмотрению компонентов переживания и тому феномену, который нас интересует. Каковы особенности ценностно-смысловой сферы субъекта, его характерные ценности, смыслы и мотивы, произошли ли изменения в ценностно-смысловой сфере человека в результате переживания события, ситуации, чем важна для него ситуация. Каковы особенности рефлексии субъекта, как реализуются качества, виды и уровни рефлексии. Как организована активность субъекта, и каким образом выражаются в активности ценностно-смысловые образования и рефлексия. Каков характер значимой ситуации в связи с центральной проблемой (кризис жизнедеятельности, нравственные переживания, переживание и проблемы идентичности, и даже ситуация экзаменации).

Эти аспекты являются основой для вопросов интервью, которые задаются по ходу рассказа респондента и могут являться как прямыми, так и уточняющими и наводящими.

Вопросов может быть различное количество. Последовательность вопросов зависит от хода рассказа испытуемого и цели интервьюера.

Данные, полученные в результате проведения интервью, обрабатываются в несколько

этапов. Этапы сочетают в себе качественные и количественные методы обработки и анализа данных: 1) категоризация; 2) схематизация; 3) типологизация [3].

На наш взгляд, результаты такого рода исследования напрямую связаны и с консультационной практикой. В этом случае клиенту не дается набор различных способов разрешения проблемы, консультант не подталкивает его к решению проблемы. Человеку предоставляется возможность понять процесс своего переживания, увидеть его типичные проявления и их следствия, возможно, внести коррективы в данный процесс, сделать его более гибким и продуктивным и самому принимать решения. Другими словами, человек сам учится работать со своим внутренним миром, пересматривать свою жизнь самостоятельно, вооружившись определенными знаниями и навыками. Это дает возможность умерить директивность воздействия и ставит клиента в независимую позицию.

На основании накопленных данных качественного интервью нами были выделены три вида рефлексивных механизмов переживания: «ситуативно-фрагментарный», «деятельностно-согласующий», «обобщенно-проектирующий» [5].

«Ситуативно-фрагментарный» рефлексивный механизм характеризуется тем, что изменения ценностно-смысловой сферы носят незначительный, ситуативно-динамичный характер и направлены, прежде всего, на мотивы. В данном случае переживание значимого является ситуативным, т.е. касается непосредственно только конкретной ситуации, и люди не способны взглянуть на свою жизнь целиком, осмыслить ее в более широком контексте, обосновать происходящее с ними. Обращаясь в прошлое, они пытаются простроить ход события, его хронологию, восстановить последовательность ситуаций, связанных с ним, но делают весьма непродуктивные попытки осмысления, обоснования причин случившегося. При интервьюировании это выглядит, как только пересказ события в достаточно четкой последовательности. Причем испытуемые четко называют мотивы своих действий и поступков, а в чем их смысл и ценность – представляют достаточно размыто. Они, как правило, хорошо ориентируются в наличной ситуации, отслеживают различные нюансы, но опять-таки, не осмысливают их и не находят причин. Поэтому им сложно прогнозировать дальнейший ход реального события и своей жизни в целом. Такие люди редко выходят на философский уровень осмысления события, можно сказать, что они

находятся как бы внутри ситуации. В сложных ситуациях они стараются уйти от переживаний, от внутреннего напряжения, следовательно, от попытки рефлексивного простраивания своей ценностно-смысловой сферы. Возрастающее внутреннее напряжение они стремятся преодолеть, совершая внешнюю активность, зачастую направленную на реализацию сиюминутных мотивов, что может напоминать «смену декораций» без глубокого осмысления и обоснования. Характерен уход в работу, в развлечения, т.е. в какой-либо вид деятельности, который целиком поглощает их, отвлекает от проблемы и частично снимает напряжение. Все мысли в данном случае направлены на тот или иной вид деятельности. Будущее представляется только как возможность самореализации через работу, достижения, развлечения, которые зачастую являются фикс-идеями. В данном случае проблема не решается человеком непосредственно, происходит уход от нее, а сама проблема может терять свою актуальность со временем. Не осуществляется работа с прошлым опытом, не извлекаются «уроки на будущее», отсюда частое повторение типичных жизненных ошибок. Респонденты с преобладанием данного механизма переживания стараются соответствовать общественным нормам, не отличаться от других в своих переживаниях и поступках, т.е. проявлять переживания традиционно, обосновывать происходящее шаблонно. Причем желание измениться часто просто демонстрируется окружающим, в том числе и самому себе. Такая демонстрация может выглядеть как рациональная деятельность, но обоснованная фикс-идеями. Отметим также, что личности с преобладанием данного рефлексивного механизма зачастую самостоятельно не могут работать со своими ценностно-смысловыми образованиями и могут оказываться ведомыми в своих переживаниях, убеждениях, взглядах и мнениях.

«Деятельностно-согласующий» рефлексивный механизм. Изменения ценностно-смысловой сферы носят содержательный характер и касаются в основном личностных смыслов. В данном случае при переживании люди выходят на осмысление происходящего, представляют свою деятельность целостно и совершают ее более осмысленно. В результате осмысления задается и оформляется направление деятельности в будущем. Как отмечает в своей работе Д.А. Леонтьев, содержательное изменение смысловой сферы в первую очередь происходит за счет смыслостроительства, которое представляет собой «содержательную перестройку жизненных отношений и смысловых структур». Для

того чтобы продуктивно разрешить какое-либо противоречие, человеку необходимо осознать смыслы, восстановить смысловые контексты и смысловые связи, совершить рефлексивную работу. Осмысливая, анализируя произошедшее событие, а также сложившуюся ситуацию, человек строит или восстанавливает, изменяет смыслы своего будущего, прогнозирует будущую деятельность и пытается реализовывать ее. Это сопровождается определенными эмоциями и чувствами, которые сигнализируют о значимости прошлых событий и ситуаций для жизни и для будущего, а также о значимости определенных ценностей и смыслов. Данные ценности и смыслы служат как бы «призмой», через которую люди смотрят на все вокруг и на свою жизнь. Если эмоции являются достаточно сильными, то такое переживание может приводить к заикливанию на проблеме, связанной с ситуацией, и не позволяет по-иному осмыслить проблему, продуктивно разрешить ее. Эмоции захватывают человека при одном воспоминании о случившемся. Это может подавлять когнитивную активность и рефлексивность, преграждать движение к основаниям.

Для личностей с преобладанием данного механизма характерны тщательное обдумывание принимаемых решений, анализ ситуации, осмысление случившегося, установление смысловых связей, которое сопровождается сильными эмоциональными переживаниями. Все это делает переживание достаточно затратным по времени и по энергии, но представляет его в более полной и развернутой форме, выражает его аффективность и рефлексивную природу. Однако характерной чертой данного механизма является то, что осмысление в большинстве случаев происходит в рамках какой-либо отдельной деятельности. Человек может намечать несколько линий жизни, которые часто не согласуются между собой и имеют различный смысловой контекст. В результате жизнь человека является «частичной», отсюда и частичная реализация себя.

Третий вид рефлексивного механизма переживания условно был назван нами «обобщенно-проектирующий». Здесь ценности задают наиболее широкий контекст переживания, благодаря чему испытуемые выходят на рефлексирование жизнедеятельности в целом, при этом обращаются к наиболее глубинным ценностно-смысловым образованиям. Переживая, они стремятся представить произошедшее в контексте жизнедеятельности, найти реальные причины кризиса, обосновать их, выделить значение события для своей жизни в прошлом и будущем, сопоставляя

случившееся с отдельными линиями жизни. Причем у таких испытуемых в результате переживания значимых событий отмечаются глобальные перестройки и изменение ценностно-смысловой сферы. Происходит изменение иерархии ценностных ориентаций. В интервью это выражается в попытках ответить на вопрос, как важно это для их жизни, как это ее изменит или уже изменило, как это повлияло на жизненные планы и вообще на отношение к жизни. При обосновании причин события происходит актуализация значимости глобальных смыслов и ценностей жизни, ее оснований, стремясь к которым выходят на осмысление экзистенциальных проблем. Люди, у которых преобладает данный вид рефлексивного механизма, стремятся к стратегическому планированию жизни, рефлексии будущего. Они также склонны к тому, чтобы рационально взвешивать, выделять ключевые, особенно важные моменты жизни и, опираясь на вынесенный из них опыт, разрабатывать дальнейшую стратегию. Важно отметить, что у испытуемых, которым присущ данный механизм, могут быть проблемы с вынесением опыта, а именно с рефлексией и анализом прошлого опыта и с ситуативной рефлексией. Респонденты говорят о том, что их планы не осуществляются, предвосхищение дальнейшего хода жизни приводит в тупик, происходит потеря смысла жизни. В своем рассказе они демонстрируют неспособность находить смыслы в повседневной жизни, выходят сразу на глобальные вопросы о смысле жизни вообще, на которые непросто найти удовлетворяющий ответ. Рефлексируя свою жизнедеятельность в целом, они часто выпускают из вида важные нюансы, которые, как им кажется, являются незначительными мелочами, что может сказываться на результатах деятельности и нарушать стратегию поведения. В рассказе они не любят вспоминать мелочи, повествовать о них подробно. Часто выдают информацию по поводу переживаемого быстро и не в хронологическом порядке, выделяя самые важные, на их взгляд, моменты, вокруг которых

строится рассказ, причем постоянно пытаются рационально спланировать и проработать варианты исхода ситуации. Таким образом, способны рационально планировать и предвидеть ход событий, принимать самостоятельные решения, можно сказать, что это стратеги своей жизни. Однако, «поднимаясь» к глобальным ценностям, основаниям своей жизни, человек может абстрагироваться от ее «живой ткани», повседневных забот, более частных смыслов существования. Обычная настоящая жизнь перестает быть для него значимой, привлекательной, теряет аффективную окраску, при этом он увлекается отвлеченными идеями, поиском смысла жизни. Данный рефлексивный механизм переживания, с одной стороны, позволяет в целом представить ситуацию, выделить основные моменты, главные причины. С другой стороны, такого рода рефлексивная работа может приводить к потере смысла жизни и еще более тяжелым смысло-жизненным переживаниям.

Так, при ситуативно-фрагментарном механизме изменения ценностно-смысловой сферы касаются, главным образом, мотивов деятельности. При деятельностно-согласующем механизме актуализируются процессы осмысления, что сопровождается яркой аффективной окраской переживания и глубокими перестройками содержания ценностно-смысловой сферы. При обобщенно-проектирующем механизме происходят изменения наиболее важных ценностей, которые определяли жизнь молодых людей, переживание выводит их на широкие контексты осмысления действительности и обоснования причин произошедшего и прогнозирования дальнейшей жизни. Полученные результаты исследования вошли в основу создания психологического тренинга по преодолению жизненного кризиса [6].

Кроме того, зная рефлексивные механизмы переживания, возможно не только выявлять их у людей, но и направлять на их осознание и формирование с целью продуктивного осуществления жизнедеятельности.

1. Шаров А.С. Психология переживания: природа, механизмы, феномены // Мир психологии. 2004. № 1. С. 214–226.

2. Ядов В.А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математические модели. 1991. № 1.

3. Квале С. Исследовательское интервью. М., 2003.

1. Sharov A.S. Psychology of emotion: nature, mechanisms, phenomena // World of psychology. 2004. № 1. P. 214–226.

2. Yadov V.A. Strategy and methods of qualitative data analysis // Sociology: methodology, techniques, mathematical models. 1991. № 1.

3. Kvale S. Research interview. Moscow, 2003.

4. Campbell D. Model experiments in social psychology and applied research. Moscow, 1980.

4. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980.

5. Деева Н.А. Рефлексивные механизмы переживания кризиса и изменение ценностно-смысловой сферы в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2005.

6. Липатова (Деева) Н.А., Черкевич Е.А., Шаров А.С. Тренинг преодоления жизненного кризиса: учеб. пособие для студентов, магистрантов, аспирантов и практических работников в области психологии. Омск, 2008.

5. Deeva N.A. Reflexive mechanisms of experiencing crisis and changing the value of semantic fields in adolescence: auth. abstr. ... Master of Psychology. Perm, 2005.

6. Lipatova (Deeva) N.A., Cherkevich E.A., Sharov A.S. Training of overcoming life crisis: study aid for students, undergraduates, graduate students and practitioners in the field of psychology. Omsk, 2008.

Карабаш Дмитрий Васильевич

кандидат педагогических наук,
начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583754)

Готовность преподавателя к коррекции агрессивного поведения у курсантов вузов МВД России

В статье рассматриваются общие вопросы готовности преподавателя вуза к педагогической деятельности со студентами, проявляющими агрессивное поведение. Исследуется структура профессиональной готовности. Предлагаются рекомендации преподавателям по психолого-педагогической подготовке курсантов в вузах МВД России.

Ключевые слова: агрессия, агрессивное поведение, готовность преподавателя, педагогическая деятельность.

D.V. Karabash, Master of Pedagogics, Head of a Chair of Activity of Department of Internal Affairs in Special Conditions of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583754.

The readiness of the lecturer to correct aggressive behavior of the cadets of high schools of the Ministry of the Interior of Russia

The article examines the readiness of lecturers of high schools to pedagogical activity with students exhibiting aggressive behavior. The structure of professional readiness is studied. Provides guidance to lecturers on psychology-pedagogical preparation of cadets in high schools of the Ministry of the Interior of Russia.

Key words: aggression, aggressive behavior, readiness of the lecturer, pedagogical activity.

Российское общество переживает системные трансформации в идеологической, социально-политической, социально-экономической, социально-правовой, социокультурной сферах. Актуальность исследования обусловлена высокой значимостью формирования у преподавателей компетенции в профилактике и коррекции агрессивного поведения курсантов вузов МВД России. Данная компетенция становится необходимой в деятельности преподавателей, сталкивающихся с проявлением агрессии у курсантов.

На протяжении длительного в масштабах человеческой жизни периода времени семья и ее ценности, культура, спорт, досуг, техническое и художественное творчество, т.е. все то, что составляло смыслообразующие детерминанты социализирующей среды детей, подростков и молодежи, были оттеснены на периферию внимания общества [1, с. 256].

Негативные по эмоциональной окраске переживания психологического дискомфорта, повышенный уровень тревожности и дезадаптация, возникающие на фоне размывания традиционных для российского социума устоев жизни,

стали характерными чертами практически всех стратификационных и социально-демографических слоев населения.

Подрастающее поколение оказалось в положении одной из наименее психологически и социально защищенных групп [2]. Ограничивая социокультурные и образовательные возможности самореализации и самоактуализации, общество неизбежно отчуждало от себя значительную часть нового поколения российских граждан, отзывавшуюся на этот посыл нигилизмом, социальной апатией, «уходом» в параллельные социальные и виртуальные миры, склонностью решать свои жизненные проблемы посредством агрессивного поведения и насилия.

В данной публикации под термином «агрессия» понимается действие или бездействие, целью которого является намеренное причинение ущерба окружающему миру (людям, животным, предметам), открытое (выраженное внешне в агрессивном поведении) либо скрытое (агрессивное настроение, агрессивные замыслы, фантазии) [3, с. 319].

Особенности современной практики предъявляют высокие требования к профессиональ-

ной подготовке преподавателей, в том числе требование формировать компетенцию в профилактике и коррекции агрессии у курсантов. Вместе с тем, сведений, необходимых для формирования данной компетенции, в научной литературе существует ограниченное количество, явно недостаточное для организации процесса формирования у курсантов вуза компетенции в профилактике и коррекции агрессивного поведения у курсантов.

Теперь обратимся к понятию педагогическая деятельность. Это деятельность, которая обеспечивает отношения, возникающие между людьми при передаче духовно-практического опыта от поколения к поколению [4, с. 180].

Педагогическая деятельность состоит из двух видов: научной и практической.

Научная педагогическая деятельность – это вид педагогической деятельности, целью которой является получение новых знаний о педагогических отношениях взрослых и детей и формах их развития. Научная педагогическая деятельность состоит из двух видов: теоретической и экспериментальной.

Научная деятельность изучает всю совокупность отношений, возникающих в педагогической сфере, и вырабатывает рекомендации, нормы и формы научной организации практической деятельности.

Практическая педагогическая деятельность – это вид деятельности, целью которой является передача необходимой части культуры и опыта старшего поколения младшему. В практической педагогической деятельности происходит передача культуры (опыта) младшему поколению [5, с. 304].

Практическая педагогическая деятельность состоит из двух видов: учебной и воспитательной. В своей работе мы говорим о готовности преподавателя вуза к педагогической деятельности со студентами, проявляющими агрессивное поведение, поэтому раскроем понятие «готовность». Понятие «готовность» ввел Б.Г. Ананьев в 50-х гг. XX в. Большинство исследователей согласны с тем, что готовность – это психологическая категория, отражающая определенное состояние личности [6, с. 239]. Однако до сих пор в психолого-педагогической науке нет единой трактовки определения готовности и единого понимания ее структуры.

В «Психологическом словаре» готовность трактуется как «активно-действенное состояние личности, установка на определенное поведение, мобилизованность сил для выполнения задачи. Для готовности к действию нужны знания, умения, навыки, настроенность и решимость

совершать эти действия». Составители словаря считают, что такие факторы, как пассивное отношение к задаче, беспечность, безразличие, отсутствие плана действий, затрудняют появление этого состояния.

Исследователи Л.А. Кандыбович и М.И. Дьяченко под готовностью понимают личностное образование, которое включает положительное отношение к профессии и достаточно устойчивые мотивы деятельности, черты характера, адекватные профессиональным требованиям, специальные способности, особенности восприятия, памяти, внимания, мышления, эмоционально-волевых качеств.

Также нет единого понимания терминов «готовность к деятельности» и «готовность к профессиональной деятельности» [3, с. 319]. Т.А. Синьковская утверждает, что в широком понимании «готовность к деятельности» – это готовность к жизненной практике в целом, к самореализации в творческой деятельности, к переносу знаний и способов деятельности из одной сферы в другую, к деятельности в новых, постоянно изменяющихся условиях.

Готовность к профессиональной деятельности, по определению Я.Л. Коломинского, есть сформированность целостной системы ценностно-ориентационных, когнитивных, эмоционально-волевых, операционно-поведенческих качеств личности. По мнению Н.Б. Шмелевой, готовность – это один из структурных компонентов в модели профессионально-личностного развития [7, с. 288]. Она также выделяет несколько видов готовности, таких как нравственно-психологическая готовность, содержательно-информационная готовность, операционно-деятельностная готовность, готовность к профессиональной деятельности.

Опираясь на эти положения, можно сделать вывод о том, что состояние готовности педагога к работе в среде курсантов, проявляющих агрессию, – это профессионально-личностное новообразование, заключающееся в состоянии личности, обеспечивающем умение сохранять эффективность профессиональной (предметной) деятельности в условиях работы в этой среде [4, с. 180].

В качестве критериев сформированности компонентов готовности О.И. Истрофилова выделяет наличие или отсутствие умений, стремление к их овладению, осознанность их применения. При низком уровне сформированности данного компонента готовности у преподавателя отсутствуют умения, необходимые для ведения педагогической деятельности в среде учеников, проявляющих агрессивное поведение,

преподаватель не стремится к овладению ими. При среднем уровне умения сформированы, но преподаватель проявляет их только в отдельных ситуациях, применяемые методы и приемы не отличаются разнообразием. При высоком уровне эти умения сформированы, используются сознательно и самостоятельно, соответствуют реальной педагогической ситуации [8, с. 192].

Однако в вопросе структуры профессиональной готовности, по нашему мнению, более точной является модель Н.П. Клушиной, которая выделяет следующие компоненты готовности:

мотивационно-ценностный компонент (осмысление ценности профессии и профессионального самосовершенствования, проведение самооценки относительно требований профессии);

интеллектуально-познавательный компонент (осознание и личностное принятие знаний профессионально-этического характера, знаний форм и методов осуществления профессиональной деятельности);

действенно-практический компонент (внешне наблюдаемые поведенческие и деятельностные умения и навыки: коммуникативные, конструктивные, организаторские, гностические);

эмоционально-волевой компонент (положительный эмоциональный настрой, креативность, гибкость в профессиональных отношениях и т.д.).

Опираясь на эту схему структуры профессиональной готовности, мы предлагаем следующую структуру готовности преподавателя к профессиональной деятельности в среде курсантов, проявляющих агрессивное поведение:

мотивационно-ценностная готовность (осознание значимости поставленных педагогических, психологических, социальных задач по предотвращению и коррекции агрессивного поведения курсантов, положительное отношение к деятельности в этих условиях, стремление к педагогическому взаимодействию с курсантами, проявляющими агрессивное поведение);

интеллектуально-познавательная готовность (обладание системой теоретических и практических знаний о сущности агрессивного поведения, его видах и формах, причинах, характерных проявлениях в определенные возрастные периоды, гендерных различиях, способах его предотвращения и психолого-педагогической коррекции, как ситуативной, так и долгосрочной);

действенно-практическая готовность (наличие у преподавателя сформированных умений и навыков поведения в условиях проявления курсантами агрессии, построения учебного процесса в этих условиях с целью предупреждения и снижения интенсивности агрессивного поведения и агрессивного состояния курсантов);

эмоционально-волевая готовность (положительный эмоциональный настрой при работе с агрессивными курсантами, гибкость в педагогических отношениях, креативный подход к осуществлению педагогической деятельности) [9].

Также преподавателям, осуществляющим психолого-педагогическую подготовку курсантов в вузе МВД России, можно рекомендовать следующее:

формирование у курсантов вузов МВД России компетенции в профилактике и коррекции агрессивного поведения предполагает, что специалист, организующий работу в данном направлении, должен правильно понимать сущность данной категории, ее структуру и особенности [2, с. 612];

при формировании компетенции в профилактике и коррекции агрессивного поведения у курсантов необходимо учитывать специфику их профессиональной подготовки, возрастные и потенциальные возможности;

при осуществлении практической работы по профилактике и коррекции агрессивного поведения у курсантов рекомендуется использовать предложенную методику, включающую целевой, концептуальный, организационный и технологический блоки [7].

Технологический блок методики рекомендуется реализовывать в три этапа:

диагностический этап должен выявить уровень сформированности компетенции в профилактике и коррекции агрессивного поведения курсантов и определить дальнейшее направление работы;

формирующий этап должен вооружить курсантов способами решения проблемных ситуаций, связанных с демонстрацией агрессии, и выработать умение выбора оптимальных действий в конфликтной ситуации;

результативный этап должен показать курсантам, на каком уровне у них сформировалась компетенция в профилактике и коррекции агрессивного поведения.

Недопустимо разрывать, переставлять места либо игнорировать какие-либо этапы методики формирования компетенции в профилактике и коррекции агрессивного поведения курсантов вузов МВД России:

в процессе профессионально-педагогической подготовки курсантов вузов МВД России важно учитывать уровень сформированности компетенции в профилактике и коррекции агрессивного поведения; это необходимо для того, чтобы корректировать содержание методики, акцентируя внимание на слабых сторонах данной компетенции [10, с. 10];

у курсантов необходимо развивать убеждение в том, что в процессе занятий можно научиться способности контролировать неблагоприятные состояния, что полученные знания и умения особенно важны в их будущей служебной деятельности;

основным требованием реализации предложенной методики является включение в процесс обучения курсантов интерактивных методов обучения и приемов проблематизации [2, с. 612]; проблематизация содержания изучаемой педагогической дисциплины активизирует мышление курсантов на открытие новых путей решения практических педагогических проблем, несет возможность не только получить знания о профилактике и коррекции агрессивного поведения, но и реальные умения по поведению в сложных педагогических ситуациях;

подбор проблемных ситуаций и ролевых игр должен осуществляться с учетом будущей профессиональной деятельности преподавателя, ее специфики и в соответствии с содержанием учебного материала [7];

при проведении ролевых игр необходимо применять творческий подход; учебный процесс необходимо строить так, чтобы после теоретической части следовала игра, дающая возможность на практике применить изученный материал; ролевые игры в новых группах не следует проводить на первых занятиях, а необходимо использовать ближе к середине курса, когда участники группы лучше познакомятся, привыкнут друг к другу, станут менее стеснительными и более раскрепощенными в поведении [7, с. 192].

Для более успешного выполнения упражнений большие группы можно делить на несколько малых:

с целью повышения эффекта от использования игровых и проблемных методов необходимо изменять состав участников пар и подгрупп при выполнении соответствующих упражнений; любому результату курсанта при выполнении упражнений необходимо давать аргументированную оценку его действий в форме оценочного суждения или отметки, что будет способствовать формированию у него мотивации на достижение успеха [11];

для закрепления полученных знаний и повышения степени запоминания пройденного материала необходимо прибегать к помощи технических средств обучения, способных детально (в замедленной съемке) продемонстрировать курсантам видеозаписи агрессивного поведения; это позволит совместно разобрать отдельные ситуации, проанализировать их особенности, причины и определить более целесообразные стратегии поведения в конфликтных ситуациях [7];

внедрение методики рекомендуется осуществлять в рамках дисциплины «Конфликтология», иных психолого-педагогических дисциплин, включенных в федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, а также на курсах повышения квалификации;

методику формирования у курсантов вузов МВД России компетенции в профилактике и коррекции агрессивного поведения целесообразно внедрять на 5 курсе перед стажировкой, где будет возможность применить приобретенные знания и умения, тем самым закрепить сформированный уровень компетенции.

1. Абакумова И.В., Ермаков П.Н., Рудакова И.А. *Смыслоцентризм в педагогике: новое понимание дидактических методов*. Ростов н/Д, 2006.

2. Писарев В.Е., Писарева Т.Е. *Теория педагогики*. Воронеж, 2009.

3. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. *Психология высшей школы: особенности деятельности студентов и преподавателей вуза*. Минск, 1978.

4. Харченко Л.Н., Магомедова Р.М., Панова И.Е. и др. *Преподаватель современного вуза: компетентностная модель*. Ставрополь, 2012.

5. Бордовская Н.В., Реан А.А. *Педагогика: учеб. для вузов*. СПб., 2000.

6. Шмелева Н.Б. *Профессионально-личностное развитие специалиста социальной работы*. Ульяновск, 1997.

1. Abakumova I.V., Ermakov P.N., Rudakova I.A. *Sense centrism in pedagogics: new understanding of didactical methods*. Rostov-on-Don, 2006.

2. Pisarev V.E., Pisareva T.E. *The theory of pedagogics*. Voronezh, 2009.

3. Dyachenko M.I., Kandybovich L.A. *Psychology of higher school: activities features of students and lecturers of the university*. Minsk, 1978.

4. Kharchenko L.N., Magomedova R.M., Panova I.E. et al. *Lecturer of modern high school: competence model*. Stavropol, 2012.

5. Bordovskaya N.V., Rean A.A. *Pedagogics: textbook for high schools*. St. Petersburg, 2000.

6. Shmeleva N.B. *Vocational and personal development of social work professional*. Ulyanovsk, 1997.

7. Istrofilova O.I. *Pedagogical conditions of formation of professional readiness of the future*

7. Истрофилова О.И. Педагогические условия формирования профессиональной готовности будущих педагогов к работе с подростками, проявляющими агрессивное поведение. М., 2006.

8. Абрамова Г.С., Степанович В.А. Деловые игры: теория и организация. Екатеринбург, 1999.

9. Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов: более 25 тысяч слов и словосочетаний. М., 2004.

10. Карабаш Д.В. Формирование ценностно-мировоззренческой культуры личности курсантов в процессе обучения в вузе МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2012.

11. Карабаш Д.В. Моделирование и содержательно-модульная технология обучения в формировании ценностно-мировоззренческой культуры курсантов // Общество и право. 2012. № 5. С. 327–330.

teachers to work with adolescents exhibiting aggressive behavior. Moscow, 2006.

8. Abramova G.S., Stepanovich V.A. Business games: theory and organization. Ekaterinburg, 1999.

9. Bulyko A.N. Modern dictionary of foreign words: more than 25000 words and phrases. Moscow, 2004.

10. Karabash D.V. The formation of values and ideological training of the person of cadets in the learning process in high school of the Ministry of the Interior of Russia: auth. abstr. ... Master of Pedagogics. Krasnodar, 2012.

11. Karabash D.V. Modeling and substantial and modular technology of training in formation of valuable and world outlook culture of cadets // Society and law. 2012. № 5. P. 327–330.

Нетребко Елена Эдуардовна

старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79284060987)

Влияние индивидуально-психологических качеств и стиля руководителя на морально-психологический климат в коллективе

Совокупность индивидуально-психологических качеств личности и особенности стиля работы руководителя трудового коллектива определяют успешность его влияния на морально-психологический климат коллектива и являются социально значимыми. Успешные руководители вкладывают много сил и умений в попытку создать в коллективе такой климат, который благоприятствовал бы достижениям высоких результатов, позволял бы решать своевременно проблемы и осуществлять перемены. Благоприятный морально-психологический климат – одно из важнейших условий эффективности производственной деятельности.

Ключевые слова: индивидуально-психологические качества личности, морально-психологический климат, особенности стиля руководителя, эффективность производственной деятельности.

E.E. Netrebko, Senior Lecturer of a Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79284060987.

The influence of the individual psychological qualities and head style on the moral psychological climate in a collective

The combination of individual psychological qualities of a person and job style peculiarities of a head in a working collective define the success of the influence on a moral psychological climate of a collective and it is very social and important. Successful heads invest much efforts, skills and abilities trying to create such climate that helps to achieve high results, to solve problems timely and to realize changes. Good moral psychological climate is one of the important conditions of any effective activity of a system.

Key words: individual psychological qualities of a person, moral psychological climate, job style peculiarities of a head, effective activity of a system.

Изучение личностно-психологических особенностей руководителя, стиля его деятельности играет первоочередную роль в исследовании морально-психологического климата коллектива и является социально значимым.

Здесь можно рассмотреть и выявить совокупность индивидуально-психологических качеств личности и особенности стиля работы руководителя трудового коллектива, которые определяют успешность его влияния на создание морально-психологического климата. Это исследование позволяет решить следующие задачи:

анализ совокупности личностно-психологических качеств и стиля работы руководителя, наиболее значимых для формирования морально-психологического климата;

методы оценки личности руководителя, определяющие его влияние на морально-психологический климат.

Организация коллектива – мощный рычаг управления, потому что он создает энергичную, эффективную и ответственную группу людей с большим потенциалом. Удачливые руководители вкладывают много сил и умений в попытки создать в коллективе такой климат, который благоприятствовал бы достижению результатов, позволял бы наступать на проблемы и осуществлять перемены.

Подобно тому, как индивидуальная психика управляет деятельностью и поведением личности, групповые психические явления преломляются в действиях коллективов и отдельных личностей. Этим объясняется большое практическое значение изучения психологии коллектива.

Коллективом принято считать группу людей, являющихся частью общества, объединенную общими целями, совместной социально полезной деятельностью.

Коллектив оказывает на личность разнообразные влияния. В нем происходит трансформация социальных факторов в личностные – социализация личности.

Известно, что личность формируется в труде и общении с другими людьми. Характер и формы труда и общения определяются в основном и главным социально-экономическими, производственными отношениями, уровнем научно-технического прогресса, культуры, моралью – т.е. всей совокупностью материальных и духовных факторов, являющихся по отношению к личности ее макросредой. Однако на труд и общение людей существенно влияет и микросреда как совокупность условий непосредственного социального окружения человека.

Чаще всего выделяются следующие значимые качества руководителя:

а) интеллект, который должен быть выше среднего, но не на уровне гениальности, а скорее со склонностью к решению сложных абстрактных проблем;

б) инициативность, самостоятельность, находчивость;

в) уверенность в себе, высокий уровень притязаний.

К этим качествам еще добавляют так называемый «фактор геликоптера», т.е. способность подниматься над деталями и воспринимать ситуацию в целом, в связи с окружающей обстановкой.

Для психологии управления руководитель представляет наибольший интерес как деятель, вносящий личный вклад в создание материальных и духовных благ. Эффективность экономики лишь на одну треть обуславливается вложениями в оборудование. Все остальное зависит от интеллектуального капитала, в частности от квалификации руководителей, уровня их компетентности, умения предвидеть и оценивать рыночную конъюнктуру, вовремя принимать необходимые решения и обеспечивать их практическую реализацию, умело руководить кадрами [1, с. 4].

Роль и значение руководителя сильно возросли в настоящее время. Многообразие форм собственности, конкуренция между ними, ускоренное развитие рыночных отношений требуют особо тонкого, умелого управления. В условиях ожесточенной конкуренции, когда ошибка в решении может привести к банкротству фирмы, личность, способная возглавить управление, рассматривается как гарантия успеха фирмы. Исследование характерных индивидуально-психологических черт личности руководителя предполагает определение средств и методов

подбора профессионально грамотных, сильных руководящих кадров на всех уровнях управления.

Социально-психологические процессы и явления в трудовом коллективе обуславливаются производственными и экономическими процессами, но, в свою очередь, могут оказывать большое влияние на резервы производственного роста. К числу таких социально-психологических феноменов относится, прежде всего, психологический климат коллектива. Это преобладающий в группе или коллективе относительно устойчивый настрой ее членов, проявляющийся во всех многообразных формах их деятельности, групповом настрое, групповых мнениях и суждениях. Там осуществляются постоянное межличностное общение, контакт, взаимодействие. Руководителям важно уделять большое внимание его формированию в интересах общества и личности, продуктивной деятельности человека и всего коллектива.

Если психологический климат связан с моральным состоянием группы, задействованы важные понятия – добро, долг, совесть, честь, справедливость, то говорят о морально-психологическом климате.

Воспитательная сила, огромные, формирующие каждую личность возможности коллектива зависят от его психологического климата. Успешное формирование моральной атмосферы в любом звене общественной жизни предполагает знание структуры особенностей проявления коллектива.

Формой целостности психологии коллектива является его структура, понимаемая как определенная упорядоченная взаимосвязь отдельных подструктур или таких компонентов, как контактное общение и социально-психологическое явление.

В совместной деятельности люди неизбежно вступают в деловой и психологический контакт, взаимодействуют, общаются. Контактное общение – неотъемлемый элемент жизнедеятельности любого первичного коллектива и его духовных потребностей. На основе этой потребности возникает общественная, познавательная и иная активность личности, поддерживается и регулируется взаимодействие личностей с ближайшим окружением социальной среды.

В совместных и взаимных действиях людей, в их общении возникает прямой обмен мыслями, взглядами, идеями, проявляются различные формы взаимных отношений людей друг к другу, симпатии, антипатии и другие, так называемые межличностные отношения.

Межличностные психологические отношения являются стороной объективных отношений,

оказывающих исключительно большое влияние на поведение сотрудников. Система таких отношений в силу своей внутренней психологической обусловленности (симпатия, антипатия, безразличие, дружба, неприязнь и другие психологические зависимости между людьми в коллективе) складывается порой стихийно, она менее зрима, организационно не оформлена.

В процессе общения и взаимоотношений возникают и развиваются различные социально-психологические явления и процессы: взаимные требования и внушения, постоянные общие взаимные оценки. Сопереживание и сочувствие, психологическое соперничество и соревнование, подражание и самоутверждение, престиж – таков их неполный перечень. Все они являются стимулами деятельности и поведения, механизмами саморазвития и формирования личности.

Особо следует отметить роль самоутверждения личности как ее действительное стремление занять и удерживать в системе психологических отношений в коллективе определенную позицию, которая обеспечивала бы данной личности уважение, признание или доверие, благосклонность или поддержку, помощь или защиту и тем самым способствовала бы удовлетворению потребности общения с другими людьми, проявлению индивидуальности личности, раскрытию ее наиболее сильных сторон.

Самоутверждение личности – активный процесс осознания человеком себя среди других людей, оценки своих достоинств в ряду преимуществ других через сравнение и сопоставление себя с другими людьми с тем, чтобы не растерять свою индивидуальность, раскрыть возможности, проявить себя, играть в коллективе значимую роль.

Самоутверждение – многоплановый и объемный механизм взаимодействия, а поэтому весьма действенный, эффективный стимулятор развития личности, что, в первую очередь, касается руководителя. Самоутверждение возникает на основании потребности личности в общении с другими, в самопознании, одновременно оно является одним из психологических рычагов совершенствования, развития личности.

Далеко не везде вопросам создания благоприятного морально-психологического климата уделяют достаточно внимания. Нередко встречаются большие подразделения, и даже целые учреждения и предприятия, где господствует атмосфера повышенной нервной «наэлектризованности», в результате чего происходят неоправданные столкновения между работниками, изнашивается их нервная система, страдает

качество работы. Возникают стрессовые ситуации. Стресс возникает, если человек получает информацию, которая, по его мнению, угрожает его благополучию. Физиологи доказали, что нервные потрясения могут иметь тяжкие последствия. Стрессовое состояние начисто ликвидирует взаимопонимание, кладет конец всякому взаимному уважению руководителя и подчиненного. Стресс лежит в основе самых смертоносных в наше время заболеваний – стенокардии, атеросклероза, инфаркта, инсульта и т.д. Однако следует заметить, что морально-психологический климат, являясь составной частью психологического климата, вместе с другими компонентами последнего обуславливает психологическое состояние каждой личности и коллектива в целом, их дееспособности.

Среди факторов, вызывающих психологическую напряженность, далеко не последнее место занимают эмоциональное напряжение, борьба мотивов и интересов, конфликтные условия взаимодействия членов коллектива, их настроение. Между тем, центральная проблема управления состоит в создании правильного воззрения людей, положительного настроения с учетом их потребностей, заинтересованности, формировании чувства причастности к общему делу.

Что же обуславливает развитие морально-психологического климата коллектива? В психологической литературе выделяют пять таких факторов:

- 1) межличностные отношения, в том числе с руководителем;
- 2) стиль руководства;
- 3) воздействие физической среды (санитарно-гигиенические условия, средства технической эстетики);
- 4) организацию труда;
- 5) систему стимулирования.

Не претендуя на всеобъемлющий охват возможных детерминантов психологического климата коллектива, подчеркнем лишь некоторые из них, представляющиеся наиболее значимыми: во-первых, экономические (например, заработная плата), во-вторых, социальные (т.е. связанные с комплексом составляющих социальной инфраструктуры, включая обеспеченность людей жильем и его расположение, наличие транспортных средств доставки людей на работу, насыщенность детскими учреждениями, предприятиями торговли и культурно-бытового обслуживания и т.д.), в-третьих, производственно-гигиенические (в том числе окраска рабочих помещений, степень их зашумленности, загрязненности воздуха и т.д.), в-четвертых, соци-

ально-психологические (связанные с фактором группы, коллектива и порождаемые социумом феномены), в-пятых, личностные, связанные с особенностями поведения отдельных членов коллектива. Из всего многообразия феноменов, наблюдаемых в коллективе, влияние руководителя, пожалуй, в наибольшей степени сказывается на отношениях и эмоциональном самочувствии (удовлетворенности) людей.

Ведь при желании и соответствующих усилиях руководитель может создать в коллективе прекрасный психологический климат, вместе с тем, ему ничего не стоит (также при соответствующих условиях) сделать жизнь сотрудников невыносимой.

Благоприятный морально-психологический климат – одно из важнейших условий эффективности производственной деятельности.

Морально-психологический климат – это интегральный параметр жизнедеятельности коллектива, включающий в себя поведенческие, познавательные и эмоциональные компоненты. Климат коллектива составляет качественную сторону межличностных отношений, проявляющуюся в виде совокупности психологических условий, способствующих или препятствующих продуктивной совместной деятельности и всестороннему развитию личности. Психологами установлено, что между состоянием морально-психологического климата коллектива и эффективностью совместной деятельности его членов существует положительная связь.

Как уже подчеркивалось, климат в коллективе определяется многими факторами, важнейшими из которых являются два:

1. Рабочая ситуация в коллективах, включая комплекс организационных, технических и санитарно-гигиенических элементов и др.

2. Морально-психологический фактор, т.е. комплекс групповых явлений и процессов, происходящих в отделах, коллективе в целом.

В психологической литературе выделяются составляющие морально-психологического климата в коллективе:

1. Совместимость:

1) психофизическая:

тип темперамента;

различная выносливость, различие навыков и умений, а также разное отношение к работе;

2) социально-психологическая совместимость (особенности личности, психомоторные, эмоционально-волевые, различия восприятия, внимания, мышления):

особенности характера – характерологические черты должны быть не тождественными, но обязательно совместимыми, т.е. черты характера как бы дополняют друг друга.

2. Сработанность (показывает максимально возможную успешность в совместной работе при минимальных энергетических затратах на деятельность и взаимодействие на фоне значительной удовлетворительности совместной работой и высокого взаимодействия).

3. Групповая сплоченность – упорядоченность, согласованность и устойчивость внутригрупповых межличностных взаимосвязей, обеспечивающих стабильность и преемственность жизнедеятельности группы.

Содержательные моменты единения группы:

1) эмоциональная привлекательность;

2) целостно-ориентированное единство: ценность ориентирования;

цели;

3) устойчивость коллектива к деструктивным, т.е. разрушающим воздействиям.

4. Направленность – проявляется в выбранных целях, но и в подчинении этим взаимоотношениям в коллективе, в доминировании коллективистских взаимоотношений в коллективе в деловой и личной сферах общения.

5. Коллективистическая самоорганизованность, т.е. способность коллектива к самостоятельному принятию и реализации решений, направленных на достижение коллективных целей и защиту интересов коллектива.

Последний показатель характеризует развитие самоуправления в коллективе:

1. Самостоятельное распределение обязанностей между членами коллектива.

2. Определение путей и средств достижения целей.

3. Взаимный контроль исполнения.

Осознание управления как профессии, опирающейся на разнообразные достижения междисциплинарной, пока еще очень молодой, быстро и неравномерно развивающейся области научного и практического значения, занимает прочное место в современной цивилизации.

В настоящее время сама роль менеджера как профессионально подготовленного руководителя является предметом серьезных дискуссий. В Европе управление как вид деятельности до сих пор в перечне карьерных предпочтений находится не на очень высоком месте и во многих случаях рассматривается как «вторая профессия», дополняющая инженерное, экономическое или юридическое образование. И, тем не менее, жизнь берет свое, и просто необходимо управлять эффективно, избегая ошибок, находя наилучшие пути к успеху [2, с. 183].

Для России важно то, что идея приспособления к принципиально новым условиям и

переход от административно-командной к рыночной системе – это настоящая революция, требующая все более грамотных руководителей, обладающих новыми качествами. Необходимо отметить, что забота о морально-психологическом климате, в первую очередь, означает создание безукоризненных условий для работы, четкой организации производства, материально-технического обеспечения, научно обоснованного нормирования труда и оплаты и т.д. Только после этого могут быть результативными специальные воспитательные мероприятия.

Для должной эффективности мер по созданию благоприятного морально-психологического климата руководитель должен знать важнейшие

педагогические принципы объединения работников в коллектив.

Во-первых, это совмещение личных и общественных интересов людей, находящихся в одной производственной группе

Во-вторых, сформулированный А.С. Макаренко «закон движения коллектива», который предполагает разработку систем и задач, позволяющих людям постоянно видеть перспективу движения.

В-третьих, принцип «параллельного движения», смысл которого состоит в том, что воздействие руководителя на личность должно быть одновременно и воздействием на коллектив. И, наоборот, прикосновение к коллективу должно быть и воспитанием отдельных личностей.

1. Дроздова Т.А. Психология личности. Оценка деловых, личностных качеств работника. М., 1989.

2. Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. М., 1991.

1. Drozdova T.A. Individual psychology. Assessment of business and personal qualities of a worker. Moscow, 1989.

2. Vudcoc M., Frensis D. A manager without any complexes. Moscow, 1991.

Николаенко Александр Викторович
соискатель кафедры социальной работы,
психологии и педагогики высшего образования
Кубанского государственного университета
(e-mail: avnikolaenko@mail.ru)

Зоны деятельности работников опасных производственных объектов как предмет психолого-педагогического исследования

В статье рассматривается влияние опасных производственных факторов на персонал, обслуживающий опасные производственные объекты. Деятельность персонала на этих объектах осуществляется в двух зонах – опасной и охранной. Реакция человека на действие опасных производственных факторов в каждой зоне различна. Следовательно, и подготовка обслуживающего персонала должна отличаться.

Ключевые слова: опасный производственный фактор, опасный производственный объект, опасная зона, охранная зона, особые условия деятельности, экстремальные условия деятельности, инструкция.

A.V. Nikolaenko, Competitor of a Chair of Social Work, Psychology and Pedagogics of Higher Education of the Kuban State University; e-mail: avnikolaenko@mail.ru

Zone of activity of workers of dangerous industrial objects as a subject of psychological and pedagogical research

The article examines the impact of occupational hazards for personnel serving with hazardous production facilities. Activities staff at these facilities is carried out in two areas – the danger zone and the buffer zone. Human response to the action of occupational hazards in each area is different. Consequently, the training staff should be different.

Key words: hazardous production factor, hazardous production facility, danger zone, buffer zone, special circumstances of activity, extreme conditions of activity, instruction.

Вопросы профессиональной подготовки персонала производственных объектов всегда занимали особое место в системе педагогической деятельности. Наиболее известны в этой области труды академиков С.Я. Батышева и А.М. Новикова, раскрывающих содержание профессионального образования и законы современной профессиональной педагогики. Следует упомянуть также работы В.Д. Симоненко и П.С. Самородского по методике профессионального обучения, положения В.А. Сластёнина по педагогике профессионального образования и т.д.

Деятельность производственных объектов всегда сопровождалась травматизмом, вероятность которого связана с сопряжением рабочих зон обслуживающего персонала и опасных зон самих объектов (работы А.А. Раздорожного). Условия деятельности персонала производственных объектов в контексте психологии труда

были сформулированы Б.А. Душковым, Б.А. Смирновым, А.В. Королевым.

Новизна нашего исследования заключается в том, чтобы рассмотреть деятельность работников опасных производственных объектов (ОПО) с позиции психологии труда для поиска путей совершенствования подготовки обслуживающего их персонала.

Для понимания специфики подготовки работников ОПО необходимо, прежде всего, четко представлять, о каких объектах идет речь и в чем особенность их эксплуатации.

В толковом словаре Ушакова термин «опасный» трактуется как «содержащий, влекущий за собой, несущий в себе опасность» [1], т.е. подразумевается наличие факторов, представляющих в определенных условиях угрозу жизнедеятельности человека. К этим факторам относятся параметры внешней среды, значительно превышающие адаптационные возможности

человека. Это повышенный или пониженный уровень температуры, избыточное давление, загазованность и запыленность окружающего пространства и т.д.

Обустройство среды обитания человека и стремление к реализации все возрастающих требований к условиям жизнедеятельности ведет к развитию промышленного производства. Каждое высокотехнологичное производство несет в себе широкий спектр опасных производственных факторов. Опасный производственный фактор – «производственный фактор, воздействие которого на работающего в определенных условиях может привести к травме, острому отравлению или другому внезапному резкому ухудшению здоровья или смерти» [2]. Номенклатура опасностей включает более ста факторов: физические, химические, биологические, психофизиологические. Классификация опасных и вредных производственных факторов приведена в ГОСТ 12.0.003-74 [3].

Среди всего многообразия производств особое место занимают ОПО. Опасность потери контроля над ними ведет к катастрофическим последствиям. Для отнесения того или иного объекта к ОПО требуется наличие одного или нескольких признаков опасности [4]. Любой признак опасности содержит в себе наиболее агрессивные опасные производственные факторы. Рассмотрим это на отдельных примерах.

Первый признак опасности – транспортировка опасных веществ определенной концентрации [4]. Обратимся к магистральным газопроводам и системам газораспределения. Для нормальной жизнедеятельности человека наиболее благоприятный газовый состав воздуха выглядит следующим образом: азот – 78,08; кислород – 20,95; инертные газы – 0,93; углекислый газ – 0,03; прочие газы – 0,01. Значительную часть газотранспортной системы страны занимает транспорт природного газа. На 96–97% он состоит из горючих газов (в основном это метан), остальное – негорючие компоненты (балласт). Пока газ находится в трубопроводе, замкнутый стенками трубы, он не несет в себе прямой угрозы. В случае же разгерметизации газотранспортной системы находящийся рядом человек вдыхает воздух с пониженной долей кислорода. Это приводит к серьезным нарушениям жизнедеятельности организма вплоть до асфиксии (удушья). Помимо этого высвобождающийся природный газ смешивается с кислородом воздуха. При объемных концентрациях метана от 5 до 15% складывается оптимальная ситуация для воспламенения этой смеси. А это уже высокотемпературный процесс горения с возмож-

ностью взрыва и образования ударной волны разрушительной силы.

На примере промышленных отопительных котельных с водогрейными котлами рассмотрим второй признак опасности – «используется оборудование, работающее под избыточным давлением более 0,07 мегапаскаля при температуре нагрева воды более 115 градусов Цельсия» [4]. Два опасных производственных фактора – температура и давление – не представляют для человека серьезной угрозы до тех пор, пока они «замкнуты» в металлическом корпусе котла и в трубопроводах. Но, как только произойдет разгерметизация стенок котла и резкое падение давления в нем до атмосферного, мы получим объемное кипение с выбросом значительного количества пара в помещение котельной. Подобный сценарий может привести к непредсказуемым последствиям в отношении обслуживающего персонала.

Третий признак опасности – «использование стационарно установленных грузоподъемных механизмов» [4]. При соблюдении требований «Правил безопасности опасных производственных объектов, на которых используются подъемные сооружения» [5] перемещаемые на высоте части производственного оборудования не несут угрозы для находящихся внизу людей. Опасный производственный фактор – перемещаемый груз – находится на значительном удалении от персонала, обслуживающего подъемное сооружение. Он зафиксирован грузозахватными приспособлениями. Но ситуация диаметрально изменяется при обрыве стропов. Груз движется к земле по совершенно непредсказуемой траектории и наращивает свой разрушительный потенциал, стремительно набирая скорость. Потенциальная энергия, покоящаяся на высоте, не представляла угрозы до тех пор, пока не переросла в кинетическую энергию, не контролируемую персоналом.

Следовательно, опасные производственные факторы, характеризующие каждый признак опасности ОПО, обладают высокой энергоемкостью и несут в себе значительную поражающую силу физического, биологического, химического порядка. Это позволяет рассматривать их как экстремальные факторы окружающей среды [6, с. 776]. Подтверждение этому мы видим также в производствах, связанных с технологией расплава черных и цветных металлов и горнорудной деятельностью, обладающих еще двумя признаками опасности [4].

Действие опасного производственного фактора на организм человека укладывается в определенные границы и в основном ослабевает от

эпицентра воздействия. Соответственно этому необходимо рассматривать понятие «опасной зоны». На сегодняшний день в нормативной документации, регламентирующей работу ОПО, отсутствует какая-либо трактовка термина «опасная зона» и не сформулирован общий подход к определению границ опасных зон.

В «Горной энциклопедии» под редакцией Е.А. Козловского предлагается следующая формулировка «опасной зоны»: это «территория между местом производства работ, потенциально опасных за счет поражающего или вредного для человека воздействия, и границей, где такое воздействие маловероятно при соблюдении технологии производства» [7].

В электронном словаре терминов МЧС «опасная зона» – это «пространство, в котором возможно воздействие на работающего опасного или вредного производственных факторов» [8]. Адаптационные возможности организма человека при воздействии на него опасных производственных факторов имеют свойство исчерпываться. В связи с этим нами предлагается на рассмотрение термин «опасная зона производственного объекта». Это пространство вокруг производственного объекта, где действие опасных производственных факторов превышает адаптационные возможности организма человека, что может привести к его травматизму, острым отравлениям или другим внезапным резким ухудшениям здоровья или смерти.

Границы опасной зоны, определяемые действием опасных производственных факторов, для трубопроводов и сосудов, работающих под давлением, будут определяться внутренними стенками этих объектов. В момент разгерметизации эти границы стремительно расширятся до размеров, за пределами которых адаптационные возможности человека уже смогут противостоять действию опасных производственных факторов. При этом возникает целый ряд иных опасных производственных факторов, связанных с разрушением конструкций и разлетом отдельных ее элементов. В результате опасная зона раздвигается до зоны минимальных расстояний, куда эти элементы смогут долететь.

В случае с подъемными сооружениями имеет место эффект проецирования границ опасной зоны на поверхность земли или строения с учетом отлета нависающего груза при обрыве стропов. Учитывая возможность стрелы подъемного сооружения описывать 360°, получим окружность с границами опасной зоны работающего подъемного сооружения.

Следовательно, для обеспечения нормальных условий эксплуатации ОПО необходимо

сохранять целостность изначальных границ опасных зон от различных проявлений внешней среды и несанкционированных действий третьих лиц. Для этих целей на ОПО предусмотрена буферная зона – охранная зона с особыми условиями использования прилегающих участков.

При разрушении границ опасных зон действие опасных производственных факторов распространяется и на охранные зоны, «наполняя» их собой. Задача обслуживающего персонала ОПО должна определяться тремя составляющими: контроль технологического процесса, границ опасных зон и состояния охранных зон.

Деятельность персонала ОПО осуществляется в основном в охранных зонах этих объектов. При этом опасные производственные факторы не угрожают жизнедеятельности организма, т.к. они замкнуты в границах опасных зон. Незначительная интенсивность и периодичность их проявления позволяют отнести деятельность персонала ОПО к особым условиям деятельности [6, с. 387]. Тем не менее, ввиду специфичности самих объектов и во избежание ошибок персонал в своей деятельности руководствуется положениями, прописанными в инструкционных материалах. Но как только происходит потеря контроля над опасными производственными факторами, разрушаются границы опасных зон, персонал ОПО оказывается внутри самих опасных зон. Аналогично происходит и при преднамеренных действиях персонала по ликвидации аварийных ситуаций и инцидентов на объектах. В обоих случаях действия работников регламентируются планами локализации и ликвидации аварий, а их деятельность, согласно психологии труда, в этом случае переходит в разряд экстремальных условий трудовой деятельности [6, с. 775]. Длительное воздействие опасных производственных факторов на человека приводит к негативным последствиям в регуляции физиологической и психической деятельности. Персонал ОПО в таких ситуациях руководствуется предварительно сформированными установками, отработанными в противоаварийных и противопожарных тренировках.

Следовательно, деятельность персонала ОПО осуществляется в двух зонах – опасной и охранной, где в зависимости от представленности опасных производственных факторов, переходящих в разряд экстремальных, регламентируются определенные условия деятельности.

Анализ аварийности на ОПО показывает, что значительную долю травмированных и погибших составляют работники, находившиеся на момент развития аварийной ситуации в обычных условиях деятельности, когда отсутствова-

ли какие-либо угрозы их жизнедеятельности. Люди не были готовы к переходу из обычных условий к экстремальным условиям деятельности. Так, согласно сведениям Ростехнадзора за 2013 г. [9, с. 278] каждый второй погибший при выполнении работ подъемными сооружениями – это люди, не связанные с перемещением груза. При эксплуатации оборудования, работающего под избыточным давлением, за период с 2001 по 2013 г. 24% пострадавших – это также сторонние работники, не имеющие отношения к обслуживанию этого оборудования [9, с. 252].

В отдельных случаях при эксплуатации ОПО наблюдается повышение порога опасности ввиду притупления бдительности персонала из-за редкого проявления опасных производственных факторов. Например, при обходе трасс магистральных трубопроводов и сетей газораспределения и газопотребления обходчик пребывает в основном в обычных условиях деятельности. При этом опасные производственные факторы, характеризующие ОПО как признак опасности, не проявляются в должной мере. Следовательно, в случае смены условий деятельности в сторону экстремальности может не реализоваться реакция на формирование действий, адекватная развивающимся событиям.

На основании проведенных рассуждений можно сделать вывод, что деятельность работников ОПО определяется тремя сценариями:

1. Обычные условия деятельности – простой оборудования ОПО. Деятельность персонала осуществляется в охранных зонах ОПО при отсутствии экстремальных факторов – опасных производственных факторов, характеризующих признаки опасности ОПО, или за пределами охранных зон при выполнении работ, не связанных с основной деятельностью.

2. Особые условия деятельности – деятельность работников ОПО в охранных зонах по управлению технологическим процессом, контролю границ опасных зон и состояния охранных зон. Экстремальные факторы при этом присутствуют эпизодически, или амплитуда их параметров незначительна.

3. Экстремальные условия деятельности – деятельность работников ОПО в опасных зонах на момент развития и устранения аварийных ситуаций. Экстремальные факторы присутствуют постоянно и оказывают существенное влияние на регуляцию деятельности персонала.

Сформулированная нами специфика формирования деятельности работников ОПО предполагает внесение изменений в систему профессионального обучения персонала этой категории объектов, которая в таком случае должна состоять из трех этапов.

1. Существующий курс общей подготовки по рабочим программам в образовательных подразделениях, где изучаются устройство и принцип действия оборудования ОПО и формируется первоначальный навык в условиях производственной практики.

2. Курс специальной подготовки в образовательных подразделениях, где будет прорабатываться деятельность персонала в охранных зонах ОПО на основе положений инструкционных материалов, регламентирующих строго определенный порядок действий (производственные инструкции, инструкционно-технологические карты, проекты производства работ и т.д.).

3. Курс экстремальной подготовки в образовательных подразделениях, где необходимо на тренажерах и симуляторах путем имитации усложненных условий прорабатывать деятельность персонала в опасных зонах ОПО, а в ходе противоаварийных и противопожарных тренировок на рабочих местах формировать установочные действия, направленные на локализацию и ликвидацию аварийных ситуаций и инцидентов.

Система технической учебы и ежеквартальных инструктажей в ходе выполнения персоналом ОПО своих прямых обязанностей должна быть направлена на поддержание сформированного уровня подготовки.

Зонирование опасных производственных объектов позволит упорядочить подготовку персонала, обслуживающего эти объекты, и в итоге должно повысить как безопасность труда работников, так и защищенность самих ОПО.

1. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=40189> (дата обращения: 22.11.2014).

2. Словарь терминов чрезвычайных ситуаций. URL: <http://enc-dic.com/mchs/Opasn-proizvodstvenn-faktor-667.html> (дата обращения: 23.11.2014).

1. Dictionary of Ushakov. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=40189> (date of access: 22.11.2014).

2. Glossary of emergencies situations. URL: <http://enc-dic.com/mchs/Opasn-proizvodstvenn-faktor-667.html> (date of access: 23.11.2014).

3. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Опасные и вредные производственные факторы. Классификация. ГОСТ 12.0.003-74* (СТ СЭВ 790-77); утв. постановлением Государственного комитета стандартов Совета Министров СССР от 18 нояб. 1974 г. № 2551 (с изм. № 1, утв. в окт. 1978 г. ИУС 11-78) // ГОСТ ЭКСПЕРТ: Единая база ГОСТов РФ. URL: <http://gostexpert.ru/gost/gost-12.0.003-74#text> (дата обращения: 23.11.2014).

4. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: федер. закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ (с изм. и доп. от 2 июля 2013 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/11900785/> (дата обращения: 23.11.2014).

5. Правила безопасности опасных производственных объектов, на которых используются подъемные сооружения: приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 12 нояб. 2013 г. № 533: зарегистрирован Минюстом России (31.12.2013), регистрационный № 30992.

6. Душков Б.А., Смирнов Б.А., Королев А.В. Психология труда, профессиональной, информационной и организационной деятельности: словарь / под ред. Б.А. Душкова. 3-е изд. М., 2005.

7. Горная энциклопедия // Энциклопедии & словари. URL: http://enc-dic.com/enc_rock/Opasnaja-zona-20.html (дата обращения: 23.11.2014).

8. Словарь терминов МЧС. EdwART // Энциклопедии & словари. URL: http://enc-dic.com/enc_rock/Opasnaja-zona-20.html (дата обращения: 23.11.2014).

9. Годовой отчет о деятельности Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору в 2013 году. М., 2014.

3. Interstate standard. The system of occupational safety standards. Dangerous and harmful production factors. The classification. GOST 12.0.003-74* (ST SEV 790-77): appr. with the resolution of the State standards Committee of the USSR Council of Ministers of Nov. 18, 1974 № 2551 (with amendments № 1 approved in Oct. 1978 ICS 11-78) // GOST EXPERT. a common database of state standards of the Russian Federation. URL: <http://gostexpert.ru/gost/gost-12.0.003-74#text> (date of access: 23.11.2014).

4. On industrial safety of hazardous production facilities: fed. law of July 21, 1997 № 116-FL (with amendments and additional on July 2, 2013) // Legal Information portal «Garant». URL: <http://base.garant.ru/11900785/> (date of access: 23.11.2014).

5. Rules for safety of hazardous production facilities that use lifting devices: the order of the Federal service for ecological, technological and nuclear supervision of Nov. 12, 2013 № 533: registered by Ministry of Justice of Russia (31.12.2013), registration № 30992.

6. Dushkov B.A., Smirnov B.A., Korolev A.V. Psychology of labour, professional, informational and organizational activities: dictionary / ed. by B.A. Dushkov. 3rd ed. Moscow, 2005.

7. Mountain encyclopedia / Encyclopedia & dictionaries. URL: http://enc-dic.com/enc_rock/Opasnaja-zona-20.html (date of access: 23.11.2014).

8. Glossary MOE. EdwART // Encyclopedias & dictionaries. URL: http://enc-dic.com/enc_rock/Opasnaja-zona-20.html (date of access: 23.11.2014).

9. Annual report on the activities of the Federal service for ecological, technological and nuclear supervision in 2013. Moscow, 2014.

Бондаренко Галина Ивановна

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного университета

Берсиров Тембот Батырбиевич

кандидат социологических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права и политологии
Адыгейского государственного университета

(e-mail: glbon@mail.ru)

Формирование правосознания современного рабочего

Государственные органы, издавая нормативный юридический акт, опираются на правосознание населения, инициативу трудящихся, их общественных организаций, учитывают ту возможную субъективную реакцию, которую вызывают издание и применение акта на практике, в жизни. В статье рассматривается «рабочий вопрос», который в данном процессе занимает особое место. Делается вывод о том, что забастовка, являющаяся единственным средством заявить о своих проблемах, не приносит должного результата, т.к. если брать во внимание социалистическую ориентацию рабочего движения, то необходимо в то же время трезво оценивать уровни его зрелости и организации. Таким образом, современный политический нигилизм рабочего порождается дисфункциями государства, обесцениванием труда, принуждением к непрекращающемуся труду.

Ключевые слова: рабочий вопрос, работодатель, рабочий, законодательное регулирование, забастовка, функции государства, экономическое принуждение.

G.I. Bondarenko, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Professor of a Chair of Sociology and Culturology of the Kuban State Agrarian University;

T.B. Bersirov, Master of Sociology, Assistant Professor, Senior Lecturer of a Chair of Theory and History of State and Law and Political Science of Adyghe State University; e-mail: glbon@mail.ru

Formation of legal consciousness of the contemporary working

Government agencies, issuing normative legal act, rely on the legal consciousness of the population, the initiative of the workers, their social organizations, take into account the possible subjective reactions, which cause the publication and application of the act in practice, in life. This article discusses the question of work, which in this process occupies a special place. The conclusion is that the strike, which is the only means to voice their concerns, does not bring the desired result, because if we take into account the socialist orientation of the labour movement, it is necessary at the same time to soberly assess the levels of maturity and organization. Thus, the modern political nihilism work caused by dysfunctions of the state, and the value of labour, forced continuous work.

Key words: work question, employer, worker, legislative regulation, strike, functions of the state, economic coercion.

В понятии «рабочий вопрос» объединены сложные и многоплановые проблемы. К ним относятся: формирование рабочего класса, его численность, структура, состав, условия труда и уровень жизни рабочих, профессиональная заболеваемость, правовое, политическое положение, менталитет, правительственная политика и др.

Специфику рабочего вопроса в России в период XIX – начала XX в. определяли: разно-

образии различных групп в составе рабочего класса (временнонаемные, вотчинные, кабальные, приписные, посессионные и др.); неоднородность состава временнонаемных рабочих; независимость социально-экономического положения рабочих от конъюнктуры рынка труда.

До 70-х гг. XIX в. в системе трудовых отношений было 2 субъекта – работодатель и рабочий. Государство, законодательно регламентируя эти отношения, не вмешивалось в них. Правительство-

венная политика сводилась лишь к обеспечению промышленности рабочей силой, условия труда и быта рабочих определялись предпринимателем (патриархальный патернализм).

Отношения патернализма характеризуются заменой формальных, основанных на контракте и правовых нормах взаимодействий на неформальные, личные. Ключевой момент в патерналистских отношениях – зависимость рабочего от заводовладельца, предпринимателя. Эта зависимость определяла характерные черты рабочего-патерналиста, который делегировал предпринимателю ответственность за определение и реализацию своей жизненной стратегии. В России до конца XIX в. не существовало единой стратегии правовой защиты или социального обеспечения рабочих, пострадавших от несчастных случаев на производстве. Большинство учреждений, оказывавших помощь увечным рабочим, существовали на благотворительные пожертвования, что не обеспечивало им стабильное социально-экономическое положение.

Законодательное регулирование взаимоотношений между предпринимателями и рабочими в начальный дореволюционный период отсутствовало, что инициировало недовольство в рабочей среде. Принятие большинства фабричных законов стало вынужденной мерой, рост рабочего движения, а на его фоне и обыденного правосознания заставили правительство пойти на закрепление законоположениями некоторых сторон взаимоотношений рабочих и работодателей и создать органы, имевшие право вмешиваться в эти отношения. Между тем, в реформировании фабрично-заводского законодательства второй половины XIX – начала XX в. можно выделить 3 ключевых периода: конец 60-х – 70-е гг., 80-е гг., 90-е гг. – начало XX в [1].

Социально-экономическое и правовое положение современного рабочего осложняется и общим уровнем качества жизни населения. В настоящее время Россия далеко не на первом месте по уровню жизни, и ряд социально-экономических прав человека, входящих в международный стандарт, государство не может обеспечить [2, с. 15]. В стране не ликвидирована массовая бедность и не сглажен социальный, имущественный разрыв между разными слоями населения. К сожалению, на сегодня в России около 2 млн беспризорных детей, более 2 млн не имеет образования, растут наркомания и алкоголизм, нарушаются права на жизнь, здоровье и семью, а отсюда и высокая преступность [3]. Ослаблены гарантии социальных прав. Все менее доступными для значительной части населения становятся высшее образование,

медицинское обслуживание, отдых, жилье, лекарства, санаторное лечение. В тяжелые годы реформ подавляющее большинство пенсионеров фактически оказались за чертой бедности. Прежде всего, из-за краха не приспособленной к рыночным условиям пенсионной системы. На этом фоне рабочий класс практически исчез из общественного поля зрения: ни оппозиция, ни СМИ, ни власть ничего о нем не говорят.

«Рабочий вопрос» осложняется также высоким уровнем безработицы. В 1998 г. каждый седьмой трудоспособный гражданин Российской Федерации был зачислен в безработные. Но даже в 2005 г., весьма благоприятном для российского капитала, официальная безработица составляла 5 млн 200 тыс. человек. Только 8,4% безработных находят работу в течение месяца после увольнения. Около 20% вынуждены искать работу от полугода до года, а 40% не имеют постоянного источника дохода свыше 1 года. Но особенно бедственное положение сложилось на селе. Из 1,6 млн безработных сельских жителей 800 тыс. человек, или 45,7%, находятся в состоянии застойной безработицы [4, с. 146–147], т.е. годами не могут найти себе работу. Проблема выживания вытесняет из сознания рабочего все остальные проблемы. Она становится стеной, отделяющей пролетария от общества. Современная российская буржуазия излагает свои взгляды откровенно и ясно: не нравится – «не работайте, а работаете, значит, столько вы и стоите». Это одна из причин, почему в рабочем классе до сих пор не сложились ни классовая солидарность, ни осознание своих особых классовых интересов, противоположных воле и желаниям его эксплуататоров.

Проблема еще и в том, что деньги не вкладываются в основной капитал предприятий, используется производственная база, оставшаяся от СССР. Старееющее оборудование, выходящие из строя машины, ужасные санитарно-гигиенические условия работы – вот результаты хозяйствования «частных собственников». Если в 1990 г. в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям, трудились 17,8% промышленных рабочих, то в 1999 г. – уже 21,3%, а в 2005 г. – целых 22,8% [5, с. 92–94]. Проще говоря, почти каждый четвертый промышленный рабочий трудится сейчас во вредных условиях. Причина проста: цель капиталиста не производство, а получение прибыли. Производство – лишь средство для постоянного возрастания капитала. Рабочий человек (главная производительная сила) – лишь инструмент. Сломается один – купим (наймем) другого. В таких условиях забастовки – это, наверное, наиболее доступный и

часто используемый пролетариями метод классовой борьбы. За период с 1991 по 2006 г. пик забастовок пришелся на 1997 г., а минимум – на 2002–2003 гг., когда всего лишь 6 тыс. рабочих в год переходили «от спячки к стачке». Но уже 2004 и 2005 гг. прошли с резким подъемом забастовочного движения, хотя следующий – 2006 г. – принес колоссальный спад (всего 1,2 тыс. бастующих за весь год). Вместе с тем, потеряв в общем количестве, стачки становятся качественно иными [5, с. 104].

Одна из существенных характеристик класса – его способность защищать свои интересы. 90-е гг. убеждают, что забастовка осталась в числе важных средств протеста трудящихся против эксплуатации. За десять лет они прошли на 61653 предприятиях и организациях, общее количество их участников составило 4 млн 444 тыс. Разгром многих промышленных предприятий дезорганизовал и деморализовал трудящиеся массы. Рабочее движение, отсутствовавшее в СССР и заново родившееся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в условиях экономической разрухи и общественной анархии тех лет, во-первых, не смогло помешать реставрации капитализма, а во-вторых, долго не могло развернуть борьбу против установившегося буржуазного режима [6].

В 1995–1999 гг. забастовки вошли в повседневность, почти ежегодно в них участвовало более чем по 0,5 млн человек, а их пик пришелся на 1997 г. В 2000 г. бастовало, по данным Госкомстата, только 48 предприятий и организаций [7, с. 225]. В 2011 г. за три первых месяца уже зафиксировано 53 протеста [6].

Проблема в том, что результативность данных забастовок низкая, т.к. если брать во внимание социалистическую ориентацию рабочего движения, то необходимо в то же время трезво оценивать уровни его зрелости и организации. Наиболее значимые из них следующие:

а) точечное протестное движение, когда выступления носят локальный изолированный характер;

б) протестное движение регионального или отраслевого уровня;

в) акции протеста с локальным центром и широкой сетью солидарных выступлений, выходящих за отраслевые границы;

г) всероссийская стачка с едиными требованиями, носящими общенациональный характер, но не касающаяся ниспровержения капиталистической реставрации;

д) всероссийская политическая стачка с лозунгами смены власти и характера производственных отношений.

Дело в том, что государственные органы, издавая нормативный юридический акт, опираются на правосознание населения, инициативу трудящихся, их общественных организаций, учитывают ту возможную субъективную реакцию, которую вызывают издание и применение акта на практике, в жизни. Данные функции государства либо совсем не выполняются, либо выполняются в мизерных размерах, может быть еще и потому, что не обозначены рабочими в своих требованиях.

Таким образом, современный политический нигилизм рабочего порождается дисфункциями государства, обесцениванием труда, принуждением к непрекращающемуся труду и выражается следующими скрытыми механизмами:

1. Экономическое принуждение: средств, заработанных за 1 месяц, хватает, чтобы оплатить жилье за 1 месяц, еду за 1 месяц и проезд за 1 месяц. Поскольку денег хватает всегда только на 1 месяц, современный рабочий вынужден работать всю жизнь до смерти. Пенсия также является большой фикцией, т.к. пенсионер отдает всю пенсию за жилье и еду и у него не остается свободных денег.

2. Вторым механизмом является общество потребления: создание искусственного спроса на псевдонужные товары, которые навязываются с помощью ТВ-рекламы, пиара, расположения товаров в определенных местах магазина.

3. Третьим скрытым механизмом является кредитная система, с «помощью» которой современные рабочие все больше и больше втягиваются в кредитную кабалу через механизм «ссудного процента». С каждым днем современный рабочий должен все больше и больше, т.к. для того, чтобы рассчитаться с процентным кредитом, берет новый кредит, не отдав старый, создавая пирамиду долгов. Долг хорошо стимулирует современного рабочего к работе даже за мизерную плату.

4. Дисфункции государства оставляют открытыми следующие вопросы: почему рабочие работают всю жизнь и остаются всегда бедными? почему рабочие не имеют доли прибыли? кому конкретно перечисляются деньги, выплаченные рабочими в виде налогов? и т.п.

5. Пятым механизмом скрытого принуждения рабочих является механизм инфляции. Рост цен при отсутствии роста зарплаты рабочего обеспечивает скрытое незаметное ограбление рабочих. Таким образом, современный рабочий нищает все больше и больше.

6. Шестым скрытым механизмом заставить рабочего бесплатно работать – это лишить его

средств на переезд и покупку недвижимости в другом городе или другой стране. Этот механизм вынуждает современных рабочих работать на одном градообразующем предприятии и «терпеть» кабальные условия, т.к. других условий нет.

7. Седьмым механизмом, заставляющим рабочего бесплатно работать, является со-

крытие информации о реальной стоимости труда, реальной стоимости товара, который он произвел, а также доля зарплаты рабочего, которую забирает рабовладелец через механизм бухгалтерского начисления, пользуясь незнанием рабочих и отсутствием контроля над прибавочной стоимостью, которую рабовладелец забирает себе.

1. Напалкова И.Г. *Рабочий вопрос в России в XIX – начале XX века: традиции социального патернализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Саранск, 2010.

2. Дмитриев Ю.А., Златопольский А.А. *Гражданин и власть.* М., 2011.

3. Савельев Д. *Права человека в России // CIVITAS: вестн. гражданского общества.* 2008. 13 дек. URL: <http://vestnikcivitas.ru/docs/425>

4. *Российский статистический ежегодник.* 2006. М., 2006.

5. *Россия в цифрах: краткий статистический ежегодник.* 2007. М., 2007.

6. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2011/04/28_a_3597485.shtml

7. *Социально-экономическое положение России. 2000 год.* М., 2001.

1. Napalkova I.G. *Worker question in Russia in the XIX – early XX century: traditions of social paternalism: auth. abstr. ... Master of History.* Saransk, 2010.

2. Dmitriev Yu.A., Zlatopolsky A.A. *Citizen and authority.* Moscow, 2011.

3. Savelyev D. *Human rights in Russia // CIVITAS: bull. of the civil society.* 2008. Dec. 13. URL: <http://vestnikcivitas.ru/docs/425>

4. *Russian statistical yearbook.* 2006. Moscow, 2006.

5. *Russia in figures: concise statistical yearbook.* 2007. Moscow, 2007.

6. URL: http://www.gazeta.ru/comments/-2011/04/28_a_3597485.shtml

7. *Socio-economic situation in Russia.* 2000. Moscow, 2001.

Родимушкина Ольга Владимировна

кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
ВНИИ МВД России
(e-mail: o-ovr@yandex.ru)

Черникова Ирина Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
ВНИИ МВД России
(e-mail: olniz@yandex.ru)

Яковлев Олег Владимирович

кандидат социологических наук,
заместитель начальника НИЦ
ВНИИ МВД России
(e-mail: dos-bee@yandex.ru)

Социальная напряженность и протестная активность в России

В статье на основе данных опросов общественного мнения анализируется протестный потенциал в регионах Российской Федерации, определяются источники повышения социальной напряженности, выделяются регионы с неустойчивой социально-экономической ситуацией.

Ключевые слова: социальный конфликт, протесты, социальная напряженность, недовольство населения.

O.V. Rodimushkina, Master of Law, Leading Researcher of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: o-ovr@yandex.ru;

I.A. Chernikova, Master of Law, Assistant Professor, Leading Researcher of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: olniz@yandex.ru;

O.V. Yakovlev, Master of Sociology, Deputy Head of the Research Center of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: dos-bee@yandex.ru

Social tensions and protest potential in the Russian Federation

In the article on the basis of public opinion polls the protest potential in the Russian Federation regions is analyzed, the sources of increasing social tensions are defined and regions with unstable socio-economic situation are highlighted.

Key words: social conflict, protests, social tension, discontent of the population.

Социально-экономическая и валютно-финансовая ситуация в Российской Федерации второй половины 2014 г. характеризуется ведущими российскими экспертами как кризисная. Падение стоимости нефти, сопровождаемое девальвацией рубля и инфляцией, спад производства, отток капиталов, снижение инвестиционной активности и реальных доходов населения и другие негативные явления на фоне целого спектра введенных против Российского государства политических и экономических санкций оказывают непосредственное влияние на самочувствие россиян и рост напряжения в обществе.

Среди опасных последствий кризисного состояния следует особо выделить опасность социального взрыва. Сегодня очевидно, что протестная активность в ее нынешних проявлениях – митинги, демонстрации, шествия, а также активизация деятельности различных экстремистских и националистических организаций, эскалация агрессии в межличностных, межнациональных отношениях – является следствием накопившейся в обществе социальной напряженности и социальной тревожности.

В 2015 г. большинство экспертов прогнозируют существенное сокращение доходов населения российских граждан, затрат на образование

и здравоохранение, повышение тарифов ЖКХ и платы за жилищно-коммунальные услуги, рост безработицы и т.п. Именно все эти факторы могут привести к резкому падению реальных доходов и уровня жизни значительной части населения и, как следствие, росту социальной базы протестных акций, несмотря на то, что в период 2013–2014 г., по данным социологических замеров Института социологии ИСПИ РАН, ВЦИОМ [1], ФОМ [2], РОМИР [3], Левада-центра [4] и др., граждане Российской Федерации демонстрировали достаточно низкий уровень протестной активности, что в перспективе может осложнить социально-политическую и криминогенную ситуацию в стране.

В этих условиях для органов внутренних дел особенно важным становится использование в своей деятельности качественной и достоверной информации о негативно развивающихся социальных процессах, их деструктивном потенциале с целью выработки мер по своевременному предупреждению криминогенных последствий развития социальных конфликтов. Недостаток такой информации снижает возможность эффективно воздействовать на конфликтную ситуацию, не позволяя предотвратить ее криминогенные последствия.

Высокая вероятность нарастания социальной напряженности требует диагностики и прогнозирования возникновения острых социальных проблем в каждом конкретном регионе Российской Федерации на основе всестороннего изучения причин возникновения региональных конфликтов.

Замеры уровня социальной напряженности и протестной активности граждан во всех субъектах Российской Федерации, осуществляемые с 2013 г. в рамках научно-исследовательского проекта мониторинга общественного мнения в интересах МВД России, указывают на усиление недовольства и социального напряжения в течение последнего года. Основной акцент в исследованиях делается на замерах уровня недовольства граждан экономическим, политическим, социальным положением, оценкой региональной ситуации и деятельностью региональных властей; выявлении конфликтогенных факторов, дестабилизирующих социальную обстановку в регионах; оценках уровня готовности населения регионов к конфронтационным формам поведения в конфликтных ситуациях. Полученные результаты позволяют рассчитывать индексы социальной напряженности, протестной активности и протестного потенциала по каждому субъекту Российской Федерации, на основе которых составляются рейтинги регионов Российской Федерации по уровню

социальной напряженности и протестному потенциалу. По итогам 2014 г. рост напряженности отмечен в 45 регионах Российской Федерации. Наиболее высокие темпы роста зафиксированы в субъектах Северо-Кавказского федерального округа, среди которых Республика Северная Осетия – Алания (+82,8%), Республика Дагестан (+57,5%), Республика Ингушетия (+41,8), Карачаево-Черкесская республика (+38,0). По результатам исследований, причины роста в этих регионах обусловлены, прежде всего, резким усилением недовольства граждан ситуацией в регионе и недовольством деятельностью региональных властей.

Сравнительный анализ социологических данных позволил выделить группу регионов (всего 25), в которых на протяжении 2013–2014 г. фиксируется высокий уровень социальной напряженности. Среди них: Республика Карелия, Забайкальский край, Архангельская область, Еврейская автономная область, Брянская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Республика Дагестан, Новгородская область и т.п.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают регионы, которые из благополучных попали в неблагополучные. Среди них: Республика Северная Осетия – Алания (индекс социальной напряженности в 2014 г. составил 2,04 балла, в 2013 г. – 1,12 балла), Ханты-Мансийский автономный округ (соответственно, в 2014 г. – 1,44 балла, в 2013 г. – 1,08 балла), Республика Саха (Якутия) (соответственно, в 2014 г. – 1,44 балла, в 2013 г. – 1,12 балла) и Республика Дагестан (соответственно, в 2014 г. – 1,40 балла, в 2013 г. – 0,89 балла).

Примечательно, что эти регионы занимают одновременно и низкие позиции в рейтинге социального самочувствия регионов, составленном Фондом развития гражданского общества (далее – ФОРГО). Эксперты Фонда считают, что хуже всего с социальным самочувствием населения обстоят дела в Республике Карелия, Тверской, Ярославской, Архангельской и Рязанской областях. Лучше всего в Татарстане, Ямало-Ненецком автономном округе, Белгородской, Тюменской областях и Чечне. Причем, по словам главы «Политической экспертной группы» К. Калачева, практически все губернаторы регионов с рейтингом «ниже среднего» имеют такой же низкий личный рейтинг [5].

Как показывают исследования, возникновение социальной напряженности, ее трансформация в кризисную ситуацию и конфликт определяются взаимодействием и взаимовлиянием общих для всей территории Российской Федерации факторов. Такие факторы, как бедность, проблемы

ЖКХ, безработица, наркомания и алкоголизм и т.п., являются характерными для всех без исключения субъектов Российской Федерации и, если можно так сказать, факторами постоянного действия, которые преимущественно остаются нерешенными на протяжении достаточно длительного времени. Как правило, уровень социальной напряженности в регионе определяется его социально-экономическим положением. Так, например, по данным ФоРГО, лучше всего себя чувствуют жители Ямало-Ненецкого автономного округа. Падение мировых цен на газ пока не отразилось на экономике округа и никак не повлияло на жителей региона: ЯНАО, по данным мониторинга за 2014 г., занимает 80 место в рейтинге регионов по индексу социальной напряженности и входит в группу самых благополучных регионов.

И благополучные с точки зрения социального и экономического развития Тюменская область, Белгородская и Кемеровская области, «державшие» «массированный удар» по экономике из-за сокращения экспорта руды, падения цен на уголь и снижения иностранных инвестиций, входят пока еще в группу регионов, где уровень социальной напряженности фиксируется на уровне средних, фоновых значений.

Но данная схема не всегда очевидна. Так, экономисты относят Республику Алтай и Республику Тыва к самым неблагополучным регионам. Однако эти регионы (по субъективному ощущению граждан) вошли в группу с «очень высоким» рейтингом социального самочувствия. По результатам мониторинга, Республика Алтай относится к регионам с высоким индексом социальной напряженности, а Республика Тыва – к группе регионов с низким индексом, что, по-видимому, объясняется различным восприятием достатка в разных регионах.

Как показали исследования, источником усиления, который может привести к возникновению социальных конфликтов, вплоть до массовых выступлений, могут стать низкий уровень доверия населения власти, политическим, государственным и экономическим институтам, обострение межнациональных проблем, нелегальная миграция и т.п. При сопоставительном анализе данных социологических исследований 2013 и 2014 гг. установлено, что престиж власти, измеряемый с помощью специальных индикаторов «недовольство региональными властями» и «недовольство региональной ситуацией», как на федеральном, так и на региональном уровне является значимым и в значительной степени независимым фактором, способным как резко активизировать, так и существенно ослаблять социальную напряженность, и как следствие –

«определить» место региона в группах с очень высоким и высоким уровнем социальной напряженности. Низкий рейтинг губернатора – это интегральный показатель неблагополучия региона.

Именно негативным отношением к назначению и деятельности губернатора Ханты-Мансийского автономного округа объясняется и место ХМАО в 2014 г. в группе регионов с очень высоким уровнем индекса социальной напряженности, несмотря на социальное и экономическое благополучие нефтегазового региона.

По данным исследования, индекс социальной напряженности в ХМАО в 2014 г. составил 1,44 балла (в 2013 г. – 1,08 балла), индекс недовольства региональной ситуацией – 1,81 балла (один из самых высоких среди всех регионов Российской Федерации). По мнению аналитиков, за время нахождения главы ХМАО на своем посту регион из донора стал дотационным, по многим показателям автономный округ спустился на низшие ступени [6]. Недовольство у населения вызывает и тот факт, что региональные и местные власти округа недостаточно эффективно осуществляют деятельность по противодействию коррупции; до сих пор не выработали и не предоставили решения, способные урегулировать кризис межнациональных отношений в ХМАО-Югре, который, поступательно развивается из года в год. Несмотря на рост притока мигрантов, в регионе до сих пор не решен вопрос о региональном регулировании миграции.

Индекс социальной напряженности в Республике Марий Эл по итогам 2014 г. составляет 1,33 балла (в 2013 г. данный показатель составлял 1,16 баллов). Крайне негативный индекс, по данным исследования, вызван целым рядом причин, в том числе: низким уровнем социально-экономического развития региона, недоверием населения к власти, ростом протестных настроений. По данным исследования 2014 г., 62% населения недовольны положением дел в регионе, 59% отметили, что ситуация не меняется. Еще 46% готовы принимать участие в митингах и демонстрациях. По мнению специалистов, все свои беды жители этого региона связывают с деятельностью главы Республики Марий Эл. Как показывает социологическое исследование, проведенное в мае – июне 2014 г. экспертами Казанского университета, об отношении населения региона к политике действующего главы, наиболее активная и работоспособная часть населения Республики Марий Эл не поддерживает социально-экономический и политический курс нынешнего главы региона, т.к. с его именем население связывает дефицит бюджета региона, сокращение кадровой базы, крайне низкий уровень жизни большинства, низкие зарплаты

и т.п.). При ответах на вопрос «Поддерживаете ли Вы деятельность действующего главы республики Марий Эл Л. Маркелова?» ответы респондентов разделились следующим образом: в группе 18–20 лет – 42% не поддерживают, а 18% безразлична деятельность главы республики; в группе респондентов 21–24 года – 45% не поддерживают и 17% безразлична его деятельность; в возрастной группе респондентов 25–30 лет – соответственно 42% и 27%; в возрастной группе 31–40 лет – 36,9% не поддерживают и 21,4% безразлична деятельность Л. Маркелова. Здесь особо отметим, что такое стойкое негативное отношение к деятельности главы региона среди жителей республики наблюдается вот уже несколько лет. Поэтому неудивительно, что субъект на протяжении длительного времени входит в десятку регионов с очень высоким уровнем социальной напряженности.

Именно изменениями в корпусе губернаторов и региональных министров в Волгоградской области, Удмуртской Республике, Курганской, Астраханской, Ивановской и ряде других областей объясняется снижение напряжения в этих регионах и значительное улучшение социально-политического климата. И наоборот, деятельность глав Липецкой, Кировской, Тульской областей, Республики Карелия, Пермского края, Брянской, Ярославской и Тверской областей негативно повлияла на уровень социального самочувствия.

Таким образом, недовольство деятельностью региональных властей, в частности глав регионов, в сочетании с низким уровнем жизни большей части населения является потенциальным источником (причиной) социально-экономической нестабильности и в конечном счете становится фактором, провоцирующим рост социальной напряженности.

Следует обозначить еще одну тенденцию, когда общие социально-экономические проблемы проецируются в сферу межэтнических и конфессиональных отношений. Эта сфера с определенным допуском сегодня может характеризоваться как относительно стабильная, но имеющая большой конфликтный потенциал. Он проявляется в периодических локальных конфликтах, национализме и ксенофобии. Неоднократные случаи массовых насильственных действий зафиксированы в Республике Дагестан, г. Москве, Санкт-Петербурге, Ставропольском крае и Республике Татарстан, а неоднократные организованные массовые ненасильственные конфликтные действия, случаи этнические мотивированного насилия, политическая активность с эксплуатацией этнической тематики – в Астраханской области, Краснодарском крае, Московской, Нижегородской, Ростовской, Самарской,

Саратовской, Челябинской областях, ХМАО и других регионах [7].

В числе основных факторов межэтнической напряженности эксперты называют неконтролируемую миграцию. По данным социологического исследования 2014 г., в настоящее время практически каждого четвертого россиянина (26%) сильно беспокоит неконтролируемая миграция, а также поведение мигрантов. В Новосибирской, Тюменской, Тверской, Рязанской, Калининградской, Челябинской областях, Республике Саха (Якутия) и ХМАО такое беспокойство уже испытывает практически половина населения этих регионов. Однако увеличение численности той или иной некоренной этнической группы необязательно является фактором напряженности, но напряжения и конфликты в отношениях между коренным населением и мигрантами из стран СНГ и республик Северного Кавказа обусловлены, как правило, их слабой интеграцией в местное сообщество и их нежеланием считаться с региональными социокультурными традициями, менталитетом статусной (коренной, основной) национальности. Зачастую это сопровождается усилением конкуренции в сфере собственности и бизнеса, вытеснением местного населения из ряда сфер бизнеса, торговли, сервиса, сельского хозяйства, ростом преступности и безработицы и т.п. Все это создает предпосылки для развития и углубления межэтнических конфликтов, угрожающих не только региону, но и стране в целом.

В группу риска входят, прежде всего, южные регионы (Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский край и др.), а также регионы и отдельные города с высоким уровнем жизни, независимо от географического положения (г. Москва, Санкт-Петербург, Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа и т.д.), привлекательные для «образовательной» миграции регионы (Томская и Новосибирская области, Приморский край), «транзитные регионы» (Ставропольский край), через которые миграционный поток направляется в Центральную Россию.

Несмотря на то, что большинство регионов из этого списка относятся к «умеренным» в плане социальной напряженности, фиксируемый ежегодный рост опасений населения по поводу межэтнических, межнациональных конфликтов и нерегулируемой миграции свидетельствует о высоком потенциале напряженности в межнациональных отношениях, имеющем преимущественно латентный характер.

Социальную напряженность нередко отождествляют с протестным потенциалом – с установками граждан на участие в акциях протеста. Однако полностью полагаться на

мнение респондентов об их готовности либо неготовности участвовать в каких-либо акциях нельзя, т.к. это определяется ситуацией, ходом событий. Кроме того, социальная напряженность может находить и совершенно иные выходы, не связанные с акциями протеста, например в электоральной сфере.

Сегодня потенциал протестной активности в России находится на минимальном уровне. По мнению генерального директора ВЦИОМ В. Федорова, сегодня россияне демонстрируют наименьший за последние пять лет общественный протестный потенциал. Согласно опросу 74% россиян считают невозможными какие-либо акции протеста в ближайшее время. При этом среди людей, которые не ожидают нового всплеска протестной активности, почти четверть (23%) в качестве обоснования указывают на бесполезность митингов. Гораздо меньше (12%) думают, что для митингов просто нет повода, 10% склоняются к мысли, что сказывается стабильная обстановка в стране [8].

Социологи «Левада-центра» также отмечают, что протестный потенциал россиян за последние годы значительно снизился [9]. По результатам опросов, лишь 9% опрошенных россиян готовы принимать личное участие в массовых выступлениях с политическими требованиями. Это наименьший показатель за последние 13 лет. Абсолютное большинство респондентов – 76% – полагают, что подобные события в России маловероятны, 75–80% российских граждан на протяжении последних трех лет демонстрируют равнодушное отношение к таким мероприятиям.

Приведенные данные сопоставимы с результатами, полученными в ходе вневедомственного изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел в 2014 г., согласно которым только 16% россиян считают, что в ближайшее время там, где они живут, могут пройти различные акции – митинги, демонстрации, шествия и т.п., и только 14% готовы принять в них участие.

Однако необходимо отметить, что существует целая группа регионов, где зафиксированы высокие показатели ориентации на протестные действия либо ожидания таких действий. Это в основном регионы с очень высоким уровнем социальной напряженности: Республика Северная Осетия – Алания, Республика Карелия, Забайкальский край, Архангельская область, Ев-

рейская автономная область, Брянская область, ХМАО, Республика Саха (Якутия), Республика Дагестан, Новгородская, Липецкая области, Чукотский автономный округ, Республика Марий Эл, Вологодская и Сахалинская области. Сюда следует также отнести Алтайский край и Республику Алтай, а также Калининградскую, Амурскую области и Республику Бурятия.

Как показал анализ полученных данных, наибольший протестный потенциал сосредоточен не в малонаселенных депрессивных регионах, а в крупных промышленных и областных центрах. Пожалуй, наиболее сложная обстановка на сегодня в Забайкальском крае. Там высокий уровень безработицы (9,7% в среднем за август – октябрь) на фоне низкого уровня доходов населения (примерно на 20% ниже среднероссийских) сопровождается ростом цен, который выше, чем в среднем по стране, дорогим бензином и высокой степенью закредитованности населения. Сходные условия имеют еще несколько сибирских регионов – Алтайский край, Республики Алтай и Бурятия.

Как показывает исследование, особое внимание следует уделить регионам, в которых протестные настроения вызваны одновременно недовольством деятельностью региональных властей и ситуацией в регионе. Среди них Республика Северная Осетия – Алания, Забайкальский край и Архангельская область.

Вместе с тем, есть группа регионов, где индекс потенциала протеста достигает высоких значений, тогда как уровень социальной напряженности в целом и его частных индексов (недовольство региональной ситуацией, недовольство деятельностью региональных властей) фиксируется на уровне средних показателей. Это Иркутская, Псковская, Орловская и Белгородская области, Республики Коми и Бурятия. Безусловно, индекс социальной напряженности (как и любой индекс) не может объяснить, в чем истоки столь высокого уровня протестного потенциала в подобных регионах, но можно предположить, что в этих регионах явно наличествуют предпосылки роста социальной напряженности, которые в принципе могут быть актуализированы, но в большинстве из них эти предпосылки на данный момент «компенсированы» – жители не настроены выражать свое недовольство в каких-либо коллективных действиях.

1. URL: <http://wciom.ru/>

2. URL: <http://fom.ru/>

3. URL: <http://romir.ru/>

4. URL: <http://www.levada.ru>

5. URL: <http://civilfund.ru/>

6. URL: <http://club-rf.ru/86/detail/408>; <http://www.gosrf.ru/experts/123/>

7. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html>

8. URL: <http://vz.ru/news/2014/1/24/669496.html/>

9. URL: <http://www.ridus.ru/news/16362>

Рябченко Елена Владимировнакандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

Идеология экстремизма как средство социального управления

Статья описывает основные положения теории формирования экстремизма и экстремистской идеологии в ее современной интерпретации, а также исторические основы возникновения религиозного экстремизма на Северном Кавказе. Автор предлагает к рассмотрению основные принципы профилактики экстремистской религиозной идеологии в современной социокультурной ситуации.

Ключевые слова: экстремизм, этнорелигиозный экстремизм, религия, идеология, Северный Кавказ.

E.V. Ryabchenko, Master of Law, Assistant Professor, Senior Lecturer of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

Ideology of extremism as mean of social management

The article describes basic provisions of the theory of formation of extremism and extremist ideology in its modern interpretation, and also historical bases of emergence of religious extremism in the North Caucasus. The author offers to consideration the basic principles of prevention of extremist religious ideology in a modern sociocultural situation.

Key words: extremism, ethnoreligious extremism, religion, ideology, North Caucasus.

В противодействии современному экстремизму как идеологии и экстремистской деятельности как практической реализации этой идеологии важная роль принадлежит дискредитации попыток националистических и радикальных конфессиональных организаций распространять, пропагандировать идеологию экстремистского толка как духовную основу терроризма – одного из самых опасных и кровавых явлений современности. В XXI в. эти угрозы представляют собой реальный вызов человеческой цивилизации и с помощью современных средств массовой коммуникации и информирования приобретают все более разнообразные формы. Так, на расширенном заседании Совета безопасности Российской Федерации, состоявшемся в ноябре 2014 г., Президент России В.В. Путин отметил, что «...именно в молодежной среде лидеры экстремистских организаций пытаются вербовать своих последователей, вести свою пропаганду прежде всего через мировую сеть Интернет. Идеология экстремизма набирает силу в виртуальном пространстве, причем набирает, буквально выстреливая в реальную жизнь».

При рассмотрении проекта Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. на том же заседании Совбеза РФ отмечалось, что «...никому не надо доказывать,

насколько опасна сама природа экстремизма, насколько разрушительна его идеология, идеология нетерпимости, разжигания ненависти, вражды. Во всех своих проявлениях экстремизм имеет агрессивный, подстрекательский, а нередко насильственный характер, связанный с террором. Он посягает на права и свободу граждан, а подчас прямо на их жизнь, несет угрозу национальной безопасности, способен кардинально разбалансировать политическую, экономическую и социальную системы. Наиболее опасен и для общества, и для государства такой вид экстремизма, как национализм, религиозная нетерпимость, политический экстремизм. Каждое преступление такой направленности... может спровоцировать массовые нарушения общественного порядка» [1].

Один из аспектов противодействия терроризму связан с проблематикой, относящейся к деструктивному влиянию экстремистской идеологии радикально-конфессиональной и националистической направленности, которая в современной ситуации представляет реальную угрозу Российскому государству, целостности страны и развитию нормальных общественных отношений.

В течение ряда лет за рубежом и в Российской Федерации проведено множество научных исследований, которые свидетельствуют о том,

что идеология экстремистского толка, ее распространение националистическими и экстремистскими организациями в различных слоях населения в причинном комплексе терроризма играют все более заметную роль, поскольку она содержит и решительное квазиосуждение, и псевдоразоблачение действительных или мнимых причин социальных потрясений, и одновременно предлагает жесткие (как правило, неправомерные) пути восстановления справедливости.

В этой связи в борьбе с терроризмом важное значение приобретает работа по дискредитации экстремистской идеологии как духовной основы терроризма – одного из кровавых средств достижения политических, экономических, идеологических и иных целей.

Человеконенавистническая сущность идеологии экстремизма, распространяемая радикально-конфессиональными и националистическими организациями, заключается в изначальном названии этого кровавого явления, произошедшего от латинского слова «terror», что в переводе означает страх, ужас. Главная цель любого террористического акта – это запугивание людей их массовой гибелью, создание атмосферы страха, наведение ужаса. В этом смысле террор опасен даже не тем, что несет смерть людям, а тем, что поселяет страх в души людей, превращает человека в животное и позволяет как угодно манипулировать его действиями.

Кровавая сущность идеологии экстремизма – это обесцененная человеческая жизнь и страдания людей, это кровавый путь заказчиков и исполнителей теракта по головам людей к намеченной цели, это всегда вызов обществу, т.к. путем давления на общество через крайние меры создания постоянного страха экстремисты идут к достижению своих целей и устремлений.

Наиболее опасна идеология духовного экстремизма, поскольку формируется она в области индивидуального опыта, где ощущения и оценки предельно субъективированы и, следовательно, усложняется процесс выдвижения разумных или положительных альтернатив. Духовный экстремизм создает идейные предпосылки для террористической деятельности одиночек, которая рассматривается как следствие психической ненормальности, хотя действия многих террористов-одиночек носят вполне осмысленный характер и они несут в полном объеме уголовную ответственность за свои кровавые дела.

Кровавой сущностью характеризуется и идеология, распространяемая националистическими организациями, в частности националистами-сепаратистами Северного Кавказа. В основе их идеологии лежат идеи радикального

ислама – ваххабизма, а также религиозный этно-национализм, спекулирующий на своеобразии северокавказского региона и особенностях его исторического развития (Кавказские войны XIX столетия, принудительное переселение части населения в период Великой Отечественной войны и т.д.). Особая опасность ваххабизма заключается в том, что он проповедует строгое деление всех людей на правоверных мусульман и кафи́ров – «неверных» (якобы не являющихся полноценными людьми) и обязывает всех мусульман вести против них священную войну – джихад.

Однако любая идеология и широкое сочувствие, поддержка ее в обществе представляют лишь моральную основу идеологической деятельности, необходимую для поддержания личного энтузиазма ее членов. И только материальная поддержка обеспечивает достаточный размах и эффективность действий сколь угодно значительной идеологической организации. Так, например, рост и международное распространение экстремистских ваххабитских организаций не в последнюю очередь обусловлены финансовыми вливаниями, исходящими из Саудовской Аравии и Кувейта. «Для поддержания экстремизма в форме ваххабизма и его деятельности в мировом масштабе эти страны расходуют миллиардные суммы» [2].

Естественно, что успешность формирования и развития экстремистских организаций определяется не только внутренней привлекательностью и стройностью лежащих в их основе идеологий, но и обстоятельствами самой жизни, которые могут либо усиливать, либо, наоборот, ослаблять влияние этих идеологий и, следовательно, способствовать или препятствовать формированию и развитию экстремистских организаций в конкретных условиях данной страны или общества.

Говоря об экстремизме на Северном Кавказе, нужно учитывать тот факт, что Северный Кавказ и его народы постоянно испытывали на себе влияние мировых религий, империй и культур, глобальных процессов. В этнологии выделяют северокавказскую культурную область как сложную, но системную этнорелигиозную и этнокультурную целостность.

Кавказская горская цивилизация типологически отличается от российской по многим признакам, вследствие чего форсированное поглощение одной цивилизационной системы другой приобрело конфронтационный характер своего рода столкновения локальных цивилизаций в контексте глобального процесса модернизации, начавшегося в России с рубежа XVII–XVIII вв. [3].

Отсутствие правильного понимания целей и внутренней системы религии приводит к недостаткам религиозного воспитания и ущербной нравственности, способствует проявлению негативных качеств характера: раздражительности, агрессивности, злословию, высокомерию, подозрительности, ненависти. Слепая убежденность в своей правоте в союзе с гордыней и тщеславием создает опасную смесь и приводит к бездумному буквализму и начетничеству. Подобное невежество проявляется различными путями и наиболее распространенный из них – безотчетное следование буквальному смыслу текста и пренебрежение глубинной сущностью и стратегическим назначением религии. Современные фундаменталисты отказываются применять рациональный метод как в понимании сути ритуальных положений религии, так и в вопросах организации жизнедеятельности общества и цивилизации. Примером рационализации основ исламской религии может служить следующее рассуждение: ритуальное поклонение в исламе (вера, молитва, благотворительность, пост, паломничество) несет в себе глубокий теоретический и практический смысл. Основной целью пяти перечисленных столпов-ритуалов ислама является воспитание в человеке чувства богоприсутствия и построение на его основе твердого морально-нравственно-идеологического стержня гражданской ответственности [3]. Радикальное фундаменталистское религиозное сознание отвергает саму возможность подобной рациональной расшифровки принципов ислама и приводит к интеллектуальному застою и пассивному традиционализму в среде молодежи. Это, в свою очередь, создает благоприятные условия для идеологических манипуляций со стороны внешних сил (сепаратистских политических течений, радикальных террористических группировок, спецслужб иностранных государств).

За последнее время происходит значительное снижение среднего возраста участников бандформирований на Северном Кавказе, ускоряется процесс привлечения молодежи в их ряды. Происходит это, по заключению экспертов, по причине целенаправленной обработки молодежи националистическими и экстремистскими организациями тлетворными идеями религиозного экстремизма. По сути дела, России навязывается борьба за умы и души новых поколений, вступающих в активную жизнь. И если эти идеи в полной мере овладеют умами молодых людей, то мир на Северном Кавказе, в частности, будет окончательно взорван.

Поэтому сейчас духовное воспитание молодежи, повышение ее общеобразовательного и культурного уровня заслуживает особого вни-

мания. Одним из стратегических направлений противодействия экстремистской идеологии в этом плане является, безусловно, реализация политики государства, основные направления которой изложены в статье Владимира Путина «Россия: национальный вопрос» [4].

Рассматривая проявления религиозного экстремизма, необходимо отметить, что главным признаком этнорелигиозного экстремизма являются фанатичные нетерпимость и жесткость. Они заставляют человека слепо следовать исключительно своим собственным мнением и предрассудкам и не позволяют экстремисту принимать во внимание интересы окружающих людей, объективные обстоятельства и стратегические цели религии. Подобное отношение препятствует установлению конструктивного диалога и объективному сравнению точек зрения по спорным моментам.

Отсутствие целостного и глубинного понимания сути и целей религии в совокупности с недостатками нравственности (отсутствие самоконтроля, высокомерие, агрессивность) приводит экстремиста к отказу от умеренного и беспристрастного подхода в решении возникающих проблем, установленного в Коране в качестве обязательного [3].

Последствия такого радикального подхода были бы менее губительными, если бы экстремисты признавали за своими оппонентами право иметь собственное мнение. Однако этого не происходит, и людей, придерживающихся умеренной, сбалансированной точки зрения, экстремисты обвиняют во всех грехах, запретном нововведении и даже в открытом неверии.

Фанатизм является непреодолимым препятствием к взаимопониманию, ибо договоренности можно достичь, только если обе стороны занимают сдержанные позиции. Вместо этого экстремист, наталкиваясь на несогласие, начинает обвинять собеседника в неточности, отступлении от основ веры, греховности и неверии. Такой интеллектуальный шантаж является предшественником прямых действий экстремистской направленности.

Еще одним признаком экстремизма является показная и постоянная чрезмерность в религиозном поведении, а также агрессивные намерения заставить других поступать так же. Экстремизм приводит к намеренной чрезмерности в совершении религиозных ритуалов и поведении, как в обязательных, так и в дополнительных и добровольных аспектах поклонения. Подобное отношение к выполнению религиозных предписаний и в особенности принуждение к нему других людей абсолютно неприемлемы и создают в обществе недопустимый уровень социальной напряженности (между представителями

различных религий, внутри конфессий, между молодым и старым поколением, родителями и детьми) [5].

Религиозность должна стабилизировать духовную жизнь личности и общества на всех уровнях и вносить позитивный элемент в отношения между людьми. Качества грубости, жесткости, категоричности, присущие религиозным экстремистам, ведут к противоположному результату. Очень часто этим качествам сопутствуют патологическая подозрительность и недоверие. Экстремист склонен немедленно обвинять людей в ошибках и преступлениях, несмотря на общепринятый принцип «невиновен, пока вина не доказана». Свое мнение фанатик строит на подозрениях, а не фактах и сразу осуждает человека, вместо того чтобы попытаться найти объяснение. Такой подход туманит способность объективно оценивать факты: малейшая ошибка превращается в страшный грех, а грех – в неверие [6].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что переходный период, отягощенный тяжелым экономическим кризисом, создал в российском

обществе условия социального противостояния, сформировал для отдельных слоев населения особое состояние сознания, для которого характерна неадекватная оценка реальной действительности, широкое распространение получили настроения неуверенности, неоправдавшихся ожиданий, социального страха, озлобленности и агрессивности. Проблемы экономического спада 1990-х гг., в частности, вызвали раскол общества на группы с различным экономическим положением (бедные и богатые), углубление национальных, религиозных и иных конфликтов, разрушение сложившейся в советское время системы социальных гарантий жизни населения. Все это привело к формированию очагов социальной напряженности и противоборства, способных легко перейти в стадию открытого конфликта с обществом. Таким образом, результатом работы по дискредитации попыток экстремистских и националистических организаций в распространении деструктивной идеологии должно стать сформированное мировоззрение по устойчивому неприятию обществом идеологии экстремизма.

1. Речь Президента Российской Федерации на расширенном заседании Совета безопасности 20 нояб. 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/>

2. Наматов Н. Религиозный экстремизм в Центральной Азии. URL: <http://www.ca-c.org/datarus/namatov.shtml>

3. Мусин А. Религиозный экстремизм: причины, последствия, исцеление. URL: <http://www.zonakz.net/>

4. Новик А. Экстремистская идеология – духовная основа терроризма. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=17441>

5. Устинов В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Рос. юстиция. 2002. № 5.

6. Понкин И.В. Экстремизм: правовая суть явления. URL: http://www.oodvrs.ru/article/index.php?id_site=2&id_page=63

1. The speech of the President of the Russian Federation on enlarged meeting of Security council on Nov. 20, 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/>

2. Namatov N. Religious extremism in Central Asia. URL: <http://www.ca-c.org/datarus/namatov.shtml>

3. Musin A. Religious extremism: reasons, consequences, healing. URL: <http://www.zonakz.net/>

4. Novick A. Extremists ideology – a spiritual basis of terrorism. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=17441>

5. Ustinov V. Extremism and terrorism. Differentiation and classification problems // Russian justice. 2002. № 5.

6. Ponkin I.V. Extremism: legal essence of the phenomenon. URL: http://www.oodvrs.ru/article/index.php?id_site=2&id_page=63

Мозговой Владимир Эдуардович
 адъюнкт кафедры философии и социологии
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: tspopz@yandex.ru)

Информационный экстремизм в условиях глобализации и информатизации социума

Информационный экстремизм целесообразно рассматривать как элемент социокоммуникативной и социокультурной жизни общества. В этой связи представляют интерес особенности влияния на характер и направленность информационного экстремизма происходящих масштабных процессов глобализации и информатизации общества начала XXI в.

Ключевые слова: информация, экстремизм, информационный экстремизм, глобализация, информатизация, Интернет.

V.E. Mozgovoy, Adjunct of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: tspopz@yandex.ru

Information extremism in the conditions of globalization and informatization of society

It is expedient to consider information extremism as an element of social-communicative and sociocultural life of society. In this regard is interest how the happening large-scale processes of globalization and informatization of society of the beginning of the XXI century influence on character and an orientation of information extremism.

Key words: information, extremism, information extremism, globalization, informatization, Internet.

Общество начала XXI в. немыслимо без современных сверхскоростных систем передачи сообщений, информатизации. Глобальная компьютерная сеть Интернет снимает пространственно-временные границы общества, позволяя индивидам, группам, общностям осуществлять обмен информацией вне зависимости от времени суток, региона проживания адресанта и адресата, используемой лингвистической кодировки (того или иного языка). Люди получили возможность для развития своего интеллекта, самообразования, ведения бизнеса. Однако позитивная, на первый взгляд, трансформация общества несет в себе и ряд отрицательных аспектов. Оказалось, что научно-технический прогресс, глобализация и компьютеризация социума могут быть использованы антисоциальными силами ему во вред [1]. При этом научное сообщество оказалось во многом неготовым к подобного рода угрозам и вызовам. В настоящее время крайне слабо развито научное прогнозирование угроз и рисков, связанных с инновационной медиасистемой. Недостаток прогнозных, научно обоснованных оценок детерминирует и существенные проблемы в сфере социального управления, в правоохранительной системе.

В связи с этим необходимо уделить повышенное внимание особенностям глобального информационного общества, его системообра-

зующим элементам, а также определенным коммуникационным структурам и явлениям, в совокупности детерминирующим рост угроз информационного экстремизма, а также информатизации, способствующей возникновению феномена готовности к экстремистской деятельности (экстремпарантности) [2]. Как представляется, проведение мероприятий по профилактике и противодействию информационному экстремизму в принципе невозможно без адекватной оценки «внешнего» контекста бытования информационного экстремизма. Важно, что современный экстремизм приобретает синтетический характер. Так, религиозный экстремизм перестает быть просто проявлением деструкции на религиозной почве, он становится информацией, живущей своей жизнью и распространяемой посредством сетевых технологий [3].

Процессы, происходящие в социуме, имеющие в своей основе компьютеризацию, в принципе предполагают поиск инновационных направлений развития материальной и духовной культуры современного общества. В этой связи социальное прогнозирование, изучение перспектив компьютеризации, технологизации, научно-технического прогресса выступают одной из основных задач, стоящих перед социологами и представителями других наук об обществе.

Необходимо заметить, что современный облик глобального информационного обще-

ства складывался постепенно, на протяжении последних нескольких десятилетий начиная с 1950-х гг. При этом движущими силами прогрессивного развития (этот факт практически не подвергается сомнению подавляющим большинством социологов) стали информационные, коммуникационные, телекоммуникационные, спутниковые технологии. Произошел радикальный пересмотр важности информации, информационных ресурсов и технологий в обществе. В частности, одна из наиболее распространенных фундаментальных теоретико-методологических школ XIX в. – марксизм – рассматривала информацию как надстроечный элемент социума, зависимый от социально-экономического базиса и по сути вторичный по отношению к нему. Однако уже в середине XX в. ведущие теоретико-методологические школы в социологии начинают рассматривать информацию и информационную среду как ключевую, едва ли не основополагающий фактор социума (теории информационного, постиндустриального общества, постмодернизм и др.).

Теории постиндустриального, информационного общества и ряд других схожих концептуальных построений объединяет тот факт, что они уделяют повышенное внимание технико-технологической стороне развития общества, а именно компьютеризации и развитию информационно-компьютерных технологий.

По мнению М.В. Кувшинова, научный интерес к феномену компьютеризации определяется многими обстоятельствами. Именно XX в. заявил о новых типах и видах технологий, о новой информационной революции. Компьютерная революция началась с изобретением микропроцессора и машинных носителей, хранящих информацию. Общепринятыми стали понятия «техногенная» и «информационная цивилизация», «информационное общество» [4].

Как полагают исследователи, массовая компьютеризация сыграла значительную роль в смене мировоззренческих ориентиров социума, придала социальным процессам новые «компьютерные измерения». Внедрение новой информационной технологии превратило информацию в неисчерпаемый ресурс цивилизации и привело к впечатляющему рывку во многих сферах жизни общества, в том числе в научных исследованиях. Компьютеры представляют собой «интеллектуальную» технику, именно в этом различии скрываются те специфические черты, которые принципиально меняют облик научного познания, выдвигают новые гносеологические и методологические проблемы взаимосвязи традиционных методов получения новых знаний и современных с применением информационной технологии [4].

По мнению А.В. Авдулова, «совершенствование компьютерных технологий влияет на образ мышления целых народов, поколений и социальных групп, что естественно требует привлечения огромных человеческих ресурсов – моральных, этических, интеллектуальных. Вкладывая эти ресурсы в создание новых средств производства, человечество попадает в зависимость от “второй природы”, но сегодня человеческая деятельность начинает определяться “третьей природой” в виде так называемой виртуальной реальности. Передача управленческих функций машине делает человека излишним во многих производственных видах деятельности и вместе с тем открывает ему новые возможности для реализации своих творческих способностей» [5].

Исследователи отмечают, что в информационном обществе «резко возрастает удельный вес и роль таких видов деятельности, как образование и самообразование, поскольку становится очевидным, что именно они обеспечивают превращение информации в знания, которые сами, в свою очередь, могут приводить к их расширению и обновлению, имеющему не только индивидуально-теоретические, но и социально-практические последствия» [6, с. 107–108].

По мнению Е.О. Кубякина, в конце XX – начале XXI в. значительная часть населения планеты оказалась включенной в контекст новой социокоммуникативной реальности, характеризующейся бурным ростом коммуникативных техник и технологий, увеличивающимся значением информации в социуме. Прогресс коммуникативных технологий привел к возникновению такой ситуации в мире, которая характеризуется трансформацией медиа, нивелированием национальных границ посредством СМК. Если прежде масштаб деятельности большинства СМК определялся размерами страны, то сейчас люди по-настоящему овладели временем и пространством в пределах всего мира. В силу того, что большие компании контролируют основную часть коммуникационного содержания, современным медиаторам стало намного легче проникать на международный рынок [7, с. 3–4]. Продолжая тематику прогресса, Е.О. Кубякин отмечает противоречивость и элементы деструкции в столь бурном развитии технологий [8]. Солидаризируется в этом вопросе и В.В. Плотноков, указывая на неравномерность развития культуры и технологий [9]. Контекст данной позиции таков, что стремительный рост информатизации социального пространства может быть отправной точкой потери естественного социокультурного равновесия [10].

Воплощением процесса информатизации в современном обществе стал Интернет. Интер-

нет-среда становится не только индикатором стремительно происходящих технико-технологических изменений в социуме, но своего рода индикатором успешности происходящих процессов. Создаваемая посредством глобальной компьютерной сети информационно-коммуникационная среда общественной жизни становится системным инструментом воплощения различных новшеств в сфере приема-передачи сообщений. Интернет демонстрирует потенциал перевода различных социальных явлений и процессов из физической в виртуальную реальность. Возникает новый тип социальности, своего рода «электронная копия» физического социального мира. В этой ситуации возникает системное социальное противоречие, заключающееся, с одной стороны, в безусловном научно-технологическом прогрессе, в создании условий для генезиса структур постиндустриального, информационного общества; с другой стороны, создаются условия для эффективного воздействия на сознание и поведение индивидов, включенных в контекст воздействия информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий, глобальной сети Интернет.

По наблюдениям Е.В. Артюхиной, «с развитием опосредованной коммуникации и, прежде всего, СМК, которые стали оказывать существенное влияние на жизнь людей, акцент исследователей в рассмотрении коммуникативных процессов сместился. Если теоретики информационного общества интерпретируют коммуникацию как расширение возможностей получения знания, то с появлением глобальной сети Интернет происходит погружение коммуникации в генерируемую компьютером среду» [11, с. 11–12].

Мы можем констатировать, что научно-техническая революция в сфере информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий, прежде всего, создает все предпосылки для поступательного, прогрессивного развития общества. Современный человек получает массу возможностей для карьерного роста, социальной мобильности, самореализации, эффективной самоидентификации. Однако новое общество детерминирует и ряд серьезных проблем, часть из которых принимает хронический, системный характер и потенциально угрожает развитием более серьезных социальных отклонений, в том числе и экстремизма. В рамках данной работы представляется целесообразным рассмотреть ряд подобных системных проблем.

А.Г. Городищева акцентирует внимание на том, что в современном обществе «возникают новые угрозы человечеству, что общество в значительной степени оказывается неподготовленным к этим угрозам. К примеру, массовое

хакерство, т.е. вероломное проникновение в информационные системы, перешло на качественно новый уровень и приобрело характер информационного терроризма. А вторжение в информационные системы атомных электростанций, проникновение в базы данных военных, финансовых, хозяйственных, коммерческих структур и т.д. может повлечь за собой непоправимые последствия. Нередко оказывается так, что менее информатизированная и компьютеризированная сторона общественной жизни оказывается более защищенной от информационных террористов, способной устоять перед этими угрозами» [12].

Не менее сложной проблемой общества XXI в. стал лавинообразный поток информации, неконтролируемая информационная и коммуникационная индустрия. В результате человечество практически утрачивает контроль над основой общества – информационным обменом. В этой связи А.Д. Еляков отмечает, что «бескрайность Интернета превратила поиск в нем информации в серьезную проблему. Появились соответствующие исследовательские организации, а также специализированные информационно-поисковые машины. Тем не менее, полагать, что человечество справилось с проблемой, нельзя. Возьмем наиболее благоприятный случай, когда известна информация, которую нужно обнаружить. Как ни странно, это обстоятельство вызывает трудности. Результаты поиска зависят от точности словарно-информационных изысканий. Эффективность разных поисковых систем в среднем составляет около 10%. Причем результаты их работы сильно разнятся. Ни одна из существующих информационно-поисковых систем не обеспечивает должной полноты, значительная часть сети по-прежнему выпадает из их поля зрения. К тому же далеко не все полученные данные в силу изобилия просматриваются и используются пользователем. Разрешение проблемы дефицита информации с помощью Интернета маловероятно» [13, с. 110].

Как полагает А.Д. Еляков, «революция в сфере информации приобрела характер глобального процесса. В ходе него разрешается противоречие между существующими возможностями информационной индустрии и ограниченностью средств, необходимых для удовлетворения информационных потребностей людей и общества. Накопление больших массивов хаотичной, фрагментарной, сырой информации затрудняет оперативное принятие решений делового и личного характера. Обществу недостает продуктивных организационных форм и методов извлечения нужной информации, ее анализа и приведения в состояние, пригодное для употребления» [14, с. 30].

Ряд исследователей акцентируют внимание на проблеме взаимоотношений человека и компьютера в современном информационном обществе. С точки зрения А.В. Авдулова, «человеческая цивилизация вынуждена сосуществовать с компьютерными технологиями, а значит, и использовать их в своей деятельности. Экономика, политика, искусство и прочие сферы жизнедеятельности человека получают огромный приток возможностей от использования компьютерных технологий. Органичный переход в бытии человека от техноцентричного к антропоцентричному мировоззрению связан с формированием новых технологий духовного производства. Этот процесс происходит относительно всего человечества, не так быстро, как кажется, и может растянуться еще лет на 100–150, а значит, стратегия цивилизационного развития имеет время и возможность ориентироваться на преодоление негативных тенденций, возникающих в ходе компьютеризации» [5].

Кроме того, в связи с массовой компьютеризацией и информатизацией общества возникает ряд проблем правового, морального, религиозного, идеологического и другого порядка. Информационное общество самоутверждается, имея определенную, специфическую для него социальную структуру, специфически определенные социальные институты, осуществляющие подготовку кадров, организацию специальных конструкторских бюро, средств защиты информации, специальных производств, выработки актуальной стратегии и тактики жизнедеятельности этих социальных институтов и т.д.

Одновременно возникает задача всестороннего познания процессов информатизации и компьютеризации общества, адекватного применения познавательных средств для разрешения исследовательских проблем. Особенно это касается учета специфики обществ, их традиций и социального опыта. Только в той мере, в какой учтена данная специфика, можно рассчитывать на положительные результаты проделанной работы, преодолеть дополнительные трудности на пути становления информационного общества, информационной цивилизации и информационной культуры [12].

Таким образом, необходимо объективно, неангажированно и беспристрастно оценивать современное информационное общество, его институциональные процессы. Всякие идеологизированные и политизированные оценки

здесь неприемлемы по определению. Как и любой другой тип общества, современное информационное обладает как положительными, так и отрицательными характеристиками применительно к конкретному социуму.

В рамках данной работы необходимо более подробно остановиться на негативных сторонах социальной реальности, непосредственно связанных с компьютеризацией, интернетизацией и общей технологизацией общества начала XXI в. Прежде всего, обращают на себя внимание информационная перегрузка, хаос в информационно-коммуникационной сфере, «захлапленность» информацией, нарастающая интенсификация коммуникативных потоков. В результате возникает ситуация, когда фактически адекватный контроль информационно-коммуникационной сферы со стороны государства и общества утрачивается. Это создает благодатную почву для развития информационного экстремизма. В результате, дисфункция коммуникационной системы в масштабах государства ведет к прямой угрозе национальной безопасности [15].

Не стоит сбрасывать со счетов и скорость развития инноваций в информационно-коммуникационной сфере. В результате нарастает дисбаланс между стремительно происходящими переменами и запоздалым реагированием общества на вызовы транзитивного состояния. В итоге возникает состояние риска и неопределенности, прежде всего, в информационном пространстве. Возникающий на базе риска «вакуум» приводит к дисфункциональности информационно-коммуникационной сферы и создает предпосылки для развития информационного экстремизма, принимающего самые разнообразные формы.

В итоге возникает парадоксальная ситуация: прогресс информационных, компьютерных технологий не только не снижает угроз дисфункционально-дезорганизационных состояний, но и, напротив, увеличивает их вероятность вследствие интенсификации коммуникативного воздействия, неконтролируемости транслируемых сообщений, роста влияния интернет-среды.

Проведенный анализ показал, что научно-технический прогресс и компьютеризация социума выступают не только факторами генезиса глобального информационного общества, но и способствуют развитию условий для генезиса информационного экстремизма.

1. Нарыков Н.В. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // *Общество и право*. 2003. № 1. С. 32–35.

1. Narykov N.V. Globalization as a source of international conflicts and increased competition // *Society and law*. 2003. № 1. P. 32–35.

2. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. Краснодар, 2014.
3. Райдугин Д.С., Рябченко Е.В., Карнаушенко Л.В. Религиозный экстремизм и особенности противодействия ему на Северном Кавказе: учеб.-метод. пособие. Краснодар, 2007.
4. Кувшинов М.В. Феномен компьютеризации: парадигмальный и онтологический аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2003.
5. Авдулов А.В. Компьютеризация как феномен человеческой деятельности: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2000.
6. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Образование как ресурс информационного общества // Социс. 2005. № 7.
7. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях становления глобального информационного общества: социологический анализ российской действительности начала XXI в. Краснодар, 2011.
8. Кубякин Е.О., Сафронов А.Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 4(22). С. 100–104.
9. Плотников В.В., Плотников Н.В. Естественное социокультурное равновесие как фактор, определяющий общественное развитие // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (дата обращения: 28.10.2014).
10. Плотников В.В., Плотников Н.В. Специфика и роль научного познания в процессах трансформации социальной структуры // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (дата обращения: 28.11.2014).
11. Артюхина Е.В. Компьютерно-опосредованная политическая коммуникация: опыт социологического анализа: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2008.
12. Городищева А.Н. Информатизация и компьютеризация общества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2002.
13. Еляков А.Д. Дефицит и избыток информации в современном социуме // Социс. 2010. № 12.
14. Еляков А.Д. Современная информационная революция // Социс. 2003. № 10.
15. Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (дата обращения: 28.11.2014).
2. Kubyakin E.O. Bases of sociological study of the phenomenon of extremism. *Extremparantnost*. Krasnodar, 2014.
3. Raydugin D.S., Ryabchenko E.V., Karnaushenko L.V. Religious extremism and peculiarities counteraction it in the North Caucasus: guidance manual. Krasnodar, 2007.
4. Kuvshinov M.V. Phenomenon of a computerization: paradigmally and ontologic aspects: diss. ... Master of Philosophy. Saratov, 2003.
5. Avdulov A.V. Computerization as phenomenon of human activity: diss. ... Master of Philosophy. Rostov-on-Don, 2000.
6. Zborovsky G.E., Shuklina E.A. Education as resource of information society // *Sotsis*. 2005. № 7.
7. Kubyakin E.O. Youth extremism in the conditions of formation of global information society: sociological analysis of the Russian reality of the beginning of the XXI century. Krasnodar, 2011.
8. Kubyakin E.O., Safronov A.N. Information extremism among young people as a destructive phenomenon of modern Russian society // *Bull. of Krasnodar University of Russian MIA*. 2013. № 4(22). P. 100–104.
9. Plotnikov V.V., Plotnikov N.V. The specificity and the role of scientific knowledge in the process of transformation of the social structure // *Theory and practice of social development*. 2014. № 18. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (date of access: 28.11.2014).
10. Plotnikov V.V., Plotnikov N.V. Natural sociocultural balance as the factor determinant social development // *Theory and practice of social development*. 2014. № 16. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (date of access: 28.11.2014).
11. Artyukhina E.V. The computer mediated political communication: experience of the sociological analysis: auth. abstr. ... Master of Sociology. Volgograd, 2008.
12. Gorodishcheva A.N. Informatization and computerization of society: social and philosophical analysis: diss. ... Master of Philosophy. Krasnoyarsk, 2002.
13. Elyakov A.D. Deficit and surplus of information in modern society // *Sotsis*. 2010. № 12.
14. Elyakov A.D. Modern information revolution // *Sotsis*. 2003. № 10.
15. Plotnikov V.V. Dysfunctional crisis of social institutions and local national security threat // *Theory and practice of social development*. 2014. № 19. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (date of access: 28.11.2014).

Оздиев Али Султанович

адъюнкт кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru)

Ценностный мир человека как объект социологического исследования

В статье представлен материал, посвященный изучению особенностей социологического подхода к анализу ценностного мира человека. Автор рассматривает ключевые понятия «ценности» и «ценностные ориентации», анализирует их теоретические и эмпирические индикаторы.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, личность, духовная культура, социокультурные предпочтения.

A.S. Ozdiev, Adjunct of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru

World of values of man as an object of sociological research

The article presents material on the study of features of the sociological approach to the analysis of the valuable world of man. The author examines the key concepts of «value» and «value orientation», analyzes their theoretical and empirical indicators.

Key words: values, value orientation, personality, spiritual culture, socio-cultural preferences.

Ценностный мир человека представляет собой весьма сложный объект научного анализа как теоретического, так и эмпирического плана. Объясняется это тем, что ценностный мир личности глубоко интегрирован в социокультурную систему общества. При этом необходимо учитывать, что современное российское общество переживает кризис в социально-духовной сфере, который связан с дезорганизацией общественного сознания, потерей базовых ценностных ориентиров. В период с середины 1980-х до середины 1990-х гг. XX столетия в нашей стране (сначала в СССР, а позднее в его правовой и культурной преемнице – Российской Федерации) произошли кардинальные изменения во всех сферах жизнедеятельности общества. В первую очередь эти изменения коснулись экономической и политической сфер, что спровоцировало развитие трансформационных явлений в социально-экономической и духовной сферах жизнедеятельности общества. Естественно, подобные изменения не могли не затронуть культурно-нравственных, ценностных ориентиров общественного сознания. Одним из следствий всех этих трансформационных процессов можно считать нарастание кризисных явлений в ценностной сфере российского общества в целом. Несмотря на положительную динамику 2000-х гг. в сфере ценностных ориентаций, преодолеть состояние кризиса до сих пор не удалось – об этом свидетельствует анализ

публикаций российских авторов последних лет, специализирующихся на данной проблематике.

Стоит отметить, что ценностная сфера является определяющим звеном в развитии любого общества. Сбои в этой сфере чреваты большими потерями как в морально-этическом, так и в материальном плане. В конечном счете, при самом неблагоприятном сценарии развития, данные сбои могут обернуться деградацией и крахом общества.

В условиях глубокого социально-экономического и духовного кризиса, поразившего российское общество, затронувшего все его социальные институты, происходит активное разрушение прежних стереотипов сознания и поведения: меняются представления о собственности, идет переосмысление социального равенства и права на труд, падает доверие к структурам власти, увеличивается доля населения, считающая, что рассчитывать нужно только на себя.

В этой связи не случайным выглядит тот факт, что ценностная проблематика занимает одно из ведущих мест в исследованиях российских ученых в последние годы. Это объясняется тем, что ценности являются своеобразной призмой, через которую можно понять суть процессов, происходящих в той или иной социальной системе, выявить их латентное содержание и направления функционирования. По системе ценностных ориентаций можно судить о характе-

ре развития общественных отношений, перспективах развития общества. Ценности изучаются под различным углом зрения разными науками: социологией, психологией, социальной психологией, этикой. Ценности в данном понимании рассматриваются как составной элемент культуры, как основа ценностно-нормативной регуляции поведения социальных групп и общностей.

Современная ситуация в российском обществе характеризуется состоянием определенного идейно-мировоззренческого вакуума, когда одни социальные идеалы и ценности уже ушли в прошлое, а другие еще не сформировались либо находятся на этапе становления.

Необходимо принимать во внимание тот факт, что духовная культура как феномен соткана из сознания, его элементов. Преимущества, которыми наделяет сознание человека, та роль, которую оно играет для становления и развития социального, значимость ценностей в функционировании социальных связей, институтов и общностей – все это с полным основанием должно быть отнесено к культуре. Однако культура – это не вообще сознание, не отдельные его элементы. Культура – это способ, метод ценностного освоения действительности. Духовная культура как способ ценностного освоения действительности воплощается в практической деятельности людей: в производственной и бытовой, художественной и политической, в научной и учебной и т.д.

Ценности – определяющий элемент культуры, ее ядро. Известно, что культура – это способ, метод именно ценностного освоения действительности. Для того чтобы оценить, определить, что значимо, а что нет, что полезно, а что вредно, что является добром, а что злом, т.е. для выявления ценностей, человек должен применить определенные критерии, мерки, по которым будет произведена оценка объекта. Вот эти-то критерии оценки действий, предметов, идей, мнений и составляют главное в культуре, то, что можно назвать ценностями [1, с. 170].

Таким образом, ценности являются важным элементом духовной культуры, ее неотъемлемой составляющей. Они выступают своеобразным центром мировосприятия личности, позволяют индивиду сформировать собственную «систему социокультурных координат». С помощью такой системы каждый человек, обладая определенной иерархией ценностных ориентаций, воспринимает социальные явления, процессы, отдельные события и т.д. Он легко ориентируется в социальной реальности, определяя для себя, что есть «хорошо» или «плохо», «прекрасно» или «безобразно», «духовно» или «безнравственно».

Культурные ценности и убеждения не только влияют на человеческое восприятие окружающей среды, но и формируют ядро личности. Семья, друзья, школа и религиозные организации учат человека мыслить и поступать в соответствии с определенными принципами, верить в достойные истины и преследовать надлежащие цели [2, с. 35].

Какой же содержательный смысл целесообразно вкладывать в понятие «ценность»? Каждая из наук об обществе предлагает свою специфическую направленность, что позволяет целостно представить этот феномен. Первоначально «ценность» как категория рассматривалась, с одной стороны, в логике, эстетике и особенно в этике, а с другой стороны – в психологии. На рубеже XIX–XX вв. складывается новая философская дисциплина – теория ценностей, или аксиология. В научной литературе зарегистрировано более 400 разных определений этого понятия, варьирующих в зависимости от научной отрасли, от предпочитаемой данным автором теории акцента в операционализации и измерении (когда речь идет об эмпирических исследованиях).

Понятие «ценность» употребляется: 1) в повседневном обиходе – обозначая способность вещей и явлений окружающего мира воздействовать на нас таким образом, что они становятся благами, побуждающими людей стремиться к ним и добиваться обладания ими; 2) в политэкономическом смысле – обозначая то, благодаря чему вещи обладают общественно признанной стоимостью, вынуждая людей, желающих обладать или пользоваться ими, платить определенную цену; 3) в философском смысле – обозначая самые общие принципы целесообразной деятельности, благодаря которым человек приписывает тем или иным объектам материального и духовного мира практическую значимость, побуждающую его действовать и вести себя определенным образом [3].

Философское понимание ценности предполагает следующие особенности. Во-первых, «ценность» и «сущность человека» – понятия однопорядковые. Во-вторых, осознанность ценности, воплощенность ценности в человеческой жизни в той или иной форме. В-третьих, противопоставленность ценности как должного идеала и реальности («сущего»). В-четвертых, включенность ценности в целеполагающую и оценочную деятельность человека [4, с. 376].

С точки зрения социологического подхода, ценности представляют собой убеждения людей о жизни и приемлемом поведении. В них выражаются цели, которые движут человеком, и со-

ответствующие способы их достижения. Устойчивая природа ценностей и их центральная роль в структуре личности обусловили их значение для понимания многих социальных явлений и процессов. Ценности – это значимость явлений и предметов реальной действительности с точки зрения соответствия или несоответствия потребностям индивида, социальной группы, общества в целом.

Ценности – это общепринятая в данной организации система образцов, при помощи которых люди соотносят и опосредуют свои взаимодействия друг с другом и при помощи которых систематизируется социальный опыт. Социальной ценностью может называться любой объект в случае, если он служит фокусом устремлений, желаний групп или отдельных лиц, рассматривается как важное условие существования. Он соответственно оценивается и в этой связи регулирует поведение, подчиняет его. Разделяемые индивидами и группами социальные ценности служат мерой оценки поступков с точки зрения их соотношения с данной системой ценностей. Важнейший элемент поведения индивида – оценка ситуации – в значительной мере обусловлен его системой ценностей.

Ценности представляют собой социокультурные предпочтения людей по отношению к различным объектам и явлениям, способным удовлетворять потребности индивидов, служить их интересам и целям; нравственные и эстетические императивы, выработанные человеческой культурой и являющиеся продуктами общественного сознания. Являясь продуктом жизнедеятельности общества и социальных групп, ценности занимают особое место в структуре личности каждого конкретного субъекта, связаны с реальной деятельностью человека, формулируются как идеалы, жизненные цели, модели должного.

Согласно определению М. Рокича ценность – это устойчивое убеждение в том, что какая-либо форма поведения или конечного состояния существования является для человека или общества более предпочтительной, чем противоположная форма поведения или конечного состояния [5, с. 142–151].

Ценности можно охарактеризовать следующим образом: а) как желательное, предпочтительное для данного социального субъекта (индивида, социальной общности, общества) состояние социальных связей, содержания идей, художественной формы и т.д.; б) критерий оценки реальных явлений; в) они определяют смысл целенаправленной деятельности; г) регулируют социальные взаимодействия; д) внутренне побуждают к деятельности. Другими словами, ценность и ориентирует человека в окружающем

мире, и побуждает, мотивирует на конкретные действия.

Ценности – несущая конструкция культуры человека, его сообществ и групп. Имея рациональный и эмоциональный характер, они становятся основной составляющей в формировании личности, в образовании чувств солидарности и создания социальности. Ценности одухотворяют человеческие действия, наполняя жизнь людей смыслом.

Ценности возникают и реализуются в процессе удовлетворения потребностей. Потребности и интересы обуславливают объектно-предметную определенность ценностей, создают мотивацию стремлений и конкретных действий. Однако превращение этих действий из желаний, замыслов, намерений и проектов в реальность зависит от того, какие ценности и каким образом приобретут через формирование социальных установок значение ориентирующей и мотивирующей силы, какие цели станут определять направление действий [6, с. 6].

Ценности – это определенные духовно-идеальные образования. Поскольку ценности являются динамичной системой, обладают определенной структурой, постольку правомерен и целесообразен подход к ним как к ценностному миру, обладающему полюсами позитивного и негативного. Ценностный мир дихотомичен: каждому позитивному ценностному суждению, представлению, убеждению в реальных жизненных практиках находится его противоположность по типу: добро – зло, красивое – безобразное и т.д. [6, с. 7–8].

С понятием «ценность» в социологии тесно связано и другое понятие – «ценностные ориентации». Ценностные ориентации можно определить как систему важнейших, наиболее устойчивых социальных установок личности. Ценностные ориентации определяются социальной средой, в которой воспитывается человек, условиями его жизни, уровнем развития его интеллекта, особенностями его психологии, характера, порой даже отдельными событиями. Основное содержание ценностных ориентаций личности – мировоззренческие и нравственные убеждения человека, принципы поведения, глубокие эмоциональные привязанности [7, с. 136].

Именно для характеристик индивидуальных ценностей и установок социологи используют понятие «ценностные ориентации». Это понятие отражает ориентацию индивида на определенные ценности (здоровье, карьеру, богатство, честность, порядочность). Ценностные ориентации формируются в социокультурной реальности при усвоении социального опыта и проявляются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и других аспектах сознания личности.

Для уяснения сущности термина «ценностные ориентации» следует обратиться к работам Т. Парсонса. По Парсонсу, ценностные ориентации могут быть определены как связующее звено между культурой, личностью и социальными системами. Посредником между действием и ценностью является мотив, за которым всегда стоит мотивационная система, формирующаяся как производная от системы ценностей, принятых в данной культуре.

Для описания ценностных ориентаций широко используется понятие «установка», т.е. целостная модификация субъекта, его готовность к восприятию будущих событий и совершению в определенном направлении действий, являющихся основой целесообразной избирательной активности.

Таким образом, ценностные ориентации – это совокупность убеждений, установок, привязанностей, переживаний, содержание которых обусловлено социокультурными особенностями функционирования общества и характеризуется социально-психологической устойчивостью, культурно-исторической преемственностью и мотивационным воздействием на поведение личности.

По мнению многих ученых-социологов, наиболее богатым и методически обоснованным направлением исследований ценностных представлений можно считать исследования, проводившиеся в конце 1960-х – 70-е гг. в США М. Рокичем, а также в других странах на основе разработанного им метода прямого ранжирования ценностей. Человеческие ценности характеризуются следующими основными признаками: 1) общее число ценностей, являющихся достоинством человека, сравнительно невелико; 2) все

люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в разной степени; 3) ценности организованы в системы; 4) истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе и его институтах и личности; 5) влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения.

Проанализировав множество различных пониманий и определений ценностей, можно прийти к выводу о неизбежности соотнесения этого понятия с тремя различными группами явлений. Было сформулировано представление о трех формах существования ценностей, переходящих одна в другую: 1) общественных идеалах – выработанных общественным сознанием и присутствующих в нем обобщенных представлениях о совершенстве в различных сферах общественной жизни, 2) предметном воплощении этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей и 3) мотивационных структурах личности («моделях должного»), побуждающих ее к предметному воплощению в своей деятельности общественных ценностных идеалов. Эти три формы существования переходят одна в другую.

Относительно ценностных ориентаций следует отметить, что они выступают важнейшим фактором мотивации поведения человека и лежат в основе его социальных поступков. Содержание и уровень развития личностных ценностей определяют меру социализации и степени вхождения индивида в систему социальных учреждений и общностей. В силу этого ценностные ориентации являются одной из самых приоритетных областей изучения психологии, социологии, политологии и других наук, изучающих человека и общество.

1. Ерасов Б.С. Социальная культурология: пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 1997.

2. Дискин И.Е. Социокультурный базис перестройки. М., 1992.

3. Петров А.В. Ценностный мир молодежи Кубани. Краснодар, 2007.

4. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1998.

5. Юлдашев Л.Г. Теория ценности в социологии: вчера и сегодня // Социологические исследования. 2001. № 8.

6. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002.

7. Косов Г.В. Ценностные ориентиры современной провинциальной молодежи // Политические, правовые, социальные и экономические проблемы современного российского общества. Ставрополь, 2001. Т. 2.

1. Erasov B.S. Social cultural science: manual for students in higher education. Moscow, 1997.

2. Diskin I.E. Sociocultural basis of adjustment. Moscow, 1992.

3. Petrov A.V. World of values of Kuban youth. Krasnodar, 2007.

4. Hjelle L., Ziegler D. Theories of personality. St. Petersburg, 1998.

5. Juldashv L.G. Value theory in sociology: yesterday and today // Case studies. 2001. № 8.

6. Ritzer J. Contemporary sociological theories. 5th ed. St. Petersburg, 2002.

7. Kosov G.V. Value orientations of modern provincial youth // Political, legal, social and economic problems of contemporary Russian society. Stavropol, 2001. Vol. 2.

Скобликов Роман Вячеславович

старший преподаватель кафедры специальной тактики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: mr-skrim@yandex.ru)

Устименко Владимир Олегович

преподаватель кафедры специальной тактики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: ustimv@mail.ru)

К вопросу о парадигмальном анализе глобализации как исторического процесса

В статье проводится анализ феномена глобализации как исторического процесса. Авторы также указывают на то, что, если глобализацию оценивать с точки зрения истории, будет справедливым рассматривать историю с точки зрения глобализации как парадигмы.

Ключевые слова: глобализация, история, исторический процесс, парадигма, феномен, модернизация.

R.V. Skoblikov, Senior Lecturer of a Chair of Special Tactics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mr-skrim@yandex.ru;

V.O. Ustimenko, Lecturer of a Chair of Special Tactics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ustimv@mail.ru

To a question of the paradigm analysis of globalization as historical process

In this article the analysis of a phenomenon of globalization as historical process is carried out. The authors also specifies that if to estimate globalization from the point of view of history, fair will consider history from the point of view of globalization as paradigm.

Key words: globalization, history, historical process, paradigm, phenomenon, modernization.

Некоторые исследователи утверждают, что термин «глобализация» «слишком скомпроментирован» [1], не раскрывает ничего нового или что этот термин «затерт», «скучен» и ничего не объясняет. Такие возражения высказываются довольно часто. К настоящему времени накопилось немало социологической литературы, показывающей бессодержательность утверждений о наличии экономической, политической или культурной глобализации. Возможно также, что термин «глобализация» потерял некоторую привлекательность после экономического кризиса в Азии в 1977–1999 г., который породил сомнения даже у ярых глобалистов, явно поспешивших с ее объявлением. Термин «глобализация» потерял свою привлекательность также после протестов против ВТО в Сиэтле в конце 1999 г., которые показали широкую обеспокоенность общественности по поводу глобалистской направленности этой организации. К концу десятилетия, ознаменовавшего ее наступление, глобализация, похоже, несколько утратила свой блеск. Во всяком случае, в отношении торговли

глобализация уже не так притягательна, как это было совсем недавно.

Однако все вышесказанное не означает, что этот термин вскоре исчезнет из лексикона специалистов в области политэкономии или социологии. Глобалисты продолжают преследовать свои цели в глобальной политэкономии. Для многих учебных центров и исследовательских программ название «глобализация» служит гарантией финансирования со стороны правительств и неправительственных фондов. В США, Европе и Азии конференции на тему глобализации стали поистине академической индустрией. Если и существуют сомнения относительно новизны или реальности глобализации, эти сомнения не сняли с повестки дня тему глобализации и не создали сколько-нибудь значительных препятствий для ее распространения.

С точки зрения критиков, решение удалить термин «глобализация» из дискурса, возможно, является разумным, потому что даже критика глобализации способствует более широкому ее обсуждению. С другой стороны, является ли игнорирование данного понятия лучшим спосо-

бом решать связанные с ним проблемы – это открытый вопрос. Едва ли кто-нибудь станет отрицать, что в мире происходят серьезные изменения; и, что более важно, изменения в нашем мировосприятии. Термин «глобализация» может иметь идеологическую подоплеку, он может ввести в заблуждение, если понимать его буквально, и некоторые процессы, которые он обозначает, возможно, не новы. Если по какой-либо причине мы решим не употреблять этот термин, необходимо, тем не менее, не упускать из виду изменения, которые привели к его возникновению, и принимать его всерьез.

Мы должны осознавать, какие ловушки скрываются за обозначением этого феномена «новой парадигмой». И все же мы рискнем и попытаемся обдумать все последствия такого шага. По причинам, о которых мы скажем ниже, необходимо, хотя бы в порядке рабочей гипотезы, рассматривать глобализацию как термин, описывающий новое осознанное мировосприятие; именно это мы имеем в виду, когда называем глобализацию парадигмой или дискурсом. Является ли глобализация историческим процессом, который протекает с начала существования человечества, становится все более масштабным и осознанным и набирает скорость, а в последние десятилетия вступает в новую фазу, – спорный вопрос. Но этот телеологический/эволюционный смысл глобализации не единственный из существующих. Глобализация может также представлять собой повторяющийся феномен, обусловленный обстоятельствами, с приливами и отливами во времени, приобретающий значение не по отношению ко всей истории человечества, а на фоне недавнего прошлого.

Глобализация как осознанная парадигма, что тоже спорно, является продуктом недавнего прошлого и отклонением от мировосприятия, преобладавшего в последние два столетия и определявшего социологическую и культурную мысль в этот период. Фундаментальным для этого отклонения, возможно, является «пространственный поворот» в концептуализации модернити или, точнее, приоритет пространственного над темпоральным [2], что очень важно для понимания противоречивости самой идеи глобализации в нынешнем ее состоянии и что отличает ее от прежнего мировосприятия: признание, что локализация или, в более выраженном виде, фрагментация является неизбежным условием глобализации, в то время как глобализация наполняет ее содержанием. Восприимчивость к одновременной фрагментации и унификации мира представляет собой разрыв

со способами познания в эпоху модернити, но это и не возврат к досовременному состоянию, поскольку различные претензии на знание не только сосуществуют в счастливом неведении о других способах познания, люди осознанно предъявляют права на собственную область знаний, противопоставляя их правам других, что само является продуктом модернити.

Есть смысл обсудить проблему глобализации как парадигму со ссылкой на работу Роланда Робертсона, который настойчиво отстаивает свою точку зрения на глобализацию как парадигму. Он говорит: «Большая часть теории глобализации объясняет разнородность, не сводя ее к однородности» [3, р. 138–145]. Мы полагаем, что именно эта посылка побудила его написать, что «структуризация мирового порядка имеет существенное значение для жизнеспособности любой формы современной теории и ... такое понимание должно включать в себя аналитическое отделение факторов, которые способствовали переходу к единому миру, например, распространение капитализма, империализм Запада и развитие глобальной медийной системы, от общей и глобальной темы структуры медиации (и/или культуры). Хотя эмпирическое взаимоотношение между двумя наборами проблем очень важно, их слияние приводит к возникновению всяческих трудностей и препятствует нашему принятию базовых, но изменчивых условий современного миропорядка, в том числе “структуры беспорядка”» [4, р. 46–60].

В другой работе он пишет, что «рассматривает глобализацию с точки зрения культуры... чтобы продемонстрировать прерывность и различия [культуры?], а не с традиционной социологической точки зрения на культуру как интегрирующее начало» [5].

Хотя нас озадачивает двусмысленность его утверждений об отношении глобализации как идеи к ее историческому наследию, они несколько похожи на то различие, которое мы проводим здесь между глобализацией как процессом и как парадигмой, и по сходным причинам – чтобы избежать функционалистского (и тавтологического) сведения глобализации как парадигмы только к теоретическому выражению процесса, ведущего к глобализации, или сведения культуры глобальности к интегрирующему выражению материальных сил глобализации. Робертсон говорит также, что концентрируется на культуре потому, что силам капитализма и империализма, способствовавшим глобализации, уделяется слишком много внимания, тогда как «обсуждение условий, в которых происходит глобализация, в значительной мере игнориру-

ется» [5]. Как отмечает Робертсон в последней строке вышеприведенной цитаты, различие между процессом и парадигмой в лучшем случае ориентировочно и проводится только в аналитических целях. Чтобы достичь понимания глобализации, необходимо не только подчеркнуть автономность парадигмы (или культурного в глобальном), но также увидеть эту парадигму в ее противоречивом отношении к истории, продуктом которой она является, и к истории, которую она создает. Мы не считаем предвзятостью со стороны историка утверждение, что конфликты по поводу глобализации могут быть поняты без ссылок на исторический контекст, ближайший или долгосрочный.

Роланд Робертсон разделит исторический процесс глобализации на пять фаз: «фазу зарождения» (период с XV до середины XVIII в.), «начальную фазу» (с середины XVIII в. до 1870-х гг.), «фазу взлета» (с 1870-х до середины 1920-х гг.), «фазу борьбы за гегемонию» (с середины 1920-х до конца 1960-х) и «фазу неопределенности» (с 1960-х до 1990-х гг.). То, что он называет «фазой неопределенности», когда глобализация как парадигма вошла в свои права, – интересный вопрос, к которому мы вернемся позднее; большее значение здесь имеет совпадение глобализации в этом «описании» с историей «капиталистической мировой системы» (о чем говорят такие аналитики мировой системы, как Иммануил Валлерстайн) и то, что Робертсон называет «фазой взлета», занявшей период с 1870-х по 1920-е гг., когда «тенденции глобализации в предыдущие периоды уступили место единой и постоянной ее форме» [4, р. 58–59]. Робертсон не единственный, кто придает этому периоду значение, как периоду формирующему. Пол Херст и Грэхем Томпсон [6] указывают на этот период как на линию отсчета, по которой следует оценивать современные претензии на глобализацию, и делают вывод, что, исходя, по крайней мере, из объема и интенсивности экономической деятельности между странами и регионами мира, трудно утверждать, что последняя четверть XX в. характеризуется большей глобальностью, чем последняя четверть XIX в. Возможно, наиболее интересными являются выводы, приведенные в газете «Нью-Йорк Таймс» в мае 1999 г., где говорится, что с точки зрения торговли, финансовых инвестиций и потоков рабочей силы пик глобализации «имел место столетие назад, и в экономической истории XX век запомнился в основном своим отходом от глобализации. В некоторых отношениях мировая экономика только сейчас становится такой же взаимосвязанной, как столетие назад» [7].

Если глобализацию оценивать с точки зрения истории, будет только справедливым рассматривать историю с точки зрения глобализации как парадигмы, что может многое прояснить как в истории, так и в глобализации. «История», как отметил однажды Николас Диркс, «это знак современного» [8, р. 25–32]. Появление исторического сознания в Европе было неотделимо от осознания современности, что требовало нового упорядочивания прошлого, поскольку европейцы сталкивались с новыми народами и новыми явлениями, что, в свою очередь, требовало переосмысления европейского прошлого.

Противоречия, присущие глобализации как парадигме, видны в конфликтующих представлениях о прошлом: от возобновленных усилий постичь прошлое в целом до объявления «конца истории» и фрагментации прошлого на взаимно непримиримые его толкования. То общее, что объединяет эти представления, можно было бы назвать «возрождением истории». Во многих отношениях глобализация – это излишество истории, ее составляющая и ее продукт.

По мнению некоторых современных историков, «ученые во все большей степени признают, что благодаря взаимодействию все народы мира участвовали в творении истории, и мировая история является свидетельством вклада всех народов в общую историю мира» [9, р. 2–3]. Другие пошли еще дальше, заявляя, что термин «мировая история» не отвечает стоящим перед учеными задачам, и призывают к использованию термина «глобальная история» [10].

Большая часть критики истории сама исторична. Как и в случае с колониальным национализмом, быть историчным в неевроамериканском мире – значит переписать прошлое при гегемонии эпистемологии, в саму структуру которой встроен евроцентризм. С другой стороны, современные усилия в Евроамерике глобализировать историю, вписав в нее все страны, какими бы различными они ни были, это лишь попытка не дать сохраниться истинному различию, сделав все общества историчными. Нанди допускает, что «не так давно историческое сознание должно было сосуществовать с другими способами восприятия и конструирования прошлого даже в современном мире. Завоевание прошлого через историю в конце XIX века было еще не завершено... До тех пор, пока преобладали неисторические способы восприятия прошлого, история оставалась базисом для радикальной социальной критики. Возможно поэтому великие диссиденты XIX века были столь агрессивно историчны» [11, р. 46].

Глобализация – это в одинаковой мере и дискурсивное и описательное понятие, и то, как мы его интерпретируем, во многом связа-

но с нашей политикой. Наиболее очевидная интерпретация глобализации основана на существующем *status quo*, где она появляется в своем глобально интеграционном обличье как продолжение обещания капиталистической современности. С противоположной точки зрения, глобализация представляется как результат не интеграционных, а разделяющих последствий модернити, где модернити просто способствовала укреплению или возрождению различных культурных традиций, которые в настоящее время сталкиваются друг с другом в непримиримой борьбе. Глобализацию можно интерпретировать также как арену для конфликтующих дискурсов, которая и объединяет, и разделяет, причем непредсказуемым образом.

Именно в этом смысле глобализация может лучше всего служить новой парадигмой. С темпоральной точки зрения она одновременно и конец, и начало. Конец – потому что глобализация является кульминацией исторического процесса, в котором евроамериканская экспансия в мире (не только материальная, но и культурная) играла ключевую роль. Но она является концом и в другом смысле. Само присвоение земного шара для Евроамерики ввело в сферу глобализации различия, которые присутствуют в мире и которые в настоящее время представляют собой такую же часть глобальной сцены, как и единство. Ассимиляция, конечно же, но

ассимиляция не означает идентичность; это лишь переосмысление исторических траекторий, ведущих от общих отправных точек. Если глобализация как «материальный» процесс не может быть понята без упоминания фрагментации, которая ей неизбежно сопутствует, глобализация как парадигма становится возможной при ее отходе от универсалистских притязаний, характерных для ее более ранней истории [12, с. 59–65].

Подводя итоги сказанному, подчеркнем, что социально-экономический и философский дискурс вокруг глобализации содержит противоречивые трактовки, касающиеся соотношения глобализации и модернизации, исторических перспектив глобализации и сущности самой истории. Это свидетельствует о том, что изменение в ходе глобализационных процессов конфигураций социальных, экономических и культурных отношений во всем мире требует новой адекватной эпистемологии, которая давала бы возможность концептуализировать эти изменения. Глобализация представляет собой переход в новое качество социального бытия, что проявляется в кризисе исторического нарратива как монистической концепции прошлого, переходящей в монистический проект будущего, и обуславливает потребность в многомерном видении социального времени и признании плюрализма форм модернити.

1. *Derlugian Georgi M. The Changing geopolitics and geoculture of the world system (Tentative title) / Georgi M. Derlugian, Walter Goldfrank (eds.). Greenwood Publishers forthcoming.*

2. *Edward W. Soja, Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Cambridge, MA, 1996.*

3. *Robertson R. Globality, Modernity and Postmodernity // Robertson R. Globalization: social theory and global culture. Thousand Oaks, CA, 1994.*

4. *Robertson R. Mapping the global condition // Robertson R. Globalization: social theory and global culture. Thousand Oaks, CA, 1994.*

5. *Robertson R. Globalization as a problem // Robertson R. Globalization: social theory and global culture. Thousand Oaks, CA, 1994.*

6. *Hirst P., Thompson G. Globalization in question: the international economy and the possibilities of governance. Cambridge, 1996.*

7. *Kristof N.D. At this rate, we'll be global in another hundred years // The New York Times. 1999. May 23.*

8. *Dirks N. History as a sign of the modern // Public Culture. 1990.*

9. *Bentley J.H. Shapes of world history in twentieth-century scholarship. Washington, D.C., 1996.*

10. *Mazlish B., Buultjens R. Conceptualizing Global History. Boulder, CO., 1993.*

11. *Nandy A. History's Forgotten Doubles // History and Theory. 1995. № 34.2.*

12. *Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. New York, 1998; Moscow, 2004.*

Измеров Андрей Иванович

кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой философии, истории и права
Краснодарского филиала Института Правительства Российской Федерации
(тел.: +78612583596)

Модернизация российской экономики в контексте глобализации мировой рыночной системы

В статье представлен материал, содержащий сведения об основных модернизационных процессах в современной России в контексте глобальных трансформаций мирового рыночного пространства. Автор формулирует собственную концепцию исследования феномена модернизации в ракурсе глобализации мировой экономики.

Ключевые слова: модернизация, глобализация, мировая рыночная система, российская экономика.

A.I. Izmerov, Master of Sociology, Head of a Chair of Philosophy, History and Law of the Krasnodar branch of the Institute of the Government of the Russian Federation; tel.: +78612583596.

Modernization of the Russian economy in context of globalization of world market system

The material containing data on the main modernization processes in modern Russia in a context of global transformations of world market space is presented in the article. The author formulates own concept of research of a phenomenon of modernization in a foreshortening of globalization of world economy.

Key words: modernization, globalization, world market system, Russian economy.

В современной России за последние десятилетия набрали ход трансформационные процессы в социуме, которые в особенности серьезно затронули экономическую сферу. Это происходит под влиянием глобализации мировой экономики, расширения значимости социальной коммуникации и новых технологий, повышения рыночной активности в контексте развития Интернета и социальных сетей. Глобальная рыночная экономическая система в настоящее время формируется под воздействием ускорения процессов экономического взаимодействия и информационных потоков. Все это затронуло и российское экономическое пространство, коренным образом изменив экономические отношения в социуме. Модернизация российской экономики, избавление ее от сырьевой зависимости и переход на высокотехнологичную основу – процесс, от успешности которого будет зависеть состояние российского общества и конкурентная ниша, которую займет Россия в быстро развивающемся глобальном пространстве XXI в.

С позиции ряда исследователей, анализ содержания экономического измерения глобализационных процессов позволяет выделить три условные характеристики, определяющие

основные тенденции экономических процессов на современном этапе: это виртуализация, «тотальная экономизация» и дихотомия. Осмысление указанных тенденций развития позволяет сместить акценты с фатальной неизбежности последствий экономических угроз или вызовов на поиск конструктивных способов разрешения возникающих в условиях глобализации конфликтов. Так, устранение разрыва между реальной экономикой и ее виртуальным образом возможно через совершенствование диагностического инструментария и разработку адекватных методов управления экономическими процессами. «Тотальная экономизация» общества, игнорирующая базовые общечеловеческие ценности, ставит под сомнение саму возможность выживания человечества. В силу взаимосвязи и взаимозависимости различных измерений глобализационных процессов развитие индустриальной экономической культуры возможно только в гармоничном единстве с социокультурной траекторией развития общества. Дихотомия в контексте экономического взаимодействия, проявляющаяся в неравномерности развития разных стран, противостоянии транснациональных и национальных интересов и альтернативных подходах к концепциям эко-

номического развития, актуализирует необходимость поиска возможных путей гармонизации конфликтной реальности [1, с. 126–131].

Российские исследователи В.И. Пантин и В.В. Лапкин определяют процесс модернизации следующим образом: «Обычно под модернизацией понимают исторический процесс перехода от традиционного общества, основанного на господстве традиций, обычаев и религии, а также на власти монарха или вождя, к обществу современному, основанному на постоянном появлении и внедрении новых идей, научных открытий, достижений в различных областях общественной жизни. Устойчивость и динамизм современного общества базируются на развитой рыночной экономике и демократических политических институтах (разделение властей, парламентаризм, гражданские свободы, многопартийность и др.)» [2, с. 128].

По мнению некоторых ученых, простое включение в глобальную экономику не гарантирует модернизации и экономического роста. Важны способ и механизмы включения в нее. Обычно выделяют три типа стран, различающихся по характеру и качеству участия в международном разделении труда. Наукоемкие отрасли, высокотехнологичное производство, технологические, информационные, управленческие, финансовые услуги – прерогатива развитых стран (США, Великобритании, ФРГ, Франции). Главный ресурс стран Центральной Европы – высокий уровень образования и квалификация персонала. Эти страны специализируются в первую очередь на инженерных усовершенствованиях и на массовом выпуске комплектующих к товарам, производимым развитыми странами. Третьи страны включены в мировую экономику в качестве сырьевых придатков и потребителей конечной продукции. Либеральные реформы 1990-х гг. нанесли существенный удар по индустриальному сектору экономики. После дефолта 1998 г. на некоторое время возобладал внутренне ориентированный рост, но с 2002 г. экспортносырьевая модель экономики закрепилась. Признаками сырьевой модели развития экономики выступают доля добавленной стоимости, произведенной при добыче сырья, а также доля сырьевых товаров в экспорте страны [1].

С точки зрения А. Аганбегяна, радикальные неолиберальные реформы фактически превратили экономический суверенитет России в 1990-е гг. в главный экспортный «товар», куда более востребованный на мировом рынке, чем даже сырье и ресурсы. И начать Российскому государству в XXI в. обратный процесс – процесс восстановления экономического суверенитета,

но уже в новых условиях и на принципиально новой основе – будет стоить очень больших усилий. Связано это прежде всего с тем, что по-прежнему устойчивой остается надежда на «сценарий энергосырьевого развития», поскольку реализация такового пока обеспечивает стабильный прирост ВВП (фетишизированный в годы радикальных неолиберальных реформ). По официальным данным, в 2007 г. при среднегодовом приросте в 7% (начиная с 1999 по 2002 г. – 6,7% в год, с 2003 по 2007 г. – 7% в год) был восстановлен его объем по отношению к 1989 г., однако «из ежегодного прироста ВВП в размере 7% примерно 4% приходится на влияние роста экспортных цен и дополнительного притока валюты в страну, и только 3% экономического роста достигается за счет внутренних источников и факторов», т.е., отмечает академик А. Аганбегян, «мы не являемся пока хозяевами своего роста» [3, с. 22, 24, 31].

Согласно концепции А.В. Петрова возможность и, главное, необходимость сохранения суверенитета в системе современных «неизбежно глобализирующихся» обществ была поставлена идеологией неолиберализма под сомнение. Однако неолиберальная эйфория 1990-х гг., связанная с упованиями многих экономистов и политиков на объединяющую и креативную роль глобализации, растворилась. Ей на смену постепенно приходит прагматический взгляд на процессы глобальных изменений, который заключается в четком определении места и роли современных государств в усложняющейся, нестабильной системе международных отношений и формировании возможностей для действительно эффективного участия в них. Именно поэтому, несмотря на укоренившуюся убежденность ряда исследователей в слабости современного государства, неспособности проводить эффективную макроэкономическую и социальную политику в условиях глобализации, роль национальных государств в глобальной экономике не только не уменьшается, а существенным образом возрастает. Определяют эту роль принципиально новые условия развития глобальной производственной системы, требующие от государства все более существенных усилий по созданию благоприятной структурной социоинституциональной среды накопления и воспроизводства главного конкурентного преимущества экономики XXI в. – интеллектуального капитала, как основы экономического суверенитета и базового фактора его сохранения [4].

По справедливому замечанию М.И. Кротова, консервативная модернизация, начатая правительством В.В. Путина, означает качественный

скачок в технологическом, экономическом и социально-политическом развитии, достигаемый ненасильственными методами, без единовременного революционного изменения общественного строя, без разрушения сложившейся веками культуры, на базе ценностей, традиционных для данной цивилизации. Такой скачок происходит на основе коалиции всех социальных групп, поддерживающих модернизацию, с учетом их интересов, при активном использовании, но без механического копирования опыта других культур и цивилизаций. Либеральный характер модернизации российской экономики означает развитие и эффективное использование инициативы и способностей всех членов общества, их свободную самореализацию на базе частной собственности и государственно-частного партнерства, интеграцию экономики России в мировой рынок, планомерное и основанное на прочном правовом фундаменте ограничение вмешательства государства в общественную жизнь, приватизацию значительной части государственного имущества [5, с. 8–14].

В.М. Шкварок справедливо отмечает, что реализация национальных интересов России возможна только на основе устойчивого развития экономики и разумной интеграции со странами, близкими нам по социальным, культурным традициям. Поэтому национальные интересы России в этой сфере являются ключевыми. К числу интересов в экономической сфере следует отнести: стабильность финансовой системы, защиту от терроризма и криминализации общества, рациональное использование природных ресурсов, защиту отечественного товаропроизводителя и т.д. Необходимо выработать всеобщую в рамках существующего экономического пространства внешнюю политику, направленную на усиление экономической экспансии, а также защитить предпринимателей и бизнес от внешней экономической экспансии, противоречащей культуре и нормам ведения бизнеса. В условиях экономической глобализации национальные экономические интересы ложатся в основу проводимой государством экономической политики, важной составной частью которой является обеспечение экономической безопасности [6].

И.С. Королев [7] справедливо отмечает, что Россия в обозримом будущем останется крупным экспортером сырья. Здесь есть развилка: или мы по-прежнему просто сырьевой придаток для всего остального мира, или активно используем сырьевой экспорт в целях модернизации. В практическом плане это ключевой вопрос. Проведение модернизации осложняется массой серьезных проблем российской экономики. От растущего социального неравенства и коррупции до все еще относительно низкой мотивации

и культуры труда. Еще более опасно отставание в разы от США и ЕС по производительности труда и эффективности производства. Энергоемкость ВВП у нас выше, чем в Китае, в 2 раза выше, чем в США, почти в 3 раза выше, чем в ЕС и Японии.

С.И. Грудина справедливо полагает, что макроэкономические результаты предопределяются также эффективностью функционирования законодательной и исполнительной власти, качеством законодательства, а также правоприменительной практикой, в связи с чем настоятельной необходимостью стала также модернизация российских общественных институтов. На первоначальном этапе институциональных преобразований внутренние процессы модернизации России должны доминировать над внешними и определять конкретные формы, направления и методы включения России в мировое хозяйство. В последующем, при условии успешного развития тенденций глобализации, эти процессы будут постепенно сближаться [8, с. 66–70].

А.Ф. Гавриленков справедливо полагает, что модернизация современной России, в том числе и экономики, возможна лишь на пути демократизации общества. Однако демократизация должна идти в ногу с активным участием населения страны в управлении общественными процессами. Современное развитие российского общества невозможно без реального участия россиян в управлении. Создание и развитие реальных институтов демократии, позволяющее установить тесную связь общества и власти, ускорит модернизацию России в различных сферах. Однако данный путь не может быть осуществлен быстро. Развить способности и активность к участию в управлении обществом невозможно с помощью директив или предписаний от самой власти [9].

Таким образом, модернизация российской экономики в условиях глобальных трансформационных процессов – сложный, многоаспектный феномен, требующий всестороннего исследования и, как нам представляется, междисциплинарного подхода. По нашему мнению, современная российская экономика характеризуется высокой степенью включенности в глобальное рыночное хозяйство. Продолжается процесс интеграции России в ВТО, растет инвестиционная привлекательность российской экономики. Однако в связи с этим существуют и ряд негативных аспектов, как, например, чрезмерная бюрократизация российского социума и высокий уровень коррупции, что в значительной мере мешает развитию внешнеэкономических связей России и мирового рыночного пространства.

1. Акерман Е.Н., Богданова О.Е. Экономическое измерение глобализации // *Вестн. Томск. гос. ун-та*. 2008. № 312.
 2. Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности. М., 2007.
 3. Аганбегян А. Социально-экономическое развитие России: стратегия роста и возможности инвестиционного обеспечения // *Общество и экономика*. 2008. № 1.
 4. Федотова В.Г. Меняющийся мир и глобализация (начало) // *Знание. Понимание. Умение*. 2004. № 1.
 5. Кротов М.И. Политико-экономические проблемы российской модернизации // *Проблемы современной экономики*. 2010. № 2.
 6. Шкварок В.М. Экономическая глобализация как угроза экономической безопасности России // *Изв. РГПУ им. А.И. Герцена*. 2008. № 55.
 7. Королев И.С. Модернизация российской экономики в условиях глобализации. URL: http://www.scientificforum.spb.ru/2010/main_menu/tesises/korolev_ru.pdf
 8. Грудина С.И. Модернизация экономики России в условиях глобализации // *Науч. Татарстан*. 2008. № 3.
 9. Гавриленков А.Ф. К вопросу о модернизации экономики России на рубеже XX–XXI вв. // *Экономические исследования*. 2013. № 1(13). URL: <http://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/33/509/>
1. Ackerman E.N., Bogdanova O.E. Economic measurement of globalization // *Vestn. of Tomsk state university*. 2008. № 312.
 2. Pantin V.I., Lapkin V.V. Political modernization of Russia: cycles, features, regularities. Moscow, 2007.
 3. Aganbegyan A. Social and economic development of Russia: strategy of growth and possibility of investment providing // *Society and economy*. 2008. № 1.
 4. Fedotova V.G. The changing world and globalization (beginning) // *Knowledge. Understanding. Ability*. 2004. № 1.
 5. Krotov M.I. Political and economic problems of the Russian modernization // *Problems of modern economy*. 2010. № 2.
 6. Shkvarok V.M. Economic globalization as threat of economic safety of Russia // *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2008. № 55.
 7. Korolev I.S. Modernization of the Russian economy in the conditions of globalization. URL: http://www.scientificforum.spb.ru/2010/main_menu/tesises/korolev_ru.pdf
 8. Grudina S.I. Modernization of economy of Russia in the conditions of globalization // *Sci. Tatarstan*. 2008. № 3.
 9. Gavrilencov A.F. To a question of modernization of economy of Russia at a boundary of XX–XXI centuries // *Economic researches*. 2013. № 1(13). URL: <http://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/33/509/>

Чокаева Нина Очировнаначальник Центра финансового обеспечения
Министерства внутренних дел по Республике Калмыкия
(e-mail: hanata06@mail.ru)

Теоретическое обоснование мотивов предпринимательской активности

В статье рассмотрена проблема выявления мотивов предпринимательской активности, предполагающая их обоснование с позиций сущностных характеристик предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательские способности, предпринимательская активность, экономическое поведение, мотивы предпринимательской активности.

N.O. Chokaeva, Head of the Center for Financial Support of the Ministry of the Interior of the Republic of Kalmykia; e-mail: hanata06@mail.ru

Theoretical justification of motives of entrepreneurial activity

The article deals with the problem of determining the motives of entrepreneurial activity, suggesting their justification from the standpoint of the essential characteristics of entrepreneurship.

Key words: entrepreneurship, entrepreneurial skills, entrepreneurial activity, economic behavior, motives of entrepreneurial activity.

Происходящее в настоящее время замедление темпов развития российской экономики предусматривает в качестве одного из важнейших направлений преодоления этого состояния стимулирование предпринимательской активности, под которой в литературе понимаются процесс вовлечения населения в предпринимательство, а также активность предпринимательских структур, характеризующаяся деловой и инновационной активностью. В данной статье речь идет об активности предпринимательских структур. Предпринимательская активность – это также форма определенным образом мотивированного типа экономического поведения, обусловленного, в свою очередь, сущностной характеристикой предпринимательства.

Проблемы теории и практики предпринимательства как широкого комплексного понятия интересуют специалистов разных областей знаний уже давно. В научной литературе существует много подходов к определению сущности, социально-экономической эволюции и мотивационных ориентиров предпринимательства с разных точек зрения: экономической, социальной, психологической, управленческой, исторической. С экономической точки зрения предпринимательство – это понятие, характеризующее социально-экономические отношения между предпринимателями и другими субъектами рынка по поводу экономической свободы предпринимателя, наличия у него специфических

интересов, целей и мотиваций, обусловленных совокупностью определенных психологических черт и обеспечивающих определенный вид их экономического поведения.

Понятия «предприниматель» и «предпринимательство» впервые употребил в работе «Опыт о природе торговли вообще» английский экономист конца XVII – начала XVIII в. Ричард Кантильон, который понимал предпринимателя как человека, берущего на себя ответственность (риск) за продажу товара по заранее не предсказуемой цене.

Более подробно сущность фигуры предпринимателя раскрыл классик экономической теории Адам Смит. Он теоретически разработал модель классической рыночной экономики, основанную на частной собственности и обусловленной ею экономической свободе. Под свободой предпринимателя А. Смит понимал свободу предпринимательского выбора, невмешательство государства в его хозяйствование, личный мотив как главный мотив такого поведения, свободу действий в условиях свободной конкуренции, правда, с опорой на систему цен и «хорошие» законы [1].

А. Смит считал, что свободный предприниматель как «экономический человек» готов взвалить на себя дополнительное бремя, чтобы заработать побольше денег или богатства для своего собственного блага и блага своей семьи. В целях достижения частного интереса он рационально максимизирует индивидуальное

благополучие при минимизации издержек, и этот экономический мотив лежит в основе его экономического поведения.

Ж.Б. Сэй, считающийся учеником А. Смита, расширил понимание предпринимателя, которого он считал отличающимся от капиталиста участником экономического процесса, обладающим способностями, талантами, духом порядка и руководства как определенными человеческими способностями и за это получающим вознаграждение в виде части прибыли капиталиста. Следовательно, Сэй разделял идею А. Смита об экономическом мотиве поведения предпринимателя, связывал вознаграждение со способностями предпринимателя, которые он считал фактором производства наряду с землей, трудом и капиталом. На рубеже XIX–XX вв. понятие предпринимательства расширилось. Так, А. Маршалл связывал предпринимательство с организацией производства как одним из факторов производства [2]. Организаторские способности и материальное денежное вознаграждение за работу, по мнению Маршалла, становятся побудительными мотивами и воздействуют на экономическое поведение человека. Психические или организационные способности человека формируются в процессе производства и распределения и состоят в стремлении рационально максимизировать денежный доход. Американский экономист Дж.Б. Кларк также считал, что способности предпринимателя становятся фактором производства [3]. Итак, идеи Ж.Б. Сэя, Дж. Кларка и особенно А. Маршалла о способностях предпринимателя как факторе производства или экономическом ресурсе еще в XIX в. позволили сформулировать позицию в отношении психических основ функционирования рыночно-капиталистической системы. Вывод о том, что психика человека, определяемая его естественно-органической природой и влияющими на нее общественными условиями, играет важнейшую роль в типе экономического поведения субъектов рынка, в принятии ими управленческих решений, был сделан в конце XX в. экономистами, социологами, историками, психологами и юристами, разрабатывавшими науку о человеческом поведении [4].

Психические особенности человека лежат в основе таких поведенческих черт предпринимателя, как умение рисковать, динамичность, инициативность, энергичность, новаторство и творческий подход к делу, предприимчивость, решительность, умение находить нетрадиционные решения, самостоятельно принимать и реализовывать их. Эти личностные черты или признаки в совокупности составляют предпринимательские способности, а деятельность людей,

наделенных такими чертами и успешно их реализующих, называется предпринимательством.

Предприниматель реализует перечисленные поведенческие черты личности, особенно черту новаторства, творческого отношения к делу, и эта потребность в самореализации себя как новатора и творца выступает другим, отличным от экономического мотивом предпринимательской активности (хотя этот мотив не исключает и экономический денежный мотив). Этот мотив к самореализации в творчестве может быть назван психологическим.

В этой связи большое значение для понимания фигуры предпринимателя имеют воззрения известного американского экономиста – теоретика предпринимательства Й. Шумпетера (1883–1950). Он рассматривал предпринимателя как движущую силу капитализма, как новатора, разрабатывающего новые технологии, нововведения, реализация которых способствует экономическому росту [5]. Это было для того времени большой новизной в понимании фигуры предпринимателя. Й. Шумпетер рассматривал рыночную экономику как мир реального соперничества, где живые люди организуют новые фирмы, завоевывают новые рынки и продвигают новые продукты на основе свободы или умения делать «то и так, что и как не умеют другие» [5].

Отношение к инновациям, по мнению Й. Шумпетера, определяет экономическое поведение богатых, среди которых он различал «новаторов» и «консерваторов», или рутинеров. Число «новаторов» как творческих личностей, имеющих психическую ориентированность на прогресс, является показателем инновационного потенциала и прогресса экономической системы. Целью поведения «новаторов» является реализация новых идей, технологий, продуктов, поэтому «новаторы» расширяют область приложения своих усилий, выполняют все более новые функции. Они демонстрируют высокую степень экономической устойчивости и адаптивной эффективности, отрицательные издержки поведения «новаторов» невысоки. «Консерваторы», или рутинеры, демонстрируют поведение, обратное модели поведения «новаторов». Они сохраняют прежние позиции в области идей, технологий, продуктов, а значит, используют прежние способы и методы деятельности, не расширяя ее сфер. Издержки такого поведения высокие и постоянно увеличивающиеся, поэтому их устойчивость и эффективность функционирования низкая. Поведение «новаторов» является предпринимательским, ибо предпринимательская деятельность инновационна по сути и этим отличается от других видов деятельности.

Представители неоавстрийской школы Л. Мизес [6] и Ф. Хайек [7] расширили понимание предпринимательства как типа поведения. Они считали, что предприниматель не просто экспериментирует с новыми технологическими методами, а отбирает именно те, которые являются более экономичным, дешевыми для людей. Фридрих фон Хайек прямо связывал предпринимательство с поведением человека, который занимается поиском и изучением новых экономических возможностей [7].

По мнению Фридриха фон Хайека, предпринимательство – это скорее характеристика поведения человека, а не особая форма социально-экономической деятельности. Цель такого поведения – поиски и исследование новых экономических возможностей, что неразрывно связано со свободой человека, исключаяющей его подчинение воле других людей. Одновременно оно должно быть сообразовано с законами гражданского общества. Предприниматель ввиду своих психологических особенностей выполняет функцию «толкателя» общественно-экономического прогресса, и в этом заключается психологический мотив предпринимательства. Позиция Ф. Хайека в значительной степени акцентирует внимание на психологических характеристиках предпринимательства, однако при этом важным аспектом является взаимосвязь свободных форм предпринимательства с существующими в обществе этическими нормами и правовыми регламентами [7].

Идеи Л. Мизеса и Ф. Хайека были развиты И. Кирцнером, который видел основную роль предпринимателя в том, чтобы добиться такого урегулирования рыночной системы, чтобы она пришла в состояние равновесия, т.е. понимал предпринимательство как способ ведения дел в условиях конкуренции, как движущую или уравнивающую силу «конкурентно-предпринимательского» рыночного процесса. Этим пониманием И.М. Кирцнер внес большой вклад в теорию предпринимательства, увязав ее с теорией равновесия [8].

И. Шумпетер видел в предпринимателе разрушителя существующих (уже действующих) предприятий посредством продуктивных нововведений и творца неравновесия. Предприниматель Кирцнера, напротив, не разрушитель, а скорее по природе своей катализатор, в отсутствие которого конкурентная рыночная экономика прекратила бы свое функционирование. При этом мотивом предпринимателя вместе с экономическим становится потребность в реализации управленческих качеств, т.е. психологический мотив.

Особое внимание психическим основам классовой структуры общества и, в том числе, активности предпринимателя как класса богатых уделяли Т. Веблен, В. Парето и В. Зомбарт.

Так, Т. Веблен писал, что природа человека характеризуется двумя наиболее глубокими инстинктами – инстинктом соревнования (состязания) и инстинктом мастерства (полезного трудолюбия) [9]. Инстинкт соревнования, по его мнению, является самым сильным из экономических мотивов, но это инстинкт хищнический, он приводит к концентрации богатства в частных руках, а люди с инстинктом мастерства создают это богатство, т.е. являются подлинными творцами прогресса. Поэтому крупные собственники – это, по Веблену, «праздный класс», их поведение диктуется инстинктами стяжательства и агрессии и характеризуется Вебленом как «хищничество» [9].

В. Парето, один из крупнейших экономистов и социологов рубежа XIX–XX вв., также считал, что мотивы человеческого поведения определяются главным образом психикой. Он делил общество на властвующую элиту и неэлисту. Властвующая элита имеет высокий индекс способностей и уровень их реализации, что измеряется величиной денежного дохода, у нее преобладает инстинкт новизны и стяжательства, у неэлиты – инстинкт консервативного склада. Психический мотив элиты соответствует его экономическим мотивам действия в виде личного обогащения любыми способами. В. Зомбарт также писал о психических типах людей и навязываемом ими всему обществу определенном типе поведения. Он выделил «буржуа» как носителей «капиталистического духа» и людей противоположного типа психики [10]. «Капиталистический дух» – это сросшийся воедино предпринимательский и мещанский дух. «Предпринимательский дух» – это синтез жажды денег, страсти к приключениям, изобретательности и многого другого, а «мещанский дух» состоит из склонности к счету и осмотрительности, из благоразумия и хозяйственности [10]. По мнению Зомбарта, предприниматель является завоевателем, обладающим инстинктом свободы и воли, организатором, обладающим качествами лидера, и торговцем, т.е. общительным, контактным и авторитетным. Мещанский дух – это трудолюбие, стяжательство.

Итак, как отмечает известный историк экономической жизни Б. Селигмен, при определенных различиях во взглядах на психику человека для Парето, Веблена и Зомбарта поведение человека в любой среде деятельности (хозяйственной, социальной, политической, идеологической) объясняется его психикой [11].

Поведенческие или психологические качества, обеспечивающие успешность предпринимательской деятельности, рассматривались и другими учеными. М. Вебер, например, понимал «ресурс предприимчивости» как реакцию на жесткую, неожиданную ситуацию в системе с неопределенным результатом. Исходя из этого, он выделял следующие «идеальные» типы предпринимателей, выражающиеся в особенностях отношений управления и подчинения, которые существуют между людьми: организующий мир бюрократ (конфуцианство); упорядочивающий мир работника-предпринимателя (индуизм); наемный управляющий самурай (буддизм); руководитель-воин, покоряющий неблагоприятную и даже враждебную среду (ислам); творец-ремесленник, способный не только к оперативному ситуационному диагнозу, но и к позитивному действию (христианство) [12].

Известный российский социолог Л. Гумилев разделил людей по уровню их природной биопсихической энергетике на три разнородных типа – «пассионарии», «гармоничные личности» и «субпассионарии», в которых он видел первопричину массовых исторических движений. По мнению Л.Н. Гумилева, в основе пассионарности лежит природная непроизвольно проявляющаяся склонность к активности, которая стимулируется преобладанием потребности в развитии над видовой и личной потребностью в самосохранении. Пассионарная личность способна нарушить инерцию среды, способна преодолевать границы взаимодействия со средой и действовать над ситуацией.

Всего Л.Н. Гумилевым было выделено 12 типов социального поведения, из которых половина обладает пассионарностью. К ним относятся честолюбцы, деловые люди, авантюристы, ученые, пророки. К деловым людям Л.Н. Гумилев относил людей, имеющих врожденную склонность к предпринимательству [13].

Кроме новаторства, отличительным признаком предпринимательства является постоянное умение рисковать и управлять риском, что выступает важной характеристикой экономического поведения предпринимателя.

Риск объективно порожден неопределенностью самого рынка ввиду изменения конъюнктуры, цен и предпочтений потребителя, а также в силу непредсказуемой реакции рынка на предлагаемые предпринимателем решения.

Умение рисковать предполагает учет риска и его отрицательных последствий в принимаемых предпринимателем решениях, сопоставление возможных потерь от риска с получаемыми доходами, т.е. упущенную выгоду, снижение риска различными методами.

Постоянное изменение экономической ситуации и обострение конкурентных отношений усиливает неопределенность получения прибыли, что требует обоснованного выбора оптимальных управленческих решений, не только в краткосрочный, но и в долгосрочный период. Предпринимательский успех во многом определяется способностью своевременно реализовывать на рынке разные возможности созданного дела, что связано с реализацией предпринимательских способностей, и это усиливает значимость управленческой компоненты предпринимательства.

Предпринимательские способности как определенные психические особенности личности являются одной из главных основ устойчивых конкурентных преимуществ. Именно поэтому среди ряда психологических проблем, возникающих в связи с развитием российского предпринимательства, повышением его активности и усилением роли не только в хозяйственной, но и в политической сферах, расширением влияния на общественную жизнь, наибольшую актуальность представляет проблема поиска устойчивых комбинаций личностных черт и деловых качеств, позволяющих безошибочно прогнозировать предпринимательский потенциал, предпринимательскую активность. Следовательно, можно говорить о своеобразном мотиве достижения конкурентоспособности как о новом мотиве предпринимательства.

Предпринимательская активность позволяет раскрыть экономический потенциал общества, создавать новые рынки, технологии социальных связей и структур. Благодаря предпринимательской активности модернизируются производственные технологии, совершенствуются товары, открываются оригинальные источники и виды сырья, осваиваются рынки сбыта, возникают ранее неизвестные или восстанавливаются давно забытые профессии, организуются дополнительные рабочие места, что способствует повышению конкурентоспособности как самих предпринимательских структур, так и конкурентоспособности национальной экономики в целом.

1. Смит А. Исследование о сущности и причинах богатства народов: в 2 т. М., 1995.

1. Smith A. Research about essence and causes of wealth of nations: in 2 vol. Moscow, 1995.

2. Маршалл А. Принципы экономической теории: в 3 т. / пер. с англ. М., 1984.
 3. Кларк Дж.Б. Распределение богатств / пер. с англ. М., 2000.
 4. Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения. М., 2009.
 5. Шумпетер Й. Теория экономического развития / пер. с нем. М., 1982.
 6. Мизес Лоран. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с англ. М., 2000.
 7. Хайек Ф.К. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма / пер. с англ. М., 1992.
 8. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство / пер. с англ.; под ред. А.Н. Романова. М., 2001.
 9. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
 10. Зомбарт В. Буржуа. Мировая экономическая мысль. М., 2005. Т. 3.
 11. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
 12. Вебер М. Избр. произведения / пер. с нем. М., 1990.
 13. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997.
2. Marshall A. Principles of economic theory: in 3 vol. / transl. from English. Moscow, 1984.
 3. Clark J.B. Distribution of wealth / transl. from English. Moscow, 2000.
 4. Olsevich Yu. Ya. Psychological foundations of economic behavior. Moscow, 2009.
 5. Schumpeter J. Theory of economic evolution / transl. from German. Moscow, 1982.
 6. Mizes Loran. Human activity: treatise on economic theory / transl. from English. Moscow, 2000.
 7. Hayek F.K. Fatal conceit: errors of socialism / transl. from English. Moscow, 1992.
 8. Kirzner I. Competition and entrepreneurship / transl. from English.; ed. by A.N. Romanov. Moscow, 2001.
 9. Veblen T. Theory of the leisure class. Moscow, 1984.
 10. Zombart V. Bourgeois. World economic thought. Moscow, 2005. Vol. 3.
 11. Seligman B. Main currents of modern economic thought. Moscow, 1968.
 12. Veber M. Sel. works / transl. from German. Moscow, 1990.
 13. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the Earth's biosphere. Moscow, 1997.

Кузнецов Алексей Игоревич

кандидат социологических наук,
начальник кафедры специальной тактики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79184399704)

Литвин Дмитрий Владимирович

кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры специальной тактики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79182384018)

Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел по профессии «Полицейский»: от подготовки к образованию

В статье рассматривается развитие системы подготовки кадров МВД в рамках реформы отечественного образования. Анализируются нормативная правовая основа реформирования, особенности внедрения государственной стандартизации начального профессионального обучения лиц, впервые поступающих на службу в органы внутренних дел, по профессии «Полицейский».

Ключевые слова: начальное профессиональное обучение, профессиональное образование, профессия «Полицейский», компетенции, федеральный государственный образовательный стандарт.

A.I. Kuznietsov, Master of Sociology, Head of a Chair of Special Tactics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184399704;

D.V. Litvin, Master of Pedagogics, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Special Tactics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79182384018.

Primary vocational training of police officers: from basic training to education

The article examines the development of the training system for the police within of reform of national education. Analyzes the legal and regulatory basis of reform, particularly the introduction of the state of standardization in the initial training of the profession «Police officer».

Key words: primary vocational training, vocational education, profession «Police officer», competence, federal state educational standard.

Приоритетным направлением кадровой политики Министерства внутренних дел РФ выступает задача формирования и закрепления профессионального кадрового ядра сотрудников ОВД [1, с. 6]. В этом контексте пристальное внимание обращается на деятельность образовательных организаций МВД России, направленную на повышение профессионализма курсантов и слушателей. Теоретическое осмысление развития ведомственной системы подготовки кадров в рамках реформы отечественного образования представляет значительный интерес. Изучение этих вопросов позволит определить качественные характеристики кадрового потенциала органов внутренних дел, оценить его соответствие «социальному

заказу», а также обозначить тенденции дальнейшего совершенствования профессиональной подготовки и кадровой политики.

Неотъемлемым элементом единой многоуровневой кадровой системы МВД является первоначальная подготовка сотрудников полиции. Проблемная ситуация заключается в необходимости уточнения структуры и содержания профессиональной подготовки лиц, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, пересмотра оценки их готовности с учетом происходящих в образовательном пространстве реформ. Необходимо осознать противоречие между требованиями к процессу и результату профессионального обучения сотрудников полиции, обусловленными объективными факторами

развития общества, и реально существующими педагогическими условиями осуществления этого процесса.

1. Нормативная правовая основа реформирования начального профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел.

МВД России осуществляет деятельность в области подготовки кадров, руководствуясь законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами. Специфика подготовки кадров для органов внутренних дел заключается в том, что в соответствии с п. 4 ст. 18 Федерального закона «О полиции» сотрудник обязан проходить специальную подготовку, как и периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Это значит, что, поступая на службу в органы внутренних дел, будущие сотрудники проходят первоначальную профессиональную подготовку, предусматривающую приобретение ими основных профессиональных знаний и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Отечественная система подготовки кадров для ОВД формировалась десятилетиями, прошла проверку временем. В образовательных организациях МВД России обучение осуществлялось по основным профессиональным образовательным программам начального, среднего и высшего профессионального образования. В центрах профессиональной подготовки (учебных центрах) – по соответствующим программам первоначальной подготовки. В системе профессионального образования учебные центры МВД России были самыми массовыми учреждениями, проводящими первоначальную профессиональную подготовку сотрудников милиции.

Формальное обозначение факта прохождения установленной процедуры, связанной с программой образования или подготовки, которую проводит образовательное или подготовительное учреждение, традиционно связывают с квалификацией [2, с. 12]. Какую квалификацию получали лица, прошедшие первоначальное профессиональное обучение? Выпускники образовательных организаций МВД России по основным профессиональным образовательным программам получают документ государственного образца о соответствующем уровне образования и квалификации, а слушатели центров профессиональной подготовки получали лишь соответствующее заключение и рекомендации по дальнейшему прохождению службы.

Модернизация системы профессионального образования затронула и кадровую политику МВД. В первую очередь, официальный статус получила профессия «Полицейский». 22 октября 2011 г. в Твери на встрече с руководящим составом МВД России Д.А. Медведев подписал поручение Правительству РФ о необходимости внесения изменений в законодательство, предусматривающих появление в перечне профессий начального профессионального образования профессии «Полицейский» [3]. Перечень применяется с 2010 г. при приеме на основные профессиональные образовательные программы начального профессионального образования, реализуемые в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (далее – ФГОС). Приказом Министерства образования и науки РФ (далее – Минобрнауки) от 21 февраля 2012 г. № 124 были внесены изменения в перечень профессий начального профессионального образования, где под кодом 031001.01 появилась профессия «Полицейский» [4].

В дальнейшем наблюдается повсеместное внедрение профессиональных стандартов, призванных повысить качество подготовки работников, их мотивацию к труду, привести к соответствию систему образования и подготовки, с одной стороны, и рынок труда – с другой. По итогам совещания по вопросам разработки профессиональных стандартов, состоявшегося в декабре 2013 г., В.В. Путин подписал перечень поручений. Среди них – подготовить проекты федеральных законов, предусматривающие обязательность применения профессиональных стандартов работодателями [5]. Профессиональный стандарт становится новой формой определения квалификации работника.

В феврале 2013 г. министру образования и науки РФ Д.В. Ливанову был представлен проект ФГОС начального профессионального образования профессии «Полицейский» (далее – ФГОС НПО «Полицейский»), подготовленный авторским коллективом Московского университета МВД России. Проект ФГОС НПО представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основных профессиональных образовательных программ первоначальной подготовки по профессии «Полицейский». Проект ФГОС НПО «Полицейский» размещен на сайте Минобрнауки для общественного обсуждения в феврале 2013 г. [6].

Таким образом, наблюдается тенденция усиления государственного контроля над качеством процесса и результата профессионального образования. Кадровая политика Министерства внутренних дел соответствует современным

тенденциям общественного развития, направлена на подготовку квалифицированного работника, конкурентоспособного, компетентного в своей профессии, готового к постоянному профессиональному росту. Ведомственные образовательные организации проходят лицензирование на право осуществления деятельности по подготовке обучающихся по профессии НПО «Полицейский». В настоящее время для лиц, успешно прошедших итоговую аттестацию по программам профессионального обучения, предусмотрена выдача свидетельства о должности служащего [7]. Свидетельство подтверждает приобретение профессиональной компетенции по замещаемой должности, полученной в результате обучения.

2. Организационные и методические особенности перехода начального профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел на компетентностную модель образования.

В настоящее время программно-нормативные документы, регламентирующие первоначальную профессиональную подготовку, используют традиционные понятия и термины наравне с новыми, вводимыми в употребление Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об образовании в РФ»). При этом обращает внимание наличие в программно-нормативных документах многочисленных терминологических оборотов, создающих смысловую перегруженность и сложность для восприятия. Например, п. 1.2 проекта ФГОС НПО «Полицейский» содержит следующий оборот: «основная профессиональная образовательная программа первоначальной подготовки по профессии начального профессионального образования». Как соотносятся сами понятия «профессиональная подготовка», «профессиональное обучение», «начальное профессиональное образование»?

Действующие примерные программы, утвержденные Департаментом государственной службы и кадров МВД России, в полном соответствии с приказом МВД России от 3 июля 2012 г. № 663 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» уже в своем названии профессиональную подготовку отождествляют с профессиональным обучением. Первоначальная подготовка – обучение по программам, предусматривающим приобретение основных профессиональных знаний и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей [8].

Статья 2 «Основные понятия...» ФЗ «Об образовании в РФ» не содержит термин «про-

фессиональная подготовка». Вместе с тем, закон определяет профессиональное обучение как вид образования, который направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенций, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности, профессий). В предыдущей версии Закона РФ «Об образовании» определялось, что профессиональная подготовка имеет целью ускоренное приобретение обучающимся навыков, необходимых для выполнения определенной работы, группы работ. Из приведенного выше следует, что устоявшийся оборот «первоначальная профессиональная подготовка» обозначал и обозначает процесс формирования сугубо прикладных знаний, умений и навыков, способностей и качеств специалиста. Однако в настоящее время, в условиях новой образовательной парадигмы использование этого понятия приводит к смысловым неточностям, а порой и к искажению сущности компетентностной образовательной программы.

Ускоренное приобретение прикладных навыков зачастую отождествляется с поверхностной подготовкой, не требующей серьезного обоснования, методологического исследования и методического обеспечения. Некий сокращенный вариант образовательной программы, лишенный гуманитарного, социального, экономического и других циклов.

Возникает вопрос: возможно ли немного овладеть профессиональной компетенцией (практическим опытом), например, в области применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия? Ответ очевиден: сотрудник полиции или владеет соответствующими профессиональными компетенциями, или не владеет. Так, невыполнение одного из положений оснований, порядка, запретов при применении указанных мер принуждения, предусмотренных нормативной правовой базой, автоматически ведет к неправомерности действий сотрудника. Возникающие трудности при реализации крайней меры административного принуждения, выражающиеся в нерешительности применения табельного оружия либо поспешности его применения, также свидетельствуют о несоответствии квалификации сотрудника предъявляемым требованиям.

Поверхностное отношение к профессиональной подготовке лиц, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, порождает упрощенческий подход к реализации программы обучения. Это неоправданный подход, поскольку

ку профессиональная подготовка сотрудников полиции, приступающих через шесть месяцев обучения к выполнению служебных обязанностей, в том числе с огнестрельным оружием, должна наиболее полно соответствовать квалификационным требованиям образовательных стандартов. Последние, в свою очередь, – требованиям практики.

Что является более серьезным, вторгающимся в высшие человеческие ценности – жизнь и здоровье, и в то же время что является более прикладным, чем готовность и способность сотрудника полиции применять меры административного принуждения – физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие? Из открытых источников известно, что ежегодно погибают около 300 сотрудников во время задержаний лиц, совершивших противоправные деяния, их преследования, отражения опасных для жизни и здоровья посягательств и т.д. Примечательно, что цифра в течение последнего десятилетия значительно не изменяется. Чаще всего огнестрельное оружие применяют сотрудники подразделений патрульно-постовой службы, ГИБДД, вневедомственной охраны, т.е. те категории обучающихся, которые чаще всего проходят первоначальную подготовку на факультетах профессионального обучения образовательных организаций (ранее – в центрах профессиональной подготовки (ЦПП), учебных центрах МВД). Статистические данные в этом контексте являются лучшей оценкой и качественным показателем уровня подготовленности выпускников образовательных организаций МВД, получивших квалификацию и по профессиональной образовательной программе, и по программе профессионального обучения.

Кроме того, как справедливо отмечает старший полицейский советник Генерального секретаря ОБСЕ К. Карти, уровень профессиональных навыков сотрудников полиции общественной безопасности, которая составляет почти половину национальных полицейских служб большинства стран, предопределяет положительный или негативный образ всей национальной полицейской службы в целом [9].

Если в процессе освоения образовательной программы в вузе педагогический состав работает с выпускником над формированием соответствующих компетенций на протяжении пяти лет, то лицам рядового и среднего начальствующего состава на это дается шесть месяцев. Результат при этом должен быть одинаковым. Независимо от сроков обучения выпускник образовательных организаций МВД России любого уровня должен обладать соответствующими компетенциями.

Как известно, компетентностный подход выдвигает на первый план не профессиональ-

ную информированность студентов (знания), а умение решать проблемы, возникающие в познании, при освоении техники и технологии, в ситуациях самоорганизации, нравственного выбора и самооценки. Компетенции рассматриваются авторами как отчужденное, заранее заданное социальное требование (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений) к образовательной подготовке личности, необходимой для его эффективной продуктивной деятельности в определенной сфере. Иными словами, говоря о компетенции или компетентности, мы подразумеваем характеристики поведения, доминирующую форму активности личности, сформированность соответствующих навыков и умений, степень владения профессиональным предметом. Опираясь на педагогические исследования, можно выделить следующие составляющие компетенции: знать, уметь, владеть (иметь практический опыт). Последняя составляющая выступает интегративной характеристикой степени освоения компетенции, поскольку выражает интеграцию результатов педагогического процесса в практику.

Таким образом, в пользу термина «профессиональная подготовка» (в названии примерной рабочей программы, иных программно-нормативных документов) можно привести, пожалуй, аргумент преемственности понятийно-терминологического аппарата. В названии примерной программы словосочетание «профессиональная подготовка» присутствует. Однако оно является уточняющим, находится в скобках за термином «профессиональное обучение».

В ст. 81 ФЗ «Об образовании в РФ» указывается, что подготовка кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка осуществляется путем реализации основных и дополнительных профессиональных образовательных программ и основных программ профессионального обучения в федеральных государственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность. Приказ МВД России от 3 июля 2012 г. № 663 также устанавливает, что первоначальную профессиональную подготовку сотрудники ОВД могут проходить в образовательных организациях МВД России по профессиональным образовательным программам начального профессионального образования, а также в ЦПП по программам профессиональной подготовки. В настоящее время произошла реорганизация большей части ЦПП и передача их функций, учебно-материальной базы, штатной численности образовательным организациям МВД России. Как следствие, было бы логичным предположить, что и программы, реализуемые

в структурных подразделениях образовательных организаций, станут программами не профессионального обучения, а профессионального образования. Так, проект ФГОС, подготовленный авторским коллективом Московского университета МВД России, рассматривает основную профессиональную образовательную программу первоначальной подготовки по профессии «Полицейский».

Безусловно, реализация образовательных программ потребует внесения очередных корректив в процесс первоначального обучения сотрудников. Так, в настоящее время выпускник факультета профессионального обучения должен освоить 7 общих и 12 профессиональных компетенций. В проекте ФГОС НПО «Полицейский» уже 12 общих и 15 профессиональных компетенций. Более того, известно, что образование более широкое понятие, чем обучение, поскольку включает еще и процесс воспитания. В соответствии с этими изменениями предполагается увеличить и срок обучения до 10 месяцев, что более соответствует вузовским стандартам организации планирования и отчетности всех видов деятельности. В настоящее время сотрудники и педагогический состав факультетов профессионального обучения испытывают значительные трудности в организации своей работы из-за несовпадения сроков обучения прибывающих категорий с вузовским учебным годом. Вместе с тем, увеличение сроков обучения повлечет уменьшение пропускной способности факультета и, соответственно, уменьшение ежегодного количества подготовленных лиц рядового и младшего начальствующего состава, иных категорий, наиболее востребованных на местах.

Проведенный анализ развития ведомственной системы подготовки кадров в рамках реформы отечественного образования позволяет сделать следующие выводы.

1. Кадровая политика Министерства внутренних дел на современном этапе соответствует тенденциям общественного развития, направлена на подготовку квалифицированных работников. Усиление государственного контроля над качеством процесса и результата профессионального образования заложено в требованиях ФЗ «Об образовании в РФ», проекте ФГОС НПО

«Полицейский», примерной программе профессионального обучения (профессиональной подготовки). Внедряются новые подходы к стандартизации профессионального образования сотрудников органов внутренних дел, оценке полученной квалификации, процессу обучения.

2. Повышаются квалификационные требования к должностям, уровню образования сотрудников полиции, их профессиональным компетенциям, в том числе полученным по программам первоначального обучения. Понятие «компетенция» становится полноправным и неотъемлемым элементом, характеризующим качество подготовленности выпускника, а компетентностный подход – научно-педагогической основой и способом подготовки квалифицированного работника. Ускоренное приобретение компетенций сотрудника полиции в области применения мер административного принуждения требует серьезного обоснования, методологического исследования и методического обеспечения.

3. Передача функций начального профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел по профессии «Полицейский» образовательным организациям МВД России, приведение обучения в соответствие с требованиями ФЗ «Об образовании в РФ» сопровождаются рядом организационных проблем. Порядок организации профессионального обучения лиц, впервые поступающих на службу в органы внутренних дел, регламентированный ведомственными приказами, не в полной мере соответствует устоявшимся традициям организации обучения в вузах (сроки обучения и периодичность поступления категорий слушателей, годовой график работы педагогического состава, особенности взаимодействия с территориальными комплекующими органами и т.д.).

4. Процесс формирования эффективной системы профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел не завершен. Внедрение и реализация ФГОС НПО «Полицейский» определит необходимость очередных организационных изменений в деятельности образовательных организаций, связанных с расширением основной профессиональной образовательной программы, увеличением сроков обучения и иными факторами.

1. «Дорожная карта» дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // *Профессионал*. 2013. № 1.

2. Аллэ С. Национальные системы квалификационных стандартов: внедрение и результаты: отчет об исследовании, проведенном в 16 странах. М., 2011.

1. «Road map» for further reform of law enforcement bodies of the Russian Federation // *Professional*. 2013. № 1.

2. Allais S. The implementation and impact of national qualifications frameworks: report of research in 16 countries. Moscow, 2011.

3. Перечень поручений по итогам встречи с руководящим составом МВД // *Официальный интернет-сайт Президента России*. URL: <http://www.kremlin.ru/assignments/13403> (дата обращения: 26.08.2014).

4. О внесении изменения в перечень профессий начального профессионального образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 сентября 2009 г. № 354: приказ Министерства образования и науки РФ от 21 февр. 2012 г. № 124. Доступ из системы «Гарант».

5. Перечень поручений по итогам совещания по вопросам разработки профессиональных стандартов // *Официальный интернет-сайт Президента России*. URL: <http://www.kremlin.ru/assignments/19935> (дата обращения: 15.06.2014).

6. Общественное обсуждение проектов федеральных государственных образовательных стандартов // *Официальный интернет-сайт Министерства образования и науки*. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3082> (дата обращения: 10.08.2014).

7. Методические рекомендации по изготовлению и выдаче документов о квалификации в организациях, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении МВД России. М., 2013.

8. Примерная программа профессионального обучения (профессиональной подготовки) лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел. М., 2013.

9. Наилучшая практика первоначальной полицейской подготовки – аспекты учебной программы: серия публикаций Отдела стратегических вопросов полицейской деятельности. Вена, 2009. Т. 5 // *Электронная библиотека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе*. URL: <http://polis.osce.org/library> (дата обращения: 29.08.2014).

3. Instructions following a meeting with the leadership of the Ministry of the Interior of Russia // *Official website of the President of the Russian Federation*. URL: <http://www.kremlin.ru/assignments/13403> (date of access: 26.08.2014).

4. On amendments to the list of occupations of initial vocational training, approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of September 28, 2009 № 354: order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of Febr. 21, 2012 № 124. Access from system «Garant».

5. Presidential instructions following meeting on the development of professional standards // *Official website of the President of the Russian Federation*. URL: <http://www.kremlin.ru/assignments/19935> (date of access: 15.06.2014).

6. Public discussion of the draft federal state educational standards // *Official website of the Ministry of Education and Science*. URL: <http://minobrnauki.rf/documents/3082> (date of access: 10.08.2014).

7. Methodical recommendations for the production and delivery of documents of the qualifications in organizations engaged in educational activities and administered by the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, 2013.

8. Approximate program of vocational training (initial training) privates and junior officers of the first time taken to serve in law enforcement bodies. Moscow, 2013.

9. Best practices in basic police training – aspects training program: a series of publications of the Strategic Police Matters Unit. Vienna, 2009. Vol. 5 // *Digital library of the Organization for Security and Cooperation in Europe*. URL: <http://polis.osce.org/library> (date of access: 29.08.2014).

Латышов Игорь Владимирович
 кандидат юридических наук, доцент,
 начальник кафедры трасологии и баллистики
 учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
 Волгоградской академии МВД России
 (e-mail: latyshov@gmail.com)

Судебно-баллистическая диагностика в системе учебной дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза»

В статье раскрыта роль судебно-баллистической диагностики в системе учебной дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза» как компонента методологии научного и практического познания объектов судебно-баллистической экспертизы – оружия, патронов и следов их действия, элемента дидактики образовательного процесса по подготовке экспертов-баллистов для органов внутренних дел России.

Ключевые слова: судебно-баллистическая диагностика, оружие, патроны, следы действия оружия и патронов, образовательный процесс, подготовка экспертов-баллистов.

I.V. Latyshov, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Traceology and Ballistics of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: latyshov@gmail.com

Forensic and ballistic diagnostics in «Forensic ballistics and forensic ballistics analysis» subject

The article reveals the role of the forensic and ballistic diagnostics in «Forensic ballistics and forensic ballistics analysis» subject as a part of science and training research of forensic ballistics analysis objects – weapon, patrons and marks of shot and as an element of ballistic experts training process.

Key words: forensic and ballistic diagnostics, weapon, patrons, marks of shot, educational process, ballistic expert training.

Вопросы подготовки специалистов являются приоритетными в деятельности профильных вузов МВД России в рамках решения задач, поставленных перед органами внутренних дел руководством страны по повышению эффективности противодействия преступности, обеспечению правопорядка, защиты прав и законных интересов граждан, юридических лиц, защиты собственности.

Реализуя задачи профессионального образования, процесс обучения в соответствии с п. 13 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенций, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности, профессий) [1].

Базовой формой подготовки специалистов для экспертно-криминалистических подразде-

лений МВД России является очное обучение курсантов и слушателей по специальности «Судебная экспертиза». В число дисциплин специализации входит «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза», изучаемая курсантами 4 курса в течение учебного года.

К ее характерным особенностям, как и большинства дисциплин экспертного профиля, следует отнести большой объем учебных часов, отведенных на практические и лабораторные занятия. Так, для дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза» он превышает 80%.

В рамках названных видов учебных занятий обучаемые отрабатывают практические навыки производства экспертных исследований, осваивают приемы работы на криминалистической технике и оборудовании, изучают возможности использования профильных программно-технических решений и информационных технологий.

На выполнение задач профессиональной подготовки экспертов-баллистов направлен комплекс предусмотренных учебным планом вуза, рабочей программой дисциплины мер, включающих изучение основ теории судебной баллистики, материальной части оружия и патронов, методик экспертного решения идентификационных и диагностических задач. Окончательное формирование получаемых слушателями профессиональных и профессионально-специализированных компетенций проводится на практике – в ходе прохождения преддипломной стажировки.

Все это создает условия для усвоения обучаемыми предусмотренных соответствующим государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования знаний, умений и навыков, формирования компетенций, высокой степени функциональной готовности выпускников к выполнению своих профессиональных обязанностей – производству судебно-баллистических экспертиз и исследований, ведению экспертно-криминалистических учетов выстреленных пуль и стреляных гильз в нарезном огнестрельном оружии и др. В частности, по результатам проводимого в 2012 и 2013 гг. опроса руководителей экспертно-криминалистических подразделений МВД России, обеспечивающих проведение преддипломной стажировки слушателей выпускных курсов факультета подготовки экспертов-криминалистов и оперативных сотрудников полиции Волгоградской академии МВД России, достаточно высокий уровень подготовки по судебно-баллистической экспертизе отмечен у 36% и 59% слушателей соответственно (из доклада начальника учебно-методического комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России Н.Н. Шведовой на заседании методического совета академии 14 ноября 2013 г. (протокол № 3)).

Действующей в настоящее время рабочей программой дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза» Волгоградской академии МВД России на ее изучение выделяется 340 часов, из них 210 часов – учебные занятия, а 130 часов – самостоятельная работа курсантов.

При рассмотрении содержания рабочей программы по дисциплине «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза» обращает на себя внимание тот факт, что в одиннадцати из двенадцати заявленных в ней тем большая часть учебного материала прямым образом либо опосредованно связана с вопросами экспертного диагностирования оружия, патронов и следов их действия.

В частности, предметом судебно-баллистической диагностики охвачено исследование материальной части стрелкового огнестрельного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового ствольного, пневматического оружия, патронов к ним, определение состояния оружия, экспертное исследование самодельного огнестрельного оружия, установление обстоятельств применения стрелкового огнестрельного оружия по следам выстрела, производство отдельных видов судебно-баллистических исследований на месте происшествия.

Так, изучение материальной части стрелкового оружия имеет целью формирование у курсантов профессиональных представлений об основных видах стрелкового оружия, их конструкции, тактико-технических характеристиках, основах взаимодействия деталей и механизмов оружия, деталях, образующих следы на пулях и гильзах. В ходе занятий предусматривается выполнение обучаемыми значительного количества контрольных работ, что вызвано необходимостью контроля качества усвоения изучаемых систем, моделей и образцов оружия. При этом реализация дидактических задач дисциплины определяет очередность рассматриваемых систем, моделей и образцов оружия: сначала курсанты изучают простые по конструкции образцы (одноствольные гладкоствольные охотничьи ружья и др.), затем более сложные (от неавтоматической 5,6 мм спортивной винтовки модели ТОЗ-8 до автоматических образцов стрелкового оружия с комбинированным режимом стрельбы – автоматов Калашникова кал. 7,62 мм и 5,45 мм).

Отдельными темами предусмотрено изучение конструкции и методик экспертного исследования патронов, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового ствольного, а также пневматического оружия.

Полученные знания в области материальной части оружия и патронов служат базой для изучения курсантами других тем и вопросов дисциплины – механизма образования следов на пулях, гильзах и поврежденных при выстреле преградах, методик экспертного диагностирования природы, состояния, свойств и отношений оружия, патронов и следов их действия.

Следует сказать, что содержание криминалистической экспертной диагностики, определяемое деятельностью по распознаванию, различению и определению природы, состояний, свойств и отношений объектов, связанных с событием расследуемого преступления, требует использования в ходе экспертных исследований

широкого спектра технико-криминалистических средств и методов.

Так, экспертное диагностирование природы оружия и патронов проводится посредством анализа их конструкции, изучения маркировочных обозначений, сравнения полученных данных со справочными материалами. При этом следует особо выделить тот факт, что наличие и качество такой справочной информации в немалой степени определяет успех, а иногда и саму возможность диагностирования природы оружия и патронов.

С учетом этой особенности образовательный процесс при подготовке экспертов-баллистов в максимальной степени должен быть насыщен профильными образовательными информационными ресурсами, содержащими справочную информацию о конструктивных, тактико-технических и судебно-баллистических характеристиках оружия, патронов, следах их действия.

Вопросы диагностирования состояния оружия и патронов рассматриваются в рамках таких тем, как «Криминалистическое исследование патронов огнестрельного оружия», «Определение состояния огнестрельного оружия». Здесь предусматривается изучение экспертных методик определения исправности оружия и патронов, пригодности их для стрельбы, определения возможности производства из оружия выстрела без нажатия на спусковой крючок.

Как отдельные вопросы экспертные методики диагностирования свойств оружия и патронов изучаются курсантами при изучении тем «Материальная часть стрелкового огнестрельного оружия», «Криминалистическое исследование патронов стрелкового огнестрельного оружия», «Криминалистическое исследование самодельного огнестрельного оружия», «Криминалистическое исследование газового и пневматического оружия», «Следы выстрела и установление обстоятельств применения огнестрельного оружия», «Предварительные судебно-баллистические исследования на месте происшествия» (к вопросам, ориентированным на использование при экспертном исследовании отдельных свойств оружия и патронов, нами отнесены возможность ведения из оружия прицельной стрельбы, дальность поражающего действия выстреленного из оружия снаряда и др.).

И, наконец, методики определения отношений оружия, патронов и следов их действия, позволяющие решать вопросы установления направления и расстояния (дистанции) выстрела, количества и очередности выстрелов, выяснения событийной стороны расследуемого преступления – определения действий его

участников в момент выстрела, возможности совершения ими определенных действий, рассматриваются при изучении тем «Следы выстрела и установление обстоятельств применения огнестрельного оружия», «Предварительные судебно-баллистические исследования на месте происшествия». Решение задач здесь основано, главным образом, на информации, получаемой экспертом при анализе следов выстрела.

Также не лишним будет подчеркнуть, что диагностические вопросы имеют место и при изучении курсантами тем, связанных с отождествлением оружия по следам на пулях (снарядах) и гильзах. Например, в процессе отождествления оружия в соответствии с методикой [см., например: 2, с. 82–91] сначала определяют, частью какого патрона является пуля или гильза, устанавливается перечень оружия, где этот патрон может быть использован для стрельбы, по следам на пулях и гильзах решают вопрос о системе, образце и модели оружия, в которой они были стреляны. Все это, по сути, не что иное, как определение природы объекта.

При отождествлении оружия группой вопросов диагностического характера охватывается и определение состояния ствола стрелкового огнестрельного оружия – степень износа его канала ствола. В контексте экспертной оценки морфологии следов, отражающих износ, определенное звучание имеет проблема дифференциальной диагностики следов износа, например, от следов канала ствола оружия с полигональными нарезами. В отдельных случаях здесь имеет место определенный момент внешнего сходства следовой картины.

Говоря о свойствах объектов диагностического экспертного исследования, принимаемых во внимание экспертом-баллистом при отождествлении стрелкового оружия по пулям и гильзам, следует упомянуть и вопросы диагностирования фактов производства выстрела из оружия несоответствующего калибра (меньшего либо большего), из самодельного оружия, из оружия, укомплектованного устройствами подавления звука выстрела (глушителями).

Таким образом, научный и методический ресурс криминалистической экспертной диагностики широко задействован при изучении дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза». Однако, несмотря на такое «доминирование» диагностической тематики в судебной баллистике и ее практической составляющей – судебно-баллистической экспертизе, в настоящее время какого-то определенного структурного обособления диагностических разделов в дисциплине «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза» нет.

В связи с этим возникает вопрос: целесообразно ли такое построение дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза», при котором изучение вопросов диагностических экспертных исследований оружия, патронов и следов их действия осуществлялось бы в рамках отдельно выделенного раздела «Диагностические судебно-баллистические исследования». Как представляется, пока особой необходимости в этом нет. И здесь хотелось бы пояснить высказанную позицию.

Прежде всего, следует вспомнить, что судебная баллистика, как и большинство разделов криминалистической техники, формировалась по объектовому признаку, т.е. роль оснований при выделении определенных направлений в рамках теории судебной баллистики, а также ее практической составляющей – судебно-баллистической экспертизы сыграли ее объекты – оружие, патроны, следы их действия. Соответственно, построение структуры в теории судебной баллистики отражает, главным образом, систему знаний об объекте исследования, а также методиках его экспертного исследования.

Далее, в судебной баллистике по признаку метода все же выделены отдельные разделы, но при этом они как бы выпадают из единой концепции. Речь идет о вопросах отождествления оружия по следам на выстреленных пулях (снарядах) и стреляных гильзах. Соответственно, как ранние [см., например: 3], так и современные учебники по судебной баллистике [см., например: 4], а также методические материалы

дисциплины (тематические планы, примерные и рабочие программы учебной дисциплины и др.) отражают именно эту особенность. Вместе с тем, еще раз подчеркивая, что большая часть вопросов, не относящихся к отождествлению, по сути, охвачена тематикой криминалистического экспертного диагностирования, дополнительно обособлять все остальное содержание науки судебной баллистики, а также одноименной учебной дисциплины в единый раздел не имеет большого смысла.

Данное видение структуры учебной дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза» подчеркивает взаимосвязь и единство всех разделов судебной баллистики, что важно в контексте стратегии развития судебной баллистики как сферы научных знаний, судебно-баллистической экспертизы как практической деятельности, а также учебной дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза».

Судебно-баллистическую же диагностику в системе учебной дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза» следует рассматривать как один из основных компонентов методологии научного и практического познания оружия, патронов и следов их действия как объектов судебно-баллистической экспертизы, элементов дидактики построения образовательного процесса по подготовке экспертов-баллистов, ориентированного, прежде всего, на потребности современной экспертной практики.

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2013).

2. Идентификация нарезного огнестрельного оружия по следам на стреляных гильзах // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю.М. Дильдина; общ. ред. В.В. Мартынова. М., 2010.

3. Аханов В.С. Криминалистическая экспертиза огнестрельного оружия и следов его применения: учеб. для вузов МВД СССР. Волгоград, 1979.

4. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учеб. Ч. 1 / под ред. В.А. Ручкина, И.А. Чулкова. Волгоград, 2004.

1. On education in the Russian Federation: fed. law of Dec. 29, 2012 № 273-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 30.09.2013).

2. Identification of rifled firearms in the footsteps on the spent cartridges // Typical research methods of expert evidence. Pt. 1 / ed. by Yu.M. Dildin; gen. ed. by V.V. Martynov. Moscow, 2010.

3. Akhanov V.S. Forensic examination of firearms and traces of its application: textbook for high schools of the Ministry of the Interior of the USSR. Volgograd, 1979.

4. Forensic examination of weapons and traces of its application: textbook. Pt. 1 / ed. by V.A. Ruchkin, I.A. Chulkov. Volgograd, 2004.

Сорокожердьев Василий Васильевич

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг» Краснодарского филиала
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(e-mail: sorich@mail.ru)

Константиниди Христофор Александрович

кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг» Краснодарского филиала
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(e-mail: kx81@mail.ru)

Зинченко Наталья Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг» Краснодарского филиала
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(e-mail: zin4encko.natasha@yandex.ru)

*Экономико-правовые аспекты реализации
стратегии модернизации России:
реальные императивы динамического
социально-экономического развития*

В статье представлены основные положения докладов, заслушанных в ходе пленарного заседания Международной научно-практической конференции «Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: реальные императивы динамического социально-экономического развития», в рамках которой рассматривались актуальные экономико-правовые аспекты формирования и реализации стратегии модернизации России.

Ключевые слова: модернизация, экономическое развитие, правовые отношения, инвестиции, экономическая политика, институты, глобализация, интеграция.

V.V. Sorokozherdiev, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair «Management and Marketing» of the Krasnodar branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: sorich@mail.ru;

Ch.A. Konstantinidy, Master of Economics, Head of a Chair «Management and Marketing» of the Krasnodar branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: kx81@mail.ru;

N.V. Zinchenko, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair «Management and Marketing» of the Krasnodar branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: zin4encko.natasha@yandex.ru

Economic and legal aspects of the implementation strategy for the modernization of Russia: real imperatives of dynamic of social and economic development

The article presents basic provisions of the reports read during plenary session of the International scientific and practical conference «Economic and legal aspects of the implementation strategy for the modernization of Russia: real imperatives of dynamic of social and economic development» within which actual economic and legal aspects of formation and realization of strategy of modernization of Russia were considered.

Key words: modernization, economic development, legal relations, investment, economic policy, institutions, globalization, integration.

Актуальные проблемы реализации стратегии модернизации России в целях обеспечения динамического социально-экономического развития находились в центре внимания участников XXIX Международной

научно-практической конференции «Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: реальные императивы динамического социально-экономического развития», которая состоялась 1–5 октября 2014 г. в г. Сочи.

Главными организаторами данной конференции выступили Краснодарский региональный общественный благотворительный фонд «Научно-образовательные инициативы Кубани», Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Южный институт менеджмента (Краснодар).

Значительная поддержка в обеспечении научного уровня и представительности конференции, а также в организационном и научно-методическом обеспечении ее проведения была оказана со стороны Центрального экономико-математического института РАН, Финансового университета при Правительстве РФ, Международной политэкономической ассоциации, Краснодарской региональной просветительской общественной организации «Общество «Знание», Краснодарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

В работе конференции приняли участие представители экономической науки высшей школы из ряда авторитетных вузов России и Южного макрорегиона, а также правоведа, социологи и бизнесмены; международный уровень конференции подтвердили своим участием ученые из Канады. Общее количество участников составило более 100 человек, в том числе более 80 докторов и кандидатов наук.

В ходе работы конференции состоялось пленарное заседание, а также, помимо основной дискуссии по обсуждению докладов, заслушанных на пленарном заседании, прошли заседания секций и круглых столов.

Для молодых ученых, принимавших участие в конференции в рамках Первой Международной школы молодых ученых в области экономики и права на Юге России, мастер-классы провели ведущие ученые страны и Юга России, в том числе член-корреспондент РАН, заместитель директора ЦЭМИ РАН Г.Б. Клейнер, доктор экономических наук, руководитель департамента экономической теории, заведующий кафедрой «Макроэкономика» Финансового университета при Правительстве РФ, ординарный профессор ГУ-ВШЭ Р.М. Нуреев, доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета А.В. Бузгалин, кандидат экономических наук, доцент, начальник управления государственных программ администрации Краснодарского края Х.А. Константиноиди, профессор Южного федерального университета, заместитель главного редактора журнала «Тerra Economicus» В.В. Вольчик, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и международного частного права

ВолГУ А.О. Иншакова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса ВолГУ Н.И. Грачев. Интересное и содержательное выступление представил также доктор философии, профессор экономики экономического факультета Университета Нью Брансвик (Канада) Ю. Евдокимов.

Открыл пленарное заседание конференции докладом на тему «Системная микроэкономика как теоретическая база модернизации реального сектора экономики» член-корреспондент РАН, заместитель директора ЦЭМИ РАН Г.Б. Клейнер. Он остановился на следующих основных моментах:

системная экономика как теоретическая база модернизации предприятий реального сектора; системная экономика: предпосылки, цели, разделы;

системная микроэкономика, неоклассическая микроэкономика, институциональная и эволюционная микроэкономика;

предприятие как центральный объект микроэкономики;

системный анализ окружения предприятия: тетрада;

производственная функция тетрады.

В реальной экономике, имеющей в России весьма существенные специфические особенности, просматриваются определенные типы однородных систем на разных уровнях экономики – объекты, процессы, проекты, среды. Между ними возникают экономические отношения. В связи с этим основная задача – сформировать экономическую теорию, трактующую образование, функционирование, трансформацию и ликвидацию этих образований и явлений.

В качестве обобщающих выводов доклада были сформулированы следующие:

предприятие и его микроокружение следует рассматривать как системную тетраду, это позволяет в едином ключе рассматривать менеджмент, маркетинг, процессинг и event-менеджмент как процессы регулирования функционирования компонент тетрады;

системная микроэкономика – это экономика тетрад, рассматриваемых в рамках СЗХ предприятия;

эффективность деятельности предприятия следует рассматривать в контексте эффективности функционирования его микроокружения (тетрады);

развитие системной микроэкономики может решить проблему неполноты и фрагментарности неоклассической микроэкономической теории, связать теорию фирмы с теориями управления цепочками поставок, маркетингом взаимоотношений, проектным анализом.

В докладе на тему «Современные тенденции развития национальной экономики России» доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента экономической теории, заведующий кафедрой «Макроэкономика» Финансового университета при Правительстве РФ, ординарный профессор ГУ-ВШЭ Р.М. Нуреев проанализировал теоретические и практические аспекты развития национальной экономики России.

К настоящему времени, с позиции докладчика, выделился ряд основных направлений экономической теории, включая консервативное, классическое либеральное, современное либеральное и радикальное. Каждое из них имеет свою предысторию, а также некоторые перспективы развития в новой складывающейся конфигурации экономики.

Характеризуя возможности становления национальной экономики в условиях современной России на микро-, мезо- и макроуровне, автор доклада указывает на важность проведения институциональных изменений государства в постсоветской России. В качестве наиболее важных и необходимых направлений в данной деятельности выделяются следующие:

- отношения с обществом;
- деятельность по защите прав собственности;
- производительная деятельность;
- распределительная деятельность;
- инновационная деятельность;
- стабильность политической власти.

Доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета А.В. Бузгалин, сделавший доклад на тему «Геополитические факторы российской модернизации», акцентировал внимание на специфике, содержании и основных формах встраивания России в трансформирующуюся глобальную систему. При этом глобализация остается доминирующим контекстом: российский сельхозпроизводитель пашет землю американским трактором, сеет голландские семена, собирает урожай при помощи таджиков и продает его ТНК для реализации в мегаполисе. В то же время имперский проект (образец – США как «империя доверия») находится в кризисе и вызывает всеобщее отторжение. В связи с этим будущее России – не другая (полупериферийная) империя, а иной мировой проект.

Проводимые в настоящее время санкции в адрес нашей страны, с одной стороны, не пользуются действительной поддержкой западного общества, с другой стороны, выступают как стимул позитивных перемен. На взгляд автора доклада, необходимо обновление системы отношений и институтов в сферах: координации

(планирования), собственности, распределения и перераспределения дохода, целей и параметров воспроизводства (развитие, а не рост).

Доклад кандидата экономических наук, заведующего кафедрой «Менеджмент и маркетинг» Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ Х.А. Константиныди был посвящен программно-целевым методам управления и бюджетного планирования. Одной из приоритетных задач экономической политики Российской Федерации на современном этапе развития является повышение эффективности использования бюджетных ресурсов любого уровня. В настоящее время одним из ключевых способов системного решения экономических и социальных проблем региона, обеспечивающим рациональное использование бюджетных средств и получение конкретных результатов от их вложения, является реализация на территории Краснодарского края государственных программ.

В соответствии с утвержденным перечнем приняты 26 государственных программ Краснодарского края путем преобразования долгосрочных и ведомственных целевых программ в государственные программы или их подпрограммы. Такой порядок их формирования был связан с ограниченными сроками перехода на государственные программы и формированием программного формата краевого бюджета на 2014 г. и плановый период 2015 и 2016 гг.

В настоящее время практика формирования и реализации государственной политики органами власти показывает, что применение программно-целевого метода имеет ряд преимуществ по отношению к сметному планированию:

- комплексность решения проблемы, достижения цели и задач;
- концентрация временных, финансовых и человеческих ресурсов;
- ориентация на конечный результат;
- оптимизация бюджетных расходов, повышение эффективности распределения и использования бюджетных средств;
- усиление и разграничение ответственности за реализацию программы между участниками бюджетного процесса;
- оптимизация соотношения имеющихся финансовых ресурсов с комплексом мероприятий программы.

При этом следует отметить и ряд возможных недостатков и рисков, которые могут возникнуть при применении данного метода:

- риск недостаточного ресурсного обеспечения мероприятий программы;

недостатки в работе исполнителей при реализации мероприятий программы;
недостаточная оперативность;
нечеткое, размытое целеполагание.

Однако эти негативные моменты могут быть скорректированы в процессе подготовки и реализации программы.

Доклад доктора экономических наук, профессора, заведующего Лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.И. Колганова был посвящен проблематике объективных ограничений выбора стратегии модернизации российской экономики.

Значительные сложности возникают в связи с необходимостью реализации различных альтернативных направлений модернизации. Так, концепция реиндустриализации предполагает, что сначала нужно восстановить эффективную промышленную основу экономики, сделать ее способной к массовому производству высокотехнологичных изделий мирового уровня. Концепция институционального совершенствования предполагает формирование новых условий и возможностей для субъектов хозяйственного развития, что предопределяет прохождение через глубочайшие социальные потрясения. Концепция опережающего развития основана на новом понимании основных ресурсов развития и на концентрации этих ресурсов для формирования самостоятельного научно-технологического ядра экономики. В целом главным фактором здесь является ставка на развитие человеческого потенциала. Основные социальные ограничения стратегии модернизации связаны со снижением престижа труда вообще и квалифицированного, творческого труда – в особенности. Это относится как к недостаточному уровню оплаты труда, так и к его неоправданной дифференциации.

Проанализировав различные проблемы, наличие которых препятствует реальной модернизации российской экономики, автор доклада делает вывод о том, что именно социально-экономическая модель выступает, по существу, главным препятствием на пути модернизации, создавая экономические, институциональные и социальные барьеры на пути осуществления любой из рассмотренных концепций стратегии модернизации.

В докладе доктора философии, профессора экономики экономического факультета Университета Нью Брансвик (Канада) Ю. Евдокимова приоритетное внимание было уделено воздействию на развитие экономики геополитической ситуации, которая в мире кардинально изме-

нилась, что незамедлительно сказалось на всех макроэкономических прогнозах развития мировой экономики. Автор также попытался спроектировать эту ситуацию на экономику России в целом.

Общие выводы из анализа сложившейся ситуации могут состоять в том, что введенные западом экономические санкции в ближайшей перспективе не приведут к краху российской экономики: запас прочности у российской экономики есть. Однако если Россия выберет путь изоляции от мировой экономики, то это решение может привести к серии негативных последствий в средне- и долгосрочной перспективе. Запас прочности российской экономики достаточен для предотвращения экономического коллапса, однако он недостаточен, чтобы, опираясь только на свои ресурсы, конкурировать с развитыми экономиками. Дальнейшее усиление ручного госуправления экономикой только ускорит и расширит существующий разрыв между российской экономикой и экономикой развитых стран.

Доктор экономических наук, профессор филиала ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске С.С. Слепаков посвятил свой доклад наиболее актуальным аспектам современного осмысления движущих сил, управляющих социально-экономическим развитием современной России с позиций их экзо- и эндогенной природы.

В результате проведенного анализа, представленного в докладе, делается вывод о том, что прогрессивные модернизационные цели реиндустриализации, импортозамещения, реформирования институциональной системы, реализации национальных проектов и пр., при всей своей несомненной высокой значимости, должны выступать в роли составляющих генеральной, национальной идеи – реализации национально-государственного интереса: регенерации экономического и социального развития России, возрождения современного, сильного, процветающего, цивилизованного государства, призванного служить российскому сообществу.

Доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета В.В. Вольчик представил доклад на тему «Институты и экономическое развитие в контексте культуры и социального капитала», в котором акцентировал внимание на проблематике объяснения институциональных изменений с использованием концептов неявного знания, социального капитала и культуры, что позволяет расширить объяснительные возможности процесса эволюции институциональной системы общества с учетом современных тенденций развития

экономической теории и экономической социологии. Также сформулирован вывод о том, что необходима идентификация институтов для целей разработки мер экономической политики.

Рассматривая проблемы реформирования существующей экономической политики, автор доклада считает важнейшей стороной государственного регулирования создание и изменение институтов, учитывая при этом их спонтанный характер. Спонтанность формирования институтов не означает, что мы не можем влиять на процесс их эволюции. Более того, государственная экономическая политика, меняя правила игры, неизбежно отражается как на процессе формирования неявного знания, так и на процессе формирования и изменения институтов. Экономическая наука должна способствовать процессу идентификации существующих институтов.

В докладе на тему «Опорные структуры пространственного развития России» доктор экономических наук, доцент, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Москва) С.В. Макар остановилась на проблематике пространственного развития России, которое

способно стать важной составной частью кардинальной ее модернизации.

По мнению автора доклада, для России, как пространственно зависимой страны, вопросы пространственного развития имеют принципиальное значение. Особый акцент в докладе С.В. Макара сделан на анализ экономических и организационных особенностей пространственных структур агломерационного типа (городские агломерации, отраслевые районы, экономические кластеры, креативные регионы) как опорных элементов реализации общей стратегии модернизации, отмечено их место в пространственном развитии России в контексте задачи реиндустриализации страны и парадигмы постиндустриального развития.

По итогам конференции организована подготовка к опубликованию сборника статей по основным направлениям работы конференции, где размещены материалы, представленные ее участниками. Для подтверждения практической апробации представленных на конференции результатов научных исследований ее участникам были выданы соответствующие свидетельства.

Сорокожердьев Василий Васильевич

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг» Краснодарского филиала
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(e-mail: sorich@mail.ru)

Попова Алла Семеновна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг» Краснодарского филиала
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(e-mail: 23zahar@mail.ru)

Спирина Стелла Георгиевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг» Краснодарского филиала
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(e-mail: Stella_spirina@mail.ru)

*Экономико-правовые аспекты реализации
стратегии модернизации России
и сопредельных государств
на постсоветском пространстве*

В статье представлены основные положения докладов, заслушанных в ходе пленарного заседания Международной научно-практической конференции «Поиск модели эффективного развития: экономико-правовые аспекты социоэкономической модернизации на постсоветском пространстве», в рамках которой рассматривались актуальные экономико-правовые аспекты формирования и реализации стратегии модернизации России при участии сопредельных государств на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: модернизация, экономическое развитие, правовые отношения, постсоветское пространство, таможенный союз, экономическая политика, институты, регионализация, интеграция.

V.V. Sorokozherdiev, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair «Management and Marketing» of the Krasnodar branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: sorich@mail.ru;

A.S. Popova, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair «Management and Marketing» of the Krasnodar branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: 23zahar@mail.ru;

S.G. Spirina, Master of Law, Assistant Professor of a Chair «Management and Marketing» of the Krasnodar branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: Stella_spirina@mail.ru

Economic and legal aspects of the implementation strategy for the modernization of Russia and neighboring countries in the post-Soviet space

The article presents basic provisions of the reports read during plenary session of the International scientific and practical conference «Search of model of effective development: economic and legal aspects of social and economic modernization in the post-Soviet space» within which actual economic and legal aspects of formation and realization of strategy of modernization of Russia with the participation of neighboring countries in the post-Soviet space were considered.

Key words: modernization, economic development, legal relations, post-Soviet space, customs union, economic policy, institutions, regionalization, integration.

Широкий спектр экономико-правовых возможностей и механизмов социоэкономической модернизации на постсоветском пространстве был рассмотрен на Международной научно-практической конференции «Поиск модели эффективного

развития: экономико-правовые аспекты социально-хозяйственной модернизации на постсоветском пространстве», которая состоялась 2–9 ноября 2014 г. в г. Ереване (Армения). Основными организаторами данной конференции выступили Финансовый университет при Правительстве РФ и Краснодарский региональный общественный благотворительный фонд «Научно-образовательные инициативы Кубани».

Важное значение в обеспечении научного уровня и представительности конференции имело содействие со стороны Центрального экономико-математического института РАН, Финансового университета при Правительстве РФ, Международной политэкономической ассоциации, Краснодарской региональной просветительской общественной организации «Общество «Знание», Краснодарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Обеспечение международного статуса конференции осуществлялось при поддержке ряда ведущих вузов и научных учреждений Армении, включая Ереванский государственный университет, Армянское отделение Института стран СНГ, Национальный аграрный университет Армении, Российско-армянский (славянский) университет.

В работе конференции в соответствии с ее тематикой и направленностью приняли участие представители экономической науки высшей школы из ряда авторитетных вузов России и Южного макрорегиона, а также правоведы, социологи и бизнесмены. Общее количество участников составило 50 человек, в том числе более 40 докторов и кандидатов наук.

В ходе работы конференции состоялось пленарное заседание, а также, помимо основной дискуссии по обсуждению докладов, заслушанных на пленарном заседании, прошли заседания круглых столов. Также состоялись творческие встречи участников конференции с профессорско-преподавательским составом и студентами Ереванского государственного университета, Национального аграрного университета Армении, Армянского государственного экономического университета.

Открыла основное пленарное заседание конференции докладом на тему «Агробизнес России в условиях ВТО: ожидания и реальность» доктор социологических наук, профессор Высшей школы экономики С.Ю. Барсукова. В докладе были изложены результаты исследования, основу которого составили полуструктурированные интервью с руководителями аграрных ассоциаций и топ-менеджерами крупных агрохолдингов, поскольку именно они владеют

информацией о динамике состояния отраслей. Также систематизированы стратегии бизнеса накануне вступления в ВТО и в ходе адаптации к новым условиям, выявлены основные трудности адаптационного процесса.

На основе представленного в докладе анализа сделан вывод о том, что членство России в ВТО не стало для российского аграрного бизнеса катастрофой, как предвещалось наиболее активными противниками присоединения к этой организации. Однако тот позитив, который рекламировали сторонники ВТО (приток иностранных инвестиций, снижение цен на продовольствие, выход российских производителей на мировые рынки и пр.), также не реализовался. Растет решимость бизнеса освоить правила ВТО для продвижения своих интересов. Низкая компетенция и квалификация чиновников оказались основными недооцененными рисками вступления в ВТО.

В своем докладе на тему «Особенности и тенденции развития сельского хозяйства Республики Армения» доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Национального аграрного университета Армении Э.С. Казарян отметил, что, несмотря на некоторые национальные особенности экономических реформ, для стран, находящихся в процессе перехода к рыночной экономике, типичны общие экономические условия, которые, в первую очередь, относятся к экономике, ценам, либерализации внутренней и внешней торговли, приватизации и ограничению роли государства.

Основными проблемами при проведении сельскохозяйственных реформ, согласно различным исследованиям, являются:

структурное изменение отрасли, приватизация земли и материально-технических средств, перестройка субъектов производства сельского хозяйства;

формирование новой рыночной и производственной инфраструктуры, приватизация отраслей аграрного комплекса и либерализация экономики;

формирование экономической (в том числе аграрной) политики в соответствии с проведенными реформами.

В период перехода к рыночным экономическим отношениям, в связи с обеспечением населения республики необходимыми сельскохозяйственными продуктами, снабжением ресурсов, реализацией продукции, блокадой путей сообщения и других проблем, значительно изменились как сельскохозяйственные отраслевые, так и внутриотраслевые структуры

растениеводства и скотоводства. По средним данным 2008–2013 гг., отраслевые структуры сельского хозяйства определяются следующим образом: растениеводство – 61,3%, скотоводство – 38,7%, тогда как в 1990 г. – 49,4% и 50,6% соответственно.

Проблемы в сфере растениеводства и скотоводства частично обусловлены существующим пока несовершенством управления сельским хозяйством, что требует незамедлительного и приоритетного решения.

Совместный доклад доктора экономических наук, профессора, заведующего отделом, главного научного сотрудника Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ В.Н. Овчинникова и доктора экономических наук, заведующий кафедрой маркетинга и коммуникаций в бизнесе ЮФУ Н.П. Кетовой был посвящен анализу основных тенденций развития социально-экономического комплекса Юга России. С их точки зрения, Юг России обладает рядом специфических особенностей социально-экономического развития, предопределяемых межтерриториальными различиями входящих в него регионов, спецификой расселения населения, формами хозяйствования, наличием относительно масштабного теневого сегмента в экономике, высокой долей этноэкономического уклада и др.

В докладе рассмотрено действие основных инновационных драйверов хозяйственного развития, к которым отнесены, в частности, эксплуатация объектов Олимпиады-2014 в Сочи, создание и соответствующая информационная, программная, кадровая и иная загрузка технико-индустриальных парков, реализация «знаковых» для Юга России крупных строительных и управленческих проектов, достраивание и укрепление значимых для Юга России кластеров: АПК, туристско-рекреационного, машиностроительного, текстильного, транспортного и др. Их комплексное применение в социально-экономическом комплексе Юга России для серьезных преобразований требует новых институциональных инструментов привлечения инвесторов, организации управления на всех уровнях, обеспечения мотивации в производстве инновационной продукции, трансфере инноваций.

Проблематика интеграционного взаимодействия между Арменией и Россией находилась в центре внимания доктора политических наук, директора Информационно-аналитического центра «Восканат» (Ереван) Л.Г. Мелик-Шахназаряна, сделавшего доклад на тему «ЕврАзЭС как этап восстановления полити-

ческого и экономического влияния России на постсоветском пространстве». На взгляд автора доклада, Армения, несмотря на относительно небольшие размеры ее территории и экономики, играет весьма важную роль в устройстве новой конфигурации отношений на Кавказе и является надежным союзником России. В то же время, несмотря на ряд позитивных изменений во взаимоотношениях между двумя странами, включая присоединение Армении к ЕврАзЭС, продолжают сохраняться негативные тенденции в осуществлении экономико-политического сотрудничества. В частности, Россия продолжает отказываться признавать присоединение Нагорного Карабаха, способствует установлению монополюс высоких цен на российский газ; по существу, создает препятствия для инвестирования в реальный сектор экономики Армении. Очевидно, необходима политическая воля обеих сторон для решения данных проблем.

В своем докладе на тему «Стратегии социально-хозяйственного развития и взаимодействия стран на постсоветском пространстве: реальные приоритеты, препятствия, противоречия» кандидат экономических наук, президент КРОБФ «Научно-образовательные инициативы Кубани» В.В. Сорокожердьев остановился на проблематике системного реформирования и взаимодействия государств на постсоветском пространстве. При этом процесс интеграции необходимо рассматривать шире, чем сам Евразийский экономический союз, который продолжает расширяться и с начала 2014 г. будет также включать Республику Армения.

В условиях применяемых западными странами санкций нет альтернативы проведению модернизации национальных экономик и углублению их интеграции. За это время создан Таможенный союз, практически завершается формирование единого экономического пространства. Но, тем не менее, пока еще не в полной мере реализован потенциал экономической интеграции.

Необходимо формирование общей стратегии развития не только в смысле договорно-правовой базы и стимулирования взаимной торговли, но и в отношении реализации общих приоритетов развития промышленности, сельского хозяйства, создания совместных высокотехнологичных производств. Именно в этом – главный плюс экономической интеграции.

Доклад кандидата экономических наук, доцента, заведующего кафедрой политической экономии Дагестанского государственного университета Н.С. Аскерова на тему «Неформальный механизм регулирования общественных от-

ношений на Северном Кавказе» был посвящен анализу депрессивных и кризисных территорий.

По мнению автора доклада, к депрессивным регионам следует относить территории, которые в прошлом были развитыми, но в настоящее время отличаются более низкими показателями социально-экономического развития, чем в среднем по стране.

В качестве главного автор делает вывод о том, что система экономических отношений рассматриваемой территории нуждается в проведении тщательных исследований сообществом экономистов, маркетологов, правоведов, философов, историков, этнологов и представителей других наук; результатом данного взаимодействия должны стать: 1) диагностика политических, правовых, нравственных, религиозных, этнических, иных проблем и 2) разработка систематизированной государственной программы вывода территории из состояния кризиса.

Кандидат юридических наук, доцент РАНХ и ГС Ростовского института – филиала при Президенте РФ С.Е. Хейгетова посвятила свой доклад рассмотрению актуальных законодательных аспектов развития транспортного комплекса России. На взгляд автора, наиболее важной

и реально достижимой на практике задачей оптимизации транспортного законодательства в настоящее время является устранение коллизий между нормами транспортных уставов и кодексов, различных федеральных законов в сфере транспорта и нормами гражданского законодательства. Следует сделать акцент на дальнейшем совершенствовании различных аспектов правовой регламентации перевозочной деятельности на каждом виде транспорта в отдельности с учетом специфики деятельности, а не на механическом укрупнении правового регулирования общественных отношений по перевозке. Также необходимо установление четкого разграничения нормотворческой компетенции между Российской Федерацией, ее субъектами и местным самоуправлением в регулировании перевозок пассажиров.

По итогам конференции организована подготовка к опубликованию сборника статей по основным направлениям работы конференции, где размещены материалы, представленные ее участниками. Для подтверждения практической апробации представленных на конференции результатов научных исследований ее участникам были выданы соответствующие свидетельства.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 12.02.2015
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 40,7
Тираж 1050 экз. Заказ 206
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249